

Марзулан тагылымы - 2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. МАРГУЛАНА В Г. АСТАНА
АКАДЕМИЯ «КОКШЕ»

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2012

МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Астана
2012

УДК 902/904
ББК 63.4
М 25

Редактор: Зайберт В.Ф.
Заместитель редактора: Байтлеу Д.
Ответственный секретарь: Хасенова Б.

М 25 Маргулановские чтения-2012: Материалы ежегодной научно-практической конференции. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. – 292 с.

ISBN 9965-721-87-4

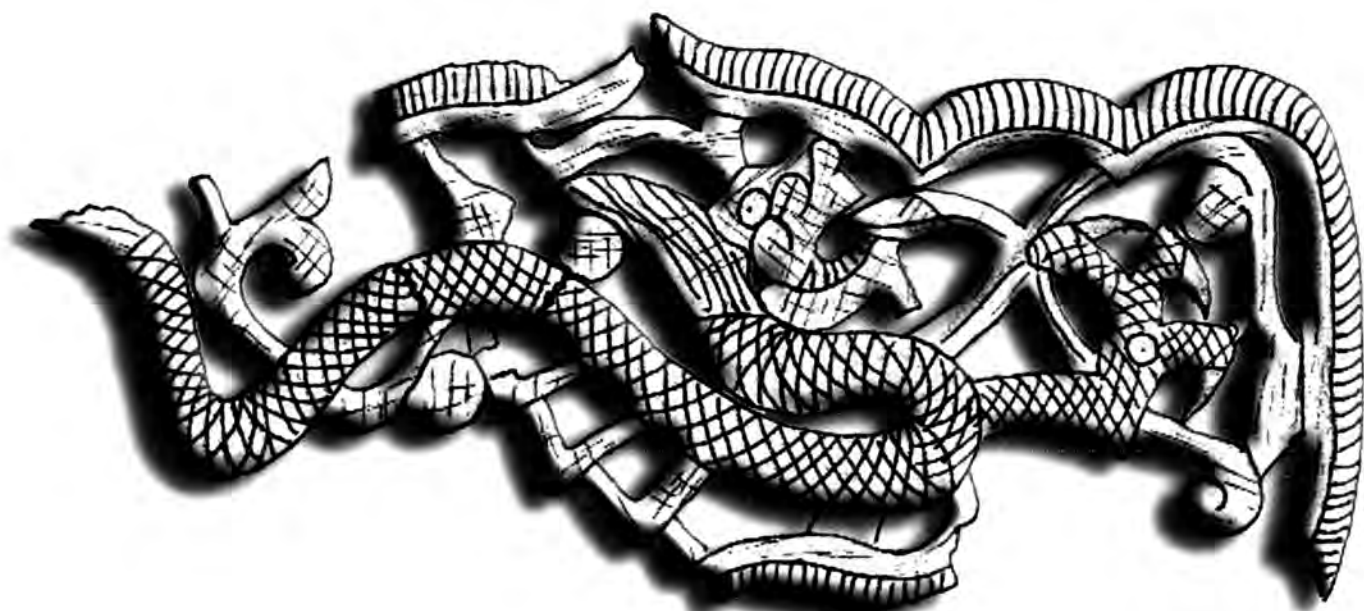
В сборнике опубликованы материалы докладов и статьи ученых стран СНГ, посвященные изучению памятников археологии Казахстана и сопредельных с ним территорий, а также некоторых культурологических проблем. Рассматриваются вопросы историографии и актуальные проблемы изучения памятников археологии, подводятся определенные итоги исследований. Вводятся в научный оборот новые материалы по каменному веку, эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью.

Сборник предназначен археологам, историкам и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами древней истории.

УДК 902/904
ББК 63.4

На титульном листе фотография наскального рисунка из урочища Баганалы. Фото З. Самашев.

© Авторы, 2012
© Филиал Института археологии
им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012
© Академия «Кокше», 2012
© Самсонова Е.И. – дизайн и верстка, 2012

Боталов С.Г.	
Погребальный комплекс Уелги и новые аспекты в проблеме Урало-Казахстанской Правенгрии	142
Кожа М.Б.	
Могила Абылая в Ханаке Ходжа Ахмеда Ясави: опыт археолого-антропологического изучения погребения казахского хана	148
Серегин Н.Н.	
Раннесредневековые «подбойные» погребения в Саяно-Алтае и Центральной Азии: основные аспекты изучения	158
Толегенов Е.Т., Бесетаев Б.Б.	
К изучению обряда погребения с конем у древних тюрок (по материалам Казахского Алтая)	166
Шохатаев О.С.	
Орталық Қазақстан Ұлытау және Жанаарқа аудандарының тас мүсіндері	170

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абдыканова А.К.	
Археологические исследования грота Семетей в 2011 г. (Нарынская область, Кыргызстан)	180
Жолдасбаев С.Ж., Нурханов Б.Ө., Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С., Арынов Қ.С.	
2011 жылы Ортағасырлық Сығанақ қаласында атқарылған археологиялық зерттеу жұмыстары	185
Кукушкин А.И.	
Основные характеристики археологических памятников Нуринского района Карагандинской области	190
Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Болелов С.Б.	
Раскопки 2011 г. на территории средневековой цитадели городища Чирик-Рабат: новые данные о ранней планировке	192
Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р., Дарменов Р.Т.	
Исследования на укрепленной усадьбе Инкар-Кала Чирикратского комплекса	196
Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М.	
Сарматские материалы с кургана Халвай 3	199
Мамедов А.М.	
Монументальные памятники Орь-Иргизского междуречья (предварительные результаты исследования)	202
Мерц В.К., Мерц И.В., Рахимжанова С.Ж.	
Разведочные работы на поселении Борлы 4	206
Мерц В. К., Тушева Е.К., Качановская М.Г.	
Работы на поселении Борлы	212
Нурмуханбетов Б.Н., Тулегенов Т.Ж., Рахметов А.	
Аварийно-спасательная деятельность заповедника-музея «Иссык» (итоги сезона 2011 г.)	220
Нұсқабай Ә.А.	
2011 жылы Жамбыл ауылы маңында жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесі	224
Самашев З., Парцингер Г., Наглер А., Кариев Е.М., Чотбаев А.Е., Наврот М., Боровка Р., Хойсснер А.	
Предварительные результаты исследований Казахстанско-Германской экспедиции в 2009 г.	226
Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т.	
Предварительный отчет о работе на могильнике Сенгир-Там в 2012 г.	240
Ткачев А.А.	
Саргатские погребения могильника Инекай	248
Шевнина И.В.	
Археологический комплекс Кульчукай 2	252

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	287
---------------------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	288
----------------------------------	-----

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники и гости Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения-2012»! Мы рады приветствовать вас в нашем уютном, родном городе Кокшетау.

Академия «Кокше» – первое частное высшее учебное заведение в регионе, оно создано мной в 1993 г. Это многопрофильный, региональный научно-образовательный, культурно-спортивный центр, реализующий программы непрерывного образования, генератор инноваций, имеющий устойчивую и постоянно развивающуюся материально-техническую и учебно-лабораторную базу, а также широкие академические связи с вузами зарубежья с учетом интеграции в мировое образовательное пространство на основе Болонского процесса.

В структуру академии входят: казахский общеобразовательный лицей, многопрофильный колледж, научный парк и НИИ по отраслям, центр тестирования и аудита знаний, научно-практический центр спортивной медицины, различные отделы (учебно-методический, системы менеджмента и качества, международных связей, послевузовского образования, аккредитации), учебно-издательский центр, телевизионная и анимационная студии, собственный телеканал «Жазира-TV», дизайн-студия «Бренд», современные библиотека и архив.

В академии созданы все условия, как материальные, так и методические, для занятия наших студентов научными исследованиями в области естественных и гуманитарных наук. Результаты исследований презентуются и публикуются в собственном учебно-издательском центре, периодическом вестнике академии, журнале «Открытое образование» и в других изданиях. Основной книжный фонд библиотеки составляет более 300 тысяч экземпляров на казахском, русском и английском языках. Поистине неограниченная информация заложена в собственной электронной библиотеке, состоящей из электронных учебников, лекций профессорско-преподавательского состава и справочных изданий. Имеется база данных «Закон» Республиканского центра правовой информации Министерства юстиции РК.

В академии функционирует автоматизированная информационная система «PLATONUS», образовательный портал, WEB-сайт www.koksheacad.kz, включающий в себя пакет учебно-методической документации, электронный каталог научной библиотеки и справочник-путеводитель.

Международное признание академии подтверждено многочисленными наградами: две золотые медали (Женева, Париж), Золотой сертификат «За продвижение глобального качества» (Париж), Международный приз (Лондон), Знак Почета (Москва) и др.

Уважаемые участники! Коллектив академии «Кокше» сделал все возможное, чтобы ваша работа на конференции проходила плодотворно и комфортно, а во время посещения уникального археологического памятника поселения Ботай вы ознакомитесь с красивой природой и уникальными творениями наших далеких предков.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Многообразие и богатство историко-культурного наследия является интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Вещественный блок историко-культурного наследия представляет собой материальную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Это погребальные курганы и могильники, остатки древних стоябищ и поселений, эффектные монументальные строения. Должным образом раскопанные и музеефицированные, они зримо несут в себе информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его материальную память.

Нашей задачей является сохранение и популяризация богатого исторического наследия нашего региона. С этой целью мы осуществляем обеспечение государственной охраны памятников истории и культуры, проводим работу по учету, охране, консервации, пропаганде и использованию памятников историко-культурного наследия.

Одним из направлений нашей деятельности является проведение охранно-спасательных работ на разрушающихся вследствие антропогенного и природного факторов памятниках археологии. За последние годы проведены работы на 30 памятниках археологии, в которых принимали участие студенты вузов, сузов и учащиеся школ, что позволяет подрастающему поколению воочию соприкоснуться с историей родного края. Раскопки проводились в уникальном историко-культурном заповеднике «Урочище Кошкарбай», на территории ГНПП «Кокшетау» и близ города Степногорска. Сохранено 15 памятников эпохи бронзы, 10 памятников периода РЖВ и 5 поселений и стоянок периода бронзы и неолита. Обнаружен ряд уникальных артефактов: бронзовые зеркала, бронзовые подвески, бронзовые наконечники стрел и копий, костяные проколки, керамические сосуды, бронзовые кресты и бронзовые ножи.

Все обнаруженные артефакты передаются в областной историко-краеведческий музей для пополнения экспозиций.

Урочище Кошкарбай расположено в живописном месте Зерендинского района Акмолинской области. В ландшафтном отношении урочище привязано к долине р. Чаглинки. Долина Чаглинки и ее правого притока – р. Кошкарбай между селами Карсак и Айдарлы являются уникальным природно-историческим регионом. Эта территория была заселена человеком уже в эпоху мезолита, т.е. около 10 тысяч лет назад. Обилие разнообразных и разновременных археологических памятников (от мезолита до средневековья) говорит о динамичном историческом прошлом населения, оставившего многочисленные временные стоянки, круглогодичные поселения, курганные и грунтовые могильники и одиночные погребальные сооружения.

Уникальность урочища Кошкарбай заключается в том, что на относительно коротком участке долины р. Чаглинки (около 20 км) сосредоточено более 100 объектов археологии – от каменного века до этнографической современности. Привлекательность урочища Кошкарбай для древнего человека состояла в том, что здесь на относительно коротком пространстве сложились благоприятные природно-экологические условия, выраженные в вертикальной зональности ландшафта. Относительно широкая долина р. Чаглинки и ее притоков зажата невысокими горными образованиями и всхолмленным водоразделом левого берега Чаглинки. Долина и особенно пойменные пространства уже в мезолите и неолите были насыщены богатой флорой и фауной. Здесь были условия для различных видов рыболовства, охоты и собирательства. Долина была закрыта от суровых ветров, разнообразная лесная растительность на сопках и вдоль них служила ресурсом для строительства жилищ, погребальных сооружений. Даже глобальные изменения климата в сторону континентальности в эпоху неолита не отразились отрицательно на демографическом факторе и привычном образе жизни.

Параллельно нами проводятся разведочные работы по выявлению новых и паспортизации имеющихся памятников археологии в районах области. Также при подготовке Государственного свода памятников проведено исследование всех районов Акмолинской области. В настоящее время на территории Акмолинской области выявлено и паспортизировано более тысячи памятников археологии. Особо хотелось бы выделить территорию близ села Карагайлы Ерейментауского района Акмолинской области. В данной местности в настоящее время создан Национальный природный парк «Бюра тау», в бугельной части которого обнаружены мемориально-храмовый комплекс тюркской цивилизации с каменными антропоморфными изваяниями и ряд памятников более ранних эпох.

Как вам всем известно, территория Акмолинской области является богатым регионом в плане туристического потенциала. В этой связи нами совместно с управлением туризма проводится работа по популяризации и пропаганде историко-культурного наследия региона путем включения наиболее значимых и уникальных мест на WEB-портал. Нами разработано около 10 пеших и автомобильных туристических маршрутов по памятникам истории и культуры, составлено несколько проектов по созданию ландшафтных музеев-заповедников под открытым небом, что в перспективе позволит туристам посетить не только уникальные природные достопримечательности, но и ознакомиться с богатым историческим наследием нашего региона.

Конечно, сделано немало, но впереди стоят еще более амбициозные и масштабные проекты, и хотелось бы остановиться на проблеме сохранения памятников истории и культуры.

Мы в своей работе руководствуемся непосредственно Законом «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия», принятым 2 июля 1992 г., с изменениями и дополнениями – 20 декабря 2004 г. и 21 июля 2007 г. Целями вышеуказанного закона являются:

1. Определение объектов историко-культурного наследия, их охрана и использование.
2. Закрепление статуса памятника истории и культуры за объектами историко-культурного наследия.
3. Регламентация прав и обязанностей физических и юридических лиц в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия.

4. Разграничение компетенции государственных органов в области охраны объектов историко-культурного наследия.

5. Установление мер ответственности за нанесение ущерба объектам историко-культурного наследия.

В пункте 3 статьи 3 вышеуказанного закона дается четкое определение памятникам археологии – это *стоянки, городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения и надписи, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов и иные места, имеющие следы жизни и деятельности древнего человека.*

В настоящее время на территории Республики Казахстан насчитывается около 30 тысяч объектов историко-культурного наследия. Из них около 11 тысяч включены в Государственный список памятников истории и культуры, два памятника включены в Список Всемирного Культурного и Природного Наследия ЮНЕСКО, которые в соответствии с законодательством подлежат обязательной защите и сохранению, обладают особым правовым режимом их использования.

Закон «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» в статье 4 подразделяет памятники истории и культуры на следующие виды:

1. Памятники градостроительства и архитектуры.
2. Памятники археологии.
3. Ансамбли.

В статье 5 определяется статус объектов историко-культурного наследия. Признание объектов историко-культурного наследия памятниками истории и культуры закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения, подлежащем обязательному официальному опубликованию. Памятники археологии приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления.

Также в соответствии со статьей 36 Закона «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» определяются границы охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объек-

тов историко-культурного наследия, утверждаемые местными представительными органами (маслихатами) областей (города республиканского значения, столицы) по представлению соответствующих местных исполнительных органов, и вносятся в историко-архитектурный опорный план и карту-схему соответствующей местности, на которых фиксируется расположение памятников истории и культуры и вновь выявленных объектов.

На основании данной статьи Правительством РК разработаны правила определения и режима использования охранных зон, зон регулирования застройки и зон охраняемого природного ландшафта объектов историко-культурного наследия, в соответствии с которыми памятники археологии должны быть окружены охранной зоной – 50 метров от границ памятников, при группе памятников – от границ крайних объектов, для памятников археологии, которым должна быть обеспечена обзорность, радиус охранной зоны должен быть равен 200–300 метров.

Охранная зона устанавливается для обеспечения сохранности объекта историко-культурного наследия и прилегающей к его территории исторически сложившейся среды, для создания условий, способствующих выявлению исторической, научной, художественной или иной культурной ценности объекта историко-культурного наследия.

На территории охранной зоны не должны производиться работы, которые могут оказать вредное воздействие на сохранность объекта историко-культурного наследия, на его историко-культурное восприятие.

Как известно, в настоящее время в нашей стране развернулся настоящий «строительный бум». Возводятся крупные объекты и жилые дома в Астане и в других городах. Для строительных и монтажных работ необходимы щебень и песок, в этой связи открываются и разрабатываются новые карьеры по добыче полезных ископаемых. Зачастую на местах предполагаемых карьеров располагаются памятники археологии.

В соответствии со статьей 127 Земельного кодекса РК и статьи 39 Закона «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» при освоении территорий до отвода земельных участков должны производиться исследовательские работы по выявлению объектов историко-культурного наследия. В случае

обнаружения объектов, имеющих историческую, научную, художественную и иную культурную ценность, физические и юридические лица обязаны приостановить дальнейшее ведение работ и сообщить об этом уполномоченному органу.

Запрещается проведение работ, которые могут создавать угрозу существованию объектов историко-культурного наследия.

Нами налажена работа с Управлением земельных отношений Акмолинской области, все физические и юридические лица до отвода земельного участка проходят согласование с нами. Благодаря данной работе нам удалось спасти от неминуемого разрушения около 20 памятников археологии на территории области.

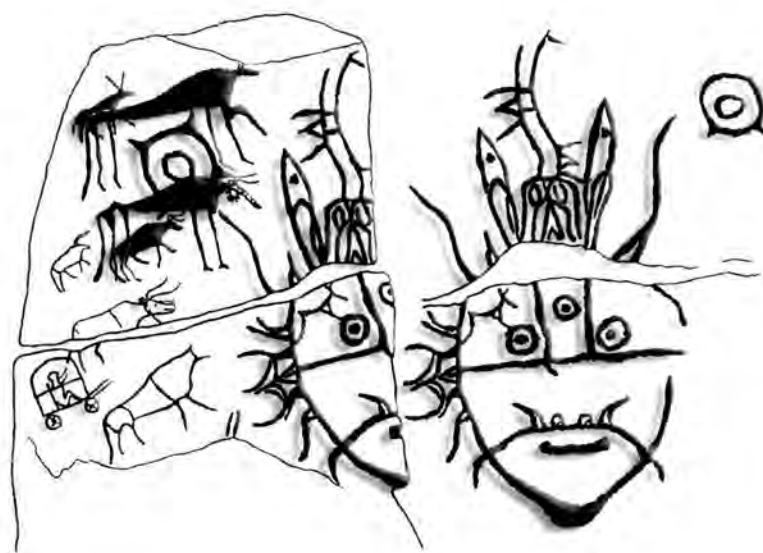
В то же время наряду с описанными выше положительными моментами существует еще и ряд проблем в сфере сохранения памятников археологии.

Так, например, детально не разработаны подзаконные нормативно-правовые акты относительно статуса памятников археологии. Не выделяется в полной мере финансирование мероприятий по проведению комплекса мер по защите и консервации памятников археологии. Не предусмотрена мера ответственности местных исполнительных органов за сохранность памятников археологии. Отсутствие на местах специалистов в области археологии.

Считаем, что необходимо дальнейшее совершенствование законотворческой деятельности в вопросе сохранения и статуса памятников археологии. Нужны такие подзаконные нормативно-правовые акты, в которых были бы более четко и конкретно прописаны вышеперечисленные проблемные вопросы.

Тем не менее, несмотря на некоторые проблемы законодательного характера, достигнутые за последние годы результаты в сфере сохранения культурного наследия позволяют по-новому взглянуть на природно-историческую среду и культурный потенциал страны в целом и региона в частности. Поэтому все же надеемся, что в ближайшем будущем будет достигнут значительный прогресс в совершенствовании законодательства в сфере сохранения историко-культурного наследия и приближении его норм к международным стандартам.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ

СПЕЦИФИКА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ БОЛЬШАЯ БЕРЕЗОВАЯ-2)

Локальным своеобразием поселений позднего бронзового века степной части Южного Зауралья становятся смешанные керамические комплексы, появление которых связано с функционированием срубно-алакульской контактной зоны.

Фактическое отсутствие дробной, единой и, главное, рабочей типологии керамики позднего бронзового века обусловило известный разбой в определении культурной принадлежности керамических комплексов поселений срубно-алакульского времени. Наибольшую трудность вызывает разграничение группы синкретичной «срубно-алакульской» керамики с собственно «срубными» и «алакульскими» сосудами.

Процент выделяемой синкретичной срубно-алакульской керамики на поселении в определенной мере зависит от субъективной авторской позиции в подборе списка признаков керамической традиции алакульской и срубной культуры. Сопоставление материалов разных поселений демонстрирует обозначенную зависимость (табл. 1).

Таблица 1. Процентное соотношение культурных компонентов в керамическом комплексе поселений позднего бронзового века Юж. Зауралья (составлено по материалам авторов исследований)

№	Название памятника	Раннеалакульская (петровская)	Раннесрубная	Алакульская	Срубно-алакульская	Срубная
1.	Мирный II	-	-	95 %	-	-
2.	Мирный III	-	-	95 %	-	-
3.	Кулевчи III	44 %	-	46 %	-	-

4.	Малая Березовая-4	-	-	76,5 %	5,8 %	-
5.	Большая Березовая-2	12 %	-	48,5 %	23 %	1 %
6.	У Спасского моста	-	-	70 %	1 %	4 %
7.	Лебяжье VI	-	-	24,5 %	9,5 %	66 %
8.	Кизильское	-	-	19 %	11 %	27 %
9.	Тавлыкаевское	-	-	3 %	19 %	47 %
10.	Олаир	8,5 %	3,5 %	24 %	28 %	19 %
11.	Таналык	-	-	38,5 %	12 %	14,5 %

В одних памятниках авторы полностью исключают наличие синкретичной срубно-алакульской группы, определяя в алакульский комплекс до 95% керамики (поселения Мирный II, III) (Стефанов, 1996, с. 43–63). В сравнении с основными культурными традициями группе синкретичной керамики на памятнике может отводиться совсем незначительная роль (пос. «У Спасского моста», пос. Лебяжье VI) (Фомина, 1964, с. 207–212; Петрова, 2004, с. 181–206). В коллекциях других поселений синкретичная посуда может составлять представительный комплекс (пос. Олаир) (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 1–200).

Помимо несогласованности списка признаков синкретичной срубно-алакульской керамики определенные затруднения вызывает идентификация посуды срубной культуры в свете различий ее с синкретичной срубно-алакульской. На поселениях Кизильское, Тавлыкаевское, наиболее близких к «срубному миру», процент керамики срубной культуры может составлять 27

и 47 % соответственно (Стоколос, 2004, с. 207–236; Морозов, 1983, с. 19–40). В то же время в комплексе поселения Лебяжье VI, тяготеющему уже к «алакульскому миру», автор отводит срубному комплексу доминирующую позицию (66 %) (Петрова, 2004, с. 181–206).

Справедливости ради стоит отметить, что большинство представленных в таблице данных не является плодом субъективизма авторов исследований, а отражает определенные закономерности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в степной части Южного Зауралья. Процентное соотношение алакульской, синкретичной срубно-алакульской и отчасти срубной керамики, зафиксированное на памятниках, указывает на расстановку культурных приоритетов. Так, только на поселениях Башкирского Зауралья и близких ему (пос. Тавлыкаево, пос. Олаир, пос. Кизильское) доля собственно срубных сосудов значительно увеличивается. На поселениях северной (Малая Березовая-4, Большая Березовая-2) и восточной периферии (пос. Кулевчи III, пос. Мирный II, III) срубно-алакульской контактной зоны возможно почти полное отсутствие керамики срубной культуры и превалирование алакульского компонента. Закономерно и увеличение доли синкретичной керамики на памятниках Башкирского Зауралья, территориально близких к срубной культуре.

Отмеченные выше сложности в диагностировании культурных признаков керамических комплексов срубно-алакульской контактной зоны делают актуальным обращение к материалам конкретных памятников в попытке выделения обоснованных критериев смешанных керамических традиций.

Поселение Большая Березовая-2, расположенное в Нагайбакском районе Челябинской области, в среднем течении р. Гумбейки, исследовалось автором в 2009 г. (Алаева, 2011, с. 1–78). На площади в 756 м² была вскрыта южная линия, состоящая из трех построек. В керамической коллекции около 3000 фрагментов сосудов. К комплексу позднего бронзового века отнесено 89 % сосудов, другие эпохи в керамической коллекции представлены в значительно меньшей доле: 3 % – федоровско-черкаскульского облика, 8 % – отнесены к сосудам финального периода бронзового века (саргаринско-алексеевская, межовская культуры).

По материалам керамической коллекции поселения Большая Березовая-2 была составлена база данных, в которой были учтены признаки 183 выделенных сосудов (77 признаков). Большая часть коллекции типа 1 представлена горшечно-баночными сосудами, банки (с закрытым и открытым профилем) единичны в этом поселенческом материале и составляли всего 4 %.

Анализ керамической коллекции поселения Большая Березовая-2 позволил предложить классификацию сосудов срубно-алакульского времени, основанную на технологии изготовления сосуда, осмыслении конструктивных зон. К позднему бронзовому веку отнесены четыре типа сосудов: тип 1.1 – раннеалакульская керамика (12 %), тип 1.2 – алакульская (48,5 %), тип 1.3 – смешанная срубно-алакульская (23 %), тип 1.4 – срубная (1 %), типологическое своеобразие еще 4,5% сосудов позднего бронзового века оказалось трудноопределимым в силу небольшого размера фрагмента керамики.

Особенности технологии и осмысления конструктивных зон стали ведущим критерием в культурной атрибуции керамики. В петровско-алакульской традиции изготовления сосуда ведущей остается формовка на сосуда-основе, где прикрепление шейки происходило на отдельном этапе, в результате чего в месте стыка шейки и тулова получалось ребро, уступ (Виноградов, 1982, с. 67; Виноградов, Мухина, 1985, с. 79–84). Конструктивные зоны сосуда акцентировались расположением орнаментальных зон, отчленяемых горизонтальными линиями-разделителями. Керамические сосуды алакульских типов 1.1 и 1.2 поселений степной части Южного Зауралья демонстрируют именно такую технологию. В то же время в смешанной срубно-алакульской группе керамики (тип 1.3) определяющим признаком становится нарушение «алакульской» технологии. На этой категории сосудов наличие уступа-ребра вызвано не технологическими особенностями изготовления сосуда (конструирование шейки отдельной лентой), а искусственным перегибом с целью имитации характерной части алакульских сосудов – уступа, ребра. Как правило, технологическим нарушениям сопутствовали и нестыковки в локализации орнаментальных зон, несообразности алакульской традиции техники орнаментации, несимметричность орнамента.

Тип 1.1 – раннеалакульская группа (рис. 1, I). На горшечно-баночных сосудах этой группы переход от тулова к шейке оформлен вариантами ребра-уступа либо уступом. В верхней части шейки оформлен наплыв, так называемый «воротничок», в нижней части шейки – «свободная полоса» – неорнаментированная зона. Внешние и внутренние поверхности большинства сосудов хорошо заглажены, без образования видимых следов. Лощение использовано местами, на единичных сосудах.

Толщина стенок сосудов – от 0,5 до 1 см. Тонкостенные сосуды с толщиной стенок в 0,5–0,6 см отмечены в трех случаях. Толщина стенок большинства сосудов составляла 0,7–1 см. Венчик преимущественно плоский, срезан. Особенности оформления шейки сосуда являются одним из главных маркеров типа. На половине сосудов типа 1.1 оформлен так называемый «воротничок» – наплыв в верхней части шейки. Характеризуемый наплыв на сосудах типа 1.1 выражен довольно слабо, подчеркнут каннелюрами. На большинстве сосудов высота «воротничка» составляла 2,8–3,2 см, на трех крупных сосудах достигала 4 см. Несмотря на превалирование сглаженного варианта перехода от тулова в шейку в виде уступа-ребра, в коллекции типа 1.1 выделяются четкие варианты оформления перехода в виде ребра или уступа. Варианты «перегиб» и «плавный профиль», являющиеся проявлением нарушения петровско-алакульской технологии конструирования сосуда, в подборке типа 1.1 не отмечены.

Все сосуды типа 1.1 были орнаментированы. Всего в орнаментации использовано девять элементов, преимущественно две группы элементов орнамента: горизонтальные зигзаги и треугольники, сопутствующими являются горизонтальные линии. Редкие элементы орнамента зафиксированы единично на двух сосудах. Характерно выраженное разнообразие в изображении треугольников: косозаштрихованные, равнобедренные, пустые, гроздь треугольников. В целом, необходимо признать, что использование в качестве элемента орнамента треугольников является достаточно ранним признаком петровского и постпетровского хронологического горизонта.

Наиболее предпочитаемый тип зональности – тип 3 «верх шейки и верх тулова», где орнамент располагается по двум зонам, факти-

чески с осознанием, выделением так называемой «свободной полосы». По типу зональности 3 орнаментирована половина сосудов типа 1.1. В качестве разделителей на сосудах этой группы используются прочерченные горизонтальные линии. Размещение разделителей связано с зоной перехода тулова в шейку, с разграничением поясов орнамента на шейке. Всего разделители отмечены на 56% сосудов типа 1.1. В технике орнаментации – явное преобладание гребенчатого штампа, на втором месте – использование гладкого штампа. В технике «протасенная гребенка» орнаментированы единичные сосуды.

Тип 1.2 – алакульская группа (рис. 1, II). Горшечно-баночные сосуды, тулово слегка выпуклое, шейка отдельной лентой прикреплена к тулову, в месте скрепления выраженный уступ. Часто шейка довольно высокая. В орнаментации отмечено обязательное использование разделителей. Лощение поверхности сосуда в основном представлено локальными участками подлощения. Расчесы не рельефные. Толщина стенок большинства сосудов – 0,7–0,9 см. Интересно почти полное отсутствие в типе 1.2 тонкостенных сосудов (толщиной 0,5–0,6 см). Кроме того, почти половину коллекции типа 1.2 составляли несколько толстостенных сосудов толщиной 0,9–1,1 см.

Высота шейки сосудов типа 1.2 довольно высокая, на половине сосудов шейка 6,5–9,5 см. Показательно отсутствие короткошейных сосудов. Переход от тулова к шейке оформлен вариантами уступа и уступа-ребра, четко выраженный элемент «уступ» зафиксирован в четырех случаях, по большей части на поселенческой посуде уступ бывает сглаженным. Тем не менее ребро как элемент более раннего типа в этой категории посуды не отмечено.

Всего в орнаментации сосудов типа 1.2 использовано 12 элементов. Повторяющиеся в разных зонах элементы отмечены на восьми сосудах. Без орнамента (а речь идет в основном об орнаментации шейки и верхней части сосудов) выделен один сосуд. Элементы орнамента представлены горизонтальными зигзагами (в один, два ряда и многорядные), горизонтальными линиями, треугольниками (заштрихованные, вершиной вверх, вниз), рядами вдавлений и оттисков. Горизонтальные линии выполняли и функции зональных разделителей.

Необходимо отметить, что процентное соотношение типов зональности сохраняется как в типе сосудов 1.1, так и в типе 1.2. Это предпочтение типов зональности: тип 3 (верх шейки + верх тулова) и тип 5 (вся шейка + верх тулова). Фактически речь идет о предпочтении в выделении так называемой «свободной полосы» и, напротив, в заполнении орнаментом всей шейки сосуда.

В технике орнаментации поселенческой керамики алакульской культуры доминирующие позиции занимает так называемая «проташенная гребенка» (43%), на втором месте отмечено широкое использование гребенчатого штампа с довольно крупными отпечатками зубчиков (29%). В орнаментации керамики «классического» этапа позднего бронзового века значительно уменьшается доля использования техники, характерной для более раннего периода: мелкогребенчатый штамп (6%), гладкий штамп (10%). Ряды вдавлений на степной посуде типа 1.2 зафиксированы в 6 % случаев.

Тип 1.3 – срубно-алакульская группа (рис. 2, Л). В этой группе отмечено нарушение технологии производства сосудов алакульской культуры, вычлениваются признаки срубной культуры. Толщина стенок увеличена. Место перехода тулова в шейку оформлено перегибом, традиционно относимым к смешанному варианту «уступ-ребро». На этой категории сосудов наличие уступа-ребра вызвано не технологическими особенностями изготовления сосуда (фактически отдельное конструирование тулова (формовка) и совершенно другой этап – конструирование шейки отдельной лентой), а искусственным перегибом с целью имитации характерной части алакульских сосудов – «уступа-ребра». Степень орнаментированности сосудов небольшая (много сосудов без орнамента). В технике орнаментации широко представлены вдавления. Расчесы на внешней поверхности отмечены на 24 % посуды. Для этого типа характерны достаточно короткие шейки высотой 4–5 см, высокие шейки единичны, сверхвысокие (выше 6,5 см) в этой категории отсутствовали.

Около трети сосудов типа 1.3 не орнаментированы. Фактически речь идет о неорнаментированных шейках сосудов, что может представлять собой лишь один из вариантов зонального расположения орнамента, в котором шейка специально оставалась без орнамента (тип зональности 6). Всего в орнаментации сосудов типа

1.3 задействовано пять элементов орнамента. В целом, для сосудов типа 1.3 характерна орнаментальная бедность. Примечательна существенная доля использования такого элемента, как «ряды вдавлений», наряду с горизонтальными зигзагами и треугольниками. Горизонтальные линии в качестве разделителей использованы всего на трех сосудах.

Тип 1.4 – срубная группа (рис. 2, Л), представлен парой сосудов, которые автор считал возможным отнести к срубной культуре. В примеси к глиняному тесту в сосудах этой группы не отмечено талька, внешние поверхности покрыты расчесами, орнамент выполнен крупногребенчатым штампом, расположен под венчиком, орнамент нерегулярный.

Сравнительная характеристика сосудов позднего бронзового века пос. ББ-2

Тесто большинства сосудов типа 1 отличалось сходными характеристиками, от 92 до 100 % в нем была представлена примесь талька, и довольно редко отмечена примесь слюды. Внешняя поверхность большинства сосудов обработана в технике заглаживания, как правило, с выравниванием поверхности. Следы расчесов встречаются на небольшой доле сосудов. Наименьший процент (5 %) расчесов отмечен на посуде ранней группы 1.1. На сосудах группы 1.2 (алакульской) и 1.3 (срубно-алакульской) расчесы зафиксированы в 20 и 23% соответственно. Необходимо указать, что расчесы на внешней поверхности сосудов не отличались рельефностью, часто они представлены тонкими царапинами, организованными линиями. В целом, фиксация определенной доли сосудов со следами расчесов на внешней поверхности в коллекции поселенческого памятника свидетельствует о некотором огрублении технологии обработки поверхности керамики, используемой для бытовых нужд.

Небольшой процент (16–17%) сосудов с лошением по внешней поверхности отмечен на керамике типов 1.1 и 1.2 и полностью отсутствует в характеристиках керамики типа 1.3 (срубно-алакульского). Подобная выборочность в использовании техники лошения соответствует распределению признаков алакульской и срубной культур по типам. Так, типы 1.1 и 1.2 отличаются наличием «классических» признаков алакульской культуры, в том числе и такого элемента, как «лощение» (скорее характерного для погребальной посуды). Внешняя поверхность сосудов

типа 1.3 (срубно-алакульского) не обработана с использованием лощения, что демонстрирует традиции срубной культуры. Цвет внешней поверхности большинства сосудов серых оттенков – от серо-коричневого до серо-черного цвета. В данном контексте интересно процентное распределение сосудов светло-коричневого цвета по типам. В типах 1.2 и 1.3 количество керамики светло-коричневого цвета незначительно, в то время как сосуды с этим оттенком в типе 1.1 (раннеалакульском) составляют треть коллекции (33 %). Светло-коричневый цвет внешней поверхности сосудов типа 1.1 находит соответствие в окраске сосудов петровской керамики. Можно отметить нарастание толщины стенок сосуда и грубости от типа 1.1 и до типа 1.3. Наиболее тонкостенная посуда – типа 1.1.

Отмечена тенденция уменьшения процента оформления (освобождения места) для такого элемента, как «свободная полоса», от типа 1.1 (44 %), 1.2 (16%) до типа 1.3 (9 %). В последнем случае в типе 1.3 (срубно-алакульский) специальное оформление этого элемента не зафиксировано. Он отмечен в редуцированной форме как место, освобожденное от орнамента.

Высота «воротничка» в типе 1.1 (раннеалакульский) в 63% случаев незначительна, но интересна тенденция увеличения высоты «воротничка» вместе с увеличением общей высоты шейки в сравнении с петровской керамикой, которая отличается «короткошейностью». Это свидетельствует о развитии типа, преобразовании петровской традиции в алакульскую через общее увеличение высоты шейки. На фоне доминирования прямых шеек в типах 1.1, 1.2 появляется «отогнутость» в типе 1.3 (срубно-алакульский).

Одним из диагностирующих признаков культуры служит специфика оформления перехода от тулова к шейке. Посуда алакульского культурного компонента (типы 1.1 и 1.2) демонстрирует следование характерной технологической традиции в оформлении «ребра» (отмечено в ранней группе), классического «уступа» и переходного «уступа-ребра» (34 и 57% соответственно). Показательно, что в типе 1.3 (срубно-алакульском) не отмечено четкого оформления «уступа», чаще всего фиксируются переходные варианты, почти в половине случаев технология оказывается нарушенной, и переход от тулова к шейке оформлен простым перегибом (табл. 2).

Таблица 2. Оформление перехода от тулова к шейке на сосудах пос. Большая Березовая-2

№№	Ребро	Уступ	Уступ-ребро	Перегиб
Тип 1.1	13%	34 %	53 %	0%
Тип 1.2	0%	57 %	43 %	0%
Тип 1.3	0%	0%	47 %	53 %

Элементы орнамента на керамике позднего бронзового века – явление в достаточной мере унифицированное, среди наиболее распространенных можно назвать четыре группы элементов орнамента: горизонтальные зигзаги, треугольники, горизонтальные линии и ряды вдавлений. Усложненные элементы орнамента (меандровидные фигуры, геометрические композиции) подчас характерны для погребальной посуды и в поселенческих материалах буквально единичны. Горизонтальные зигзаги (в один, два ряда и многорядные) и треугольники различного оформления составляют наиболее устойчивый процент в керамике поселения Большая Березовая-2 (табл. 3). Отмечен большой процент использования треугольников на керамике типа 1.1 (раннеалакульской) в сравнении с развитым (классическим) этапом позднего бронзового века. Характерно, что на керамике типа 1.3 (срубно-алакульской) горизонтальные линии составляют всего 14%, значительную группу составляют ряды различных вдавлений (табл. 3).

Таблица 3. Группы элементов орнамента

№	Название элемента орнамента	Тип 1.1	Тип 1.2	Тип 1.3
1	Горизонтальные зигзаги (в один, два и многорядные)	56 %	63 %	38 %
2	Треугольники (заштрихованные, вершиной вверх, вниз)	50 %	29 %	38 %
3	Горизонтальные линии	17 %	42 %	14%
4	Ряд вдавлений, оттисков	0 %	13 %	38 %

Наиболее зримо различие традиций алакульской и срубно-алакульской керамики проявляется в особенностях расположения орнамента по зонам. Для типов 1.1 и 1.2 алакульской культуры характерно доминирование типа 3

(верх шейки + верх тулова) (44 и 46 %) и типа 5 (вся шейка + верх тулова) (17 и 25%). В типе 1.3 (срубно-алакульском) лидирующие позиции занимает зональность типа 4 (низ шейки + верх тулова) (37,5 %) и типа 6 (верх тулова) (37,5 %). В синкретичной группе посуды (тип 1.3) акцентирование на зонах шейки (отдельное выделение верхней и нижней части шейки) не проявляется. Наименьшая вариативность используемых элементов орнамента отмечена в типе 1.3 (срубно-алакульском).

Признаки нарушения алакульской технологии изготовления сосудов (перегиб вместо уступа, нарушение орнаментальных зон, малочисленность разделителей зон), некоторые признаки срубной культуры (скудный набор элементов орнамента, значительная доля рядов вдавлений, использование крупногребенчатого штампа, вдавлений) позволяют отнести керамические сосуды типа 1.3 к синкретичной срубно-алакульской керамике.

Тот факт, что предметом анализа стала коллекция поселения, предопределил попадание в выборку верхних частей (шеек) сосудов, что отразилось на внутренней единообразности типов сосудов. В связи с невозможностью реконструкции целого профиля большинства сосудов определенные затруднения возникли и с сопоставлением выделенных типов с погребальной посудой, отличающейся большей вариативностью профилей. Выделение синкретичной срубно-алакульской посуды по материалам погребальных памятников предпринималось неоднократно, и данная группа керамика рассматривалась как разнообразное сочетание признаков алакульской и срубной культур (Рутто, 1987, с. 49; 2003, с. 200–203). Определение закономерности сочетания признаков алакульской и срубной культур на синкретичной керамике можно отнести к задаче будущего исследования.

Размышляя о роли каждого культурного компонента в сложении синкретичного типа, необходимо отметить, что свидетельства имитации и копирования именно алакульских технологий позволяют предполагать доминирование алакульского культурного компонента на территории Южного Зауралья, сходные выводы сделаны В.В. Ткачевым на приуральских материалах срубно-алакульской контактной зоны (Ткачев, 2005, с. 68). Среди бесспорных элементов заимствования из срубной культуры могут быть

названы рисунки пиктографического характера (Рутто, 1987, с. 45), например, широко известное изображение повозки на сосуде из могильника Спасское (Стоколос, 1972, с. 47, рис. 13, 12)

Классификация керамики поселения Большая Березовая-2 на основе анализа технологии изготовления полого тела и осмысления конструктивных зон позволила разграничить керамические традиции раннеалакульского комплекса (тип 1.1), алакульского (тип 1.2) и синкретичного срубно-алакульского (тип 1.3). Возможно, и решение задачи анализа керамических традиций всей срубно-алакульской контактной зоны, выработка критериев и закономерностей образования синкретичных комплексов поселенческой и погребальной посуды станет более реальным с четким определением системы элементов керамической традиции культуры.

Виноградов Н.Б. Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1982. – Архив ЛАИ ЧГПУ.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья: Межвузовский сб. – Куйбышев, 1985. – С. 79–84.

Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // УАВ. – Уфа, 2007. – Вып. 6–7. – С. 32–49.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – С. 19–40.

Петрова Л.Ю. Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник ЧГПУ: Изд-во ЧГПУ. – Челябинск, 2004. – Вып. 2. – С. 181–206.

Рутто Н.Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа, 1987. – С. 43–52.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. – Уфа: Гилем, 2003. – 212 с.

Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. – С. 43–63.

Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

Стоколов В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник ЧГПУ: Изд-во ЧГПУ. – Челябинск, 2004. – Вып. 2. – С. 207–236.

Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. – 200 с.

Ткачев В.В. Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западно-алакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана: Сб. науч. трудов. – Вып. 2. – Актобе, 2005. – С. 36–69.

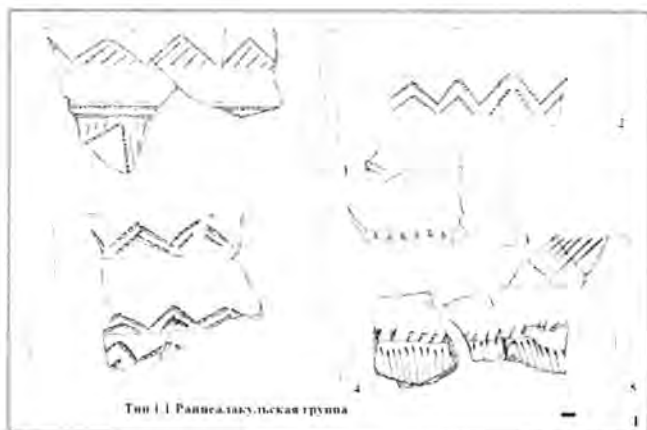
Фомина В.И. Селище у Спасского моста // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964. – С. 207–212.

Архивные материалы

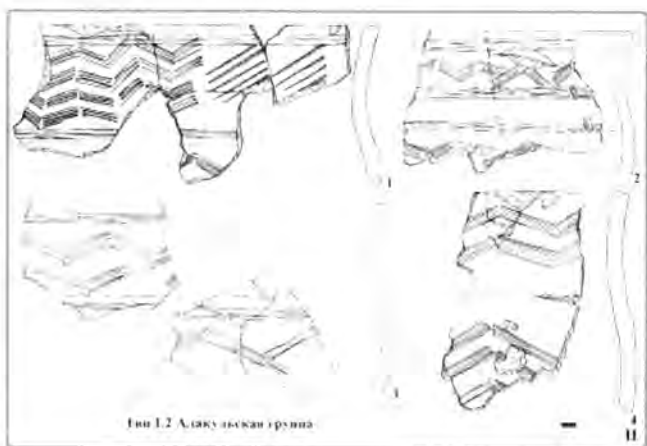
Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2003 г. – Челябинск, 2005. – Архив ЛАИ ЧГПУ, № 87.

Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Малая Березовая-4 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2005 г. – Челябинск, 2007. – Архив ЛАИ ЧГПУ, № 88.

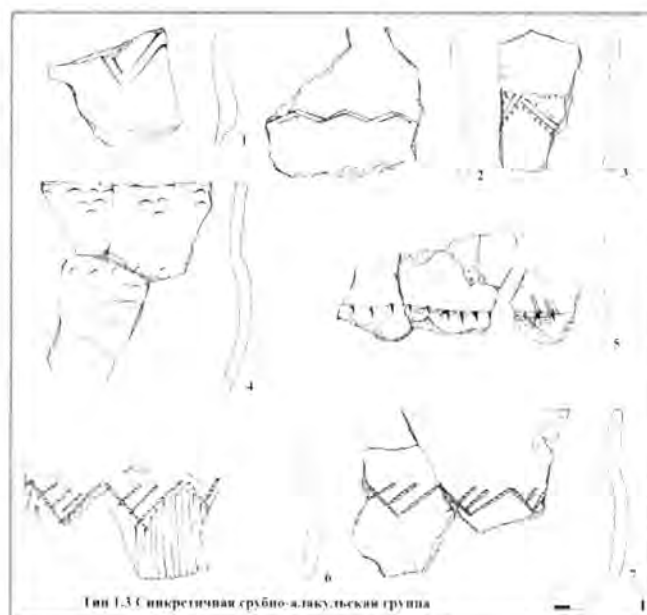
Алаева И.П. Отчет об археологических раскопках поселения Большая Березовая-2 в Нагайбакском районе Челябинской области летом 2009 г. – Челябинск, 2011. – Архив ЛАИ ЧГПУ, № 95.

Тип 1.1 Раннеалакульская группа

Тип 1.2 Алакульская группа

Тип 1.3 Синкретичная срубно-алакульская группа

Тип 1.4 Срубная группа

Рис. 1.1. Керамические сосуды поселения Большая Березовая-2.

I- Тип 1.1 Раннеалакульская группа: 1-сосуд № 69 (жилище 2, колодец), 2- с. № 33 (ж. 1), 3- с. № 63 (столбовая ямка № 38), 4- с. № 1 (ж.1), 5- с. № 76 (ж.2).

II- Тип 1.2 Алакульская группа: 1- с. № 111 (зольник), 2- с. № 65 (ж.2, колодец), 3- с. № 47 (ж.2), 4- с. № 85 (меж-жилищная территория)

Рис. 2. Керамические сосуды поселения Большая Березовая-2.

I- Тип 1.3 Синкретичная срубно-алакульская группа: 1- с. № 118 (межжилищная территория), 2- с. № 127 (меж-терр.), 3- с. 119 (меж-терр.), 4- с. 98 (меж-терр.), 5- с. 24 (меж-терр.), 6- с. № 39 (ж.1), 7- с. № 38 (ж.1).

II- Тип 1.5 Срубная группа: 1- с. № 158 (жилище 3), 2- с. 37 (меж-терр.)

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАКТИКИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ ЖИВОТНЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИНТАШТИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ)¹

Благодаря полевым исследованиям и труду палеозоологов в настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что основой экономики населения Южного Зауралья в эпоху бронзы являлось скотоводство. Животные не только обеспечивали потребности людей в продуктах питания, сырье для изготовления орудий труда и оружия, коже и шерсти, но и были задействованы в ритуальной сфере. Яркой особенностью синташтинских погребальных памятников (первая четверть II тыс. до н.э., согласно калиброванной радиоуглеродной шкале) являются остатки жертвоприношений животных, обнаруженные как непосредственно в могилах, так и в межмогильном пространстве.

Для жертвоприношений использовались в абсолютном большинстве домашние животные: крупный рогатый скот (далее – КРС), мелкий рогатый скот (овца и коза, далее – МРС), собака и свинья (кабан). Дикие животные (волк, сайга) и птицы (утка) представлены единично.

Состав синташтинского «жертвенного стада» из могильников и семантика жертвенников были основательно проанализированы Д.Г. Здановичем и Е.В. Куприяновой (2005; 2010 и др.). Автора предлагаемого исследования интересовали гендерные аспекты погребальной практики, в частности, взаимосвязь пола и возраста погребенных с видами и количеством сопровождавших их жертвенных животных. Выявление подобной связи может пролить свет на принципы разделения труда и соответственно гендерные роли, существовавшие в синташтинском обществе.

К сожалению, при анализе археологических источников качество раскопок и степень подробности публикаций может серьезно влиять на последующие выводы. Поэтому исследование было построено на материалах памятников, которые были обработаны антропологами и палеозоологами. В выборку вошли следующие могильники: Большекараганский (курган 25), Каменный Амбар-5, Кривое Озеро, Танаберген II и,

с некоторыми оговорками, опубликованный выборочно Бестамак (Аркаим-некрополь..., 2002; Епимахов, 2005; Виноградов, 2003; Ткачев, 2007; Калиева, 2009; Логвин, Шевнина, Ворошилова, 2009; Логвин, Шевнина, Колбина, 2009). Материалы других синташтинских некрополей по мере необходимости привлекались лишь в ограниченном объеме.

Анализ источников дал следующие результаты.

Жертвенными животными сопровождалось около 80% взрослых и не менее 50% детей². Рассмотрим теперь отдельные погребальные памятники.

В могильнике Каменный Амбар-5 подавляющее большинство мужских погребений являются коллективными, с детьми, и именно в них представлены все упомянутые выше виды копытных, включая почти всех обнаруженных на памятнике лошадей. В индивидуальных женских погребениях кости лошади зафиксированы в двух случаях. В одиночных детских могилах найдены только кости МРС. В детских коллективных ямах (курган 4, погребение 2, где были захоронены 8 детей) присутствуют кости и МРС, и КРС. В общих с взрослыми могильных ямах найдены костные остатки лошади, особей КРС и МРС.

Как и в Каменном Амбаре-5, в Большекараганском некрополе (курган 25) все мужчины захоронены в парных и коллективных могильных ямах (этих ям – четыре), в трех из них представлены сразу лошадь, КРС и МРС. Две женщины захоронены в индивидуальных ямах, в жертву принесены КРС и МРС. Есть парная могила женщин, в ней найдены кости лошади (от двух особей). Индивидуальных детских погребений в этом кургане четыре. Дети сопровождалась преимущественно овцами, но встречаются кости КРС и собаки. В парном погребении двух детей найдены две нижние челюсти кабана. В совмест-

ных захоронениях детей и взрослых присутствуют все виды копытных, включая лошадь.

В индивидуальных детских погребениях могильника Кривое Озеро абсолютно преобладает МРС, лишь в одном случае встречаются кости КРС и еще в одном – собаки. В одиночных мужских зафиксированы лошадь, КРС, МРС и собака. В индивидуальном женском погребении (оно одно) – точно такой же набор: лошадь, КРС, МРС и собака. В парных и тройных усыпальницах, где один из умерших – женщина, представлен МРС (овца) и КРС.

Могильник Танаберген II отличается довольно высокой долей лошади в составе «жертвенного стада». В трех из четырех индивидуальных мужских захоронений найдены ее кости. В двух из четырех индивидуальных женских захоронений – только остатки КРС и МРС. Трудно, правда, судить, насколько это вообще характерно для синташтинских памятников Приуралья, так как в остальных могильниках этого региона жертвоприношений зафиксировано мало (Ткачев, 2007)³, а в тех, что есть, абсолютно преобладает МРС. Правда, в парном детском погребении могильника Жаман-Каргала найдены «трубчатые кости лошади» (Ткачев, 2007, с. 98). В детских одиночных погребениях могильника Танаберген II жертвоприношений нет. В Танабергеновских мужских погребениях в составе жертвенников доминировала лошадь, а в женских – мелкий и крупный рогатый скот.

Некрополь Бестамак полностью не опубликован, поэтому адекватной корреляции между гендером погребенных и составом жертвенников произведено быть не может. В одной из публикаций упоминается, что и мужчины, и женщины могли сопровождаться всеми видами животных, включая лошадей (Калиева, Логвин, 2009, с. 57). Интересной особенностью этого памятника является принесение в жертву целых туш лошадей. В опубликованных детских погребениях могильника Бестамак жертвенных животных нет, однако в работе И.В. Шевниной и С.А. Ворошиловой говорится, что кости МРС «отмечены практически во всех ямах» (2009, с. 60). В совместных погребениях детей с взрослыми представлены все

виды домашних животных. Кроме того, в статье отмечается, что детей часто сопровождали собаки (Там же, с. 62).

К сожалению, антропологический состав погребенных в могильниках Синташтинского комплекса неизвестен. Яркой чертой памятника СМ являются жертвоприношения целых туш лошадей, очевидно, связанных со взрослыми умершими (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 45, 48, 53 и т.д.).

Данные из погребений⁴ могильников Большакараганский (курган 25), Каменный Амбар-5, Кривое Озеро, Танаберген II и Бестамак суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Взаимосвязь пола/возраста погребенных и видов жертвенных животных (по количеству особей)

	Лошадь	КРС	МРС	Собака
Муж.	39	34	43	2
Жен.	9	14	17	1
Дети	0	8	40	2
Всего	48	56	100	5

Таким образом, правила выбора приносимых в жертву животных были, по-видимому, очень устойчивы. С гендерной точки зрения, закономерности совершенно определенно существуют. В мужских погребениях всех могильников встречаются наибольшее количество как видов, так и особей животных. 83% всех особей лошадей обнаружены в могилах, где хотя бы один из похороненных – мужчина. Женские сопоставимы по набору видов, но почти вдвое меньше по «биомассе» (см. также: Зданович, 2005).

С возрастом также связаны определенные закономерности, зафиксированные между категориями «взрослые/дети». В погребениях, где находились только дети, основным жертвенным животным является МРС, на втором месте КРС, а кости лошади крайне редки (четыре черепа на перекрытии детской могилы 2 (памятник С1; Генинг, Зданович, Генинг, 1992) и несколько ко-

стей в могильнике Жаман-Каргала I)). Собаки сопровождают как взрослых, так и детей. По «биомассе» жертвоприношений детские захоронения в среднем уступают взрослым. Однако если учесть, что дети составляют более 50% всех погребенных, то в сумме «биомасса» их жертвоприношений может быть вполне сравнима со взрослыми.

В группе индивидов старше 15 лет в сфере снабжения жертвоприношениями между более молодыми и пожилыми умершими различий выявить не удалось. Погребений людей старшей возрастной группы (более 45–50 лет) в синташтинских некрополях крайне мало (менее десяти). Во всех случаях они, как и более молодые, сопровождалась жертвоприношениями животных всех видов, не исключая лошади, кроме погребения 131 на могильнике Бестамак, где женщина возрастом старше 55 была захоронена только с посудой и артефактами (Логвин, Шевнина, Колбина, 2009).

Таким образом, детальные археозоологические и тафономические исследования демонстрируют очень сложную и многозначную систему использования животных в погребальных ритуалах (Зданович, 2005). В целом, более чем 80% синташтинских умерших сопровождалось жертвоприношениями. Интересно, что погребение младенца внутри жилого пространства на поселении Каменный Амбар также сопровождалось жертвенником, состоявшим из черепа и костей конечностей МРС (Корякова, Краузе, Епимахов, Шарапова, Пантелеева, Берсенева, Форнасье, Кайзер, Молчанов, Чечушков, 2011).

Можем ли мы реконструировать связанное с гендером разделение труда или гендерные роли, существовавшие в синташтинском обществе, базируясь на данных о жертвоприношениях животных? Главным занятием синташтинского населения было скотоводство, и данные поселений хорошо иллюстрируют это. Однако состав «хозяйственного» стада существенно отличался от состава «жертвенного». Основу хозяйственного стада составлял крупный рогатый скот (более 50% костных останков), на втором месте на-

ходился мелкий рогатый скот (овца) и только на третьем – лошадь (Косинцев, 2000; Косинцев, Рассадников, Бачура, Занина, Корона, 2010). В «жертвенном стаде» первое место занимает мелкий рогатый скот (или, для некоторых могильников – лошадь), крупный рогатый скот – второе, и лошадь – третье.

Жертвенные комплексы, разумеется, позволяют судить о гендерном разделении труда только в самых общих чертах. Возможно, жесткая ассоциация между мужчинами и лошадьми в погребениях может свидетельствовать, что пастушество и, вероятно, забота о лошадях были преимущественно мужскими занятиями. Кроме того, лошади являлись «колесничными» животными и, следовательно, были близко связаны с военной сферой. Ритуальный статус лошади был самым высоким (Зданович, 2005).

Как уже упоминалось выше, в «хозяйственном» стаде преобладали коровы. Крупный рогатый скот (взрослый особи) представлен в жертвенных комплексах только в виде черепов и костей конечностей и связан со всеми гендерными группами, но преимущественно со взрослыми мужчинами и женщинами (см. табл. 1).

Мелкий рогатый скот (овцы) приносился в жертву массово, часто целыми тушами, и также связан со всеми гендерными группами, но преимущественно с мужчинами и детьми. Представляется, что мужские гендерные роли (пастух, всадник, воин, колесничий) могут быть прослежены через ассоциацию мужских погребений с жертвоприношением лошади. Женские роли не так очевидны. Женские погребения также связаны с крупными копытными животными, но более с крупным рогатым скотом, чем с лошадьми. Можно предположить, что женщины, как и мужчины, были заняты в скотоводстве, но в основном имели дело, вероятно, с крупным и мелким рогатым скотом, нежели с лошадьми.

Состав жертвенников (видовой состав и количество особей, принесенных в жертву животных в расчете на человека) преимущественно отражал гендерно-возрастное социальное деление в синташтинском обществе по нисходящей линии «мужчина – женщина – ребенок».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Культура, социум и человек в эпоху палеометалла (Урал и Западная Сибирь)» и проекта УрО РАН «Междисциплинарные исследования археологических памятников эпохи бронзы Южного Урала».

² Количество детей, погребенных без жертвоприношений, трудно подсчитать корректно, т.к. большинство захоронено в коллективных могильных ямах.

³ В 41,3% погребений Приуралья, по данным В.В. Ткачева, жертвенники отсутствовали (2007, с. 98).

⁴ Жертвенники, зафиксированные вне погребений (в отдельных ямах или на древней поверхности), не учитывались.

Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Сост. Д.Г. Зданович. – Кн. 1. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. – 216 с.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Д.Г., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Кн. 1. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. – 192 с.

Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и Близнецы: к «археологии ритуала» Центральной

Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: Сб. науч. трудов к 70-летию Г.Б. Здановича. – Ч. 1. – Челябинск, 2010. – С. 130–161.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – Вып. 9. – С. 32–58.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Погребение женщины старческого возраста на могильнике Бестамак // Изучение историко-культурного наследия центральной Евразии. «Маргулановские чтения-2008». – Караганда, 2009. – С. 85–90.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. – 2011. – № 4. – С. 61–74.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск, 2000. – С. 17–44.

Косинцев П. А., Рассадников А. Ю., Бачура О. П., Занина О. Г., Корона О. М. Историко-экологические исследования поселения Каменный Амбар // Андроновский мир. – Тюмень, 2010. – С. 56–77.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2009. – С. 59–63.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ БОЛЬШОГО СИНТАШТИНСКОГО КУРГАНА

Сведения о растительных остатках из раскопок Большого Синташтинского кургана – «памятника СБ» (Генинг и др., 1992) крайне скудны. В указанной публикации названия остатков и видов сводятся к определениям типа «остатки сгнивших березовых бревен», «прослойка сгнившего и спрессованного (до толщины 0,5–1 см) камыша», «березовые неошкуренные бревна», «тлен березовой коры» и т.п. (Генинг и др., 1992, с. 346, 349, 354). Вместе с тем авторы указанной монографии отмечают значительную роль растительных материалов в процессе создания кургана.

В рамках программы рекультивации Большого Синташтинского кургана в полевой сезон 2005 г. под руководством Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича проводилась зачистка остатков бровки южной полы кургана – профиль III разреза на рис. 201 упомянутой монографии.

В процессе работ мною выполнялись археотифономические наблюдения и сбор образцов органики для лабораторных исследований. Эти материалы, а также сборы предыдущих (1991–2002) лет и положены в основу предлагаемой работы.

Растительные остатки из Большого Синташтинского кургана могут быть разделены на три группы: 1 – прослой в теле кургана, 2 – оформление погребальной камеры, 3 – примесь в глинистых и суглинистых грунтах, слагающих тело кургана.

Растительные остатки из прослоев в теле кургана

Генингом В.Ф., Здановичем Г.Б. и Генингом В.В. (Генинг и др., 1992, с. 342–374) отмечены «прослойки древесного и камышового тлена», «остатки сгнивших березовых бревен», «камышовые прослойки», систематически встречающиеся в разрезах изучаемого кургана.

Из растительных прослоек южной бровки мною выделены макроостатки нескольких видов растений.

Лиственница (Larix sp.) – неокоренные стволы диаметром 5–10 см, ветви с хвоей.

Сосна (Pinus sp.) – неокоренные стволы диаметром 4–12 см, ветви с хвоей и редкими остатками плодов.

Береза (Betula sp.) – неокоренные стволы диаметром 4–15 см, ветви с листьями.

Осина (Populus sp.) – неокоренный ствол диаметром 6 см.

Осоки (Carex sp. sp.) – стебли и листья не менее двух видов.

Отмеченные прослойки сложены преимущественно березой. Второе по значимости место принадлежит сосне. Затем следует лиственница. Осина здесь встретила лишь единожды. Стебли и листья осоки встречаются в небольших количествах среди древесных остатков. Никаких остатков камыша, о которых сообщают авторы монографии (Генинг и др., 1992, с. 367), в составе растительных прослоек в исследованной бровке не обнаружено. В одном случае в зачистке найдена вешка-жердь из неошкуренного ствола березы. Его толщина в основании составляет 5,5 см, а сохранившаяся длина – 118 см.

Оформление погребальной камеры

Изучено по остаткам бревен, сложенных в процессе вскрытия погребальной камеры раскопками у основания бровки с северной стороны. К началу расчистки в 2005 г. эти остатки бревен были перекрыты слоем грунта мощностью от 0,6 до 0,8 м, что способствовало их сохранности.

Береза (Betula sp.) – крупные фрагменты неошкуренных бревен.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б. и Генинг В.В. (Генинг и др., 1992, с. 352) сообщают, что диаметр (= толщина) бревен из оформления погребальной камеры составляет 40–55 см. Соотнесение диаметров бревен, показанных на рис. 205 монографии, с масштабной линейкой показывает, что это не совсем так: 40–55 см – это наибольшие поперечники сплюснутых давлением грунта

бревен, а не их диаметры. Реальные диаметры этих бревен составляют примерно 2/3 от указанных, что равно от 27 до 37 см.

Примесь растений в грунтах

Значительная часть кургана сложена глиной, суглинком, илистым грунтом. На изломах глыбок этих пород видны многочисленные макроостатки растений и редкие остатки животных. В ряде случаев остатки растений хорошо определены. Ниже приводится их перечень.

Осоки (Carex sp. sp.) – фрагменты стеблей с листьями, иногда – с плодами. В двух случаях найдены остатки осоковых кочек. Осоки принадлежат, по меньшей мере, двум видам.

Тростник (Phragmites sp.) – фрагменты стеблей с узлами.

Камыш (Scirpus sp.) – фрагменты стеблей с плодами.

Рогоз (Typha sp.) – фрагменты плодов.

Рдест (Potamogeton sp.) – плоды.

Кубышка (Nuphar sp.) – плод.

Черёда (Bidens sp.) – плоды.

Ива (Salix sp.) – листья.

Ольха (Alnus sp.) – плоды.

Шиповник (Rosa sp.) – плод, стебли.

Щавель (Rumex sp.) – плоды.

Хвощ (Equisetum sp.) – стебли.

Ковыль (Stipa sp.) – листья, плоды.

подавляющее большинство растительных примесей в грунтах представлено обитателями увлажненных и водных биотопов. Один лишь вид – ковыль – является ксерофитом. Это прекрасно увязывается с тем, что основной материал для создания кургана приносился с берегов реки (Генинг и др., 1992, с. 370).

Наиболее вероятно, что глина со значительной примесью растительных остатков происходит с бичевника. Приносимые ветром и водой остатки растений втапывались скотом с поселения во влажную глину и многократно перемешивались. Впоследствии эта смесь отделялась разновеликими кусками (глыбками) неправильной формы, которые укладывались в тело кургана. Из увлажненных мест низких берегов реки добывались илистый грунт и осоковые кочки.

Древесная растительность для создания кургана могла добываться в обрамлявших долину реки лесных массивах. Наиболее вероятно, что к месту сооружения кургана деревья с необрубленными ветвями доставлялись волоком и лишь потом разделялись. Ветви обламывались, неокоренные стволы и облиственные ветви укладывались вперемежку, переслаивая насыпавшийся грунт. Иногда к прослойкам древесины и листья добавлялись стебли осоки.

В трех случаях установлено, что стволы деревьев срубались. Угол отруба колеблется от 90° до 120°. Ширина затесов не превышает 6 см.

Установлено целенаправленное использование четырех видов деревьев. Для оформления погребальной камеры использован один вид – береза (*Betula sp.*). Для создания древесно-лиственных прослоек в теле кургана – четыре вида: лиственница (*Larix sp.*), сосна (*Pinus sp.*), береза (*Betula sp.*), осина (*Populus sp.*).

В грунтах и прослоях курганной насыпи установлено присутствие остатков более 13 видов растений, большинство которых является обитателями водных и околоводных биотопов.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – Т. 1. – 408 с., 32 л., ил.

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ БОРЛЫ

Поселение Борлы располагается в Лебяжынском районе Павлодарской области, на берегу озера Борлы, водами которого и разрушается¹.

В полевой сезон 2011 г. раскопками вскрыта прилегающая к озеру часть памятника общей площадью 180 м². Выявлено три культурных слоя, предварительно датируемых разными этапами неолита: ранним, средним и поздним. Слои хорошо «читаются» в профиле и на большей части раскопа четко отделяются друг от друга (рис. 1). Все слои на вскрытой части памятника характеризуются достаточно равномерным распределением костей и их обломков (кухонных остатков) в плане. Яркие выраженные скопления пока не обнаружены.

Методом сплошного сбора из раскопанной в 2011 г. части памятника получено 29988 зубов и костей млекопитающих разной степени сохранности и фрагментированности. 1568 остатков определимы до вида или рода. Из этого количества 1478 остатков уверенно соотносятся с определенными культурными слоями изучаемого поселения. Эта часть остеологического материала и положена в основу выделяемых послойно остеологических комплексов.

Ранний слой поселения Борлы по комплексу собранных из него вещей датируется ранним неолитом. Здесь найден 7861 обломок костей и зубов млекопитающих, из которых 206 определимы до вида или рода. Список фауны раннего слоя поселения Борлы выглядит следующим образом².

Домашние виды

Лошадь	201/13
Крупный рогатый скот	2/2

Дикие виды

Кабан	1/1
Косуля	1/1
Заяц (вид?)	1/1

Средний слой поселения Борлы датируется серединой – второй половиной V тыс. до н.э. Отсюда собрано 7442 остатка млекопитающих, из

которых 412 определены до вида или рода. Списочный состав фауны среднего слоя поселения Борлы таков.

Домашние виды

Лошадь	382/21
Крупный рогатый скот	23/7
Собака	2/1

Дикие виды

Косуля	1/1
Заяц (вид?)	3/1
Корсак	1/1

Верхний (поздний) культурный слой поселения Борлы датирован рубежом V–IV тыс. до н.э. Из этого слоя собрано наибольшее количество остатков млекопитающих – 17686, из которых 860 определимы до вида или рода. Фауна этого слоя включает:

Домашние виды

Лошадь	823/48
Крупный рогатый скот	34/15
Собака	2/2

Дикие виды

Волк	1/1
------	-----

Кроме четко соотносимых со слоями поселения остатков костей имеются две их группы с не совсем определенной стратиграфической привязкой. Сведения о них приводятся ниже.

Остеозоологические остатки из нижнего–среднего слоев поселения Борлы

Домашние виды

Лошадь	38/2
Крупный рогатый скот	2/1
Неопределимые	240

Остеологические остатки из среднего–верхнего слоев поселения Борлы

Домашние виды

Лошадь	13/3
Остеологические остатки с неясным стратиграфическим залеганием	

Домашние виды

Лошадь	35/7
Неопределимые	205

Данные об остатках с неясным стратиграфическим залеганием и из смешанных слоев приводятся для полноты наблюдаемой картины. Они могут быть учтены при анализе после прекращения раскопок памятника.

Слои поселения Борлы характеризуются следующими показателями насыщенности остеозоологическими остатками (общее количество определимых и неопределимых до вида или рода остатков на 1 м² раскопа): нижний – 22,2; средний – 41,3; верхний – 98,3. Суммарная насыщенность культурного слоя изучаемого памятника остеозоологическими остатками составляет 166,7 ост./кв.м.

Эти величины могут служить в качестве объективного остеологического показателя интенсивности обитания древних насельников в месте базирования изучаемого памятника. В период накопления нижнего слоя интенсивность обитания составляла 22,2 о.ед.³; среднего слоя – 41,3 о.ед.; верхнего – 98,3 о.ед.

Столь резкий, практически экспоненциальный (рис. 2) рост интенсивности обитания мы склонны связывать с хорошей «вписанностью» системы хозяйства древних насельников в ландшафтно-климатические условия данной местности.

Имеющиеся остеологические материалы пока недостаточны и не позволяют всесторонне охарактеризовать биологические особенности выявленных видов домашних и диких животных. Тем не менее, понимая заинтересованность археологов, некоторые данные о домашних копытных – лошади и крупном рогатом скоте – можно привести уже сейчас. Впоследствии, при получении дополнительных остеозоологических материалов, эти сведения могут быть скорректированы.

Домашняя лошадь

Встречается во всех слоях поселения. Морфологические отличия от слоя к слою не выявлены. В целом это была коренастая лошадь грубого сложения, с достаточно низкими ходовыми качествами. В табунах, вероятно, преобладали особи примитивного мясного типа.

Крупный рогатый скот

Встречается во всех слоях поселения. От нижнего слоя к верхнему доля скота в груп-

пе домашних копытных уверенно нарастает от единичных особей до десятков, что отображает устойчивый рост значимости этого вида хозяйства (рис. 3). Скот небольших размеров. Как быки, так и коровы обладали рогами. Рога короткие, изогнутые, отходящие в стороны и вверх. Предположительно описываемый скот относится к мясному типу.

Следует отметить, что среди останков животных из разрушенной водами озера части поселения, пока остающихся не полностью изученными, определена первая фаланга лошади, отличной от домашней. Она принадлежала некрупной особи с очень стройными конечностями. Пока она определена как сходная с лошадей Пржевальского (*Equus cf. przewalskii*).

В послонных списках фауны, как и в общем списке, обращает на себя внимание тот факт, что список диких видов очень беден и количество особей этих видов единично. Это отображение в поселенческом материале реальной зоогеографической картины. Рецентная дикая фауна района базирования памятника также бедна и включает те же виды, что выявлены при раскопках, за исключением лошади Пржевальского (вымерла) и кабана (чрезвычайно редкие заходы с юга по долине р. Иртыш).

Именно скудностью дикой фауны следует объяснить раннее появление и становление в районе экономики производящего типа с животноводческой базой. Судя по материалам изучаемого памятника, в основе древнейшего здесь животноводства, вероятно, была лошадь. Уже в раннем неолите этот вид доминировал в группе домашних копытных. Крупный рогатый скот присутствовал в небольшом количестве. Лишь к концу неолита наблюдается заметное повышение значимости скота в хозяйстве. В течение всего неолита охота имела ярко выраженное вспомогательное значение в пищеобеспечении.

Такая ситуация в районе базирования памятника сохраняется и в постнеолитическое время⁴.

Поселение Борлы и весь микрорайон в целом являются весьма перспективными для изучения особенностей появления и становления экономики производящего типа в регионе.

Остеологические коллекции из поселения Борлы при их пополнении позволят уточнить биологические характеристики домашних и диких животных – основы жизнеобеспечения древних обществ региона.

Планомерное из года в год изучение остеозоологических материалов из раскопок позволит отработать ряд методических аспектов археологических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. статью В.К. Мерца в настоящем сборнике.

² Здесь и далее перед косой чертой показано количество костей, за ней – количество особей.

³ Для удобства пользования громоздкое обозначение «остатков на 1 м² площади» заменяем на «остеологических единиц – о.ед.». Относительно обозначения остеологического показателя интенсивности обитания это вполне корректно. По крайней мере, до выработки и принятия другого общеупотребительного обозначения в будущем.

⁴ Это подтверждается материалами поселения Борлы 4, датируемого эпохой энеолита. Изучение его только начато, но уже первые материалы указывают на преемственность в пищеобеспечивающей деятельности в эпоху энеолита традиций неолитических памятников региона.

Рис. 1. Разрез (фото)

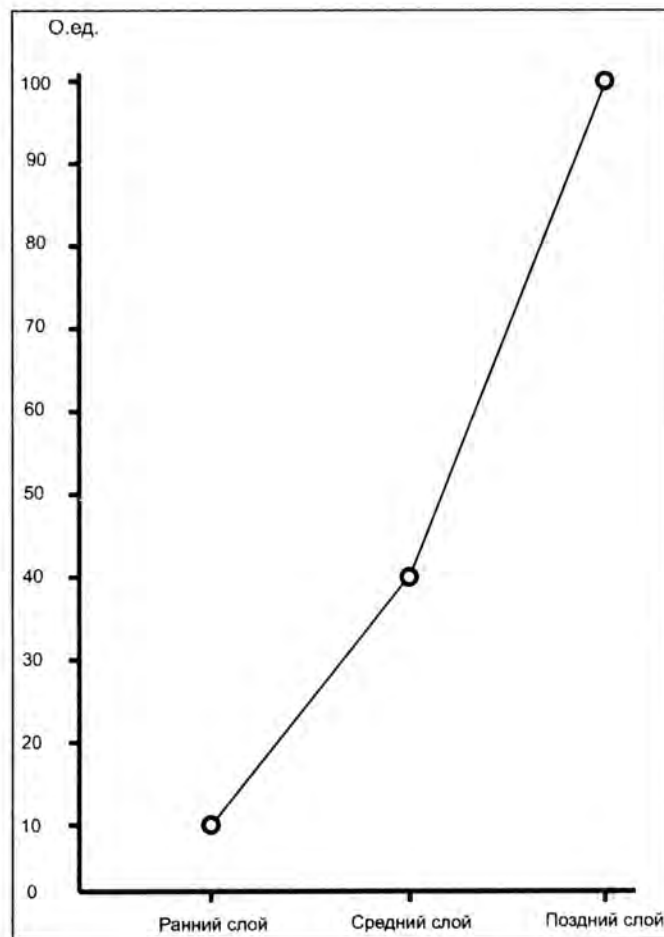

Рис. 2. Нарастание интенсивности обитания на поселении Борлы по остеологическому показателю

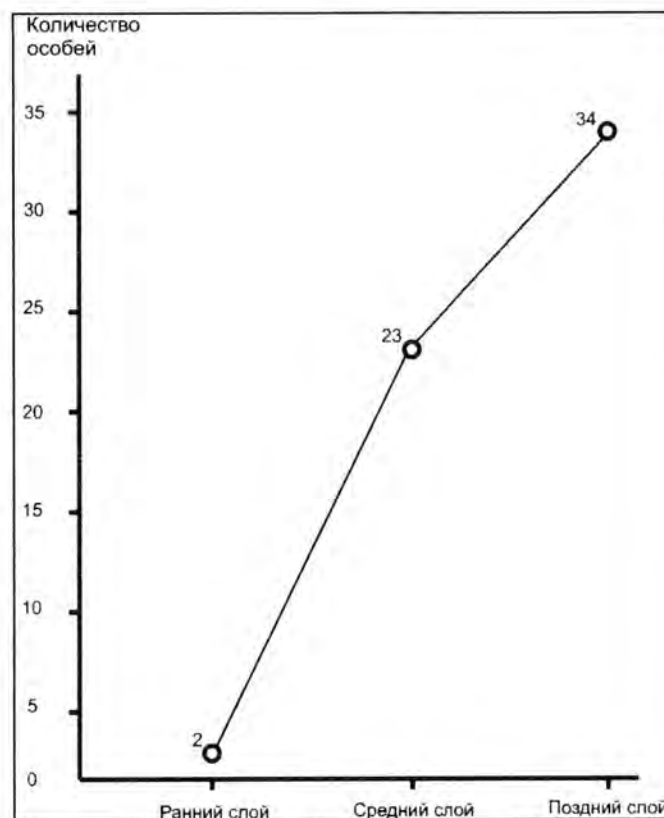

Рис. 3. Динамика хозяйственной значимости КРС у населения поселения Борлы от раннего этапа к позднему

ОБНАРУЖЕНИЕ ГЕОГЛИФА И ПРИРОДНЫЕ ЗОНЫ В ГОРНОЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО УРАЛА

Осенью 2011 г. на склоне хребта Зюраткуль был обнаружен и исследован геоглиф – новый тип памятников для континентальной Евразии (Grigoriev, Menshenin, 2012). Объект находится в Саткинском районе Челябинской области, в 200 км к западу от Челябинска, в 15 км к юго-востоку от г. Сатка, на территории национального парка «Зюраткуль».

Национальный парк получил свое название по высокогорному озеру и хребту. Хребет Зюраткуль расположен в высокогорной части Южного Урала и является господствующей возвышенностью в бассейнах верхнего течения рек Куваш, Большая и Малая Сатка, ограничивает котловину одноименного озера с северо-западной стороны. Протяженность хребта 8 км, наибольшая высота над уровнем моря 1175 м. В настоящее время район относится к таежной зоне, однако памятники этого типа в этой зоне располагаться, в принципе, не могут. Во время функционирования объекта здесь должны были быть открытые незалесенные пространства.

Объект расположен на террасе юго-восточного склона хребта Зюраткуль на высоте 860 м. Координаты площадки: 54°56'33" СШ, 59°11'32" ВД. По террасе и геоглифу проходит экскурсионная экологическая тропа на вершину хребта.

На космическом снимке объект отчетливо виден благодаря светлым изогнутым линиям шириной 2–4 м, четко различимым на фоне поверхности, формирующим контурный рисунок животного (рис. 1). Размеры рисунка по линии ЗЮЗ – ВСВ – 218 м, по линии ССЗ – ЮЮВ – 195 м, по линии СЗ – ЮВ – 275 м, ширина линий 2–4 м. Облет объекта на гидросамолете в августе 2011 г. и параплане в сентябре показал, что рисунок перекрыт рыхлыми отложениями и хорошо задернован. Визуальный осмотр площадки подтвердил погребенное состояние рисунка, высокий травостой на поверхности террасы и залесенность линий, изображающих спину живот-

ного. Поэтому план объекта был создан методом интерполяции линий космоснимка на топоплан террасы (рис. 2). Детали изображения морды, хорошо различимые на фотографиях с параплана и самолета, переносились на план с учетом угла съемки.

Рисунок в целом ориентирован для восприятия с вершины хребта. Вероятно, при создании и последующем использовании объекта наблюдатели находились именно там. Линии правого рога просматриваются отчетливо. Он стилизован, конец закруглен. Тропа пересекает рисунок поперек, пересекая линии, изображающие левый рог и брюхо. В месте пересечения линии рога животного с тропой на поверхности зафиксировано хорошо задернованное валообразное возвышение. Вал имеет ширину 6 м и высоту 0,1–0,15 м. В разрезе вала на поверхности тропы видны камни кварцевых пород. В точке пересечения тропой линии брюха вал и камни отсутствуют. Задние ноги расположены к западу от тропы, передние – к востоку. У каждой пары одна нога крупнее другой, что позволяет предположить, что рисунок сделан в проекции. Крупные ноги находятся на переднем плане к зрителю, мелкие – на заднем.

От линий, изображающих рога и передние ноги, отходят две линии, обозначающие морду животного. Съемки с самолета и параплана показывают, что эти линии соединяются под острым углом, причем закругляется линия, изображающая наружный контур морды. Морда очень крупная, с сильно отвисающими губами. Не исключено, что это попытка в стилизованном виде показать характерные особенности лося. Между «глазницей» и линией правого рога изображена ложбинка, также характерная для этого животного.

На некоторых участках площадки существуют небольшие валообразные возвышения, маркирующие рисунок. В различных секторах площадки зафиксирована серия относительно

крупных кварцевых глыб и плит, верхние грани которых выступают на поверхности. Некоторые из них совпадают с контуром рисунка, некоторые располагаются внутри отдельных частей «тела» животного. Поэтому структура объекта, возможно, не ограничивается только контуром, видимым на снимках.

Для определения характеристик объекта на двух его участках, где фиксируются валообразные возвышения с выступающими на поверхности камнями, были заложены разведочные траншеи (рис. 2).

Траншея 1 размером 1×7,4 м расположена в северо-западном секторе «рисунка», на участке изображения задней левой ноги (рис. 3, 4). Вся площадь разведочного раскопа была перекрыта слоем дерна мощностью 8 см. Под дерном залегает гумусированный суглинок темно-серого цвета, а ниже – темно-коричневый слабогумусированный суглинок делювиальных отложений.

В траншее на различных глубинах обнаружена полоса камней шириной около 5 м. В расположении камней прослеживалась четкая закономерность: крупные камни лежали по краям полосы, а более мелкие заполняли середину.

В северо-восточной части выкладки расчищены крупные камни размером 60–80 см. Камни треугольные в сечении, вершинами вниз заглублены в материковую глину, над уровнем поверхности выступают наиболее широкие грани камней. На противоположной юго-западной стороне полосы кладка ограничена крупным камнем, который слегка выступал над современной поверхностью. Камень имеет параметры 130×100 см, толщина 75 см, в сечении – пятиугольник, заглублен острой вершиной в материк на 25 см.

Крупные камни являются звеньями параллельных подпорных стенок. Для их постройки выкапывались специальные канавки треугольного сечения. Глина, изъятая при рытье этих канавок, складывалась на пространство между подпорными стенками, а затем глиняная подушка закладывалась камнями мелких и средних размеров – от 5 до 35 см. Эти камни уложены в два, а на отдельных участках в три-четыре слоя.

В северо-восточном конце траншеи, за пределами каменной выкладки, на глинистом

материке было расчищено несколько небольших камней размером 20–40 см. Создавалось впечатление, что эти камни выпали из кладки или не были помещены в нее. Поскольку эти камни лежат на материке, то первоначально снятие гумусного слоя производилось в этом месте несколько шире, чем это требовалось для сооружения основной части кладки.

Та же ситуация отмечена и в юго-западном конце траншеи, где удалось зафиксировать фрагмент погребенной почвы мощностью 6 см, которая срезана до материка на расстоянии 50 см от кладки.

Разведочная траншея 2 была сделана в северо-восточном секторе изображения, на полосе, изображающей окончание морды животного. Параметры траншеи 1×10 м, ориентировка – запад-восток. Участок имеет наклон на восток, перепад отметок поверхности составил 90 см. Как и в первой траншее, здесь была расчищена каменная вымостка, периферия которой была представлена крупными камнями (рис. 5). Ширина вымостки в траншее составила 7,4 м, но с учетом того, что разрез сделан не перпендикулярно, действительная ее ширина на этом участке составляет 6,6 м.

Мощность дернового слоя в этом месте оказалась меньше, чем в траншее 1 (5–6 см). Под дерном залегал слой темно-серого гумусированного суглинка. На значительной части траншеи этот слой шел до верхнего уровня кладки. Ниже гумусированность уменьшается, и слой был представлен суглинком серого цвета.

На всем протяжении траншеи, кроме крайних участков, была расчищена каменная выкладка. За ее пределами зафиксирован глинистый материк с отдельными скоплениями остроугольных материковых камней. Общий принцип этой кладки тот же, что и зафиксированный в траншее 1: по периферии кладки укладывались крупные камни, а внутреннее пространство забутовывалось мелким камнем. Такой крупный камень с параметрами 110×130 см был расчищен в восточном конце траншеи. Он лежал плашмя, с наклоном к северу. Видимая часть камня имеет толщину до 25–30 см, нижняя его часть вкопана в материк. На западе

выкладка тоже ограничена относительно крупным камнем размером 80×35 см.

Внутри расчищена забутовка. В ней использованы плотно уложенные камни размером от 5 до 30 см. Поверхность выкладки выпуклая.

Интересной конструктивной особенностью в этой траншее является то, что кладка из мелких камней на восточной границе выходит за внешнюю линию крупных камней, и подпорная плита положена на уже сделанную мелкую выкладку. Здесь кладка из камней размером 5–15 см поднимается вверх с небольшим наклоном. Высота этой кладки достигает 35 см. Столь значительная мощность кладки здесь объясняется значительным перепадом высоты поверхности.

В этой траншее тоже отмечено срезание погребенной почвы за пределами каменной кладки. На западе за кладкой выпавший из нее камень лежит непосредственно на материке.

Принципы конструирования и характер объекта

Обеими траншеями исследована довольно сложная по своим конструктивным особенностям каменная выкладка. При ее сооружении первоначально убирался почвенный и гумусный слой несколько большей ширины, чем сама выкладка. В северо-восточном конце траншеи 1 этот факт маркируется скоплением небольших камней, лежащих за пределами выкладки непосредственно на материке, а не на погребенной почве. В юго-западном конце той же траншеи в пользу этого свидетельствуют подрезка погребенной почвы в 50 см от края выкладки и лежащий на материке слой выкида. Из сказанного можно сделать вывод о том, что работа на объекте начиналась с уборки почвенного и гумусного слоя с шириной траншеи около 5,5–6 м. В траншее 2 к востоку от кладки зафиксирован слой перемещенного материка, что тоже указывает на уборку гумусного слоя.

Внешний контур каменных полос выполнялся крупными камнями. Это зафиксировали обе траншеи, что указывает, возможно, на универсальность данной ситуации, как и присутствие отдельных выступающих крупных камней на других участках этой площадки, в местах, где предполагается наличие кладки.

Однако способ укладки этих камней различался. Судя по траншее 1, после снятия гумусного слоя на несколько более широком участке, чем это требовалось для размещения собственно кладки, выкапывались небольшие канавки или углубления в материковой глине, в которые укладывались крупные камни, ограничивающие контур изображения. Материковый выкид из этих углублений размещался внутри контура крупных камней, и на него укладывались уже камни небольших размеров. Часть из них, естественно, продавливалась в слой выкида, что и привело к тому, что щебня в нем больше по сравнению с материковым слоем.

Вероятно, это делалось исключительно из рациональных побуждений. Если не принимать во внимание более высокие нивелировки крупного камня на западе (он выступал даже над уровнем дневной поверхности, и это было связано исключительно с его размерами), то верхний уровень крупных периферийных камней и камней внутренней забутовки близки друг другу. Соответственно, было стремление сделать сравнительно ровную поверхность. Размещение выкида внутри контура из крупных камней уменьшает количество мелкого камня, необходимого для забутовки.

Не исключено также, что углубления под крупные камни не являются сплошной траншеей вдоль всего контура, а есть локальное явление для тех случаев, когда надо прочно установить камень с одной выпуклой поверхностью, что заодно несколько понижает уровень его верхней поверхности, делая ее близкой остальной кладке.

В траншее 2 ситуация слегка отличается. Здесь сначала была положена часть кладки, на край которой поместили крупный ограничивающий камень. Это менее логичная технология. Не исключено, что в данном случае это обусловлено большим наклоном поверхности на этом участке. Поэтому, если бы камень был положен на материк (а тем более в углубление), образовалась бы большая разница между его поверхностью и поверхностью кладки на западе.

После исследования первой траншеи мы предположили, что крупные камни по контуру в начале строительства укладывались в двух

целях. Они служили в качестве подпорных камней мелкой кладки или забутовки. Кроме того, в процессе первичной разметки контура они могли быть хорошо видны с хребта и служить, таким образом, маркерами при разметке. Но исследование второй траншеи, где крупный камень положен непосредственно на кладку, показывает, что задача стояла другая. Они маркировали контур, создавая, возможно, какой-то особый визуальный эффект при наблюдении объекта с хребта. Поскольку хребет Зюраткуль сложен из белого кварцита, а для кладки использовался тот же материал, первоначально изображение с хребта смотрелось белым и слегка блестящим на зеленом фоне травы. Однако впоследствии внутреннее заполнение патинировалось, заполнилось землей и приобрело серый цвет, в то время как внешние крупные камни контура сохраняли прежний светлый оттенок.

На основании вышеизложенного можно с уверенностью заключить, что речь идет о каменной выкладке антропогенного характера, а не о скальном выходе (что исключает характер материка под камнями) и не о природном оползании камней вниз по склону (он не столь крут для перемещения очень массивных камней, и каменные оползни не могут формировать контур из камней одного размера, а внутреннее заполнение контура – из камней другого размера).

Исходя из того, что исследованная кладка точно совпадает с изображением, которое фиксируется на космических и аэрофотоснимках, можно так же уверенно говорить, что все изображение выполнено каменной кладкой. Случайность здесь исключена, поскольку совпадение каменной кладки с контуром изображения, окисляемым с воздуха, имело место в обеих траншеях. Соответственно, данный объект безусловно относится к той категории памятников, которая называется «геоглифы», то есть разного рода изображения на поверхности.

Объект не имеет аналогов на территории континентальной Евразии, сходные объекты известны на отдаленных территориях. Он сопоставим со знаменитыми изображениями в пустынях Наска и Пальпа в Южном Перу, но там изображения выполнены в иной технике – сня-

тием патинированного верхнего слоя камней, за счет чего создавались более светлые полосы (Kosok, Reiche, 1949; Reindel u.a., 2003). Изображения датируются до середины I тыс. н.э., хотя не исключена и более ранняя датировка от конца I тыс. до н.э. Известны геоглифы и в долине Блайт в Калифорнии, где их датировка затруднена (Johnson, 1985).

Территориально наиболее близкими являются геоглифы в Британии: Уффингтонская Белая Лошадь в Оксфордшире, Сернский Гигант в Дорсете, Длинный Человек из Уилмигтона в Восточном Сассексе. Абсолютно надежных дат для них нет, предполагаются варианты от 2000 г. до н.э. (эпоха бронзы) до I тыс. н.э. (галло-римское время) (Castleden, 1996; Lock et al., 2004; Bergamar, 2008). Технологически эти изображения ближе изображению на хребте Зюраткуль, так как выполнены в идентичной технике – выборка канавок в гумусе и заполнение их камнем.

В отличие от породивших много мифов геоглифов Наска в данном случае мы имеем объект, строительство которого можно объяснить с вполне рациональных позиций, хотя объект безусловно имеет культовый характер. Как мы видели из описания объекта, все фазы его строительства (за исключением более широкого, чем кладка, снятия гумусного слоя) обусловлены вполне рациональными соображениями. Маркирование контура в данном случае тоже не являлось большой проблемой, поскольку площадка прекрасно просматривается с хребта Зюраткуль.

Датировка и природное окружение

Датировка объекта является сложным вопросом. Во всем мире геоглифы датируются с большим трудом ввиду редкой встречаемости датирующего материала. В данном случае тоже обнаружить какие-либо датирующие предметы не удалось. Однако обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Зафиксированная нами в траншее 1 погребенная почва имеет мощность всего 6 см. Допуская то, что в районе строительства кладки она могла быть слегка примята, можно предположить, что к началу строительства уровень погребенной почвы был около 8 см. В пользу этого говорит и то общее соображение,

что каменная выкладка выступала над дневной поверхностью.

В настоящее время над материком в этой траншее лежит 40–50 см гумусированного грунта. Формирование почв в районе высокогорного озера Зюраткуль началось после таяния ледника. В условиях постепенного и равномерного накопления гумуса речь могла бы идти о том, что возраст объекта около 7–9 тысяч лет, то есть эпоха неолита. Однако в силу резкой разницы климатических периодов в регионе говорить о равномерном накоплении гумуса не приходится. Кроме того, значительная часть слоя является делювиальными отложениями, спускавшимися вниз по склону в какой-то период после завершения функционирования объекта. Делювий имеет более молодую дату, но на его поверхности произошел процесс вторичного почвообразования, и к настоящему времени современный гумус на поверхности делювия составляет 15–20 см. Поэтому датировка объекта средневековым мало вероятна.

В траншее 2 перекрывающий кладку слой не столь велик, но тут это обусловлено более наклонной поверхностью. В этих условиях рыхлые делювиальные отложения не накапливались, а более интенсивно смывались вниз.

С этим связан еще один аспект. В настоящее время склоны хребта покрыты таежной растительностью. При сооружении объекта можно было бы расчистить площадку от леса, но она бы начала достаточно быстро зарастать. Геоглифы – это объекты открытых пространств. В этой связи интересны результаты, полученные при археозоологических исследованиях, которые показали, что в горной зоне Южного Урала до среднего голоцена включительно (то есть до начала раннего железного века) преобладали открытые ландшафты при заметной доле лесных видов (Бачура, Косинцев, 2010, с. 45).

Все это суммарно позволяет датировать геоглиф от неолита до эпохи бронзы. Но встает еще один вопрос: что было причиной этого? При наличии соответствующих климатических условий после конца плейстоцена развитие тайги должно было происходить быстрее.

Изучение мегалитов эпохи энеолита на острове Веры в Южном Зауралье выявило интересную особенность – изменение их ориентации со временем. Та же самая ситуация наблюдается и в мегалитах Западной Европы. Причем смены этих ориентаций сопровождалась катастрофическими землетрясениями. Рассмотрение этого вопроса привело к гипотезе о дрейфе точки полюса (рис. 6), который осуществлялся небольшими рывками, были предложены причины и механизмы этого дрейфа, а также его схема в пределах позднего плейстоцена и первой половины голоцена (более подробно это опубликовано в специализированном геологическом журнале Grigoriev, 2011). Расчеты показывают, что на рубеже неолита и энеолита этот район Южного Урала находился на 414 км южнее, то есть на широте Орска, а ранее еще южнее, что и не позволяло развиваться лесной растительности.

Этим, вероятно, и объясняется «степной» характер памятника, расположенного в таежной зоне. Видимо, это обстоятельство следует учитывать и при анализе пространственного размещения иных памятников неолита и энеолита.

Bergamar K. Discovering Hill figures. – Oxford: Shire. – 2008. – 104 p.

Castleden R. The Cerne Giant. – Wincanton: Dorset Publishing Company. – 1996. – 222 p.

Johnson B. Earth figures of the lower Colorado and Gila River deserts: A functional analysis. – Yuma: Arizona Archaeological Society. – 1985. – 178 p.

Lock G., Gosden C., Miles D. Uffington White Horse in its landscape. – Oxford: Oxford University School of Archaeology. – 2004. – 340 p.

Статьи в журналах:

Бачура О.П., Косинцев П.А. Фауны млекопитающих в позднем плейстоцене и голоцене на Южном Урале // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2010. – № 12 (118). – С. 42–48.

Grigoriev S.A. Catastrophes in the first half of Holocene and their possible dynamic causes // New concepts in global tectonics newsletters. – 2011. – № 61. – P. 95–107. www.ncgt.org/newsletter.php?action=download&id=103

Grigoriev S.A., Menshenin N.M.. Discovery of a geoglyph on the Zjuratkul Ridge in the southern

Urals. Antiquity. – 2012. – № 86 (331): <http://antiquity.ac.uk/projgall/grigoriev331/>

Kosok P., Reiche M. Ancient drawings on the desert of Peru // Archaeology. – 1949. – № 2/4. – P. 206–215.

Reindel M., Lambers K., Grün A. Dokumentation und archäologische Analyse der vorspanischen Bodenzeichnungen von Palpa, Südperu // Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – 2003. – № 23 – S. 183–226.

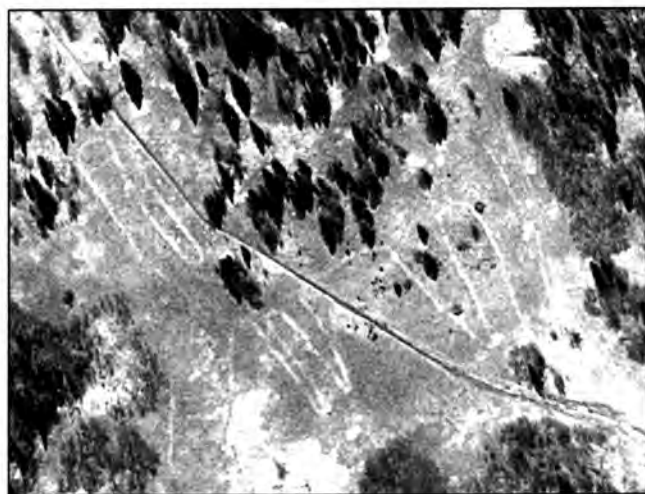

Рис. 1. Космический снимок геоглифа на хребте Зюрат-куль (источник Google Earth)

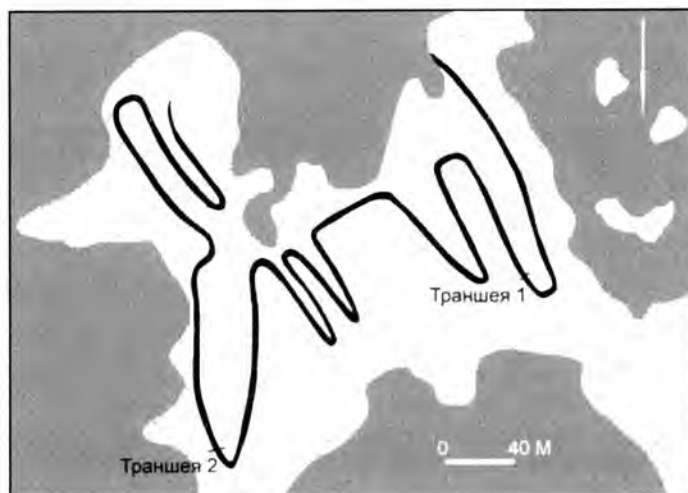

Рис. 2. План геоглифа

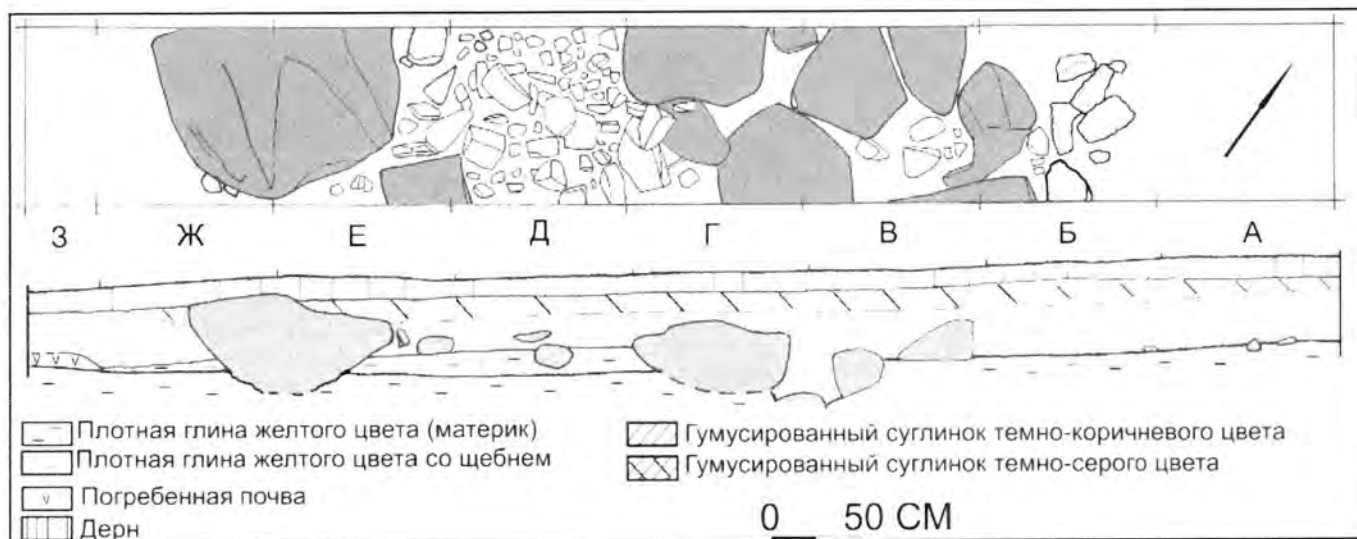

Рис. 3. План и разрез траншеи 1

Рис. 4. Тренища 1

Рис. 5. Тренища 2

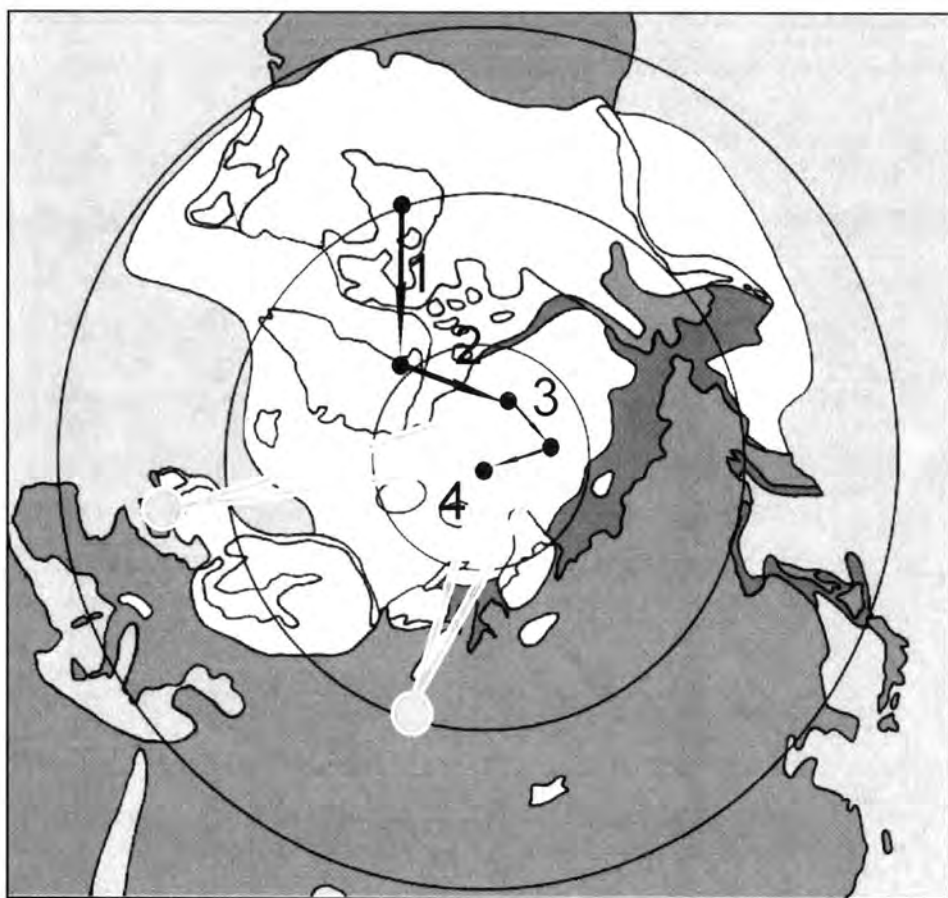

Рис. 6. Карта смещения точки географического полюса в позднем плейстоцене и среднем голоцене. Цветами выделены разные зоны в период последнего ледникового максимума: коричневый – суша, голубой – океан, зелено-желтый – участки суши до постплейстоценового поднятия океанов, светло-серый – материковые ледники, белый – паковый лед. На рисунке хорошо видно, что относительно современной точки полюса ледники сильно смещены в Западное полушарие. При полюсе в районе Гренландии распределение ледниковых щитов становится нормальным. Желтыми точками показаны районы мегалитов Западной Европы и Урала, а желтыми линиями – ориентации и расстояния до полюса. Красными точками и соединяющими их стрелками показан дрейф полюса: 1 – Младший Дриас (чем объясняется резкое похолодание этого времени в Европе и Северной Атлантике, не выраженное в Северной Америке), 2 – Пребореал, 3 – Бореал и ранний Атлантик, 4 – поздний Атлантик и Суббореал

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЮЖНОГО УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ¹

Длительная история метода до сей поры не стала поводом для его всеобщего признания в археологической среде, не выработаны пока стандарты применения и представления результатов. Для большинства археологов России и сопредельных государств этот вариант установления хронологии нередко остается лишь эпизодом исследовательской деятельности, тем более что учебные программы не снабжают студентов и аспирантов необходимой информацией и не формируют соответствующие навыки. Эти проблемы в значительной степени носят субъективный оттенок и могут быть охарактеризованы как болезни роста. В этом же русле лежит проблема крайне неравномерной обеспеченности анализами конкретных культур и периодов. Для Урала, на примере которого будут рассматриваться основные вопросы, вполне очевидно, что наряду с культурами, располагающими многими десятками датировок, имеются другие, снабженные единичными анализами, либо не имеют их вовсе.

Вместе с тем радиоуглеродное датирование постепенно входит в широкую практику археологических исследований, в том числе региональных. Возможности использования метода, конечно, лимитированы финансовыми возможностями, но дело не только в них. Причиной этого является слабое понимание лимита возможностей этого варианта исследования. Кроме того, сказывается и преимущественное использование сцинтилляционно-бензольного метода, ныне уходящего в прошлое в большинстве зарубежных лабораторий (Bowman, 2002). Для Урала анализы, выполненные с помощью AMS-технологий, обязаны своим появлением реализации международных проектов и связаны в основном с бронзовым веком.

Общее число анализов для Урала и прилегающих к нему территорий Волго-Уралья и Приобья превысило 800, однако по эпохам они распределены крайне неравномерно. Примерно половина относится к эпохе бронзы, остальные разделены между каменным и железным веком.

Особенностью выборки является также очень небольшое число дат, связанных с ранним железным веком, для которого имеются трудно-преодолимые проблемы методического плана. Речь идет об особенностях калибровочной кривой участка 3000–2500 лет назад с обширным «плато». Сходная, хотя и менее драматичная, ситуация имеет место для части датировок бронзового века (около 3900 лет назад). Кроме того, значительная часть исследователей древностей ранних кочевников уверена, что датирование по аналогиям – более эффективный метод, что верно лишь отчасти, поскольку этот метод дает разные результаты у разных специалистов (Мартинов, Шер, 1989, с. 177) в зависимости от их представлений (длительность бытования типов, скорость распространения культурных новаций и др.). Для Урала не изжит подход, сходный с зафиксированным для РЖВ Верхнего Приобья состоянием, когда *единичные некалиброванные* даты проверяются на предмет *соответствия* собственным заключениям по предметному комплексу (Бородовский, 2009, с. 5).

Важно упомянуть, что инициатива в привлечении радиоуглеродных датировок для хронологических построений эпохи железа в значительной степени исходила от исследователей лесостепных и лесных культур, для которых число датирующих категорий не слишком велико, а особенности их функционирования и отложения не всегда ясны. Последнее касается в первую очередь хорошо датированных предметов импорта, которые в силу своей высокой ценности могли бытовать достаточно долго.

Из упомянутого для Урала числа датировок лишь одна десятая получена с применением ускорительных технологий. За счет общего наращивания серии постепенно сокращается доля анализов периода становления методики (условно, до начала 1980-х гг.). Именно эти результаты характеризуются огромным разбросом значений, в том числе и для заведомо одновременных объектов. Более того, в настоящее время принято ис-

пользовать иное значение периода полураспада. Данная величина прямо влияет на расчет *радиоуглеродной* даты (лет назад $\pm 1\sigma$) и, естественно, на результат ее перевода в систему астрономических датировок (до н.э., н.э.), т.е. калибровки (Бородовский, 2009, с. 18–19). Еще один аспект необходимо подчеркнуть особо. Для анализа широко использовались дерево и уголь, т.е. материалы с *длительным* накоплением изотопа углерода. В рамках сцинтилляционно-бензольного метода приходится использовать достаточно крупные фрагменты, что неизбежно расширяет получаемые интервалы. Изменить эту ситуацию, анализируя, например, карбонизированные зерна злаков, можно только в рамках AMS-технологий.

Отдельного обсуждения требует и проблема использования в качестве датирующих материалов почвы и керамики. Первая практически всегда серьезно удревнена, что не вызывает удивления в свете сложного процесса педогенеза. Однако это расхождение очень редко принимается в расчет при наложении археологической шкалы (ныне часто калиброванной) на данные палеоклиматических реконструкций (обычно некалиброванные) (Таиров, 2003). В результате выводы двух дисциплин оказываются слабо согласованы между собой. Методика датирования керамики, с моей точки зрения, требует дальнейшей проверки, в том числе и перекрестными методами. Часть результатов выглядит вполне реалистично и близка к интервалам, полученным по другим материалам. Однако наряду с этим выявлены столь существенные противоречия, что игнорировать их по меньшей мере неразумно (Черных, Орловская, 2011).

Единичны примеры взаимной проверки результатов для одного комплекса с привлечением данных по разным материалам и из разных лабораторий (Матвеев и др., 2007; Krause, Korjakova, Fornasier, Šarapova, Epimachov, Panteleeva, Berseneva, Molčanov, Kalis, Stobbe, Thiemeyer, Wittig, König, 2010; Корякова и др., 2011 и др.).

Впрочем, очевидные достижения на ниве радиоуглеродной уральской археологии все-таки имеются. Наиболее массово в последние годы проводилось датирование памятников бронзового века Южного Урала, что позволило предложить схему периодизации, в которой по единому

основанию синхронизированы блоки культур, сопоставленные как с соседними, так и с весьма отдаленными территориями (Епи́махов, 2007; 2010). Стоит признать, что в целом ряде случаев серии оказались внутренне неоднородными и составляли менее 20–25 анализов, которые считаются пороговыми при оценке достоверности (Черных, Черных, 2005 и др.). Обозначенная цифра имеется для ямной, синташтинской, алакульской, срубной и бархатовской культур.

Правда, трудно судить, насколько эта цифра является универсальной, поскольку речь идет о феноменах очень разной длительности. Вторая оговорка касается качества дат, точнее, степени однородности серии. Личный опыт суммирования вероятностей ряда культур показал, что «негативное» влияние единичной даты, выпадающей из общей серии, перестает статистически сказываться, когда количество сравнительно однородных дат превышает 10–15 анализов. Видимо, излишним будет напоминание об ответственности археолога за точность и правильность отбора образца, а также за его хранение и транспортировку. Наиболее сложной является ситуация с алакульскими древностями, которые снабжены более чем шестью десятками анализов и формально выглядят гораздо благополучней большинства культур и периодов. Однако суммирование вероятностей со всей очевидностью демонстрирует неоднородность серии, распадающейся на два протяженных интервала даже при калибровке в одну сигму (68,2 %): 2300–2000 и 1900–1450 гг. до н.э. Это решительно не соответствует общей системе периодизации, хронологии синташтинских памятников (стратиграфически более ранних) и новым результатам датирования западносибирского могильника алакульской культуры Тартас-1 (Молодин и др., 2008).

Не пытаясь охватить полный спектр имеющихся проблем, сосредоточу внимание лишь на некоторых «болевых точках». Если минимальный объем серии можно считать установленным, то возникает вопрос по поводу необходимости ее дальнейшего умножения. Обратимся к опыту работы с синташтинскими древностями, которые располагают более чем восемью десятками примеров датирования (комплексы поселений и могильников Синташта, Каменный Амбар

(Ольгино), Степное; поселения Аркаим, Куйсак и Устье; могильники Кривое Озеро и у горы Березовой). К сожалению, далеко не все перечисленное полноценно представлено в открытой печати (Телегин и др., 1981; Anthony, Vinogradov, 1995; Моргунова и др., 2003; Hanks, Epimakhov, Renfrew, 2007 и др.). Из этого числа более половины образцов (54) обработаны с помощью ускорительных технологий в различных лабораториях Великобритании, США и Германии. В качестве датировочных материалов использовались уголь, дерево, почва, кости людей и животных. Внешне благополучная картина нарушается разве что большим разбросом дат периода становления методики (1970-е гг.) и традиционно удвоенными анализами почвы.

Для определения хронологических рамок существования синташтинских древностей было произведено суммирование вероятностей калиброванных значений, давшее интервал по одной сигме 2020–1770 гг. до н.э., по двум – 2400–1400 гг. до н.э. Во втором случае разброс слишком велик, что заставляет обратиться к конкретным данным. Шлейф ранних датировок образован методически несовершенными анализами 1970-х. Кроме них, могут быть упомянуты и результаты датирования могильника у горы Березовой. Практически же все поздние даты происходят из не вполне определенного археологического контекста. Отсечение ошибочных значений существенно корректирует общую картину (2010–1770 (2200–1650) гг. до н.э.) и придает суммарному графику более монолитный вид. Наиболее заметные изменения претерпели значения по двум сигмам. Это показывает, что отброшенные результаты в большей степени влияли на статистическую картину суммирования вероятностей именно в этой части.

Было проведено сопоставление этих итогов с более ранними выводами (Епимахов, 2007, с. 404). На предшествующем этапе были предложены два варианта подсчета: для всей имевшейся на тот момент совокупности данных (31 анализ) (2040–1690 (2900–1500) гг. до н.э.) и отдельно для 18 AMS датировок (1970–1770 (2030–1750) гг. до н.э.). Сравнение с современными результатами показывает следующее. Нарастивание серии дат, полученных с применением ускорительных тех-

нологий, позволило понизить статистическую значимость несовершенных датировок (хотя и не сняло этот вопрос полностью) и четче очертить ядро значений. С другой стороны, коррективы границ интервала оказались не столь существенны, и его сужение было минимальным.

Опыт работы на поселении Каменный Амбар (Ольгино), для которого уже накоплено 37 дат, показывает, что после 20–25 анализов дальнейшее наращивание серии существенно не влияет на суммарный результат. Естественно, речь идет только об однокультурном населении и минимальном количестве заведомо ошибочных значений в выборке. Это не означает, что следует отказаться от решения любых вопросов, но в определении границ интервала памятника обозначенные рамки кажутся реалистичными и вряд ли изменятся. Это наблюдение может иметь отношение к культурам бронзового века в целом при условии сопоставимой с синташтинской длительности их существования. Что касается внутренней хронологии памятника или культуры (выделение этапов или фаз), с моей точки зрения, разрешающая способность метода не позволяет надежно осуществить эту процедуру, если речь не идет об очень длительно функционирующих феноменах, например, ямной общности. Здесь должны быть применены иные исследовательские процедуры, зависящие от состояния источниковой базы, сохранности органических материалов и пр. Так, сочетание радиоуглеродной хронологии с дендрохронологией в результате применения статистической процедуры «wiggle matching» («подгонка по зубцам») способно определить календарный возраст с очень высокой точностью (Бородовский, 2009; Слюсаренко, 2010, с. 27 и др.). Для стратифицированных комплексов серийное датирование позволяет использовать метод калибровки «Sequencing», хорошо зарекомендовавший себя для памятников бронзового века (Кайзер, 2011, с. 25). Не следует сбрасывать со счетов и археологические методы, которые, правда, также имеют ограничения применения (Епимахов, 2011).

Таким образом, наиболее актуальными на сегодня задачами в области радиоуглеродного датирования памятников Урала является заполнение лакун в отношении ряда культур и пери-

одов. Для бронзового века – это абашевская, федоровская, межовская, ташковская, коптяковская и др.; для раннего железного века – большинство лесостепных и лесных культур, а также древности средне- и позднесарматского периодов. В отношении памятников более позднего времени количество материалов ничтожно мало, особенно в степной зоне. При этом акцент должен быть сделан на получение максимально качественных результатов как с точки зрения методики отбора и анализа, так и с точки зрения точности культурной атрибуции образцов. В противном случае потребуются значительные затраты и время на существенное увеличение достоверной серии, способной статистически «погасить» негативные последствия ошибок. Во-вторых, во всех возможных случаях должны быть задействованы стратифицированные памятники (или образцы древесины), анализ которых позволяет применить методы байесовской статистики. Последнее предполагает использование ускорительных технологий. Следует отметить, что шаги на этом поприще уже делаются (Panyushkina, Mills, Usmanova, Li Cheng, 2008). В результате есть надежда не только сформировать широкие статистические интервалы, характеризующие культуру в целом или соотношение культур, но и подойти к реконструкции микрохронологии культуры и даже памятника. Шаги в обозначенном направлении будут способствовать прогрессу метода и преодолению скепсиса археологов в этой части.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проекты 12-06-91330-НННО-а).

Бородавский А.П. Традиционные и естественнонаучные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа): Учеб.-метод. пособие. – Новосибирск, 2009. – 90 с.

Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // Проблемы истории, филологии, культуры. – Вып. 17. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2007. – С. 402–421.

Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – Екатеринбург, 2010. – 55 с.

Епимахов А.В. О внутренней хронологии синташтинских памятников бронзового века (Южный Урал) // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 319–320.

Кайзер Э. Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья // КСИА. – Вып. 225. – 2011. – С. 15–27.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. – 2011. – № 4. – С. 61–74.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М.: Высшая школа, 1989. – 222 с.

Матвеев А.В., Волков Е.Н., Костомарова Ю.В. Материалы новых раскопок Хрипуновского могильника // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 108–113.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Писецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского съезда в Суздале. – Т. 1. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 325–328.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья // Шумаевские курганы. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. – С. 264–274.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 34 с.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э. Материалы к историческим реконструкциям. – Челябинск: Рифей, 2003. – 68 с.

Телегин Д.Я., Соботович Э.В., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (Сообщение II Координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975–1977 гг.) // *Использование естественных наук в археологии*. – Киев: Наукова думка, 1981. – С. 78–84.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 2. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 63–78.

Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // *Археология и естественнонаучные методы*. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 9–44.

Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // *Archaeology*. An official Publication of the Archaeological Institute of America. – Vol. 48. – № 2. – 1995. – P. 36–41.

Bowman S. Radiocarbon dating at the British Museum – the end or an era // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – Num. 291. – P. 56–61.

Hanks B.K., Epimakhov A.V., Renfrew A.C. Towards a Refined Chronology for the Bronze Age of the Southern Urals, Russia // *Antiquity*. – 2007. – Vol. 81. – Num. 312. – P. 353–367.

Krause R., Korjakova L.N., Fornasier J., Šarapova S.V., Epimachov A.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Molčanov I.V., Kalis A.J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A. Befestigte Siedlungen der bronzzeitlichen Sintašta-Kultur im Trans-Ural, Westsibirien (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua*. – Band 16. – 2010. – S. 97–129.

Panyushkina I., Mills B.J., Usmanova E.R., Li Cheng. Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia // *Radiocarbon*. – 2008. – Vol. 50. – № 3. – P. 459–469.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ «БОТАЙ – ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДОСНОВА КОННЫХ НОМАДОВ ЕВРАЗИИ»

Результаты изучения ботайской культуры на современном этапе требуют пересмотра вопросов историко-культурного развития, периодизации и хронологии, уровня хозяйственного и мировоззренческого состояния, формы взаимодействия и соотношения социумов степного пояса Евразии в эпоху энеолита. Имеющийся источниковедческий и научный задел позволяет не просто констатировать факт появления и развития в степях производящих форм хозяйства, но и предложить ряд вариантов моделей функционирования социумов ранних коневодов, причем в рамках определенных годовых календарных циклов. Это позволит более конкретно, опираясь на научные факты, представить ход исторического развития, наполнить содержанием его этапы.

Важное методологическое значение для создания истории конного номадизма имеет решение вопросов взаимодействия степного населения на рубеже каменного и бронзового веков с окружающей средой, выявление базовых элементов культурогенеза, детерминировавших основные составляющие традиционной культуры кочевников. Закономерности изменения облика культур степных скотоводов на протяжении бронзового и железного веков формировались в процессе адаптации социумов в определенных экологических нишах степного пояса. Облик культур тонко реагировал на результаты соотношения двух основных нестабильных динамичных факторов – природного и демографического. Естественно, что сложение и трансформация культур происходили в процессе актуализации традиционных и инновационных элементов, а динамизм или стагнация зависели от состояния взаимодействия нестабильных факторов и уровня культурных достижений. Поэтому часть адаптивных культурных элементов степных социумов сохранялась на протяжении тысячелетий как гармонизирующий фактор культуры и окружающей среды, ряд показателей культуры динамично изменялся под воздействием экономического, социально-политического и мировоззренческого факторов.

В процессе изучения поселения Ботай были применены передовые технологии исследова-

ний. К настоящему времени на поселении Ботай осуществлены комплексные археологические, трасологические, палеогеографические, палеозоологические, палеопочвенные, экспериментальные исследования (реконструкции жилой и производственной архитектуры, погребальных комплексов, технологий домашних промыслов, хозяйственной деятельности). Получено более десяти радиоуглеродных дат поселения Ботай и других объектов ботайской культуры из лабораторий Берлина (Германия), Оксфорда (Великобритания), Хартвига (США), Санкт-Петербурга (Россия).

В результате совместных работ с британскими учеными из университетов Эксетера и Бристоля под руководством доктора Алана Оутрама были сделаны химико-биологические анализы образцов керамики поселения Ботай и анализы образцов почвы с береговой (производственной) зоны поселения. Было установлено, что керамические образцы содержали жировые молекулы кумыса. Пока это самый ранний факт изготовления кумыса, доказанный инструментально (Outram, Stear, Bendrey, Olsen, Kasparov, Zaibert, Thorpe, Evershed, 2009, p. 1332–1335).

Британскими учеными были применены методики определения уровня domesticiрованности лошадей на основе анализа изменения пропорций конечностей и анализа степени утилизации зубов лошадей в результате использования ботайцами удил, которые также подтвердили факт domestикации ботайской лошади. Это значит, что ботайцы уже в IV тыс. до н.э. были наездниками и практиковали изготовление кумыса. Британскими специалистами было произведено геомагнитное сканирование территории поселения. Анализ полученного плана размещения конструкций в границах поселения выявил очертания, которые можно трактовать как элементы хозяйственных сооружений. Финансирование указанных работ осуществлялось британской стороной.

Таким образом, накоплен значительный фактологический материал по экономической составляющей ботайского социума. Он позволяет считать население ботайской культуры сообще-

ством, заложившим экономический фундамент цивилизации конных номадов степной Евразии.

Коллективом ученых СКГУ им. М. Козыбасва, академии «Кокше», Евразийского университета им. Л. Гумилева по договору с Комитетом культуры Министерства культуры Республики Казахстан в 2011 г. выполнялась научно-прикладная тема «Ботай – историческая подоснова конных номадов Евразии».

Вскрытие культурного слоя началось со снятия дернового слоя на глубину до 10 см и его измельчения с целью выборки возможных находок. В дерновом слое встречались немногочисленные отщепы, единичные изделия из камня: скребки, наконечник стрелы. После снятия дернового слоя во всех квадратах было произведено выравнивание поверхности. В юго-восточном секторе квадрата А-3 обнаружено скопление костей лошади.

После выборки слоя 10–20 см было получено представление о форме котлована жилища (фото 1, рис. 1). Центр котлована приурочен к квадрату Б-2, в остальных квадратах котлован жилища занимал только часть площади. В квадрате А-1 котлован занимал северо-восточный угол, в квадрате А-2 – северную половину, в квадрате А-3 – северо-западный сектор, в квадрате Б-1 – восточную половину, в квадрате Б-3 – западные 2/3 квадрата, в квадрате В-1 – юго-восточный угол, в квадрате В-2 – южную половину, в квадрате В-3 – юго-западный угол.

После снятия слоя 20–30 см стал проявляться материк, с разной степенью отчетливости обозначились граница между материком и глинистым оплывом в котловане жилища и граница между глинистым оплывом и верхним почвенным заполнением котлована (фото 2).

Материк представлен в основном желтовато-коричневой охристой глиной. В квадратах А-3 и В-1, в северных и восточных квадратах в состав желтой глины примешиваются прослойки или прожилки красной глины и сланцевой дресвы. В квадрате Б-1 материк состоит из желтой глины в сочетании с прожилками мелкой сланцевой дресвы коричневого и желто-зеленого цвета.

В рамках котлована затек глины, происходящий из стен жилища при затекании в котлован после прекращения функционирования жилища, приобрел достаточно однородную структуру и коричневую окраску за счет смешения глины и почвы.

Наиболее обширные заплывы глинистого заполнения в котлован жилища располагаются в квадратах В-1 и В-3, с северо-западной и северо-восточной стороны, принявших в себя весенние талые и дождевые воды.

Достаточно отчетливые очертания котлована жилища и хозяйственных ям проявились на глубине 50 см (фото 3, рис. 2).

За пределами жилища зафиксированы хозяйственные ямы. Хозяйственная яма 1 зафиксирована на глубине 60 см в южной части квадрата А-1. Яма овальной формы диаметром 1,6 м. В заполнении ямы залегали кости лошадей. Наибольшее скопление костей достигает на глубине 50 см. Среди костей животных обнаружены каменные орудия. Под большим камнем с плоским верхом в яме найден практически полный комплект зубов хищника отряда собачьих. Обнаружен целый скелет таза лошади. По всему периметру ямы зафиксированы многочисленные большие норы. Вероятнее всего, яма изначально использовалась для извлечения глины, а впоследствии – в качестве хозяйственной ямы. Заполнение ямы представлено желто-коричневой глиной.

Хозяйственная яма 2 расположена вдоль южной бровки квадрата А-2. В квадрате А-2 фиксируется только северная часть хозяйственной ямы, южная расположена за пределами раскопа, так что о ее контурах судить трудно. Ширина ямы составляет 165 см, глубина заполнения – около 50 см, от отметки – 50 см. В заполнении ямы обнаружены два черепа лошади, уходящих под бровку, и большое количество лошадиных костей, залегавших в хаотичном порядке. В яме также были обнаружены кости лисы и кролика, каменные орудия: наконечник дротика и скребки. Заполнение ямы представлено глиной от желто-коричневого до темно-коричневого цвета. Из более темных элементов в нижней части ямы были взяты образцы для флотации.

Хозяйственная яма 3 зафиксирована в южной зоне квадрата А-3 на глубине 65 см. Яма имела округлую форму. Диаметр ямы 225 см.

Граница ямы в одних местах легко различима, в других – сильно повреждена и иногда трудноуловима. Стенки ямы неровные и спускаются ко дну под наклоном. Кости лежат на всей поверхности стенок ямы и залегают плотным скоплением, включая множество сочленений, на дне ямы. Заполнение ямы представлено костями, залегавшими в несколько слоев (рис. 3).

Некоторые кости почти целые, другие сильно фрагментированы и разложились настолько, что распадались в ходе извлечения в труху. Помимо разрозненных костей и их фрагментов найдены сочленения в анатомическом порядке. Найдены также обломки кремня, кусочки зеленого песчаника (очень маленькие и немногочисленные включения), мелкие кусочки гравия и кварцита.

В заполнении фиксируются следы углей, у дна ямы их стало больше. Заполнение ямы разнородное, представлено глинистыми прослойками разных оттенков (рис. Б.38). Вероятно, яма была вырыта для забора глины (?) и впоследствии заполнена костными отходами.

На глубине -120 см на дне ямы выявлена еще одна яма – овальной формы и диаметром 65 см. Отношение ее к хозяйственной яме неясно, может быть, она является частью одного явления, может быть отдельной. Но заполнения их идентичны.

Хозяйственная яма 4. Яма выявлена на глубине 50 см в северо-западном углу квадрата В-1. В верхних слоях яма содержала обширное скопление костей, включая многочисленные сочленения. В средних слоях заполнения ямы содержание костей было еще большим. При этом неясно, какое из них отложилось первым. В заполнении ямы встречается темный грунт по всему объему, из образца для флотации извлечены угли. Зафиксировано значительное скопление обожженной кости. Состояние костей различно: некоторые хорошей сохранности, хотя после извлечения фрагментируются, большая часть костей плохой сохранности из-за влажности суглинистого заполнения ямы.

На дне ямы залегал слой глины темного цвета, который содержал большое количество костей, включая сочлененные фаланги, и обломки орудий труда.

Хозяйственная яма 5. Яма обнаружена на глубине 50 см в квадрате В-2, вдоль центральной части его северной бровки. Зафиксирована ее большая южная часть, северная расположена за пределами раскопа. Яма, судя по большей ее части, имела округлую форму. Диаметр ямы составляет 95 см.

Яма подрезает контур в некоторых местах, но оканчивается относительно плоским дном. Возможно наличие более позднего элемента, на что указывают уголь и камни среднего размера. Стены ямы устроены в материковой глине, дно плоское, песчаное. Яма деформирована норой.

Верхний 20-сантиметровый слой заполнения ямы представлен светлой красно-коричневой глиной в сочетании с очень хрупкими минерализованными (прокаленными в огне?) костями животного. Последующие 20 см заполнения представлены разноцветной глиной в сочетании с хорошо сохранившимися крупными костями и одним отщепом. По всему заполнению ямы встречаются кусочки угля.

Яма заполнялась в несколько этапов.

Хозяйственная яма 6. Яма обнаружена в квадрате Б-3 на глубине 90 см. Она располагалась вдоль восточной бровки квадрата. Яма округлой формы, в квадрате фиксируется только западная часть ямы, восточная расположена за пределами раскопа. Диаметр ямы 150 см, стенки пологие, сужающиеся к центру. В заполнении ямы обнаружены хаотично разбросанные кости животных.

Конструктивные элементы жилища

В центральной части жилища на глубине 90 см обнаружены три ямы и один очаг.

Очаг округлой формы. Расположен в центральной части квадрата Б-2. Диаметр очага 150 см. Глубина очага небольшая. Стратиграфия очаговой ямы следующая: верхние 15 см – темный гумусированный суглинок с прокалом, ниже – материковая глина (рис. Б.48). В яме обнаружены несколько отщепов и обожженные фрагменты костей.

Яма (1) обнаружена на глубине 90 см под центральной частью западной бровки квадрата Б-2. Яма округлой формы диаметром 90 см. Заполнение ямы представлено светло-коричневым суглинком.

Яма (2) обнаружена на глубине 90 см в северо-западном углу квадрата Б-2. Яма округлой формы диаметром 50 см. Заполнение ямы представлено светло-коричневым суглинком.

Яма (3) обнаружена на глубине 90 см под центральной частью северной бровки квадрата Б-2. Яма округлой формы диаметром 100 см. Заполнение ямы представлено светло-коричневым суглинком.

Стратиграфические наблюдения, проведенные в процессе раскопок, в целом подтверждают закономерности формирования культурного слоя, выявленного в ходе раскопок прошлых лет. Начиная с дневной поверхности заполнения котлована жилища формировалось из следующих слоев: 0–10 см – отложения гумуса; 10–30, 30–50 см – слой темного гумусированного су-

глинка с прокалом, представляющего собой своеобразную смесь черноземной почвы и лесовидного суглинка. Он образовался в процессе разрушения кровли крыши, покрытие которой состояло из глиняной обмазки и земляных пластов. Основная масса этого слоя концентрировалась в центральной части котлована, к краям он выклинивался по нисходящей легкой дугой. На глубине 30–70 см у краев котлована фиксировался темно-коричневый суглинок, переходивший местами в светло-коричневый и желтоватый суглинок или супесь. Он также начинался у краев и под углом спускался к центру жилищного пространства. В данном случае был зафиксирован результат, с одной стороны, затекания развала наружных стен жилища в котлован и частичного разрушения стенок котлована, с другой.

На глубине 50–60 см фиксируется линза глинистой почвы темно-золистого цвета, маркирующая пол жилища.

Ниже, на глубине 80–90 см, фиксируется вторая линза темно-золистого глинистого слоя, отражающая наличие в котловане еще одного пола – нижнего первоначального жилища. Две линзы пола свидетельствуют о двух периодах функционирования жилища, с перерывом между ними.

В разрезах бровок четко прослеживаются многочисленные тонкие линзы и комковатые фракции охры, глины, песка, золы, иногда в перемешанном состоянии.

После окончательной выборки котлована жилища, разбора бровок очертание котлована получилось восьмиугольной формы диаметром 12 м (рис. 3). В центральной части котлована жилища расположены один очаг и три ямы-хранилища, за пределами стенок котлована расположены хозяйственные ямы.

В статистическую обработку включены артефакты в количестве 5218 экземпляров, происходивших из раскопов 2011 г. Подсчеты изделий велись по категориям с учетом материала изготовления: кремня, камня, глины, кости.

Среди кремневых артефактов присутствуют класс нуклеусов и их производные, пластины, отщепы, бифасы (Зайберт и др., 2007, с. 163). Внутри каждого класса выделялись типы заготовок, типы орудий, а также категория отходов и обломков. Всего в таблице суммарной характеристики материалов поселения Ботай за 2011 г. учтены 56 экземпляров обломков нуклеусов и их производных, что составляет от общего ко-

личества коллекции 1,4 %. Все нуклеусы представлены типологически формами для снятия отщеповыми. Обломки нуклеусов происходят от этих же типов. Имеющиеся сколы оживления и заготовки нуклеусов связаны технологически с основными выделенными типами ядрищ.

Пластин насчитывают 68 экземпляров, что составляет 1,3%. Пластины учитывались по типам вторичных заготовок. Преобладающее число пластин без обработки составляют проксимальные сегменты, в меньшей степени фиксируются медиальные и дистальные части пластин. Целые пластины составляют относительно небольшую часть. Состояние исходных заготовок отражает типично пластинчатую технологию изготовления и вкладывающую технику применения на практике. Визуально заметно, что большая часть пластин и их сегментов использовалась без нанесения на них ретуши по краям, однако трасологические определения пластинчатых изделий показывают их широкое применение в работе.

Следующую группу составляют концевые скребки на пластинах (56 экз.). Пластины происходят из яшмовидных кремнистых пород. Порода теплых тонов, мелкая, зернистая. Кремневые изделия серого, дымчатого, белого, желто-коричневого цвета или прозрачные, встречаются единичные экземпляры скребков и пластин из горного хрусталя.

Отщепы. В данный класс изделий таблицы отнесены сколы, не имеющие параметров пластин, полученные в процессе снятия с ядрищ или в процессе вторичной обработки изделий из различного сырья: кремня, мелкозернистых яшмовидных и крупнозернистых яшмокарцитовых пород серого или светло-коричневого цвета. Всего учтено 4964 экземпляра. Основу отщепов составляют сколы из крупнозернистого кварцита и яшмокарцитовых пород. Отщепы без обработки различных размеров – от чешуек до крупных образцов – составляют 4311 единиц. Среди отщепов со следами вторичной обработки самую многочисленную группу составляют скребки – 348. Скребки подразделяются на круговые, а также скребки, имеющие рабочие лезвия, занимающие 1/3, 2/3, 3/4 периметра заготовки. Меньшую долю занимают круговые скребки. Большие серии орудий составляют ножи (193 экз.), скребла (3 экз.), скобели (26 экз.).

В класс «Бифасы» включены двусторонне обработанные изделия, отщепы, сколы или куски ядрищ. Всего включено 82 экземпляра. Ти-

пологически выделяются различного рода наконечники, неопределимые изделия и их обломки. Внутри этого класса изделий визуально и трасологически вычленяются сверла для перфорации отверстий в каменных заготовках. Наибольшее количество бифасов составляют обломки наконечников дротиков (35 экз.) и обломки наконечников стрел (15 экз.). Целые наконечники составляют небольшой процент. Большое количество обломков бифасоидных наконечников объясняется тем, что замена сломанных наконечников, стрел, копий, дротиков происходила, как правило, в месте обитания человека, а не на марше или в процессе охоты.

В классе «Каменные изделия» насчитывается 34 предмета. Это различные изделия – макроформы, заготовки и обломки последних, выполненные из некремневых пород: песчаников, гранитов, сланцев и др. Этот перечень ярко свидетельствует о развитой производственной сфере древних ботайцев.

В графе «Керамика» учтены фрагменты стенок, шеек, придонной части, днище. Подавляющее количество находок является остатками стенок сосудов, процент резко снижается относительно шеек и придонной части.

В графе «Костяной материал» находки делятся по классам: костяные изделия, остеологический материал.

Костяные изделия составляют 18 единиц. Это традиционный набор для коллекции ботайского поселения. Он представлен долотовидными инструментами, тупиками, разминателями, рукоятями инструментов, кочедыками, проколами, сверлами, провертками.

Полученный остеологический материал исследован канд. г.-м. наук Л.Л. Гайдученко совместно с научным сотрудником А.М. Магзумовым.

Среди многочисленных костей лошади выявлены и другие виды дикой фауны.

Останки КРС (*Bos Taurus*) достаточно редки. Встречаются кости взрослых и молодых особей, но останки детенышей до первого года жизни отсутствуют. Молодые животные к моменту смерти находились в возрасте убоя. Допустимо, что это является показателем того, что КРС на поселении не разводился, а доставлялся из других поселений (с тех, на которых он разводился). Присутствуют останки волов, быков-производителей и коров. Среди последних отмечаются особи нормальных и очень мелких размеров, что

может указывать на то, что они происходят из разных территорий, в том числе и из таких, на которых коровы характеризовались карликовостью.

В материалах просмотренной коллекции останки скелетов собак (*Canis familiaris*) отсутствуют, но отмечены два случая находок скелетов голов собак (фрагменты черепа, обе ветви нижней челюсти с частью зубов и атлант взрослой особи).

Останки лося (*Alces*) среди диких животных по количеству занимают второе место. Преимущественно они принадлежат самцам. Присутствие лося указывает на наличие в прилегающей округе лиственных или смешанных лесных массивов. Два фрагмента зубных отделов черепа одной взрослой особи с сохранившимися первым и вторым коренными зубами.

Останки сайги (*Saiga tatarica*) редки и представлены разными отделами скелета, что указывает на разделку ее непосредственно на поселении. В окрестностях Ботая сайга находилась на летних выпасах, на зиму откочевывала к югу.

Кости кулана (*Hemionus hemionus*) часто встречаются среди кухонных остатков изучаемого поселения. По количеству они занимают второе место после костей лошади. Размеры костей кулана здесь достаточно велики, что позволяет отнести их к останкам самцов. Наряду с останками взрослых встречаются и более редкие останки полувзрослых животных.

Отсутствие костей самок, молодых животных и детенышей указывает на то, что в районе поселения Ботай на летних выпасах присутствовали только самцы. Самки, вероятно, располагались в пределах родовых территорий в районе Сары-Арки.

Находки дикого европейского осла (*Asinus hydruntinus*) в голоцене Казахстана весьма редки. Впервые этот вид для голоцена описан Л.Л. Гайдученко по материалам позднеолитической стоянки Жанбобек 4 (раскопки В.С. Волошина).

Настоящее местонахождение в голоценовых отложениях Казахстана является вторым. К сожалению, найден лишь фрагмент первой фаланги, но его морфология и размеры не позволяют усомниться в правильности определения вида. По степени фоссилизации данная кость не отличается от костей энеолитической части памятника.

В коллекции имеются две нижние челюсти от двух разных особей речного бобра (*Castor*

fiber). Присутствие этого вида маркирует наличие в долине р. Иман-Бурлук лиственных лесокустарниковых зарослей. Присутствие в долине реки рецентных: ветлы, кустарниковых ив, осины, возможно, является реликтом былых приречных лесов.

Лисица (*Vulpes*) – обыкновенный вид в современной и в древней фауне. Ее присутствие указывает на наличие в прошлом удобных мест обитания (густых кустарников, заросших растительностью оврагов и т.п.)

Присутствие корсака (*Vulpes corsak*) маркирует наличие в ландшафте территорий с изреженным травостоем.

Хорь степной (*Mustela eversmani*) маркирует степные ландшафты.

Волк (*Canis lupus*) – вид широкого спектра обитания.

Любой из двух видов зайца (*Lepus*), обитающих в регионе (беляк и русак), характеризует наличие кустарниковых зарослей или высокой травянистой растительности, как правило, бурьянного типа. В коллекции присутствуют только верхние и нижние резцы.

Большой тушканчик (*Alactaga major*). Имеются левая бедренная кость и большая берцовая кость в анатомическом порядке. Допустимо, что кости принадлежат рецентной особи. Наличие вида маркирует аридные территории с разреженным травостоем и твердым грунтом.

Гусь серый (*Anser*), в коллекции есть правая бедренная кость. Наличие остатков этого вида указывает на охоту на пролетную дичь.

На территории поселения встречается множество костных останков птицы, определение их принадлежности к видам является сложной задачей, виду этого определения будут представлены в дальнейших работах.

Раскоп II площадью 78 м² заложен в северо-западной части памятника, над жилищной впадиной диаметром 5,50 м, с целью исследования особенностей жилищных конструкций в этой зоне поселения. Рельеф площадки поселения в данном месте неровный, имеет уклон с северо-запада в юго-восточную сторону. Поверхность заросла высокой густой травой.

На глубине 40 см (от уровня современной поверхности в месте центрального колышка) произведена нивелировка поверхности раскопа, что позволило проследить планиграфические изменения и выявить границы котлована исследуемой конструкции. Форма котлована на глубине

40 см яйцевидной формы, вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Северо-западная сторона имеет более приостренную форму. Длина конструкции 7,25 м, ширина достигает 4,75 м. Культурный слой состоит из светло-гумусированного суглинка, заполненного большим количеством костей животных (в основном лошади) и редкими артефактами (рис. 4).

Остеологические остатки залегают с 20 см, их наибольшая концентрация отмечается в квадрате А-1, в северо-западной части квадрата Б-1, в южной части квадрата А-2, в южной и северо-восточной частях квадрата А-3. Небольшое скопление костных останков находится в юго-западной части квадрата В-1. Скопления представлены костями лошади плохой сохранности.

В юго-западном углу квадрата Б-1 и в северо-западном углу квадрата А-1 фиксируется пятно в форме полуовала, состоящее из тяжелого желтого суглинка с включением охры и линз светло-гумусированного суглинка.

Культурный слой вскрыт до глубины 50 см. На данном этапе исследования форма котлована не изменилась, лишь несколько сократилась в размерах. Заполнение представлено светлым гумусированным суглинком. Вдоль границ котлована прослежена полоса тяжелого коричневого суглинка шириной от 40 см и более. В северо-западной части котлована окаймляющая полоса суглинка расширяется более чем на 2 м, выходя за пределы раскопа. Общая длина описанных линз на уровне -50 см составляет 6,75 м, ширина – 6,0 м. Вся западная полуокружность гумусированной полосы включает скопления костных останков лошади, некоторые кости и их сочленения расположены в анатомическом порядке.

Структура грунта за пределами полосы тяжелого коричневого суглинка имеет аккумулятивное происхождение и представлена в северной части от котлована легким суглинком с насыщенным включением охры, преимущественно прессованной сланцевой структуры; в южной от котлована части охра по структуре более плотная. Материальных находок и признаков культурного слоя данный грунт не содержит. Дальнейшее исследование площади раскопа до глубины 60 см показало, что выявленные скопления костей на внутренней границе слоя коричневого суглинка, залегающие стратиграфически под слоем светлого гумусированного суглинка, покрывают всю площадь котлована и имеют форму изогнутой линзы. В связи с необ-

ходимостью полного изучения слоя коричневого тяжелого суглинка, насыщенного костями лошади, он вскрывался до нижней границы, обнажая нижезалегавшие кости.

Прослойка костных останков в центральной части котлована имеет легкое понижение в юго-восточную сторону, а глубина залегания достигает 90 см. Наибольшая концентрация остеологических остатков зафиксирована в квадратах Б-1 и Б-2. Диаметр линзы, образованной костными останками, в плане по линии север-юг составляет 5,10 м, по линии восток-запад – 5,45 м. Следует особенно подчеркнуть особенность состояния костных останков. Она заключается в том, что большая часть их обожжена кострищем, который залегал на глубине 100 см (рис. 5, фото 4, 5). После полной расчистки линзы с костными останками лошади произведен разбор костей и нивелировка поверхности до глубины 90 см. Здесь выявлена прослойка светлого гумусированного суглинка толщиной до 1,0 см. В плане она совпадает с границами слоя, насыщенного фаунистическими останками. В процессе разбора слоя коричневого суглинка обозначилась его подпрямоугольная форма, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, с вытянутым северо-западным углом. Другие углы также несколько вытянуты и закруглены. Внешние границы имеют длину 6,75 м, ширину 6,0 м.

На данном уровне прослежены линзы материкового грунта, представленного легким суглинком с обильным включением охры, преимущественно прессованной сланцевой структуры. Дальнейшая расчистка показала, что материковый слой представлен неровной поверхностью, начинавшейся с глубины 110 см.

Стратиграфия раскопа 2. Начиная с дневной поверхности заполнение котлована жилища формировалось из следующих слоев: 0–10 см – отложения гумуса; 10–30 см – темный гумусированный суглинок; 30–50 см – слой светлого гумусированного суглинка, представляющего собой своеобразную смесь черноземной почвы и лессовидного суглинка. Он образовался в процессе разрушения кровли крыши, покрытие которой состояло из глиняной обмазки и земляных пластов. Основная масса этого слоя концентрировалась в центральной части котлована, к краям он выклинивался по нисходящей легкой дугой. В центральной части, у основания слоя светлого гумусированного суглинка, на глубине 30–70 см выявлена прослойка темного гумуса толщиной

до 10 см. Сразу под ним, на поверхности светло-коричневого суглинка, зафиксировано большое скопление костей лошади. Прослойка достигает 25 см толщины и расположена в центральной и восточной частях конструкции.

На глубине 40–90 см у краев котлована фиксировался темно-коричневый легкий суглинок с примесью охры, переходивший местами в светло-коричневый и желтоватый суглинок или супесь. Он также начинался у краев и под углом спускался к центру жилищного пространства. В данном случае был зафиксирован результат, с одной стороны, затекания развала наружных стен жилища в котлован и частичного разрушения стенок котлована, с другой.

На глубине 80–95 см фиксируется прослойка гумусированного суглинка, маркирующая пол жилища. В разрезах бровок четко прослеживаются многочисленные тонкие линзы и комковатые фракции охры, глины, песка, золы, иногда в перемешанном состоянии.

В результате проведенных исследований выявлены реальные контуры котлована конструкции, представленные в плане ямой подпрямоугольной формы, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток, с вытянутым северо-западным углом. Другие углы также несколько вытянуты и округлены, что могло являться результатом особенностей конструкции, выражающейся в наличии угловых опорных столбов. Еще один выходящий за пределы конструкции полуовал зафиксирован вдоль восточной длинной стенки.

Верхний светлый гумусированный слой, расширяющийся к центральной части конструкции, судя по отсутствию следов аккумуляционного процесса, был сформирован в результате обвала крыши конструкции. На его нижней границе, в центральной части конструкции и вдоль западной длинной стены выявлено большое скопление костей лошади. Расположение многих костей в анатомическом порядке и признаки сортировки отдельных частей скелета указывают на результат хозяйственной деятельности, выраженной в разделке туш животных, и отличаются от часто встречаемых на поселение хозяйственных ям для отходов пищи. На подобный вид хозяйственной деятельности также указывают и каменные изделия, предназначенные для разделки туш и выделения кожи, и череп лошади с пробитой в районе лба костью. Привлекает внимание большое количество камней различной породы, аморфной

формы, без следов обработки, обнаруженных в процессе исследования культурного слоя.

Скопление костей лошади было расположено на поверхности слоя коричневого суглинка, в основании которого зафиксирована тонкая, до 1,0 см толщиной, гумусированная прослойка, являющаяся полом конструкции. На уровне пола в центральной части зафиксирована очажная яма с углями и прослойками коричневого и желтого суглинка со следами прокала, указывающими на непостоянное функционирование очага.

Все выявленные в процессе исследования признаки и особенности конструкции позволяют сделать предположение, что данное сооружение являлось постройкой подсобного хозяйственного предназначения.

В рамках проекта в полевом сезоне 2011 г. на базе Северо-Казахстанской археологической экспедиции были организованы и проведены научно-прикладные трасологические исследования основных типов артефактов и древних технологий.

Исходным материалом по определению функций орудий труда по микро- и макроследам сработанности, предназначенных для работы по глине, послужили артефакты, полученные в процессе многолетних раскопок поселения Ботай. Были изучены под бинокулярным микроскопом различные категории костяных и каменных орудий, типологически предварительно отнесенных к предметам труда, участвующих в процессе работ по изготовлению глиняных изделий. Из общей массы древних орудий были вычленены некоторые типы изделий, имеющих на своей рабочей поверхности следы сработанности (специфические продольно-косые следы длиной от 3 до 25 мм), оставленные микроскопическими включениями абразивных примесей к глине (кварц, сланец). Подобные макроследы были обнаружены на костяных гладилках и костяных же гребенчатых штампах, а также (более мелкие и даже микроскопические) на сланцевых гладилках и терках. Эти категории древних инструментов были тщательно скопированы, а затем изготовлены (Плешаков, 1993, с. 194–204).

Кроме того, под бинокулярным микроскопом были исследованы различные артефакты из обожженной глины. Были зафиксированы основные и ряд специфических древних приемов изготовления тех или иных изделий. Исследования проводились по методике, разработанной А.А. Бобринским.

Сосуды полуяйцевидной формы изготавливались методом кольцевого или лоскутного налёпа. При этом очень часто использовались формовочная ямка, вырытая в земле, и тщательно изготовленный формовочный мешочек из ткани, который, уложенный в ямку и плотно прижатый к ее стенкам, создавал идеальный шаблон для изготовления глиняного сосуда.

Кроме этого технологического приема использовался метод лепки сосуда от горловины к днищу приемом последовательного налёпа широких плоских глиняных полос по восходящей траектории.

Пряслица в эпоху энеолита изготавливались из единого куска глиняной массы. Сверление отверстий, как правило, происходило во время изготовления изделия. Исключение составляют пряслица, изготовленные из обломков (фрагментов) сосудов. В этом случае отверстие проделывалось на начальном этапе изготовления орудия и, вероятно, предшествовало основной и окончательной доводке формы инструмента в виде круга.

В тесте классической ботайской керамики использовались примеси или органические (навоз крупных травоядных жвачных животных, помет птиц), или минеральные (песок, дресва, реже – шамот). Определения произведены в лаборатории Института археологии (Москва, рук. А.А. Бобринский) и подтверждены полевыми исследованиями 2011 г.

Обработка поверхностей сосудов производилась методом затирания гребенчатым, реже плоским, орудием (штампом) с последующим лощением или жгутом травы, или куском ткани (кожи).

Орнамент наносился гребенчатым, веревочным или плоским штампом. Реже встречаются вдавления палочкой, а еще реже – трубочкой. Геометрические орнаментальные рисунки разнообразны и в своей основе являются иконографической предтечей орнаментальных композиций, фиксируемых на посуде эпохи бронзы Северного Казахстана.

Второй стадией явилось проведение экспериментальных работ по изготовлению основных типов орудий труда для реконструкции производственных циклов.

Приспособления и инструменты для керамического производства. Для эксперименталь-

ных работ были изготовлены различные приспособления и инструменты, используемые при изготовлении посуды.

По опубликованным археологическим материалам были изготовлены классические деревянные инструменты – ножи, колотушки, долбни, а также мелкие вспомогательные инструменты – гладилки, штампы, терки.

Кроме того, из костей водоплавающих птиц и крупных млекопитающих (КРС, МРС, лошадь) были изготовлены экспериментальные орудия для работы по тканям и коже (иглы, проколки, кочедыки). В дальнейшем эти инструменты интенсивно использовались при изготовлении образцов реконструируемой одежды, что позволило идентифицировать некоторые костяные орудия труда поселения Ботай.

Комплексные исследования на поселении Ботай и других объектах ботайской культуры внесли существенный вклад в основную цель исследований – создание концепции истории конного номадизма, формулирование базовых составных культурогенеза, детерминировавших, в свою очередь, основные исторические составляющие традиционной культуры кочевников Евразийской степи (Зайберт и др., 2011, с. 153). Изменения и развитие культурно-исторических составляющих на протяжении бронзового и железного веков определялись уже в процессе адаптации социумов в изменяющихся природно-эко-

логических нишах степной экосистемы. Облик культур тонко реагировал на результаты соотношения двух основных нестабильных динамичных факторов – природного и демографического. Естественно, что сложение и трансформация культур происходили в процессе актуализации традиционных и инновационных элементов, а динамизм или стагнация зависели от состояния взаимодействия нестабильных факторов и уровня культурных достижений.

Зайберт В.Ф., Захаров С.В., Тюлебаев А.Ж. Отчет о научно-прикладном исследовании «Ботай – историческая подоснова конных номадов Евразии». – Петропавловск, 2011.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Тайны древней степи. Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг. – Кокшетау: Изд. центр Кокшетауского ун-та, 2007. – 163 с.

Плешаков А.А. Итоги экспериментальных работ по изготовлению каменных дисков и «утюжков» // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. – Петропавловск, 1993. – С. 194–204.

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed. The Earliest Horse Harnessing and Milking // Journal of Archaeological Science. – New York, 2009 – P. 1332–1335.

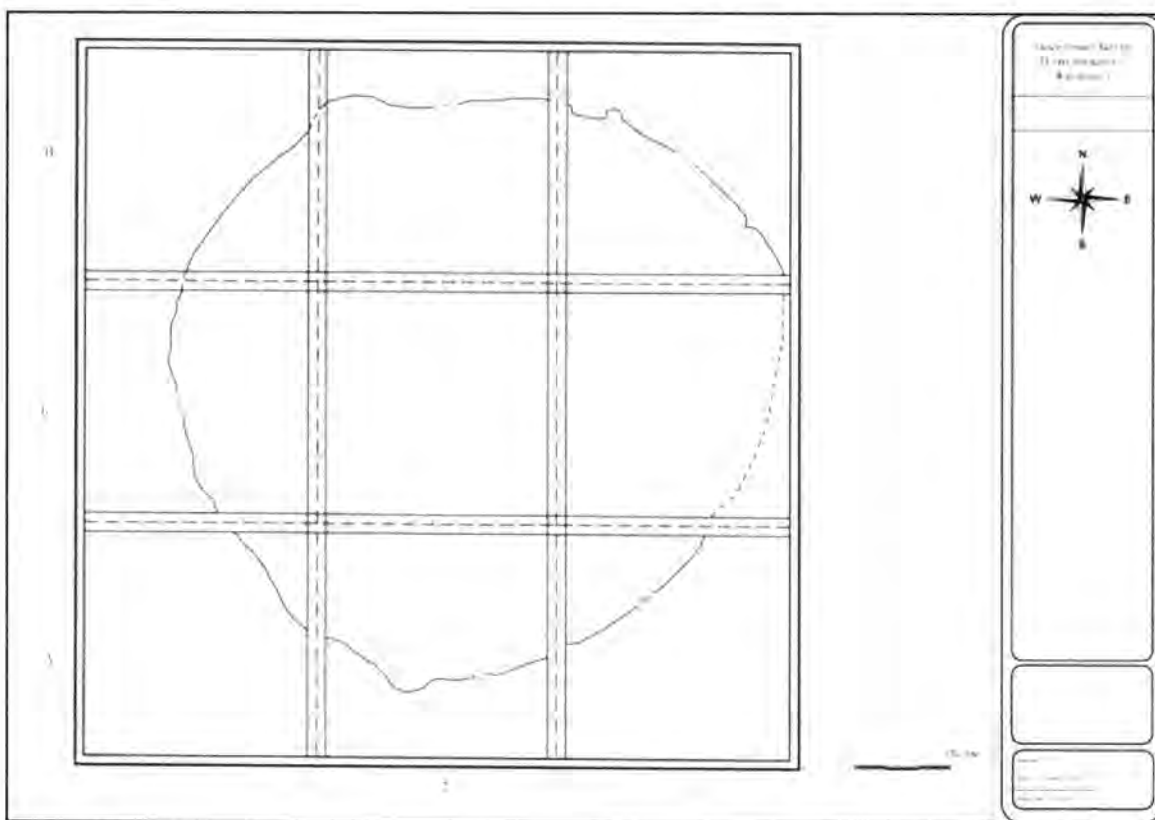

Рис. 1. План раскопа Г. Контуры котлована на глубине 50 см

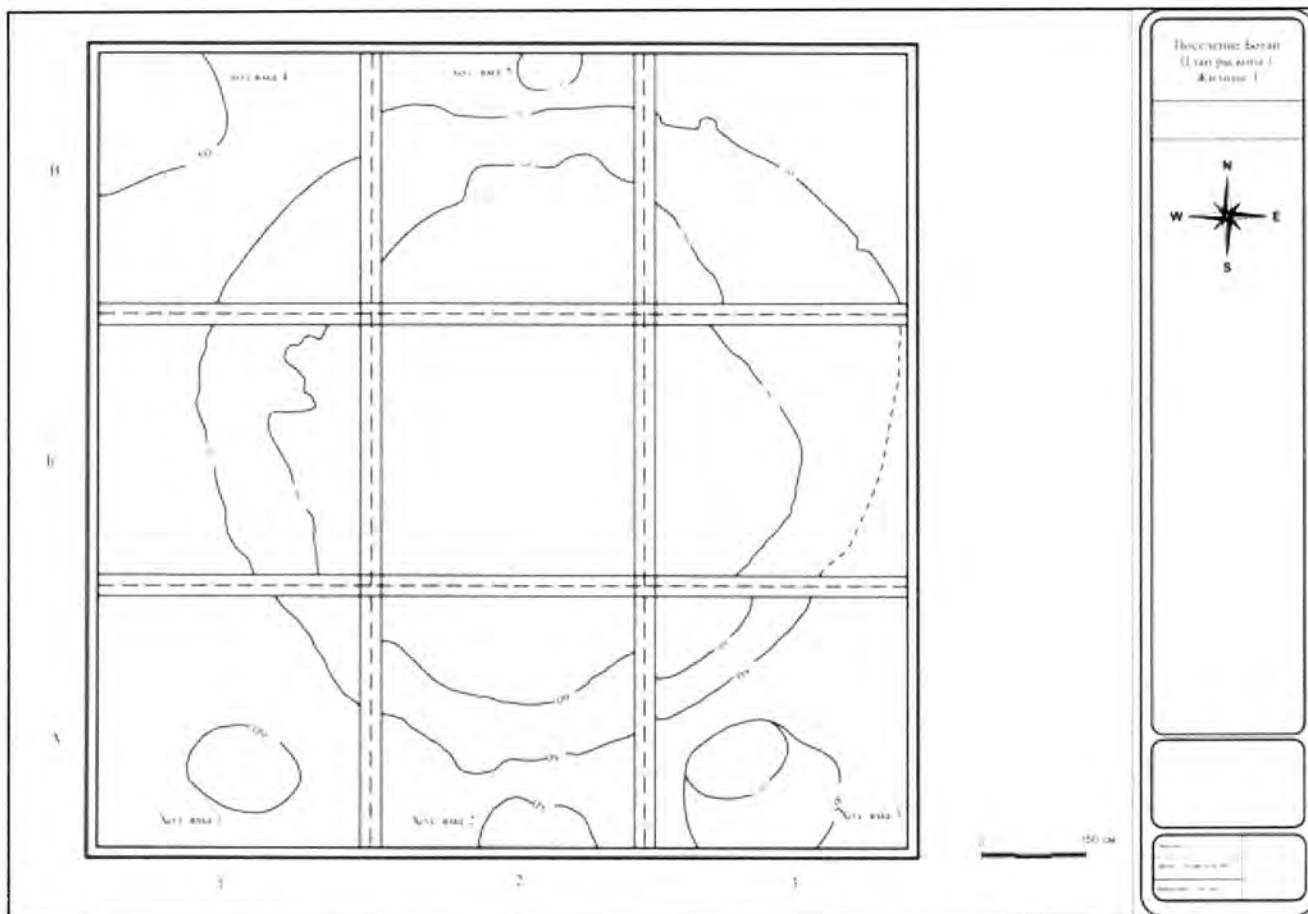

Рис. 2. План раскопа I. Контуры котлована и хозяйственных ям на глубине 50–65 см

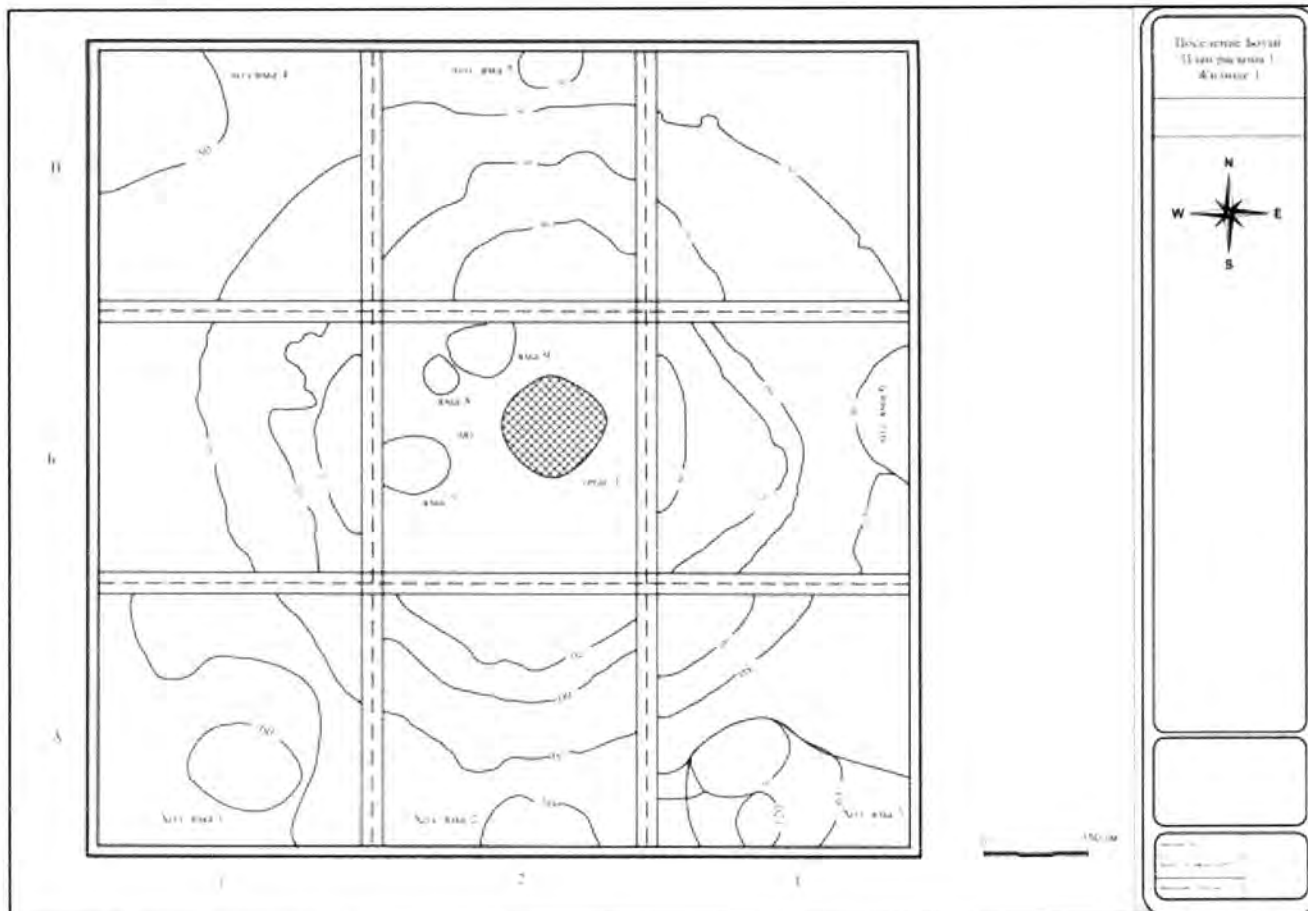

Рис. 3. Жилище I. Общий план котлована жилища

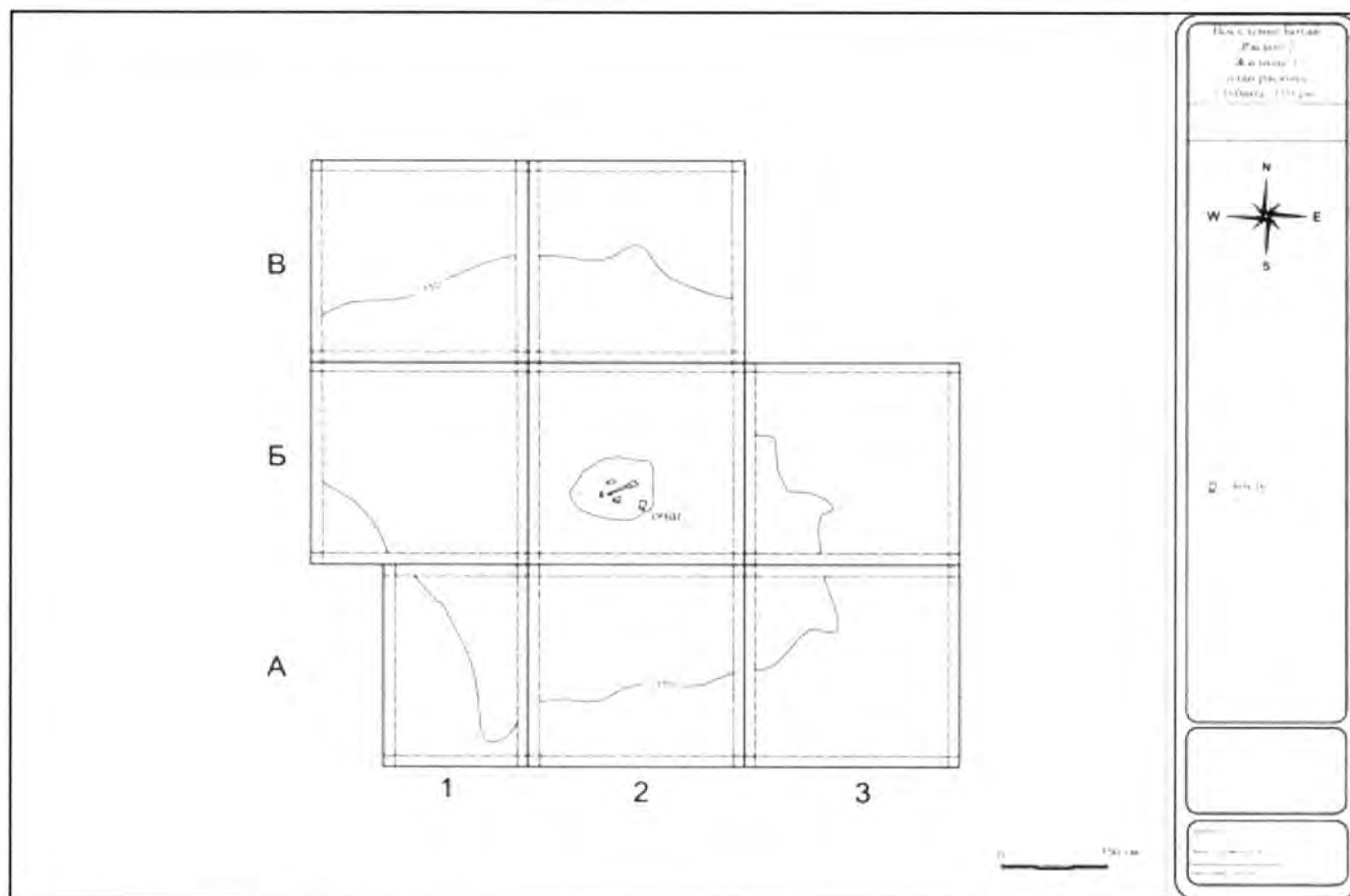

Рис. 4. Раскоп 2. Общий план котлована и очага на глубине 110 см

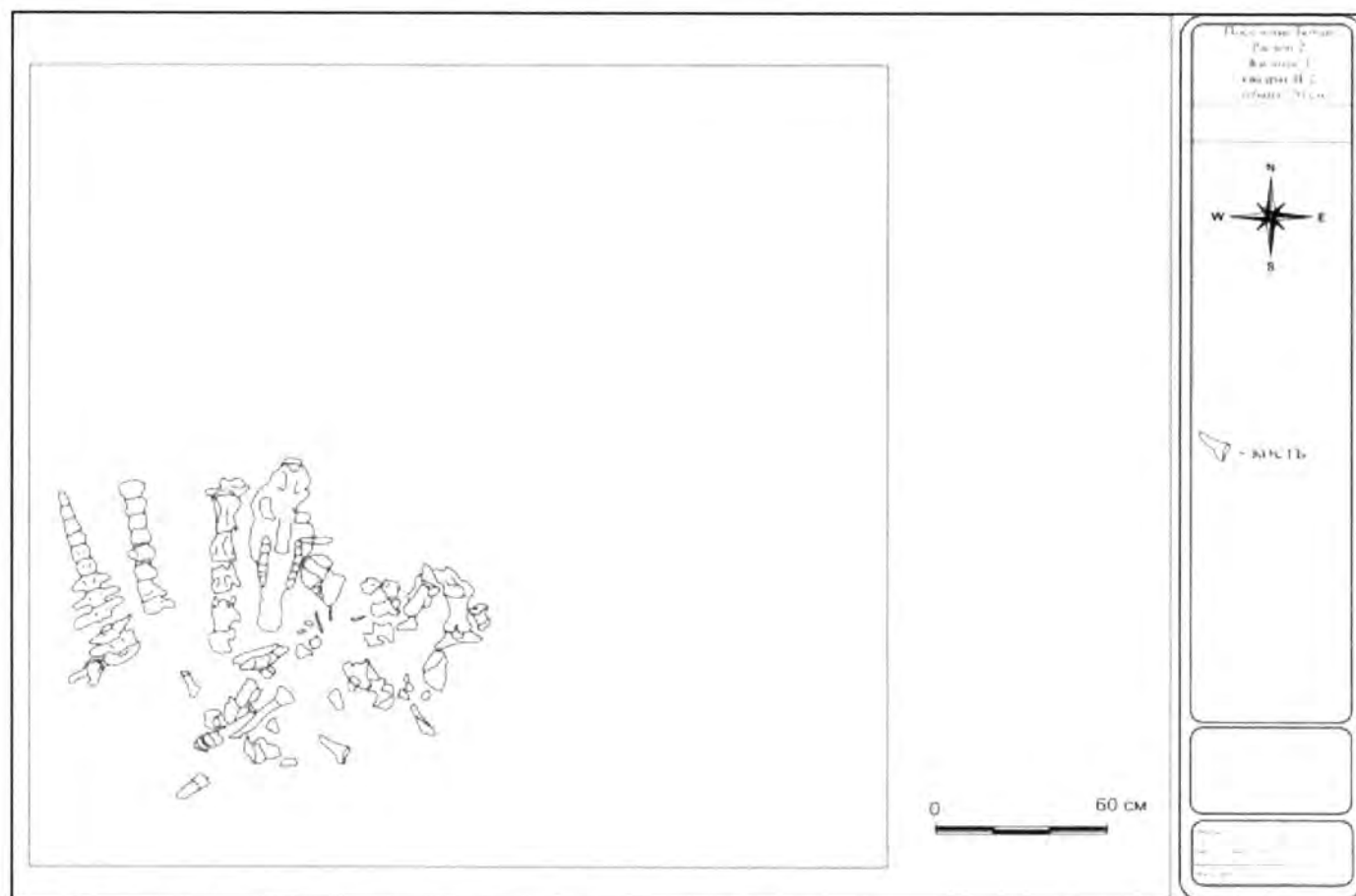

Рис. 5. Раскоп 2. Скопление костей в квадрате В-2 на глубине 70 см

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУДНИКОВ И ДРЕВНИХ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ

Публикация отражает геоархеологические исследования, проведенные специалистами Института минералогии Уральского отделения Российской академии наук, Южно-Уральского госуниверситета, Орского гуманитарно-технологического института совместно с коллегами из Института археологии им. А.Х. Маргулана и Актюбинского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института Республики Казахстан¹.

Работы Института минералогии в области археологии начались с изучения района городища Аркаим, выявленного в 1987 г. на юге Челябинской области. В связи с организацией здесь заповедника потребовалось составить геологическую карту и карту полезных ископаемых, определить места добычи минерального сырья нашими далекими предками. Затем выяснилось, что памятник входит в группу укрепленных поселений бронзового века на площади 100×300 км, получившей звучное название «Страна городов». Возникла задача исследования минерально-сырьевой базы этой территории, в том числе материалов для фортификационных сооружений. Совместно со специалистами Челябинского государственного университета было проведено исследование петрофонда каменной индустрии, изучены строение металлургических печей, состав шлаков и металлических изделий. Применялись методы рентгеноспектрального и атомно-адсорбционного анализа артефактов.

Важным обстоятельством, поднявшим наши работы на более высокий уровень, явилось приобретение в 2008 г. Институтом минералогии рентгенофлуоресцентного анализатора INNOV, который позволяет проводить измерения состава археологических предметов неразрушающим методом. Получена возможность определения состава бронзы, золота, шлаков из археологических памятников и предметов из экспозиций музеев. Совместные работы проведены по двум направлениям: исследование древних рудников Мугоджарского горно-металлургического центра и состава золотых изделий из археологических памятников Казахстана. Расположение исследованных объектов показано на рис. 1.

1. Добыча медных руд в бронзовом веке в Мугоджарском горно-металлургическом центре.

В результате работ Российско-Казахстанской экспедиции получены новые данные о древних рудниках региона, составе добываемого сырья и количестве добытых руд. Исследованные объекты расположены поясом шириной 150–250 км, протяженностью около 1000 км в степной и полупустынной зонах и включают около 20 древних рудников (рис. 2).

Источниками медных руд, добывавшихся в бронзовом веке, являлись многочисленные пункты минерализации на южном фланге Уральского складчатого пояса. Выделены четыре основных типа меднорудных объектов, отличающихся геологической позицией, строением рудных тел, запасами полезного компонента, минеральным и химическим составом руд. Практически во всех рудниках разрабатывались окисленные руды, представленные вкрапленностью и прожилками малахита, лазурита, борнита, тенорита (табл. 1). Признаки разработки сульфидных руд с халькозином, ковеллином, халькопиритом отмечены в наиболее глубоких выработках.

Таблица 1. Краткая характеристика древних рудников степной зоны Зауралья и Мугоджар

№ п/п	Рудник	Описание выработки	Среднее содержание Cu в рудах, %; кол-во анализ.	Кол-во добытой руды, т
ДРЕВНИЕ РУДНИКИ В ГИПЕРБАЗИТАХ И ТАЛЬК-КАРБОНАТНЫХ ПОРОДАХ				
1.	Ишкининский	девять карьеров разнообразной формы и размеров, промплощадка, три склада руды, поселение горняков	5,26 7	13000
2.	Ивановский	карьер веретенообразной формы размером 10–30×55 м, глубиной 5 м	6,50 *	2000
3.	Дергамышский	карьер овальной формы диаметром 60–65 м, глубиной 10–12 м, окруженный кольцевыми отвалами	6,50 *	8500

4.	Чанчар	карьер серповидной формы 5–7×20–25 м, глубиной до 1 м; ослонен современными разведочными выработками	$\frac{6.30}{5}$	100
5.	Чудской	два карьера: 2×5 м, глубиной 0.1 м; 9×10 м, глубиной 0.5 м	$\frac{6.07}{5}$	150
6.	Придорожный	карьер овальной формы диаметром 7–9 м, глубиной 0.5 м	$\frac{7.28}{4}$	200
ДРЕВНИЕ РУДНИКИ В ПИРОКСЕНИТАХ				
7.	Ушкатинский	четыре карьера: большой – корытообразной формы 15×120 м, глубиной до 1 м; малые – округлой или гантелеобразной формы диаметром 5–10 м, глубиной до 0.5 м	$\frac{5.74}{9}$	2500
ДРЕВНИЕ РУДНИКИ В БАЗАЛЬТАХ И ЯШМАХ				
8.	Жинишке	карьер овальной формы размером 15×20 м, глубиной 3 м, врезанный в склон; две промплощадки	$\frac{6.98}{8}$	500
9.	Куркудук	четыре карьера подковообразной и овальной формы 15×50 м; глубиной 0.5–1.5 м, промплощадки	$\frac{7.79}{21}$	2000
10.	Актогай	карьер овальной формы 14×28 м, глубиной 2.5 м, врезанный в вершину горы, могильник, временные и постоянные поселения горняков	$\frac{6.61}{4}$	350
11.	Пшенисай	два карьера 3×5 м, глубиной 0.2 м; 5×15 м, глубиной 0.3 м	$\frac{6.50}{*}$	30
12.	Чидиктинский	два карьера: южный диаметром 8 м, глубиной 0.3 м; северный Г-образной формы 6×20 м, глубиной 0.5 м; могильник	$\frac{5.92}{3}$	90
ДРЕВНИЕ РУДНИКИ В ГРАНИТОИДАХ И КОНТАКТОВЫХ ЗОНАХ				
13.	Еленовский	карьер яйцеобразной формы размером 25–30×40–45 м, глубиной 2–3 м (полностью уничтожен в результате современной добычи меди), промплощадка, места металлургической плавки, поселение, могильник	$\frac{6.53}{8}$	4000
ИТОГО				33420

Примечания: * – указано среднее содержание меди в древних рудах по региону;

Древние рудники в гипербазитах. Наиболее крупными рудниками являются Ишкининский и Дергамышский, разрабатывавшиеся

до глубины 10–20 м (Геология..., 2009, с. 35–37, 47–48, рис. 2, 25; Зайков и др., 2012, с. 101–115).

На руднике Чанчар карьер врезан в восточный склон небольшой гряды и имеет размер 5–7×20–25 м при глубине 1–2 м. Древний карьер с трех сторон (за исключением южного борта) окружен отвалом шириной в основании 7–10 м и высотой 0,7–1,0 м. В составе отвала преобладает щебень гипербазитов и тальк-карбонатных пород. Геохимической особенностью руд является повышенное содержание хрома (0.3%), вызванное включениями хромитов.

Древние рудники в пироксенитах и габбро. На руднике Ушкатинском оруденение приурочено к контакту пироксенитов с базальтами на протяжении 1 км. Здесь обнаружены четыре древних карьера, самый крупный из которых имеет длину 120 м. Он состоит из цепочки небольших (10–20 м в поперечнике) горных выработок глубиной 0,5–1 м. Выработки с восточной и западной стороны окружены отвалами линейной, реже серповидной формы высотой не более 1 м.

Карьер на Придорожном руднике имеет округлую форму и диаметр 7–8 м. По данным геолого-разведочных работ, глубина древнего карьера составляла более 5 м. Отвал имеет серповидную форму, ширину в основании 6–8 м, высоту около 0,5 м. Грунт включает обломки пироксенитов, на которых отмечены корки и примазки малахита.

Древние рудники в базальтовых и кремнисто-базальтовых комплексах являются наиболее распространенными древними горнорудными объектами в Мугоджарах. К ним относят небольшие месторождения и рудопроявления в зоне окисления колчеданных руд.

Рудник Жинишке локализован в базальтах, прорванных дайками габброидов мощностью до 1,5 м. В древности разрабатывалась зона окисления шириной 30–50 м, прослеженная в широтном направлении на расстоянии 150–200 м. Древний карьер врезан в северо-западный склон небольшой гряды. Выработка имеет овальную форму и размеры 15×25 м при глубине 2,5 м. Карьер сопровождается двумя отвалами серповидной формы. Максимальная ширина отвалов в основании достигает 8–12 м, современная высота – до 1,5 м. К отвалам с юго-западной и северо-восточной стороны примыкают две промплощадки, на которых производилась ручная отборка и предварительное обогащение добытой руды.

Куркудукская группа рудников представлена тремя карьерами, расположенными на расстоянии 0,7–1 км друг от друга. Самым крупным из них является Южный рудник, представленный карьером корытообразной формы, размером 15–20×50–55 м, глубиной около 1 м (фото на цв. вклейке). Древний карьер по периметру окружен отвалом шириной 10–12 м, высота – до 1,5 м. На выходе из карьера находится древняя промплощадка размером 10–12 м, покрытая мелкодробленым щебнем бурого железняка, многочисленными обломками и дресвой вторичных минералов меди.

Древние рудники в контактах гранитных интрузий. Наиболее известным объектом этого типа является Еленовский рудник с турмалин-малахитовыми рудами (Бушмакин, Зайков, 1997, с. 221–232).

Рудник Чуулдак сложен вулканогенно-осадочными породами, прорванными штоком плагиогранитов с многочисленными апофизмами. Разрабатывалась серия сульфидно-кварцевых жил с обильными вторичными минералами меди. К жилам приурочены девять древних выработок линейной формы длиной от 10 до 70 м. Наиболее крупный карьер с западной стороны окружен отвалом серповидной формы. Ширина отвала в основании 5–7 м, высота в отдельных местах достигает 0,3–0,4 м. Помимо горных выработок на месторождении обнаружены две площадки, на которых в древности происходило предварительное обогащение руд, добытых в карьерах. Они имеют овальную форму, размеры 5×15 м, высоту 0,1–0,3 м.

Возраст выработок. Анализ полученных материалов позволяет сделать вывод, что описанные древние выработки относятся к бронзовому веку. Об этом свидетельствуют найденные на их отвалах каменные молоты, рудодробильные камни и наковальни, идентичные обнаруженным на десятках других древних рудников в Уральско-Мугоджарском регионе. Результаты палинологических исследований и радиоуглеродного датирования погребенных почв, законсервированных под отвалами древних карьеров, свидетельствуют о длительном периоде эксплуатации рудников, в течение которого отмечены изменения растительного покрова и климатических условий. В частности, калиброванные радиоуглеродные даты (вероятность 68,2%), по-

лученные в ИИМК РАН по погребенным почвам из-под отвалов трех карьеров (№ 6–8), позволили выделить доверительный интервал в пределах 3100–2400 лет до н.э. (58,8 %) (определения Г.И. Зайцевой, П.Ф. Кузнецова), что соответствует раннему бронзовому веку. Эксплуатация карьеров возобновлялась носителями алакульской культуры в позднем бронзовом веке. Абсолютный возраст определен по костям животных из культурного слоя поселения Ишкиновка – 1610–1210 лет до н.э. (вероятность 68,2%). Он близок определениям, полученным для поселения Горное в Каргалинском археологическом микрорайоне, – 1700–1500 лет до н.э. (Каргалы IV, 2004, с. 29–33).

Оценка масштаба добычи меди в древности. Количество добытой руды подсчитано по формуле

$$P = \text{Пл} \times \text{Гл} \times \text{Ув} \times K,$$

где P – количество руды; Пл – площадь рудного тела; Гл – глубина карьера; Ув – удельный вес руды; K – коэффициент рудоносности, учитывающий количество кондиционных руд в добытой рудной массе. Значение этого коэффициента принято исходя из распределения руд на конкретных месторождениях и колеблется в пределах 0,25–0,75 %.

Согласно расчетам на сохранившихся древних рудниках было добыто около 35 тыс. тонн медной руды (см. табл. 1). Наиболее крупными рудниками Южного Урала являлись: Ишкининский (13 тыс. т. руды), Дергамышский (8,5 тыс. т. руды), Еленовский (4 тыс. т. руды), Куркудукская группа (2 тыс. т. руды). Для приближенной оценки количества выплавленного металла учитывается коэффициент извлечения металла при металлургическом переделе, минимальное значение которого 0,5 (Горная..., 1987, с. 100–101). На основании этих параметров определено вероятное количество выплавленного металла:

$$M = P \times \text{Сод.} \times K_{\text{извл.}}$$

Из добытых на изученных карьерах 35000 т руд могло быть получено около 1100 т меди.

Заключение. Дальнейшее исследование древних рудников целесообразно проводить в следующих направлениях:

– Произвести дополнительное вскрытие отвалов и составить полный стратиграфический разрез техногенных отложений, что позволит проследить основные этапы разработки месторождений.

– Произвести вскрытие днища и исследование морфологии древних выработок с целью установления их истинных размеров, в первую очередь глубины.

– На основании полученных данных продолжить расчеты количества добытой в древности руды и выплавленного металла.

– Провести более подробное изучение минерального и геохимического состава древних руд и выяснение районов их распространения на территории Казахстана и Урала.

– Важными задачами для дальнейших работ по сохранению природного и культурного разнообразия евразийских степей являются изучение, музеефикация и охрана описанных памятников.

2. Древнее золото Казахстана.

Для характеристики древнего золота Казахстана были привлечены материалы эпохи бронзы и раннего железного века из коллекций Музея археологии и этнографии Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана, работавшей в Центральном Казахстане в рамках региональной программы «Культурное наследие» по Карагандинской области» под руководством А.З. Бейсенова. Для сравнения привлекались материалы Восточного Казахстана и Жетысу/Семиречья из коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан². Ювелирные изделия были изучены с помощью портативного рентгенофлуоресцентного анализатора INNON-X α 400 (аналитик И.А. Блинов). Все археологические памятники, материалы которых вошли в наше исследование, можно разделить на четыре территориальные группы: центральноказахстанская, восточноказахстанская, жетысуйская/семиреченская, западноказахстанская (см. рис. 1).

В коренных и россыпных месторождениях золото находится в виде естественных сплавов с серебром, медью, оловом и другими элементами. Границы разновидностей самородного золота приняты по справочнику (Минералы..., 1989, с. 17):

золото – Au 100–66 % при содержании серебра менее 35 %;

электрум – содержание золота 65–36 %, серебра 36–62 %;

кюстелит – содержание золота 36–20 %, серебра 62–80 %.

За кюстелитом следует самородное серебро. Содержание меди в самородном золоте обычно менее 3%, поэтому превышение этого количества является признаком лигатуры.

По пробности золото разделяется на шесть типов, определяемых в промилле: количество золота в сплаве, отнесенное к сумме металлов и умноженное на 1000 (Петровская, 1973, с. 25):

1) весьма высокопробное – 999–951 ‰;

2) высокопробное – 950–900 ‰;

3) средней пробности – 899–800 ‰;

4) низкопробное – 799–700 ‰;

5) электрум – 699–400 ‰;

6) кюстелит – 399–100 ‰;

самородное серебро – золота менее 100 ‰.

Золото эпохи бронзы. В центральноказахстанской группе памятников исследован состав изделий из могильников Сатан, Копя, Бозинген, Нуркен и др. Для всех предметов характерно использование электрума и низкопробного золота, реже золота средней пробности (табл. 2). Содержание меди в ряде случаев превышает 3 % и достигает в частных анализах 9 %.

Таблица 2. Результаты анализа золотых изделий из археологических памятников Казахстана

№ п/п	Памятник	Кол-во анализов	Содержание, мас. %			Пробность, ‰
			Au	Ag	Cu	
1.	Могильник Сатан	9	53.95	42.53	3.23	540
2.	Могильник Копя	5	58.87	38.20	2.50	589
3.	Могильник Бозинген	8	69.81	27.80	1.68	698
4.	Могильник Талды, курган 2	43	88.92	9.75	0.75	893
5.	Могильник Талды, курган 5	64	85.21	13.85	0.71	853
6.	Могильник Тарасу, ограда 23	1	89.20	9.20	1.10	892
7.	Могильник Шерубай	18	88.33	10.20	0.17	894
8.	Покровский могильник, курган 2	7	89.53	8.65	1.53	895
9.	Жалаулинский клад	33	89.07	8.30	1.81	899
10.	Каргалинский клад	5	94.02	4.82	1.01	941
11.	Могильники Шиликты. Шиликты 2	5	94.10	5.10	–	941

Примечание: анализы выполнены на портативном приборе INNON-X α 400 (аналитик Блинов И.А.)

Подвески, височные кольца и пронизи из могильников Сатан, Копя, Бозинген по составу соответствуют электруму и низкопробному золоту. В подвесках из могильника Нуркен отмечено золото средней пробыности.

Золото эпохи раннего железа.

Наиболее интересный материал получен при исследовании золотых изделий из могильника Талды-2. В 2009–2010 гг. на некрополе исследовано семь «царских» курганов, расположенных в цепочке меридионального направления. В двух из них (курганы 2 и 5) обнаружено значительное количество золотых изделий. Это различного рода подвески, ворворки, бляшки, бусы, серьги, поясные обоймы, в том числе выполненные в скифо-сибирском «зверином стиле». Диаметр кургана 2 составлял 55 м при высоте 3,5 м, кургана 5 – 30 м при высоте 2,1 м. Оба кургана относятся к раннесакскому времени (VII – начало VI вв. до н.э.), причем курган 2 несколько старше кургана 5 (Бейсенов, 2010, с. 77–79).

По полученным данным изделия имеют общий диапазон содержания золота – 72–94 % (Бейсенов, Таиров, Зайков, Блинов, 2011, с. 21–25). Золото Талды-2 характеризуется близким соотношением средне- и высокопробного золота с некоторым преобладанием высокопробного в кургане 2 и среднепробного в кургане 5. На этом фоне выделяются следующие группы значений, соответствующие определенным составам золотоносного расплава (%): 94–91, 90–87, 86–83, 82–79, 75–72. Практически все анализы показывают низкое значение меди (0,2–2,8 %), которое свойственно природному золоту.

Шиликтинские могильники. Проанализированы материалы из кургана 7 (VI–V вв. до н.э.) могильника Шиликты/Чиликты, исследованного в 1949 г. С.С. Черниковым (Черников, 1965), и кургана 1 могильника Шиликты 2 (VIII–VI вв. до н.э.), раскопанного в 2003–2004 гг. археологической экспедицией КазНУ им. Аль-Фараби под руководством А.Т. Толеубаева (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 323).

Все изученные предметы сделаны из высокопробного золота. Это бляшки в виде рыбы, горного козла, архара и грифона из кургана 7 могильника Шиликты. Содержания (вес. %): Au – 93,2–95,1; Ag – 4,0–5,8.

Ограда 23 могильника Тарасу исследована в 1998 г. Восточно-Казахстанской экспедицией Института археологии АН РК им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева. Про-

анализирован один предмет – бляшка в виде кошачьего хищника, содержащий Au – 89,2; Ag – 9,2; Cu – 1,1; Sn – 0,4; Fe – 0,1. Проба золота средняя, близкая к высокой.

Жалаулинский клад обнаружен в 1988 г. школьниками села Жалаулы Кегенского района Алматинской области (Культура ранних кочевников..., 2009, с. 302). Все изученные предметы изготовлены из золота высокой и средней пробы. К первым относятся пектораль, скульптура оленя (обойма), бляшки с рельефным изображением пантеры, пластина с напаянными иглами. Содержание (мас. %): Au – 90–92; Ag – 8; Cu – 0–1; Sn – 0–0,2; Fe – 0–0,5. Из золота средней пробы изготовлены разнообразные бляхи и бляшки: Au – 84–88; Ag – 10–44; Cu – 0,35–1,6. Этот же тип золота отмечен в фрагментах наконечника ремня: Au – 89; Ag – 8–9; Cu – 1,2–1,6.

Из предметов знаменитого *Каргалинского клада* проанализированы бляшки в виде крылатых козлов и древесных листков. В обоих случаях установлено золото высокой пробы: Au – 93–95; Ag – 4–5; Cu – 0,9–1,1.

В кургане 2 Покровского могильника раскопанного в 1911 г. крестьянами села Покровка Уральского уезда Актюбинской области (Южное Приуралье), датируемого V в. до н.э., все золото высокой пробы. Примером являются бляшки в виде морды тигра с содержанием (мас. %): Au – 89–90 %; Ag 7–8; Cu – 2,0–2,2. Бляшки с изображением двух голов архаров содержат (мас. %): Au – 90,3–91,2; Ag – 7,2–7,8; Cu – 1,0–1,4. Бляшка с растительным и геометрическим орнаментом содержит (мас. %): Au – 87,0; Ag – 11,7; Cu – 0,7.

Сравнение золота из изделий бронзового и раннего железного века. Анализ состава золота выявил значительные различия пробыности драгоценных сплавов в изделиях из могильников бронзового и раннего железного веков. Для первых свойственны значения от 490 до 830 промилле и использование электрума и низкопробного золота. Для вторых характерен более узкий диапазон: 790–970 промилле.

Для раннесакского времени (VII – нач. VI вв. до н.э.) Центрального Казахстана обычно использование средне- и высокопробного золота. Причем в материалах более раннего кургана 2 могильника Талды 2 отмечается преобладание высокопробного золота, а в материалах несколько более позднего кургана 5 этого же могильника – среднепробного. Большинство предметов (8 из

13 проанализированных) Жалаулинского клада, датированного VIII–VII вв. до н.э., изготовлено из золота высокой пробы (904–928). Из золота высокой или средней, но близкой к высокой (870–899), пробы изготовлены все остальные проанализированные нами предметы из памятников Восточного Казахстана и Жетысу.

Возможные источники металла. Проблема определения источника золота очень сложна и требует комплексных исследований, в том числе геолого-минералогических и изотопно-геохимических. Тем не менее на основании полученных данных можно высказать некоторые предположения, базирующиеся на сходстве состава золота изделий и золота из месторождений.

Для центральноказахстанской группы памятников (Талды-2, Шерубай), в которых изделия имеют пробность в пределах 750–940 промилле, источником золота могут являться месторождения Васильковское (Рафаилович, Лось, 2007, с. 28–36), Бестобе (Минералы..., 1989, с. 160). Самородное золото этих месторождений имеет пробность 820–970. Вблизи данных рудных полей сосредоточено несколько объектов, среди которых Степняк, Аксу, Желамбет. На Степняке отмечены реликты древних горных выработок (Черников, 1948).

Для жетысуйской группы кладов (Жалаулы, Каргалинский) наиболее близкими месторождениями являются Бақырчик, Суздальское, Эспе, Баладжал (Дьячков и др., 2009, с. 222–238). Пробность золота из золотых изделий и руд месторождений близка: 800–970.

Золото для изделий из восточноказахстанской группы (могильники Шиликты, Шиликты-2, Тарасу) могло поступать из месторождений Рудного Алтая. Состав золота этих месторождений находится в пределах 630–870 промилле (Минералы..., 1989, с. 147).

Для золота западноказахстанской группы (могильник Покровский, курган 2) источником служили золоторудные месторождения Южного Урала. Наиболее близко по составу золото из золото-кварцевых жил Кумакского рудного района: Au – 91–97% (Полужков, 2010, с. 176, табл. 1).

Продолжение исследований золотых изделий Казахстана потребует применения современных изотопно-геохимических методов, на основании которых можно будет предметнее установить источники благородных металлов для древних ремесленников. Важным моментом должны явиться поиски остатков мастерских, где производились ювелирные изделия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследования выполнены при содействии междисциплинарного проекта УрО РАН (12-М-456-2024) в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ (программа «Использование природных ресурсов: опыт прошлого – будущему»)

² Выражаем искреннюю признательность за помощь Б.С. Какабаеву, А. Акишеву, К. Алтынбекову, В.В. Варфоломееву, И.А. Кукушкину, В.Г. Ломану, В.А. Котлярову, Е.И. Чурину.

Бейсенов А.З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения-2010 // Материалы II Международной научной конференции. – Актобе, 2010. – С. 77–79.

Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Зайков В.В., Блинов И.А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: Тез. докл. круглого стола, посвященного 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Караганда, 2011. – С. 21–25.

Бушмакин А.Ф., Зайков В.В. Еленовское медно-турмалиновое месторождение – вероятный источник руды для медеплавильного производства Аркаима // Уральский минералогический сборник. – Миасс: ИМин УрО РАН, 1997. – № 7. – С. 221–232.

Геология и колчеданное оруденение южного фланга Главного Уральского разлома / Ред. В.В. Зайков, В.В. Масленников. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2009. – 376 с.

Горная энциклопедия / Гл. ред. Е.А. Козловский; Ред. кол.: М.И. Агошков, Н.К. Байбаков, А.С. Болдырев и др. – Т. 4. – Ортин – Социосфера. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 623 с.

Дьячков Б.А., Титов Д.В., Сапаргалиев Е.М. Рудные пояса Большого Алтая и их перспектива // Геология рудных месторождений. – 2009. – Т. 51. – № 3.

Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 4. – С. 101–115.

Каргалы. Т. IV. Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеонтологические методы исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных

– М.: Языки славянской культуры, 2004. – 210 с. .

Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Научный каталог. – Алматы, 2009. – 430 с. (Музейные коллекции Казахстана. Археологические коллекции Центрального государственного музея РК. Т. 1).

Минералы Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1989. – 200 с.

Петровская Н.В. Самородное золото. – М.: Наука, 1973. – 345 с.

Полуэктов С.И. Золото месторождения Васин (Кумакский рудный район, Оренбургская область)

// Металлогения древних и современных океанов-2010. Рудоносность рифтовых и островодужных структур. – Миасс: ИМин УрО РАН, 2010. – С. 173–177.

Рафаилович М.С., Лось В.П. Васильковское штокерное месторождение золота: геологическая и структурная позиция, прогнозно-поисковая модель // Руды и металлы. – 2007. – № 4. – С. 28–36.

Черников С.С. Древнее горное дело в районе г. Степняк (по материалам обследования 1938 г.) // Изв. АН КазССР. Сер. археолог. – 1948. – Вып. 1 (46). – С. 13–32.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Рис. 1. Схема размещения объектов совместных геоархеологических исследований российских и казахстанских специалистов

1 – курган Шерубай; 2 – могильник Талды-2; 3–6 – могильники Кона, Нуркен, Сатан, Ташик; 7–8 – могильники Акимбек, Бозинген; 9 – могильник Тарасу; 10 – могильники Шиликты и Шиликты 2; 11 – Жалаулинский клад; 12 – курган Иссык; 13 – Каргалинский клад; 14 – могильник Покровский, курган 2

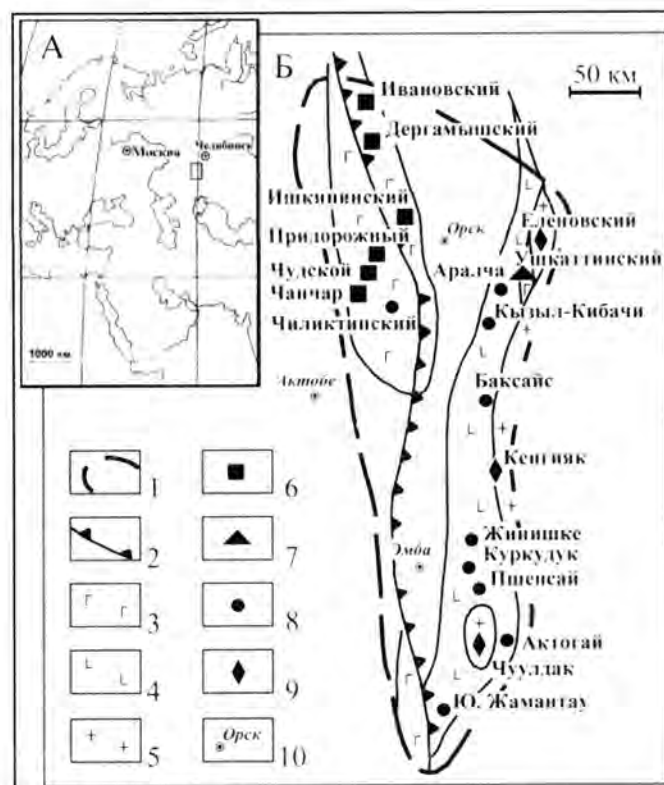

Рис. 2. Схема размещения древних рудников в Мугоджарском горно-металлургическом центре: А – общее положение, Б – участок детализации.

1 – примерные границы района; 2 – зона Главного уральского разлома; 3–5 – рудоносные комплексы: 3 – гипербазитовые и пироксенитовые, 4 – базальтовые, 5 – гранитоидные; 6–9 – типы рудников: 6 – в гипербазитах и тальк-карбонатных породах, 7 – в пироксенитах, 8 – в базальтах и яшмах, 9 – в гранитоидах и контактовых зонах; 10 – современные населенные пункты

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА ПО РЕЦЕПТУРАМ ФОРМОВОЧНЫХ МАСС

В течение 1980-х – нач. 1990-х гг. археологами городов Кустанай и Петропавловск были достигнуты большие успехи в открытии и изучении энеолитических памятников Северного Казахстана, сосредоточенных в Кокшетауском Приишимье, Кустанайском Притоболье и на дне Тургайской ложбины. Благодаря работам В.Ф. Зайберта, С.С. Калиевой, В.Н. Логвина и других археологов мы сегодня имеем разностороннее представление о материальной культуре эпохи энеолита этого региона.

Логвин В.Н. и Калиева С.С. выделили энеолитические памятники Тургайской ложбины и Кустанайского Притоболья в терсекскую культуру (Логвин, 1986, с. 14–16; Калиева, 1992; Калиева, Логвин, 1997, с. 125–127). Зайберт В.Ф. приишимские, тургайские и притобольские памятники объединяет в одну культуру – ботайскую (Зайберт, 1993, с. 149–151). Мосин В.С. предлагает приишимские и притобольские памятники включить в одну культуру, а тургайские выделять в качестве особого варианта (Мосин, 2003, с. 71–72). Ситуация осложняется наличием схожих с терсекскими и ботайскими материалов в Приаралье (веревочная керамика на стоянке Саксаульская, отщепово-яшмокварцитовый комплекс на стоянке Агиспе и др). И в будущем неизбежно встанет вопрос и об их культурной принадлежности. Современное положение с выделением энеолитических культур на территории Северного Казахстана настолько противоречиво, что требует продолжения исследований в области детального анализа сущностных признаков материальных комплексов исследованных памятников. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу и осмыслению данных по рецептурам формовочных масс керамики с энеолитических памятников Кокшетауского Приишимья, Тургайской ложбины и Кустанайского Притоболья.

При этом мы исходим из положений историко-культурного подхода к изучению керамики, оформившегося в археологической науке к концу 70-х гг. XX в. благодаря работам А.А. Бо-

бринского (Бобринский, 1978; Цетлин, 2005, с. 72). Помимо прочего А.А. Бобринскому удалось доказать правомерность использования всего комплекса технологической информации о керамическом производстве в качестве важнейшего источника для изучения процессов культурного и этнокультурного смешения разных групп древнего населения (Бобринский, 1978, с. 94–97, 224, 242; Цетлин, Волкова, 2005, с. 63). Как считает А.А. Бобринский, традиции керамического производства самым непосредственным образом соотносятся с культурными особенностями древнего населения. Передаваясь по наследству из поколения в поколение, эти традиции делают керамику индикатором «различных групп населения, образованных на основе кровного родства» (Бобринский, 1978, с. 242). И особое значение в деле реконструкции культурных процессов придается в том числе анализу исходного сырья и формовочных масс, характерных для керамики тех или иных памятников и их изменений (Бобринский, 1978, с. 224).

Суммарно рецептуру формовочных масс энеолитической керамики стоянок Кустанайского Притоболья Соленое Озеро 1, Дузбай 3, Бестамак, Евгеньевка 2, Ливановка, Малый Аксуат, Терсек-Карагай, Кара-Мурза 9, Коль В.Н. Логвин характеризует как «Тесто... с примесью песка, редко слюды и талька. ...Иногда встречаются рыхлые черепки со следами какой-то органической примеси в глиняной массе» (Логвин, 1986, с. 17).

Рассмотрим подробнее рецептуру формовочных масс керамических коллекций тех энеолитических стоянок, для которых она описана: Евгеньевка 2, Ливановка, Соленое Озеро 1 (Логвин, Калиева, 1984; Логвин, 1988; Логвин, 1992).

На стоянке Евгеньевка 2 было обнаружено 202 фрагмента керамики, 118 из которых происходили от одного, реконструированного, сосуда. Все фрагменты автором раскопок В.Н. Логвиным были распределены на две группы. В первую, раннюю, группу были отнесены фрагменты керамики, содержащей в тесте примесь песка (118

мозов, 1946, с. 51). Керамика содержала в тесте примесь дресвы и орнаментировалась ямками и оттисками гребенчатого штампа (Формозов, 1950, с. 70).

Абсолютное большинство изделий из камня стоянки Коль близ Кустаная относятся к отщеповой индустрии (Формозов, 1950, с. 67, табл. II, 16–19; с. 69, табл. III, 1–8). Тем не менее на несколько десятков отщеповых форм приходится девять пластин (Формозов, 1950, с. 72). Керамики мало. Орнамент гребенчатый, ямочный, гусеничный (Формозов, 1950, с. 72). Примеси не указаны.

Логвин В.Н. не привлекал для характеристики терсекского энеолита материалы из смешанных нео-энеолитических комплексов Кустанайского Притоболья, поэтому за пределами его внимания оказалась дресвяная рецептура формовочных масс части энеолитической керамики региона. К тому же он не придавал значения наличию дресвяной рецептуры и в керамике взятого им в качестве эпонимного памятника – стоянки Терсек-Карагай. Сам А.А. Формозов дресвяную примесь считал характерной чертой неолитических комплексов кельтеминарской культуры (Формозов, 1951, с. 10).

Информация о рецептуре формовочных масс с других памятников терсекской культуры на территории Кустанайского Притоболья в литературе не представлена. Но она (и очень подробная) имеется с двух крупнейших памятников этой культуры, один из которых находится на дне Турайской ложбины – Кумкешу I, другой – в верхнем Приишимье – Кожай I.

Технологический анализ керамики поселения Кожай I произведен Т.М. Тепловодской (Тепловодская, 1998), Кумкешу I – Э.Ф. Кузнецовой и Т.М. Тепловодской (Кузнецова, Тепловодская, 1994).

В результате анализа 104 фрагментов керамики с поселения Кожай I было выделено три вида формовочных масс с одновременным применением двух и даже трех отошителей. «Основной искусственной примесью служила дресва, редко ракушка, но в сочетании с дресвой. Другими отошителями, но обязательно в сочетании с дресвой, выступали также шамот и органика» (Тепловодская, 1998). Причем примесь ракушки в глиняном тесте содержат только три фрагмента из проанализированной кожайской коллекции (Калиева, Логвин, 1997, с. 71).

В исследованной коллекции поселения Кумкешу I в составе 447 фрагментов керамики выявлено 16 рецептур формовочных масс. Основными отошителями в них выступали дресва, ракушка, шамот, песок. В различных сочетаниях к ним примешивались шамот, сухая глина, ракушка, органика.

Как указывают С.С. Калиева и В.Н. Логвин, абсолютное большинство чистых рецептур посуды Кумкешу I приходится на фрагменты с примесью ракушки (Калиева, Логвин, 1997, с. 71–72). Фрагментов с другими чистыми рецептурами (дресва, тальк, шамот, навоз) единицы. В сложных рецептурах чаще встречается навоз (53), дресва (44), реже – ракушка (26) и шамот (22) (Калиева, Логвин, 1997, с. 72).

При этом, если учесть, что навоз – органический отошитель и используется в сочетании с различными неорганическими примесями, то получится, что на Кумкешу I присутствует одна основная рецептура формовочных масс – дресвяная, две подчиненные – ракушечная и шамотная. Но чистая ракушечная рецептура противостоит блоку рецептур уже смешанных – дресвяно-шамотно-органических.

Из всех энеолитических поселений Кокшетауского Приишимья технологическому анализу подверглась керамика только поселения Ботай. На предмет выявления рецептур формовочных масс Т.М. Тепловодской и О.И. Мартынюком проанализирована ботайская коллекция из 67 фрагментов (Зайберт, 2009, с. 382–385). Из 67 образцов в 27 обнаружена дресва+органика (признаки веточного и травянистого корма, редко – навоз, птичий помет и перо); в четырех – только дресва; в 13 – дресва и шамот (в основном в сочетании с органикой; в одном – с тальком, возможно, естественная примесь); в двух – шамот+органика; в четырех – песок, часто с органикой; в одном – дресва+песок. В целом, из 67 образцов 58 содержат в себе дресву, т.е. 86,6% коллекции. В единичных случаях содержится шамот, песок, тальк (чаще в сочетании с органикой). Тальк, возможно, в качестве естественной примеси к коалиновой глине, выходы которой с большим естественным содержанием этого минерала находятся в нескольких сотнях метров от поселения Ботай.

Технологический анализ небольшой коллекции ботайской керамики, произведенный

Г.М. Ковнурко, показал, что в его выборке также абсолютно доминировала примесь дресвы, в основном кварцевой и кварцитов (Мосин, 2003, с. 53).

Эти данные показывают, что основу рецептуры формовочных масс ботайской керамики составляла дресва, дресва в сочетании с органикой или шамотом. Остальные рецептуры единичны.

Таким образом, обзор данных по рецептуре формовочных масс керамики энеолитических поселений Северного Казахстана демонстрирует довольно сложную и неоднородную картину как в отношении номенклатуры рецептур в целом, так и в плане использования традиционных для тех или иных памятников искусственных неорганических и органических отощителей (табл. 1). Энеолитическое население Северного Казахстана в основном использовало две рецептуры составления глиняных масс – дресвяную и песочную. Обе эти рецептуры редко сочетаются на одном поселении. Только на поселениях с дресвяной керамикой в единичных случаях присутствуют фрагменты с искусственной примесью песка. Занимающая подчиненное положение дресвяная керамика присутствует в комплексе с доминирующей песочной керамикой только на поселении Солёное Озеро 1, хотя и отнесена исследователем памятника к позднему, не терсекскому комплексу. Песочные рецептуры территориально (из рассмотренных нами памятников) локализуются довольно однозначно – на памятниках Кустанайского Притоболья – поселениях Солёное Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка. Для памятников Тургайской ложбины и Приишимья они не характерны. В комплексах Кустанайского Притоболья песочная керамика сочетается с керамикой с примесью талька и слюды (Солёное Озеро 1, Евгеньевка 2, Ливановка), а также шамота (Евгеньевка 2).

Дресвяные рецептуры распространены были в энеолите Северного Казахстана повсеместно, во всех трех географических субрегионах: Приишимье (Ботай и Кожай 1), Тургайской ложбине (Кумкешу 1), Кустанайском Притоболье (Терсек-Карагай, Аксуат, Светлый Джаркуль, Садчикова), демонстрируя более широкое территориальное распространение этой рецептуры, чем песочной. Но крупнейшие поселения с дресвяными рецептурами керамики локализуются все же более узко

– в Приишимье (Ботай и Кожай 1) и на прилегающей к Приишимью части Тургайской ложбины (Кумкешу 1).

Интересен факт практически полного совпадения рецептур формовочных масс крупнейших поселений североказахстанского энеолита – Ботая и Кожай 1, как по номенклатуре, так и по их общей доле. Это дресва, дресва+органика, дресва+шамот. Остальные рецептуры, формирующие блок несхожих, присутствуют в единичных случаях и общей картине не противоречат. При этом в литературе уже отмечалась определенная разница в мотивах орнаментации и пропорциях сосудов Ботая и Кожая 1 (как и Кумкешу 1) (Калиева, Логвин, 1997; Мосин, 2003). Чем объясняется эта разница, является предметом специальных детальных исследований. Но то, что керамическое производство обоих поселений демонстрирует одну технологическую (а значит, и культурную) традицию, несомненно.

Здесь не лишним будет акцентирование внимания на субрегиональной локализации поселения Кожай 1. Калиева С.С. и Логвин В.Н. географически включают поселение в Тургайскую ложбину. На самом деле здесь присутствует небольшая натяжка территориального характера. Действительно, поселение Кожай 1 располагается у спуска в Тургайскую ложбину, но все же по восточную сторону водораздела, на берегу р. Бала-Терсаккан, притока р. Терсаккан, одного из левых притоков р. Ишим. Учитывая, что в древности перемещения осуществлялись преимущественно вдоль рек, можно предполагать, что коммуникационно кожайцы должны были быть ориентированы на Приишимье, а не на Тургайскую ложбину и Кустанайское Притоболье.

То обстоятельство, что дресвяные и песочные рецептуры практически не сочетаются на поселениях Кустанайского Притоболья, в рамках которого они территориально соседствуют, может свидетельствовать о разной субстратной основе групп населения – носителей традиций этих рецептур, либо об их известной культурной или хронологической обособленности.

Примесь песка или тальки и слюды к глине характерна для неолитической керамики, талька или слюды – для энеолитической керамики, Южного Урала (Мосин, 2005, с. 28, 35), для энеолитической керамики характерны также навоз жвачных животных, иногда – шерсть (Мосин, 2003, с. 40).

Из песочного теста изготовлена кельтеминарская керамика развитого неолита со стоянки Аякагитма 90 и часть сосудов со стоянок во впадинах Султансанджар и Кошбулак (стоянки Кошбулак 1, Султансанджар 1 и 2, Каррыкызыл 1 и 4), Космола 1–6 в низовьях Сырдарьи (Виноградов, 1981, с. 66, 70, 89, 93, 105, 107).

С добавлением песка изготавливалась маханджарская и атбасарская керамика (Зайберт, 1992, с. 35, 46, 47, 62, 70, 73, 75, 84; Логвин, 1991, с. 12; Логвин, 1992, с. 61), раннеэнеолитическая керамика с поселения Бестамак (Логвин, 1991, с. 23).

В целом примесь песка – это характерный технологический признак керамического производства керамики в неолите на всем пространстве Урало-Среднеазиатского региона, примеси песка, талька, слюды – в Зауралье (Старков, 1980, с. 128, табл. 8; Мосин, 2005, с. 28).

По своей рецептуре керамика поселений Евгеньевка 2, Соленое Озеро 1, Ливановка близка посуде южноуральских энеолитических стоянок, например, Путиловская Займка (в тесто добавлялся песок и небольшое количество талька), Красносельская (примеси песка, песка и слюды, талька) (Мосин, 1996, с. 14, 18).

Поскольку песочная рецептура есть автохтонная постнеолитическая традиция, то можно предполагать ее консервацию в энеолите у части населения Кустанайского Притоболья наряду с развитием других, собственно энеолитических черт (прогрессивная форма сосудов, отщеповая индустрия, геометризм орнаментации и др.), либо следует признать культурное тяготение материалов поселений Евгеньевка 2, Соленое Озеро 1, Ливановка в плане состава формовочных масс к южноуральскому энеолиту.

Дресвяные рецептуры в неолите были свойственны практически только населению культуры ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Восточной Европы (см., например: Третьяков, 1972). В энеолите восточнее Волги и Урала такие рецептуры свойственны в качестве характерной культурной черты исключительно керамике ботайских и терсекских памятников (Захаров, 2006). Причем, как мы видим, самых крупных – Ботай, Кожай 1, Кумкешу 1. С нашей точки зрения, именно комплексы с керамикой, содержащей в основном примесь дресвы, и необходимо считать собственно североказахстанскими энеолитическими.

Очень важны в деле реконструкции этнокультурных процессов на территории Казахстана в энеолите данные по рецептурам формовочных масс керамики поселения Кумкешу 1. Они иллюстрируют появление на территории Казахстана на одном из этапов энеолита третьей группы населения – носителей ракушечной рецептуры формирования глиняного теста, основным и исходным ареалом которой являются степь и лесостепь Волго-Уралья, Северного Прикаспия и далее на запад в пределах степи и лесостепи Восточной Европы. В ближайших для Тургайской ложбины районах, на запад от Мугоджар, примесь раковины характерна для раннеэнеолитической керамики Северного Прикаспия сероглазовского типа (Мелентьев, 1976), позднеэнеолитической орловского типа Нижнего Поволжья и Степного Заволжья (Мамонтов, 1974, с. 254; Еремин, 1976; Юдин, 1995, с. 10), ранне- и среднеэнеолитической – Самарского Поволжья и Северного Прикаспия (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 218, 222, 228), алтатинского типа в Степном Заволжье (Деревягин, Третьяков, 1974, с. 249; Еремин, 1976; Юдин, 1995, с. 11).

Таким образом, в совокупности рецептур глиняного теста энеолитических комплексов Северного Казахстана можно выделить три кластера (таблица): собственно североказахстанский, южноуральский и североказахстанский в сочетании с другими традициями составления формовочных масс.

Наблюдается усложнение рецептуры в направлении с СВ на ЮЗ по линии Ботай–Кожай 1–Кумкешу 1. Только неясно, какой принцип лежит в основе этого факта – территориально-географический, отражающий степень интенсивности и меру непосредственности контактов, или культурно-хронологический, миграционный, отражающий развитие во времени рецептуры формовочных масс в результате смешивания собственно ботайского населения с пришлыми из более западных регионов группами населения.

Характерно, что в керамике поселения Кумкешу 1 высока доля чистых ракушечных рецептов и наличествует значительное количество смешанных с ракушкой рецептур. Первое обстоятельство показывает существование самостоятельной культурной традиции, ее недавнее появление (относительно существования в изу-

чаемом регионе дресвяных рецептур), как раз и объясняющее сохранение ее самобытности. Второе же показывает, что происходит активное смешение двух традиций составления формовочных масс – дресвяной и ракушечной. И это смешение началось недавно и происходило в рамках поселения Кумкешу I, в условиях проживания на нем бинарной в этнокультурном отношении общины.

Соответственно, новой научной проблемой становится выяснение исходного очага (территориального и культурного), а также причин и условий проникновения на территорию восточнее Мугоджар групп населения – носителей ракушечной рецептуры формовочных масс.

Можно попытаться объяснить различие рецептур подвижным образом жизни терсекцев, сезонным характером их поселений и соотнести с типологией терсекских поселений, разработанной С.С. Калиевой и В.Н. Логвиным в рамках сформулированной ими же (совместно с Л.Л. Гайдученко) концепции кочевого скотоводства терсекцев (Гайдученко, Калиева, Логвин, 1989; Калиева, 1990). Но технологические признаки керамики являются устойчивой традицией и не зависят от сезонных миграций населения. Разве только если не предположить такую «сезонную» матриликальность терсекцев. Но вряд ли это оправдано.

В условиях же контактности населения в комплексах логично предполагать господство культурного ядра и лишь примесь инокультурного влияния. Но в комплексах стоянок Соленое Озеро I, Ливановка, Евгеньевка 2 мы не видим рецептуры Кожая I и Кумкешу I. А на последних поселениях – рецептур первых. В этом отношении обозначается культурная обособленность комплексов с песочной керамикой Кустанайского Притоболья от памятников с дресвяной рецептурой глиняного теста.

Необходимо учитывать, что своеобразный водораздел между энеолитическими культурами Зауралья и Северного Казахстана в рамках энеолитической КИО памятников Зауралья и Северного Казахстана в области керамического производства пролегает через веревочную технику орнаментации и дресвяную рецептуру. На памятниках с песочной рецептурой мы не видим веревочной керамики, но она практически постоянно присутствует в комплексах с дресвяной рецептурой. Различия внутри регионов – это вну-

тренние вариации, демонстрирующие динамику культуры и ее пространственно-культурные связи, исторические процессы. Поэтому не случайно сейчас обнаруживается тенденция к объединению и унификации культур.

Таким образом, с точки зрения и рецептуры формовочных масс керамики и веревочной техники орнаментации мы видим монолитное культурное ядро североказахстанского энеолита в составе поселений Ботай, Кожай и, с известными оговорками, Кумкешу I.

Очевидно, что наблюдаемая нами карта распространения искусственных отощителей не соотносится положительно с предлагаемыми на сегодняшний день вариантами культурной дифференциации энеолитических комплексов Северного Казахстана. В то же время сама по себе ситуация с рецептурами формовочных масс не может служить основанием для окончательных выводов. Она должна быть сопоставлена и верифицирована данными детальных сравнительно-типологических исследований других признаков энеолитических комплексов региона.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2000. – С. 216–277.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с.

Гайдученко Л.Л., Калиева С.С., Логвин В.Н. О хозяйстве энеолитического населения Тургайского прогиба // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1989. – С. 27–33.

Деревягин Ю.В., Третьяков В.П. Неолитическое поселение у с. Алтата в Саратовской области // СА. – 1974. – № 4. – С. 249–253.

Еремин В.И. Неолитические стоянки Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976. – С. 19–20.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992. – 222 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 576 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 246 с.

Захаров С.В. Происхождение рецептуры формовочных масс ботайской керамики // Вестник КазНУ. Сер. истор. – 2006. – № 3 (42). – С. 74–77.

Калиева С.С. Жилища терсекской культуры // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. межвузовской научной конференции. – Куйбышев: КГПИ, 1990. – С. 47–48.

Калиева С.С. К проблеме культурной атрибуции энеолитических памятников Тургай III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения-1990: Сб. материалов конференции. – М.: ИА АН СССР, 1992. – Ч. 1. – С. 54–59.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургай в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. – 180 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Прилож. 1. Техническая характеристика керамики энеолитического поселения Кумкешу I (Кустанайская обл.) – Алматы: Гылым, 1994. – 207 с.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит – энеолит): Учебное пособие по спецкурсу. – Алма-Ата, 1991. – 64 с.

Логвин В.Н. Маханджарская культура в неолите Казахстана // Маргулановские чтения-1990: Сб. материалов конференции. – Ч. 1. – М., 1992. – С. 60–65.

Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986. – 26 с.

Логвин В.Н. Поселение терсекского типа Соленое Озеро 1 // СА. – 1992. – № 1. – С. 110–121.

Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. – 1988. – №4. – С. 232–234.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан) // СА. – 1984. – № 1. – С. 235–241.

Мамонтов В.И. Позднеэнеолитическая стоянка Орловка // СА. – 1974. – №4. – С. 254–258.

Мелентьев А.Н. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия

(памятники сероглазовского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976. – С. 11–13.

Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. Этногенез уральских народов). – Челябинск: ЮУрГУ, 2003. – 220 с.

Мосин В.С. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): Автореф. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 55 с.

Мосин В.С. Нео-энеолитические стоянки в лесостепи Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». – Челябинск: Аркаим, 1996. – С. 4–21.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Тепловодская Т.М. Результаты анализа технологических признаков // Калиева С.С. Поселение Кожай I. Прилож. 2. – Алматы: ИА им. А. Маргулана, 1998. – С. 232.

Третьяков В.П. Культура ямочно-ребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 136 с.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. – Вып. 39. – С. 3–18.

Формозов А.А. Памятники древности Наурзумского заповедника // Вестник ФАН КазССР, 1946. – № 4 (13). – С. 50–52.

Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – М.–Л., 1950. – № 15. – С. 64–75.

Цетлин Ю.Б. Современное состояние и некоторые задачи изучения древней керамики // РА. – 2005. – № 3. – С. 69–75.

Цетлин Ю.Б., Волкова Е.В. К 75-летию А.А. Бобринского // РА. – 2005. – № 3. – С. 61–68.

Юдин А.И. Неолит и энеолит Степного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1995. – 16 с.

Таблица 1. Искусственные примеси в керамических комплексах энеолитических памятников Северного Казахстана

№ п/п	Памятник	Регион	Искусственные примеси																
			Песок	Песок+органика	Тальк	Слюда	Песок+слюда	Шамот	Шамот+органика	Органика	Дресва	Дресва+ракушка	Дресва+Шамот	Дресва+органика	Дресва+песок	Ракушка	Песок+ракушка	Органика+ракушка	Сухая глина
1.	Евгеньевка 2	Кустанайское Притобьолье	+		+	+		+											
2.	Соленое Озеро 2П	Кустанайское Притобьолье	+		+	+													
3.	Ливановка	Кустанайское Притобьолье	+	+	+		+												
4.	Терсек-Карагай	Кустанайское Притобьолье									+								
5.	Аксуат	Кустанайское Притобьолье									+								
6.	Светлый Джарккуль	Кустанайское Притобьолье									+								
7.	Садчиковка	Кустанайское Притобьолье									+								
8.	Кумкешу I	Тургайская ложбина		+	+			+		+	+	+	+	+		+	+	+	+
9.	Кожай I	Бассейн р. Ишим, на границе с Тургайской ложбиной									+	+	+	+					
10.	Ботай	Бассейн р. Ишим		+					+		+		+	+	+				

+ - наличие искусственной примеси

+₋ - единичные случаи присутствия искусственной примеси

ДРЕВНЕЯМНЫЕ ПАМЯТНИКИ САРЫАРКИ В КОНТЕКСТЕ СИНХРОННЫХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ И НАСКАЛЬНАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ

*Светлой памяти
Николая Яковлевича Мерперта*

По археологическим данным, в эпоху палеометалла в степной Евразии в широтном направлении с запада на восток формируется степная культура скотоводов, которая фиксируется памятниками древнеямной культурно-исторической области (Мерперт, 1974; 1977, с. 68–79; 1988, с. 7–36; Энеолит СССР, 1982), с ее многочисленными вариантами, которые соотносятся с конкретными экологическими нишами в степи и связаны, вероятно, с циклическим характером скотоводства.

Выделяются контактные зоны взаимосвязей скотоводов с аборигенным населением. К их числу в западной части Евразии относятся чересполосное сосуществование древнеямных и других энеолитических групп в Восточной и Центральной Европе, отмеченное В.А. Сафроновым (1989, с. 203–204), группа памятников в степном Предкавказье – новотиторская культура, Причерноморская группа памятников, старосельская, Приуральская и другие (Гей, 2000). Опубликована значительная серия калиброванных радиоуглеродных датировок Предкавказских степных памятников (Кореневский, 2011, с. 21–40). Разработанная автором радиоуглеродная хронология майкопско-новосвободненской общности (МНО), являющаяся ключевой для понимания происхождения многих степных культур Евразии древнеямного типа, позволяет уточнить датировку как собственно самих этих памятников, так и месопотамских и анатолийских древностей, обосновывая при этом хронологический приоритет последних.

По-прежнему представляется актуальным анализ новых данных, которые позволили бы конкретизировать процесс продвижения скотоводческих племен в азиатской части Северной Евразии; определить его динамику и механизм формирования контактных зон в предгорных, лесостепных и полупустынных ландшафтах. Традиционно рассматриваются две возможности такого продвижения: в виде «скачка» (импуль-

са) или непрерывной миграции (Грязнов, 1956; Марков, 1976, с. 109).

Находки в Оренбургской области (Федорова-Давыдова, 1971) и могильниках Верхняя Алабуга и Убаган позволили в свое время поставить вопрос о расширении восточной границы древнеямной культурно-исторической области до р. Тобол (Потемкина, 1985, с. 276). Археологические памятники в сарыаркинских степях фиксируют факт такого продвижения и образования контактной зоны в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии (рис. 1; 1А).

В восточной части степной Евразии такие контактные зоны фиксируются находками афанасьевской и окуневской культур в Южной Сибири и Монголии, каракольской культуры на Алтае, таримских мумий в пустыне Такламакан, заманбабинской группы памятников в Средней Азии.

Происхождение афанасьевской культуры непосредственно связывалось с переселением части ямных племен в Сибирь и на Алтай (Киселев, 1949; Алексеев, 1961, с. 380–384; Вадецкая, 1986, с. 22; Семенов, 2000; 2008; Лазаретов, 1997; 2011). Ареал афанасьевских памятников составляют районы Южной Сибири, Алтая (Киселев, 1962; Вадецкая, 1986), Западной и Северо-западной Монголии (Новгородова, 1989, с. 78–89) и с большой степенью вероятности – в пустыне Такламакан.

Ярким доказательством продвижения степных социумов в восточном направлении является находка значительной серии мумий европеоидного облика в могильниках пустыни Тарим, в Синцзян-Уйгурском автономном округе Китая и представленная ныне в специальном зале Исторического музея г. Урумчи. Петроглифы и раскопки многочисленных могильников этой серии (рис. 2А; В; С), дают уникальную информацию об этой миграции: комплекс керамики, особенности погребальных сооружений и обряда, которые позволили датировать эти памятники XVIII–XVII вв. до н.э. (Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008).

Йеттмар К., анализируя материалы могильника Гумугоу, расположенного в северо-западной части Синьцзяна, справедливо предполагает идентификацию их с протохарами – европеоидами, мигрировавшими сюда из западных районов Евразии около 1500 г. до н.э. (Парцингер 2000, с. 66–75. См. также: Кубарев, 2006, с. 41–54). Однако трудно согласиться с такой поздней датой этих памятников, тем более что она никакими вескими аргументами не обоснована.

Нижняя дата афанасьевских памятников Горного Алтая устанавливается в пределах конца IV – начала III тыс. до н.э., а верхняя – остается дискуссионной. Кирюшин Ю.Ф. высказал предположение, что эта культура существовала вплоть до раннескифского времени (Кирюшин, 1985, с. 47); согласно С.В. Цыбу – до первой четверти II тыс. до н.э. (Цыб, 1984, с. 13, 18), а по мнению Э.Б. Вадецкой – до середины четвертой четверти III тыс. до н.э. (Вадецкая, 1986). Цыб С.В. обосновывал гипотезу, согласно которой так называемый алтайский вариант афанасьевской культуры Южной Сибири возник в результате переселения части ранних скотоводческих племен восточно-европейских степей – носителей синхронной древнеямной культуры (Цыб, 1980, с. 38–51; Цыб, 1984, с. 12–18). Им выделены две хронологические группы афанасьевских памятников Алтая: конец IV – первая и вторая четверти III тыс. до н.э. и первая четверть II тыс. до н.э., которые стадияльно близки культурам других регионов: Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Верхнего Приобья и Прибайкалья. Отмечая раннее появление металлических изделий у афанасьевских племен Горного Алтая, С.В. Цыб объясняет этот факт «расселением афанасьевцев в непосредственной близости от медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая» (Цыб, 1984, с. 15).

Монгольские синхронные памятники представляют собой невысокие курганы с каменными выкладками и погребениями в грунтовых ямах на спине или на боку «сгорчено», головой на восток или на запад. Костяки густо покрыты охрой. Антропологические определения погребенных обнаруживают большое сходство с краниологическими сериями афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины (Мамонова, 1979, с. 205). В монгольских находках, связанных с афанасьевской культурой, представлены жезлы с зо-

оморфными скульптурными навершиями, фрагменты керамики, украшения, кремневые орудия (Новгородова, 1989, с. 87–88).

Обоснование генетического родства носителей ямной и афанасьевской культурных традиций нашло яркое подтверждение в антропологических материалах. Установлено их значительное сходство (Дебец, 1948; Алексеев, 1961). При этом антропологи отмечают формирование центральноазиатского очага брахикефализации в Минусинской котловине, на Алтае и в Туве, а также значительное сходство афанасьевских и окуневских черепов. Брахиокранные черепа известны у населения Нижнего Поволжья и в культуре Триполье-Кукутени (Алексеев и др., 1987, с. 228; ср.: Шевченко, 1984, с. 119). Окуневские черепа имеют ближайшие аналогии в антропологических материалах из могильников эпохи бронзы юго-западного Таджикистана (Ранний Тулхар), которые относятся, как к широкому протоевропеоидному типу населения степной полосы Евразии, так и к южному протосредиземноморскому расовому типу, при этом отмечается необычайно большая высота лица. Этот признак находит точные аналогии в материалах из могил в Сялке (Иран), в Самтаврском могильнике (Грузия) и в могильнике Гинчи в Дагестане (Мандельштам, 1968, с. 182; см. определения Т.П. Кияткиной, с. 168–182). Сходные результаты получены при анализе антропологических материалов из Гонур-тепе (Дубова, 2006).

Необходимое звено, позволяющее связать западные, восточные и южные памятники, обнаружено теперь в Сарыарке, где в последние годы обнаружена серия древнеямных погребений.

В разновременном могильнике Карагаш раскопан древнеямный курган (Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34–46), материалы которого соотносятся с находками в Зауралье и на Эмбе. В каменно-земляном кургане 2, диаметром 30 м и высотой до 1 м одна из могил под полой оказалась непотревоженной и представляла собой глубокий (свыше 1 м) каменный ящик, перекрытый сверху плитами. Погребенный, 40–50 лет, палеоевропеоидного типа (определение В.А. Дремова), лежал на спине, согнутые в коленях ноги завалились вбок. В головах найдены бронзовое четырехгранное шило и «пламевидный» по форме нож, воткнутые под углом с двух сторон по отношению к голове. С правой стороны к поясу погребенного, очевидно, привязан керамический

сосуд яйцевидной формы с прямым невысоким венчиком, орнаментированный по всему тулову пальцевыми зашипами. С левой стороны, на уровне пояса, отмечены следы круглой, диаметром до 15 см, деревянной чаши, ремонтировавшейся в древности при помощи бронзовой пластины. Могила окружали остатки погребальных кострищ. Костяк обильно посыпан кусочками охры и угля (Евдокимов, Ломан, 1989, с. 34–46). На внутренних стенках каменного ящика отмечены аморфные следы охры разных оттенков – возможные остатки не сохранившихся на них рисунков.

Экспедицией под руководством В.К. Мерца в северной части Сарыарки раскопана серия синхронных памятников (Мерц, 1994; 1995; 2003; 2005; 2006; 2007). Находки происходят из могильников и поселений в лесостепной и степной зоне Приишимья и представлены материалами вишнево-елунинского (кротовского) типа, происходящими из поселений Вишневка 1, Карлуга 4 и из могильника Вороний Остров; в Прииртышье – материалами древнеямного и елунинского типа с поселений Мичурино 1, Шауке 3, Есенбай, Нурбай 2, Чемар 1, 3–6 и погребениями могильника Григорьевка 2.

В центральной части Казахстана и на востоке этот период характеризуют материалы поселения Шидертинское 2 и Бектауата, стоянка Экибастуз 17, погребения в могильниках Шидерты 10, Шолпан 4, Черновая 2 и Айнабулак. Наиболее яркими среди перечисленных памятников являются погребения древнеямно-афанасьевского типа в грунтовых ямах и каменных ящиках, содержащих останки людей, лежавших на спине с подогнутыми ногами, иногда посыпанные охрой. Умерших сопровождают в могилах круглодонные керамические сосуды, каменные песты и терочники, медные ножи, шилья. Наиболее показательные в этой серии, кроме карагашского, захоронения в Восточном Казахстане – Черновая 2 и в Прииртышье – Григорьевка 2 (рис. 1; 1А).

Другая группа синхронных памятников Сарыарки представлена подкурганными погребениями в ямах в скорченном положении на левом боку. В погребальной обрядности населения, оставившего эти памятники, отмечено широкое использование огня. На могильнике Шидерты 10 зафиксированы сильно обожженные стенки могилы и многочисленные остатки древесного угля под каменной насыпью кургана. В погребении отмечено также большое количество костей

животных, оставшихся от жертвенной пищи, фрагменты керамики, обломки бронзового ножа, каменного наконечника стрелы и перламутра от украшений из речных моллюсков. Здесь же, в 150 м к западу, на склоне сопки располагалось и поселение людей, оставивших этот могильник. Проведенные раскопки позволили получить более сотни фрагментов аналогичной керамики, оставленной возле сложенных из камней очагов, а также каменные мотыги, черешковые наконечники стрел, скребки и ножи из кремневых отщепов. Материалы этого погребения и поселения сопоставимы с памятниками елунинской археологической культуры, которые датируются XXIII–XVII вв. до н.э. Эти племена оставили многочисленные кратковременные поселения, расположенные вдоль правого берега Иртыша на всем своем протяжении, вплоть до территории Восточного Казахстана (Мерц, 2005; 2006; 2007).

Как видим, наряду с известными на севере региона терсекскими, сургандинскими, атбасарскими (ботайского типа, Зайберт, 1993; 2009; Логвин, 1991) и перечисленными выше памятниками древнеямные сосуществуют в Сарыарке синхронно и аналогично «чересполосному» их существованию, зафиксированному для западного ареала распространения древнеямной культурно-исторической области.

Продвигающиеся с запада на восток в течение всего III тыс. до н.э. древнеямные кланы обладали рядом прогрессивных для того времени инноваций, которые, очевидно, и позволили обеспечить как такую продолжительную миграцию саму по себе, так и их конкурентное преимущество в сравнении с аборигенным населением.

К числу таких инноваций относятся, кроме передовых успехов в животноводстве, обеспечивающем более гарантированный прибавочный продукт в сравнении с рискованным земледелием, развитые навыки строительства разнообразных типов колесных транспортных средств и прежде всего – передвижных жилищ – домов на колесах (Гей, 2000; Избицер, 1993); развитые металлургические навыки, мегалитическая и изобразительная традиции. Несомненно, что коммуникативная функция последней имела важнейшее значение для самоидентификации древнеямных социумов (производственных групп), оторванных друг от друга на значительные расстояния в степи.

Известные изобразительные памятники в Сарыарке подтверждают это предположение.

ны декорированные искусным геометрическим орнаментом рукояти роговых (и в одном случае – бронзовой) «молоточкообразных булавок» по размерам, по местоположению в могилах – на поясах погребенных и по своему предназначению – скорее – прообразов кинжалов (Гей, 2000, с. 42, 166–167). Их пока еще не фигуративные навершия, возможно, трансформировались позднее в известные образцы кинжалов сейминско-турбинского типа с миниатюрными скульптурами на концах рукоятей.

Генетическая связь новотиторовской и новосвободненской культур не вызывает сомнения у кавказоведов, более того, в последней известна могила с повозкой (Кондрашов, Резепкин, 1988). Допускается прямое наследование новосвободненских традиций либо сосуществование двух культур на раннем этапе новотиторовской культуры (Гей, 1991, с. 66–67). Сафронов В.А. подробно обосновывает сходство новотиторовской (кубано-днепровской) культуры с древнеямыми и новосвободненскими памятниками (Сафронов, 1989, с. 213–241) и объединяет дольмены Новосвободной с усатовскими и кеми-обинскими мегалитическими сооружениями в единый блок культур.

Последний вывод представляется весьма важным, поскольку позволяет лучше понять истоки степной изобразительной традиции. Новосвободненские могилы представляют собой крупные каменные ящики, грунтовые ямы или ямы с деревянными срубами. На каменных стенках одного из двухкамерных ящиков обнаружена полихромная роспись (Резепкин, 1987, с. 26–32). Красной и черной краской на белую грунтовку нанесены антропоморфная фигура и вереница лошадей. Аналогичные росписи, выполненные в той же цветовой гамме, найдены на стенке каменного ящика в Курбан-Байраме, отнесенного к кеми-обинской культуре (Щепинский, 1985, с. 334–335). Особенность кеми-обинской культуры, памятники которой распространены в Крыму, Поднепровье и Приазовье, – в украшении стенок каменных ящиков различными геометрическими фигурами и в установке стел над могилами в виде простой плиты или антропоморфной фигуры.

Так, Керносовский идол представляет собой антропоморфную стелу, на лицевой стороне которой выбиты топор, посоховидные предметы, нож, булава, и другие предметы, а в основании – вереница лошадей (?). На боковой стороне стелы

– две человеческие фигуры, одна из которых показана с преувеличенно растопыренными пальцами.

Если сравнить эти особенности кеми-обинского, новосвободненского и новотиторовского погребальных обрядов, то традиция украшать стенки ящика и циновки покрытия и стенок могил (Три брата) представляется тождественной. Использование каменных плит в могилах определялось, по-видимому, природно-географическими условиями. В степи трудно найти плиты подходящих размеров, транспортировка их невыгодна, это влекло замещение их функций более подручными для скотовода материалами – войлоком, выделанными шкурами или циновками, деревом, при сохранении традиции украшать их росписью.

Таким образом, производственные коллективы степной культуры скотоводов были знакомы с изобразительной традицией, что проявилось в украшении стенок фургонов (Бедени) и погребальных сооружений, установке антропоморфных стел и менгиров. Эта традиция имеет, видимо, ближневосточные корни. В среде скотоводов она получила свое дальнейшее продолжение и развитие.

К числу наиболее ярких памятников Южной Сибири относятся многочисленные антропоморфные стелы, на которых, как правило, сочетаются скульптурные изображения женского (?) лица на торцевой части и различные петроглифы на боковых сторонах. Иногда это просто каменные плиты с различными изображениями, но почти всегда выбиты личины с отходящими от головы лучами, «антеннами», непонятными отростками (Вадецкая и др., 1980, с. 123–147). Древнейшие в Центральной Азии изображения повозок – фургона на Знаменской стеле, телеги на изваянии у станции Усть-Бюрь и двуколки на Аскизской стеле и в гроте Акбаур – датируются афанасьевским временем.

Например, Знаменская стела (рис. 4–1) хранится ныне в Красноярском краеведческом музее и представляет собой расколотую на две части плиту с изображением женского (?) лица на узкой грани и различными фигурами, выбитыми точечной техникой на правой плоскости плиты. Левая сторона разрушена. Изображения лица и петроглифы выбиты в разное время. Первоначально это было типичное для хакасских степей каменное изваяние с тремя показанными на лице глазами, звериными ушами, непонятными от-

ростками, солярными знаками и трудно различимыми деталями. Петроглифы выбиты сплошным силуэтом и представляют собой две фигуры быков, одна из которых перекрывает солярный знак и неопределенное животное. Видны изображения горного козла (?), антропоморфной фигуры и неопределенных животных. В нижней части плоскости представлены изображения крытой телеги и двух быков, выполненные контурными линиями.

Отмечу, что сама по себе эта находка свидетельствует о той значительной роли, которую фургон с бычьей упряжкой играл в жизни древнейшего населения как Южной Сибири, так и всей степной Евразии. Важная деталь этого изображения – сидящий внутри фургона возничий, что соотносится с особой конструктивной деталью древнейших сохранившихся повозок – специальным помостом-сиденьем. В последнее время добавились новые изображения этой серии – условные изображения «сидячего возницы на колесе» (Davlet, Davlet, 2004, s. 237–246, abb.1). Аналогичное изображение крытой телеги с сидящими возничими обнаружено в горах Кулжабасы (Сала, Деом, 2005) и сопоставимо с телегами, раскопанными на Гонур-тепе (Сарианиди, Дубова, 2010).

Датировка изображений на Знаменском изваянии остается дискуссионной. Грязнов М.П. саму стелу относил к андроновскому времени, а петроглифы – к карасукскому на основе датировки самой могилы, инвентарь которой может принадлежать и андроновскому и карасукскому периодам (Грязнов, 1960, с. 88). Леонтьев Н.В. на основе сходства с фигурами быков на плитах могильника Черновая VIII датировал фигуры изваяния окуневским временем (Леонтьев, 1970, с. 270).

С такой датировкой согласны многие исследователи (Дэвлет, 1982; Вадецкая и др., 1980). Однако стилистическая неоднородность изображений животных на плитах могильника Черновая VIII и на некоторых окуневских изваяниях позволили Я.А. Шеру поставить вопрос о «до-окуневской» датировке части этих изображений, в том числе и повозки (Шер, 1980, с. 170–256), а Л.Р. Кызласову в Хакасии выделить так называемую «тазминскую» культуру (Кызласов, 1986). В последние годы Ю.Н. Есин, активно исследуя особенности окуневского искусства, определенно выделил афанасьевскую изобразительную традицию в местных петроглифах (Есин, 2010).

Определяются две стилистические манеры в изображении быков на Знаменской стеле: массивные упряжные быки в фургоне и поджарые, схематичные фигуры быков, которые притом еще и перекрывают более ранние изображения личины и солярного знака.

Единственное основание «окуневской» атрибуции всех стел – стилистическое сходство с изображениями на плитах могильника Черновая VIII. Рассматриваемая изобразительная традиция находит наиболее яркое проявление на плитах каменных ящиков могильника Черновая VIII. Здесь обнаружены плиты, содержащие как одиночные изображения животных или личин, так и многофигурные композиции, которые перекрывают друг друга. Зафиксированы тридцать четыре фигуры быков и коров, две фигуры собак, три ворона, фрагмент головы лося и одна сомнительная фигура лошади. Изображены только массивные фигуры быков и коров, которые значительно отличаются от поджарых быков на плитах из кургана Разлив X.

Повторное обследование плит Черновой VIII, хранящихся теперь в Эрмитаже, позволило выявить на одной из них новые существенные детали, а именно: две А-образные двуколки аскизского типа (Ю.Н. Есин, самостоятельно копировавший эту плиту, оспаривает наличие двух повозок, но признает наличие одной, запряженной быками, двуколки) в составе многослойной композиции, состоящей из фигур быков разного вида, перекрывающих первоначально выбитую личину (Соколова, 2001). Судя по опубликованным прорисовкам, «тучные» быки перекрыты аналогичными упряжными знаменскими – быками, которые в свою очередь запряжены в изображенную на этой плите А-образную двуколку.

При этом справедливо сопоставить плиты из Черновой VIII с более древними изображениями личин, антропоморфных существ и птиц, как выбитых, так и выполненных охрой на плитах могильника Тас-Хазаа. Этот могильник определен как афанасьевский (Липский, 1961, с. 271), затем часть впускных могил отнесена к окуневскому времени (Максименков, 1965, с. 40). Большая древность антропоморфных фигур на плитах из Тас-Хазаа подтверждается аналогиями с фигурой человека с растопыренными пальцами на Керносовском идоле в Причерноморье, на стенках могил в Новосвободной (рис. 4–2) и с изображениями трехпалых антропоморфных существ в петроглифах Чулуута, где эти изобра-

жения сочетаются на плоскости с массивными фигурами быков (Новгородова, 1989, с. 92–93).

Если это так, то плиты из Тас-Хазаа являются таким же основанием для афанасьевской атрибуции некоторых антропоморфных изваяний Южной Сибири, каким являются плиты с изображениями из могильника Черновая VIII для обоснования их связи с окуневской культурой.

С учетом изложенных замечаний представляется, что окуневские памятники генетически связаны с афанасьевскими и отражают хронологические изменения главным образом в материальной культуре, которые претерпели здесь первые переселенцы из западной части степной Евразии. Скотоводы, пришедшие с запада, принесли с собой традицию устанавливать менгиры и антропоморфные изваяния. Эта идея нашла здесь дальнейшее местное развитие, что проявилось в изменениях стиля, многочисленных наложениях изображений друг на друга, в разработках образа женщины – хранительницы семьи. В монгольских степях эта идея развилась в обычай устанавливать оленные камни. Видимо, существуют хронологическое различие между временем установки каменной стелы и нанесением на нее изображений.

Инновацией в истории древнейших племен Южной Сибири стал обычай украшать стенки каменного ящика и сам мегалитический каменный обряд с курганом. При этом древнейшие изображения выполнялись охрой (Тас-Хазаа), а затем стали выбиваться.

У с. Каракол на Алтае раскопан могильник, большая часть могил – каменных ящиков – которого оказалась ограбленной или разрушенной. При этом на стенках этих ящиков открылись удивительные полихромные росписи, главный персонаж которых – антропоморфное «солнцеголовое» существо, изображенное как в плановой, так и в профильной проекции (Кубарев, 1988). Ближайшие аналогии этой фигуре находим в росписях на каменных ящиках могильника Тас-Хазаа, петроглифах Чулуута, на стенках гробниц кургана 28 у ст. Новосвободная (Резепкин, 1982, с. 28, рис. 1). Близкие персонажи изображены и на афанасьевских (окуневских) стелах. Это сходство позволяет предполагать афанасьевскую атрибуцию могильника. Отмечу удивительную близость «солнцеголовых» фигур и антропоморфных изображений на Керносовском идоле и поразительное совпадение цветовой гаммы

(красная, черная, белая краска) и отдельных фигур на каменных ящиках у станции Новосвободная и из Курбан-Байрама, а также в синхронных китайских петроглифах (рис. 4–4).

Приведенные выше материалы и аргументация позволяют предполагать существование трансконтинентального канала коммуникации древнейших сообществ скотоводов, сформировавшегося в широтном направлении, по всему континентальному поясу степей. Кочевавшие на фургонах-жилищах вслед за своими многочисленными стадами в поисках новых пастбищ некоторые производственные группы скотоводов постепенно продвигались на восток и достигли Минусинской котловины, которая естественным образом ограничивает евразийские степи на востоке.

Эти первые переселенцы привезли с собой многие необычные навыки: изобразительную традицию – украшение охрой стен своего жилища – фургона; традицию возводить мегалиты – стелы-менгиры и каменные ящики своих гробниц – жилищ в ином мире; свои производственные навыки и свои собственные коммуникативные системы. Оказавшись в комфортной и достаточно обширной экологической нише, каковой является Минусинская котловина, они активно стали вступать в различного типа отношения с редким аборигенным населением, воспринимая их традиции и некоторые обычаи через своих местных жен. Дальнейшее продвижение этих групп было возможно только в южном направлении, вектор этого движения направлен на степные пространства Монголии и Синьцзяна, через горные долины Алтая.

Сейчас трудно конкретизировать пути продвижения древнеявных групп в южном направлении через бескрайние казахстанские степи в Среднюю Азию. Не исключаю возможности продвижения и с юга – на север, в любом случае факт такого продвижения документируют памятники заманбабинской группы в низовьях Зеравшана (Кызыл-Кумы) (Кузьмина, 1958; 2010; Гулямов и др., 1966). Судя по изобразительным памятникам Турана, обитавшие здесь группы имели сходную структуру мифологических представлений. Исследователи синхронных памятников в Пакистане и Афганистане отмечают проникновение степных племен с севера, о чем наглядно свидетельствуют петроглифы долины Инда (Jettmar, 1980, s. 185–221; 1980a, s. 151–199; 1982, s. 293–308; Dani, 1983).

В III тыс. до н.э. в Евразии произошло глобальное изменение климата – он стал более континентальным и сухим (Долуханов, 1984, с. 31; Lozek, 1971), что явилось главной предпосылкой к развитию скотоводческого уклада хозяйства. В культурно-историческом понимании – это обширное сообщество пастухов, объединенных единым занятием – воспроизводством скота, обслуживанием этого процесса и сходной системой мифологических представлений. Такое широкое распространение памятников сходного типа по всему степному поясу Евразии может быть объяснено ранним возникновением нomaдизма, как основного типа хозяйства, уже в начале III тыс. до н.э. (Мерперт, 1968, с. 41–43, Шилов, 1975, с. 5–15). А. Тойнби относил начало кочевничества к концу IV – началу III тыс. до н.э. (1934, р. 404). Трудно согласиться с представлением, что переход к кочевому скотоводству совершился лишь на рубеже II–I тыс. до н.э. (Хазанов, 1973, с. 5–10, Грязнов, 1955, 1956, 1957, Марков, 1973, с. 109) в этот период кочевое скотоводство, очевидно, заняло определяющее место в жизни степных обществ и приобрело, как отметил Н.Э. Масанов, универсальный характер (Масанов, 1984; 1989; 2000; 2011).

Памятники этой степной культуры, впервые выделенные В.А. Городцовым, определялись как древнеямные – по основному элементу погребального обряда – захоронению в грунтовой яме. Позднее эти памятники получили и другое название – «курганная культура» (Gimbutas, 1970) по характерному погребальному сооружению. Представляется, что к этим терминам, описывающим погребальный обряд, должно быть добавлено определение – «фургонная», поскольку фургон или разборное жилище, устанавливаемое или перевозимое на телегах, – основной тип жилища носителей этой культуры.

Немногочисленные поселения древнеямной культурно-исторической области, возможно, являлись пунктами обменов, ремесленными центрами для подвижных групп скотоводов. Крупные поселки типа Ливенцовки на Дону или укрепленные – типа Михайловки или Скеля Каменоломня на Нижнем Днепре составляют скорее исключение и выполняли функцию обменных и ремесленных центров, а также убежищ в зимний период.

Единственный возможный способ расселения скотоводов в степи – в небольших производственных коллективах – кланах, разделенных

между собой значительными пространствами пастбищ. Демографический рост численности этих коллективов приводил к выделению производственных групп родственников, вынужденных искать новые пастбища для своего скота, поскольку конкретное количество домашних животных требовало определенного их физиологическим потребностям количества биомассы (Федорович, 1973; Масанов, 2000; 2011). Так, для нормального воспроизводства одной особи лошади в течение одного года требовалось не менее 20 га пастбищ, для одной особи овцы – 12–24 гектара.

Некоторые данные из археологических комплексов этого периода свидетельствуют о наличии обряда насильственного умерщвления сородичей (или плененных рабов) и совместного их захоронения с погребенными членами социума. Так можно объяснить находки расчлененных при жизни костяков людей, найденные в Тягуновой могиле, а позднее в колесничных комплексах Синташты, Аркаима, Гонура и в других памятниках. Этот жестокий обычай описывают древние китайские письменные источники, в том числе – «гадальные кости» в шань-иньском Китае. При всей своей чудовищной иррациональности и связи с развитой системой внутренней коммуникации социума он может свидетельствовать о своей несомненно важной ритуальной и мифологической семантике, с одной стороны, а с другой – о переизбытке населения и недостаточности ресурсов, способных прокормить «чужих» или недостаточно активных по каким-то причинам членов своего социума.

Конкретизировать ситуацию могут палеодемографические реконструкции, которые, к сожалению, только изредка появляются на страницах археологических изданий (Евдокимов, Поваляев, 1989, с. 104–110; Евдокимов, 1984; 1994). Выясняется, что вся биомасса небольшой экологической ниши в бассейне реки Тобол, типичной для степной зоны Евразии, могла одновременно прокормить не более 500 человек, а плотность населения не превышала коэффициента: менее одного человека – на один км². Эти расчеты соотносятся с показателями плотности населения Сибири по этнографическим данным.

Освоение более аридных, степных пастбищ было возможно как по долинам рек, так и путем увеличения в стаде поголовья овец, лошадей и верблюдов, что и фиксируется по остеологическим материалам в более южных районах Казахстана (Нурумов, Макарова, 1988).

Эти выводы означают, что миграция степных социумов на первоначальном этапе носила добровольный и вполне мирный характер, напоминая больше освоение целинных земель, а не процесс колонизации «чужих» территорий со всеми ужасами ассимиляции и насильственным покорением аборигенного населения. Показательными в этом смысле представляются укрепленные поселения Аркаим и Синташта, покинутые населением одновременно, без видимых следов каких-либо батальных событий, так же как покинута Хатусса (Богазкей) – столица Хеттского царства или Гонур-тепе в Маргиане. Скорее этот процесс продвижения приводил к резкому увеличению количества смешанных браков и достаточно быстрой по историческим меркам смене антропологического типа, некоторым инновациям в хозяйственных навыках, что фиксируется разнообразием типов и декора керамики, и возможно, приводил к изменению языка общения, сохраняя при этом и консервируя наиболее архаичные и устойчивые черты собственной идентификации.

Как бы ни были сложны и противоречивы данные лингвистов, ясно одно, что к концу III тыс. до н.э. на евразийском континенте уже существовала довольно сложная и развитая система различных каналов коммуникации между обитавшими здесь разнообразными социумами. Очевидно, что в широтном направлении сформировался трансконтинентальный транспортный коридор, связывающий европейскую и азиатскую его части. Определенно фиксируются две ветви этого коридора: северная и южная. Первая проходила по равнинным, степным и лесостепным районам континента до Минусинской котловины и северных районов Китая на востоке и до Скандинавского полуострова – на западе. Вторая – проходила южнее – до Хараппы на востоке и средиземноморского Магриба – на западе. В азиатской части континента зафиксированы каналы коммуникации по линии север–юг через территорию Турана. В этот период формируются контактные зоны, в которых складываются различные по характеру системы взаимодействия групп скотоводов с инокультурным, аборигенным, населением (рис. 5).

Выделяются внутренние и внешние каналы этих коммуникаций, для которых характерны взаимоотношения, главным образом, между

этнически родственными и близкими по языку группами скотоводов и менее развитыми в экономическом отношении социумами (Новожинов, 2012).

В этой системе взаимосвязей скорее преобладали брачно-семейные отношения, натуральные обмены, совместные ритуальные (культовые) церемонии, наподобие праздника медведя у северных народов, или индийских вакхических праздников плодородия (Косамби, 1968), которые проходили в святилищах с петроглифами, в своеобразных храмах под открытым небом, в самых значимых и удобных местах, на маршрутах к новым пастбищам и плодородным долинам.

В целом, в III тыс. до н.э. в западной части степной Евразии формируется сложная система взаимосвязей отдельных групп скотоводов с оседло-земледельческими местными племенами в лесостепных и предгорных районах, что отразилось как в возникновении новых археологических культур, так и отдельных вариантов древнеямной культурно-исторической области. Развитие последней связано с конкретными природно-экологическими нишами и циклическим характером скотоводства в них. Эта система соотносится с ситуацией, определяемой по лингвистическим данным как позднеиндоевропейское языковое единство (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 895–959).

Индоарийская атрибуция кубано-днепровской (новотиторовской) культуры недостаточно пока аргументирована (Сафронов, 1989), вместе с тем не исключено проникновение индоарийских групп в азиатскую часть Евразии уже в этот период.

Этническая атрибуция древнеямной КИО определяется как индоиранская (тохарская, кафирская), что опирается на представления об ираноязычности создателей срубных и андроновских памятников, а также скифов и саков, а также опирается на анализ языков, на которых написана Авеста, не имеющих никакого иного языкового субстрата, кроме индоиранского.

Культурно-мифологические представления скотоводов отражены в древнейших гимнах Риг-веды и особенно Авесты, в Гатах и Яснах которой «мы находим то же наивно-непосредственное, прозрачное переключение в религиозный план простых, элементарных чувств и мыслей пастуха, для которого нет высшего блага, чем его скот» (Абаев, 1990, с. 15 и сл.).

Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // Избранные труды. – Т. 1. – Владикавказ: Ир, 1990. – С. 9–52.

Алексеев В.П. О брахикранном элементе в составе населения афанасьевской эпохи // СЭ. – № 1. – 1961. – С. 116–129.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука – 1987.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Ч. 1, 2. – 1328 с.

Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. – 1991. – № 1. – С. 54–71.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. – М.: Старый сад, 2000. – 224 с., ил.

Городцов В.А. Скальные рисунки Тургайской области // Труды ГИМ. – Т. 1. – 1926. – С. 37–67.

Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – 1955. – Вып. 24. – С. 19–29.

Грязнов М.П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. – Вып. 26. – 1957. – С. 21–28.

Грязнов М.П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменки в Хакасии // КСИИМК. – Вып. 80. – 1960. – С. 85–89.

Гулямов Я., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зеравшана. – Ташкент, 1966. – 266 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.–Л., 1948. – 392 с.

Долуханов П.М. Неолитическая революция в Передней Азии: экологические, культурно-исторические и лингвистические аспекты // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. конференции. – М., 1984. – Ч. 1. – С. 29–31.

Дубова Н. А. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргана – новый центр мировой цивилизации // Материалы Международной конференции. – Мары, 2006. – С. 169–173.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.

Евдокимов В.В. Эпоха бронзы степей Центрального и Северного Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Алматы, 2001. – 36 с.

Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 34–46.

Евдокимов В.В., Поваляев Н.Л. Оценка численности населения эпохи бронзы Кустанайского Притоболья по экологическим параметрам // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 104–110.

Есин Ю.Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропой тысячелетий: Сб. науч. трудов, посв. юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово, 2008. – С. 81–98.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 216 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 576 с.

Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 32 с.

Киришкин Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-Алтаистика: археология, этнография, язык. – Новосибирск: Наука, 1985.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.–Л., 1949. – 363 с.

Киселев С.В. К изучению минусинских каменных изваяний // Историко-археологический сборник. – М.: Наука, 1962. – С. 53–61.

Кондрашов А.В., Резепкин А.Д. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. – Вып. 193. – 1988.

Корневский С.Н. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. – № 1. – 1981.

Корневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА. – № 4. – 1990. – С. 125–130.

Кореневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. – М.: Таус, 2011. – 336 с., ил.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с., ил.

Кубарев В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // АЭАЕ. – № 3 (27). – 2006. – С. 41–54.

Кузьмина Е.Е. Могильник Заман-баба // СА. – № 2. – 1958.

Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого Шелкового пути: диалог культур Европа-Азия / Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 295 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997.

Лазаретов И.П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе // Материалы Международной научной конференции. – Кемерово, 2011. – С. 59–63.

Леонтьев Н.В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII // Древняя Сибирь. – Вып. 3. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 265–270.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан, 2006. – 398 с.

Липский А.Н. Археологические раскопки в Хакасии // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 121–124.

Липский А.Н. Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1961. – С. 269–278.

Липский А.Н. К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 163–173.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). – Алма-Ата, 1991. – 64 с.

Максименков Г.А. Окуневская культура Южной Сибири // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 168–174.

Мамонтова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. – Т. 3. – Улан-Батор, 1979.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л.: Наука, (МИА, № 145), 1968. – 184 с., ил.

Марков Г.Е. Кочевники Азии (структура хозяйства и общая организация). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана 18–19 вв. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 326 с.

Масанов Н.Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // ВАН КазССР. – 1987. – № 3. – С. 29–39.

Масанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 55–81.

Масанов Н.Э. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. – М., 2000. – С. 116–130.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Изд. 2-е, доп. – Алматы: Print-S, 2011. – 740 с.

Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1968 – 84 с.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974 – 152 с.

Мерперт Н.Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М.: Наука, 1977. – С. 68–79.

Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV–III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М.: Наука, 1988. – Вып. 80. – С. 7–36.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок Советской экспедиции). – М.: Наука, 1971. – 320 с.

Мерц В.К. О происхождении комплексов прибайкальского типа в энеолите Казахстана // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994.

Мерц В.К. Работы на стоянке Нурмамбет I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995.

Мерц В.К. Наскальные рисунки края Кереку-Баян. – Павлодар: Изд-во Павлодарского гос. ун-та, 2002. – 114 с.

Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003.

Мерц В.К. Охранные раскопки стоянки Экибастуз 17 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая (материалы конференции). – Вып. 14. – Барнаул, 2005.

Мерц В.К. Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Вып. 2. – Павлодар, 2006.

Мерц В.К. К проблеме миграций в эпоху раннего металла (о погребении ямного типа на Иртыше) // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (К 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган, 2007. – С. 71–75.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Новожинов В.А. О датировке наскальных изображений Сары-Арки. // Проблемы периодизации и хронологии археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 79–89.

Новожинов В. А. Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: Изд-во ИА, 2002 – 125 с., ил.

Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е.Е. Кузьминой. – М.: Таус, 2012 – 500 с., ил.

Нурумов Т.Н., Макарова Л.А. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. – Алма Ата: Наука, 1988. – С. 7–36.

Парцингер Г. Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – № 1. – С. 66–75.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболья. – М.: Наука, 1985. – 374 с., ил.

Резепкин А.Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ ст. Новосвободная // КСИА. – 1987. – Вып. 192. – С. 26–32.

Сала Р., Деом Ж.-М. Наскальные изображения Южного Казахстана. – Алматы, 2005. – 150 с.

Самашев З.С. Грот Акбаур с писаницами в Восточном Казахстане // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 123–129.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.

Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: Автореф. дис... д-ра ист. наук. – Алматы: ИА МОН РК, 2010. – 59 с.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение // На пути открытия цивилизации // Труды Маргианской археологической экспедиции. – Т. 3. – СПб., 2010.

Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. – 398 с.

Семенов Вл.А. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики // Материалы тематической научной конференции (СПб., 14–17 ноября 2000 г.). – СПб., 2000. – С. 183–187.

Семенов Вл.А. Первобытное искусство. – СПб., 2008. – 323 с.

Семенов Вл.А. Плита с окуневской личной со стоянки Кара-Орга в Туве // Наскальное искусство в современном обществе // Материалы Международной научной конференции. – Кемерово, 2011. – С. 129–133.

Соколова Л.А. Стела из Черновой VIII со знаменитыми быками и неизвестными повозками // Евразия сквозь века. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 129–132.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Ч. 1, 2. – Тюмень, 2002.

Федорова-Давыдова Э.А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 45–60.

Федорович Б.А. Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л., 1973.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. – М.: Наука, 1973. – С. 5–10.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 38–51.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1984. – 24 с.

Шарафутдинова Э.С. Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. – Вып. 176. – 1983.

Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – Ч. 1. – М., 1984.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с., илл.

Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. – 1975. – № 1. – С. 5–15.

Шилов В.П. К проблеме взаимодействия первобытных земледельческо-скотоводческих и скотоводческих племен Евразии // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конференции к 90-летию со дня рожд. М.П. Грязнова // Археологические изыскания. – 1992. – Вып. 2. – С. 26–27.

Щепинский А.А. Ранний энеолит Крыма // Археология УССР. – Киев: Наукова думка, 1985. – С. 320–336.

Энеолит СССР / Отв. ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. – М.: Наука, 1982. – 360 с., илл.

Dani A.H., Chilas. The city of Nanga Parvat (Dyamar). – Islamabad, 1983.

Davlet M.A., Davlet E.G. Felsbilder mit Wagendarstellungen in Sibirien und Zentralasien // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein, «Philipp von Zabern», 2004. – S. 237–246.

Gimbutas M. Proto-Indo-European Culture: the Kurgan Culture during V–IV and III Mil. B.C. // Indo-European and Indo-Europeans. – Philadelphia, 1970. – P. 155–197.

Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe 7000 to 3500 B.C. Myths, Legends and Cult Images. – L., 1974.

Gimbutas M. The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe // Journal Indo-European Studies. – Vol. 2. – N 4, 1978. – P. 277–338.

Gimbutas M. The Language of the Goddess. – San-Francisco: Harper Row, 1989. – P. 49–95.

Jettmar K. Art of the Steppes. – N.Y., 1967.

Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart: – Kohlhammer, 1975. – 525 s.

Jettmar K., 1980. Felsbilder und inschriften am Karakorum Highway // Central Asiatic Journal. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980. – S. 185–221.

Jettmar K. Neuentdeckte Felsbilder und Inschriften in den Nordgebieten Pakistans // Allgemeine und vergleichende Archäologie – Beiträge. Band 2, – München, 1980a. – S. 151–199.

Jettmar K. Petroglyphs and early history of the upper Indus Valley: The 1981 expedition-a preliminary report // Zentralasiatische Studien, 16, 1982. – P. 293–308.

Lozek V. Golocen // Slovenska Archeologia, 1971.

Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang Along the Silk Road, – Xinjiang, 2008. – 304 p.

Toynbee A. Study of History V. III. – L.: Oxford Univ. Press, 1934. – 551 p.

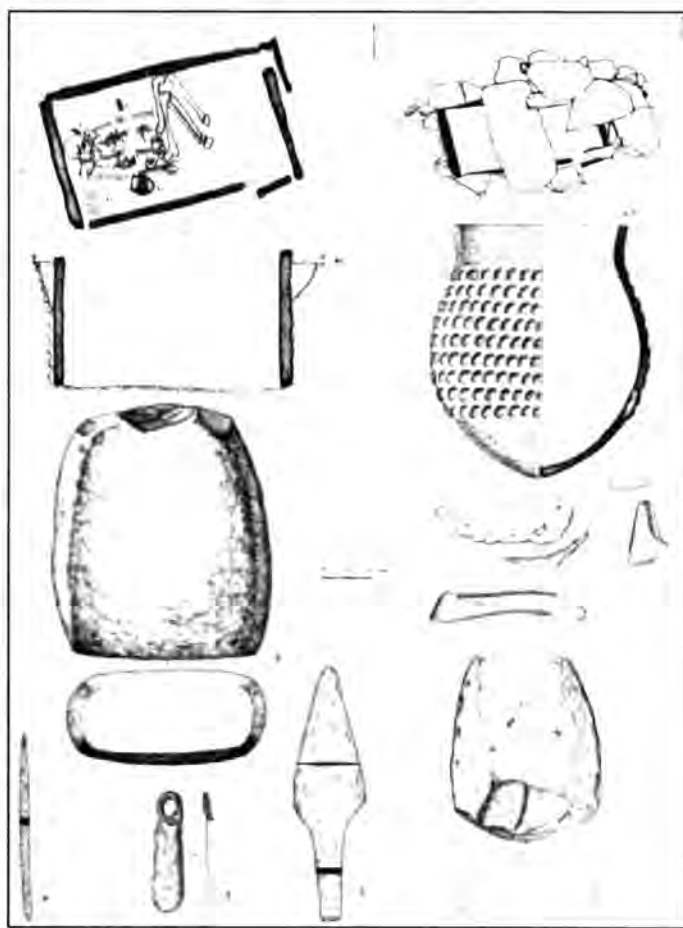

Рис. 1. Древнеямные погребения Сарыарки (Евдокимов, Ломан, 1989). Могильник Карагаш, курган 2, погребение 2. Перекрытие, план, разрез и находки: бронзовый нож; часть деревянного сосуда с бронзовой пластиной; бронзовое шило; керамический сосуд; каменные песты из СЗ полы кургана

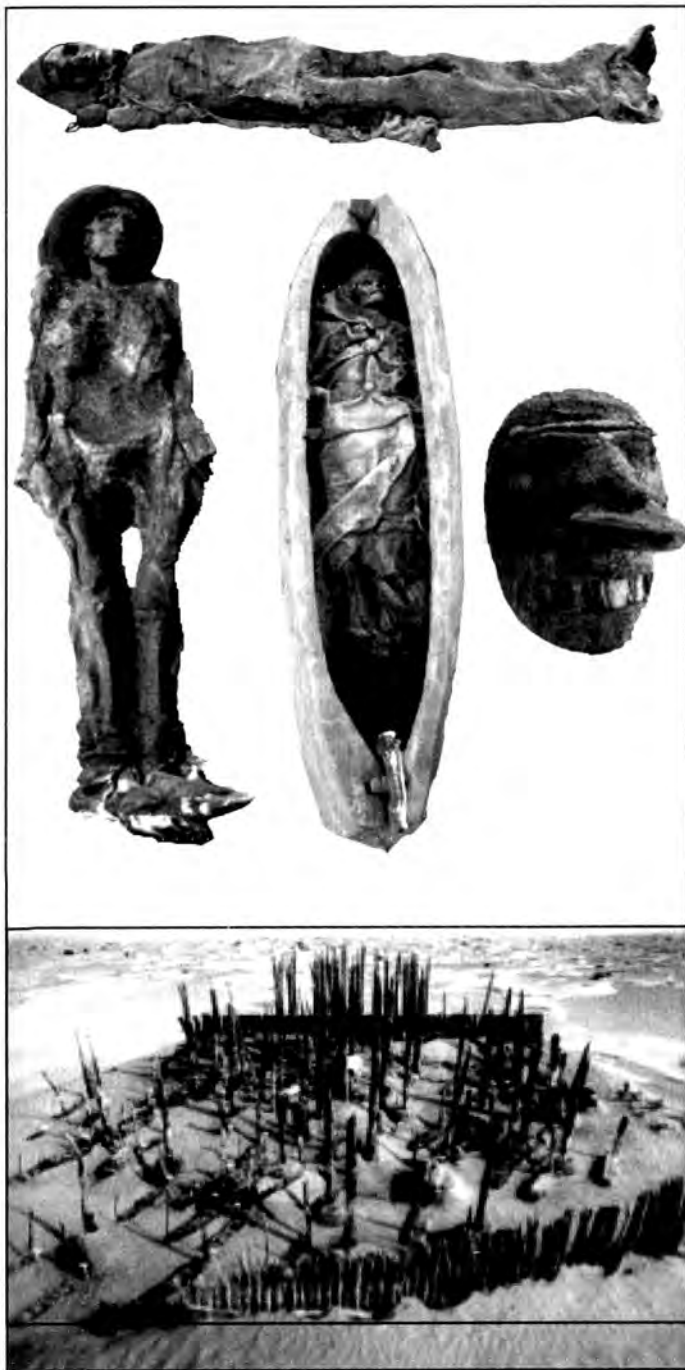

Рис. 2. Пустыня Такламакан. Синьцзян. Могильники Гумугоу, Тебанхэ, Сяохэ, культура Лоп Нор 1-3. (Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p.22-25, fig. 7,3,9,10,4).
1 – могильник Гумугоу, культура Лоп Нор II, женская мумия, обнаружена в 1978 г.; 2 – могильник Тебанхэ, мумия, известная как «Лоулянская красавица»; 3 – могильник Сяохэ, культура Лоп Нор III, мумия в деревянном саркофаге из двух аркообразных панелей без дна и крышки; 4 – могильник Сяохэ, маска «Насатья», культура Лоп Нор III, дерево, минеральные краски, высота – 8,7 см; 5 – могильник Сяохэ, культура Лоп Нор III, общий вид на 4 и 5 уровнях расчистки

Рис. 1А. Могильник Григорьевка 2. Погребение 1. Фото В.К. Мерца (2007)

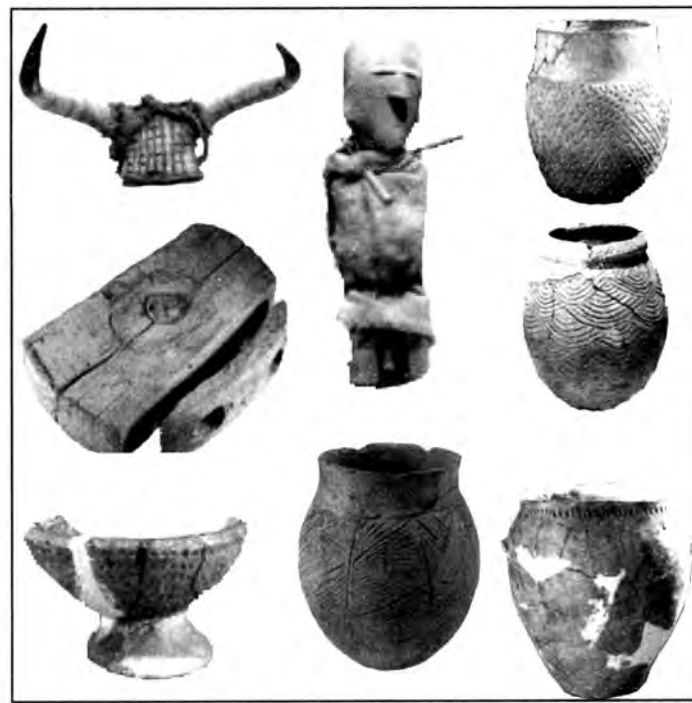

Рис. 2А. Синьцзян. Керамика и инвентарь. (Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 27,92, fig. 7, 3, 9).
1, 2 – могильник Сяохэ, голова быка, разукрашенная черными и красными полосками и деревянная «кукла», обнаружены в одном из саркофагов; 4 – могильник Вупу, западный пригород города Хами, деревянное колесо, диаметром 79 см, толщиной 14,5 см, обнаружено на перекрытии могилы; 3, 5, 6 – могильник Цимурциг, в 12 км к юго-западу от города Алтай, сосуды в форме оливы из могилы 16, высота 17 (22) см, диаметр 9 (17,3) см и чаша на поддоне из могилы 24, высотой 8,3 см, диаметром 14,3 см; 7, 8 – сосуды из уезда Бурчин, рядом с г. Алтай

Рис. 2В. Синьцзян, отроги Тянь Шаня, уезд Хутуби, местонахождение петроглифов Кангжиашименцзы, прорисовка и фото-фрагмент (Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p.214-215, fig.1-4)

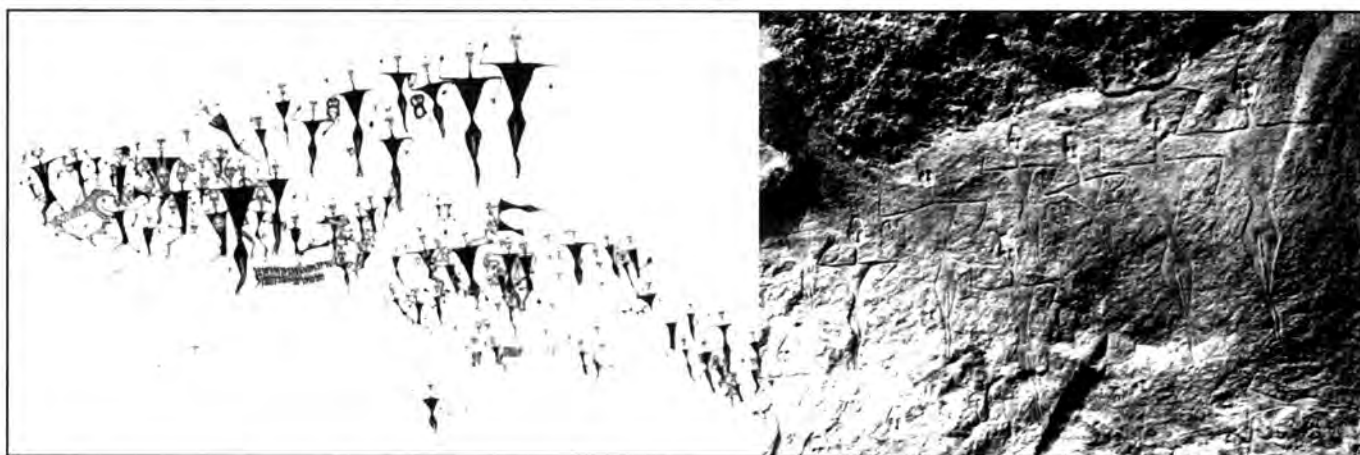

Рис. 2С. Синьцзян, отроги Тянь Шаня, уезд Хутуби, местонахождение петроглифов Кангжиашименцзы, фото-фрагмент – антропоморфный двухголовый персонаж (вверху); внизу – горы Байердаукер, уезд Ямин, антропоморфные фигуры, фото-фрагмент (Qi Xiaoshan, Wang bo, 2008, p. 224, 234, fig. 6,8)

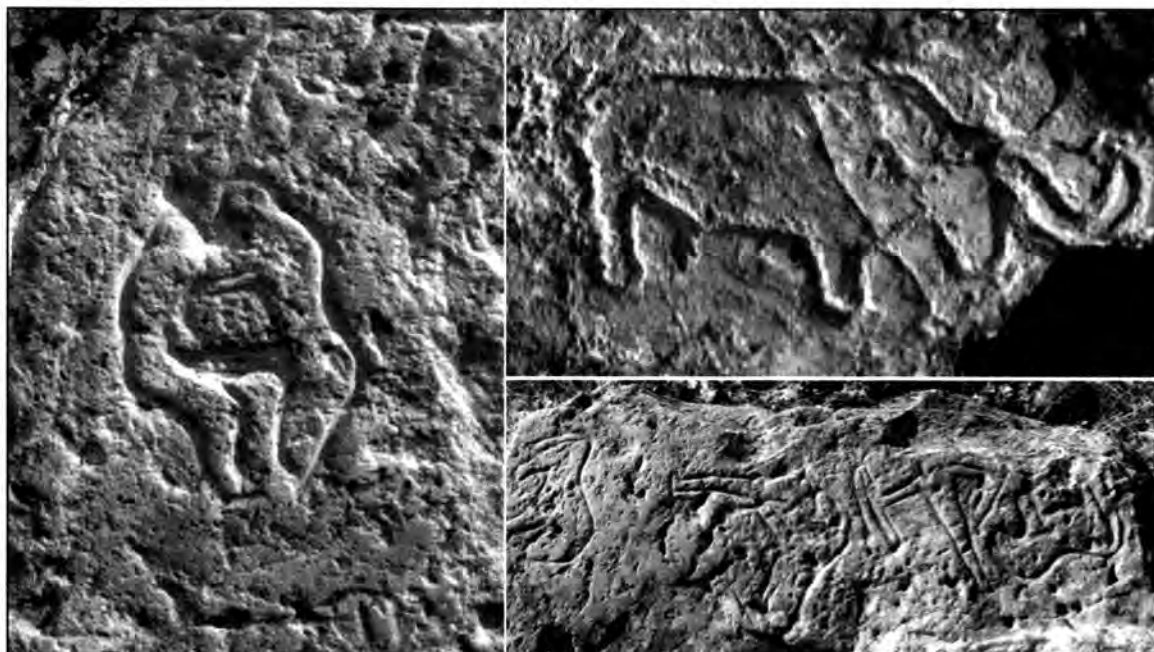

Рис. 3А. Петроглифы Оленты (Мерц, 2002). Фрагменты

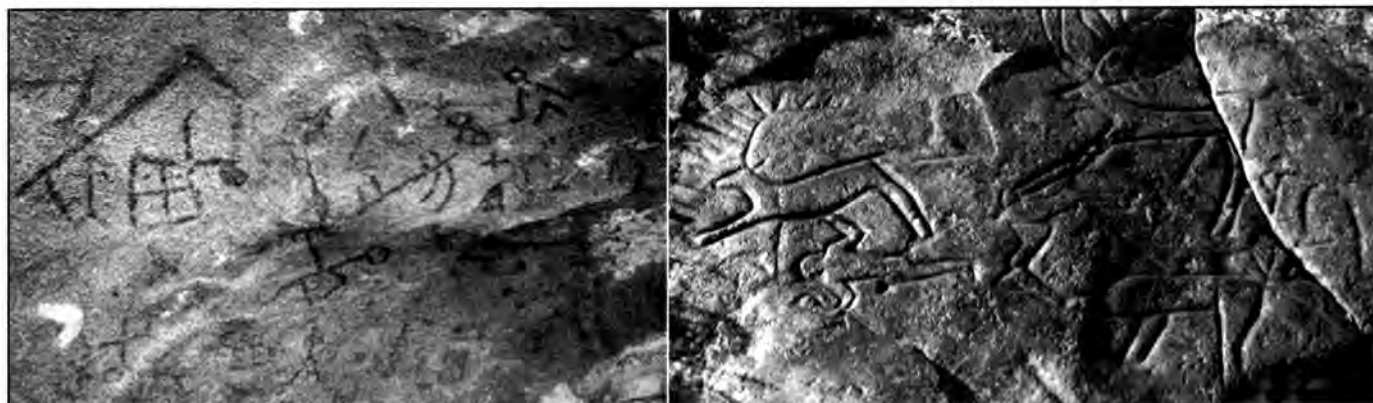

Рис. 3. Петроглифы Сарыарқа и Тарбағатая (Самашев, 1990; Мерц 2002):

1 – грот Акбаур, Восточный Казахстан, роспись (деталь); 2 – Оленцы, резная техника (деталь)

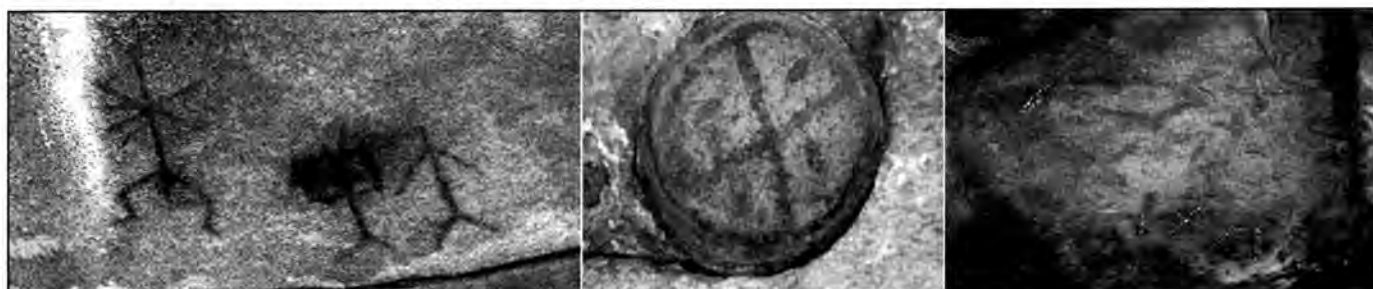

Рис. 3В. Наскальные росписи Сарыарқа (Мерц, 2002; Новожинов, 2002).

1, 2 – скальные ниши на озере Жасыбай, антропоморфные персонажи и «колесо»; 3, 4 – грот Тесиктас (пос. Аксу Аюлы), быки

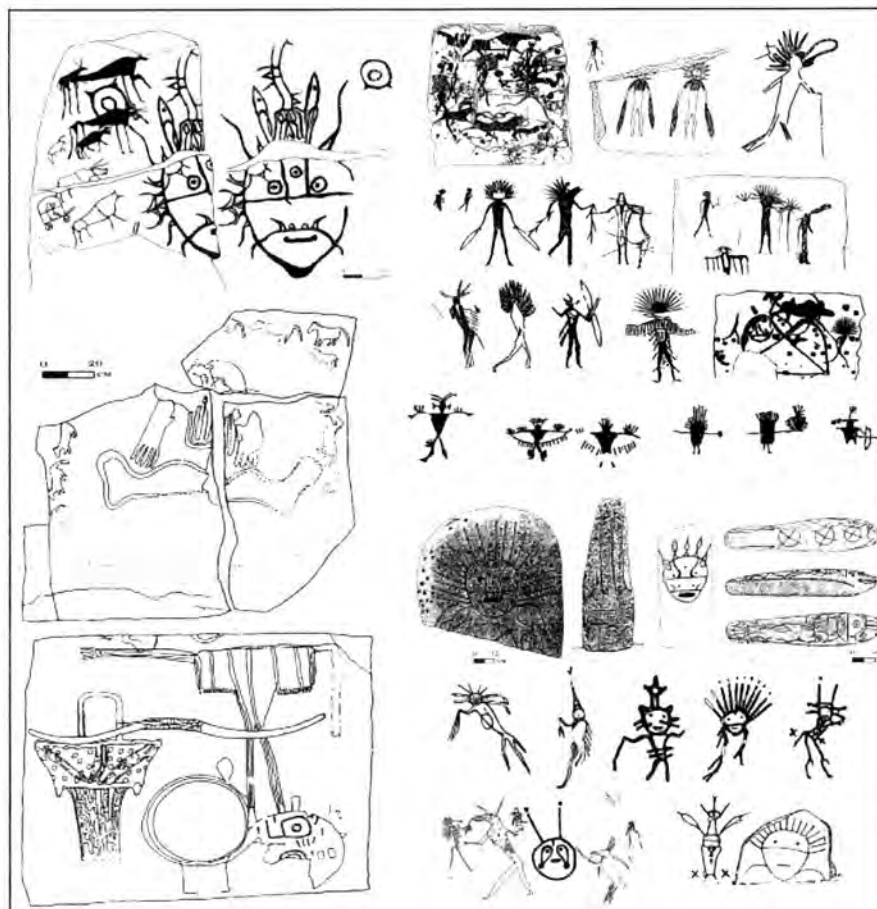

Рис. 4. Антропоморфный персонаж на стелах, плитах могильных ящиков и в петроглифах Алтая и Южной Сибири (Новожинов, 2012).

1 – Знаменская стела; 2 – могильник у станции Новосвободная, роспись на стенах каменного ящика в кургане 28; 3 – изображения «солнцеголовых» на стелах и в петроглифах Южной Сибири: 3.1 – стела, вторично использованная в качестве северного улового камня тагарской ограды в могильнике на Черном озере; 3.2 – изваяние на перевале из долины р. Теи в долину р. Тагитыпа; 3.3 – деревня Фарпус, использовано вторично в тагарском кургане; 3.4 – переносное изваяние из песчаника, найденное в Ширинском районе Хакасии (хранится в СО АН РАН); 3.5 – могильник Тас Хазаа, гравировка на плите могилы 5; 3.6–3.8 – рисунки охрой на скалах Кантегир I и II; 3.9, 3.11 – наскальные изображения, нанесенные охрой у деревни Быстрой на правом берегу Енисея; 3.10 – могильник Тас-Хазаа, могила 1; 3.12 – стела близ улуса Верхний Долгий Маяк на реке Ербе; 4 – могильник Каракол, Алтай, росписи на плитах могильных ящиков и их китайские аналогии: 4.1 – курган 2, могила 2, плита 3; 4.2 – курган 2, могила 2, плита 4; 4.3 – курган 2, могила 2, плита 1; 4.4 – могила 5, плита 1; 4.5 – могила 5, плита 6; 4.6 – курган 2, могила 2, плита 2; 4.7, 4.11 – курган 2, могила 2, плита 2 (гравировка); 4.8 – могила 5, плита 4; 4.9 – курган 2, могила 2, плита 5; 4.10 – могила 5, плита 3; 4.12 – Кангуан, провинция Юньань

КОМПЛЕКС ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ МОЧИЩЕ I

В настоящее время поселение Мочище I – один из наиболее масштабных по степени изученности памятников на территории Южного Зауралья. Раскопки поселения проводились в рамках хозяйственных работ в связи со строительством автодороги, в результате чего вскрытой оказалась практически вся сохранившаяся часть древнего поселка. Площадь раскопа составила более 4 тыс. м². Спасательный характер работ обусловил необходимость сплошного полевого изучения всей территории, отводимой под строительство, благодаря чему в раскоп попали не только непосредственно жилищные конструкции, но и обширные участки межжилищного и околожилищного пространства, а также периферии поселения. Таким образом, удалось получить важные сведения о планировке древнего поселка, объектах нежилых характера, зольниках, конструкциях, расположенных вне жилищ, которые нередко остаются вне поля зрения исследователей в силу ограниченности возможностей полевых работ.

Другим обстоятельством, привлекающим интерес к материалам поселения, является его полихронность в рамках эпохи бронзы и многокомпонентный состав керамического комплекса. Поселение Мочище – многослойный памятник, функционировавший почти на всем протяжении бронзового века. Типологически в его керамической коллекции присутствует едва ли не вся посуда, известная для этого времени в степной-лесостепной зоне Южного Зауралья. Между различными керамическими типами не всегда удается четко проследить хронологические взаимосвязи, однако массовость материала, его надежная планиграфическая привязка, дополненная стратиграфическими наблюдениями, в любом случае обладают научной значимостью и могут быть использованы для аналитических процедур и культурологических построений.

На наш взгляд, необычайно ценным является и то обстоятельство, что типологическую раскладку керамического материала удалось дополнить данными технико-технологического анализа керамики, что является уникальным для поселенческих памятников поздней бронзы

Южного Зауралья (технико-технологический анализ керамики поселения Мочище I выполнен старшим научным сотрудником Института истории и археологии Поволжья, канд. ист. наук Н.П. Салугиной (г. Самара). Предварительные результаты типологического и технологического анализа были изложены в публикации (Григорьев и др., 2009, с. 40–43).

Поселение Мочище находится в лесостепной зоне Южного Зауралья, в 20 км к ЮЮВ от г. Челябинска. С точки зрения физико-географического районирования это лесостепная зона, охватывающая районы к северу от реки Уй. Северной границей лесостепи является долина реки Исеть вплоть до ее впадения в Тобол. Район поселения входит в провинцию Средне-Тобольской низменности, занимающей всю северо-восточную часть Челябинской области (Андреева, Маркова, 2002). Территория сложена осадочными третичными и четвертичными песчано-глинистыми отложениями значительной засоленности. С точки зрения рельефа район расположения памятника попадает в пограничную зону Зауральской равнины с холмисто-увалистым рельефом и западной окраины Западно-Сибирской равнины с равнинным, слаборасчлененным рельефом (Природа Челябинской области, 1964). Равнина изобилует многочисленными блюдцеобразными западинами, нередко грядные повышения, небольшие холмы с очень пологими склонами. Небольшие западины заняты озерами, многие из которых заболочены. Растительный покров представлен злаково-разнотравными и солонцеватыми лугами в сочетании с березово-осиновыми колками и редкими сосновыми борами. Широко распространены тростниково-осоковые болота (Андреева, Маркова, 2002).

Топография поселения Мочище I необычна для поселенческих памятников эпохи бронзы лесостепного Зауралья (рис. 1, Л). Оно находится в пределах обширной котловины, образованной в результате древнего прогиба, с более возвышенными коренными берегами. Внутри этой котловины протекают ручьи и находятся небольшие болота и озера. Поселение расположено на северо-западном берегу древнего озера, в месте впа-

дения в него небольшого безымянного ручья, на вытянутой дюне, образованной слиянием ручья и озера. Данная дюна является единственным приподнятым участком на территории котловины. В настоящее время древнее озеро превратилось в обширное заболоченное пространство (урочище Мочище). Ручей прорезал дюну на западе, и впоследствии, уже в XX веке, был перегороден, в результате чего к северу от дюны образовался пруд, который подмывает культурный слой памятника. По всей вероятности, этим прудом была затоплена большая часть когда-то очень крупного поселения. Раскопками была захвачена лишь его южная периферия, расположенная на наиболее высоком участке местности. Площадка памятника имеет довольно ровную поверхность, плавно понижающуюся в сторону пруда и более резко в сторону болота. До раскопок она была покрыта высокой травой.

Необходимо также упомянуть о ряде факторов, оказавших негативное влияние на сохранность памятника. Прежде всего это распашанность площадки памятника, повредившая верхние горизонты культурного слоя. Глубина распашки составляла в среднем 20–25 см, а на отдельных участках достигала материка. Нетронутыми оказались лишь нижние слои, а также заполнения конструкций и углублений. Другой фактор, отрицательно сказавшийся на сохранности культурного слоя, – современная дорога, проходившая через южную окраину поселения. И наконец, третий негативный фактор – существование на территории памятника русского хутора, постройки которого частично повредили более ранние сооружения.

Раскоп был ориентирован вдоль строящейся дороги, что обусловило его конфигурацию – чрезвычайно вытянутый характер при небольшой ширине (рис. 1, II). В пределах раскопа исследованы остатки около 18 построек, относящихся к эпохе бронзы, из них 8 раскопаны полностью либо на большую часть площади, остальные – фрагментарно; остатки канавы либо ровика на западной периферии поселения, довольно значительные периферийные участки поселения, межжилищное и околожилищное пространство, колодцы и ямы, находящиеся вне построек. Средняя мощность культурных напластований составила 40–50 см, в пределах кот-

лованов и конструкций она возрастала и была различной. Общая характеристика памятника и предварительные результаты раскопок были изложены в публикациях (Васина и др., 2004, с. 33–35; Григорьев и др., 2007, с. 86–90; Петрова, Григорьев, 2008, с. 438–440). Мы хотели бы более подробно остановиться на одном из аспектов изучения этого многослойного памятника – материалах, отражающих заключительный этап функционирования поселения в древности, т.е. комплексе финальной бронзы.

Коллекция керамики, относимой к финальной бронзе, выделяется типологически и включает в себя обломки как минимум от 60 сосудов. Вероятно, в коллекции присутствует значительно больше керамики этого времени, однако тот факт, что в большинстве своем она представлена посудой без орнамента, создает сложность для ее вычленения из общей массы неорнаментированных фрагментов. Выборка включает один целый сосуд, несколько развалов, по которым реконструируются сосуды на значительную часть высоты, обломки, в том числе крупные, сосудов. Днища, придонные части и некоторые фрагменты тулова были отнесены к серии по данным технологического анализа. В количественном отношении коллекция финальной бронзы уступает керамике других культурно-хронологических типов, выделенных на поселении, особенно алакульской, которая безусловно преобладает. Однако не исключено, что это связано с упомянутыми выше сложностями диагностирования керамики финальной бронзы, какая-то часть которой оказалась среди неопределимых фрагментов.

Керамика финальной бронзы поселения характеризуется устойчивыми внешними признаками. В целом эту посуду нельзя назвать толстенной – преобладает толщина стенок 0,6–0,8 см, хотя встречаются фрагменты и большей толщины. Несмотря на довольно представительную выборку, число фрагментов, по которым можно составить представление о форме сосудов, не так уж велико, что затрудняет выделение типов внутри серии. В большинстве случаев можно лишь на основе косвенных данных судить о высоте и пропорциях сосудов. Очевидно, можно говорить о наличии в коллекции двух различных типов сосудов. Первый тип – сосуды приземистых пропорций, с широкой горловиной, диаметр которой

превышает диаметр дна (рис. 2, 2–4, 6). Шейка в большинстве случаев средней высоты, прямая или отогнутая наружу. Тулово умеренно раздутое, с выпуклым округлым плечом. Этот тип представлен несколькими сосудами, найденными в развалах, которые реконструируются на большую часть тулова, и многочисленными венчиками.

К другому типу относится сосуд, который восстанавливается полностью (рис. 2, 5), а также несколько обломков венчиков (рис. 3, 3, 10(?), 11(?)). Для керамики этого типа характерны более удлиненные пропорции, сильно зауженное горло при невысокой прямой или отогнутой наружу шейке, сильно раздутое тулово и дно, диаметр которого примерно в два раза превышает диаметр устья. Это придает сосудам этого типа кувшиновидный облик.

Типологическое разнообразие коллекции не ограничивается отмеченными двумя типами. Так, по одному из обломков восстанавливается верхняя часть сосуда вытянутых (?) пропорций, с широким горлом, диаметр которого незначительно меньше диаметра тулова (рис. 2, 1). Несколько венчиков принадлежали сосудам с прямой или чуть отогнутой шейкой и слабо раздутым туловом, невыпуклым плечом (рис. 3, 2, 4).

Часто встречается венчик, скошенный наружу, что придает ему заостренный вид – это характерно для всей коллекции в целом. У нескольких фрагментов фиксируется такая деталь формы, как воротничок с внешней стороны шейки.

Отличительной чертой коллекции керамики финальной бронзы поселения Мочище является также крайне бедная орнаментация либо полное ее отсутствие. Орнамент располагался в верхней части шейки, по срезу венчика, по плечу. Техника нанесения – плоский штамп, насечки, различного рода вдавления (треугольные, каплевидные, округлые и овальные, ногтевидные). На двух сосудах встречены узкие валики, расположенные в основании шейки (рис. 2, 3, 4). В одном случае по валику нанесены косые ногтевидные насечки. Все другие фрагменты – без валиков.

Набор орнаментальных элементов и композиций крайне беден. В основном это пояски из повторяющихся элементов: косо расположенных

насечек или вдавлений либо косая сетка. Лишь изредка узор отличается большим разнообразием; так, один из венчиков принадлежал сосуду с очень короткой отогнутой наружу шейкой, у которого орнамент покрывал всю зону плеча до тулова и представлял собой двойной зигзаг или треугольники с незамкнутым основанием, с округлыми вдавлениями вдоль внутренней линии. Ниже располагался пояс из косо поставленных каплевидных насечек (рис. 3, 7).

Несмотря на некоторые различия, коллекция производит впечатление целостного комплекса, особенностью которого можно считать крайне низкую степень орнаментированности сосудов и за единичными исключениями отсутствие валиков.

Согласно данным технологического анализа, для изготовления керамики финального этапа эпохи бронзы использовались глины двух различных составов: как «тощие», так и «жирные». Для составления формовочных масс характерен простой рецепт глина+шамот+органика, повторяющийся и в составе шамота. При конструировании керамики использовались, как правило, короткие жгуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. Однако возможно и использование форм-моделей. Основным способом обработки поверхности посуды служило простое заглаживание преимущественно мягким материалом, скорее всего тканью или кожей (Григорьев и др., 2009, с. 40–43).

Планиграфический анализ керамики показывает, что обломки посуды финальной бронзы встречались по всему раскопу, однако распределялись неравномерно. В юго-западной части раскопа они единичны. Количество фрагментов финальной бронзы возрастает с ЮЗ на СВ, и основная их масса приходится на центральную и северо-восточную часть раскопа. В центральной части они встречены как на межжилищном пространстве, так и в границах котлованов, а также на юго-восточных периферийных участках поселения. В северо-восточной части наибольшая их концентрация приходится на территорию жилища 10, а также на крайние северо-восточные участки раскопа. В целом же по планиграфическому распределению керамики можно сказать, что в заключительный период бронзового века обживалась вся площадка, хотя основной посе-

лок располагался все же к северу и северо-востоку и оказался впоследствии затоплен прудом.

Связать с керамикой эпохи финальной бронзы какой-либо определенный слой на поселении не представляется возможным, поскольку стратиграфия верхней части культурного слоя оказалась полностью разрушена распашкой. На межжилищном пространстве посуда финальной бронзы залегала достаточно высоко, о чем говорят находки керамики этого периода в слое пашни. Однако этот слой перемешан и в нем встречались обломки всех культурно-хронологических групп керамики, включая многочисленную русскую. Что касается более глубоких слоев межжилищного пространства, то в них керамика финальной бронзы немногочисленна и всюду встречалась с посудой иных культур.

Несмотря на широкую распространенность обломков сосудов финальной бронзы по территории раскопа, с ними оказалось возможно напрямую связать только одну постройку. Все другие, в заполнении которых была встречена финальная керамика, относятся к другим культурам или хронологическим периодам функционирования памятника — они определяются как алакульские или федоровско-черкаскульские. По своим морфологическим характеристикам и особенностям заполнения с эпохой финальной бронзы можно связать лишь жилище 4, изученное в северо-западной части раскопа, в наиболее низкой и близко расположенной к пруду части поселения (рис. 1, III).

Жилище представляло собой постройку подпрямоугольной формы, ориентированную по линии ВСВ — ЗЮЗ. Площадь исследованной части составила около 200 м². Глубина котлована от уровня материка составила до 0,7 м. Срез в котлован хорошо выражен, с наклонными стенками. Заполнение однородное и представлено темной сильногумусированной супесью. Запад — северо-западная часть жилища оказалась затоплена прудом и грунтовыми водами, уровень которых в этой части раскопа был наиболее высок. Это чрезвычайно затрудняло работу по выборке конструкции и фиксации сооружений в пределах котлована, в том числе столбовых ямок, достоверной информации о которых получено не было. По этой же причине не так много можно сказать о внутреннем устройстве жилища. В

северо-восточной части уровень пола жилища был более высоким и представлял собой ровную площадку шириной 4–6 м. Переход к центральной, наиболее пониженной части оформлялся в виде хорошо выраженной ступени. Небольшой уступ, но уже связанный, по всей вероятности, с конструкцией стены, фиксировался с южной стороны. В центральной части находилось дополнительное углубление овальной формы, ориентировка которого совпадает с общей ориентировкой постройки, заполненное еще более темным грунтом, чем основное заполнение.

К СЗ от центрального углубления, на границе с более высокой частью котлована было расчищено углубление вытянутых очертаний, уходящее за пределы раскопа. Его удалось выбрать лишь на глубину 20 см от уровня пола, далее выборка стала невозможной из-за поднявшихся грунтовых вод. Судя по исследованной части, в поперечном разрезе яма имела трапецевидную форму. Заполнение такое же, как и основной части жилищного котлована. В 0,15 м к северо-востоку от углубления был зафиксирован небольшой слой суглинка зеленого цвета, лежащий на материке. Слой представлял собой полосу длиной 0,45 м и шириной 0,15 м. Расположение слоя совпадало с границей материкового уступа, оформлявшего северо-восточную повышенную часть котлована. Возможно, суглинок является остатками перегородки, разделявшей жилище.

В пределах котлована жилища 4 были также исследованы три ямы, предположительно колодцы. Два из них были пристроены к стене, один располагался в центральной части жилища, к западу от углубления в центре. Все колодцы имели округлую в плане форму, размеры 1,4×1,2, 2×1,5, 0,9 м. Полную выборку колодцев осуществить не удалось, так что данные о глубине отсутствуют. Заполнение ям было однородным и представляло собой темную гумусированную супесь.

Единственная столбовая ямка, зафиксированная в жилище, находилась в южном углу постройки, на материковом выступе. Она имела размеры 21×40 см, глубину 46 см от уровня материка.

Керамика финальной бронзы была найдена в слое пашни над жилищем, в заполнении котлована, на полу и в углублении в центре постройки.

На полу и в углублении она залегала совместно с большим количеством неорнаментированных фрагментов, а также с единичными экземплярами алакульской и федоровской посуды (Григорьев и др., 2004).

По своим морфологическим характеристикам, заполнению и расположению жилище 4 отличается от всех других жилых построек, исследованных на поселении. Остатки последних представлены либо неглубокими котлованами, либо вообще неуглубленными в материк площадками, которые фиксировались по концентрации материала и специфической уплотненности грунта на полах (Васина и др., 2004, с. 34). Размеры жилищ колебались от 80 до 150 кв. м, таким образом жилище 4 значительно превосходит по площади все изученные на поселении постройки, а также имеет наиболее глубокий котлован. Жилище 4 ориентировано иначе, чем более ранние постройки, расположенные в ряд вдоль береговой линии, торцевыми сторонами перпендикулярно ей. Наконец, оно имеет иной характер заполнения: не золистый светлый грунт или супесь коричневых оттенков, а сильногумусированную темную супесь. Эти факты в сочетании с находками в жилище 4 финальной керамики позволяют с уверенностью относить данную постройку к финальному этапу бронзового века и считать ее наиболее поздней постройкой эпохи бронзы на поселении.

Данный тезис подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Котлован жилища 4 прорезает и перекрывает котлован расположенного к юго-востоку жилища 5, отнесенного к наиболее раннему из зафиксированных на поселении горизонту построек. Это жилище, как и соседние с ним постройки, относится к алакульской культуре.

Более сложная ситуация наблюдалась в северо-восточной части раскопа. Количество керамики финальной бронзы здесь возрастало, однако с ней не удалось связать ни одной конструкции. При планиграфической раскладке материала этой части раскопа обнаружилось, что наибольшее количество керамики, относимой к финальной бронзе, весьма компактно концентрируется в пределах жилища 10, причем практически все обломки за единичными исключениями, залегали в нижней части заполнения жилища и на полу,

а также в верхней части заполнения колодцев и ям (рис. 1, 4). На материке стоял *in situ* развалившийся сосуд, собранный в лабораторных условиях полностью (рис. 2, 5). Это обстоятельство было очень неожиданным по той причине, что принадлежность жилища 10 алакульской культуре не вызывает никаких сомнений. Многочисленные фрагменты алакульской керамики найдены в заполнении котлована, они же залегали на полу и в массе – в заполнении ям, причем на различной глубине. Алакульская керамика безусловно преобладает и в жилище, и на прилегающих к жилищу участках. Архитектура жилища вполне соответствует представлениям о домостроении алакульской культуры. Полевые наблюдения и последующая обработка материала позволили сделать предположение о функционировании жилища 10 на протяжении длительного времени в рамках периода, связанного именно с алакульской культурой (Григорьев и др., 2004). Чем же тогда объясняется концентрация посуды заключительного этапа бронзового века на полу постройки (заметим при этом, что за пределами жилища на участках, непосредственно прилегающих к нему, она не встречалась)?

На наш взгляд, нами был встречен и зафиксирован интереснейший случай переиспользования ранней постройки в более позднее время. Создается впечатление (возможно и обманчивое), что постройка была занята поздним населением в том виде, в каком она еще недавно служила прежним хозяевам, без каких-либо изменений и перестроек. Произойти это могло только при условии незначительного хронологического разрыва между двумя горизонтами функционирования жилища. По всей вероятности, период, в течение которого позднее население пользовалось постройкой, был непродолжительным.

Несмотря на расположение памятника в лесостепной зоне, керамический комплекс финальной бронзы, выделенный на поселении, и связанная с ним постройка не находят аналогий в материалах синхронных лесостепных культур – межовской (Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1998) и бархатовской (Аношко, 2007, с. 114–122). В то же время они имеют несомненное сходство с комплексами степной зоны, расположенными значительно южнее.

В настоящее время вопрос о культурной идентификации материалов финальной бронзы

степной зоны не имеет однозначного решения. Немалую роль в этом играет ограниченность источниковой базы, представленной немногочисленными погребениями (Костюков и др., 1996, с. 151–163; Костюков, Епимахов, 2005, с. 70–77; Епимахов, 2009, с. 72–82), несколькими одиночными находками (Епимахов, Епимахова, 2005, с. 75–83), а также материалами поселений, которые лишь с недавнего времени начали активно вводиться в научный оборот (Vinogradov, Yerimachov, 2000, р. 240–246; Стоколос, 2004, с. 207–236; Малютина и др., 2006, с. 153–172; Малютина, Петрова, 2009, с. 49–71). На основе типологического анализа керамики, полученной с раскопок поселений, был сделан вывод о культурной неоднородности материала и о существовании в Южном Зауралье в эпоху финальной бронзы нескольких керамических традиций (Малютина и др., 2006, с. 153–172; Малютина, Петрова, 2007; Малютина, Петрова, 2009, с. 49–71). Одна из них представлена валиковой посудой, сопоставимой с саргаринскими комплексами Северного Казахстана (Зданович, 1984, с. 79–96; Зданович, 1988, с. 39, рис. 10, с. 55, рис. 20, с. 56, рис. 21, с. 59, рис. 23, с. 114–115, с. 148–152). В Южном Зауралье керамика, близкая саргаринской, встречена на поселениях Кизильское (Стоколос, 2004, с. 221, рис. 7, 3, 8, 9, с. 231, рис. 12, 4–7), Черкасы II (Зданович и др., 2003, с. 207, рис. 70), а также выделена в особую культурную группу при раскопках укрепленного поселения Степное (Зданович и др., 2010, с. 141).

Своеобразный и яркий комплекс финальной бронзы, не соотносимый с саргаринскими материалами, был получен при раскопках многослойного поселения Берсуат XVIII на юге Челябинской области (Малютина и др., 2006, с. 153–172). Керамика берсуатской группы, представленная в основном сосудами горшечной формы, была разделена на три варианта на основе некоторых отличий в форме и орнаментации. Отличительной же особенностью берсуатской группы керамики в целом является полное отсутствие валиков (Малютина и др., 2006, с. 153–172). В степной зоне поздний комплекс поселения Берсуат сопоставим с керамикой поселения Кинжитай (Vinogradov, Yerimachov, 2000, р. 245, fig. 2), могильников Сарбулат 2, Малоказакбаевский (Костюков и др., 1996, с. 155, рис. 2, III, с.

162, рис. 5, I), одиночных курганов Белоключевка 7 (Костюков, Епимахов, 2005, с. 73, рис. 2, 3, 4) и Соколов (Епимахов, 2009, с. 78, рис. 3). Обломки сосудов, близких берсуатским, известны и в коллекциях разведочных сборов (Петрова, 2010, с. 215, рис. 7, I, с. 216, рис. 8, 6).

Очевидно, к третьей самостоятельной группе керамики следует отнести материалы позднего горизонта многослойного поселения Атамановка V, также расположенного на юге Челябинской области (Малютина, Петрова, 2009, с. 49–71). Типологически они не соотносятся ни с валиковой саргаринской посудой, ни с берсуатской. Здесь также отсутствуют валики, но форма сосудов и сохранение геометрии в орнаментации, хотя и в пережиточном виде, вызывают ассоциации с предшествующим андроновским временем. Вероятно, это связано с более ранней хронологической позицией комплекса по сравнению с саргаринскими и берсуатским и обусловлено его переходным характером от поздней бронзы к финальному периоду.

Керамический комплекс поселения Мочище наиболее близкие параллели находит именно в берсуатской группе керамики, особенно с сосудами первого и третьего варианта. Сходство обнаруживается при сопоставлении пропорций и форм сосудов, а также особенностей орнаментации: техники нанесения, бедности и лаконичности композиций, ограниченности набора элементов. Общим является наличие большого числа неорнаментированной посуды, а также за единичными исключениями отсутствие валиков. В лесостепной зоне близкие материалы получены с поселения Шибеево 1, расположенного в 5 км северо-восточнее, в сходных топографических условиях (Нелин, 2004, с. 150–180), однако в этом комплексе сильнее ощущается присутствие межовских черт, вследствие чего часть сосудов имеет синкретичный облик.

По современным данным заключительный период бронзового века — весьма длительный временной промежуток (Епимахов, 2009, с. 72), содержание которого не могло оставаться неизменным на всем его протяжении. Закономерным представляется разделение его на два этапа, соответствующие двум хронологическим периодам развития Евразийской металлургической провинции: перестройка культур срубно-андро-

новского мира и формирование общности культур валиковой керамики (ОКВК) (XV/XIV–XII/XI вв. до н.э.) и период деструкции и распада Евразийской провинции (XII/XI–IX/VIII вв. до н.э.) (Кузьминых, Дегтярева, 2006, с. 224). В системе этой периодизации материалы поселения Берсуат включаются во второй, более поздний этап. Их хронологическая позиция была определена как начало I тыс. до н.э. (Малютина и др., 2006, с. 169). Берсуатские материалы синхронизируются с донгальскими комплексами Центрального Казахстана (Евдокимов, Варфоломеев, 2002), загаринскими степного Притоболья (Евдокимов, 1983, с. 35–47), амирабадскими и тагискенскими Приаралья (Итина, 1977; Итина, Яблонский, 2001), межовско-березовскими лесостепного Зауралья (Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1998), нурскими степного Поволжья (Колев, 2000, с. 259–260). В качестве основных компонентов, взаимодействие которых привело к формированию берсуатского комплекса, были определены местная культура валиковой керамики и лесостепная межовская, при значительной роли южного (приаральского) компонента и активных контактах с населением восточных регионов, вплоть до Западной Сибири (Малютина и др., 2006, с. 170).

Не изменив мнения об относительно поздней хронологической позиции берсуатской группы керамики, считаем все же необходимым сделать существенную оговорку относительно основы формирования этого комплекса. В настоящее время внутренняя периодизация для заключительного периода бронзового века в Южном Зауралье отсутствует. В отличие от сопредельных территорий Поволжья, Приуралья, Северного и Центрального Казахстана, степного и лесостепного Притоболья, где накопление материала позволило разработать детальную периодизацию заключительного периода бронзового века, ситуация в Южном Зауралье в настоящий момент оставляет желать лучшего. На основе радиоуглеродных дат, полученных для погребальных памятников, последние были разделены на «раннюю» и «позднюю» группы, соответствующие фазам Евразийской металлургической провинции (Костюков, Епимахов, 2005, с. 70–71). Однако для более многочисленных и содержащих массовые материалы поселенческих

памятников подобных попыток предпринято не было. Пока неизвестны однослойные поселения финальной бронзы, на которых возможно было бы четко проследить стратиграфическое соотношение различных керамических типов, установить их относительную хронологию, прояснить характер взаимодействия. Не удалось это пока что осуществить и на материалах многослойных памятников, которые содержали бы посуду различных этапов заключительного периода бронзового века. В связи с этим вопрос о роли местных валиковых традиций в генезисе комплексов, подобных берсуатскому, еще требует дальнейшей разработки и уточнения.

Не вызывает сомнения активное участие в сложении степных комплексов финальной бронзы их соседей – представителей лесостепных культур, причем как с севера, так и с востока. Особая роль в этом процессе, по нашему мнению, принадлежит носителям межовской культурной традиции. Влияние межовской культуры ощутимо прежде всего в керамике – в формах сосудов и орнаментации, что вероятно приводило и к появлению синкретичных типов. Имеются и свидетельства непосредственного пребывания лесостепного межовского населения в степной зоне, где оно, по всей видимости, соседствовало с местным. Вероятно, при выборе места обитания предпочтение отдавалось ландшафтам, напоминающим привычные – кромки реликтовых боров, площадки на берегах рек вблизи лиственных колков. К такому заключению нас привели исследования многослойного поселения Архангельский Прииск, расположенного в северо-восточной части степной зоны, где исследована постройка и получен яркий керамический комплекс, имеющий аналогии в лесостепной межовской культуре (раскопки Л.Ю. Петровой).

Многочисленные свидетельства контактов лесостепных (межовских) и степных (саргаринских) племен получены с территории лесостепного Притоболья, где эти контакты, по-видимому, были особенно интенсивны. На многослойных поселениях Язево I и Камышное II посуда как межовского, так и саргаринского (по Т.М. Потемкиной – алакеевского) типов залегала совместно (Потемкина, 1985, с. 273–274). Наблюдалось различное соотношение степной и лесостепной керамики в зависимости от тер-

ритории, на которой располагался памятник: на поселениях северной лесостепи преобладала межовская керамика, далее к югу возрастало процентное содержание саргаринской (алексеевской) посуды, которая становилась основной на поселениях по реке Уй и южнее (Потемкина, 1985, с. 273–274; 1995, с. 17). По данным Т.М. Потемкиной, саргаринское (алексеевское) население Притоболья контактировало также с племенами восточной ирменской культуры (Потемкина, 1985, с. 274). В керамических комплексах более западных зауральских районов ирменские реплики также присутствуют – единичные фрагменты керамики известны на поселении Архангельский Прииск, улавливаются они и в декоре берсуатских сосудов, однако в целом проявление ирменских традиций в керамических материалах незначительно.

Активные контакты с межовской культурой в эпоху финальной бронзы объясняются активными перемещениями лесного населения на юг (Потемкина, 1995, с. 17). Планиграфические наблюдения над распределением керамического материала различных культурных традиций на поселениях Язево I и Камышное II привели Т.М. Потемкину к заключению о более активных связях межовского и алексеевского (саргаринского) населения на раннем этапе алексеевской культуры и их постепенном затухании на позднем (Потемкина, 1985, с. 274). Нам также представляется логичным предположить, что наиболее интенсивные контакты приходятся именно на период сложения комплексов типа Берсуат или Мочище, а не на время их «расцвета». В пользу этого свидетельствует тот факт, что в орнаментации сосудов Мочища межовские черты за единичными исключениями отсутствуют. В то же время данные технологического анализа (прежде всего состава формовочных масс) свидетельствуют о смешанном характере населения, принявшего участие в сложении финального комплекса Мочища (Григорьев и др., 2009, с. 40–43). Возможно, что со временем наличие и различная степень присутствия в керамике инокультурных черт может стать индикатором хронологической позиции тех или иных материалов.

Происходило и движение в противоположном направлении – из степной зоны в северную лесостепную, о чем свидетельствуют, в част-

ности, материалы поселения Мочище. Однако свидетельства о присутствии в северных районах степных племен в период финальной бронзы единичны. Главным образом они встречены по Тоболу, долина которого, по-видимому, была зоной особенно интенсивных контактов степных и лесных племен (Григорьев, 2008, с. 184, рис. 6). В целом же создается впечатление, что на заключительной фазе бронзового века северное направление не было приоритетным в передвижениях степных племен.

Гораздо более важную роль должно было играть южное направление, в частности, в области Средней Азии, в район Приаралья. Зарождение связей между южноуральским и приаральским регионами относится к эпохе мезолита-неолита, а в эпоху бронзы они становятся особенно устойчивыми и постоянными, углубляясь на протяжении всего периода (Малютина, 2009, с. 22–26). Е.Е. Кузьмина выделяет три этапа миграции пастушеских племен степной зоны в Среднюю Азию на протяжении эпохи бронзы. Третий из них (XIII?) XII–IX вв. до н.э. приходится на период финальной бронзы, при этом отмечается возрастание количества северных памятников в Средней Азии, а в эпоху финальной бронзы они занимают всю территорию региона (Кузьмина, 2008, с. 50).

Взросшая подвижность степного населения, активизация процессов культурного взаимодействия на заключительной стадии бронзового века приводят к появлению большого количества смешанных памятников, наиболее грандиозным из которых является некрополь знати Северный Тагискен, который датируется IX–VIII вв. до н.э. (Итина, Яблонский, 2001, с. 100–101). По мнению Т.С. Малютиной, можно допустить, что население Южного Урала начала I тыс. до н.э., оставившее памятники с керамикой берсуатской группы, оказалось втянутым в орбиту притяжения элитарного культурного центра, сложившегося в Северном Приаралье, каковым являлся Северный Тагискен (Малютина, 2009, с. 25). Добавим, что в этом случае становится понятной крайняя малочисленность степных материалов в районах к северу от реки Уй и второстепенный характер северного направления продвижения обитателей южноуральских степей.

Подведем краткий итог сказанному. Комплекс финальной бронзы поселения Мочище

– степной по своему происхождению и облику. Наиболее близкие параллели он находит в поздних материалах поселения Берсуат XVIII, выделенных в особую берсуатскую группу керамики. По аналогии с берсуатской керамикой комплекса Мочища, по-видимому, имеет позднюю хронологическую позицию в рамках периодизации заключительного периода бронзового века Евразийской металлургической провинции. Население, с которым связан поздний комплекс Мочища, в районе местонахождения памятника является пришлым. Истоки его формирования находятся в районах южнее реки Уй; несомненно, сложение комплекса происходило при взаимодействии различных культурных традиций. Его появление в лесостепной зоне следует рассматривать как инфильтрацию немногочисленных степных групп на север, т.к. на заключительной стадии бронзового века это направление передвижений не было приоритетным.

Андреева М.А., Маркова А.С. География Челябинской области. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. – 320 с.

Аношко О.М. Общая характеристика бархатовской культуры позднего бронзового века Зауралья // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – С. 114–122.

Васина Ю.В., Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Тидеман Е.В. Поселение эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале // Материалы II региональной науч.-практ. конференции. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 33 – 35.

Григорьев С.А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург – Сургут: Изд-во «Магеллан», 2008. – Вып. 25. – С. 175–193.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Васина Ю.В., Тидеман Е.В., Плешанов М.Л. Отчет «Охранные археологические исследования поселения Мочище I. – Челябинск, 2004.

Григорьев С.А., Тидеман Е.В., Петрова Л.Ю. Стратиграфическая ситуация на поселе-

нии эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Изв. Челябинского научного центра. Электронный журнал. – Челябинск, 2007. – Вып. 2 (36). – С. 86–90.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П. Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Изв. Челябинского научного центра. Электронный журнал. – Челябинск, 2009. – Вып. 2 (44). – С. 40–43.

Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1983. – С. 35–46.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 2002.

Епимахов А.В., Епимахова М.Г. Случайные находки бронзового века с территории Челябинской области // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. I. Истор. науки. – Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2005. – С. 75–83.

Епимахов А.В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала: Сб. науч. статей. – Челябинск: АБРИС, 2009. – С. 72–82.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. – 184 с.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А. Археологический атлас Челябинской области. – Вып. 1. Степь-лесостепь, Кизильский район. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 240 с.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Хэнкс Б., Малая Н.В., Батанина Н.С. Керамические комплексы укрепленного поселения «Степное» эпохи бронзы, Южное Зауралье // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология // Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). – Уфа, 2010. – С. 139–141.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1984. – С. 79–96.

- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячеления до н.э.) // ТХАЭЭ. – Т. 10. – М.: Наука, 1977. – 273 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискаена (поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи). – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 295 с.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра Российской академии наук, 2000. – С. 242–262.
- Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 151–163.
- Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Актюбе: Изд-во Актюбинского гос. ун-та, 2005. – Вып. 2. – С. 70–77.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 558 с.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: учебник. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2006. – С. 219–270.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б., Петрова Л.Ю. Поселение Берсуат XVIII // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. «Этногенез уральских народов». – Челябинск: Рифей, 2006. – С. 153–172.
- Малютина Т.С., Петрова Л.Ю. Закономерности формирования культурного слоя на поселениях эпохи бронзы степной зоны Южного Зауралья (на примере поселения Атамановка V) // Гуманитарные науки в Башкортостане: История и современность // Материалы Международной науч.-практ. конференции, посвящ. 75-летию ИИЯЛ Уфимского НЦ РАН. – Уфа, 2007.
- Малютина Т.С. Урало-Аральские этнокультурные связи с эпоху средней и поздней бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Сб. науч. трудов. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 22–26.
- Малютина Т.С., Петрова Л.Ю. Поселение Атамановка V – многослойный памятник эпохи бронзы Южного Зауралья // УАВ. – Вып. 9. – Уфа: Гилем, 2009. – С. 49–71.
- Нелин Д.В. Шибаево I: Поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. Истор. науки. Вып. 2 – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 150–180.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995. – 196 с.
- Обыденнов М.Ф. Межовская культура. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 201 с.
- Петрова Л.Ю., Григорьев С.А. Особенности стратиграфии поселений поздней бронзы Южного Зауралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. 1. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 438–440.
- Петрова Л.Ю. Новые материалы к характеристике поселений эпохи бронзы юга Челябинской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2010. – № 1 (12). – С. 191–220.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.
- Потемкина Т.М. Проблемы связей и смен культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. – 1995. – № 2. – С. 11–19.
- Природа Челябинской области. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1964. – 244 с.
- Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 1. Истор. науки. – Вып. 2. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2004. – С. 207–236.
- Vinogradov N.B., Ypimakhov A.V. From a settled way of life to nomadism: Variants in moles of transition // Kurgans, Riual Sites and settlements Eurasian Bronze and Iron Age. – Oxford, 2000. – P. 140–146.

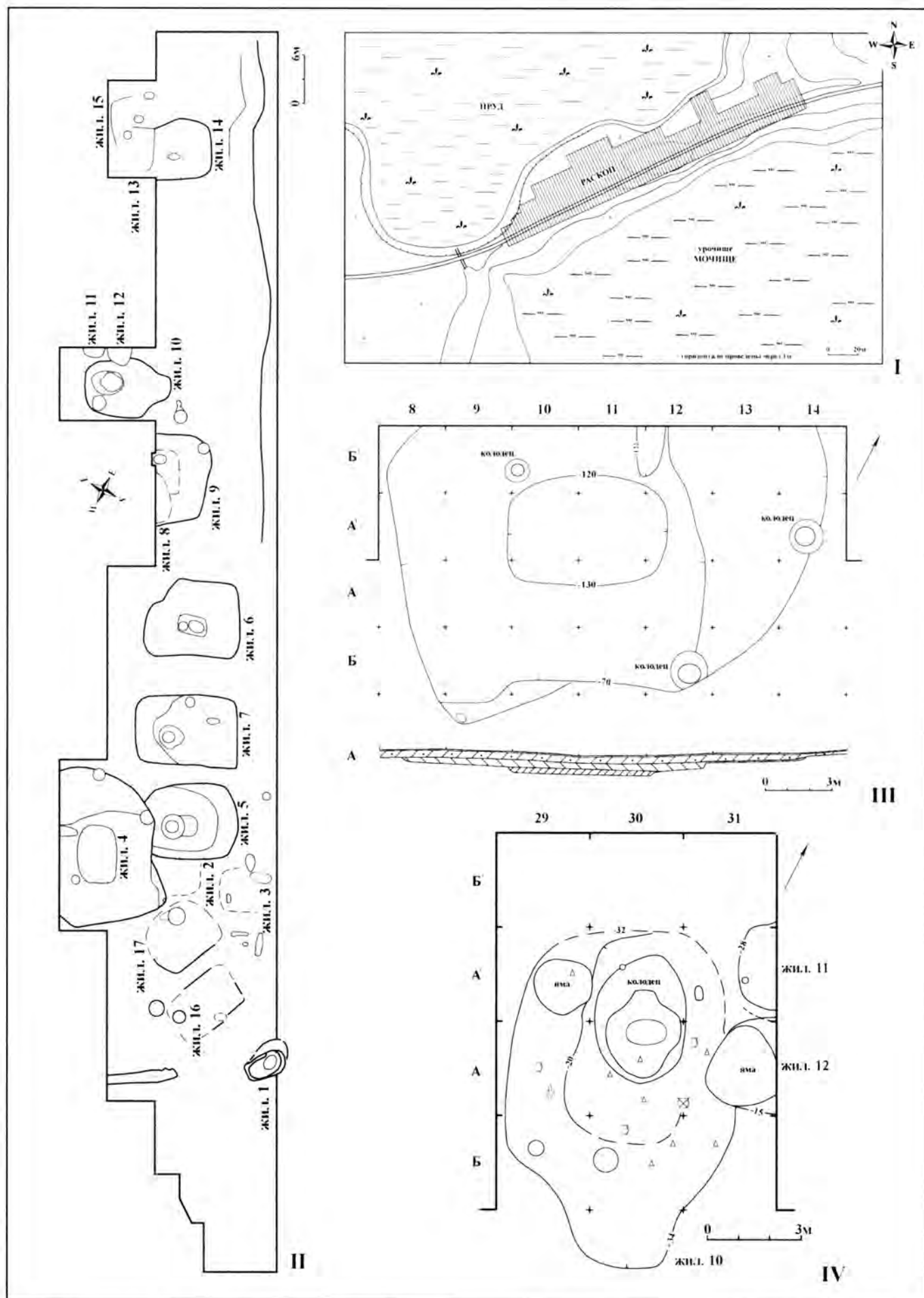

Рис. 1. Поселение Мочицы I. I – топографический план памятника; II – общий план раскопа; III – план и разрез жилища 4; IV – жилище 10: план с нанесением находок периода финальной бронзы

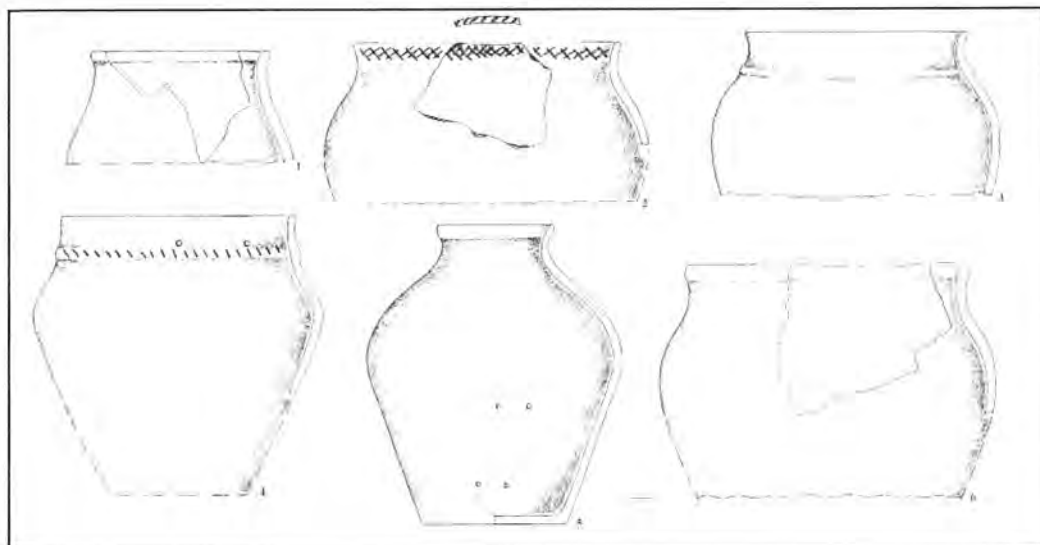

Рис. 2. Поселение Мочи-
ще I. Комплекс керамики
финальной бронзы (со-
суды)

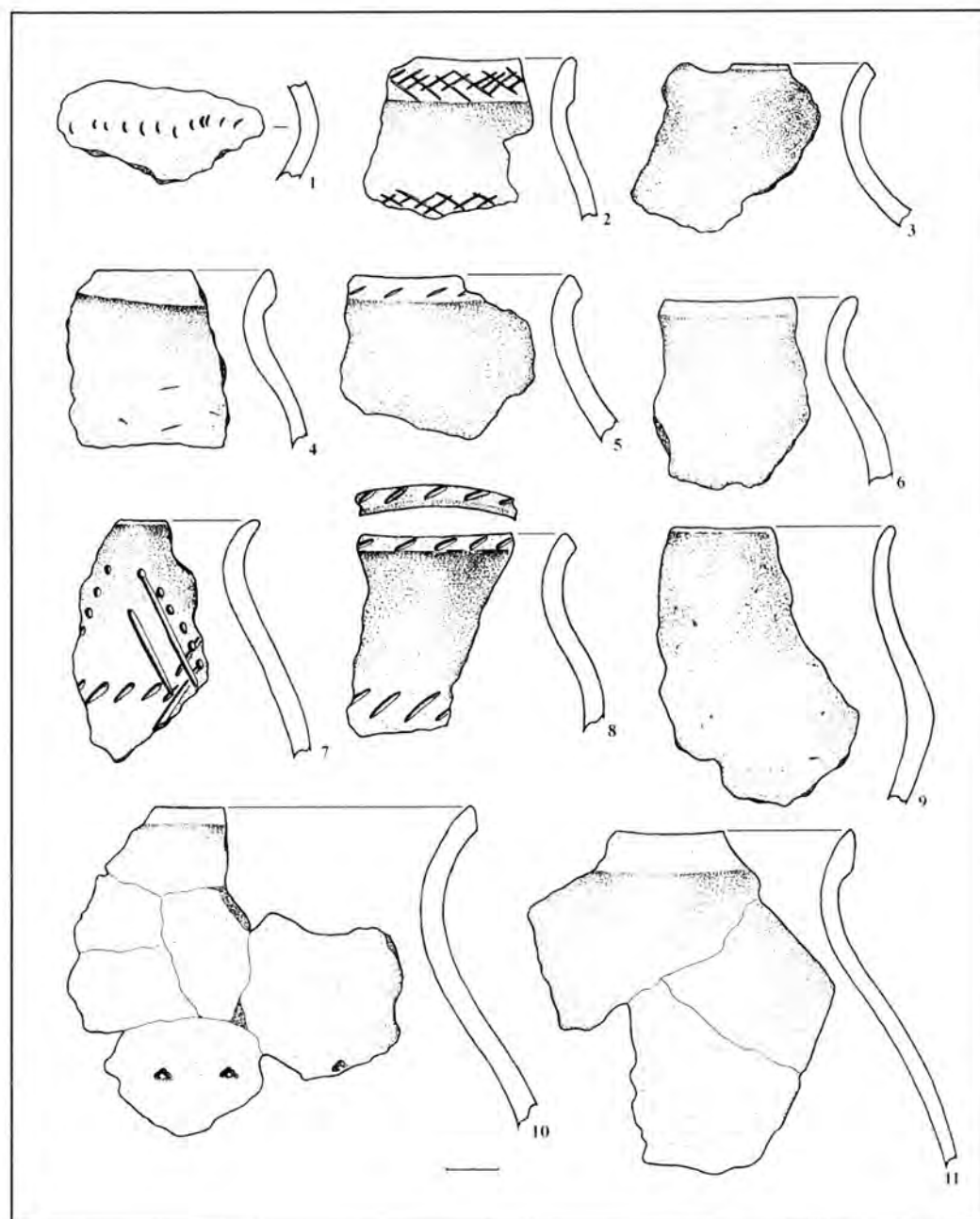

Рис. 3. Поселение Мочи-
ще I. Комплекс керамики
финальной бронзы (фраг-
менты сосудов)

МАТЕРИАЛЫ М.П. ГРЯЗНОВА ПО СЕВЕРНОМУ И ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАЗАХСТАНУ И СОВРЕМЕННЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Грязнов М.П. – известный советский археолог, в начале своей научной карьеры провел несколько экспедиций, изучая древности Казахстана. Он работал в 1920 гг. в Западном Казахстане, потом в составе экспедиции П.С. Рыкова, изучал памятники близ аула Дандыбай, Алеп-аула, хутора Центрального, Долинки. После сезона 1933 г. он в Казахстане раскопки не вел. Однако интерес к археологии Казахстана не потерял и даже планировал написать монографию по бронзе и раннему железу Южной Сибири и Казахстана. Он тщательно собирал сведения о памятниках разных эпох, копировал планы, зарисовывал керамику и предметы из металла, кости, рога, камня, делал выписки из книг и отчетов, знакомился с архивами ученых, изучавших древности Казахстана. Этому свидетельствуют несколько папок из его архива, хранящегося в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Архив МАЭ ОмГУ фонд III). Все бумаги, содержащиеся в папках, аккуратно разложены по тетрадам, каждая из которых посвящена одному памятнику. Некоторые материалы из его архива, касающиеся Центрального и Северного Казахстана, были опубликованы автором данного сообщения (Тихонов, 2009а, с. 187–193; 2009б, с. 87–89; 2010, с. 26–36; 2011, с. 151–155). Цель настоящей публикации – завершить серию предварительных работ по этой территории, после чего автор намерен закончить исследования обширной части архива Михаила Петровича, содержащего материалы по Западному Казахстану.

Итак, сначала рассмотрим материалы из архива М.П. Грязнова и сопоставим их с иллюстрациями в обобщающей монографии А.Х. Маргулана по бронзе Центрального Казахстана (Маргулан, 1979). Сразу отметим, что по какой-то причине Алькей Хаканович не описал отдельно результаты раскопок безусловно знакомых ему памятников эпохи бронзы Аксу-Аюлы, Амабас, Былкылдак II и III, Энбек-Суйгун, но сведения о них имеются в архиве М.П. Грязнова.

Начнем с памятника Аксу-Аюлы, исследованного А.Х. Маргуланом. Часть материа-

лов (керамические сосуды разных пропорций и форм) явно относятся к федоровским, что не было предметом изучения А.Х. Маргулана, однако бронзовые подвески, четыре из которых лапчатые (ограда 2, ящик 3), явно более поздние, нежели андроновские (рис. 1). Поэтому они и помещены в книге (Маргулан, 1979, рис. 226, 65–67, с. 311), но почему-то только три изделия, а не пять. Отметим, что рисунок из архива более точен, поскольку вещи были обведены по контуру карандашом. На этом же памятнике были найдены изделия, которые названы «очковые привески» (ограда 2, ящик 4) (рис. 1), аналогичные материалам памятника Айшрак (Маргулан, 1979, рис. 226, 70–73, с. 311), почему-то не вошедшие в состав иллюстраций.

Предположим, что материалы памятника Амабас из «хищнических раскопок Омарова 1948 г.» (их М.П. Грязнов изучил по зарисовкам С.С. Черникова 1964 г.) не вошли в публикацию, поскольку они чисто андроновские и датируются более ранним временем, чем изучаемый А.Х. Маргуланом. То же можно сказать и о материалах комплекса Былкылдак II. Однако на памятнике Былкылдак III в ограде I найдена точно такая же лапчатая подвеска, как на комплексах Аксу-Аюлы и Айшрак, тоже не вошедшая в состав описанных материалов.

Интересны материалы могильника Энбек-Суйгун, раскопанного экспедицией Карагандинского музея в 1953 и 1954 гг. на территории колхоза «Комсомол». Всего было изучено два каменных ящика, три кургана с кольцевыми выкладками, одна кольцевая ограда и жертвенное место. Судя по краткой пометке на листке, краткая информация о памятнике помещена в «Археологической карте Казахстана» 1960 г. издания, на страницах 170–171 (к сожалению, с этим изданием автор не знаком). Эти материалы, раскопанные Л.Ф. Семеновым, изучил С.С. Черников 19 декабря 1964 г., а его зарисовки скопировал М.П. Грязнов. Часть материалов похожа на бегазы-дандыбаевские (рис. 2).

Памятники Бегазы, Бель-Асар, Бугулы I и II, Былкылдак I описаны А.Х. Маргуланом до-

вольно подробно. Однако в архиве М.П. Грязнова имеются планы оград и прорисовки сосудов из оград 1, 3, 5, 6, 8 могильника Бегазы, которые могут значительно дополнить монографию по бегазы-дагдыбаевской культуре. Есть несколько фото, например, могильника Бель-Асар (Беласар у А.Х. Маргулана) (рис. 3).

Интересны керамические сосуды из могильника Былкылдак I. Они представлены в монографии Алькея Хакановича (Маргулан, 1979, рис. 116, с. 155) и в архиве М.П. Грязнова (рис. 4). Обратим внимание на то, что пропорции и техника нанесения орнамента, а также его элементы в книге и в архивных материалах показаны неодинаково.

В архиве М.П. Грязнова имеются материалы и других памятников, относящихся к иным эпохам: писаница у Казем-аула (рис. 5), курганы с «усами» в Акмолинском районе, памятники Канат-Тас, Каныр, Тасмола раннего железного века, неолитическая мастерская Коктыкуль и прочие. О некоторых из них (например, могильник у оз. Пестрое близ Петропавловска, городище Бузукты неподалеку от Астаны, могильник Дандыбай и хутор Центральный около Караганды) автору уже доводилось писать.

Мораль вышеизложенного сюжета не в том, что возможны некоторые неточности или лакуны в публикации материалов раскопок, особенно если они проведены задолго до их тиражирования. Например, в одной из первых публикаций материалов Еловского II могильника В.И. Матюшенко указал, что в могиле были лосиные черепа, в обобщающей же работе они исчезают. Никто не застрахован от ошибки. Суть сюжета в другом – в многочисленных архивах музеев высших учебных заведений, подразделений Академии наук, государственных и муниципальных музеев и т.д. имеются археологические материалы, которые могут значительно дополнить информацию, которую получает ученый в ходе археологических раскопок.

Перейдем теперь к современным археологическим работам. Для изучения какого-либо сюжета археологу необходимы сведения, которые он получает или из научной литературы, или анализируя материалы собственных раскопок либо раскопок своих коллег. Можно предположить, что исследователей интересуют новейшие материалы. Так, просчитав ссылки на работы

ученых в 100 монографиях и 100 статьях по археологии за один год, автор получил следующие результаты: подавляющее большинство ссылок ученые делают на монографии и статьи, вышедшие в течение десяти лет, предшествующих написанию работы. На архивные, музейные материалы, старые публикации, работы в сборниках, диссертации или их авторефераты ссылаются очень мало (Тихонов, 1992, с. 114–121).

Полагаю, что такое слабое внимание к данным категориям существенно уменьшает источниковую базу исследователя. С другой стороны, книжные полки библиотек не переполнены каталогами, содержащими как описание археологических коллекций, так и материалы отчетного характера. Поэтому работа по их составлению должна стать важной составляющей современных археологических исследований.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.

Тихонов С.С. Неиспользованные возможности // Вопросы истории и историографии археологии Западной Сибири. – Омск, 1992. – С. 114–121.

Тихонов С.С. Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры в 1933 г. // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. Маргулановские чтения-2008: Материалы Международной археологической конференции (25–27 марта). – Караганда, 2009а. – С. 187–193.

Тихонов С.С. Андроновский могильник у оз. Пестрое близ Петропавловска // Маргулановские чтения-2009: Материалы Международной археологической конференции (22–25 апреля). – Т. 1. – Петропавловск, 2009б. – С. 87–89.

Тихонов С.С. История культуры Южной Сибири и Казахстана в материалах М.П. Грязнова // Андроновский мир. – Тюмень, 2010. – С. 26–36.

Тихонов С.С. Полевые материалы 1929 г. и изучение древностей Акмолинска // Маргулановские чтения-2011: Материалы Международной археологической конференции (20–22 апреля). – Астана, 2011. – С. 151–155.

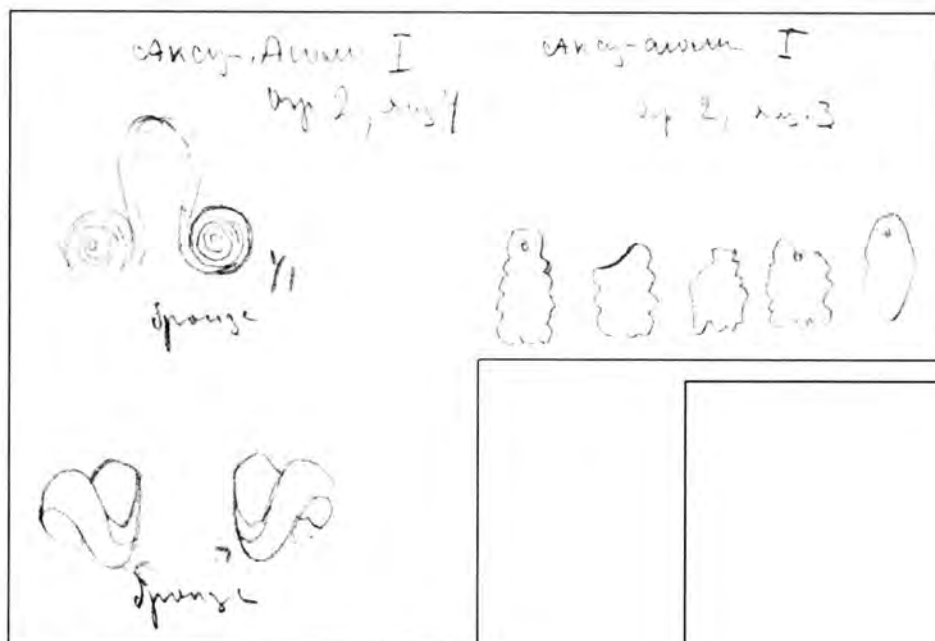

Рис. 1. Материалы могильника Аксу-Аюлы

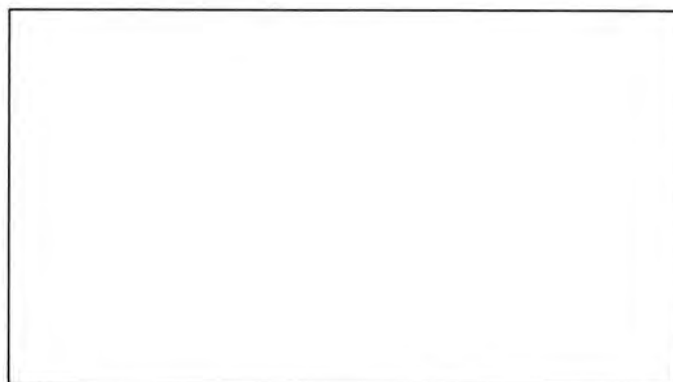

Рис. 2. Материалы могильника Эпбек-Суйгун

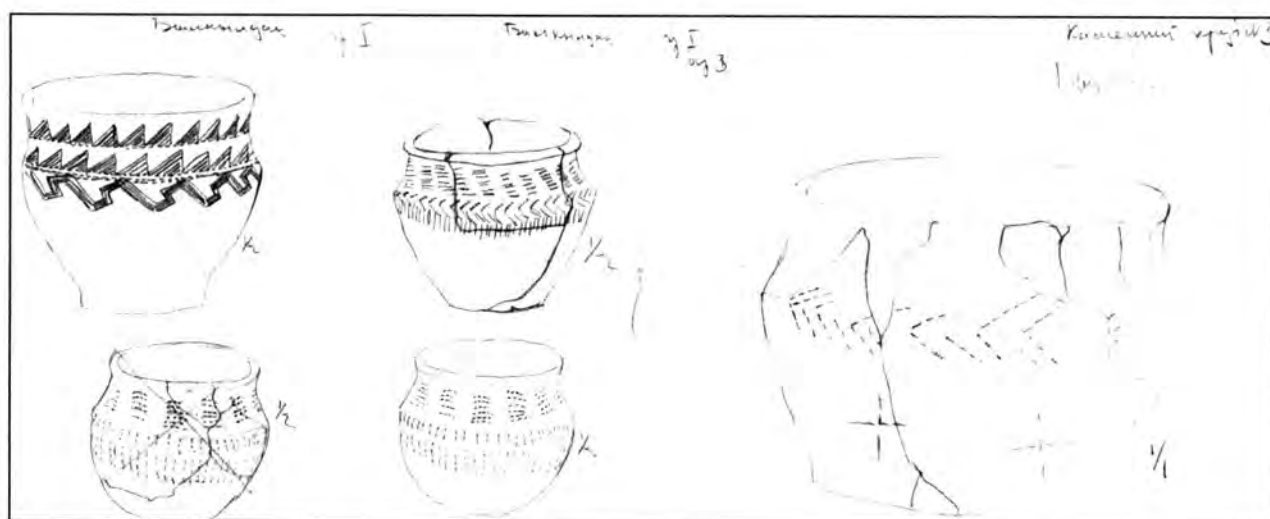

Рис. 4. Керамика могильника Былкылдак

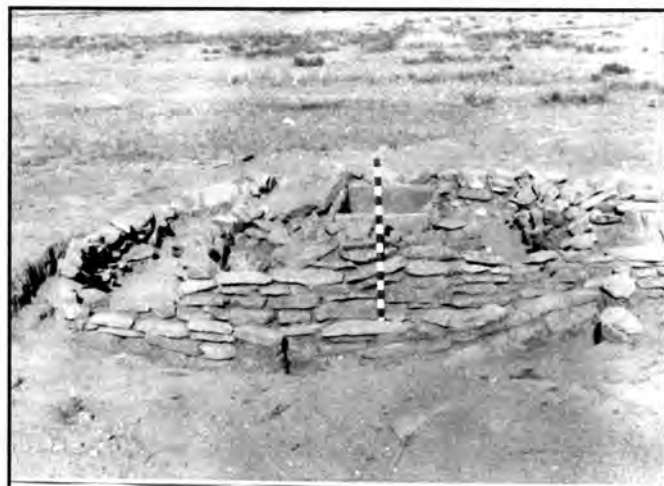

Рис. 3. Ограда могильника Бель-Асар

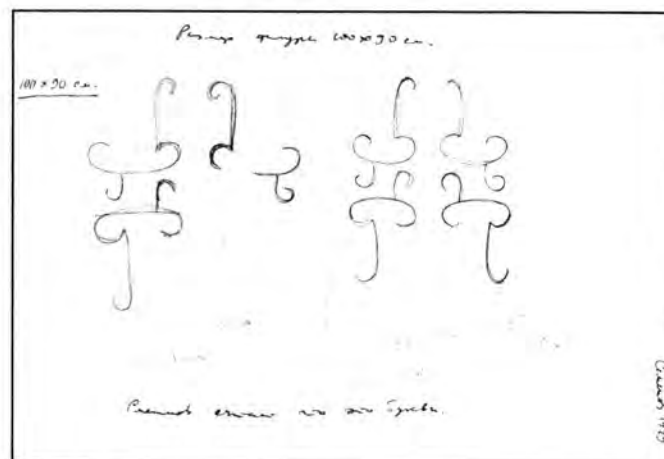

Рис. 5. Фрагмент тисаницы у Кезем-аула, работы Л.Ф. Семенова 1929 г.

«УТЮЖКИ» И ДИСКИ: К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ¹

Настоящая работа посвящена двум оригинальным категориям каменного инвентаря, хорошо известным в российской и казахстанской археологии как «утюжки» («човники», «праски», «гладилки») и диски.

«Утюжками» принято называть небольшие (3–23 см, чаще – 6–12 см), разнообразные по форме, качеству обработки, декору, предметы из камня или глины с поперечным желобком определенного (0,7–1,7 см) диаметра (рис. 1).

В Евразии они зафиксированы в материалах не менее 60 культур и культурных типов от мезолита/протонеолита до эпохи бронзы (X – первая треть II тыс. до н.э.) (Усачева, 2005). Территория распространения поперечно-желобчатых изделий (ПЖИ) в Старом Свете обширна и включает Ближний Восток, северо-восточное и южное побережье Африки, степные, лесостепные и полупустынные пространства Северо-Восточной Европы и Азии от Молдавии до Монголии (рис. 2). Максимальные концентрации «утюжков» отмечены на Украине, Урале и Ближнем Востоке. При этом повсеместно прослеживается выраженное тяготение находок к памятникам, расположенным у мелководных участков рек и озер, особенно вблизи мест, где плесы переходят в протоки, переймы и пороги. Чаще всего ПЖИ встречаются на памятниках поселенческого типа, хотя известны также на могильниках и в ритуальных комплексах.

Комплексный источниковедческий анализ значительной коллекции «утюжков» (446 экз.), включивший помимо развернутого предметного анализа ПЖИ характеристику природно-экономического контекста находок и дополненный картографированием по хроносрезам, позволил установить ряд интересных фактов (Усачева, 2007).

Во-первых, было выявлено существование у «утюжков» определенного набора стандартов, которых на протяжении тысячелетий придерживались все изготовители ПЖИ. Стандартами регламентировались сырье, диаметр желобка и отчасти размеры «утюжка». Морфология пред-

метов, так же, как и декор, судя по большой вариативности форм, стандартизации не подвергалась. Диаметр желобка, как уже было отмечено, не выходит за пределы 0,7–1,7 см, причем свыше 80 % имеют диаметр 0,7–1,4 см. В сырье фиксируется приоритет таких мягких неабразивных пород, как тальковый, тальк-карбонатный, тальк-хлоритовый сланцы, хлорит, стеатит и т.д. (свыше 76 %, хотя, скорее всего, указанный процент сильно занижен). Помимо мягкости эти породы обладают рядом других общих свойств, а именно: огнеупорностью и теплоемкостью (Шеков и др., 2010, с. 171–172; Тальк// Горная энциклопедия...). Известно немало фактов, указывающих, что эта особенность данных пород была хорошо известна древним и целенаправленно ими использовалась (см., например: Семенов, 1968, с. 30). Этим же качеством обладает обожженная глина, из которой изготовлена часть «утюжков».

Во-вторых, было установлено, что следы сработанности в желобках сходны на всех территориях, тогда как на других поверхностях ПЖИ они спорадичны и, как правило, специфичны для разных регионов. Наиболее массово в желобках оказались представлены следы утилизации в виде тонких продольных линейных следов и поперечных рисок. По мнению трасологов, такие следы свидетельствуют об обработке в желобках тонких округлых предметов (типа древков стрел и дротиков (Крижевская, 1968, с. 69; Коробкова, 1963, с. 217 и др.)) из мягких эластичных материалов, но не кости (Алексащенко, 2004, с. 248) или дерева². Помимо линейных следов достаточно часто отмечается заполировка и темный «углистый» оттенок, иногда трещиноватость (Коробкова, 1963, с. 217; Алексащенко, 2004, с. 248–249). Кинематика движений производимых обрабатываемым предметом в желобке на основании следов утилизации реконструируется как возвратно-поступательная (продольные линейные следы) и вращательная (поперечные риски) (Там же).

В-третьих, повсеместно отмечается массовая фрагментация изделий (около 55%) без

следов механического воздействия (удара)³. А это дает веские основания полагать, что раскалывание «утюжков» носило термический характер. Исключение составляют только преднамеренно испорченные экземпляры из погребений финального периода существования «утюжков» (мог. Боровянка 17, мог. Усть-Иша).

О том, что такому воздействию ПЖИ могли подвергаться, говорят условия нахождения отдельных предметов (Зуух 7, Монголия – «утюжок» залегал «in situ» в костре (Fairservis Walter A., 1993, p. 41); Роза Ветров 2, Зауралье – тот же контекст (А.А. Ткачев, устн. сообщение) и т.д.). В отношении таких показателей, как «углистый» оттенок у заполировки желобков, трещиноватость поверхности, корочка обжига и мельчайшие углистые включения, также высказывается мысль об их возможной связи с высокотемпературным воздействием (Алексащенко, 2004, с. 248–251). Наконец, об этом прямо свидетельствуют результаты рентгеновского дифрактометрического и петрографического анализов, полученные в лаборатории Саклера Колумбийского Университета, где было обследовано два ближневосточных образца. Оба анализа показали наличие следов сильного разогрева (Drew, 1970, p. 839–840).

В-четвертых, было доказано, что палеогеография распространения памятников с «утюжками» демонстрирует выраженное тяготение к ландшафтам открытого типа: степи, лесостепи, полупустыни, саванны и т.п. В лесной зоне «утюжков» практически нет. Некоторое исключение, на первый взгляд, представляет Средний Урал, где «утюжки» отмечены на озерных массивах горно-лесной зоны восточного склона. Однако новейшие палинологические и стратиграфические данные склоняют к тому, что локальные палеоландшафты восточного склона скорее недостаточно изучены, нежели противоречат правилу (Панова, Антипина, 2007; Зарецкая, Успенская, 2007; Зарецкая, 2010).

В-пятых, как показало картографирование по хроносрезам, «утюжки» появились на разных территориях Евразии не конвергентно, но распространились из одного-двух центров, расположенных на Ближнем Востоке (рис. 3.). Время их появления совпадает с периодом глобальных природно-климатических изменений рубежа

плейстоцена и голоцена и, предположительно, стимулировано этим обстоятельством через кризис традиционного природопользования. Более того, сопоставление последующих изменений ареала ПЖИ и значимых экологических кризисов в зоне их бытования свидетельствует, что и позже распространение «утюжков» было в значительной мере обусловлено именно этим фактором (Усачева, 2007, с. 14–15).

В-шестых, было установлено, что традиция изготовления ПЖИ зародилась в недрах экономики присваивающего типа. И в дальнейшем на всех этапах своего существования они оставались принадлежностью коллективов, у которых были приоритетны рыболовство, охота и собирательство, первоначально в рамках присваивающей экономики, позднее – в составе ранних комплексных форм хозяйства. Из 60 культур и культурных типов, практиковавших «утюжки», только четыре имели относительно развитые формы производящего хозяйства. Причем ПЖИ этих последних либо единичны (джейтунская и шулавери-шомутепинская культуры), либо зафиксированы в сакральном контексте (майкопская, архаизмы кургана 31, в урочище Клады; ритуальный комплекс пос. Константиновское) (Усачева, 2005, с. 19–20). Наконец, было выявлено, что именно распространение производящей экономики в ландшафтной нише ПЖИ явилось причиной их исчезновения.

Наиболее непротиворечиво объединить вышеизложенные наблюдения, как то: особенности палеогеографии находок (избирательность ландшафтного окружения), петрографических характеристик (преобладание огнеупорных видов сырья), трасологических наблюдений (однотипность следов сработанности в желобке и их специфические черты), характера разрушений (термическое), а также экономической направленности культур-носителей (зависимость от присваивающего типа хозяйства) – способна гипотеза об использовании «утюжков» в качестве инструмента для изготовления (выпрямление) легких (тростник) древков стрел и дротиков. Именно легких, соответственно ландшафтным и географическим приоритетам, поскольку, перефразируя С.А. Семенова: в природе не так часто встречаются вполне прямые стебли тростника, пригодные для изготовления

древков (1968, с. 108). Суть новационной технологии сводится к выпрямлению на предварительно разогретом «утюжке» узловатых заготовок через деликатное воздействие в технике нажима с элементами вращения на сочленения и возвратно-поступательных движений для изогнутых отрезков стебля (рис. 4). Реконструкция технологии изготовления тростниковых древков с помощью желобчатого инструмента хорошо выверяется этнографическими параллелями: у индейцев Америки зоны лесостепей и саванн однотипные «утюжкам» предметы, с глубокой древности, судя по дополняющему этнографический археологическому контексту, применялись именно в этом качестве и известны как выпрямители древков стрел (Усачева, 2013).

Эта техника существенно отличается от той, что употребляется для изготовления древков из древесных прутьев. Выпрямление деревянного прута осуществляется с помощью техники сгибания, и здесь более удобны и эффективны простые щемилки, а также деревянные, костяные и каменные перфорированные инструменты, которые позволяют фиксировать и удерживать точку изгиба (Семенов, 1968, с. 109). Еще один способ изготовления деревянных древков, широко бытовавший в культурах лесной зоны Евразии эпохи неолита-бронзы, был основан на применении абразивной техники. Он требовал применения специализированных инструментов из песчаника в виде одного – двух полуцилиндров или брусков с продольным желобком на плоской стороне (рис. 5) (Müller-Karpe H., 1968, taf. 134–27–29; 201–B–10, C–1; 400–1–4 и др.; Археология. Неолит..., 1996; Городцов, 1914, с. 167–168 и т.п.). В дополнение к выпрямлению и абразивной обработке поверхности (шлифование), такие камни позволяли осуществлять калибровку изделий (Семенов, 1968, с. 109–110). Эффективные для дерева обе эти техники абсолютно исключены для тростника ввиду изначальной хрупкости последнего.

Сравнительный анализ распространения песчаниковых выпрямителей и «утюжков» убедительно свидетельствует в пользу достоверности выдвинутой гипотезы о предназначении последних и о существовании специализации в изготовлении древков стрел: в степной зоне Евразии присутствуют «утюжки» и фактически

отсутствуют шлифовальники-калибраторы; в лесной зоне от Западной Европы до Восточной Сибири последние фиксируются повсеместно, а «утюжков» нет; в контактной лесостепной зоне отмечены и те и другие. Что касается перфорированных инструментов, которые наиболее часто изготавливались из кости и дерева, проверить особенности их распространения в Северной Евразии до сих пор не представлялось возможным ввиду отсутствия таковых. В чем здесь причина, неясно: либо традиция их изготовления оказалась не развита из-за широкого распространения песчаниковых калибраторов, либо мы их просто не умеем фиксировать, а возможно, скрывается плохая сохранность органики на многих удаленных вглубь тысячелетий памятниках. В этих условиях особый интерес представляют перфорированные выпрямители из камня, о существовании которых в ряде культурных традиций, как уже было отмечено выше, упоминал С.А. Семенов. Автор имел возможность наблюдать таковые в коллекциях американских музеев. Их внешняя форма чаще близка дисковидной, но есть и овальные и даже треугольные экземпляры. Отверстие в центре, как правило, имеет биконический профиль, что диктуется спецификой технологии (создание точки изгиба). Диаметр наиболее узкой части отверстия обычно соответствует диаметру древков стрел и дротиков или их незначительно превышает, достигая 2,5–3 см, чаще 1–2,5 см. В литературе не удалось найти трасологического описания следов утилизации рабочей части перфорированных выпрямителей. По этой причине следы от операций изгиба и прямления древесных прутьев (ива) в ходе полевого эксперимента по изучению амплитуды возможностей использования «утюжков» были целенаправленно отслежены⁴. Оказалось, что в отличие от тростниковых следов, имеющих преимущественно продольную линейную направленность в сопровождении заполировки с углистым оттенком, следы от ивовых заготовок показывают преобладание поперечных линейных следов в сопровождении плотной и яркой, напоминающей стеклянную (очевидно, из-за выделяющегося древесного сока), заполировки черного цвета. Именно такие следы наиболее вероятно должны наблюдаться на рабочей кромке отверстия выпрямителя.

Среди каменных перфорированных изделий неясного назначения наибольший интерес в свете вышеизложенных наблюдений представляют диски ботайской и терсекской культур Северного Казахстана. Они внезапно появляются в энеолите и столь же внезапно исчезают. Причем фиксируются не повсеместно, но лишь на определенных территориях и часто в ограниченном количестве (Зайтов, 1992, с. 144).

По определению к дискам относят небольшие (3–17 см), разнообразные по качеству обработки и оформлению края изделия из камня уплощенно-округлой, в отдельных случаях овальной или подпрямоугольной формы, с отверстием в центре. Канал отверстия, как правило, биконической, реже цилиндрической или конической формы, в наиболее узкой части имеет диаметр 0,5–2,6 см (Там же, с. 138) (рис. 6). При этом биконическая форма отверстия на изделиях этого типа является показательной. Она широко распространена не только в Казахстане, но и далеко за его пределами, что послужило основанием для высказываний о ее не случайном характере (Broadbent N., 1978, p. 80; Зайтов, 1992, с. 143).

Существует и более узкое понимание термина «диски». Согласно существующей градации, перфорированные изделия в зависимости от веса и диаметра отверстия подразделяются на три группы. Дисками называют преимущественно средние и крупные образцы (общий диаметр, соответственно, – 6,5–8 см и 9–11 (до 17) см, диаметр отверстия – 1–1,5 см и 2–2,2 см, вес – 150–350 г и 450–800 (до 2500) г) (Зайтов, 1992, с. 139). Мелкие экземпляры (диаметр от 3,5 до 6 см, диаметр отверстия – 0,5–0,8 см, вес – до 100 г) большинством исследователей определяются и именуется пряслицами. Именно на эти узкие термины автор в дальнейшем и будет ориентироваться.

По данным В.И. Зайтова, полученным в ходе изучения крупной коллекции дисков (пос. Ботай, 1125 экз.), для их производства использовались плитки тонкозернистого аплита и конкреции песчаника, зернистость которого разными исследователями воспринимается по-разному: мелкозернистый – по В.Ф. Зайберту (Зайберт, 1993, с. 125), крупнозернистый кварцевый – по В.И. Зайтову (Зайтов, 1992, с. 140). Все перечис-

ленные породы относятся к абразивным и широко применяются в абразивных операциях (шкурение, калибровка). Они просты в обработке, но в силу своей зернистости хрупки в использовании.

На дисках повсеместно отмечены следы сработанности, которые сосредоточены только в самой узкой части канала и представляют собой очень плотную затертость (Зайтов, с. 138, 145). С.С. Калиева и В.Н. Логвин, описывая отверстия терсекских дисков, уточняют, что «очень часто на сильно заполированной поверхности срединной части биконического отверстия или по всей площади цилиндрического видны тонкие концентрические круги» (Калиева, Логвин, 1997, с. 67).

За пределами ботайской и терсекской энеолитических культур Северного Казахстана некоторое количество дисков зафиксировано на территории Средней Азии и Кавказа. Имеются сведения о существовании морфологически близких изделий в Африке (почти повсеместно, но особенно много на восточном побережье и в ЮАР), Америке (Калифорния) и Европе (упомянут факт их частой встречаемости в музеях Швеции, Норвегии, Германии и Финляндии) (Зайтов, 1992, с. 142–143). Как утверждает В.И. Зайтов, наличие некоторых локальных особенностей присутствует, но в целом между находками всех территорий отмечается много общих черт. Помимо морфологической тождественности к ним относятся метрическая идентичность, особенности технологии изготовления как самих перфорированных дисков, так и срединных отверстий, высокий процент фрагментированности изделий. Это дает основание исследователю высказать предположение, что столь широкое распространение обладающих высокой степенью сходства дисков имеет в своей основе не столько культурно-историческую последовательность, сколько их функциональное тождество (Зайтов, 1993, с. 143). И этой функцией для всех перфорированных изделий, включая ботайские, наиболее вероятно являлось их использование в качестве утяжелителя к палке-копалке (Зайтов, 1993, с. 145). Вывод базируется на этнографических параллелях использования перфорированных утяжелителей на подобных землекопных орудиях вплоть до XIX века, например, в хозяй-

стве бушменов Южной Африки или у индейцев Калифорнии. К сожалению, отсутствие хроностратиграфических привязок находок разных территорий и сравнительного контекстуального анализа условий их функционирования, хотя бы на уровне общих палеогеографических реконструкций, значительно обедняет работу и ставит под сомнение однозначность вывода. Не в пользу гипотезы работает и отсутствие результатов трасологических наблюдений. Не говоря уже о том, что прямые этнографические параллели без их дополнительного обоснования хотя бы по одному из трех основополагающих принципов – стадильности, генетического и экологического соответствия – не популярны в современной археологии.

Если взглянуть на распространение дисков не только с типологических позиций, но с позиций ландшафтного районирования, оказывается, что по крайней мере часть находок соотносится с малоприспособленной для сельскохозяйственных занятий лесной зоной. Что касается лесостепных ландшафтов, где собственно и расположено пос. Ботай, здесь диски не только присутствуют, но часто встречаются на одних и тех же памятниках и даже залегают в одном культурном слое, что и «утюжки» (пос. Ботай, Кожай, Сергеевка, Красный Яр и др.). И это оказывается совершенно логичным в свете нижеследующих рассуждений.

Лесной и лесостепной ландшафтный фон в совокупности с вышеприведенной подборкой наблюдений об исходном материале, размерах и морфологии сквозного канала (преимущественно биконической формы), фиксируемых следах утилизации делают перфорированные диски идеальным кандидатом на роль выпрямитель-калибраторов и, возможно, инструментов для шкурения заготовок древков стрел и дротиков из древесных прутьев. В этом контексте легко находит объяснение даже высокий процент фрагментированности дисков без следов удара: к ней неизбежно приводит сильное точечное давление древка в процессе прямления. Уместными оказываются сомнения В.Ф. Зайберта, который неоднократно пытался соотнести между собой «утюжки» и половинные обломки дисков, внешне очень похожие между собой. Исследователем даже неоднократно высказывалось мнение, что часть «утюжков» выполнена на обломках дисков (Зайберт, 1993, с. 226; 2009, с. 318).

Однако напомним: различия между «утюжками» и дисками есть, и очень существенные, – это исходное сырье и нюансы следов сработанности. И если сходство, выраженное главным образом в размерах рабочей части, может рассматриваться как показатель однотипности обрабатываемых заготовок – округлых, протяженных и выполненных из достаточно эластичного материала (древки стрел и дротиков), то отличие в следах сработанности свидетельствует о сырьевой специфике обрабатываемого материала (тростник и дерево), а отличие в подборе пород камня для изготовления инструментов – об особенностях соответствующих технологических операций (требования огнеупорности в первом случае и абразивных качеств – во втором).

Ответ на вопрос о кратковременности существования ботайских перфорированных дисков при таком подходе скорее всего следует искать в перипетиях исторической судьбы оставивших их культур и естественной динамики того природно-климатического окружения, в контексте которого они существовали. М.К. Хабдулина и Г.Б. Зданович по итогам обзора работ по палеоэкологии (Хабдулина, Зданович, 1984, с. 141, 143, 147) пришли к выводу о том, что в атлантический период (8000–5000 лет назад) в Южной Сибири и на севере Казахстана произошло расширение площади лесов. К концу периода (энеолит) лесостепь располагалась в Казахстане далеко южнее пределов Западной Сибири. Причиной столь кардинальной подвижки границы леса явилось климатическое потепление, сопровождавшееся повышением увлажненности. Геоморфологические, палеозоологические и палеопочвенные исследования на разрезах энеолитического поселения Ботай полностью подтверждают это (цит. по: Яблонский, 2002, с. 62). На пойменных участках в этот период неизбежно должно было появиться обилие всех видов подлеска и кустарниковой растительности, перспективных для изготовления удобных и более долговечных чем тростниковые древков из древесных прутьев. Однако пограничный характер степной/лесостепной зоны неизбежно предполагает значительную подвижность климатических условий. Возможно, именно противофазовым колебанием ландшафтно-климатических условий во II тыс. до н.э. (сильная аридизация) сле-

дует объяснять утрату традиции изготовления древков с помощью дисков на территории современного Северного Казахстана в следующий за энеолитом период.

Подводя итоги, можно констатировать, что к 14 версиям функционального назначения дисков, перечисленным в работе В.И. Зайтова (1992, с. 144), добавилась еще одна. Она достаточно обоснована и, что важно, не противоречит в отличие от большинства других логике физико-морфологической специфики перфорированных дисков, как то: сырье, вес, морфология каналов, диаметр рабочей части и т.д., а также их природному окружению. Тем не менее считаю важным акцентировать, что у дисков, так же как это было прослежено у «утюжков», функция выпрямления древков могла быть ведущей, но вряд ли единственной – слишком велико их многообразие. Полевой эксперимент и трасологические исследования легко могли бы отсортировать существующие гипотезы и выделить те, которые продуктивны по результатам и находят трасологическое соответствие следов утилизации с археологическими образцами. Эта стратегия была реализована в отношении «утюжков» и вполне уместна для проверки гипотезы использования перфорированных дисков в качестве выпрямителей древков стрел и дротиков из древесных прутьев.

Не менее важным кажется тот факт, что благодаря работе над интерпретацией «утюжков» и дисков впервые применительно к каменному веку Евразии было обращено внимание на многообразие способов и традиций изготовления древков стрел и дротиков. В данной статье приводятся четыре таких технологий, однако, судя по этнографическим данным, фактическое их число, как с применением специальных инструментов, так и без них, было значительно шире. Вариативность приемов в изготовлении стрел оказывается тем адаптационным регулятором, который, мгновенно отзываясь на колебания природной среды, делает устойчивой систему жизнеобеспечения древних обществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю признательность всем авторам находок за предоставленную возможность обработки и публикации их материалов.

² По результатам эксперимента было установлено, что следы от дерева на породах такой мягкости имеют другой характер.

³ Целенаправленный поиск таких следов не выявил. Более того породы такой мягкости плохо поддаются ударному воздействию ввиду высокой вязкости и обычно обрабатываются пилением и шлифовкой.

⁴ Трасологический анализ выполнен С.Н. Скочиной, науч. сотр. лаборатории археологии ИПОС СО РАН.

Алексашенко Н.А. «Утюжки» под микроскопом // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – С. 239–254.

Археология. Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 379 с., ил.

Бадер Н.О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в Северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. – М.: Наука, 1982. – С. 50–57.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1975. – 287 с. (МХЭ; вып. 10).

Городцов В.А. Культура бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского императорского исторического музея в Москве за 1914 г. – М., 1915.

Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. – Киев: Наукова думка, 1969. – 260 с.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. – М.: Наука, 2002. – 246 с.

Зайтов В.И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай // РА. – 1992. – № 2. – С. 136–146.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. – 246 с.

- Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: ҚазАқпарат, 2009. – 576 с.
- Зарецкая Н.Е. Хронология, вещественный состав и история развития Горбуновского торфяника в голоцене // III Северный археологический конгресс: Тезисы докладов (Ханты-Мансийск, 8–11 ноября 2010 г.). – Екатеринбург: Изд. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – С. 89–91.
- Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н. Хронология, стратиграфия отложений и динамика природной обстановки // Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург, 2007. – С. 35–38.
- Калиева С.С. Поселение Кожай I. – Алматы, 1998. – 255 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Турга в третьем тысячелетии до нашей эры. – Кустанай, 1997. – 180 с.
- Киришин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. – 117 с.
- Коробкова Г.Ф. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 215 – 233.
- Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 183 с. (МИА; № 141).
- Массон В.М. Поселение Джейтун. – Л.: Наука, 1971. – 208 с. (МИА; №180).
- Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.
- Панова Н.К., Антипина Т.Г. Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализов // Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург, 2007. – С. 27–34.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). – Новосибирск: Наука, 1993. – 211 с.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
- Тальк // Горная энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.mining-enc.ru/t/talk/> – Загл. с экрана.
- Усачева И.В. «Утюжки» из фондов Тюменского областного краеведческого музея // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского обл. краевед. музея, 2002. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2003. – Вып. 16. – С. 204–209.
- Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – Вып. 6. – С. 12–23.
- Усачева И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
- Усачева И.В. «Утюжки»: к реконструкции функции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013 (в печ.).
- Шорин А.Ф. Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 162–169.
- Шеков В.А., Мясникова О.В., Иванов А.А. Тальковый камень – его свойства и пути использования // Технологическая минералогия, методы переработки минерального сырья и новые материалы. – Петрозаводск, 2010. – С. 170–174.
- Яблонский Л.Т. Восстановление лица по черепу человека из погребения на стоянке Шидерты 3 и проблема раннего расогенеза на территории Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «Эко», 2002. – С. 44–63.
- Broadbent N. Perforated Stones, Antlers and Stone Picks. Evidence for the use of digging stick in Scandinavia and Finland. *Tor. XVII.* – 1975–77 (1978). – P. 63–105.
- Drew I.M. Laboratory Report // *American Anthropologist.* – Menacha, 1970. – № 4 (Vol.72). – P. 839–840.
- Fairservis Walter A., Jr. *Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia.* – Durham, North Carolina: Carolina Academic Press. – 1993. – 253 p.
- Müller-Karpe H. *Handbuch der Vorgeschichte* // Band II Jungsteinzeit. – München. – 1968. – 612 s.
- Solecki R.L., Solecki R.S. Grooved Stones from Zawi Chemi Shanidar, a Protoneolithic Site in Northern Iraq // *American Anthropologist.* – Menacha. – 1970, № 4 (Vol.72). – P. 831–841.

Рис. 1. «Утюжки»

1-2 – Ближний Восток, 3-4 – Средняя Азия, 5-6 – Южный Урал, 7 – Центральная Россия, 8 – Зауралье, 9 – Средний Урал, 10 – Украина, 11 – Казахстан, 12 – Алтай.

13 – Западная Сибирь, 1-8, 10-14 – камень, 9 – глина

1 – по: Бадер Н.О., 1982; 2 – по: Solecki R.L., Solecki R.S., 1970; 3 – по: Масон В.М., 1971; 4 – по: Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975; 5 – по: Крижевская Л.Я., 1968; 6 – по: Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф., 1993; 7 – по: Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энгелатова А.В., 2002; 8 – по: Усачева И.В., 2003; 9 – по: Шорин А.Ф., 2001; 10 – по: Даниленко В.Н., 1969; 11 – по: Зайберт В.Ф., 1993; 12 – по: Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000; 13 – по: Молодин В.И., 1992

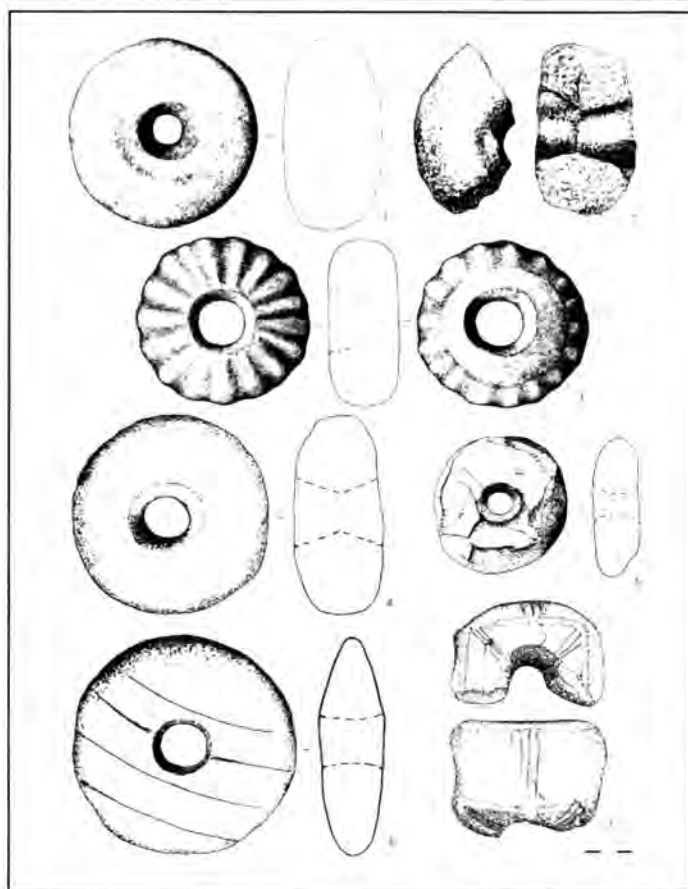
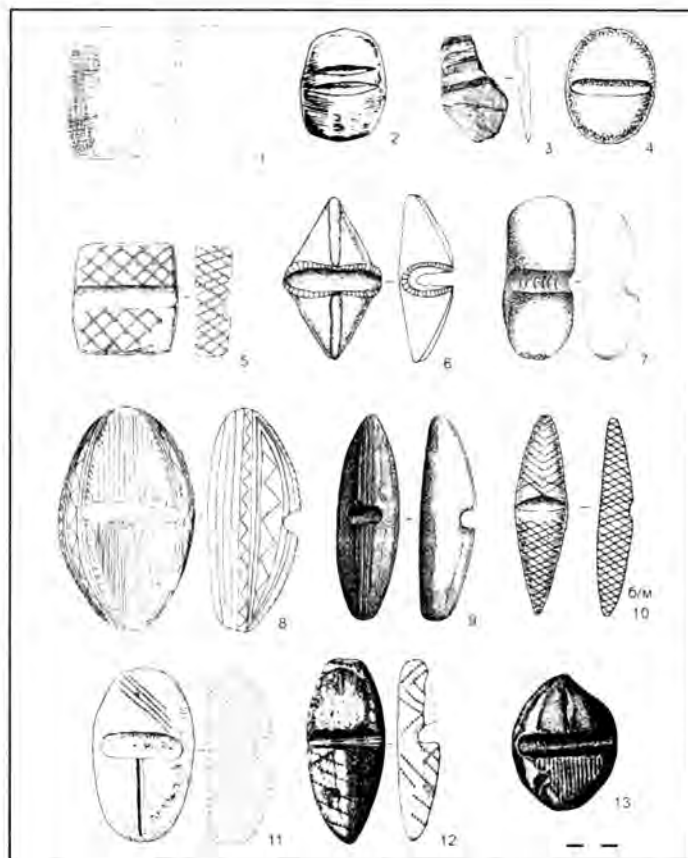

Рис. 6. Диски

1, 3 – пос. Кожай, Казахстан; 2, 4-7 – пос. Ботай, Казахстан. 1-7 – камень

1, 3 – по: Калиева С.С., 1998; 2, 4-7 – по: Зайберт В.Ф., 2009

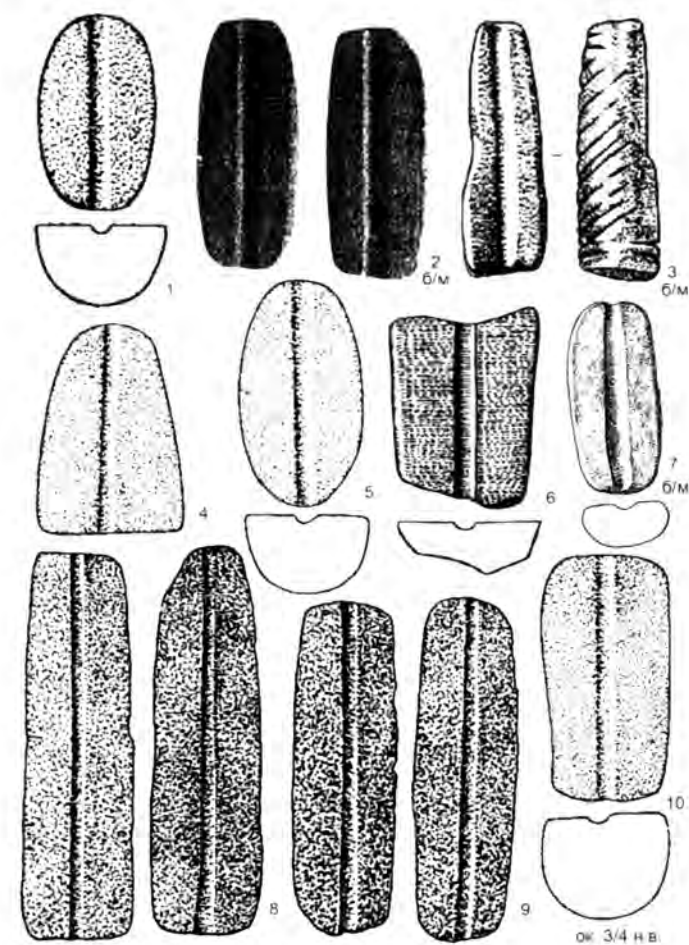

Рис. 5. Продольно-желобчатые песчаниковые абразивы-калибраторы

1, 4, 5, 10 – Греция, 2 – Центральная Россия, 3 – Дальний Восток, 6 – Якутия, 7 – Восточная Сибирь, 8, 9 – Чехословакия. 1-10 – камень

1, 4, 5, 10 – по: Müller-Karpe H., 1968; 2 – по: Городцов В.А., 1915; 3 – по: Археология. Неолит..., 1996; 6 – по: Археология. Неолит..., 1996; 7 – по: Археология. Неолит..., 1996; 8, 9 – по: Müller-Karpe H., 1968.

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ФАЛАНГИ ЖИВОТНЫХ ИЗ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Уникальные материалы поселения Ботай разносторонне исследовались специалистами: археологами, антропологами, остеологами, трапезологами, почвоведом (Энеолит..., 1985). Однако яркий феномен ботайского искусства пока еще освещен неполно. В рамках отдельной статьи этот пробел может быть восполнен лишь частично.

Изобразительная деятельность ботайцев представлена несколькими скульптурами и огромным количеством орнаментов: на керамических сосудах, изделиях из кости, каменных дисках и так называемых «утюжках». Элементы орнаментов (треугольники, ромбы, сетка, зигзаг) универсальны, но устойчивые орнаментальные композиции и способы их размещения на предметах различного назначения не имеют прямых аналогов в других культурах и составляют специфику ботайского искусства. Способ организации изобразительной плоскости всегда отражает мировоззренческие представления, то есть является одной из определяющих характеристик культуры (Флоренский, 1999; Успенский, 2000; Подольский, 1997; 1998). Выявление композиционных закономерностей и структуры изобразительной плоскости на орнаментированных фалангах из Северного Казахстана составляет задачу исследования.

В настоящей статье рассматриваются 74 фаланги лошади и парнокопытных. Это исследование в основном проведено в 1990 г., когда автор была сотрудником Северо-Казахстанского областного краеведческого музея и участвовала в Северо-Казахстанской археологической экспедиции. Результаты этой работы были представлены на научных конференциях в Тобольске (1990 г.), Санкт-Петербурге (Ченченкова, 1995) и Петропавловске (2009), но подробно публикуются впервые. Настоящая работа дополнена шестью находками из раскопок последних лет, которые известны мне только по литературе (Зайберт и др., 2005, рис. 5, 4, 5; 2007, рис. 44, фото 103; Levine, 1999, fig. 2, 23). Новые находки органично вписались в разработанную классификацию.

Благодарю В.Ф. Зайберта за предоставленную возможность изучения материалов его раскопок поселений Ботай и Красный Яр (Отчет..., 1980–1988) и разрешение публикации. Выражаю признательность Н.С. Татаринцевой за сообщение информации об аналогичном изделии из поселения Баландино (Отчет..., 1986). Благодарю сотрудника Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцева за помощь в работе и остеологические определения.

Орнаментированные фаланги животных встречаются в памятниках от раннего мезолита до средневековья на всем пространстве Евразии (табл. 4). Большинство этих находок одиночные. Первая особенность ботайских орнаментированных изделий состоит в их серийности. Из 74 рассматриваемых фаланг 58 происходят из поселения Ботай (48 – лошади, 3 – кулана, 7 – парнокопытных – вероятно сайги); 15 – из поселения Красный Яр (6 – лошади, 9 – сайги?); 1 фаланга лошади – из поселения Баландино.

Перед нанесением орнамента фаланга шлифовалась. При этом связочные бугры, рельефно выступающие на лицевой (волярной) стороне кости, стачивались, лицевая сторона уплощалась, а ее вертикальные края заострялись (табл. 1, а). Иногда аналогичной обработке подвергались также боковые и спинковая (дорзальная) поверхности. На плоских сторонах фаланги процарапывались орнаменты, ребра между поверхностями подчеркивались столбцами коротких горизонтальных насечек. Возможно, в древности рисунок для контраста был затерт краской, так как на трех фалангах в углублениях орнамента обнаружена охра.

На большей части фаланг имеются и насечки, и орнамент – 48 экз. Однако существуют экземпляры как без насечек, только с орнаментом – 7 экз., так и без орнамента, только с насечками – 18 экз. (на одной орнаментированной фаланге о наличии или отсутствии насечек из-за сохранности судить нельзя). Таким образом, насечки и орнамент могут рассматриваться как относительно самостоятельные составные части общей изобразительной системы фаланг. Кости без насечек встречаются значительно реже, чем

без орнамента; видимо насечки были более важным (древним) элементом.

Рассмотрим способы размещения насечек на кости. Своеобразным «ключом» к этой задаче является фаланга, на которой насечки присутствуют всюду, где это только возможно (табл. 2, а). Обычно насечки нанесены на вертикальные ребра лицевой стороны (63 экз.), реже – на вертикальные ребра спинковой (12 экз.), иногда по контуру верхней (14 экз.) или нижней (1 экз.) частей. В трех случаях насечки присутствуют на естественном связочном выступе лицевой стороны фаланги (при этом на одной из них связочный бугор специально приострен). Таким образом, насечки всегда располагаются либо по естественному краю или рельефному выступу какой-либо поверхности, либо по искусственно приостроенному ребру. Насечки могут заполнять указанные участки полностью или частично. Наличие насечек на боковых ребрах лицевой поверхности является почти совершенно обязательным (исключение составляют три фаланги с насечками только по контуру верхней части). На других участках насечки могут отсутствовать или присутствовать в любых сочетаниях. Это актуально как для орнаментированных, так и для неорнаментированных фаланг.

Не исключено, что насечки на боковых гранях лицевой стороны имели какое-либо практическое значение. Судить об этом более определенно позволил бы трасологический анализ серии фаланг. Но если когда-либо и выявится некая утилитарная функция насечек, это не отменит их очевидной декоративно-знаковой роли. О ней свидетельствует необязательность или крайняя редкость наличия насечек на некоторых участках фаланг (по контуру нижней части – 1 экз., по связочному бугру лицевой стороны – 3 экз.); а также использование насечек в качестве элементов орнамента, вплетение их в орнаментальные композиции на фалангах (табл. 2, б, в; 3, в) и других ботайских изделиях (каменных дисках, «утюжках», керамике). С художественной точки зрения расположение насечек по контуру той или иной поверхности подчеркивает границу плоскости и создает своеобразную раму для изображения.

Пятьдесят шесть фаланг орнаментированы. Все многообразие представленных на фалангах орнаментальных композиций получено благода-

ря различному сочетанию трех основных элементов: прямой линии, ромба и V-образной фигуры, которую можно рассматривать как единичное звено зигзага. Иногда в сочетании с другими элементами используются насечки. Элементы объединяются в непрерывные конструкции (ряды и сетки) – мотивы. Мотивы образуются из одинаковых или разнородных элементов. Элементы (обычно в сочетании с мотивами) образуют также замкнутые конструкции – фигуры. Фигура либо полностью занимает орнаментируемую поверхность (два ромба), либо какую-то значительную ее часть (V-образная фигура – табл. 3). Весь орнамент, заполняющий одну какую-нибудь сторону фаланги, составляет композицию. Иногда на поверхности присутствует лишь отдельный знак (табл. 2, б – боковая поверхность; табл. 2, в – спинковая поверхность). В отличие от композиций знаки имеют примитивную структуру, занимают незначительное и случайное место на плоскости, никогда не повторяются, наносятся небрежно. Элемент, мотив, фигура и композиция составляют ряд, в котором каждое последующее звено отличается более сложной внутренней структурой.

Все композиции на фалангах оригинальны, но разделяются на несколько повторяющихся типов: ромбическая сетка и близкая ей композиция из двух ромбов (табл. 2, б); вертикальная ось в виде зигзага (табл. 2, в); вертикальная ось в виде симметричной полосы орнамента (табл. 2, в); вертикально симметричная композиция без выделенной оси симметрии (табл. 2, д); композиция из трех зон, расположенных одна под другой: верхнюю занимает V-образная фигура, среднюю – горизонтальная полоса орнамента, нижнюю – фигура в виде прямоугольника или трапеции (табл. 3). Последняя композиция присутствует почти на половине орнаментированных фаланг (23 экз.), но только в шести случаях представлена полностью. Чаще какая-либо зона остается свободной или имеет нестандартный вид (табл. 3, б). Как правило, стандартно заполнена средняя зона (21 экз.). Верхняя зона (20 экз.) в пяти случаях выделена нестандартно. Нижняя зона отмечается реже (19 экз.) и лишь в пяти случаях стандартным образом.

Между некоторыми из выделенных типов композиций не существует резких границ, так что один тип плавно трансформируется в другой.

Так, ромбическая сетка иногда имеет вид столбца из взаимопроникающих ромбов (табл. 2, б), такой столбец близок вертикальной дорожке из двух или четырех ромбов (табл. 2, д, спинковая поверхность), а ей, в свою очередь, родственна симметричная полоса орнамента из аналогичных дорожек и других элементов (табл. 2, г).

Орнамент, как и насечки, может располагаться на различных сторонах кости: лицевой (55 экз.), спинковой (10 экз.), боковых (19 экз.), верхней (2 экз.). Боковые стороны орнаментируются либо обе (11 экз.), либо только левая (4 экз.), либо только правая (4 экз.). Существуют закономерности в расположении разных типов композиции на сторонах кости (табл. 1б). Как и в случае с насечками, обязательной является орнаментация лицевой поверхности (исключение составляет один экземпляр с орнаментом только на верхней стороне). На остальных участках орнамент может отсутствовать. На лицевой стороне фаланги может располагаться любая из выделенных композиций. Причем самая сложная из них — трехчастная — встречается исключительно на лицевой стороне и даже является для нее преимущественной. В то же время наиболее примитивные по структуре отдельные знаки совершенно отсутствуют на этой стороне кости. На спинковой поверхности обычно размещен ромбический орнамент. На боковых сторонах чаще всего встречается вертикальный зигзаг (различий в орнаментации правой и левой частей не обнаружено). Эти данные свидетельствуют о наличии устойчивой связи между типом орнамента и местом его расположения, что является лишним подтверждением того, что декор орнаментированных фаланг нес какой-то смысл, обладал семантикой.

Семантика орнаментированных фаланг не отделима от семантики пальцевых костей животных (в том числе альчиков — астрагалов, бабок). Этой теме посвящена обширная литература (например: Молодин, 1977, с. 31; Васильев, 1980, с. 33; Молодин, Ефремов, 1998; Крамарев, Кузьмина, 1999, с. 85; Марков, 2002). Нередко такие кости используются как подвески (История Урала..., 1989, с. 100, рис. 18, 7); имеют сквозные отверстия — поперечные (Кияшко, 1994, рис. 43, 12, 13) и продольные (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 64, 159, рис. 55) или углубления, пробитые в центре лицевой стороны (Археология Венгрии,

1980, с. 65, рис. 29, 19; Елинек, 1982, с. 206, рис. 327). Фаланги лошади с искусственными углублениями на лицевой стороне встречаются и на Ботайе, но не входят в данное исследование.

Фаланги устойчивы в вертикальном положении и по виду похожи на фигурку. Вероятно, это определило широкое распространение изделий именно на этих костях. На Ботайе орнаментации подвергались в основном первые фаланги лошади (путовые кости). Этот выбор легко объяснить с учетом того, какое значение имела лошадь в ботайской культуре. Использование фаланг парнопалых также можно аргументировать важностью охоты для ботайцев (Зайберт, 2009, гл. V, 2; VI, 1, 2).

Анализ семантики фаланг проще вести методом исключения, отсекая невозможных вариантов. Не обнаружено взаимосвязи между декором и выбором фаланг от передних-задних, правых-левых конечностей; между особенностями декора и фалангами разных видов животных.

В литературе высказывалась идея о том, что насечки на фалангах связаны с числами и счетом (Зайберт, 1993, с. 222, Леонтьев, 2000, рис. 2, 1-4). Мне не удалось выявить числовых закономерностей в декоре энеолитических фаланг из Северного Казахстана. Иногда насечки сливаются в неразделимый ряд, нанесены нечетко, так что их количество трудно определить. Размер насечек взаимосвязан с орнаментом: чем изящнее орнамент, тем мельче насечки, следовательно, больше их число в ряду, заданном высотой фаланги. Вероятно, важным было не количество отдельных насечек, а наличие целого столбца.

Не найдено различий в принципах орнаментации фаланг с разных поселений (Ботай и Красный Яр). Не выявлено четкой закономерности в расположении фаланг на поселениях. Фаланги были найдены как в жилищах, так и вне их, на разной глубине и на разных концах поселений. На поселении Ботай, где раскопками 1981–1987 гг. были исследованы более шестидесяти жилищ (Зайберт, 1993, с. 20), фаланги обнаружены только в девяти из них. Различий в орнаментации фаланг из разных жилищ не обнаружено. Можно было бы утверждать, что орнаментированные фаланги вообще не связаны с планиграфией поселений, если бы ни существование двух жилищ, где количество этих изделий особенно велико: поселение Ботай, жилище №

140 – 10 фаланг; поселение Красный Яр, жилище № 1 – 13 фаланг. Кроме того, рядом с жилищем № 18 на поселении Ботай обнаружены три фаланги (табл. 3, в) со следами оббивки (искусственной порчи?). По спинковой стороне одной из поврежденных фаланг проходит орнамент в виде симметричной вертикальной оси – это исключительный случай, на других фалангах такая композиция присутствует только на лицевой стороне. Раскопками С. Олсен на поселении Красный Яр в 2000 г. на полу одного жилища были обнаружены две ямки, в одной из которых было 26, а в другой 6 фаланг; все экземпляры без орнамента (Olsen, Harding, 2008, p. 88). Следовательно, какая-то связь между отдельными жилищами и фалангами существует.

Неповторимость орнаментации каждой фаланги позволила предположить, что они были связаны с конкретными индивидами (Ченченкова, 1995, с. 66). Гипотеза об антропоморфности орнаментированных фаланг лошади, впервые высказанная М.П. Грязновым (Грязнов, 1962, с. 27), была поддержана рядом исследователей (Черников, 1960, с. 38; Членова, 1976, с. 82) и выразительно проиллюстрирована Д.Г. Савиновым, С. Олсен и Д.Г. Хардинг (табл. 5). Находки из Варфоломеевской стоянки (табл. 4, 131) и Большого Полтаковского могильника (табл. 4, 18) не оставляют сомнений в правильности этой идеи, а также демонстрируют разные способы ее воплощения. В общем русле этой концепции детали фаланг исследователи объясняют различным углубления на верхней стороне некоторых фаланг интерпретируют как глаза (Черников, 1960, с. 38) или женские груди (Olsen, Harding, 2008, p. 72). Предполагают, что сквозные отверстия в верхней части других фаланг служили для продевания серег (Грязнов, 1962, с. 27) или для использования фаланги как подвески (Членова, 1976). Сами фаланги интерпретируют как женские (Olsen, Harding, 2008, p. 72) или мужские (Обыденнов, Корепанов, 2001, с. 64) изображения.

Существует удивительно похожий на ботайские орнаменты рисунок татуировки аборигенов Филиппинских островов (табл. 5, в). Эту далекую аналогию можно было бы не принимать во внимание, если бы не существовали примеры татуировок из памятников значительно более близких территориально и хронологически. В

частности, кости со следами татуировки обнаружены в могильнике эпохи бронзы – Темрта III в Прикаспии (табл. 5, з). Эти примеры интересны тем, что на конечностях человека зигзагом изображена змея. Характерно, что на боковых сторонах орнаментированных североказахстанских фаланг в двух третях случаев изображен вертикальный зигзаг.

Общим принципом всех композиций на орнаментированных фалангах из Северного Казахстана является вертикальная симметрия. Исключение составляет одна композиция с построением орнаментом из треугольников (табл. 2, б) и ромбические сетки. Последние, впрочем, зачастую имеют вертикальную направленность. Другой очень важный композиционный принцип – трехчастное деление плоскости по вертикали. Этот принцип, впоследствии воплотившийся в концепции «мирового древа», формировался и впервые зафиксирован в культурах эпохи энеолита и ранней бронзы: окуневской (Подольский, 1997) и почти тысячелетием раньше – в ботайской (Ченченкова, 2007).

Интересно было бы сопоставить соотношение орнаментов на фалангах и другой категории ботайских изделий – «утюжках». Специальное исследование декора ботайских «утюжков» не проводилось, но даже простой осмотр позволяет увидеть, что зигзаг, ромбические сетки и насечки составляют основу орнаментальных композиций, а зигзаги часто присутствуют на боковых сторонах этих изделий. Существует и антропоморфный ботайский «утюжок» (Зайберт, 1993, с. 77, 78, 226) с декором, аналогичным фалангам.

Параметры тезисов исключают публикацию полного каталога орнаментированных фаланг из Северного Казахстана. Планируемое В.Ф. Зайбертом издание такого свода источников позволит наглядно продемонстрировать освещенные здесь наблюдения и создаст возможность для их критической оценки.

Абрамова З.А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.–Л., 1966. – 220 с.

Археология Венгрии. Каменный век. – М.: Наука, 1980. – 420 с.

Белановская Т.Д. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения

Ракушечный Яр // Исследования по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983. – С. 158–165.

Бродянский Д.А. Еще одна область неолитического искусства на Дальнем Востоке // У истоков искусства. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 133–141.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы: Межвузовский сб. – Т. 235. – Куйбышев, 1980. – С. 27–52.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габышев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980. – С. 151–189.

Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка в бронзовом веке с реки Оби // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Вып. 22. – Л., 1962. – С. 26–27.

Деревянко Е.И. Из области духовной культуры племен мохэ Приамурья // Материалы по истории Сибири. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – Вып. 4. – С. 184–188.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья I тысячелетия до нашей эры (очерки этнической истории и культуры). – Новосибирск: Наука, 1981. – 336 с.

Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. – Прага: Артия, 1982. – 560 с.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, Республика Казахстан, 1993. – 243 с.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАқпарат, 2009. – 572 с.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев Ф.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В. Основные итоги изучения поселения Ботай в 2005 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2005. – С. 176–182.

Зайберт В.Ф., Тюлебаев Ф.Ж., Кулаков Ю.В., Задорожный А.В. Тайны древней степи (Исследования поселения Ботай в 2004–2006 гг.). – Кокшетау, 2007. – 163 с.

Зубов А.Б. История религий: Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997. – 344 с.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 607 с.

Калиева С.С. Поселение Кожай 1. – Алматы, 1998. – 255 с.

Кириллов О.И., Ставецкая М.Н. Ритуальный комплекс культуры плиточных могил из юго-восточного Забайкалья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии // Материалы 40-й региональной археолог.-этнограф. студ. конференции. – Т. 3. – Новосибирск, 2000. – С. 37–47.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. – 294 с.

Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тыс. до н.э. // Донские древности. – Вып. 3. – Азов, 1994.

Коников Б.А. Искусство древних и средневековых косторезов Омского Прииртышья // Сб. науч. трудов Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. – Омск, 1997. – С. 103–115.

Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья в VII–III вв. до н.э. // Скифосибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 63–75.

Крайнов Д.А. Работы в Ярославской и Ивановской областях // АО-1982. – М., 1984. – С. 61–62.

Крамарев А.И., Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докладов. – Челябинск, 1999. – С. 83–87.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. – Вып. 7. – СПб., 1993. – 94 с.

Леонтьев Н.В. Сакральные календарные мотивы в окуневском искусстве // Международная конференция по первобытному искусству: Труды. – Кемерово, 2000. – Т. 2. – С. 143–149.

Логвин В.Н. Энеолитические находки у села Ливановка // СА. – 1988. – №1. – С. 232–234.

Марков С.С. Астгалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья // Вестник общества открытых исследований древности: Научный альманах. – Челябинск, 2002. – Вып. 1. – С. 39–48.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 180 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977. – 172 с.

Молодин В.И., Ефремов Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Т. 4. – Новосибирск, 1998. – С. 300–309.

Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. – Уфа: Юрика, 2001. – 235 с.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы таежной полосы Среднего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986.

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С. 168–201.

Подольский М.Л. Интуиция бесконечности в наскальных изображениях // Теория и методология архайки // Материалы теоретич. семинара. – СПб., 1998. – С. 78–95.

Савинов Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Международная конференция по первобытному искусству: Труды. – Кемерово, 2000. – Т. 2. – С. 197–206.

Тэйлор Э. Первобытная культура. – М., 1939. – 567 с.

Усачева И.В. Семиотический статус «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – № 1 (14). – С. 11–19.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.

Флоренский П.А. Соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1999. – Т. 3 (1). – С. 46–98.

Ченченкова О.П. Некоторые особенности семантики орнаментированных костей эпохи энеолита из Северного Казахстана // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докладов. – СПб., 1995. – С. 63–67.

Ченченкова О.П. Общие черты в искусстве ботайской, окуневской и самусьской культур (к вопросу о формировании нового мировоззрения у ранних скотоводов лесостепной Евразии) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: Труды САИ-ПИ. – Барнаул, 2007. – Вып. 3. – С. 85–88.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. (МИА; № 88).

Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // Археология Средней Азии и Сибири. – М.: Наука, 1976. – С. 76–83 (КСИА; № 147).

Шишлина Н.И., Белькевич Е.В., Усачук А.Н. Татуировки эпохи бронзы: симпатическая магия или украшение? // Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С.В. Студзицкой: Труды ГИМ. – М., 2012. – Вып. 189. – С. 64–73.

Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – 156 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. – 198 с.

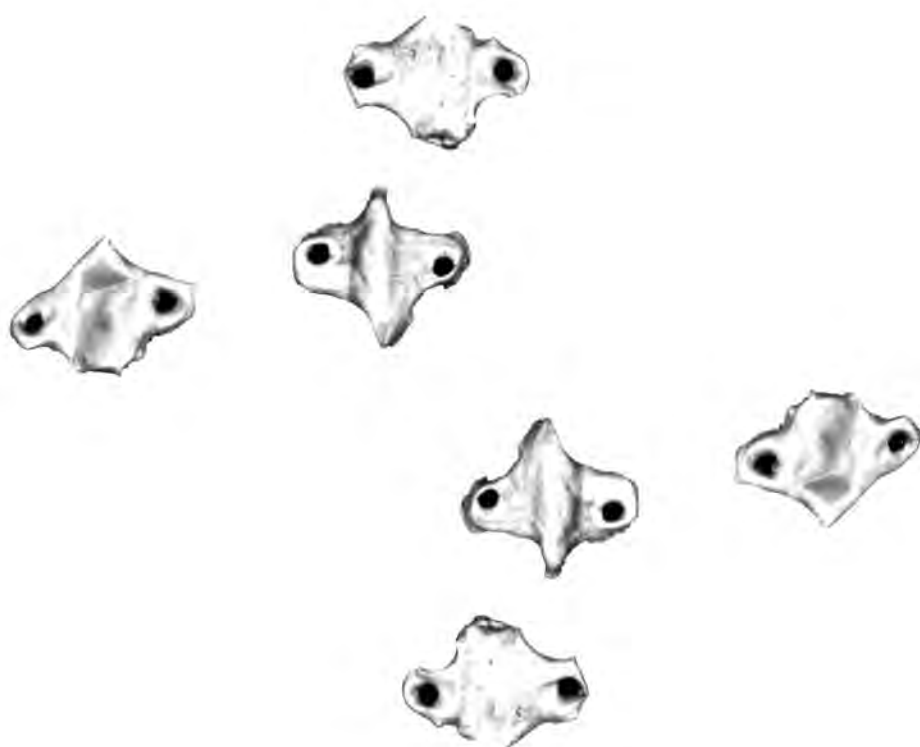
Levine M. Origins of Horse Husbandry // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. – Cambridge: Mc. Donald Institute for Archaeological Research. – 1999, p. 5–58.

Olsen S., Harding D.G. Women's Attire and Possible Sacred Role in 4th Millennium Northern Kazakhstan // Are All Warriors Male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe. Edited by K. M. Linduff and K.S. Robinson. – Lanham, New York, Toronto, Plymouth, UK: AltaMira Press. – 2008. – p. 67–92.

Архивные материалы

Отчеты о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1980–1987 гг. – Петропавловск, 1980–1988 гг. / Архив отдела археологии Северо-Казахстанского областного музея.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы таежной полосы Среднего Прииртышья: Прилож. к дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1985 / Архив Музея археологии и этнографии Омского гос. ун-та, ф. 13, д. 24.

АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛАЖОРГИНСКОГО ТИПА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Историю исследования рассматриваемых памятников можно условно разделить на два, отражающих интенсивность накопления материалов и их осмысления, этапа:

- с конца 40-х гг. до 70-х гг. XX в.;
- с начала 80-х гг. и до начала 90-х гг. XX в.

Первый период связан с исследованиями советских археологов С.С. Черникова и Ф.Х. Арслановой. Следует отметить, что в этот отрезок времени памятники исследовались не целенаправленно, а попутно – при изучении объектов других эпох.

Исследования памятников кулажоргинского типа начаты в 1948 г. Восточно-Казахстанской экспедицией под руководством С.С. Черникова. Экспедиция имела задачей исследование памятников эпохи бронзы и ранних кочевников по материалам курганных могильников. В результате археологических исследований выяснилось, что в IV–III вв. до н.э. в среде ранних кочевников происходят крупные изменения. В частности, в долине Иртыша появляются состоящие из однотипных курганов могильники. Раскопками были определены границы покрытия территории (верховья Иртыша) и характерный для этой культуры четко выраженный комплекс признаков. По месту первых раскопок она названа кулажоргинской (Черников, 1975, с. 135).

Исследования данной культуры производились у села Кулажорга (I, II, III), у поселков Баты, Тускайын, Пчела, Кызыл ту, Славянка, Юпитер, Малокрасноярка, Усть-Буконь. Ниже приведена краткая характеристика памятников данной культуры.

Курганы размером от 5 до 10 м и высотой до 0,6 м, с насыпью из земли с небольшими камнями. Погребения совершались в грунтовых ямах, в каменных ящиках из гранита и сланца, перекрытых такими же плитами. Усопшие лежат в вытянутом положении, головой на восток и запад. Большинство погребений одиночные и лишь некоторые коллективные. В некоторых курганах

с погребениями в каменных ящиках – скелет лошади головой на восток или череп и кости ног на перекрытии. Сопроводительного инвентаря мало, особенно в более поздних погребениях. Среди них чаще всего встречаются ручной лепки глиняные сосуды кувшинообразной формы и железные орудия.

Исследованные С.С. Черниковым памятники кулажоргинской культуры были подразделены на ранние и поздние (Черников, 1948, с. 5–6). Так, Кулажоргинский могильник датирован IV–III вв. до н.э., а могильник Баты – II–I вв. до н.э. Эти могильники имеют ряд сходств в материалах:

- одинаковая форма и состав могильной насыпи;
- каменные ящики;
- формы сосудов;
- антропологический тип погребенных;
- вытянутое положение костяков и ряд других черт.

Но есть и целый ряд отличий, а именно: если в Кулажорге встречаются бронзовые предметы, то в Баты бронза отсутствует; хвостовые части барана в Кулажорге встречаются лишь в одном случае, а в Баты – почти во всех захоронениях. Усопшие в Баты ориентированы головой на запад и северо-запад, а в более ранних памятниках – на восток.

По предварительным данным 1948 г. (Черников, 1948, с. 6), материальная культура могильника Кулажорга охарактеризована как сакская, а могильник Баты имеет сходство (по керамике) с культурой усуней Северной Киргизии.

В целом особенности погребального обряда, сопроводительного инвентаря (химический состав бронзовых изделий) и, частично, антропологический тип погребенных находят близкие аналогии в усуньских погребениях Жетысу (Семиречье), а некоторые формы керамической посуды схожи с сарматскими сосудами. Также в погребальном обряде имеются черты (захороне-

ния с двумя лошадьми, форма ножей, некоторые формы бляшек), связывающие их с пазырыкской культурой предшествующего времени, что, скорее всего, говорит о преемственности культурных традиций. Наличие в добытых материалах гуннских черт, с точки зрения С.С. Черникова, объясняется тесными контактами в рассматриваемый период кочевников казахских степей с Центральной Азией.

В вопросе об этнической принадлежности памятников были привлечены письменные источники, что дало информацию для отождествления с конкретным племенем (угр), известным по походам хуннского шаньюя Чжи-чжи в I в. н.э. (Таскин, 1973, с. 35–37).

Таким образом, весь массив накопленных данных позволил исследователю датировать культуру в рамках III в. до н.э. – I в. н.э., при этом верхняя хронологическая граница установлена условно.

В 1960–1970 гг. археологические исследования в Восточно-Казахстанской области были возобновлены экспедицией Усть-Каменогорского педагогического института под руководством Ф.Х. Арслановой. В этот отрезок времени экспедицией изучены разновременные памятники с целью наметить преемственность археологических культур и составить относительную хронологическую классификацию. Для решения поставленных задач археологические раскопки производились в трех северных районах области – Предгорненском, Шемонаихинском и Таврическом. Особо нужно отметить раскопки на могильнике у с. Зевакино Шемонаихинского района, так как здесь на протяжении нескольких лет были выявлены памятники, непосредственно имеющие отношение к кулажоргинским. В результате анализа всех категорий добытых материалов подтвердилась близость общности погребального обряда и инвентаря с памятниками кулажоргинского типа. Возможна и их этническая общность (Арсланова, 1969, с. 18). Все эти факты позволили расширить границы распространения культуры.

Начало второго этапа изучения памятников кулажоргинского типа связано с именем одного из ведущих казахских археологов – З.С. Са-

машева, который в 80-х гг. прошлого столетия совместно с другими учеными изучил курганы завершающего этапа эпохи ранних кочевников (Самашев и др., 1988, с. 1–22).

Исследования проводились в зоне затопления Шульбинской ГЭС на Иртыше, расположенной на границе Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей. Работы по спасению памятников ранних кочевников, оказавшихся в зоне затопления, явились, по существу, продолжением тех исследований, которые были начаты С.С. Черниковым и Ф.Х. Арслановой в Верхнем Прииртышье. Раскопанные курганы малочисленны, так как основная их масса почти не попала в зону затопления. Однако новые материалы позволили уточнить периодизацию и этнокультурную принадлежность населения Верхнего Прииртышья.

В Таврическом районе Восточно-Казахстанской области были вскрыты курганы на могильнике Джартаc у совхоза «Убаредмет», Карашат III и Акчий II (Самашев, Трифонов, 1987, с. 95–114). Прделана предварительная работа по классификации и хронологии памятников. В результате все изученные объекты эпохи ранних кочевников по конструктивным особенностям надмогильных сооружений и обряду захоронений подразделены на две группы.

Для первых характерны округлые в плане каменно-земляные наземные сооружения с крепидой и без нее. Высота объектов – от 0,3 до 0,5 м, диаметр – от 4,5 до 7,6 м.

Могильные ямы овальной формы, ориентированы с запада на восток и имеют «колоколо-видное» расширение ближе к перекрытию ящиков. В пяти случаях из шести каменные ящики имели подпорки с внешних сторон. Погребенные люди уложены головами на восток.

Для второй группы характерны овальные в плане ямы, сужающиеся ко дну. Иногда внутримогильное сооружение представлено деревянными рамами. Ориентированы покойники головой на запад. Захоронения одиночные в отличие от первой группы, для которой характерны парные погребения.

Отличия особенностей конструкции наземных и внутримогильных сооружений исследо-

вателями объяснялись не только относительной разновременностью, но и сложностью социальной структуры общества (Самашев, Трифонов, 1987, с. 111–112).

Распространение новых элементов в материальной и духовной культуре в материалах Верхнего Прииртышья, по-видимому, связано с локальными перемещениями некоторых групп населения, а также общим уровнем развития племен в гунно-сарматскую эпоху (Самашев, Арсланова, 1985, с. 28–30).

В 1992 г. археологическая экспедиция Восточно-Казахстанского государственного университета под руководством А.А. Ткачева проводила исследования могильника Кызылташ в Уланском районе Восточно-Казахстанской области (Ткачев, 1993, с. 1–13). На могильнике были изучены разновременные погребальные сооружения. Погребения были ограблены, но несмотря на это, некоторые выводы по культурно-хронологической составляющей исследованных памятников все же были осуществлены. По особенностям погребального обряда и вещевого инвентаря курганы с каменными насыпями соотношены к кулажоргинской культуре (IV–I вв. до н.э.). Добытые материалы способствовали дальнейшему расширению ареала распространения названной культуры.

Таким образом, изучение кулажоргинского типа памятников прошло две стадии накопления археологического материала. Первый период характеризуется интенсивным накоплением материалов, в ходе которых было открыто и исследовано множество могильников. Условно обозначены хронологические рамки культуры, в которой выделены более ранняя и поздняя группы и уточнены вопросы этнической атрибуции памятников. Результаты работ все еще полностью не введены в научный оборот. В первый период, как и во второй, памятники кулажоргинской культуры исследовались не целенаправленно, а попутно, в процессе раскопок разновременных памятников, относящихся к различным временным периодам, что говорит о необходимости целенаправленных работ.

Во второй период продолжается накопление материалов, в ходе которых сделана попытка

уточнить периодизацию и выяснить этнокультурную принадлежность населения Верхнего Прииртышья. Добытые в это время материалы вследствие малого количества исследованных объектов не решили поставленных задач по выявлению многих проблемных вопросов.

На данный момент не решенными остаются следующие проблемы:

- необходимо уточнить процессы, происходившие на начальном этапе (IV–III вв. до н.э.) сложения и развития кулажоргинской культуры;

- необходимо уточнение условно датированной верхней хронологической границы бытования памятников;

- выяснить, чем вызваны локальные перемещения отдельных групп населения в это время и как они повлияли на этнокультурную ситуацию в регионе;

- выяснить, какова историческая судьба населения гунно-сарматской эпохи, носителей кулажоргинской культуры в последующее тюркское время.

В памятниках кулажоргинской культуры в III в. до н.э. – I в. н.э. отмечаются некоторые изменения, которые проистекали на обширных пространствах евразийских степей. Судя по материалам, на первом этапе развития культуры контакты населения Восточного Казахстана с Алтаем были очень тесными. Памятники второго периода находят наибольшую близость с усуньскими погребениями, а некоторые предметы – с изделиями тесинского этапа тагарской культуры. Исследователи, исходя из анализа изученных комплексов кулажоргинской культуры, этнокультурные изменения на завершающем этапе эпохи ранних кочевников связывают с хуннским влиянием. К примеру, в материалах памятников Алтая прослеживаются следы влияния хуннской культуры (Савинов, 1978, с. 48–54). В первую очередь оно сказалось в распространении железа – явной тенденции к уменьшению размеров бронзовых изделий, и как следствие – в появлении некоторых новых форм вещевого инвентаря.

Такие же, сходные по существу изменения происходят и в памятниках кулажоргинской культуры. Найденные в ранних комплексах булан-кобинской культуры Алтая материалы

раннего этапа кулажоргинской культуры, по мнению некоторых исследователей, появились в результате миграций его носителей под давлением хуннов (Тишкин, 2009, с. 198–199). В погребениях поздней группы (II в. до н.э. – I в. н.э.) найдены короткий кинжал с прямым перекрестием, кольчатые и петельчатые ножи, аналогичные тесинским (Черников, 1975, с. 135–136).

Таким образом, описанные сходные изменения на обширных территориях и в частности в Восточном Казахстане свидетельствуют об общем уровне развития племен в гунно-сарматскую эпоху. Для окончательного решения всех проблем, хронологии и этнической атрибуции кулажоргинского типа памятников и выяснения социально-политической обстановки в регионе в гунно-сарматскую эпоху необходимо расширить источниковедческую базу.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М., 1973. – 167 с.

Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – 280 с.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С.132 – 148.

Самашев З. С., Арсланова Ф.Х. Новые материалы по кулажургинской культуре Восточного Казахстана // Археологические исследования в зонах мелиорации: итоги и перспективы их интенсификаций. – Л., 1985. – С. 28–30.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – М., 1978. – Вып. 154 – С. 48–54.

Тишкин А.А. Алтай в хуннское время // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: Сб. материалов Международной науч. конференции «Маргулановские чтения-2008». – Караганда, 2009. – С. 194–199.

Арсланова Ф.Х. Отчет о работе археологической экспедиции Усть-Каменогорского педагогического института за 1968–1969 гг. – Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 120, св.10, с. 1–26.

Самашев З.С., Васютин А.С. Ермолаева А.С. Отчет об археологических исследованиях на территории Восточно-Казахстанской области за 1988 г. – Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 2177, св.166, с. 1–22.

Ткачев А.А. Отчет о полевых археологических исследованиях в Верхнем Прииртышье в 1992–1993 гг. – Архив ИА МОН РК, оп. 2, д. 2424, св.178, с. 1–13.

Черников С.С. Отчет об археологических исследованиях на территории ВКО за 1948 г. – Архив ИА МОН РК, ф. 11, оп. 2, д. 1123, св.71, с. 1–7.

БРОНЗОВЫЕ КЕЛЬТЫ-ТЕСЛА ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

В эпоху ранних кочевников в древней Средней Азии распространяются своеобразные орудия, получившие в научной литературе различные названия, такие как «одношковые кельты», «тесла», «кельты-тесла» и другие. Хотя более всего специфику данных предметов отражает, по нашему мнению, именно последнее название – кельты-тесла, поскольку они сочетали в себе признаки и кельтов, и тесел.

К настоящему времени в нашем регионе известно около двух десятков подобных предметов. Географически они происходят из двух районов – Семиречья (включая культурно тяготеющее к нему в этот период Прииссыккулье)¹ и Приаралья. Помимо этого, единичная находка кельта-тесла известна в Ташкентском оазисе (Чаче) (Ставиский, 1955, с. 126–127, рис 54, 2), но там она, скорее всего, представляет собой импорт из соседнего Семиречья.

Часто одношковые кельты-тесла относят преимущественно к орудиям труда, но нельзя также исключать и возможности их использования в качестве оружия. О.А. Вишневская предполагала, что в качестве оружия использовались только миниатюрные кельты-тесла (Вишневская, 1973, с. 72). Но, к примеру, М.В. Горелик в своей работе, посвященной оружию Древнего Востока, поместил их в таблицу «боевые тесла» (Горелик, 2003, табл. XXVI). На наш взгляд, одношковые кельты-тесла относятся к той категории предметов, которые использовались и на войне и в быту. Однако с учетом высокой милитаризации раннекочевнических обществ можно все же отдать предпочтение в первую очередь их боевому применению, о чем более подробно будет сказано ниже, и лишь во вторую – использованию в хозяйственных целях. К примеру, как отмечает О.А. Вишневская, судя по следам на стенках могил в Уйгараке, подобные орудия могли использоваться для земляных работ, а также для обработки дерева (Вишневская, 1973, с. 72).

Кельты-тесла в зависимости от формы можно подразделить на два близких типа:

Тип 1. В виде песочных часов, т.е. от втулки тулово постепенно сужалось, а затем к лезвию снова начинало расширяться, отчего в средней части получался небольшой, плавно сужающийся перегиб.

К первому типу можно отнести орудия из курганов 25 и 60 из могильника Уйгарак (Приаралье) (рис. 1, 2, 4), из Курдайского клада в Семиречье (рис. 1, 7), Курментинского клада с Иссык-Куля (Плоских, Плоских, 2008)², а также случайную находку из кишлака Баксун в Ташкентском оазисе (рис. 1, 5). Причем в так называемый Курментинский клад входит наибольшее количество кельтов-тесел, найденных вместе – 8 экз., из которых шесть относятся к типу 1 нашей классификации (рис. 2, 3, 4), что несомненно указывает на местное производство этих предметов.

Практически все перечисленные экземпляры одинаковы и варьируют только в размерах. Выделяется несколько очень сходных тесел из кургана 25 Уйгарака и Курментинского клада (№ 6 в таблице), имеющие более удлиненное лезвие и более короткую втулку по сравнению с другими (рис. 1, 2). Почти все рассмотренные экземпляры имеют валик по краю втулки, за исключением некоторых из Курменты (таблица 1, № 6, 8), Курдая и Баксуна.

Кельты-тесла первого типа известны пока что исключительно в Средней Азии, поэтому их, скорее всего, можно считать исключительно местной разновидностью.

Наиболее ранними из всех кельтов-тесел, относящихся к первому типу, можно считать уйгаракские. Первый из них, найденный в кургане 25, сопровождался находками массивных стремявидных удил с узором на стержнях и трехлопастным (трехгранно-трехлопастным) наконечником стрелы с плоским черешком. Все эти предметы датируются в настоящее время VII – первой половиной VI в. до н.э. Второй уйгаракский кельт-тесло хотя и был найден в насыпи кургана 60, у края могилы, все же, скорее всего, синхронен инвентарю данного погребения. В нем также были обнаружены подобные удила, что и в кургане 25, а также массивные парные подпружные пряжки, характерные для VII–VI вв. до н.э. (Вишневская, 1973, с. 106–108). Поэтому есть все основания датировать данные два экземпляра именно этим временем. Тесло, входящее в состав Курдайского клада, может быть датировано VI–V вв. до н.э. по сопровождающим его предметам (в частности, по проушному клевицу с шестигранным обухом, четырем парам кольчатых

удил, массивной подпружной пряжке и двудырчатым псалям), которые достаточно точно определяют его дату³.

Несколько аналогичных экземпляров, найденных в составе Курментинского клада, могут быть отнесены к VI или даже к VII–VI вв. до н.э. В пользу такой датировки говорят найденные вместе с ними кинжал с валиковым навершием, бабчовидным перекрестием и клинком с ребром жесткости, а также обломок боевой части копья с продольным рельефным валиком, которые также являются элементами архаического предметного комплекса, свойственного раннесакскому периоду нашего региона – VII–V вв. до н.э. (Иванов, 2010, с. 95–96).

Что касается кельта-тесла из Ташкентского оазиса, найденного в районе Баксуна, то его датировка затруднена, так как он был найден случайно и без сопровождения другими предметами. Б.Я. Ставиский в свое время датировал его серединой I тыс. до н.э. на основании сибирских и восточно-европейских аналогий (Ставиский, 1955, с. 126–127, рис. 54, 2; Кузьмина, 1966, с. 24, табл. IV, 5). Впрочем, последние в качестве аналогов сейчас не могут быть приняты, так как морфологически достаточно далеки от рассматриваемых. Однако, на наш взгляд, датировка баксунского кельта-тесла вряд ли далека от остальных находок данного типа и также может колебаться в пределах VII–V вв. до н.э. Впрочем, следует отметить, что в Приаралье они существовали по крайней мере в пределах VII–VI вв. до н.э., в то время как Семиречье (включая Иссык-Куль) кельты-тесла использовались более длительный период – в VII–V вв. до н.э., с возможным заходом в начало IV в. до н.э.

Тип 2. Подпрямоугольной формы, с расширяющимся трапециевидным лезвием. Он в целом достаточно близок к теслам типа 1, но не имеет такого хорошо выраженного сужающегося перегиба в средней части.

К этому типу можно отнести два миниатюрных кельта-тесла из курганов 32 и 33 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973, табл. XXI, 1, 3) (рис. 1, 1, 3), а также экземпляр из Каменского клада (Кызласов, 1962, с. 102–105, рис. 2, 4), два – из Курментинского клада (рис. 2, 1, 2) и случайную находку из района Тюпского залива на Иссык-Куле (рис. 1, 6). К этому же типу может быть отнесена случайная находка кельта-тесла из Джамбулской области, который отличается от остальных значительной шириной по отношению к длине (рис. 1,

8). А также к данному типу примыкает бронзовый экземпляр, служивший втулкой биметаллического кевца из кургана 23 могильника Сакар-Чага 6 в Приаралье (Яблонский, 1991, рис. 10, 14), но поскольку он был частью оружия другого типа, поэтому он может быть только косвенно использован при рассмотрении всей совокупности среднеазиатских кельтов-тесел (рис. 1, 9).

Несколько выделяются в данном типе оба кельта из Уйгарака, имеющие миниатюрные размеры. Экземпляр из кургана 32 имеет длину всего 6 см, а ширина лезвия составляет 2,7 см (Вишневская, 1973, табл. XXI, 3). Второй кельт-тесло несколько массивнее и в отличие от первого имеет валик вдоль втулки. Его общая длина составляет 6,2 см, при этом лезвие имеет ширину 3,5 см (Вишневская, 1973, табл. IX, 20; XXI, 1). Остальные экземпляры второго типа имеют размеры, сходные с кельтами первого типа.

Бронзовый кельт-тесло из Джамбула (Тараза) был найден в черте города при случайных обстоятельствах (Попов, 1972, с. 208). По размерам он занимает промежуточное положение между кельтами-теслами обычных размеров и миниатюрными, хотя все же ближе к последним. Однако, несмотря на свои небольшие пропорции, он имеет значительную ширину и отсутствие валика по краю втулки, что выделяет его из всей совокупности кельтов-тесел не только второго, но и первого типа.

Что касается датировки второго типа бронзовых кельтов-тесел с одним ушком, то можно достаточно твердо сказать, что они существовали параллельно с кельтами первого типа. В пользу этого убедительно свидетельствуют опять-таки находки из Уйгарака. В кургане 33 вместе с таким кельтом были найдены стремявидные удила с дополнительным отверстием, датирующиеся VII–VI вв. до н.э. Курган 32, к сожалению, оказался ограблен и по этой причине не может дать исчерпывающей информации о датировке происходящего из него кельта (Вишневская, 1973, с. 28). Третий экземпляр, как упоминалось, был найден в составе Каменского клада, который может быть датирован в настоящее время VI или рубежом VI–V вв. до н.э. В пользу чего говорят сопутствовавшие ему архаический кинжал с рубчатой рукоятью и валиковым навершием, пара массивных кольчатых удил и втульчатый наконечник копья с ребром жесткости – предметы, которые, как упоминалось выше, более характерны для раннесакского предметного комплекса, за исключением кольчатых удил, но

одна пара из четырех, входивших в состав Каменскогоклада, имеет массивные окончания, что свойственно для VI–V вв. до н.э. (Могильников, Елин, 1982, с. 104–106, 108, рис. 2, 11; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 71, рис. 33, 2). Относительно датировки кельта-тесла из района Тюпан ничего определенного сказать нельзя из-за случайных обстоятельств его находки. Кельт из Джамбула был датирован А.П. Поповым VII–VI вв. до н.э. на основе среднеазиатских и минусинских аналогий (Попов, 1972, с. 208).

Дополнительную информацию о времени существования тесел второго типа может дать уже упоминавшийся биметаллический клевец из Сакар-Чаги 6. Л.Т. Яблонский датировал курган 23, где он был найден, на основании комплекса бронзовых наконечников стрел концом VIII–VII вв. до н.э. (Яблонский, 1991, с. 87–88). Действительно, сходные биметаллические клевцы, часто также имеющие под втулкой небольшую декоративную птичью головку, достаточно широко известны в кочевнических памятниках Евразии раннескифского времени (Курочкин, Субботин, 1993, с. 59–65).

Таким образом, собственно на территории Средней Азии кельты-тесла второго типа существовали, по крайней мере, с конца VIII по V в. до н.э. Известны они также и в соседнем Северном Казахстане – в кургане 7 могильника Улубай, помещенного М.К. Хабдулиной в таблицу памятников VIII–V вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, табл. 14, 12). Однако в отличие от первого типа второй тип кельтов-тесел имеет аналогии и за пределами нашего региона.

Практически аналогичные кельты-тесла имеются в Восточном Туркестане – это экземпляры из могильника Чауху IV одноименной культуры раннесакского времени (MeiJianjun..., 2000, fig 2.32, 6), а также случайные находки из района Тачена и долины р. Текес (MeiJianjun..., 2000, fig 3.4, 4–5). То есть восточнотуркестанские кельты-тесла территориально напрямую примыкают к среднеазиатскому очагу распространения подобных предметов и, возможно, составляют с ним единое целое. Хотя малочисленность этих предметов в соседнем регионе заставляет задумываться о возможном среднеазиатском происхождении, но не исключена и возможность их местного производства, так как один кельт-тесло был найден в Чауху IV – могильнике, датирующемся на основе радиоуглеродного анализа достаточно ранним временем: 1000–500 гг. до н.э. (MeiJianjun..., 2000, p. 15–16; Худяков, Комиссаров, 2002, с. 55–60).

Подобные кельты-тесла, в том числе и миниатюрные, отмечены также и в Минусинской котловине. Здесь также имеются прямые аналогии джамбулскому кельту (Грязнов, 1941, табл. VIII, 5, 6). В свое время М.П. Грязнов выделил их в тип V группы IV минусинских кельтов, которую датировал VII–III вв. (Грязнов, 1941, с. 264, табл. VIII, 7, 8). Однако в настоящее время верхняя граница существования одноушковых кельтов, предложенная М.П. Грязновым, не может быть принята, о чем ранее уже писала О.А. Вишневская (Вишневская, 1973, с. 73). Так, аналогичный кельт имеется на памятнике Ближние Елбаны VII в Лесостепном Алтае, материал из которого датируется VII–VI вв. (Степная полоса... 1992, таб. 69, 27). Здесь же, на Алтае, среди древностей староалейской культуры отмечено два практически одинаковых кельта (памятники Фирсово XIV и Староалейка), которые по пропорциям стоят ближе к миниатюрным кельтам, чем к «полноразмерным». Однако в отличие от остальных кельтов-тесел они относятся к несколько более позднему времени – V–IV вв. (Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 129–135, рис. 13, 4; Фролов, 2001, с. 152, рис. 1, 15), что может указывать на возможное более длительное бытование подобных предметов и на территории Средней Азии, но данных об этом у нас пока нет. Несколько кельтов-тесел второго типа были найдены и в Горном Алтае, но они являются там случайными находками. Впрочем, в первом Пазырыкском кургане найдена сломанная деревянная рукоять, на которую насаживался кельт-тесло, что несколько проливает свет на верхнюю границу бытования подобных предметов. Как считает А.С. Суразаков, кельты-тесла, сложившись в конце эпохи бронзы, использовались местным алтайским населением на протяжении всего раннескифского времени и в начале пазырыкского периода, т.е. во временном интервале VIII–V вв. до н.э. (Суразаков, 1997, с. 129–130, рис. VI).

Специфический кельт из Джамбула (Тараза), стоящий несколько особняком от основной группы кельтов-тесел второго типа, имеет очень близкие параллели из Минусинской котловины (Грязнов, 1941, табл. VIII, 5), что может указывать на его возможное южносибирское происхождение. В пользу этого свидетельствует единичность находки, из чего, соответственно, можно сделать вывод о том, что такого облика кельты-тесла были слабо распространены в древней Средней Азии. Помимо этого, следует также отметить, что очень сходный с джамбулским кельт был найден в Туве, но он

является там случайной находкой и, следовательно, не имеет твердой узкой датировки (Маннай-Оол, 1970, рис. 9, 1). Вполне вероятно, что он также является импортом из соседней Минусинской котловины. Что же касается нашего кельта, то в целом аналогии могут указывать на хронологическое положение джамбулского кельта-тесла в пределах VII–V вв. до н.э. С другой стороны, никак нельзя не отметить его морфологическое сходство с названным кельтом из Андреевского клада эпохи бронзы, что позволяет отодвинуть его датировку к началу указанного временного периода.

Итак, аналогии в целом подтвердили датировку второго типа концом VIII–V вв. до н.э. и позволили очертить границы территории его распространения, которая охватывала Приаралье, Семиречье, Восточный Туркестан, Северный Казахстан, Алтай, Минусинскую котловину и Туву. Это показывает, что кельты-тесла второго типа в эпоху раннего железного века были территориально распространены гораздо шире, нежели экземпляры первого типа. Это ясно указывает на среднеазиатское происхождение и распространение кельтов-тесел первого типа, причем, как было показано выше, они имеются и в Приаралье, и в Семиречье. В связи с этим не кажется необычной несколько более ранняя датировка второго типа, поскольку можно предположить, что кельты-тесла с небольшим перегибом в средней части (первый тип) произошли от тесел второго типа и на их генезис потребовалось некоторое время. Но, с другой стороны, кельты-тесла с лобным ушком нельзя, по видимому, признать местной формой, поскольку в эпоху финальной бронзы в Средней Азии практически неизвестны их прямые прототипы, за исключением одного прототипа из Андреевского клада бронзовых изделий из Семиречья (Самашев и др., 2005, фото на с. 26 и 28), который твердо датируется по своему составу позднебронзовым периодом. Скорее всего, этот кельт-тесло был отлит здесь же, в Семиречье, поскольку Андреевский клад относится к категории так называемых кладов литейщика, но единичность подобной находки вызывает сомнения в прямой генетической связи между ним и тесловидными кельтами сакской эпохи. К тому же имеются и морфологические различия: андреевский кельт имеет широкое прямоугольное тулово и округлую втулку.

Следует также отметить и вторую находку тесла с одним ушком из Чуйской долины, относя-

щуюся к периоду поздней бронзы, но оно также выделяется более крупными размерами и наличием боковых уступов в средней части (Кузьмина, 1966, табл. IV, 6). И, таким образом, данное тесло имеет значительные морфологические отличия от нашей группы кельтов-тесел и, возможно, было предметом импорта, о чем говорит сама уникальность этой находки.

В то же время минусинская группа одноушковых кельтов-тесел, типологически очень близкая нашим, имеет прямые прототипы среди так называемых тесел с «пещеркой» эпохи финальной бронзы Южной Сибири, значительная часть из которых имеет лобное ушко, а также сходные форму и пропорции (Грязнов, 1941, с. 260, 262–264, табл. IV, 1, 7, 8). Поэтому налицо происхождение минусинских кельтов-тесел эпохи ранних кочевников от позднебронзовых прототипов. Вероятно, на заре раннего железного века они распространились на запад – в Среднюю Азию и Казахстан, на что явно указывает сходство кельтов второй группы, даже их специфических типов, с некоторыми южно-сибирскими. Просуществовав, в целом, около трехсот лет, кельты-тесла исчезают в V в. до н.э., причем, в Приаралье это произошло, видимо, на столетие раньше – еще в VI вв. до н.э. Что послужило причиной выхода их из употребления – не совсем ясно. Вероятно, это было связано с дальнейшим развитием комплекса вооружения, в частности, с появлением более эффективных средств ведения ближнего боя, ими могли быть длинные всаднические мечи, с которыми кельты-тесла не могли конкурировать. Процесс их распространения в древней Средней Азии как раз зафиксирован в VI–IV вв. до н.э. (Иванов, 2008, с. 38–40).

Как предполагала О.А. Вишневская, только миниатюрные кельты-тесла использовались в качестве оружия, в то время как полноразмерные применялись как орудия труда (Вишневская, 1973, с. 72). Но с этим нельзя полностью согласиться, так как они очень близки к древнетюркским боевым теслам, большая часть которых, как отмечает С.П. Нестеров, была найдена в погребениях легковооруженных воинов. Действительно, боевые тесла древних тюрков разительно похожи на рассматриваемые нами кельты-тесла, при этом они не намного крупнее последних: по размерам они сопоставимы с небольшими боевыми теслами VIII–X вв. (Нестеров, 1981, с. 168–172). Вероятно, и наши кельты-тесла использовались именно легковооруженными всадниками в ближнем бою в качестве рубящего оружия.

То, что рассматриваемые орудия использовались именно в качестве тесел, наглядно указывает находка в кургане 33. Во втулке орудия сохранились остатки коленчатой деревянной рукояти. Как указывает О.А. Вишневская, «рукоятка обращена в сторону ушка, внутренний изгиб колена находится от края втулки на расстоянии трех сантиметров» (Вишневская, 1973, с. 72, табл. XXI, 1). Петляушко в данном случае служила, скорее всего, для дополнительной фиксации тесла к деревянной рукояти при помощи обмотки, что в свою очередь препятствовало ее обламыванию у основания во время сильного удара. О длине рукояти мы можем только догадываться, но если предположить, что кельт-тесло было оружием именно всадника, то ее длина была не меньше рабочей длины всаднического меча, т.е. составляла около 60–70 см. Кстати, сходную длину имели деревянные рукояти чеканов из Горного и Лесостепного Алтая, где, как считает В.А. Кочеев они выполняли ту же самую роль, что и длинные мечи в западной части скифо-сибирского мира (Кочеев, 1999, с. 81). Поэтому по аналогии можно предположить, что рукояти сходной длины имели рассматриваемые нами кельты-тесла.

Таким образом, несмотря на некоторые морфологические различия, кельты-тесла обоих типов объединены общими признаками, тем более что некоторые из них сочетают в себе признаки обоих типов, как, например, кельты-тесла из Каменского кладя и из кургана 25 могильника Уйгарак. К таким признакам относятся: подпрямоугольная или квадратная втулка, клиновидный профиль, трапециевидное лезвие, лобное ушко, расположенное близко к краю втулки и наличие слабо выраженного валика по краю втулки, который отсутствует только у некоторых экземпляров. Все кельты-тесла, кроме того, были изготовлены по одинаковой технологии: отлиты в двусоставных формах, о чем свидетельствуют продольные литейные швы на втулках. Все это ясно говорит об их едином источнике происхождения, который, скорее всего, находился на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века в Южной Сибири, и немного позднее – примерно в VIII в. до н.э. – вместе с другими предметами архаического раннекочевнического комплекса они были привнесены в древнюю Среднюю Азию. Здесь они достаточно прочно вошли в вещевой комплекс местных сакских культур и применялись в военных, реже – в хозяйственных целях на протяжении нескольких столетий, вплоть до рубежа V и IV вв. до н.э., пока не были вытеснены более эффективными видами оружия из железа.

Интересен также тот факт, что после вытеснения кельтов-тесел, они не сохраняются и как просто орудия быта пригодные для обработки дерева и земляных работ, по крайней мере, с IV в. до н.э. они практически не известны. Это косвенно может свидетельствовать об их преимущественном применении именно в качестве оружия. В то время как в Южной Сибири традиция использования тесел не прерывалась, так как уже в III–I вв. до н.э. там известны их железные аналоги, которые несколько отличаются от своих первоначальных бронзовых прототипов, в частности тем, что деревянная рукоять теперь зажималась двумя ушками с тыльной стороны орудия (Давыдова, 1985, рис. VIII, 17; Степная полоса... 1992, табл. 94, 31). Но генетическая связь железных и бронзовых тесел несомненна, а их отличия были продиктованы только лишь техникой изготовления: теперь они не отливались, а выковывались, поэтому и происходит изменение принципа крепления рукояти. Толком не известно, использовались ли железные тесла хунно-сарматского времени только как орудия труда или также служили оружием, как в раннем железном веке. Несомненно то, что они являются прямыми генетическими предшественниками боевых тесел древнетюркской эпохи. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что в Южной Сибири традиция использования тесел не прерывалась с эпохи поздней бронзы по раннее средневековье, чего нельзя сказать про территорию Средней Азии.

После выхода из употребления кельтов-тесел, примерно на рубеже V и IV вв. до н.э., традиция их изготовления здесь прерывается, что во многом, вероятно, было также связано и с процессом окончательной победы железа над бронзой в нашем регионе. Действительно, судя по археологическим данным, начиная с IV вв. до н.э. большая часть предметов быта и оружия изготавливается именно из железа. В то время как в той же Южной Сибири они сменяются железными аналогами, давшими начало боевым теслам тюркского времени, также появляющимся в Средней Азии в раннем средневековье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Причем именно с Прииссыккуля происходят порядка четырнадцати кельтов-тесел, где они, несомненно, и производились.

² Курментинский клад представляет собой сборный клад бронзовых предметов, найденных в 2003 г. в заливе рядом друг с другом неподалеку от одноименного села на Иссык-Куле, состоящий из кельтов-тесел, серпов (серповидных ножей), наконечников копий, колчаных крюков, кинжалов и др. предметов. В настоящее время он хранится в музее Кыргызско-Славянского университета (КРСУ).

³ Курдайский клад подготавливается к публикации автором.

Вишневская О.А. Культура саков низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). – М.: Наука, 1973. – 167 с.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. – М.: Атлант, 2003. – 336 с.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты. // Труды ОИПК ГЭ. – Л., 1941. – Т. 1. – С. 237–271.

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс, памятник сунну в Забайкалье. – Л., 1985. – 111 с.

Иванов С.С. Железные всаднические мечи Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2008. – Вып. 3. – С. 34–40.

Иванов С.С. Кинжалы (акинаки) ранних кочевников Северного Кыргызстана // Этносоциальные и этнокультурные процессы в Центральной Азии: история и современность. – Бишкек, 2010. – С. 94–104.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 115–135.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – Ч. 2. – 234 с.

Кочев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – № 4. – С. 79–88.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М., 1966. – 149 с. (САИ; В4–9).

Курочкин Г.Н., Субботин А.В. Боевые чеканы (клепцы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира (к проблеме происхождения и распространения) // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск, 1993. – Ч. 2. – С. 59–65.

Кызласов Л.Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 102–108.

Маннай-Оол М.К. Тува в скифское время. – М.: Наука, 1970. – 118 с.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 103–109.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе: Илим, 1988. – 192 с.

Мокрынин В.П., Плоских В.М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. – Бишкек, 1992. – 208 с.

Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 168–172.

Плоских В.М., Плоских В.В. Подводные тайны Иссык-Куля. – Бишкек, 2008. – 87 с.

Попов А.П. Находки сакского времени в Джамбульской области // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 206–209.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы, 2005.

Ставиский Б.Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИ-ИМК. – 1955. – Вып. 60. – С. 125–129.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.

Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 127–137.

Фролов, Я.В. Староалейская культура // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С. 149–155.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алма-Ата: Ракурс, 1994. – 170 с.

Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – 156 с.

Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА. – 1991. – № 1. – С. 72–90.

MeiJianjun Copper and bronze metallurgy in late prehistoric Xinjiang. – Oxford, 2000. – 176 pp.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМ РАННЕСАРМАТСКОГО КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ

Во второй половине V – начале IV в. до н.э. инновации в материальной культуре населения Южного Урала проявились прежде всего в появлении новых форм клинкового оружия – мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием, с прямым перекрестием и навершием различной формы.

Период бытования на Южном Урале мечей и кинжалов со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием («переходного» типа) относили первоначально, опираясь на работы М.Г. Мошковой, к IV в. до н.э., указывая, что в комплексах рубежа IV–III вв. до н.э. они уже не встречаются (Мошкова, 1963, с. 33, 34, табл. 18, 5–10; 1974, с. 24; 1989, с. 27; Клепиков, 1998, с. 8; Васильев, 2001, с. 40, 43). К.Ф. Смирнов допускал появление клинкового оружия «переходного» типа уже в V в. до н.э. Он, в частности, отмечал, что в IV в. до н.э. в Южном Приуралье «...сохраняется еще много переходных форм, появившихся уже в V в. до н.э.: мечи с дуговидным или сломанным под тупым углом брусковидным перекрестием и слабо изогнутым коротким навершием» (Смирнов, 1989, с. 172; см. также: Смирнов, 1981, с. 84; 1984, с. 17). Данное положение поддержал В.Ю. Зуев (Зуев, 1998, с. 144, 148). М.К. Хабдулина на основании новых находок в Северном Казахстане также пришла к выводу о возможности удревнения даты кинжалов этого типа до рубежа V–IV вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, с. 56). С.Ю. Гуцалов высказал точку зрения о появлении мечей «переходного» типа в степях Южного Зауралья не позднее середины V в. до н.э. (Гуцалов, 2001, с. 73). К наиболее ранним он отнес обломок меча из могилы 2 кургана 26 могильника Новый Кумак (Смирнов, 1977, рис. 16, 4) и меч из погребения 1 кургана 4 могильника Три Мара (Смирнов, 1981, рис. 7, 7). Временем не позднее V в. до н.э. датировал К.Ф. Смирнов меч, найденный в районе города Вольска, с антенным навершием и узким перекрестием, согнутым под тупым углом (Смирнов, 1961, с. 19, рис. 3, 3). А.С. Скрипкин не исключает для него и более поздней даты (Скрипкин, 2007, с. 47, рис. 4, 1).

По нашему мнению, первые образцы мечей и кинжалов «переходного типа» появляются в Южном Зауралье во второй половине V в. до н.э. Именно этим временем следует датировать погребение 1 кургана 4 могильника Три Мара, меч из могилы 2 кургана 26 могильника Новый Кумак. Этим же временем датируется и Березовский курган, в комплекс инвентаря которого входит длинный железный меч со слегка изогнутым брусковидным навершием и дуговидным перекрестием (Хабдулина, Малютина, 1982, рис. 1, 10). В пределах второй половины V в. до н.э. датируется погребение в могильной яме 3 кургана 1 могильника Агаповские горы IV, где найден железный меч с брусковидным (?) навершием и дуговидным («узким бабочковидным» – по С.Ю. Гуцалову и С.Г. Боталову) перекрестием. Железный меч с серповидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием из могильной ямы 4 этого же кургана авторы публикации датировали началом IV в. до н.э. (Гуцалов, Боталов, 2001, с. 153, 154, рис. 3, 2; 4, 36). Рубежом V–IV вв. до н.э. датирует С.Ю. Гуцалов погребение в кургане 12 могильника Атра I, расположенного в восточных предгорьях Мугоджар, в среднем течении реки Иргиз. Из этого погребения происходит железный меч с брусковидным навершием и перекрестием в виде бруска, сломанного под тупым углом (Гуцалов, 2001, с. 71, 73, рис. 4, 4). Меч с изогнутым брусковидным навершием и сломанным под тупым углом (почти прямым) перекрестием, концы которого слегка приподняты, найден в кургане 1 могильника Филипповка, который датируется, на наш взгляд, в рамках конца V – начала IV в. до н.э. Из кургана 3 этого же могильника происходит железный меч с таким же навершием и сломанным под тупым углом перекрестием, близким по форме перекрестию меча из кургана Иссык (Пшеничнюк, 2002, с. 18, 30; 2003, с. 16). Меч из кургана Иссык, по определению К.А. Акишева, имеет узкое бабочковидное перекрестие (Акишев, 1978, с. 30, табл. 24), чрезвычайно близкое сломанному под

тупым углом. Как считал К.А. Акишев, вероятной датой этого меча является вторая половина V – IV в. до н.э. Кинжал с почковидным или бабочковидным перекрестием и навершием в виде двух голов грифонов из этого же кургана, по его мнению, может датироваться концом VI – V вв. до н.э. Анализ других предметов из Иссыка позволил К.А. Акишеву отнести весь курган к V в. до н.э. (Акишев, 1978, с. 35, 39).

Началом IV в. до н.э. датируется, очевидно, погребение 10 кургана 23 могильника Покровка 2 с длинным железным мечом, имеющим прямое брусковидное навершие и дуговидное перекрестие (Яблонский, Трунаева, Веддер, Дэвис-Кимболл, Егоров, 1994, с. 51–54, рис. 92, 33). Среди серии южноуральских мечей и кинжалов с узким бабочковидным или крыльевидным перекрестием, объединяемых В.Н. Васильевым в тип III отдела I, выделяются экземпляры с действительно узким перекрестием, приближающимся к сломанному под тупым углом и к сломанному под тупым углом с приподнятыми концами. Навершия их брусковидные, антенные, волютообразные. Все они датируются в пределах V в. до н.э. (Васильев, 2001, с. 36–38, рис. 4, 7, 8; 5, 1, 3, 4, 6, 9, 10).

Единичные кинжалы и мечи с прямым перекрестием и разной формой навершия (серповидное, прямое, рожковидное) на Южном Урале появляются в IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 27, рис. 7, 12; 1989, с. 172; Васильев, 2001, с. 44–45; Гуцалов, 2007, табл. 1, 13), возможно, даже в его первой половине или, как отмечает С.Ю. Гуцалов, в самом начале IV в. до н.э. (Гуцалов, 2000, с. 54), но ведущей формой становятся с рубежа IV–III вв. до н.э. и существуют, за исключением, очевидно, кинжалов с прямыми перекрестием и навершием, на всем протяжении прохоровской культуры (Мошкова, 1963, с. 34, табл. 18, 16–23, 25–27; 19, 1–19; Мошкова, Кушаев, 1973, с. 264; Клепиков, 1998, с. 9; Гуцалов, 2000, табл. 101, 1, 2; 2007, табл. 1; Федоров, 2001, с. 182; Васильев, 2001, с. 44, 45). В плане раннего появления клинкового оружия с прямым перекрестием интересен кинжал IV в. до н.э., найденный у деревни Талалаевка в Башкирии, а также кинжал из погребения 2 кургана 3 могильника Имангазы-Карасу. Первый имеет узкое прямое перекрестие, двутавровую с желобком посередине рукоять и простое антенное навершие (Горбунов, Исмаги-

лов, 1976, с. 243, 244, рис. 2, 25). У второго слабо изогнутое брусковидное навершие и массивное брусковидное перекрестие. Кинжалы же с прямыми перекрестием и навершием во II–I вв. до н.э. уже неизвестны (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 51). Отметим также, что, по мнению А.С. Скрипкина, мечи с прямым перекрестием и серповидным навершием¹ сложились к рубежу IV–III вв. до н.э., но начинают встречаться в Южном Приуралье и особенно к западу от него, как правило, не ранее III в. до н.э. (Скрипкин, 1990, с. 117; Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 32).

Несколько кинжалов с дуговидным перекрестием и различным оформлением навершия происходит с Алтая и прилегающих к нему территорий. Железный кинжал с зооморфным навершием в виде двух орлиных голов и узким дуговидным перекрестием, найденный в кургане 19 могильника Новый Шарап I, датируется Т.Н. Троицкой V–IV вв. до н.э., а В.А. Могильниковым – второй половиной V–IV вв. до н.э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 36, табл. XIX, 10; Могильников, 1997, с. 42, рис. 36, 1). П.И. Шульга включает его в число наиболее ранних кинжалов каменской культуры и датирует второй половиной VI в. до н.э. К ранним он относит и кинжал дуговидным перекрестием и овально-кольчатым навершием из могилы I кургана 15 могильника Новотроицкий-1. Из некрополей Новотроицкий-1 и 2 происходит еще несколько кинжалов с дуговидным перекрестием, в том числе с овально-кольчатым навершием (Шульга, 2007, с. 144–147, рис. 1, 1; 2, 2, 3, 12; 3, 14, 16).

Два кинжала с узкими слабо дуговидными, почти прямыми, перекрестиями, датированные IV в. до н.э., найдены на горе Пикет близ с. Сростки на Катуни. У одного из них навершие волютообразное, а у другого – монетовидное (Могильников, 1997, с. 44, рис. 39, 4, 5). Кинжал с волютообразным навершием, найденный на водоразделе реки Сухая Чемровка под Бийском, имел сломанное под углом или дуговидное перекрестие. Исходя из времени существования кинжалов с дуговидным или сломанным под углом перекрестием у сарматов Южного Приуралья, эти кинжалы датированы IV в. до н.э. (Иванов, 1993, с. 99, 100, рис. 2, 3–5; Могильников, 1997, с. 44, рис. 37, 8). В число кинжалов из комплексов VI – первой половины V в. до н.э. или середи-

ны VI–V вв. до н.э. П.И. Шульга включил плохо сохранившийся железный кинжал из Староалейки-2. У него кольцевое навершие и широкое, сло-манное под тупым углом перекрестие (Шульга, 2007, с. 153, рис. 3, 20; Кубарев, Шульга, 2007, рис. 64, 18).

Из случайных находок оружия ближнего боя в Горном Алтае известен бронзовый боевой кинжал с частично прорезной рукоятью, низким сегментовидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием (Кочеев, 1998, рис. 2, 19; 1999, рис. 5, 1).

Таким образом, кинжалы с дуговидным перекрестием и разной формой навершия существовали на Алтае уже в период середины VI–V вв. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 74, рис. 64).

Наиболее древним кинжалом с серповидным навершием в урало-казахстанских степях является, вероятно, железный кинжал с такой формой навершия и бабочковидным перекрестием из кургана 1 могильника Бесоба на Илеке, датированный по комплексу наконечников стрел второй половиной VI – началом V в. до н.э. (Кадырбаев, Курманкулов, 1977, с. 104, 113, 114, рис. 2, 8).

Меч с серповидным навершием и сердцевидным перекрестием найден в Верхнем Приобье у с. Горьковское. Ряд его архаических черт, такие как форма перекрестия и клинка, двутавровая с валиками по краям рукоять, позволяют датировать его концом VI–V вв. до н.э. (Кирюшин, Иванов, Бородаев В.Б., 1995, с. 99, 100) или V – началом IV, а возможно, и V–IV вв. до н. э. (Могильников, 1997, с. 45, рис. 39, 1). Из лесостепного Алтая известно также несколько мечей и кинжалов с прямым перекрестием и серповидным навершием. Это меч из разрушенного погребения у с. Калистратиха конца IV в. до н.э. (Кирюшин и др., 1995, с. 101) или IV в. до н.э. (Могильников, Уманский, 1997, с. 122) и меч с серповидным навершием, прорезной рукоятью и прямым навершием из с. Ключи. По мнению В.А. Могильникова, с которым можно согласиться, меч из с. Ключи следует датировать не концом IV–III (Уманский, 1970, с. 178, рис. 7), а IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 45, рис. 39, 2). Подобный меч из кургана 10 могильника Агалыксай в Согде О.В. Обельченко датировал IV в. до н.э. (Обельченко, 1978, с. 117, рис. 1, 2).

Все эти находки позволили барнаульским археологам высказать мнение о том, что при-

алтайские степи были тем районом, где происходило формирование мечей с серповидным навершием, а также наметить схему их развития в лесостепном Алтае. «Появившись в конце VI–V вв. до н.э..., к концу V, в IV в. до н.э. они сменяются мечами и кинжалами с узким, промежуточным между бабочковидным и «сломанным под углом» перекрестием..., а к концу IV в. до н.э. появляется тип с прямым перекрестием..., который в III–II вв. до н.э. некоторое время сосуществует со ставшими более популярными и распространенными в это время мечами и кинжалами с кольцевым навершием» (Кирюшин и др., 1995, с. 100, 103; см. также: Могильников, 1997, с. 45). Полностью соглашаясь с предложенной схемой, следует только, в связи с передатировкой меча и кинжала из с. Ключи и с. Калистратиха, отнести время появления мечей и кинжалов с прямым перекрестием и серповидным навершием не к концу IV в. до н. э., а к IV в. до н. э.

На Южном Урале кинжалы и мечи с серповидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием датируются IV в. до н.э. К IV в. до н.э. М.Г. Мошкова отнесла и меч с серповидным навершием и сердцевидным перекрестием из кургана 4 могильника на реке Чеган под Уральском (Мошкова, 1963, с. 34, табл. 18, 11–14).

Наиболее ранним кинжалом с рожковидным навершием является, вероятно, кинжал из кургана 1 могильника Айдабуль II в Северном Казахстане. Его рожковидное навершие сочетается с бабочковидным перекрестием. Первоначально могильник датировался V–IV вв. до н.э. (Акишев, 1959, с. 20, 21, рис. 15), впоследствии на основе анализа наконечников стрел могильник был передатирован и отнесен к рубежу VI–V вв. до н. э. (Акишев, Кушаев, 1963, с. 120)². Из этого же региона (кургана 6 могильника Берлик II) происходит железный кинжал с подтреугольным (ложнотреугольным) перекрестием и рожковидным навершием V–IV вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, с. 55, 56, рис. 52, 9). Рубежом VI – V вв. до н.э. датирует С.Ю. Гуцалов погребальный комплекс Жалгыз-Оба в верховьях Илека, из которого происходит меч с «рогатковидным навершием и бабочковидным перекрестием» (Гуцалов, 2007, с. 11–12, табл. 1, 5).

Железный кинжал с рожковидным навершием и сломанным под углом, близким к ба-

бочковидному, перекрестием и рукоятью с глубокими продольными желобками из кургана I могильника Гилево X (северо-западные предгорья Алтая) В.А. Могильников датировал концом V–IV вв. до н.э. Основанием для этого послужили аналогии среди мечей Южного Урала (Могильников, 1990, с. 83, рис. 1, 6; 1997, с. 43, рис. 37, 5). Два кинжала с рожковидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием с выпрямленными или приподнятыми концами из Новотроицкого II могильника в Верхнем Приобье также датируются им по сарматским аналогиям IV или IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 43, 44, рис. 37, 6, 7).

Бронзовый кинжал с рожковидным навершием, прорезной рукоятью и прямым перекрестием найден в могильнике Кызыл-Ту (Восточный Казахстан, долина Иртыша). Н.А. Боковенко и Ю.А. Заднепровский отнесли его к группе памятников буконовского этапа – конец VI–IV вв. до н.э., а М.К. Кадырбаев включил в группу кинжалов с рожковидным навершием V–III вв. до н.э., куда входит, по его мнению, и кинжал из Айдабуля. Отметив распространение кинжалов с такой формой навершия в Южной Сибири и Средней Азии, М.К. Кадырбаев обратил внимание на «...определенное сходство рожковидных наверший восточной серии акинаков с навершиями ряда мечей раннепрохоровской культуры» (Кадырбаев, 1968, с. 28, рис. 1, 29, 30; Боковенко, Заднепровский, 1992, с. 143, табл. 56, 31).

По сарматским аналогиям концом IV–III вв. до н.э. датировали В.А. Могильников и А.П. Уманский железный кинжал с прямым навершием, прорезной рукоятью и прямым перекрестием из кургана 16 Новотроицкого II могильника в Верхнем Приобье. При этом они отмечают, что найденные вместе с кинжалом пряжка и бляхи поясного набора по стилю изображений «соответствуют изобразительному искусству пазырыкцев и саков конца V – IV–III вв. до н.э.» (Могильников, Уманский, 1997, с. 120, 123, рис. 1, 6; Могильников, 1997, с. 46, рис. 37, 4). Бронзовый кинжал такой же формы найден в погребении IV в. до н.э. кургана 23 могильника Юстыд XII на Алтае (Кубарев, 1991, с. 133, табл. LI, 33). Кургана 13 могильника Кайнду (Горный Алтай), где найден миниатюрный бронзовый кинжал с прямым навершием и прямым перекрестием, датируется V–IV вв. до н.э. (Неверов, Степано-

ва, 1990, с. 257, 269, рис. 12, 1). К пазырыкскому этапу пазырыкской культуры относится курган 7 могильника Кок-Эдиган (Горный Алтай), из которого происходит бронзовый кинжал с прямым перекрестием, прорезной рукоятью и дуговидным перекрестием (Антонова, Худяков, 1998, рис. 2, 1).

Серия кинжалов с прямым брусковидным навершием, со сплошной или прорезной рукоятью и различной формой перекрестия происходит из курганов V–IV вв. до н.э. в долине Узунтала (Горный Алтай). Среди них есть кинжал с узким бабочковидным, близким к сломанному под тупым углом, перекрестием и кинжал со слегка изогнутым дуговидным перекрестием (Савинов, 1993, с. 13, рис. 2; 3).

Железный кинжал с прямым навершием и узким, сломанным под тупым углом перекрестием, напоминающем по форме узкое бабочковидное, из кургана 2 могильника Урнек М.К. Хабдулина первоначально датировала IV в. до н.э. Однако в дальнейшем, отмечая архаические черты, выделяющие данный кинжал среди стандартных образцов раннесарматского оружия, она предположила, что «...возможно, накопление материала позволит в дальнейшем удревнить дату данного типа, опустив ее до рубежа V–IV вв. до н.э.», и датировала его концом V–IV вв. до н.э. (Хабдулина, 1994, с. 56, 70, 71, табл. 22, 8; 52, 10).

Исходной территорией распространения клинкового оружия со сломанным под тупым углом, дуговидным и прямым перекрестием являются, на наш взгляд, Северный и Северо-Западный Китай и Западная Монголия³. Среди разнообразных перекрестий бронзовых кинжалов из этого региона есть перекрестья в виде бруска, изломанного под прямым углом, дуговидные с приподнятыми окончаниями, узкие бабочковидные, приближающиеся по форме к сломанному под тупым углом, а также сломанные под тупым углом. Датируются они, как правило, в пределах VII–V вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, 25, рис. 1, 7, 11, 15, 16; Kaogu, 1984, № 8, p. 746; Maoqinggou, 1992. Abb. 13, 3; 22, 1; Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986, с. 5, 6, 13). Такие же кинжалы, чаще всего с навершием в виде противопоставленных голов хищных птиц, известны в Минусинской котловине, Туве и на Алтае (Maoqinggou, 1992. Abb. 56). Прямые перекре-

ствия известны в Северном Китае еще с раннесакского времени (Maoqinggou, 1992. Abb. 45, A, 1; B, 1; Wenwu, 1989. № 8, p. 27). Здесь же известны и железные кинжалы со сломанным под тупым углом перекрестием и кольцевым, овальным или слегка изогнутым брусковидным навершием, датируемые в пределах V–III вв. до н. э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, 25, рис. 1, 9, 10; Maoqinggou, 1992. Abb. 4, 4; 18, 3; 19, 19).

Характеризуя искусство кочевников Южного Урала второй половины VI – третьей четверти V в. до н.э., Е.В. Переводчикова и автор отмечали его самобытность и отличие от одновременного «пазырыкского» искусства звериного стиля Алтая и прилегающих к нему территорий Монголии и Китая. Появление на Южном Урале в третьей четверти V в. до н.э. новой волны кочевников, носителей традиций «пазырыкского» искусства, привело к распространению этого стиля и на Южном Урале (Переводчикова, Таиров, 2010). Практически ту же картину рисует нам и клинковое оружие второй половины VI–IV вв. до н.э. Южного Урала, Алтая, Западной Монголии и Северо-Западного Китая.

Появление на Южном Урале, прежде всего в Южном Зауралье, образцов клинкового оружия со сломанным под тупым углом или дуговидным перекрестием привело, на наш взгляд, к возникновению гибридных форм мечей и кинжалов. В них сочетаются навершия, характерные для предшествующего времени (широкие брусковидные, антенные, волутообразные, когтевидные и т.п.) и перекрестия, соединяющие в себе признаки бабочковидных или подтреугольных и сломанных под тупым углом или дуговидных – узкие бабочковидные или крыльевидные. Существовали они достаточно короткое время, и абсолютное большинство их не выходит за рамки V в. до н.э., и датируются они, по нашему мнению, второй половиной V в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить также, что А.С. Скрипкин в группу клинкового оружия с серповидным навершием включает, помимо кинжалов с собственно серповидным навершием, также и кинжалы со слабо изогнутым брусковидным и рожковидным навершием (Скрипкин, 1990, с. 117).

² Однако М.К. Кадырбаев придерживался первоначальной датировки этого памятника (Маргулан и др., 1966, с. 380).

³ Семиреченско-центральноазиатские истоки южноуральских мечей и кинжалов с серповидным навершием и прямым перекрестием не исключает и С.Ю. Гуцалов (Гуцалов, 2000, с. 55).

Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Археология. – 1959. – Т. 7. – С. 3–25.

Акишев К.А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 321 с.

Антонова О.В., Худяков Ю.С. Погребения воинов в памятниках пазырыкской культуры Средней Катуни (по материалам раскопок Южно-Сибирского отряда САКЭ ИАЭ СО РАН) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. – С. 17–20.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 140–148.

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. – Уфа: Гилем, 2001. – 153 с.

Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. – 1976. – № 3. – С. 229–247.

Гуцалов С.Ю. Культура ранних кочевников Орско-Уральского междуречья в VII–I вв. до н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000.

Гуцалов С.Ю. Одиночные курганы и погребения прохоровской культуры восточных районов Южного Приуралья // История и культура Арало-Каспия. – Алматы: Күс жолы, 2001. – Вып. I. – С. 67–81.

Гуцалов С.Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 11–15.

Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // НАВ. – 2001. – Вып. 3. – С. 148–161.

Зуев В.Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе // Материалы Международной конференции. – СПб., 1998. – С. 143–150.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – С. 95–106.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1968. – С. 21–36.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1977. – С. 103–116.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев В.Б. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практ. конференции. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1995. – С. 99–103.

Клепиков В.М. Сарматы IV–III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 1998. – 26 с.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Донские древности. – Вып. 5. – Сарматы и Скифия: Сб. науч. докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Азов, 1997. – С. 28–40.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. – 2002. – Вып. 5. – С. 47–81.

Кочеев В.А. Некоторые вопросы военного дела и военного искусства древних кочевников Горного Алтая скифского времени // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы Международного симпозиума). – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – С. 271–276.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая // Изв. лаборатории археологии. – № 4. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 74–82.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1991. – 270 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – 282 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, КазССР, 1966. – 435 с.

Могильников В.А. Памятник эпохи раннего железа на Верхнем Алее // Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докладов и материалов к конференции. – Барнаул, 1990. – С. 78–83.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М., 1997. – 195 с.

Могильников В.А., Уманский А.П. Предметы поясного набора с зооморфным декором из Ново-Троицких курганов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конференции. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1997. – Вып. 8. – С. 119–124.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – 1963. – Вып. Д1-10. – 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Научный доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1989. – 47 с.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258–268.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1990. – С. 242–270.

Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. – 1978. – № 4. – С. 115–127.

Переводчикова Е.В., Таиров А.Д. Произведения скифского звериного стиля из I-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала // НАВ. – Вып. 11. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 198–212.

Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. – СПб.: АО «Славия», 2002. – С. 10–33.

Пшеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. Каталог выставки. – СПб.: АО «Славия», 2003. – С. 8–31.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 4–18.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 300 с.

Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 38–50.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.

Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: БФ АН СССР, 1977. – С. 3–51.

Смирнов К.Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФ АН СССР, 1981. – С. 68–90.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Больше-реченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская изд. фирма, 1994. – 184 с.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Ордосские бронзы. – Пекин, 1986 (на кит. яз.).

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // СА. – 1970. – № 2. – С. 169–179.

Федоров В.К. Клинковое оружие и колчаные наборы IV–III вв. до н.э. (о времени по-

явления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 1. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. – С. 180–197.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, Ракурс, 1994. – 170 с.

Хабдулина М.К., Малютин Т.С. Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. – 1982. – Вып. 170. – С. 73–80.

Чжун Сук-Бэ. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы VI археологического семинара. – Краснодар, 1998. – Ч. 1. – С. 23–29.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 142–156.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – М., 1994. – Вып. 2. – С. 4–60.

Kaogu, 1984. № 8. – Zhang Xiying. On the Antennary-handled Sword from the North and Northeast of China // Kaogu. – 1984. – № 8. – Pp. 744–751 (на кит. яз.).

Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – Band 50. – Mainz am Rhein, 1992.

Wenwu, 1989. № 8. – Shanrong Culture Archaeological Team, Beijing Institute of Cultural Relics. A Brief Account of the Excavation of the Eastern Zhou Cemetery of the Shanrong Tribes at Jundushan in Yanqing, Beijing // Wenwu. – 1989. – № 8. – Pp. 17–78 (на кит. яз.).

РОЛЬ КОНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ РИТУАЛЕ КОЧЕВОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО УРАЛА В VI–V ВВ. ДО Н.Э.

Важнейшим компонентом культуры ранних кочевников Южного Урала является погребальный обряд. В археологической литературе под погребальным обрядом чаще всего понимается сумма остатков от ритуальных церемоний; овеществленные, опредмеченные конечные результаты деятельности, связанные с захоронением умершего (Мышкин, 1999, с. 271); система взаимосвязанных признаков, характеризующих способ погребения, вид захоронения, конструкцию погребального сооружения, состав и размещение погребального инвентаря и жертвоприношений (Очир-Горяева, 1987, с. 38).

Учитывая кочевую форму ведения хозяйства номадов, можно говорить о высокой роли коня в погребальной обрядности. Включенность данного животного во все сферы деятельности кочевого общества определила важность представления о нем, как составной части духовной культуры. В предыдущих работах на основе анализа археологических памятников с территории Южного Урала конца VI – начала V в. до н.э. нами были выявлены следы различных форм участия коня в погребальной обрядности номадов. К ним относятся: захоронения полных скелетов коней на древнем горизонте под насыпью кургана, выкладки на погребенной почве черепов лошадей, отдельные кости скелета лошади под насыпью кургана, кости лошади в могиле в качестве заупокойной пищи, а также присутствие коня в качестве предметов конского снаряжения (Ушаков, 2011).

Конским снаряжением принято обобщенно называть амуницию для верховой лошади, которая состоит из узды, седла и попоны (Тишкин, 1998, с. 78). Совокупность же принадлежностей для соединения животного с повозкой и другими тягловыми средствами обозначается упряжью или сбруей (Тишкин, 1998, с. 79). В работе мы придерживаемся определения – конское снаряжение, так как речь идет о верховой лошади, наиболее надежном средстве передвижения кочевников. Учитывая, что в большинстве случаев кожаные, войлочные, деревянные части конской

амуниции не сохраняются и исследователи могут работать только с отдельными элементами набора, то в данной работе речь идет о конском снаряжении, включающим в себя единичные вещи узды (удила, псалии, бляхи, пряжки, пронизи и т.д.)

В данной работе мы хотели бы рассмотреть место коня в одном отдельно взятом некрополе с территории Южного Урала. В качестве примера нами был выбран могильник Кырык-Оба II в Бурлинском районе Западно-Казахстанской области (рис. 1; 1). В него входит более 30 земляных курганов, растянувшихся по цепочке с запада на восток на расстояние до 3 км по обе стороны дороги, на 80-м км автотрассы Уральск-Аксай на обширной равнине левого берега реки Урал, в 10 км к югу от его русла и в 5 км к северу от «царского могильника» Кырык-Оба (Гуцалов, 2010, с. 51). Все курганы земляные, большинство из них значительных размеров – их параметры находятся в пределах от 1 до 6 метров в высоту и от 30 до 60 метров в диаметре. В работе было учтено 15 курганов, материалы из которых к настоящему моменту опубликованы авторами раскопок.

В итоге установлено, что все исследуемые курганы данного некрополя содержат вышеуказанные следы присутствия коня в погребальном ритуале. Также следует отметить, что в каждом комплексе встречается сочетаемость сразу нескольких форм, а именно: захоронения коней с подогнутыми ногами у входа на погребальную площадку сопровождают клады конской сбруи (причем уздечные наборы в каждом случае оригинальные); выкладки черепов коней на погребенной почве, как символ их присутствия в сакральном пространстве – с отдельными костями лошади в могиле в качестве заупокойной пищи. Для всех комплексов могильника Кырык-Оба II характерно наличие большого количества разнообразного и вариативного конского снаряжения: бронзовые и железные удила и псалии, бронзовые бляшки и распределительные пронизи, бронзовые подпружные кольца, алебастровые

обоймы и т.д. (рис. 1, *V*). Причем основная масса данной категории инвентаря выполнена в зверином стиле (Бисембаев и др., 2005). Отдельно следует сказать о ритуальном комплексе в кургане 18, который включал в себя лепной горшок, 100 черных ритуальных галек, большую трубчатая кость, фрагменты черепной коробки и лопатку лошади (Гуцалов, 2010, с. 58).

Все перечисленные формы участия коня в обряде очень четко коррелируются с другими элементами погребальной обрядности кочевников Южного Урала. К таковым относятся: сложная подкурганная деревянная конструкция (шатер, сруб), кольцевой или полукольцевой глиняный вал вокруг погребальной площадки, дромосные могильные ямы квадратной или прямоугольной форм (как правило, больших размеров), значительное количество заупокойного инвентаря, в том числе, большое количество предметов социального престижа (рис. 1; *II, III*).

Таким образом, даже на примере одного конкретного памятника, мы наблюдаем довольно широкий спектр использования коня в погребальной обрядности кочевников Южного Урала. Кочевая форма ведения хозяйства кочевников обусловила включенность коня во все сферы деятельности кочевого общества, что в свою очередь определило важность представления о нем как составной части духовной культуры. Кости лошади и атрибуты конского снаряжения в погребениях, несомненно, свидетельствуют о значимости данного животного для кочевников.

Данное разнообразие форм участия коня в погребальном ритуале, возможно, следует объяснять проявлением различных этнических общностей. Так авторы раскопок усматривают в культурном облике могильника Кырык-Оба II два вектора культурного влияния – приаральский и восточноевропейский (Гуцалов, 2007, с. 91). Однако материал раскопок столь ярок, что не исключаются и другие ареалы, повлиявшие на генезис культуры древних кочевников.

Вероятно, на разнообразие форм повлияли и факторы социального порядка, характерные для кочевнического общества. От социального статуса погребенного зависел тот или иной набор признаков традиции. В погребениях элитарной части общества встречаются захоронения

полных скелетов коней на древнем горизонте под насыпью кургана, с сопровождающими их богатыми и вариативными комплексами конского снаряжения. В рядовых же захоронениях фиксируются определенные «символы» присутствия коня, выраженные в наличии разнообразных костей животного и элементов конской уздечки.

Конь становится своеобразной прерогативой господствующих слоев кочевых племен, символом и знаком их социального престижа, их привилегией (Беленицкий, 1978, с. 37). Но не только сам конь выступает в качестве показателя социального ранга погребенного. Необходимо также интерпретировать и конское снаряжение, богатство и пышность которого демонстрирует социальный престиж владельца (Очир-Горяева, 2006, с. 95).

Южный Урал располагается на стыке различных природно-географических и историко-культурных областей. Этот фактор способствовал тому, что названный регион сыграл значительную роль в процессах этнокультурного генеза, происходивших в древности на степных пространствах Восточной Европы, Казахстана и смежных регионов Средней Азии и Западной Сибири. Ярким доказательством этому являются материалы из такого элитарного памятника, как могильник Кырык-Оба II.

Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. – М., 1978. – № 154. – С. 31–39.

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., Марыксин Д.В., Тулегенова Н.И. Отчет о раскопках аварийных курганов могильника Кырык-Оба II в 2004 г. – Уральск, 2005.

Гуцалов С.Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 2. – С. 75–92.

Гуцалов С.Ю. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. – 2010. – № 2. – С. 51–66.

Мышкин В.Н. К проблеме взаимосвязи погребальной обрядности и социальной струк-

туры в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999. – Вып. № 1. – С. 270–280.

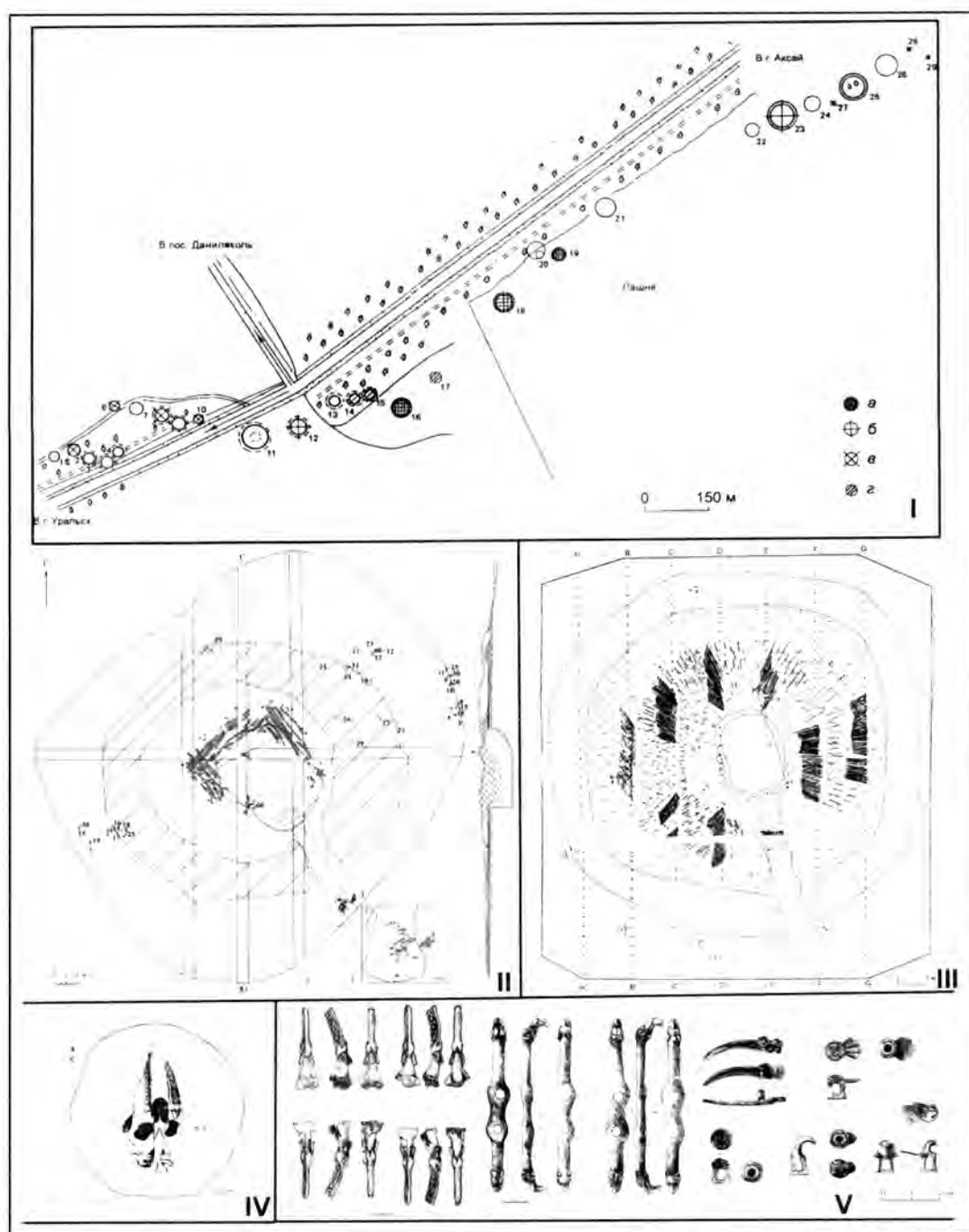
Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 36–48.

Очир-Горяева М.А. Уздечные наборы скифской эпохи из Южного Приуралья // Liber Archaeologicae: Сб. статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. – Краснодар–Ростов-на-Дону, 2006. – С. 94–105.

Ушаков А.М. Формы участия коня в погребальной обрядности кочевников Южного Урала в VI–V вв. до н.э. // Научный поиск // Материалы третьей научной конференции аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011 (в печ.).

Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и в средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 78–90.

Рис. 1. Могильник Кырык-Оба II

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ ГОРОДИЩА ЖАНКЕНТ

Начатые в 2005 г. археологические работы на городище Жанкент (совместные исследования Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Института археологии им. А.Х. Маргулана и Научно-исследовательского центра археологии и этнографии при университете КГУ им. Коркыт Ата) выявили значительное количество керамического материала, большая часть которого фрагментирована.

Керамика изготовлена ручной лепкой и на гончарном круге. При классификации керамических изделий можно выделить следующие виды: хумы, горшки, баночные сосуды, кувшины, крышки, тубеки, светильники, солонки, сфероконусы, пряслица, детские игрушки, декоративные облицовочные плитки, изваяния в виде головы барана. Цвет керамики достаточно разнообразен – от красного до красновато-коричневого, от светло-серого до темно-серого, от бледно-желтого до кирпичного. Встречаются фрагменты и розоватого цвета. Поверхность некоторых фрагментов керамической посуды залощена, имеются обломки, покрытые ангобом. Поверхность части керамики покрыта орнаментом. Именно орнаментация жанкентской керамики, ее типы, разнообразие ее композиций и являются объектом внимания данной работы. Ввиду массовости фрагментов керамики и в связи с началом изучения данного вопроса к анализу орнаментальных мотивов пока что привлечены материалы только лишь 2011 г. Поэтому в данной работе изучено только 89 фрагментов керамики, которые дали следующие результаты.

Типы орнамента и основные орнаментальные зоны

Штампованный елочный орнамент представлен двумя видами – вертикальным и горизонтальным (рис. 1, 12, 14–15). Этот узор нанесен на венчик керамического сосуда. Вертикальным типом «елочки» украшена средняя часть, горизонтальный опоясывает весь верхний край венчика. Практически на всех привлеченных к анализу фрагментах (13 шт.) елочный узор

состоит из четырех, редко пяти ярусов. Ширина одного рисунка «елочки» колеблется от 0,8 до 1,4 см, причем на тех сосудах, где нанесен данный вид орнамента, внешний верхний край венчика слегка выступает наружу, и если «елочный пояс» не покрывал всю его поверхность, то дополнительно наносился еще один ряд. На некоторых фрагментах венчиков имеются декоративные бугорки (рис. 1, 12, 14–15).

Орнамент в виде *косых и прямых насечек* нанесен на валик, расположенный по краю венчика, путем надавливания палочкой (рис. 1, 13, 21), или на плечико (рис. 1, 18). Насечки нанесены на сосуды с наклоном – либо налево, либо направо. Чем меньше сосуд по своим размерам и чем он изящней, тем чаще и аккуратней нанесенный узор.

Косые прочерченные насечки украшают верхний край венчика в виде параллельных прочерченных палочкой отрезков, нанесенных на расстоянии от 0,7–1 см друг от друга.

Меандровый пояс – орнамент в верхней части венчика сосуда, образованный из налепного валика, измененного палочкой до волнообразной линии (рис. 1, 2). Этим узором украшались верхние Г-образно выгнутые края венчиков на крупных сосудах.

Ногтевые вдавления. Этот орнамент нанесен по центру венчика глубокими вертикальными ногтевыми вдавлениями (рис. 1, 13).

Пальцевыми заплатами украшены валики, налепленные на среднюю часть венчиков крупных сосудов (рис. 1, 3, 17).

Дугообразные вдавления неглубокие украшают верхнюю часть венчика, тулово, плечико в виде нанесенных вертикально рядом дуг (три яруса), причем некоторые ряды, нарушая порядок, нанесены хаотично. Имеются также более глубокие *дугообразные вдавления*, нанесенные дугообразной палочкой ровным горизонтальным рядом (рис. 2, 1–12).

Х-образный орнамент-штамп, нанесенный пряжкой (размером 2,7 см), опоясывает

всю поверхность бортика венчика. Каждый последующий штамп наносился перпендикулярно предыдущему (рис. 1, 3).

Круглый орнамент-штамп, нанесенный, по-видимому, пряжкой (возможно перстнем), украшает бортовую поверхность венчика крупного сосуда – хума. На фрагментах посуды штамп наносился вдоль по венчику, с переходом на тулово (рис. 1, 4, 8). Таким же орнаментом украшался и район плечика сосуда.

Орнамент в виде четырехъярусной елочки, заключенной в два ряда арки. Причем нижний ярус, являясь продолжением елочки, напоминает ее ножку, расходящиеся концы которой переходят в арку. Вне сомнения, что и данный декор нанесен пряжкой, а также основной зоной нанесения рисунка является широкий борт венчика хума (рис. 1, 2).

Антропоморфный орнамент-штамп, поставленный пряжкой на широкий бортик крупного сосуда (рис. 1, 1). Данный фрагмент напоминает женский силуэт, заключенный в два ряда арки. На привлеченном к анализу обломке сосуда имеется один целый штамп и край арки второго штампа.

Миндалевидный орнамент с двумя симметричными лепестками в центре (рис. 1, 4) нанесен на всю поверхность борта венчика. Рисунок опоясывает всю поверхность борта. Орнамент сочетается с рядами треугольных вдавлений.

Орнамент в виде «симметричных голов грифонов» (рис. 1, 4), нанесен на всю поверхность внешнего края венчика в один ряд, в сочетании с еще одним рядом круговых вдавлений.

Паукообразный орнамент представлен двумя типами. Первый – в виде двух симметричных друг другу дуг, скрепленных по центру кругами, напоминает движущегося по плечу хума паука. Таким декором в один ряд опоясано все плечико сосуда (рис. 1, 5–6, 10–11). Второй также образован двумя дугами, но скрепленными по центру не кругами, а меньшими по размерам дугами. Орнамент, так же, как и первый, нанесен на плечико сосуда.

Орнамент «рыбьи чешуйки» нанесен на тулово сосуда в виде протасенной лунообразной ямочки, скопление которых и создает общую

картину вдавленных чешуек. Данный узор имеется лишь на одном фрагменте всей коллекции жанкентской керамики.

Ямочный орнамент украшает тулово сосуда плотными рядами ямок, расположенных почти в шахматном порядке (таблица). Ямка, по-видимому, наносилась деревянной палочкой (внутри углублений имеются мелкие желобки, вероятнее всего, как след сухости и расхождения волокон дерева) под углом, с легким сдвигом вперед, что создавало небольшой бугорок спереди.

Дугообразный штамп. Этим узором украшена зона перехода от горловины к тулову сосуда (рис. 1, 4). Орнамент состоит из сплошной внешней дуги и внутренней гребенчатой.

Птичий орнамент-штамп нанесен на тулово сосуда. Причем, судя по сохранившейся линии изгиба фрагмента керамики, птицы располагались в ряд свисающим вниз телом (рис. 1, 9). Контуры фигуры птицы четко очерчены, (вероятнее всего, это голубь), с пышным хвостом, туловище заполнено вертикальными линиями.

Орнамент «V-образный штамп с кругом в центре». Орнамент нанесен штампом (по-видимому, бляшкой) в один ряд на тулово сосуда (таблица).

Растительный орнамент (рис. 2, 12–14) украшает тулово крупных сосудов. Узор нанесен концом палочки в виде сочетаний неглубоких прямых, волнообразных, закругленных линий и завитков.

Зигзагообразные и прямые резные линии нанесены на плечико и верхний край тулова сосудов (таблица). Нередко прямые неглубокие горизонтальные линии сочетаются с некоторыми вышеописанными рисунками.

Горизонтальное и вертикальное рифление (рис. 2, 17) украшает тулово сосуда, вероятнее всего, образованное как технический декор.

Геометрический орнамент (рис. 2, 16), представленный вдавленными треугольниками в сочетании с резными линиями, повторяющими форму треугольника. В геометрический декор керамики можно включить и четырехугольники с прочерченными диагоналями и вписанными в каждый сектор треугольниками.

Таким образом, в результате сделанного анализа выявлен 21 вид орнамента. Схематические данные по ним представлены в таблице. По характеру нанесения орнамента это – резной орнамент, штампованный орнамент, нанесенный специальным штампом, а также орнамент-штамп, нанесенный каким-либо предметом (пряжкой, перстнем и т.п.). Сочетание некоторых видов рисунков составляет растительную, геометрическую и другие виды композиций. Одним из декоративных элементов являются лепестки, звездочки, сердечки, цветы, волнистые линии, которые выполнены резными линиями и составляют богатую растительную композицию (рис. 2). Такой орнамент украшает преимущественно фрагменты тулова тонкостенных сосудов. Рисунок из резных линий также украшает крышки (рис. 2, 1–4) сосудов, на которых резной орнамент идет в сочетании с геометрическими штампами. Последний в сочетании с резными линиями составляет сюжетный мотив на таких керамических предметах, как свечки и декоративные плитки (рис. 2, 13–16). Еще один орнамент декоративных плиток – это растительный штамп (рис. 2, 14–15).

Особое место в орнаментации жанкентской керамики занимают рисунки-штампы, которые нанесены как специальными приспособлениями, так и, скорее всего, готовыми декоративными предметами – бляхами, пряжками, возможно перстнями. Одним из интересных является фрагмент плечика сосуда со штампом-птицей, вероятней всего голубем. Такой орнамент, как пальцевые зашпы, встречается на венчиках крупных сосудов и выполнен несколько грубовато, небрежно (рис. 1, 17). Разнообразить рисунок-штамп позволяют елочный, Х-образный, «паукообразный», «антропоморфный», геометрический орнаменты, дуговые вдавления (таблица).

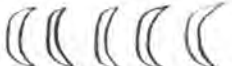
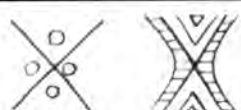
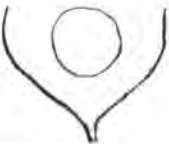
Основными орнаментальными зонами, как видно из таблицы, являются составные части керамических сосудов: венчик (преимущественно его бортик и горловина), плечико, тулово, а также крышки, декоративные плитки и светильник.

Таким образом, по сделанным предварительным выводам можно привести следующие данные: орнамент жанкентской керамики по

своим мотивам достаточно разнообразен, он сочетает в себе растительный, геометрический, орнитоморфный мотивы.

Аналогии орнаментации керамике городища Жанкент встречаются среди керамического материала городища Куюк кала (Левина, 1971, с. 85, 87, 107). Следует также отметить, что степень орнаментации поверхности сосудов низкая, зачастую орнамент на керамике Жанкента украшает лишь одну орнаментальную зону, преимущественно венчик, такого пышного орнамента, как, например, на керамике Сарайчика, нет (Самашев, Кузнецова, Плахов, 2008, с. 49–53).

№	Условное название орнамента	Рисунок орнамента	Кол-во (шт.)	Зона нанесения
1.	Косые прочерченные вдавленные насечки		24	венчик
2.	Зигзагообразные прямые резные линии		4	бортик венчика, плечико, горловина
3.	Ногтевые вдавления		3	тулово, горловина
4.	Дугообразные вдавления		3	венчик, тулово
5.	X-образный орнамент-штамп		2	бортик венчика
6.	Круглый орнамент-штамп		2	бортик венчика
7.	Орнамент «V-образный штамп с кругом в центре»		1	плечико
8.	Горизонтальное рифление		1	тулово
9.	Паукообразный орнамент		2	плечико
10.	Штампованный елочный орнамент		9	венчик
11.	Птичий орнамент-штамп		1	плечико
12.	Растительный орнамент		17	крышки, тулово

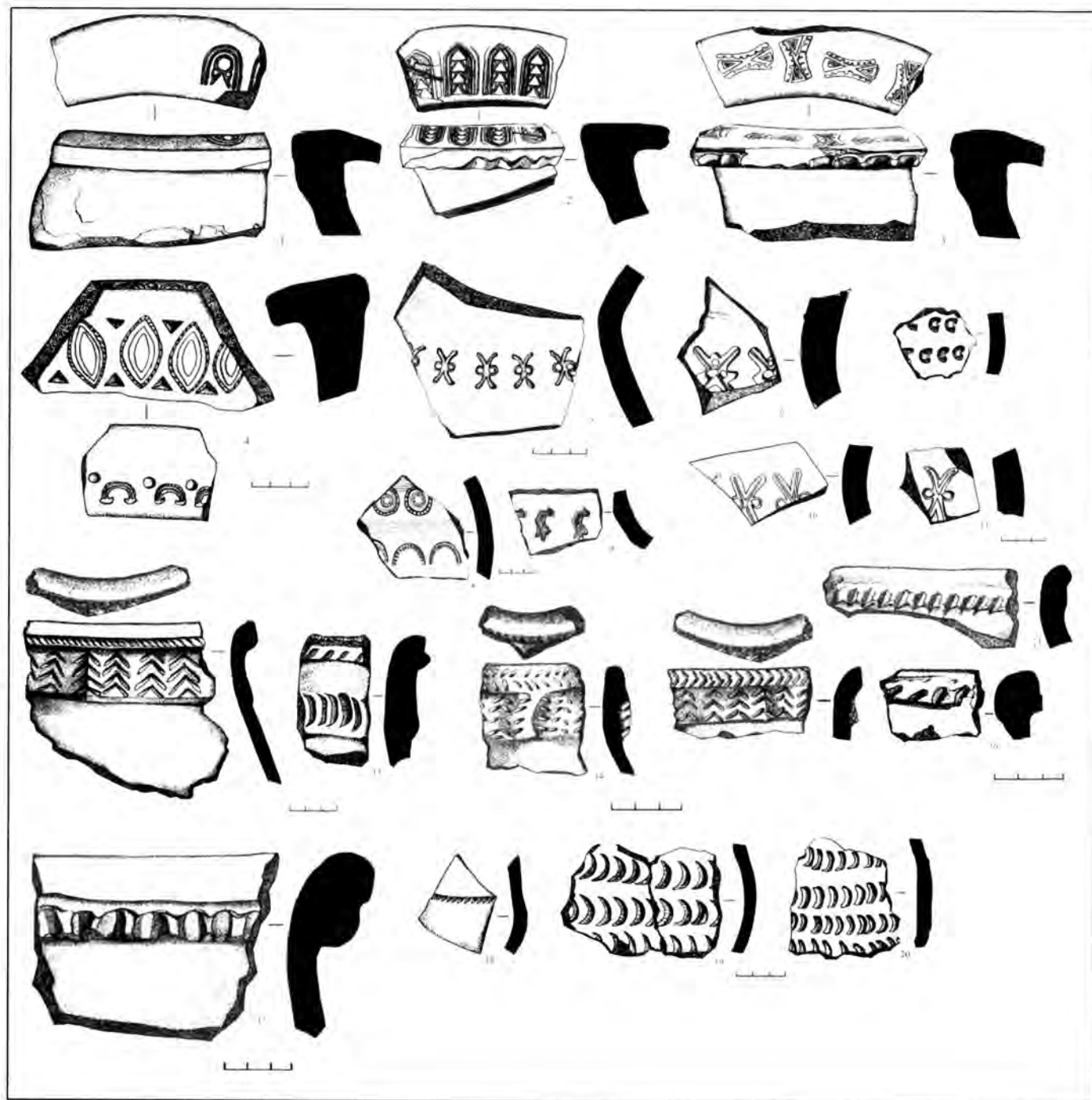

Рис. 1. Городище Жанкент. Орнаментированные фрагменты керамики

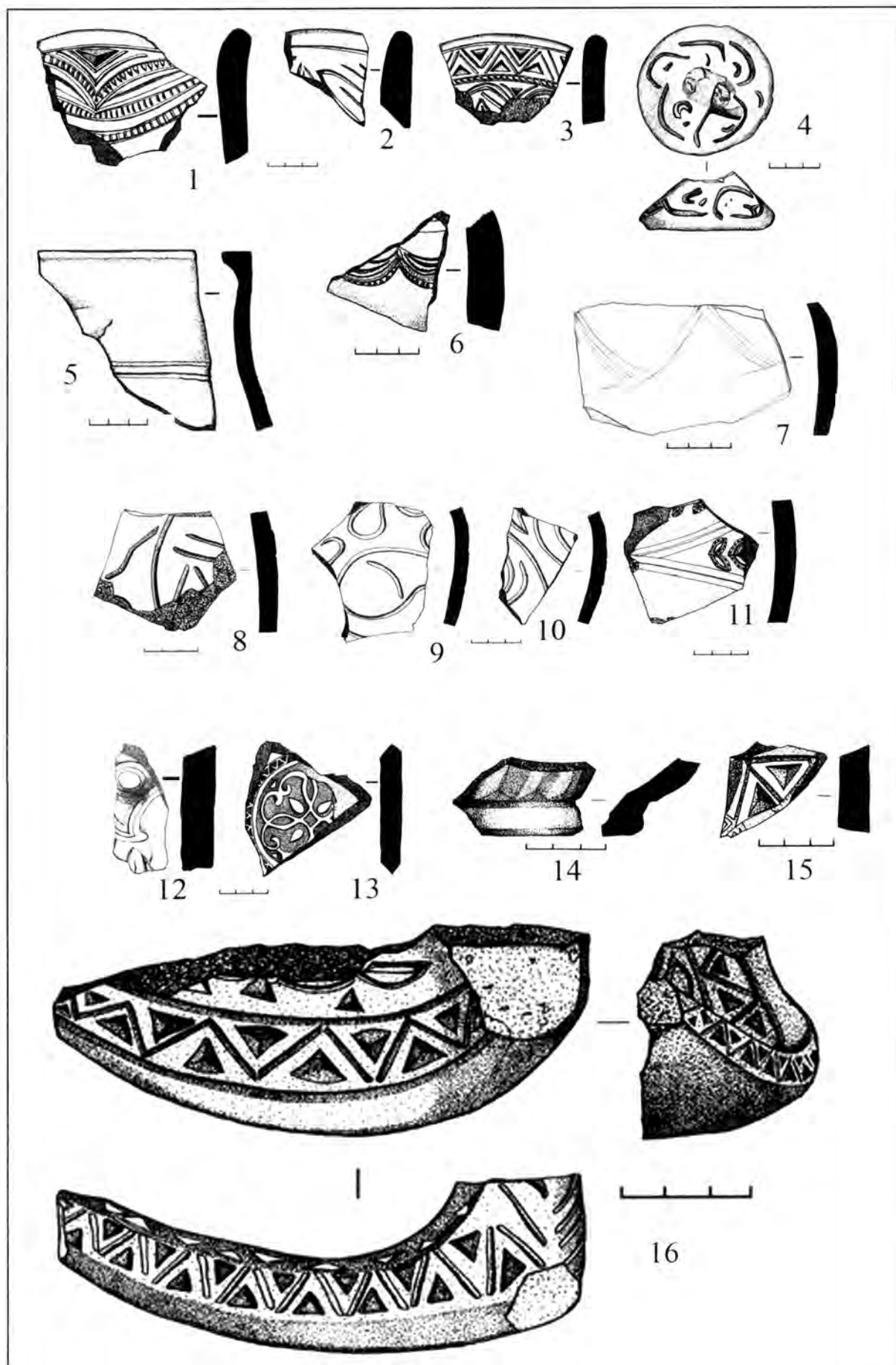

Рис. 2. Городище Жанкент. Орнаментированные фрагменты керамики

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС УЕЛГИ И НОВЫЕ АСПЕКТЫ В ПРОБЛЕМЕ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОЙ ПРАВЕНГРИИ

Как известно, мысль об угорско-мадьярских компонентах в средневековых культурах Волго-Камья была высказана В.Ф. Генингом уже в конце 50-х гг. (Генинг, 1959, с. 334). Бурное накопление археологических материалов по средневековой археологии Урала и Западной Сибири в последующие 60-е и в начале 70-х гг. вовлекло в исследовательский процесс по данной тематике самый широкий круг отечественных специалистов, а также венгерских археологов и историков (Erdélyi, 1972; Fodor, 1977; László, 1978, с. 215; Erdélyi, Ojtozi, Gening, 1969).

Наиболее значительным событием этого периода является обнаружение и раскопки известных памятников: Больше-Тиганского, Танкеевского, Такталачукского и др. могильников Волго-Камья, а также Лагереvских, Стерлитамакских, Бекешевских, Каранаевских и др. курганов Южного Урала (Халикова, 1976; Мажитов, 1977, с. 228–232).

К этому периоду дискуссия об урало-венгерских параллелях достигает своего наивысшего уровня (Барта, 1972, с. 118–127; Эрдели, 1972, с. 128–144; Халикова, 1972, с. 145–160; Казаков, 1972, с. 161–167; Халикова, 1975; Gening, 1978; Боталов, Таиров, 2000; Халиков, 1984). В ходе нее были установлены весьма важные аналогии, позволяющие связывать регион Волго-Уралья с правенгерской территорией. Так, наиболее соответствующие по погребальному обряду, металлическому инвентарю и керамике с мадьярскими оказались материалы кушнаренковской и караякуповской культур Южного Урала. Эти представления были подробно изложены в обобщающей работе В.А. Иванова, вышедшей в самом конце столетия (Иванов, 1999), которая своеобразно подвела итог археологических исследований этого периода.

В связи с тем, что целенаправленные полевые исследования памятников Южного Урала и Поволжья по ряду причин были существенно замедлены с середины 70-х гг., остался целый ряд вопросов, требующих своего разрешения. Так,

например, оставались непонятными истоки и облик памятников кушнаренковско-караякуповского круга, а также этапы всего процесса культурогенеза населения, оставившего эти памятники от раннего этапа возникновения (VI в.) до периода исхода протомадьярского населения на запад (конец IX в.).

По сей день остается непонятным вопрос о территории исхода мадьяр, то есть, собственно, о местоположении легендарной «Magna Hungaria». Приуральское позиционирование наталкивается на ряд существенных препятствий. Во-первых, наиболее ранние памятники кушнаренковско-караякуповского круга, связываемые большинством исследователей с прамадьярским населением, появляются в поселенческих комплексах Исетско-Тобольского бассейна лесостепного Зауралья. Затем это население широко расселяется вдоль Белой и Камы, где сосуществует в среде оседлого местного населения в пределах VI–VII вв.

В первом десятилетии нового столетия археологические работы по поиску уральской Правенгрии спустя около тридцати лет были активизированы. Основной исследовательский вектор был перемещен на восток, за Урал. Здесь, в пределах лесостепного Тоболо-Исетского региона, начали активно раскапываться поселенческие раннесредневековые комплексы, включающие протокушнаренковские материалы (Матвеева, 2007, с. 63–75; Боталов, Тидеман, Лукиных, Вохменцев, 2008, с. 6–44). Стало очевидным, что кушнаренковско-караякуповский культурный компонент появляется в составе синкретического бакальского историко-культурного горизонта IV–VI вв. Таким образом, открылись новые возможности в исследовании исходных позиций формирования протомадьярской культуры.

В 2009 г. челябинскими археологами был открыт чрезвычайно интересный погребальный комплекс Уелги. Первые материалы из этого комплекса, позволили говорить, что это памятник из ряда Синеглазово, Каранаево, Лагарево и пр.

Они отражают становление следующего позднекушнаренковского и позднекаракуповского времени (IX–X вв.). Эти памятники появляются как исключительно кочевнические в пределах предгорной, лесостепной и степной зон южного Зауралья.

Некоторые косвенные данные (о чем будет сказано ниже) сегодня предполагают возможность говорить о некотором казахстанском импульсе в IX–X вв., который и был причиной появления этих ярких зауральских кочевнических комплексов. Так новое открытие продолжило исследовательскую эстафету уральско-венгерской тематики.

Погребальный комплекс Уелги расположен на межозерье Уелгов и Сайгырлов, в 50 км к северу от Челябинска. На площадке памятника визуально просматривается до 30 курганных насыпей (рис. 1).

Первые раскопки проведены в июне–августе 2010 г. Исследованию подверглись курганы 1 и 2. Выявлено восемь погребений, два способа захоронения – ингумация (1, 2, 7 и 8) и кремация (3 и 4, 5, 6).

В полевом сезоне 2011 г. исследованы курганы №3, 7 и 8 (12 погребений). Курган № 3 содержал два погребения, курган № 7 – шесть погребений, курган № 8 – четыре погребения. Все погребения выполнены по обряду ингумации, кроме одного погребения из кургана № 3, где зафиксировано трупосожжение.

Материал, полученный в результате поверхностных сборов и раскопок, позволяет сделать выводы по культурно-хронологической принадлежности погребального памятника Уелги. Главным образом, инвентарь составляют предметы ременной гарнитуры – накладные бляхи, наконечники ремней, пряжки. Однако заметим, что абсолютное большинство этих вещей обнаружено без привязки к конкретным объектам (ввиду разрушенности и разграбленности могильника). Тем не менее весь материал разделен на пять стилистических групп.

Первую группу (рис. 2) объединяют преимущественно неорнаментированные накладки: накладки с псевдопетельчатым или петельчатым выступом (рис. 2, 13–16, 22–25, 28), гантелевидные (рис. 2, 4, 6, 51–55), лунницевидные

и накладки с парными или тройными выступами (рис. 2, 67–74, 82), накладки с nervi по осевой линии (рис. 2, 6, 7, 39, 41–42, 47), а также накладки с прорезью для подвешивания ремня (рис. 2, 30–38) и др. Они получают широкое распространение в начале IX в. (Мажитов, 1993, с. 131–132). В качестве аналогий можно привести известные памятники IX–X вв. Башкортостана и Южного Зауралья – I и II Бекешевские, Ямашинские, Хусаиновские курганы, могильник Граултры (Боталов, Таиров, 2000, с. 325–326; Мажитов, 1981, с. 37–38, 45, 54–57, 59–60, 64). Наиболее ранние экземпляры встречены в слоях Пенджикента от первой до третьей четверти VIII в. (Расопова, 1980, с. 87–90). Следует заметить, что некоторые прямые аналогии встречаются в отдаленных от Южного Урала могильниках, например, Субботцы в Кировоградской области Украины (Бокій, Плетнева, 1988, с. 104–113).

Стилистическую группу 2 (рис. 3) составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки, наконечники ремней, аналогичные предметам из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимые с материалами Лагерева, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских курганов Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 87–113; Мажитов, 1993, с. 132–135). Рассматриваемую группу можно относить к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой (Плетнева, 1981, с. 62–75).

Стилистическую группу 3 (рис. 4) составляют вещи, несущие «мадьярские» изобразительные элементы. Это оформление бордюра звеньевым орнаментом – чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях) (рис. 5, 4, 1, 5, 6, 27–32, 35); «постсасанидский» стиль (рис. 4, 5, 8, 25, 36). Центральным элементом орнамента выступает трех- или четырехлепестковая в большинстве случаев розетка (рис. 4, 5, 8, 6, 7, 19, 26–31) или расцветающий цветочный бутон, трилистники (рис. 4, 5, 1, 2, 24, 32, 33, 35). Ремешковые украшения с бордюром, оформленным чередующимися овалами и кружками,

встречены в синхронных (в хронологическом плане) памятниках от Южного Урала до Восточной Европы: в развешанном погребении близ Эмбы (Бисембаев, 2003, с. 62–64), в Синеглазовском могильнике (Стоколос, 1962, с. 163, 167), в Больше-Тиганском могильнике (Халикова, 1976, с. 171), в Танкеевском могильнике (Казаков, 1972, с. 162–163), в погребении у с. Субботца (Бокий, Плетнева, 1988, с. 106–108). По наблюдению Е.П. Казакова, данный элемент орнамента был специфичным для культуры кочевых угров (в частности, мадьяр) Восточной Европы (Казаков, 2001, с. 55).

Четвертую стилистическую группу (рис. 5) составляют предметы, имеющие южно- и западносибирские декоративные традиции второй половины – конца I тыс. н.э. (Могильников, 1981, с. 43–52). Их объединяет растительная орнаментация симметричных композиций в виде побегов и завитков.

Пятая группа представлена предметами, соотносимыми с урало-пермским стилем.

Керамический материал, представленный горшками и отдельными фрагментами, в целом представляют типологический комплекс позднекушнаренковско-караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-прочерченная зональная орнаментация). Наличие в этой серии горшков со шнуровой орнаментацией, сосудов с ушками и большая примесь талька в тесте указывают на сильное влияние со стороны лесного, вероятно, петрогромского, культурного ареала (рис. 6).

Попытаемся реконструировать картину этнокультурных трансформаций, в результате которых возникают некрополи типа Уелги и синхронный ему ранее известный Синеглазовский комплекс.

Как уже упоминалось, сформировавшиеся на раннем этапе в составе Бакальского историко-культурного горизонта (IV–VI вв. н.э.) группы скотоводческого полупоседлого населения – носителей керамики кушнаренковско-караякуповского круга – в VI в. начинают свое продвижение на запад, в бассейн р. Белой и Камы, где появляются многочисленные памятники этого облика (рис. 7 I, 1). Вместе с этим кушнаренковские материалы появляются глубо-

ко в степях Южного Зауралья, в курганах с «уса-ми», на кратковременных стоянках (Селенташ, Кайнсай, Берсуат) (рис. 7, I, 2).

Как нам представляется, эти факты не случайны и маркируют собой процесс взаимодействия протомадьярского населения с кочевниками складывающегося Западнотюркского каганата. Безусловно, о степени участия этого населения в культурно-этногенезе кочевников урало-казахстанских степей периода Великого Тюркского каганата на сегодняшний день можно говорить лишь с определенной осторожностью. Однако очевиден тот факт, что спустя примерно триста лет после своего становления (в конце IX в.) глубоко в лесостепной зоне Южного Урала появляются кочевнические комплексы позднекушнаренковско-караякуповского облика типа Синеглазово, Уелгов, Лагерево, Каранаево и др., несущие на себе яркий кочевнический культурный комплекс синкретического характера, в котором угадываются элементы центрального и восточноказахстанского, алтайского облика, а также прослеживаются явные параллели с западными кочевническими комплексами Поволжья, Нижнего Поднепровья и Подунавья (7 II, 4).

В этот же период (с IX в.) наблюдается активное влияние южнотасежного населения лесного Зауралья и Западной Сибири (петрогромско-юдинский историко-культурный горизонт) шнуровой керамики на лесостепной регион Южного Зауралья и Среднего Прикамья (рис. 7 II, 3). Общую картину этнокультурных трансформаций на данном этапе довершает восточный (сросткинский) импульс, связанный с перемещением раннекыпчакского населения из районов Алтая (Савинов, 1976, с. 103–104; Боталов, 2000, с. 359–365). Эти процессы в определенной мере маркируются и в материалах Уелгинского погребального комплекса (керамика со шнуровой орнаментацией, стилистические группы 4, 5).

Думается, что реконструкция характера и очередности сложения намеченных культурных связей и параллелей – дело будущих исследований и перспектив, наметившихся в связи с открытием погребального комплекса Уелги.

Барта Антал. Истоки венгерской культуры // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Бисембаев А.А. Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2003.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. – 1988. – № 2.

Боталов С.Г., Таиров А.Д. Древняя история Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье. – Т. 2. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: Рифей, 2008.

Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. – Челябинск: ООО ЦИКР Рифей, 2008.

Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Сер. гуман. наук. – Вып. 2. – Казань, 1959.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001.

Мажитов Н.А. Южный Урал в XII–XIV вв. – М.: Наука, 1977.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М., 1981.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала VII–XI вв. // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа, 1993.

Матвеева Н.П. Формирование кушнареновских комплексов в Зауралье // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень, 2007.

Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Могильников В.А. Сростинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л., 1980.

Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.

Стоколос В.С. Курган на озере Синеглазово // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. – Уфа, 1962.

Халиков А.Х. Культура древних венгров в Приуралье и Придунавье в VIII–X вв. н.э. // Материалы симпозиума *Nové vozokany* 3–7 октября 1983 г. – Nitra, 1984.

Халикова Е.А. *Magna Hungaria* // Вопросы истории. – 1975. – № 7.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. – 1976. – № 2.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Эрдели Иштван Об археологической культуре древних венгров конца IX–первой половины X в. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972.

Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. *Das Gräberfeld von Newolino*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969.

Erdélyi I. Régészeti kutatások Baskiriában és a Magyar őstörténet // АЕ. – Budapest. 1972. № 99.

Gening V.F. *Magna Hungaria és a régészeti emlékek*. – Budapest: Különlenyomat az archeológiai Értesítő, 1978.

László Gy. A. «Kettős honfoglalás». – Bp. Magvető Kiadó, 1978.

Fodor I. Research on the Proto-Hungarians / *The New Hungarian Quarterly*. 1977.

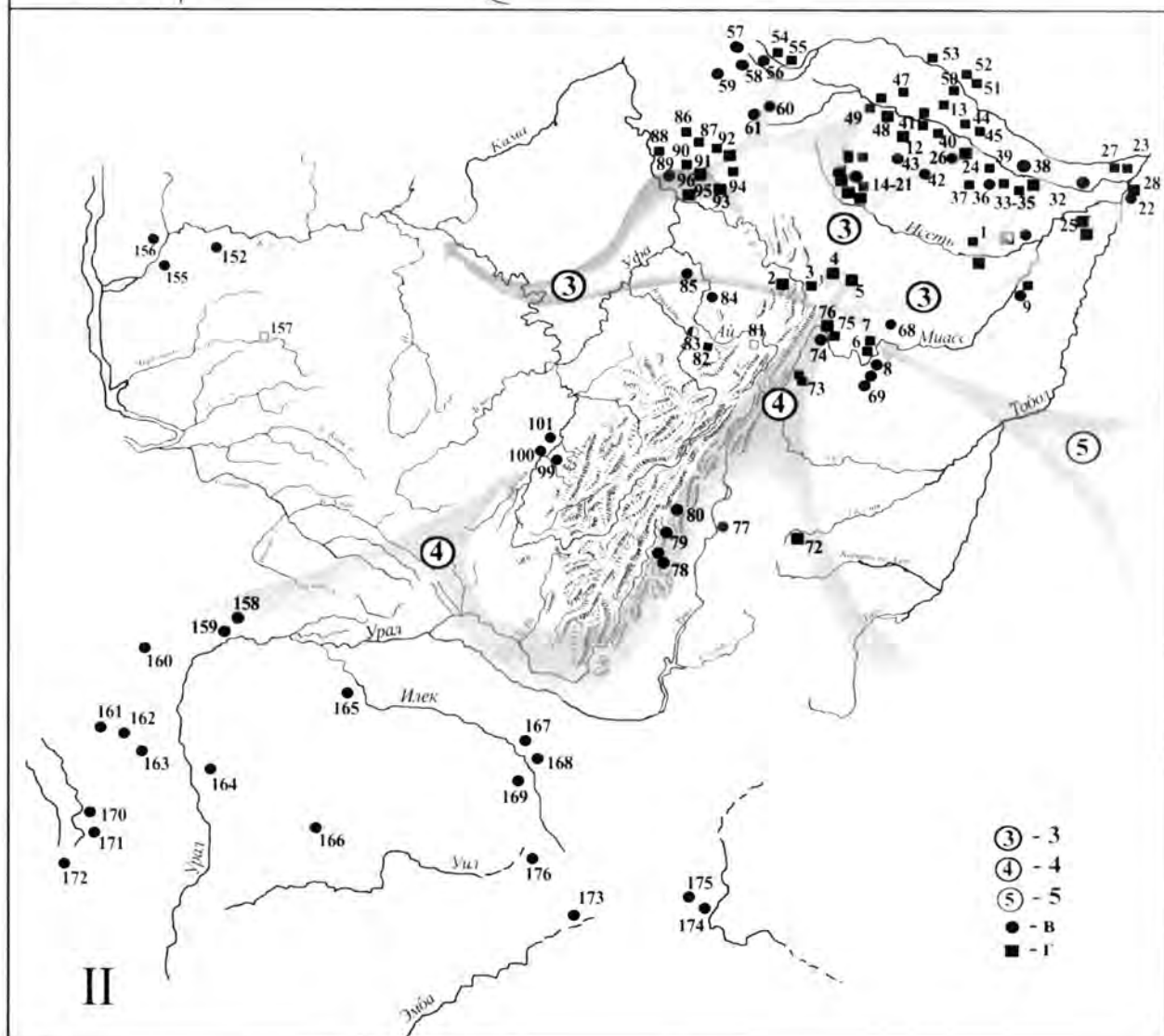
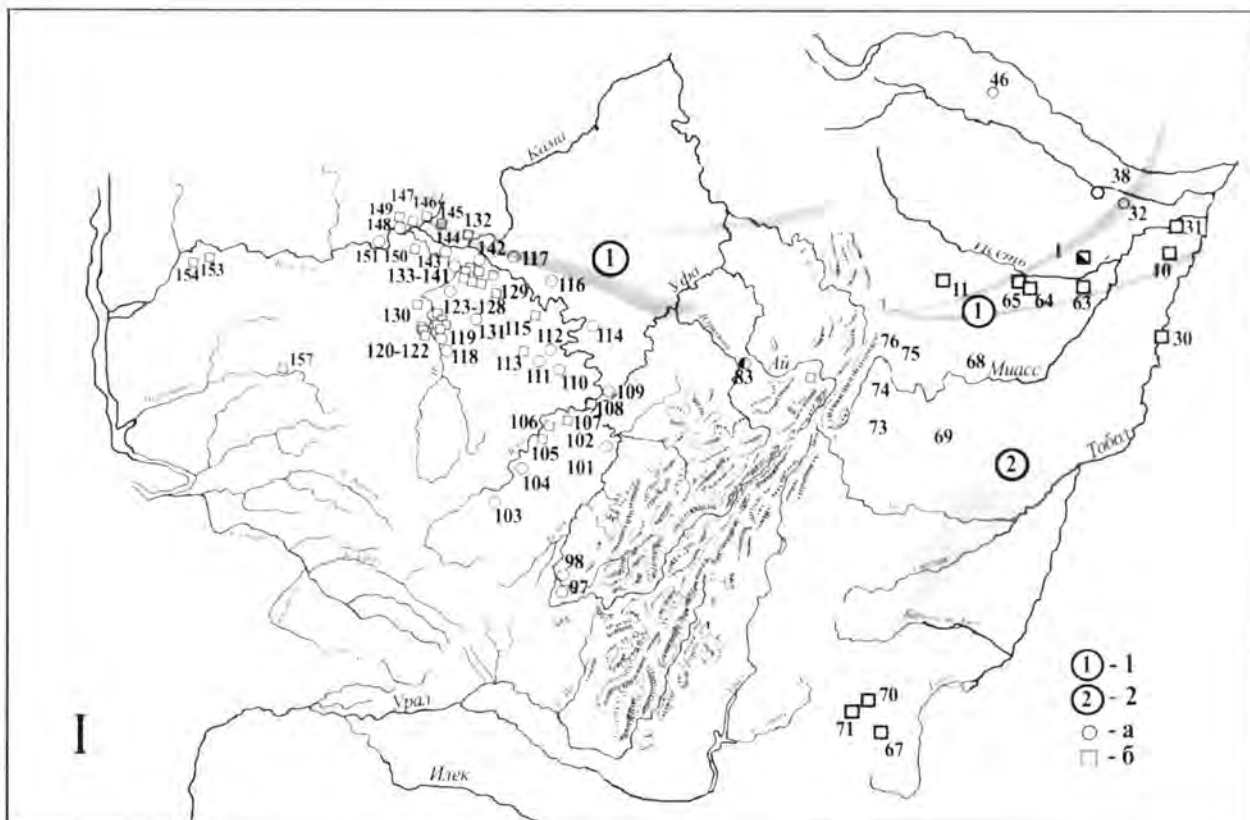

Рис. 7. Карта распространения материалов протомадьярского и раннеугорского облика (по Генцигу В.Ф. (1972); Казакову Е.П. (1982); Гарустовичу Г.Н., Иванову В.А. (1982); Бисембаеву А.А. (2003); Казакову Е.П. (2004), Боталову С.Г., Бабенкову К.Н. (2004); Пастушенко И.Ю. (2004); Викторовой (2008); Матвеевой Н.П., Орловой Л.А., Ж. Рафиковой Т.Н. (2009))

1. а – ранние кушнареновско-караякуповские могильники и одиночные погребения V – VIII вв., а также памятники с материалами этого культурного облика; б – кушнареновско-караякуповские городища, селища и местонахождения этого культурного облика V – VI вв.; II, в – кушнареновско-караякуповские петрогромско-юдинские могильники IX – X вв.; г – кушнареновско-караякуповские петрогромско-юдинские городища, селища, святилища и местонахождения IX – XI вв.; 1 – миграция кушнареновско-караякуповского населения из Исетско-Тобольского бассейна в Прикамье; 2 – проникновение кушнареновско-караякуповского населения в Урало-казахстанскую степь; 3 – миграция лесного петрогромско-юдинского населения; 4 – отток позднекушнареновско-караякуповского населения из степной зоны; 5 – приход сrostкинско-го (кыпчацкого) населения из Обь-Иртышья.

1 – Приговское городище; 2 – Араслановские писаницы, пещера; 3 – Средний Шихан; 4 – Уфа-4; 5 – Мурино; 6 – Малышево; 7 – Шерини; 8 – Смолино; 9 – Кочегарово селище, погребения; 10 – Старо Лыбаевское селище; 11 – Зотинское IV городище; 12 – Ликинский могильник; 13 – Молчановское селище; 14 – Петрограм гора; 15 – Палатки I, IV; 16 – Исетское III Б, могильник; 17 – Три Сестры; 18 – Кырманские скалы; 19 – Иертово городище; 20 – Вершина I у ст. Исеть; 21 – Исетское I правобережное селище; 22 – Вак Кур могильник; 23 – Святой Бор 5; 24 – Имги Тура городище; 25 – Коловское городище и селище; 26 – Пылаевский могильник; 27 – Барсучье; 28 – Криволукское городище; 29 – Уелги; 30 – Усть Утяк; 31 – Рафаиловское; 32 – Перейминский могильник; 33-35 – Андреевские, Багадинское городища, Козловский могильник; 36 – Деминский могильник; 37 – Мохиреевское городище; 38 – Молчановский клад; 39 – Линчинское городище; 40 – Боровское; 41 – Юдинское городище; 42 – Ирбитское озеро; 43 – Ирбитское; 44 – Городищенское; 45 – Андроновское; 46 – Петровское; 47 – Мишинское; 48 – Куртумовское; 49 – Санкино; 50 – Галкино; 51, 52 – Городские I, II; 53 – Золотая Гора; 54, 55 – Заозерные I, II; 56 – Ликинское городище; 57 – Лобвинская; 58 – Черемухово; 59 – «Жилище Сокола»; 60 – Гора Синяя; 61 – Голый Камень; 62 – Тарманский; 63 – Красногорское; 64 – Нечунаевское святилище; 65 – Большое и Малое Бакальские городища; 66 – Усть Терсюк городище; могильник 67 – Берсуа; 68 – Граултры; 69 – Синеглазовский I, II; 70 – Кайнсай; 71 – Селенташ; 72 – Варна; 73 – Каскасинский, Коваленковские рудники; 74 – Байрамгулово; 75 – Арсази; 76 – Сугояк; 77 – Наровчатский; 78 – Бекешевские I, II курганы; 79 – Хусаиновские; 80 – Муракаевские; 81 – Веселовка; 82 – Сакияз Тамак; 83 – Лагереvский; 84 – Старо-Халиловские; 85 – Каранаевский; 86 – Верх-Самское I городище; 87 – Бартыmsкое II, селище; 88 – Подкаменное городище; 89 – Селянино Озеро, могильники; 90 – Ермаково городище; 91 – Лобач городище; 92 – Сухой Лог селище; 93-94 – Кишешерские могильники, поселение; 95 – Морозково IV поселение; 96 – Чащинское селище; 97 – Красногорский; 98 – Береговский; 99 – Ишимбайский; 100 – погребение Ишимбай; 101 – Стерлитамакский; 102 – Шарееvский; 103 – Турбаевский; 104 – Ибраевский; 105 – Чукраклинское; 106 – Кара-Якуповское; 107 – Таптыковское; 108 – Уфа II; 109 – Ново-Турбаслинский; 110 – Кушнареновский; 111 – Сантыштамакский; 112 – Булгарский; 113 – Чатринское; 114 – Бирский; 115 – Старо-Калмаиское; 116 – Манякский; 117 – Старо-Янзигитовский; 118 – Куштерьякский; 119 – Ново-Сасыкульский; 120 – Русско-Шуганское II; 121 – Русско-Шуганское I; 122 – Русско-Шуганское; 123 – Старо-Чекмакское; 124 – Муслимовское; 125 – Старо-Варяжское II; 126 – Старо-Варяжское I; 127 – Медлятамакское V; 128 – Медлятамакское II; 129 – Новобикинский; 130 – Татарско-Азиеvская II; 131 – Азметьевская; 132 – Мариямлинское; 133 – Биксентаевская VII; 134 – Биксентаевская IV; 135 – Биксентаевская II; 136 – Иртяшское; 137 – городище Тактылачук; 138 – Юртовская IV; 139 – Иманлейский; 140 – Тактылачукский; 141 – Чимлинский; 142 – Игимский; 143 – Татаро-Чилчикское; 144 – Благодатное; 145 – Кузубаевское; 146 – Петропавловский; 147 – Верхнесуганское; 148 – Кырнышское; 149 – Луговское; 150 – Большие-Тиганский; 151 – селище «Курган»; 152 – Щербаковское; 153 – Танкееvский; 154 – Тетюшский; 155 – Татарско-Сунгелееvское; 156 – Тавлыкаевские; 157 – Рубежска; 158 – Кадмак-Чабан; 159 – Солянка; 160 – Оршное гнездо; 161 – Турбаза; 162 – Шалкар; 163 – Покровка; 164 – Лебедевска; 165 – Жаман Каргала; 166 – Песчаный карьер; 167 – Болгарка; 168 – Мамай; 169 – Кос Оба; 170 – Карасу; 171 – Эмба; 172 – Жолуткен 4; 173 – Атна; 174 – Уркач I.

МОГИЛА АБЫЛАЯ В ХАНАКЕ ХОДЖА АХМЕДА ЯСАВИ: ОПЫТ АРХЕОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ КАЗАХСКОГО ХАНА

Хан Абылай – одна из знаковых фигур казахской истории. Он включен в справочник «2000 великих людей планеты» (Малая энциклопедия персоналий, 2001, с. 7). Абылай сыграл выдающуюся роль во всенародной освободительной борьбе казахского народа против Джунгарского ханства, а после его гибели – военно-политической экспансии Цинской империи. К моменту выхода Абылая на политическую арену значительная часть территории Казахстана находилась под властью джунгар. Многогранная государственная и политическая деятельность Абылая способствовала возврату захваченных соседями территорий и формированию современной геополитической карты Казахстана.

В советский период истории Казахстана существовал запрет на публикации, посвященные деятелям казахской истории, боровшимся за независимость своего народа и защищавшим целостность исторической территории казахов от посягательств иностранных держав. Был уничтожен почти весь тираж вышедшей каким-то чудом в 1941 г. книги известного литературоведа Б. Кенжебаева «Абылай (казак халкының ерлік тарихынан)» (Ерғобек, 2003, 41–44 бб.).

С обретением независимости в Казахстане начались работы по выявлению мест захоронений ханов и батыров. В могильнике Хан моласы («Ханский могильник») в Актюбинской области много лет ведутся работы по определению местонахождения могилы Абулхаира, в Алматинской области на основе данных карт Генерального штаба Российской империи определены места могил Саурык батыра, Ескожа батыра, Шапрашты Наурызбая и произведены археологические вскрытия захоронений. Поэтому наш опыт изучения могилы Абылай хана представляет определенный интерес при исследовании мест захоронений и других исторических личностей Казахстана.

Необходимо сразу отметить, что работы по изучению могилы Абылай-хана заранее не планировались. В 1994 г. во время посещения

ханаки Ходжа Ахмеда Ясави я узнал, что в ходе производившейся турецкими реставраторами работы по усилению оснований и фундаментов здания было вынесено надгробие Суйунч хана, а располагавшаяся под камнем могила была взята монолитом в изготовленный специально для этого металлический ящик (работами руководил археолог М. Мырзабаев) и перенесена в мавзолей Раби'а Султан Бегим. К этому времени мне было известно сообщение Г. Грумм-Гржимайло о нахождении могилы Абылая под надгробным камнем Суйунч хана (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 63). Понимая, что появилась реальная возможность проверить информацию о месте захоронения знаменитого казахского хана, я обратился к антропологу, члену-корреспонденту НАН РК, д-ру ист. наук О. Исмагулову за содействием. Под его руководством была организована группа исследователей, которая провела комплексное междисциплинарное изучение захоронения взятого методом монолита из-под надгробного камня Суйунч хана.

Результаты выполненной работы на конец 1999 г. были изложены на казахском языке в монографии (Смағұлұлы, Қожаев, Оразакқызы, 1999), вышедшей небольшим тиражом и ставшей библиографической редкостью. В последующие годы члены исследовательской группы продолжили сбор исторической информации, касающейся как места захоронения хана, так и внешних физических особенностей Абылая. Примечательно, что в последние годы выявлены новые исторические факты подтверждающие и дополняющие основные выводы, сделанные в нашей монографии 1999 г.

Предварительное знакомство с некоторыми письменными источниками позволило нам уже на начальном этапе исследования предполагать, что в могиле под надгробным камнем Суйунч хана располагаются костные останки Абылай хана. С целью проверки этой версии был наме-

чен комплексный метод исследования, который включал следующие направления работ:

1. Сбор и анализ всех достоверных сообщений о месте погребения хана Абылая.

2. Археологическое изучение могилы, выявленной под камнем Суйунч хана.

3. Антропологическое изучение костяка из могилы под надгробием Суйунч хана и сопоставление полученных данных с сообщениями достоверных источников о физическом облике Абылай хана.

Первый пункт программы включал работу в архивах и библиотеках, где были просмотрены все доступные нам материалы, что-либо сообщавшие о захоронениях в ханаке Ахмеда Ясави, в особенности о месте погребения и надгробном камне казахского хана. В силу идеологических установок советского времени проблема определения места захоронения казахских ханов вообще не рассматривалась историками, и каких-либо специальных публикаций о месте погребения казахских правителей в историографии Казахстана не существовало. Обзор упоминаний о погребениях или могиле Абылая в г. Туркестане на страницах советской архитектуроведческой или исторической литературы XX в. изложен в нашей монографии (Смағұлұлы, Қожаев, Оразаккызы, 1999, с. 39–42).

Были просмотрены все опубликованные и неопубликованные (включая рукописи отчетов исследований, хранящиеся в фондах государственного музея-заповедника «Азрет султан») работы по погребальной эпиграфике ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. При этом особо следует подчеркнуть, что ни в одном исследовании по погребальной эпиграфике ханаки не зафиксировано надгробие с именем Абылая или текст, в котором был бы как-то упомянут данный казахский хан. Вместе с тем в историко-этнографической литературе конца XIX – начала XX в. есть конкретные сведения о месте погребения Абылая.

Собранные нами данные мы условно подразделяем на три группы. Первая группа источников носила общий характер, ограничивалась сообщением о захоронении казахского хана в туркестанском некрополе. Вторую группу составили указания о захоронении Абылая внутри ар-

хитектурного сооружения Ходжа Ахмеда Ясави. Примечательна выявленная после публикаций нашей монографии информация о месте погребения Абылай хана на страницах «Туркестанской туземной газеты» от 14 марта 1887 г. за № 10: «представители трех жузов посовещались о том, где похоронить хана и, наконец, договорились захоронить его внутри Хазирет султана» (Исмагулова, Косанбаев, 2004, с. 249–251). Предположение о существовании отдельного, специально построенного мавзолея для захоронения Абылая не нашло подтверждения в исторических источниках. Внутри второй группы источников нами выделены сообщения, где указывается конкретное помещение ханаки.

Третью группу источников составляли сообщения, где давались конкретные данные об особенностях надгробия Абылая. Каждое сообщение этой группы проходило проверку на предмет его объективности. Учитывалось время фиксации сообщения, происхождение информации, соответствие с другими достоверными данными. Сведения людей, имеющих родственные связи с ханом Абылаем, духовных лиц г. Туркестана и описания известных русских исследователей, осмотревших ханаку Ходжа Ахмеда Ясави, являются, на наш взгляд, наиболее достоверными.

Самая ранняя по времени информация о могиле Абылая относится к 1882 г., опубликованная спустя более 100 лет после смерти казахского хана в «Известиях Русского географического общества». Незнакомый автор, отметив в обзорном сообщении об исследованиях Н.Н. Балкашина казахов Средней орды, сообщал, что «в Туркестанской мечети Азрет Султана над могилой знаменитого киргизского хана Средней Орды Абылая, умершего в 1781 г., поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнч-ходжа хану...» (Об исследованиях..., 1882, с. 263). Судя по тексту, автор обзора хорошо осведомлен об истории и этнографии казахов. Это сообщение о месте погребения Абылая было воспроизведено в 1926 г. в книге известного географа и исследователя Средней Азии Г. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926, с. 63).

В книге Н.Н. Балкашина, опубликованной в 1887 г., указывается, что «...Абылай умер и

был торжественно погребен в Туркестанской мечети Азрет-султана*» – и далее дается комментарий: «*– Над могилой Абылай-хана положен старинный камень, взятый с находившейся вне мечети могилы Суюнч-ходжи-хана, сродственного Тамерлану по своей матери Рабига» (Балкашин, 1887, с. 21). Автор книги – чиновник по особым поручениям, который в 1880 г., исследуя караванные пути, побывал в г. Туркестане. Он не просто механически записывал услышанную информацию: «собирая сведения о племенах, как пришлось убедиться г. Балкашину, необходимо об одном и том же неоднократно спрашивать в разных местностях и сравнивать варианты» (Об исследованиях..., 1882, с. 262).

В 1894 г. под наблюдением А. Диваева, с участием казия г. Туркестана – Лутфулла-ходжа Казиева были сняты копии с надписей надгробий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави и отправлены с комментариями в г. Казань к востоковеду П.И. Ахмерову. Собранный таким образом информация послужила первоисточником для написания статьи П.И. Ахмерова, в которой указано надгробие казахского хана: «На камне могилы Абылай хана написаны следующие слова:». И далее, после двосточия дается текст и перевод надписи надгробного камня Суйунч хана (Ахмеров, 1896, с. 17–18). То есть из контекста публикаций П.И. Ахмерова следует, что на могиле Абылая стоит надгробие Суйунч хана. Ценность этого сообщения очевидна, она основана на сведениях духовного лица г. Туркестана, ее достоверность подтверждается участием известного исследователя и собирателя казахского фольклора А. Диваева.

Довольно подробно надгробие Абылай хана было описано в 1902 г. Н. Лыкошиным, посетившим вместе с казахскими паломниками ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. В статье Н. Лыкошина, опубликованной первоначально в газете «Туркестанские ведомости», находим следующие сведения о надгробии: «В том же пределе есть еще чудо, это так называемый «айна таш» или зеркало-камень. Это намогильный мраморный камень Абылай хана. Киргиз поражает, что если смотреть сбоку на вертикальную грань памятника, то в ней, как в зеркале, можно видеть стену большой залы мечети, а на стене – тень

большого котла, стоящего посередине зала, несмотря на то что стена находится за косяком двери, ведущей во второй придел». Н. Лыкошин, отметив «камень Абылай хана» звездочкой, дает пояснение: «Вернее, Абулхаир-хана Суюнч-ходжи хана, как значится в надписи на могиле» (Лыкошин, 1902). Таким образом, из публикаций 1902 г. также следует, что на могиле Абылая стоит надгробие Суйунч хана.

Лыкошин Н. указал на особенность надгробного камня Абылая, которая поражала паломников и считалось чудом – «так называемый «айна таш» («зеркало-камень»)). Из описания автора следует, что место упокоения Абылая превратилось в одну из почитаемых казахами могил ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Сакрализация имени и самого места захоронения Абылая говорит об известности места захоронения хана широкому кругу степняков. Н.С. Лыкошин являлся известным знатоком туркестанского быта, владел несколькими восточными языками, перевел историческое сочинение «Тарих-и Наршахи» на русский, и оснований сомневаться в достоверности его сообщения нет. Текст описания могилы Абылая без изменений был приведен через 15 лет в отдельной книге Н. Лыкошина «Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения» (Лыкошин, 1917, с. 221).

Об известности могилы Абылая степнякам свидетельствует и статья 1912 г. известного казахского писателя, общественного деятеля М. Дулатова «Хан Абылай», где приведены некоторые предания о хане. В одной из них рассказывается о поездке Абылая в г. Самарканд, где для него «выкапывают» редкий надгробный камень, который был установлен после смерти хана на его могиле с текстом «Абылай бин Сүйеніш хан» (Дулатов, 1991, 222 б.). Примечательно, что из всех изученных эпитафий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави только на надгробном камне Суйунч хана встречается близкое к указанному начертание имен: «Абу-л-Хайр Суйунч Ходжа хан». С учетом того, что текст надгробия Суйунч хана «написан чрезвычайно сложным и архаичным языком», «написана без диакритики, что крайне осложняет расшифровку и соответственно перевод» (Муминов, Жандарбеков, Бабаджанов, 1995,

с. 3), упомянутая арабографическая надпись на камне Суйунч хана могла восприниматься как «Абылай хан бин Сүйеніш хан». Историкам хорошо известна генеалогия Абылая, и среди его предков нет никого с именем Суйунч хан, отца Абылая звали Вали. На личной печати хана вырезана надпись: Абулай-хан бен Бахадур Вали-султан (Ерофеева, 2001, с. 48–49). Только нахождение на могиле казахского хана надгробия Суйунч хана могло породить вышеприведенное сообщение о надписи камня Абылая.

В 20-х гг. XX в. известный казахский писатель Ж. Аймауытов посетил ханаку Ходжа Ахмеда Ясави и оставил описание надгробного камня Абылая, совпадающий с описанием Н. Лыкошина «айна-таш» – «зеркало-камень». Ж. Аймауытов пишет: «Жағаласан, коридорда Абылайдың көк тасы жатыр. Ұзындығы кісі бойындай, биіктігі орындыктай. Мінсіз, төрт қырлы, көк ала мәрүар. Мұздай жылтыр, айнадай тегіс, шимайша ойып келтірген олпы-солпысыз, үшкір сұлу жазулары жалап қойғандай мүлтіксіз. Ағы мен көгі кара батсайыдай аралас тандиланған, айкасқан... құлпырған көк мәрмер айта калғандай сұлу екен» (Аймауытов, 1990, 6 б.). Судя по его описанию, он располагался в коридоре, представлял собой мраморное надгробие в форме простого параллелепипеда с «красивыми» надписями, «блестящей как лед, отполированной как зеркало» поверхностью. Надгробие Суйунч хана востоковеды относят к разряду выдающихся образцов искусства каллиграфии и резьбы по камню (Babadjanov, Muminov, Paul, 1997, p. 122). Описание согласуется с информацией Н. Лыкошина и М.Е. Массона о зеркальных отражениях эпитафии Суйунч хана. В 1928 г. посетивший ханаку М.Е. Массон, описывая коридор между Большим Аксараем и кабырханой, писал, что «среди других надгробий лежит крупный камень Суюнч-хана, обычно приписываемый его отцу Абулхаиру. Его гладко отполированная поверхность отражает предметы, и если смотреть сбоку на длинную вертикальную грань, то в ней можно увидеть, на основании закона равенства углов падения и отражения, стену казанлыка. За это «чудо» камень прозвали «Айна-таш» – «камень-зеркало» (Массон, 1930, с. 17). Таким образом,

описание Ж. Аймауытова надмогильного камня Абылая соответствует надгробию Суйунч хана. Ни один другой надгробный камень в ханаке Ходжа Ахмеда Ясави не может сравниться с ним как по отделке, так и по «зеркальности». На фотографии этого надмогильного камня в изданном в 2010 г. альбоме зафиксировано отражение кирпичной кладки, расположенной поблизости стены (Мавзолей Ходжа Ахмада, 2010, с. 189).

Потомок хана акын Шади торе (умер в 1933 г.) дал свои координаты местоположения могилы Абылая:

Әзіреттің босағасынан орын қазды
Осылай болмақтығын қабыл көріп,
Сол уақытта табытты алып келіп,
Өлікті салған жерге салып көмді» (Шәді
Жәңгірұлы, 1993, 182 б.).

В нем конкретно указывается место погребения хана Абылая – «у порога святого Азрета» – «Әзіреттің босағасынан». Ориентировка по ним приводит к тому же надгробию Суйунч хана, ибо из всех надмогильных камней ханаки только данная эпитафия установлена у самого порога в усыпальницу Ходжа Ахмеда Ясави.

Таким образом, анализ как письменных, так и фольклорных источников показал, что Абылай хан был захоронен внутри ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Однако в исследованиях по погребальной эпитафике ханаки, проводившихся с перерывами в течение более века, не зафиксировано надгробие с именем Абылая. В то же самое время ряд русских исследователей сообщают как факт наличие на могиле Абылай хана надгробного камня Суйунч хана. Этому сообщению не противоречит анализ достоверных данных о местонахождении захоронения хана, изложенных в разное время и разными лицами. Особо следует отметить, что координаты места могилы Абылая, указанные Шади-торе в ханаке Ахмеда Ясави, точно соответствуют месту расположения надгробного камня Суйунч хана.

Неоднократные прямые и косвенные указания на надгробие Суйунч хана как надмогильного камня, поставленного на могилу Абылая, потребовали проверки сообщения о перевозке «мраморного надгробного камня, привезенного с другого кладбища и принадлежавшего Суюнч-

ходжа». Просмотрев литературу по архитектурным памятникам Средней Азии, мы выяснили, что усыпальница Суйунч хана находится в г. Ташкенте (Ратия, Воронина, 1936; Массон, 1954, с. 126). На основе сведений письменного источника известно, что строительство мавзолея Суйунч хана было закончено в 1531/32 г. (Пугаченкова, Ремпель, 1958, с. 149). И надгробие Суйунч хана безусловно должно было отмечать могилу хана в мавзолее, построенном по приказу его наследника Султан-Мухаммед-бахадур-хана в г. Ташкенте (Булатова, Маньковская, 1983, с. 110). Мы имеем только одну версию о перемещении его в г. Туркестан: «в Туркестанской мечети Азрет Султана, над могилой знаменитого киргизского хана Средней Орды Абылая, умершего в 1781 г., поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнч-ходжа хану...» («Об исследованиях...», 1882, с. 263). Других объяснений появления надгробия Суйунч хана в туркестанском некрополе не существует.

Анализ большинства как письменных, так и фольклорных источников о могиле Абылая показал реальность сообщения русских исследователей в определении местонахождения могилы хана. В настоящее время мы имеем согласующихся друг с другом семь разных по времени и происхождению сообщений о местонахождении ханской могилы. Используемые нами сообщения о могиле Абылая относятся к категории достоверных, ибо они восходят к известным русским исследователям и представителям казахской интеллигенции, посетившим ханаку Ходжа Ахмеда Ясави и видевшим воочию надмогильный камень казахского хана. Поэтому мы были обязаны проверить указанную источниками могилу, взятую монолитом из-под надгробия Суйунч хана. Для продолжения наших исследований в первую очередь был важен вопрос сохранности захоронения.

Нами был произведен анализ документальных источников о сохранности могилы, располагавшейся под камнем Суйунч хана. Работая заведующим отделом археологии в 1988–1997 гг. в Отрарском государственном археологическом заповеднике-музее, в ведении которого была

охрана памятников археологии и Туркестанского района ЮКО, я ежегодно во время служебных поездок по Туркестанскому району посещал ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. Сообщение Г. Грумм-Гржимайло о нахождении могилы Абылая под надгробным камнем Суйунч хана привлекало мое внимание к указанному надгробию. И вплоть до 1994 г. при каждом посещении я с интересом осматривал «айна-таш» – «зеркало-камень», который находился в коридоре «Г». Мне было также известно, что этот коридор в старину именовался «аблай-хана», по имени погребенного здесь хана, о чем еще в 1962 г. Л.Ю. Маньковская написала в монографическом исследовании о ханаке Ходжа Ахмеда Ясави (Маньковская, 1962, с. 96, прим. 6). Личное знакомство и переписка с руководителем реставрационных работ в 1955–1959 гг., архитектором, доктором искусствоведения Л.Ю. Маньковской позволяли мне достаточно уверенно ориентироваться в вопросах реставрации ханаки Ходжа Ахмеда Ясави.

С целью углубленного изучения вопроса сохранности захоронения мною были просмотрены публикации о ханаке Ходжа Ахмеда Ясави, все доступные отчеты реставраторов, собранные турецкой фирмой «Вакиф иншаат» из архивов Узбекистана, где изложены какие-либо сведения о коридоре «аблай-хана», планы местонахождений надгробных плит.

Необходимо отметить, что в отчетах реставраторов отсутствует информация о перемещениях надгробия Суйунч хана, о перекопах в ближайших к надгробию участках. Передвижение надгробий и перекопы в ханаке были связаны с подведением фундаментов под стены в аварийных помещениях и в первую очередь затрагивали эпитафии, располагавшиеся у стен. А надгробный камень Суйунч хана находился у проема под аркой в усыпальницу, и у реставраторов необходимости в передвижении его с целью подведения фундамента под стены не имелось. Кроме того, крупные размеры и немалый вес надгробного памятника, на наш взгляд, также способствовали сохранению расположенной под ним могилы. Мраморное надгробие Суйунч хана является самым крупным из надмогильных камней ханаки Ходжа Ахмеда Ясави. Исследовате-

ли эпитафий считают, что подобные надгробия весят около двух тонн (Babadjanov, Muminov, Paul, 1997, с. 121). Необходимо также учесть наличие под мраморным надгробием Суйунч хана довольно внушительного каменного подиума – плиты размером 245х95х25 см. Поэтому общий вес надгробного памятника составлял более двух тонн.

Первым о нахождении надгробия Суйунч хана в туркестанской ханаке сообщил востоковед П. Лерх, побывавший в г. Туркестане в 1867 г. (Лерх, 1870). Расположение надмогильного камня Суйунч хана в примыкающем к усыпальнице коридоре, поблизости к могиле туркестанского шейха, отмечено М.Е. Массоном, посетившим архитектурный комплекс в 1928 г. (Массон, 1930, с. 8, 17). На плане ханаки 1938 г. (Смағұлұлы, Қожаев, Оразаккызы, 1999, с. 70, рис. 8), на чертеже 1939–1941 гг., на обмерных чертежах 1956–1957 гг. (Mankovskaia, 1985, pl. II.), на плане 1975 г. (Туякбаев, 2000, с. 46–47) надгробие Суйунч хана фиксируется на одном и том же месте – в коридоре «Г», перед проемом в усыпальницу святого (рис. 1). На указанных планах эпитафия Суйунч хана располагается ближе всех других надгробий к могиле Ходжа Ахмеда Ясави. О том, что данное надгробие не меняло свое положение, свидетельствует и книга атеиста О. Дастанова, в которой конкретно обрисовано местонахождение и зеркальные отражения камня Суйунч хана (Дастанов, 1967, с. 24). Она идентична описаниям Н. Лыкошина и М.Е. Массона. При изменении местоположения на верхней плоскости надгробия должны были отражаться совсем другие детали архитектурного комплекса.

Местоположение надгробия Суйунч хана перед проемом в усыпальницу Ходжа Ахмеда Ясави зафиксировано в фотоальбоме 1980 г. (Нурмухаммедов, 1980, с. 165). Примечательно, что надгробный камень Суйунч хана отмечен как один из непо потревоженных надгробий ханаки Ходжа Ахмеда Ясави в письме 1992 г. (опубликовано в 1999 г. после смерти автора) канд. ист. наук, этнографа, экс-министра культуры У. Жанибекова в правительство о проблемах сохранения туркестанской ханаки (Жәнібеков, 1999, 132 б.).

Таким образом, анализ документальных источников о местоположении надгробия Суйунч хана свидетельствует, что надгробие и соответственно расположенная под ним могила находились в *in situ* на ханаке до начала реставрационных работ, начатых в 1993–1994 гг. турецкой фирмой «Вакиф иншаат».

В связи с необходимостью усиления фундаментов ханаки Ахмеда Ясави в 1993–1994 гг. было решено переместить два оставшихся нетронутыми надгробия, а находившиеся под ним могилы взять монолитом в металлические ящики до возвращения их на свои места. Администрация заповедника-музея «Азрет Султан» для этой цели заказала два металлических ящика. После выноса каменного надгробия Суйунч хана археолог М. Мырзабаев (сотрудник института «Казпроектреставрация») произвел работы по определению места захоронения, непосредственно находившегося под надгробным камнем Суйунч хана. Согласно сообщению М. Мырзабаева им были произведены работы по вырезке могилы от окружающего грунта методом монолита, описание которого изложено в учебных пособиях по полевой археологии, и заключению монолита в сборный металлический ящик. Причем вскрытие и расчистки внутри могильной ямы не производились. Затем металлический ящик с монолитом был перенесен в центральное помещение мавзолея Раби'а Султан Бегим.

Второй пункт исследовательской программы включал археологическую расчистку заключенной в металлический ящик могилы, которая была выполнена нами в мае 1995 г. под наблюдением члена-корреспондента НАН, д-ра ист. наук О.И. Исмагулова, антрополога А.О. Исмагуловой. Расчистка показала, что при взятии монолитом могила частично не вместились в заранее изготовленный металлический ящик. За бортом ящика остались локтевая кость и кисти правой руки погребенного. Этот факт также свидетельствует, что опытный археолог М. Мырзабаев не производил вскрытие и расчистку захоронения и положение погребенного им определялось приблизительно. Археологическая расчистка показала, что костные останки погребенного в могиле, кроме не вместились в металлический ящик

локтевой кости и кисти правой руки, располагались в непотревоженном состоянии.

Сохранившаяся часть могильной ямы свидетельствует, что она была, скорее всего, овальной формы. Прослеживается выкладка из сырцовых кирпичей размерами 18х10 – 9х7–6 см, поставленных на ребро. Погребенный был положен на спину. Причем лицевая часть черепа повернута вправо. Правая рука была вытянута вдоль тела. Левая рука несколько согнута в локте. Левая нога вытянута, правая нога несколько согнута в колене. Пяточные кости сходятся друг с другом (рис. 2).

Черты погребального обряда захоронения в могиле взятого монолитом под надгробием Суйунч хана соответствуют археологически зафиксированным на территории Южного Казахстана мусульманским позднесредневековым погребениям. При датировке захоронения учитывали, что перекрывающее могилу надгробие было изготовлено для Суйунч хана, умершего в 1525 г., а верхняя граница определяется временем посещения г. Туркестана П. Лерхом в 1867 г.

Имеющиеся у археологов материалы по мусульманским погребениям ханаки Ходжа Ахмеда Ясави позволили сделать вывод, что в XV–XVII вв. вытянутая на спине поза погребенных была присуща местным захоронениям и сохранилась у казахов до настоящего времени (Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977, с. 62). Вытянутые на спине позы погребенных выявлены в слоях конца XVII – первой половины XVIII в. стратиграфического раскопа Отрара (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 53–55, 82, рис. 9; Ерзакович, 1980, с. 106). Поэтому рассматриваемое захоронение безусловно является позднесредневековым, а рассмотренный погребальный обряд является типичным и для периода жизни Абылая.

Доктор ист. наук О. Исмагулов и А.О. Исмагулова произвели антропологическое изучение костяка из-под надгробия Суйунч хана. Полученные данные сопоставлялись со сведениями письменных источников о физическом облике Абылай хана (Смағұлұлы, Қожаев, Оразаккызы, 1999, 79–86 бб.). Результаты исследования черепа показали, что он принадлежит

мужчине старческого возраста с хорошо сращенными швами на черепной коробке (около 70 лет, явно за 60), что совпало с сообщением сына Абылая о смерти отца в возрасте 69 лет (Казахско-русские..., 1964, с. 10). При исследовании черепа антропологи отметили, что на верхней и нижней челюстях сильно редуцированы альвеолярные края и их поверхность – гладкая, без каких-либо следов корневых лунок для всех классов зубов (рис. 3). По мнению антропологов, прижизненное выпадение зубов у изученного индивидуума началось с 50-летнего возраста. Данный вывод совпадал с информацией опубликованной в 1910 г. известным собирателем фольклора тюркоязычных народов Курбангали Халиди: как-то во времена Абылая собрались сподвижники и вспоминали о своих подвигах. Кабанбай батыр особо подчеркивал свои подвиги, за что получил титул батыр. В этот момент Абылай спросил «а мой подвиг сравним с твоим?». Отвечая на этот вопрос Кабанбай сказал: «А, опырык (беззубый), ты равный мне храбрец (Курбангали Халид, 1992, 173 б.).

Результатами остеометрического изучения длинных костей установлено, что общая условная длина тела при жизни у изученного индивидуума составляла около 164 см, что находит соответствие с описанием о внешности хана капитаном И.О. Бреховым, побывавшим в ставке Абылая в 1776 г.: «Летами он, Абылай, хотя уже не молод, и по примечанию моему кажется за семьдесят перешел. Однако собою еще здоров и виден, росту небольшого (Цинская империя..., 1989, с. 97). На изученном скелете обнаружен перелом левого бедра (рис. 4). Перелом зарос, оброс костными мозолями так, как бывает только до 50 лет: это биологическая особенность костной ткани. По мнению антропологов, характер, степень тяжести и место локализации перелома свидетельствуют, скорее не о бытовом происхождении травмы, а о том, что это результат очень сильного направленного удара тяжелым острым предметом, т.е. следствие военного ранения. Как известно при близком сражении на верхом коне часто удары приходятся на левую ногу всадника. Данные выводы находят соответствие с указаниями места ранения Абылая. О ранении

казахского хана в бедро в сражении с китайцами в августе 1756 г. доносил башкирский старшина Абдулла Каскинов: «Оной Аблай ис походу своего возвратился токмо неблагополучно ... салтан в ледвею копьем так сильно ранен, что от того и по отъезду их ходить не мог и в крайней слабости здоровья своего остался» (Гуревич, 1979, с. 133). В XVIII в. словом лядвея обозначали верхнюю часть ноги до колена, бедро (Словарь русского языка..., 1984, с. 25). О ранении в левую ногу и благополучном выздоровлении его говорится в преданиях казахов Китая об Абылае (Смағұлұлы, Қожаев, Оразакқызы, 1999, 84–85 б.). Причем, с учетом рождения Абылая в 1711 г., ранение произошло в возрасте 45 лет. Как видим и рана совпадает с временной хронологией.

Подводя итоги сопоставления основных антропологических данных с сообщениями достоверных источников о физическом облике Абылай хана видим полное совпадение: пол и возраст изученного черепа и посткраниального скелета, отсутствие зубов, перелом левого бедра находят соответствие с достоверными сведениями о внешности Абылай хана (Смағұлұлы, Қожаев, Оразакқызы, 1999, 79–86 бб.). Полное сопоставление данных письменных источников об Абылае с антропологическими данными, полученными при изучении скелета из могилы под надгробием Суйунч хана, приведено в таблице I.

Весь комплекс индивидуальных анатомо-топографических и антропологических особенностей изученного скелета из-под надгробного камня Суйунч хана позволяет однозначно идентифицировать его с исторической личностью Абылай хана.

Каким образом надгробие Суйунч хана оказалось на могиле Абылая ?

Согласно данным русской администрации, которая пристально следила за передвижением хана, последний поход Абылай совершил в г. Ташкент. Можно предположить, что именно тогда как трофей было вывезено ханом из Ташкента надгробие Суйунч хана – «зеркало-камень» – «чудо» (как писал об этом камне Н. Лыкошин), который после последовавшей смерти Абылая и был положен на его могиле. Историкам извест-

но, что в 1425 г. Улугбек, совершив поход в Могилистан, вывез нефритовый камень, который был использован в качестве надгробия Тимура, а в 1740 г., после захвата Самарканда иранскими войсками, по приказу Надир шаха был увезен намогильник Тимура с целью использования в строящейся усыпальнице правителя Ирана (Бартольд, 1966, с.238-242).

Факт вторичного использования надгробия с чужой могилы зафиксирован на средневековом кладбище в г. Туркестане. Так, надгробие №18, датированное концом XV – началом XVI в., в 1689 г. было переделано в надгробие Карона биби, дочери великого Амира Насруллаха (Муминов, Жандарбеков, Бабаджанов, 1995, с. 18). Подобные примеры выявлены исследователями и в некрополях Средней Азии (Babadjanov, Muminov, Paul, 1997, p. 124; Мухтаров, 1979, с. 13; Некрасова, 2002, с. 256–261).

Таким образом, было проведено комплексное междисциплинарное изучение могилы Абылай хана. В результате анализа комплекса источников было определено точное местонахождение могилы казахского правителя, что является отправной точкой для дальнейших исследований. Располагавшееся на этом месте захоронение сохранилось в неповрежденном состоянии, что позволило провести археологическое изучение, а затем антропологическое изучение костных останков. Сопоставление полученных материалов с известиями письменных и фольклорных источников о физическом облике казахского хана, позволили однозначно идентифицировать погребенную в этой могиле личность с ханом Абылаем. Антропологом Е. Веселовской в лаборатории М. Герасимова была осуществлена скульптурно-пластическая реконструкция лица по черепу, которая реально отражает физический облик Абылая со всеми присущими ему половозрастными, индивидуальными особенностями (рис. 5).

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. – Алма-Ата: Наука, 1972.

- Аймауытов Ж. Әзірет Сұлтан // «Парасат» ж-лы. – 1990. – № 3.
- Ахмеров П.Н. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1896. – Т. 13. – Вып. 1.
- Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. – Санкт-Петербург, 1887.
- Бартольд В.В. Новые данные о самаркандских памятниках. Собр. соч. – Т. 4. – М.: Восточная литература, 1966.
- Булатова В. А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента (XVI–XIX вв.). – Ташкент, 1983.
- Грумм-Гржимайло Г. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926.
- Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1979.
- Дастанов О. «Әулиелі» жерлер туралы шындық. – Алматы, 1967.
- Дулатов М. Таңдамалы шығармалар. – Алматы, 1991.
- Ергөбек К. Арыстар мен ағыстар. – Алматы, 2003.
- Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). – Алматы: Аркаим, 2001.
- Ерзакович Л.Б. Раскопки в восточной части Отрара (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980.
- Ерзакович Л.Б., Нурмухамбетов Б.Н., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977.
- Жәнібеков Ө. «Әзірет Сұлтан» қорығы жөнінде // Өзбекәлі Жәнібек. Жарияланбаған жазбалар мен ол туралы естеліктер. – Алматы: Арыс баспасы, 1999.
- Исмагулова А., Косанбаев С. Новые данные об Аблай хане // Материалы пленарного заседания Международной науч.-практ. конференции «История цивилизации и духовной культуры кочевников» в 2-х томах. – Павлодар, 2004.
- Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. – Алма-Ата: Наука, 1964.
- Құрбанғали Халид. Тауарих хамса. – Алматы, 1992.
- Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. – СПб., 1870.
- Лыкошин Н.С. Суеверия киргиз, связанные с Туркестанской мечетью Хазрет Султана // Туркестанские ведомости. – 1902. – № 17.
- Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград, 1917.
- Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Авторы текста А.К. Муминов, М.Б.Кожанов, С. Моллаканатгулы. – Алматы: Эффект, 2010.
- Малая энциклопедия персоналий. 2000 великих людей. – Харьков, 2001.
- Маньковская Л.Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV в. (Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави) // Искусство зодчих Узбекистана. – Вып. 1. – Ташкент: Наука, 1962.
- Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. – Ташкент, 1930.
- Массон М.Е. Прошлое Ташкента // Известия АН УзССР. – Ташкент, 1954.
- Муминов А.К., Жандарбеков З., Бабаджанов Б. Отчет по предварительным исследованиям погребальной эпиграфики комплекса Ходжа Ахмеда Ясави. Рукопись. 1995 г. / «Әзірет Сұлтан» қорық-музейі архиві.
- Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана. Кн. II. – Душанбе, 1979.
- Некрасова Е. Комплекс дахма-и шахан в ансамбле Баха ад-дина // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 33. – Ташкент, 2002.
- Нурмухамбетова Н. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. – Алма-Ата, 1980.
- Об исследованиях Н.Н. Балкашина касательно киргизской орды // Изв. Русского географического общества, 1882. – Вып. 18.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. – Ташкент, 1958.
- Ратия Ш.Е., Воронина Л.Н. Мавзолей Барак-хана // Архитектура СССР. – 1936. – № 11.
- Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 12. – Л., 1984.

Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразакқызы А. Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу. – Алматы: Атамұра, 1999.

Тұяқбаев М. Түркістанда жерленген тарихи тұлғалар. – Алматы, 2000.

Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX века. – Ч. 1, 2. – Алма-Ата, 1989.

Шәді Жәңгірұлы. Тарихат // Абылай хан. – Алматы, 1993.

Babadjanov B., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften. – Wiesbaden, 1997.

Mankovskaia L.IU. Towards the study of forms in Central Asian architecture at the end of the fourteenth century: the mausoleum of Khvaja Ahmad Yasavi // Iran. XXIII, 1985.

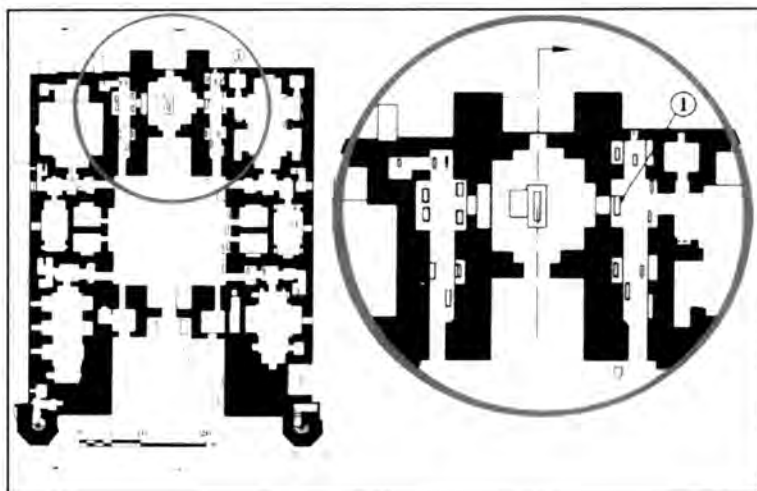

Рис. 1. План ханаки Ходжа Ахмеда Ясави 1938 г. и местоположение надгробия Суйунч хана («айна-таш»)

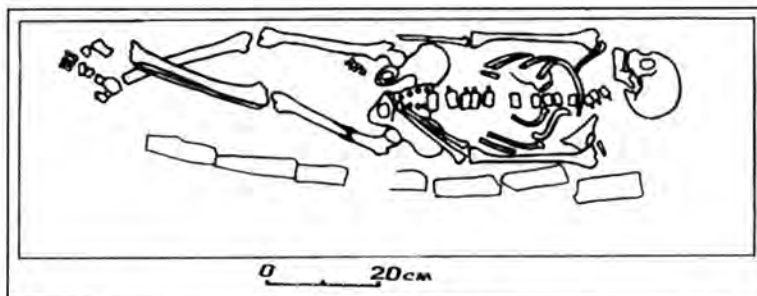

Рис. 2. План погребения, выявленного под надгробием Суйунч хана

Рис. 3. Нижняя челюсть без каких-либо следов корневых лунок для зубов

Рис. 4. Перелом левого бедра, перенесенного данным индивидуумом. На месте перелома довольно крупная костная мозоль

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ «ПОДБОЙНЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ В САЯНО-АЛТАЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ¹

Важным элементом культуры древних и средневековых обществ являлся погребальный обряд. Традиции в этой сфере имели весьма консервативный характер, а любые изменения были обусловлены серьезными историческими событиями – миграцией, завоеванием и др. Нередко даже отдельный показатель погребальной практики является свидетельством определенных процессов, происходивших в исследуемом обществе, и может рассматриваться как хронологический и этнокультурный маркер. По мнению многих исследователей, в обряде раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии такое значение имеют могилы с подбоем, получившие распространение в культурах кочевников второй половины I тыс. н.э.

Подбой может быть определен как вариант оформления погребальной камеры, предполагающий сооружение в боковой стенке могильной ямы ниши для помещения туда умершего человека, животного, предметов сопроводительного инвентаря, остатков трапезы и др. В археологической литературе достаточно подробно рассмотрены различные конструкции подбоев, обозначены признаки, отличающие данные сооружения от катакомб, а также представлены некоторые проблемы семантики указанной традиции (Соснов, 1994, с. 50; Смирнов, 1997, с. 218; Миняев, 2001, с. 128; Флеров, 2007, с. 82–102), что позволяет не останавливаться на этом дополнительно. При изучении имеющихся исследований становится очевидным, что историко-культурная интерпретация подбоя различна для конкретных территорий и хронологических периодов. При возможном едином истоке традиции сооружения таких конструкций, дальнейшее их распространение было обусловлено специфическими процессами для отдельных обществ. В настоящей статье представлены возможности интерпретации погребений в подбое в обрядовой практике раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая, Центральной Азии и сопредельных территорий.

История исследований

Различные аспекты изучения места погребений в подбое в культурах кочевников Саяно-Алтая, Центральной Азии и сопредельных территорий раннего средневековья неоднократно затрагивались в работах целого ряда археологов. Не останавливаясь подробно на всех нюансах, обозначим основные взгляды исследователей, определившие современные представления об интерпретации данного элемента обрядовой практики кочевников региона.

Одной из наиболее распространенных является точка зрения о том, что раннесредневековые погребения в подбоях, раскопанные на территории Саяно-Алтая и Центральной Азии, связаны с уйгурами. Основанием для такого предположения стали работы Л.Р. Кызласова (Кызласов, 1969, с. 56–87; Кызласов, 1981), в которых археолог отнес к памятникам обозначенной общности кочевников захоронения в катакомбах могильников Чааты I и II в Туве. Впоследствии данная позиция получила поддержку и развитие в публикациях ряда исследователей. Тезис о том, что погребения в подбоях в культуре раннесредневековых тюрок Тувы являются результатом влияния уйгуров, последовательно представлялся в статьях Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова, 1982, с. 217; 1983, с. 65; 1984, с. 219). В работах других археологов такой вариант интерпретации могил с боковой нишей распространялся и на памятники сопредельных территорий (Савинов, 1984, с. 93; Нестеров, 1985, с. 118; Алехин, Илюшин, 1998, с. 211–212).

Следует подчеркнуть, что веских аргументов в пользу обозначенной гипотезы, помимо утверждения об уйгурской принадлежности комплекса Чааты, высказано не было. Вместе с тем, такая атрибуция указанного памятника представляется в настоящее время, по меньшей мере, неоднозначной. Впервые вопрос о пересмотре датировки и этнокультурной принадлежности комплекса Чааты, предложенной Л.Р. Кызласовым, был поднят О.Б. Варламовым (Варламов, 1987, с. 181–183). По мнению исследователя,

объекты указанного некрополя относятся к «гунно-сарматскому» времени, а зафиксированная специфика погребального обряда (сооружение катакомбы под земляным курганом, кольцевая деформация черепов умерших и др.) указывает на западные аналогии. В развернутом виде данная точка зрения представлена в работе Ю.С. Худякова (Худяков, 2006, с. 80–88). Исследователь предложил рассматривать могильники Чааты I и II в рамках самостоятельной археологической культуры второй четверти – середины I тыс. н.э. Происхождение традиций, зафиксированных в материалах данных памятников, Ю.С. Худяков (Худяков, 2006, с. 83) связал с пришлым этносом, мигрировавшим на территорию Тувы из южных районов Центральной Азии. Предлагались и другие варианты интерпретации чаатинского комплекса (Азбелев, 1991; Савинов, 2006). Что касается концепции Л.Р. Кызласова, то в последние годы она продолжает транслироваться некоторыми исследователями (Длужневская, Савинов, 2007, с. 142–143), однако в большей степени рассматривается уже только в историографическом плане (Ховалыг, 2010, с. 46–48).

В такой ситуации несколько более обоснованной выглядит позиция археологов, которые предполагают связь «подбойных» погребений раннесредневековых тюрок с традициями, характерными для населения Средней Азии предшествующего времени. Отмечено, что на территории Тянь-Шаня могилы с боковой нишей фиксируются в памятниках раннего железного века, однако захоронения лошади там не получили распространения. Поэтому погребения тюркской культуры в подбое и в сопровождении животного, исследованные в указанном регионе, могут являться результатом смещения местного населения и пришлых центрально-азиатских племен кочевников (Москалев, Табалдиев, Митько, 1996, с. 62; Табалдиев, 1996, с. 25). Возможное происхождение раннесредневековых «подбойных» погребений Тувы из Средней Азии или малоисследованных районов запада Центральной Азии отметил С.С. Миняев (Миняев, 2001). При этом исследователь подчеркнул, что уже в хуннское время подобные объекты получили распространение на обширных территориях, что, вероятно, демонстрирует традиции определенной группы населения. Своего рода развитием обозначенных точек зрения стало предполо-

жение Г.В. Кубарева (Кубарев, 2005, с. 20) о том, что появление подбоев в культуре раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая обусловлено контактами с «западными» тюрками. В качестве подтверждения исследователь привел указанные выше материалы раскопок захоронений с лошадью на территории Тянь-Шаня.

В целом, вопросы интерпретации раннесредневековых погребений в подбое в культурных традициях раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая, Центральной Азии и сопредельных территорий остаются открытыми. Уточнение имеющихся представлений требует проведения специального исследования с учетом всех показателей, характерных для таких памятников.

Анализ материалов

В письменных источниках не содержится информации о сооружении подбоя в обрядовой практике какой-либо общности кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии раннего средневековья. Имеются сведения о том, что в более позднее время (в середине XIII в.) для погребения представителей знатных родов монгольского общества в могильной яме делали боковую нишу (Джиованни дель Плано Карпини, 1957, с. 32–33). На основании этих материалов некоторые исследователи называют захоронения в подбое, раскопанные на различных территориях, среди отличительных признаков обрядности монголов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 159–161; Именхоев, Коновалов, 1985, с. 83–84). Вместе с тем, приведенные данные мало применимы для атрибуции памятников второй половины I тыс. н.э., учитывая сложные этнокультурные процессы, происходившие в рассматриваемом регионе в указанный период. Поэтому единственным источником в данном случае являются погребальные комплексы раннего средневековья. В настоящей работе рассматривались, главным образом, захоронения тюркской культуры, исследованные на территории Саяно-Алтая. Для уточнения некоторых вопросов привлекались также результаты работ на памятниках данной общности в Монголии и Кыргызстане. Кроме того, учитывались материалы раскопок раннесредневековых комплексов Восточного Казахстана (культура кимаков). Вопросы, затронутые в работе, определили необходимость обращения и к другим материалам в широких территориальных и хронологических рамках.

Рассмотрение опубликованных и частично введенных в научный оборот материалов раскопок более 300 погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая позволило выявить ряд захоронений в подбое (рис. 1). Наибольшее распространение такие объекты получили в Минусинской котловине – 14 могил (Евтюхова, 1948, с. 61–62, рис. 112; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 1–4; Худяков, 1999, с. 23; 2004, с. 28–32) и Туве – 12 погребений (Трифонов, 1975, с. 236–237; Овчинникова, 1982, с. 210–212, рис. 1; Овчинникова, 1990, рис. 1; Овчинникова, 2004, с. 88–108; Длужневская, 2000, с. 179; Длужневская, Савинов, 2007, с. 127). Только одно подобное захоронение зафиксировано на Алтае (Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 73, рис. 6). Кроме того, имеется информация о подбоях в двух погребениях Монголии (Худяков, Цэвендорж, 1999, с. 84; Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 177), однако, отсутствие четкого описания конструкций, а также отражения их в иллюстративном материале не позволяет в полной мере привлекать данные объекты.

Рассмотрим основные показатели погребальных сооружений, характерные для захоронений тюркской культуры в подбоях. При исследовании памятников Тувы и Алтая фиксируется устойчивая корреляция могил с боковой нишей с наземными конструкциями в виде крепиды или ограды (рис. 1, 1, 4). Такие сооружения возведены над всеми погребениями в подбое на указанных территориях. Данный показатель не выглядит случайным, учитывая то, что подобные сложные надмогильные конструкции характерны только для 22–28% памятников тюркской культуры Алтая и Тувы (Серегин, 2009, табл. 1). Значительно реже крепиды или ограды возводились над могилами с подбоем, исследованными в Минусинской котловине. Другой отличительной характеристикой комплексов обозначенного региона является распространение впускных погребений, большая часть которых включала захоронение в боковой нише (Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 1–4).

Характерным признаком захоронений в подбое, зафиксированным при исследовании разновременных комплексов на обширных территориях, является отделение входа в нишу стенкой из различных материалов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 124; Левина, 1996, рис. 55; Кору-

сенко, 2003, рис. 37; и мн. др.). Такая ситуация фиксируется и в материалах тюркской культуры Саяно-Алтая (рис. 1, 2, 3, 7, 8). В Туве почти во всех могилах подбой был закрыт каменной стенкой, в одном случае дополненной перегородкой из деревянных кольев (Овчинникова, 1982, рис. 1). Гораздо большая вариативность таких конструкций зафиксирована в ходе раскопок на территории Минусинской котловины. Перегородки, отделявшие захоронение в подбое на памятниках этого региона, были каменными (Худяков, 2004, с. 28–29), деревянными (Савинов и др., 1988, рис. 1–4), представляли собой грунтовую перемышку (Евтюхова, 1948, с. 61–62, рис. 112; Худяков, 1999, с. 23) или вообще отсутствовали (Савинов и др., 1988, рис. 3, 3; Худяков, 2004, с. 30). Не встречено каких-либо дополнительных конструкций и при исследовании погребения в боковой нише на Алтае (Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, рис. 6) (рис. 1, 5, 6).

Подбой обычно сооружался для помещения туда умершего человека. Единственное известное исключение в материалах тюркской культуры Саяно-Алтая представляет погребение в Минусинской котловине, где в боковой нише могильной ямы находилась лошадь (Худяков, 1999, с. 23). Судя по приведенному описанию, такая же ситуация зафиксирована в ходе раскопок впускного захоронения тюркской культуры в Монголии (Эрдэнэбаатар, Турбат, Худяков, 2004, с. 177). Весьма типичны и показатели ритуала, характерные для захоронений в подбое. В погребениях Тувы и Алтая зафиксирована ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего (рис. 1, 2, 5). Для могил с боковой нишей, исследованных в Минусинской котловине, отмечена западная с отклонениями ориентация человека и лошади, а также помещение животного справа. Обозначенные характеристики соответствуют двум «стандартам» погребального ритуала, получившим распространение в обрядовой практике населения тюркской культуры Саяно-Алтая (Серегин, 2010а, с. 177).

В целом, необходимо подчеркнуть, что могилы с подбоем в полной мере «вписываются» в общую концепцию погребального обряда населения тюркской культуры. В «обычных» мо-

гилах рассматриваемой общности умерший человек нередко отделен от лошади перегородкой из различных материалов, а сопроводительное захоронение животного зачастую находится на приступке, немного выше погребенного. Схожая ситуация наблюдается и при изучении могил с боковой нишей. Подбой, в котором помещен умерший человек, отделен стенкой от лошади, находившейся в основной части ямы. При этом уровень боковой ниши практически во всех случаях ниже уровня основной могилы. Не фиксируется каких-либо отклонений в традициях погребального ритуала, а также характерном для тюркской культуры составе сопроводительного инвентаря. Важно отметить, что в ряде случаев захоронения в боковой нише исследованы на могильниках в одной группе с «обычными» объектами (Худяков, 2004, с. 28–32; Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, рис. 4). Все это позволяет утверждать, что погребения в подбоях не являются инокультурными по отношению к другим памятникам рассматриваемой общности. Судя по всему, такие объекты принадлежат определенной группе населения в рамках тюркской археологической культуры.

Анализ имеющихся материалов позволяет обозначить два основных варианта объяснения появления могил с подбоем в обрядовой практике населения тюркской культуры Саяно-Алтая. Выше отмечалось, что традиция совершения захоронений в боковой нише фиксируется в памятниках предшествующего хронологического периода. Поэтому не исключено, что обозначенный элемент погребального обряда тюркской культуры уходит корнями в культурные традиции населения Саяно-Алтая и сопредельных территорий «гунно-сарматского» времени. Действительно, захоронения в подбое встречаются при исследовании памятников кокзельской (Николаев, 2001, с. 10), булан-кобинской (Матренин, 2005, с. 111) культур и грунтовых могильников тесинского этапа (Савинов, 2009, с. 73). На более отдаленных территориях Средней Азии подобные объекты также получили распространение (Горбунова, 1991). Очевидные черты преемственности с традициями более раннего времени, фиксирующиеся в материалах тюркской культуры (Савинов, 1998; Тишкин, Серегин, 2011) являются косвенным подтверждением данной точки зрения.

Вместе с тем, предположение о генетической преемственности раннесредневековых «подбойных» погребений Саяно-Алтая с памятниками предшествующего периода имеет слабые места. Захоронения в боковой нише не встречаются в ходе раскопок памятников начальных этапов в развитии тюркской культуры. Наиболее ранние «подбойные» погребения данной общности датируются второй половиной VI – первой половиной VII вв., однако исследованы такие объекты пока только на территории Тянь-Шаня (Бернштам, 1952, с. 81–83, рис. 44–45). В памятниках Саяно-Алтая захоронения в боковой нише появляются несколько позже. Установление и обоснование хронологии погребений в подбое, исследованных в указанном регионе, требует проведения отдельного исследования, однако очевидно, что основная их часть датируется в рамках второй половины VII–VIII вв. Поэтому нельзя исключать, что рассматриваемый показатель обряда является для культуры раннесредневековых тюрков новацией, привнесенной на определенном этапе развития данной общности в результате этнокультурных контактов с какой-либо группой населения.

Однозначное заключение в данном случае являлось бы явно преждевременным. И все же, в свете известных материалов раскопок археологических комплексов Саяно-Алтая различных хронологических периодов, первое из высказанных предположений выглядит более предпочтительным. В распоряжении археологов нет сведений о том, что раннесредневековые захоронения в боковой нише связаны с какой-либо конкретной этнической группой, чего, безусловно, нельзя исключать. Между тем, погребения в подбое исследованы на памятниках региона «раннескифского» (Демин, Шульга, 1995, с. 98–101; Тишкин, 1996, с. 24, рис. 13; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 59), скифо-сакского (Могильников, 1983, с. 53–54; Могильников, 1994, с. 36–38; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 134) и «гунно-сарматского» (Комплексы археологических памятников..., 1979, с. 80, рис. 53; Соенов, 2000, с. 48–49, рис. 5, 6; Кирюшин, 2011, с. 96) периодов. Во всех общностях указанного времени захоронения в боковой нише представляли собой незначительное меньшинство, однако это не становится основанием для утверждения о том, что такие комплексы являются инокультурными. Скорее это может

демонстрировать присутствие во многих объединениях кочевников Саяно-Алтая некоего компонента, не имевшего доминирующего значения, но сохранявшегося на протяжении длительного промежутка времени. Подчеркнем, что данное утверждение в настоящее время можно рассматривать только как рабочую гипотезу.

Вероятно, такая сравнительно немногочисленная группа, хоронившая умерших в подбоях, присутствовала и среди кочевников тюркской культуры. Судя по материалам раскопок на территории Саяно-Алтая, представители данного населения имели в обществе раннесредневековых кочевников различный статус. Наиболее монолитно выглядят погребения в подбоях, исследованные в Туве. Здесь они сконцентрированы на нескольких некрополях, расположенных достаточно компактно в центральной части региона. Очевидно, данные памятники не связаны с представителями элиты социума раннесредневековых тюрков (Сергеев, 2010б). Однако, следует согласиться с Б.Б. Овчинниковой (Овчинникова, 1983; 1984) в том, что большая часть тувинских захоронений в подбоях принадлежит профессиональным воинам, в том числе командовавшим подразделениями различного уровня. Совершенно иная ситуация характерна для погребений в боковой нише, раскопанных на территории Минусинской котловины. «Подбойные» захоронения тюркской культуры в этой части Саяно-Алтая расположены дисперсно и встречаются на могильниках, исследованных во всех частях региона. Социальный статус погребенных различен, однако очевидно, что значительная часть объектов оставлена населением, не отличавшимся при жизни высоким положением. Наиболее «иногородней» рассматриваемая традиция выглядит на Алтае. Единственное достоверно известное погребение в подбоях исследовано в группе наиболее южных комплексов указанного региона. Имеется также указание на погребение в подбоях на могильнике Талдуаир I (Кубарев, 2005, с. 377, табл. 97), однако отражение данной конструкции в иллюстрациях отсутствует. Учитывая то, что данную зону можно назвать контактной, не исключено, что появление подбоя в данном случае связано с влиянием населения соседних регионов.

Обратимся к материалам раскопок погребений в подбоях, полученным на сопредельных

территориях. Достаточно немногочисленны захоронения в боковой нише в культуре кимак-Восточного Казахстана. Подобные объекты исследованы на памятниках Акчий I–III, Ахмирово I, Зевакино, Карашат I–II, Когалы II, Кондрагеевка (Ахинжанов, 1987; Суворова, Ткачев, 1995; Алехин, Илюшин, 1998; Арсланова, 1998). Во всех случаях «подбойные» погребения зафиксированы на некрополях, основную часть которых составляют захоронения в простых могильных ямах. Отмечены немногочисленные случаи, когда рассматриваемые объекты содержали «выдающийся» сопроводительный инвентарь и являлись центральными, что является одним из свидетельств высокого прижизненного статуса умерших (Ахинжанов, 1987, с. 186–190, рис. 96–97). Однако, чаще наблюдается обратная ситуация. Значительная часть погребений в подбоях кимак-Восточного Казахстана представляют собой захоронения рядовых членов социума. Зафиксировано также сооружение ниши в могилах, включавших «бедный» сопроводительный инвентарь и принадлежавших, судя по ряду признаков, представителям населения с низким статусом (Ахинжанов, 1987, с. 161–168). «Подбойные» погребения, раскопанные в различных районах Средней Азии, близкие по обряду комплексам тюркской культуры, также не отличаются богатством сопроводительного инвентаря (Бернштам, 1952, с. 81–83, рис. 44–45; Винник, 1963, с. 87–88, рис. 15–16; Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 35; и др.).

Символическое значение погребений в подбоях в традициях тюркской культуры, в связи со слабой степенью изученности системы мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников, остается дискуссионным. Исходя из общей логики погребального обряда кочевников, погребение в подбоях могло быть в более усложненной форме, чем простая перегородка, демонстрировать отделение умершего человека от находящейся рядом лошади. Другое объяснение может быть связано со стремлением создания «тайного» погребения, позволяющего избежать осквернения могилы в случае ограбления.

Заключение

Изучение всех показателей раннесредневековых «подбойных» погребений Саяно-Алтая и сопредельных территорий позволяет сделать ряд выводов.

1. Анализ захоронений в боковой нише показал, что специфика таких объектов по отношению к другим комплексам тюркской культуры сильно преувеличена. Выяснилось, что зафиксированные характеристики погребений в подбое полностью соответствуют канонам обряда, характерным для традиций рассматриваемой общности. Вариабельность наземных и внутримогильных конструкций, фиксируемая при исследовании захоронений в боковой нише, также идентична обрядовой практике населения тюркской культуры.

2. Вопрос о происхождении традиции сооружения подбоя в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок на основании имеющихся материалов не может быть решен однозначно. Вместе с тем, учитывая устойчивое присутствие такой практики в культурах кочевников рассматриваемого региона начиная с «раннескифского» времени, вполне вероятным представляется предположение о существовании на протяжении длительного периода определенного компонента, получившего отражение и в памятниках второй половины I тыс. н.э.

3. Погребения в подбое тюркской культуры, раскопанные в Саяно-Алтае и на сопредельных территориях, принадлежат определенной группе населения, имевшего в обществе раннесредневековых кочевников различный статус. Данный вывод соответствует как имеющимся представлениям о полиэтничном составе империй кочевников Центральной Азии, объединявших в рамках одной общности носителей различных, хоть и чаще всего близких, культурных традиций, так и очевидной сложности организации социума кочевников.

Дальнейшее исследование проблемы происхождения обычая захоронений в подбое в обрядовой практике населения региона различных хронологических периодов имеет большие перспективы, учитывая значимость данного показателя для этнической идентификации памятников развитого средневековья и более позднего времени, исследованных на обширных территориях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–

2016 гг. «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№ 2012.312.2.30).

Азбелев П.П. К исследованию культуры могильников Чааты I–II // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. – Л., 1991. – С. 61–68.

Алехин Ю.П., Илюшин А.М. Уйгурские курганы IX–X вв. на Рудном Алтае // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово, Гурьевск, 1998. – С. 207–219.

Арсланова Ф.Х. Женские погребения IX–X вв. с бусами из Казахстанского Прииртышья // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы–Москва, 1998. – Вып. 2. – С. 97–110.

Ахинжанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Тамагабетов Ж.К., Трифонов Ю.И. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 279 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с.

Варламов О.Б. О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – Ч. 2. – С. 181–183.

Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963. – С. 79–93.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тысячелетия до н.э. – первая половина I тысячелетия н.э.) // СА. – 1991. – №3. – С. 20–30.

Демин М.А., Шульга П.И. Работы в районе р. Сентелек // Сохранение и изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 5. – Ч. II. – С. 97–101.

Джиованни дель Плано Карпини. История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. – 272 с.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Удуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 178–188.

Длужневская Г.В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – 197 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Именхоев Н.В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 69–86.

Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2011. – Вып. 7. – С. 92–98.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 52–54.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.

Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V вв. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – С. 105–119.

Миняев С.С. К проблеме генезиса средневековых подбойных погребений Южной Сибири // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск, 2001. – С. 123–128.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 3–39.

Могильников В.А. Курганы 2 могильника Карасу-II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тыс. до н.э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 35–39.

Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 71–86.

Москалев М.Н., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек: Кыргызский нац. гос. ун-т; Новосибир. гос. ун-т, 1996. – 259 с.

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1985. – С. 111–121.

Николаев Н.Н. Культура населения Тувы первой половины I тысячелетия н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2001. – 26 с.

Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. – 1982. – №3. – С. 210–218.

Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – С. 60–68.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. – М., 1984. – С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. – 223 с.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. – М., 2004. – С. 86–110.

Савинов Д.Г. К этнической истории уйгуров на территории Южной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 90–93.

Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы–Москва, 1998. – Вып. 2. – С. 130–141.

Савинов Д.Г. Потомки кокэльцев на страже уйгурских городищ // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2006. – Вып. 24. – С. 44–50.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). – СПб.: ИИМК РАН, 2009. – 226 с.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелiorации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). – Л., 1988. – С. 83–103.

Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2009. – №4/2 (64/2). – С. 190–194.

Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2010а. – Т. 9. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 171–180.

Серегин Н.Н. «Элитные» погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (вторая половина V – XI вв.) // Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. – М., 2010б. – С. 46–47.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М.: «Восточная литература» РАН, 1997. – 279 с.

Соенов В.И. Археологический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – 95 с.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 г. // Древности Алтая. – 2000. – № 5. – С. 48–62.

Суворова Г.И., Ткачев А.А. Кимакские погребения могильника Ахмирово-I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 253–266.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 20–54.

Тишкин А.А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – 430 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2011. – Вып. 6. – С. 14–32.

Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // Археологические открытия – 1974. – М., 1975. – С. 236–238.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 274 с.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – М.: ТАУС, 2007. – 372 с.

Ховалыг У.Т. Проблемы истории и культуры древних уйгуров Центральной Азии в археологических исследованиях // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 42–50.

Худяков Ю.С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – №3. – С. 21–26.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. – 152 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. – Новосибирск: НГУ, 2006. – 130 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2009. – 293 с.

Худяков Ю.С., Цэвендорж Д. Древнетюркское погребение из могильника Цаган-Хайрхан-Уул в северо-западной Монголии // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 82–90.

Эрдэнэбаатар Д., Турбат Ц., Худяков Ю.С. Древнетюркское впускное погребение на памятнике Эгин-Гол в Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2004. – Вып. 2. – С. 175–181.

К ИЗУЧЕНИЮ ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЕМ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ)

Наиболее ранние следы почитания коня у населения Казахских степей известны, судя по материалам ботайских и терсекских древностей, в эпоху энеолита, что характеризует начальный этап формирования культа коня со сложными и многоступенчатыми культово-обрядовыми действиями (Зайберт, 2009, с. 279–280; Калнева, Логвин, 2011, с. 255–246). Важное значение коня в хозяйственно-экономической, политической и военной областях жизни кочевников обусловила особое отношение к ней в сфере их духовной культуры, в частности, в религиозных представлениях. По мере возрастания роли коня в системе традиционной хозяйственной жизни древних кочевников он становится важнейшим элементом ритуально-мифологической системы у многих народов Евразии.

В статье, отмечая своеобразную линию динамичного развития культа коня, отдельно рассматриваются обряд погребения с конем средневековых кочевников и вопросы семантического характера.

Захоронения с конем в тюркскую эпоху наиболее распространены в Восточном Казахстане (Арсланова, 1969, с. 48–49; Самашев, 2011, с. 103–114), а также встречаются в Семиречье и Центральном Казахстане (Арсланова, 1963, с. 289; Максимова, 1968, с. 147; Шер, 1961, с. 281; Курманкулов, 1980, с. 191–197;), далее на территории Кыргызстана (Табалдиев, 1996, рис. 6). Относительно обряда погребения с конем и его регионального распространения существуют различные взгляды (Табалдиев, 1996, с. 74; 2009, с. 166).

Отличительной чертой данного обряда является сопроводительное захоронение одного, в некоторых случаях двух или трех (в одном случае даже четырех) коней (Кубарев, 2005 с. 18, табл. 126). Исследователями замечено, что в таких случаях заселенным оказывался только ближайший к человеку конь, а остальные были лишь взнузданы (Сорокин, 1969, с. 216, рис. 9). В некоторых погребениях зафиксирован довольно редкий случай сопровождения умершего сожженными останками коня.

В поминально-мемориальном комплексе Сарыкол в Восточном Казахстане зафиксирован

обряд сожжения, о чем свидетельствуют золые пятна в центральной части сооружения и побелевшие остатки конских волос.

Вопрос о времени и причинах смены обряда сожжения обрядом сопребения с конем остается открытым. Надо полагать, что изменение обряда коснулось главным образом рядового населения, но не правящей верхушки, для которой неизменно существовала строго регламентированная в социуме традиция поминок и ритуал отправления в инобытие (Толегенов и др., 2009, с. 42–43).

Иногда вместо коня в могилу клали его голову и куски туши или шкуру с копытами (рис. 1) (Самашев и др., 1997). Назначением шкуры лошади в погребальном обряде было замещение целой туши животного, которое выполняло функции проводника и транспортного средства в потустороннем мире. Вероятность *pars pro toto* для подобных ритуалов исследователями объясняется главенствующей ролью внешней оболочки, служившей вещным аналогом ее носителя (Соловьев, 2008, с. 29). Также существуют мнения, что шкура головы коня (фото, 1) объясняется своеобразной охранной функцией (Молодин, и др., 2004, с. 8). В то же время нужно иметь в виду, что большую роль в становлении и динамики развития данного явления сыграл и экономический фактор.

Вероятно, погребение коня в полном снаряжении или без него несет несколько разные смысловые нагрузки при сопровождении умершего в другой мир. С.П. Нестеров полагает, что, амуниция верхового коня, положенная вместе с человеком, также предназначалась коню, однако умершему ранее, чем погребенный, или съеденному во время поминок (Нестеров, 1990, с. 90).

Далее рассмотрим разные мнения о назначении поминальных оградок, которые нередко сопровождаются каменными статуями, и балбалов.

Некоторые исследователи предполагают, что оградки являются памятниками, служащими в ритуальных целях (Шер, 1966, с. 14; Вайнштейн, 1957, с. 183), не относятся к комплексам с погребениями, иначе говоря, сооружались в отдельных местах для совершения поминальных ритуалов (Кызласов, 1969, с. 26), или же воздвигались вблизи от основного погребения, что чаще всего встречается в захоронениях, со-

вершавшихся по обряду сопогребения с конем (Евтюхова, 1941, с. 132); иногда встречаются кольцевые выкладки, примыкающие к основной четырехугольной оградке, в которых хоронили остатки сожжения (Грач, 1968, с. 209–210).

В VI–VIII вв. н.э. захоронение целого коня или его части было традиционным для Алтая (Могильников, 2002, с. 77; Кубарев, 2005, с. 19). Причем в рамках близкой обрядности могли быть и различия, например, в ориентировке человека и коня.

Весьма интересны и одиночные захоронения коней, сопровождаемые только вещами человека.

Культовый характер носят, естественно, одиночные захоронения коней, наземные сооружения которых сопровождаются каменными изваяниями (Кубарев, 2005, с. 17–20). Эти захоронения относятся к категориям кенотафов как локальный вариант сросткинской культуры IX–X вв. н.э. (Савинов, 1984, с. 109–110). Единичный случай захоронения коня встречался в Южном Казахстане, у южного склона г. Каратау.

В некоторых случаях древнетюркские оградки возводились непосредственно вблизи курганных сооружений ранних кочевников, в основном с восточной стороны (Самашев и др. 2009, с. 162; Баяр, 2008, с. 94–95). Весьма вероятно, что тюрки почитали и поклонялись своим предкам, считали честью сооружать могилы рядом с курганами. Это можно увидеть на примере Берелского могильника. Курган №16С тюркского времени (VI–VIII вв. н.э.) прилегает к кургану №16 с юго-восточной стороны и представляет собой маленький курган, сооруженный из камней средних и мелких размеров, уложенных в один слой (Самашев, 2011, с. 103–114). Основу данной конструкции составляет ограда, сложенная из крупных камней, уложены в один ряд. В ограде было выявлено одиночное погребение мужчины и сопровождавшего его захоронение коня, уложенных по линии В-З. Человек был погребен в вытянутом положении, на спине. Животное уложено на брюхо с подогнутыми ногами, с повернутой к человеку головой. Человек и конь были ориентированы головами в противоположные стороны: человек – на восток, лошадь – на запад (Самашев и др., 2009, с. 162). Возможно, что положение лошади в могиле – на брюхе с подогнутыми ногами, с повернутой к человеку головой (фото 2) – отвечало требованиям движения в сторону загробного мира. Можно предположить исходя из роли коня, что его ориентировка головой в ту или иную сторону света и указывает маршрут движения, который соответствовал представ-

лениям людей о «дороге в мир мертвых», при этом учитывались топографические особенности местности (Бесетаев, 2012, с. 122–123).

Судя по обряду погребения, оно принадлежит воину-тюрку. Арабский автор IX в. Ал-Джахиз сообщает, что тюрка в поход сопровождали несколько лошадей. «...В случае отдаленности цели, – пишет он, – остается только наилучшая из его лошадей...» (Мандельштам, 1956, с. 231). Отправление в «потусторонний мир», видимо, рассматривалось как длительный путь, поэтому здесь требовалась его самая надежная лошадь. Ориентировка погребенного головой на восток при обратной ориентации положенного в могилу коня характерна для тюрков VI–X вв. Лошадь обычно лежит на одном уровне со скелетом человека (Кадырбаев, 1956, с. 184, 186), а у тюрков Тувы VIII–IX вв. – на уступе (Кызласов, 1964, с. 72), как и в рассматриваемом погребении. Ареал аналогичных погребений с восточной ориентацией широко распространен на территории Восточного Казахстана и является, видимо, своеобразием погребальной практики местных племен (Арсланова, 1969, с. 47–50). Захоронения коня «валетом» в Семиречье и Центральном Казахстане встречаются значительно реже (Шер, 1960, с. 180–182; Курманкулов, 1980, с. 195).

Большинство исследователей предполагает, что коней помещали на приступке выше дна ямы в положении на боку. Однако полагаем, что коня изначально помещали прямо с подогнутыми ногами, но в результате деформации и воздействия грунта останки животного обрели положение «на боку».

Итак, в ряде курганов ранних кочевников Восточного Казахстана намечаются некоторые общие черты в обряде погребения с захоронениями коней VI–IX вв. н.э. (Сорокин, 1966, с. 49–57; Арсланова, 1969, с. 49–50). Эта общность характеризуется следующими признаками: 1) форма и размеры насыпей и могил; 2) положение погребенных с устойчивой восточной ориентацией; 3) погребение человека с конем, положенным чаще всего на приступку.

Исследования по периодизации древнетюркских погребений при всеобщем их охвате и по отдельным регионам, а также проверка данных периодизаций на новом материале, полученном в результате раскопок последних лет в Береле, дает нам иные представления (Самашев, 2011, с. 103–114; Самашев, Чотбаев, 2012, с. 283 (фото 3); Бесетаев, 2012, с. 122–123).

Таким образом, обряд сопогребения коня берет свое начало с глубокой древности и доживает до этнографической современности; но

более развитая форма относится к сакскому периоду, являющемуся характерной чертой пазырыкской культуры. Это говорит о том, что между ранними кочевниками и древними тюрками существовала культурно-генетическая связь и традиция сопроводительного захоронения с конем.

Количество сопогребенных коней у ранних кочевников преобладает, что говорит об их достатке, делающий акцент на их величии, а в древнетюркское время в погребальной практике лошадь служила лишь носителем души усопшего в потусторонний мир, о чем свидетельствует их малое количество в курганах или замена их по принципу парциальной магии.

Данная традиция увязывается с казахским обычаем принесения в жертву коня в честь умершего человека. Древние ритуалы жертвоприношения коня у казахов в исследуемом аспекте сохранялись довольно ярко – так, на асах (поминках) мясо жертвенного животного должны отведают все участники поминок. Аналогичный обычай сохраняется до сих пор у восточных казахов, которые на могиле оставляют череп коня – толагай, заколотого на поминках.

Итак, культ коня в хронологических рамках не привязан к какой-то определенной территории, а распространялся у различных этносов и в культурных областях конвергентно, играя решающую роль в становлении культурных комплексов.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – С. 43–57.

Арсланова Ф.Х. Средневековый могильник из Прииртышья. // Общественные науки. История, философия и экономика. – Алма-Ата, 1963. – Вып. III. С. 278–294.

Баяр Д. Каменные монументы кок тюрков на территории Монголии // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. (научно-популярный альбом). – Астана, 2008. – С. 93–110.

Бесетаев Б.Б. Небесные кони Казахского Алтая: к семантике культа коня у древних и средневековых кочевников (по материалам могильника Берел) // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск, 2012. – С. 120–123.

Вайнштейн С.И. Очерк этногенеза тувинцев // УЗ. ТНИИЯЛИ, 1957. Вып. 5. – С. 178–214.

Грач А.Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // Исто-

рия, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. – С. 207–213.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009. – 576 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Труды ГИМ, 1941. Вып. 16. – С. 119–134.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Т. 7. Археология, 1956. – С. 162–203.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и ботайских памятников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – №2 (15) – С. 246–255.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005. – 340 с.

Курманкулов Ж. Погребение воина ранне-тюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С. 191–197.

Кызласов Л.Р. Этапы средневековой истории Тувы // Вестник Московского университета. Серия IX. История. Вып. 4. – 1964. – С. 66–89.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – 211 с.

Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 146–158.

Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» ал-Джахиза // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 1. Археология, 1956. – 241 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. – М., 2002. – 362 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемсин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай) // Материалы по археологии Сибири. Вып. 3. – Новосибирск, 2004. – 256 с.

Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – 174 с.

Самашев З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Бесетаев Б.Б., Чотбаев А.Е., Толегенов Е.Т., Жунисханов А.С., Женискаир Н.Ж. Об итогах полевых исследований на могильнике Берел в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 году. – Алматы, 2009. – С. 160–162.

Самашев З. Берел. – 2011. – 236.

Самашев З., Чотбаев А. Древнетюркский воин-музыкант из Казахского Алтая // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал. – С. 280–290.

Соловьев А.И. Некоторые аспекты семантики обряда погребения со шкурой лошади средневекового населения предтаежного Обь-Иртышья (вопросы реконструкции) // Окно в неведомый мир: Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова. – Новосибирск, 2008. – С. 289–295.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 10. – Л., 1969. – С. 207–227.

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник. Вып. 8. – М.-Л., 1966. – С. 49–57.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш. Раннесредневековые тюрки Тянь-Шаня // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. (научно-популярный альбом). – Астана, 2008. – С. 163–190.

Толегенов Е.Т., Оралбай Е.К., Бесетаев Б.Б. Сарыкөл ескерткіштеріндегі жаңа зерттеулер (семантикасы мен интерпретациясы) // Халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалдары. – Алматы, 2009. – 41–46 бб.

Шер Я.А. Погребение с конем в Чуйской долине // СА, №1. – М., 1961. – С. 180–182.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1966. – 141 с.

Фото 1. «Охранный столб» около зимника. Восточный Казахстан

Фото 2. Могильник Берел. Курган №16С. Погребение с конем

Фото 3. Могильник Кара-каба. Курган №4. Погребение с конем

Рис. 1. Могильник Маймер III. Погребение со шкурой коня. Реконструкция

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАН ҰЛЫТАУ ЖӘНЕ ЖАҢААРҚА АУДАНДАРЫНЫҢ ТАС МҮСІНДЕРІ

Сарыарқа – Қазақстанның ірі физикалық-географиялық және табиғи-тарихи аймағының бірі. Сарыарқа – халықтық атау. Сарыарқаға Қарағанды, Астана облыстарының жері толықтай, Торғай, Семей, Павлодар облысының біраз жері кіреді. Қарағанды облысының территориясы, негізінен, Сарыарқаның орталық бөлігінде орналасқан. Сондықтан да жергілікті халық осы өңірлі ежелден Сарыарқа, Арқа дала-сы деп атаған.

Сарыарқа атауы «жер бетіндегі өсімдіктері күйгендіктен сарғайып жататын кең де үлкен жон, жалпақ үстірт, сансыз адырлы қырка» ұғымын білдіреді.

Қарағанды облысының даму тарихына үнілер болсақ, аймақтың шапшаң игерілуіне бірден-бір себепкер болған оның мол табиғи байлықтары еді. Сонау жиырмасыншы – отызыншы жылдарда А.А. Гапеев, Н.Г. Кассин, Н.И. Наковник, М.П. Русаков, Қ.И. Сәтбаев тәрізді есімдері бүгінде кеңінен танымал геологтар Орталық Қазақстан аймағының кен байлықтарын зерттеді. Жиырмасыншы жылдардың басында-ақ Қоңырат, Жезқазған, Семізбұғы, Өспен және басқа жерлерде түсті металдардың мол қорының бары анықталған. Соғысқа дейінгі кезең ішінде жаңадан ашылған көмір және түсті металл кен орындарының негізінде Орталық Қазақстанда Қарсақбай, Балқаш мыс қорыту зауыттары салынды. Жезқазған, Қоңырат рудниктері, Қарағанды көмір бассейні игерілді.

Сарыарқа – қазақтың байлығының көзі ғана емес, сонымен қатар өнердің, мәдениеттің және тарихтың кеніші. Сарыарқаның асыл тумалары, сонау Абылай заманындағы Бұқар жырау, Қаз дауысты Қазыбек, ақындар Шөже, Шашубай, Доскей, жазушы С.Сейфуллин және ақын Қ.Аманжолов, композиторлар Тәттімбет, Мәди, Ұлы Отан соғысының қаһарманы Н. Әбдіров ғалымдар А. Чижевский және Е. Бөкетов, қазақтың тұңғыш ғарышкері Т. Әубәкіров сияқты атакты адамдар Сарыарқаның атын шығарған.

Өткен заман мәдениетінің бізге келіп жеткен осындай ескерткіштерінің бірі – тас мүсіндер. Мұндай тарихи ескерткіштер Қазақстанның кай

жерінде болса да бар, бірақ Орталық Қазақстанда олар жиі және жүйелі түрде кездеседі.

Ұлытау ауданы тас мүсіндері. «Ұлытау – қазақтың көне ғасырлық тарихында ұлан-асыр оқиғаларды бастан өткерген, ел басына күн туған шақтарда халқымызға пана болған, хандарымыз өз ордаларын тіккен, билеріміз бен батырларымыз бастарын қосып, елдік мәселелерді шешкен, киелі де құнарлы әрі қазыналы өлке» – Н.Ә. Назарбаев.

Ұлытау ауданы 1939 жылдың қазан айында құрылды. Аудан Қарағанды облысының оңтүстік-батыс бөлігінде орналасқан. Солтүстік-шығысында Қарағанды облысының Нұра ауданымен, солтүстік-батысында Қостанай облысымен, оңтүстігінде Оңтүстік-Қазақстан және Қызылорда облыстарымен, оңтүстік-шығысында Қарағанды облысының Жанаарқа ауданымен, оңтүстік-батысында Ақтөбе облысымен шекараласады. Аудан территориясы 12 293 105 га. Аудан құрамына 12 ауылдық округтар мен 3 кент кіреді. Аудан тұрғындар саны 15190 адам.

Аудан орталығы – Ұлытау с., Тұрғындар саны 2196 адам. Аудан орталығы облыс орталығынан 700 км жерде орналасқан (www.ulatau.kz (Ұлытау әкімшілігінің ресми сайты)).

Ұлытау – жер көлемі жағынан Қазақстандағы ең үлкен аудан. Ол Қарағанды облысы аумағының үштен біріне жуығын (28,7 %), Қазақстан жерінің 4,5 пайызын алып жатыр. Ұлытау өңірінің солтүстік бағыттағы қиыр нүктесі – Арғанаты тауының теріскей тұсындағы Қаптыадыр (биіктігі 760 м) шоқысында, ал оңтүстіктегі шеткі нүктесі Мойынқұм құмының Көкпекті – Қызылқак ойысында, батыстағы қиыр нүктесі – Арал маңы Қаракұмның Жіңішкекұм жотасында, шығыстағы шекарасы – Қызылжар станциясының оңтүстігіндегі Сарыжал (биіктігі – 368 м) қыратында жатыр. Ұлытау өңірінің жер бедері оңтүстік-батысқа қарай бірте-бірте аласара бастайды. Аудан жерінің ең биік нүктесі – Ұлытаудағы Ақмешіт шыңы. Оның биіктігі 1134 м. Аудан аумағының ең төмен, ең аласа алқабы – Қарсақбай қыратының оңтүстік беткейінде жатқан Мыңбұлақ ойысы. Оның өзі теңіз

деңгейінен 100 м шамасында жоғары жатыр. Ойыстың сыртқы көрінісінде ғажап ерекшеліктер көп. Оның айнала шекарасы биіктігі 50–170 м аралығындағы тік жарқабақтармен қоршалған. Табан алқабында пішіні конуска ұқсас биік (15–20 м) төмпешік төбелер жатыр. Олардың ұшар басынан бұлақ суы атқылап тұрады. Мыңбұлақ атауы осы бұлақтардың көптігінен шыққанға ұқсайды. Ауданда Ұлытаудан басқа Арғанаты (757 м), Желдіадыр (629 м), Кішітау (793 м), Майтөбе (628 м), Суыктөбе (546 м), Ақмола (601 м), Қарауылшы (503 м) және т.б. да таулар бар. Жалпы алғанда аудан аумағының 65 – 70 пайызын казактың ұсак шоқылары алып жатыр.

Тас шарбақтар мен мүсіндердің Орталық Қазақстанда тобымен кездесетін жері, Ұлытау ауданы, Ұлытау мен Арғанаты тауының алаңдары. Бұл өлкедегі тас мүсіндер тобының бір талайы табылып, жақсы зерттелгендіктен, олар белгісіз болып келген мәселелердің бетін ашуға мүмкіндік туғызғандай. Жергілікті казак қарияларының айтуына карағанда бұл маңда «тас батырлар» бұрын өте көп болған. Ұлытау төңірегінен, оның ішінде Жанғабыл өзенінің бойынан, Тоғызбай көлі жағасынан, Өре-Зайыр (Ұлытаудың солтүстік етегі) деген жерден тас мүсіндердің бірнеше тізбегі қағаз бетіне түсірілген. Сол сияқты Жетіқыз өзенінің бойындағы, Қорғантастағы (Едіге тауының етегі), Жылысай алаңындағы (Ұлытаудың оңтүстік-батыс етегі), Қарағанды өзенінің бойындағы (Ұлытаудың оңтүстік-шығыс етегі), Қара Кенгір өзенінің басындағы (Қос үйтас), Арғанаты (Мык) тауындағы, Қара Торғай, Терісаккан өзендерінің бас жағындағы тас мүсіндердің құнды топтары сараланды.

Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер тізбегінің көзге ерекше түсетіні, әсіресе Жылысай алаңындағы тас мүсіндер тобы, ол Қорғантас ауылынан оңтүстікке қарай 5 километр жерде тұрады.

Мүсіндердің бұл тобында он екі тас шарбақ бар, олар өзінің құрылысы бойынша оңтүстіктен солтүстікке қарай тізбектеле орнатылған. Шарбақтар жарты шеңбер түрінде біраз дөңгелете құрылған. Олардың ең үлкен екеуі шеңбердің төр ортасын ала орналасқан.

Тас мүсіндер тізбегінің көрнекті бір тобы Арғанаты тауларының қойнауларында, Ұлытаудан Атбасарға баратын үлкен қара жолдың маңайында кездеседі. Арғанаты

және оның ең биік шоқысы Мык, Домбауыл, Айыршоқы – Ұлытаудың солтүстік сауыры болып саналады. Арғанаты тауының толып жатқан сайларында тас шарбақ пен мүсін тастың әртүрлі топтары кездеседі. Бірақ өкінішті жері шарбақтардың жанындағы тас мүсіндердің көпшілігі сақталмаған. Олар қирап бүлінген, кейбіреулерін жүргіншілер қопарып алып кеткен. Әсіресе Ұлытаудың Атбасарға баратын керуен жолының бойындағы шарбақтар мен мүсін тастар тонауға көбірек ұшыраған. Бұл араларда қонып, не көлік шалдырып өткен жүргіншілер от жакканда тас мүсіндер мен шарбақтардың тақта тастарын қопарып, жер ошакқа пайдаланып отырған. Сол мақсатпен кейбіреулерін уактап сындырған. Мүсін тастың отқа күйген ондай сынықтары кейде жол бойында кездесіп отырады.

Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер ішінде аса қызықтысының бірі бақсының тас мүсіні. Ол Жанғабыл өзенінің бойында, Төртқара тамының оңтүстік алдында 3 километр жерде тұр. Бұл жерден Ұлытаудың ең биік шыңы – Ақмешіт қасында тұрғандай болып көрінеді. Бұл шыңның «Ақмешіт» деп аталуы орта ғасырларда шыңның басында «тілек үйі» болған, бұл күнде оның тек бұзылған үйіндісі ғана жатыр.

Айтылып отырған тас мүсін Ә. Марғұлан зерттеуінде 1946 ж. шағын обаның оңтүстік-шығыс етегінде тігінен тұрған еді, ғалым мүсінді 1948 ж. оны құлап жатқан түрінде кездестірген. Мүсіннің биіктігі 105 см, кеуде тұсының ені 24 см, төменгі жағының ені 35 см. Мүсін өте қатты қарасұр граниттен шабылған. Мұндай гранит тас сол маңда, Ұлытаудың етегінде, Жанғабыл өзенінің ағып шығатын жерінде кездеседі.

Жанғабыл мүсіні төрт қырлы тас бағанадан шабылған. Мүсін үйілген тас обаның астына көмілген қарт жыршының суретін білдіргендей болады. Тарихи замандағы мүсіншінің ойынша бұл ескерткіш жұмыр мүсін болуға тиіс, бірақ тас тым қатты болғандықтан, безеуші ойлағанындай етіп жұмырлай алмаған, мүсіннің кеудесі, қолдары көмескі шыққан. Алайда, ертедегі түсі суық қарт абыздың бет әлпеті, өткір көздері, жалпақ мұрыны, қалың еріндері, бөрте сакалы айқын көрсетілген. Дәстүр бойынша абыз оң қолына дөңгелек тостаған ұстап (Арғанаты мүсіндеріндегі сияқты), сол қолын кеудесіне басып тұр.

Тас мүсінің бір жак бүйірінде кобыздың суреті, аркасында баксы коңырауының суреті бар. Қоңырау дөңгелек ай таңба түрінде кескінделген, оның қолға ұстайтын тұтқасы төмен каратылған.

Ер адамның мүсінімен қатар Ұлытау ауданында әйелдерді кескіндейтін тас мүсіндер аз емес. Олардың ерекшелігі қашанда болсын көбінесе обалардың күншығыс іргесінде беттері шығысқа қарап тұрады. Бұл жораға орай келмейтін тас мүсін бір-ак жерде, Қара Кенгір өзені бойында кездесті. Тегінде халықтың ежелгі жорасына қиғаш келетін бұл жалғыз мүсін Орталық Қазақстанға ислам діні кіре бастаған дәуірдегі өзгерістің алғашқы куәсі болуға тиіс (XII–XIII ғасырлар).

Оң қолына ыдыс ұстап тұрған адам бейнесіндегі тас мүсін. Басы қиылып кеткен (басы табылды), төбесі дөңгелеген. Қабақ үсті бейнесі мұрынымен сәйкестендірілген. Мұрыны, сопақ коздері және доға көрінісіндегі құлақтары барельефпен жасалған. Оң, бүгілген қолында ыдыс бейнесі кескінделген, бір бөлшегі байқалмады. Сол қолының білезік сүйегі майда белбеуінің ортасында орналасқан. Белбеудің қиылысатын аяқтарының астынан жінішке үзік сызықтың бейнеленгені байқалады.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 74×25×40×8–12 см, Қарағанды облысы, Ұлытау ауданынан 1 км қашықтықта, солтүстік – солтүстік-шығысқа қарай орналасқан Амангелді ауылына қарасты, Қорғантас бөлімшесінен табылды. Төрт дүниенің бағытына қарап орналасқан тас шарбақтың (өлшемдері, 2,2×2,5 м) жанында, беті шығыс – солтүстік-шығысқа қарап тұрған күйі табылды (Ермоленко, 2004, 83 б., 1 сурет).

Кеуде тұсынан бейнеленген адам бейнесіндегі тас мүсін. Басының төбесі дөңгелеген. Бетінде мұрыны айқындалады. Иегі ұзартылған. Иықтары көрсетіле бейнеленген. Аркасында ұштары қысылып суреттелген үш ұзын бұрымы бейнеленген.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 117×21–4×21 см, Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы, Айбас өзенінің бастауы. Кейінгі казак жұрты бейіттерінің солтүстік – батыс жағына орнатылған (Ермоленко, 2004, 83 б., 1 сурет).

Жекешат сайында тұрған тас мүсін. Бұл мүсінің тұрған жағдайы ерте замандағы

мүсіндерден бүтіндей басқа, тұрғызу жорасы оларға бүтіндей қиғаш келіп, ислам дәуірінен кейінгі жаңа заман жорасын еске түсіреді.

Тас мүсінің биіктігі 1,10 м, ені 26–30 см, қалыңдығы 20 см. Бұл қадағалап, соңына жеткізген ескі дәуірдегі көркемдік істің ашық бір түрі. Мүсін басына сәукеле кигізіп, жаңа ұзатылған жас келіншекті бейнелейді. Сәукеленің күнде киіп жүретін жеңіл түрі «желек» деп аталады. Оның төбесі де биік, шошак құйрығы аркасына төгіліп тұрады. Ұзатқанда киетін әшекейлі сәукеле ондай емес, ауыр, оны үнемі киіп жүруге ауырлық келтіретін. Сондықтан келіншек келін болып түскеннен кейін, үйінен киіп шыққан сәукелесін алып қойып, жеңіл желек киетін. Күні бұрын дайындап қойған жібек желекті жаңа түскен келіншекке абысындарының бірі кидіреді.

Жаңаарқа ауданы. Жаңаарқа ауданы Сарыарқа даласының оңтүстік – батысына қанатын жайған мекен. Алғашында Асанқайғы аталатын бұл өлкенің тарихы мен табиғаты ұшан теңіз. 1929 ж. белгілі ірі қоғамдық және саяси қайраткер, жазушы, осы өлкенің тумасы Сәкен Сейфуллиннің үлес қосуымен бұл өңір Жаңаарқа деп ауыстырылды. Аудан территориясының көлемі 5088 мың га, сонымен бірге, 3814 мың га жері ауылшаруашылық мақсатта қолданылады.

Атасу – Жаңаарқа ауданының әкімшілік орталығы, 1918 жылы ескі ауылдың орнында пайда болды. Көптеген ауданға қарайтын елді мекендер Сарысу бойында кең жайыла орналасқан: Жыланды, Қызылжар, Манадыр, Төгіскен, Ақтүбек пен Атасу. Осы аймақтағы ең ірі және жалғыз көл – Шошқа көл (82 км³) (www.zhanaarka-akimat.kz (Жаңаарқа ауданының ресми порталы)).

Бұл тарихи жәдігерлерге өте бай аймақ. Сондықтан бұл өңірдегі тас мүсіндерді белгілі бір аумақтарымен қарастырғанды жөн көрдік. Атасу өзенінің бір сағасы бойында, Жаңаарқа орталығы Атасудан жол бойымен шамамен 100 км қашықтықты құрайтын оңтүстік – шығыс бағытқа қарай орналасқан Ақтау ауылы манайында барлау жұмыстары өтті. Барлау жұмыстарының нәтижесінде Ақтау ауылына қарасты Ақсай атты шатқал маңында тас мүсіндер мен тас шарбақтардың шоғыры кездесті.

Алғаш көзге түскен ескерткіш ол, біріне бірі еңкіш келген үшбұрыш сипаттас үш тас

мүсін. Актау ауылынан солтүстік – солтүстік-шығысқа қарай 11 км қашықтықта, дәл қыстақ маңында орналасқан. Тас мүсіндердің биіктігі $1,90 \times 1,60 \times 1,37$ м, бетінің ұзындығы $0,3 \times 0,27 \times 0,35$ м, ені (қалыңдығы) $0,23 \times 0,22 \times 0,2$ м. Мүсіндердің жоғарғы жақтары эрозияға ұшырап, мүжілген. Олардың біреуінде әлсін адамның беті (көзі, мұрны, аузы) байқалады, екіншісінің жоғарғы жағында дөңгелек тәріздес белгі көрінеді. Үшіншісінде ешқандай белгілер байқалмайды (2 сурет).

Тастармен іргетасы қаланған екі тас мүсін. Биіктігі $1,26 \times 1,34$ м, бетінің ұзындығы $0,25 \times 0,24$ м, ені (қалыңдығы) $0,18 \times 0,19$ м. Бірінші мүсіннің жоғарғы, батысқа қарап тұрған жағында екі дөңгелек тәріздес таңбалар суреттелген. Бұл тас мүсіндер үш тас мүсіндерден солтүстікке қарай 112 м қашықтықта орналасқан (3 сурет).

Құлаған үш тас мүсін. Актау ауылынан солтүстік – шығысқа қарай 11,2 км қашықтықта, Аксай шатқалынан оңтүстік–батысқа қарай 4 км қашықтықта, Аксай қыстағынан солтүстік–шығысқа қарай 0,5 км қашықтықта орналасқан ескерткіштер. Мүсіндер заман ағымының антропологиялық әсерінен құлағанын байкатады. Тас мүсіндердің биіктігі $1,6 \times 3 \times 1,2$ м, бетінің ұзындығы $0,25 \times 0,3 \times 0,25$ м, ені (қалыңдығы) $0,2 \times 0,15 \times 0,15$ м. Құлаған тас мүсіндер бір-бірінен 0,5 м алшақтықта, параллель орналасқан (4 сурет).

«Актау аруы» немесе жалғыз тұрған тас мүсін. Аксай шатқалынан 7–8 км қашықтықта солтүстікке қарай орналасқан ескерткіш. Биіктігі 4,21 м, бетінің ұзындығы $0,35 \times 0,36$ м, ені (қалыңдығы) $0,25 \times 0,3$ м. Мүсіннің солтүстік–шығыс жоғарғы жағында «кыздың» келбеті суреттелген (5 сурет).

Жалғыз тұрған тас мүсін. Аксай шатқалынан солтүстік–шығысқа қарай 7 км қашықтықта орналасқан ескерткіш. Мүсіннің басы антропологиялық әсерлерден сынған, басы жанында жатыр. Мүсіннің өзі шығысқа қарай 400 – шамамен еңкіш тұр. Биіктігі 1,1 м, бетінің ұзындығы 0,36 м, ені (қалыңдығы) 0,24 м. Сынған басының биіктігі 0,46 м, бетінің ұзындығы 0,36 м, ені (қалыңдығы) 0,24 м.

Тас шарбак № 1. Ұзындығы 8,3 м, ені 3,3 м. Тас шарбактар екі төрт бұрышқа бөлінген. Тастардың жерден биіктігі 0,2 м және шығысқа айналдыра қабырғаларының маңы тұрмыстық

тастармен тапталған. Басында ешқандай тас мүсін байқалмайды (6 сурет).

Тас шарбак № 2. Ұзындығы 8,8 м, ені 4,7 м. Тас шарбактар екі төрт бұрышқа бөлінген. Тастардың жерден биіктігі 0,2 м. Шығыс қабырғасының оңтүстікке қараған басында тас мүсін орнатылған. Тас мүсіннің жерден биіктігі 0,7 м, бетінің ұзындығы 0,33 м, ені (қалыңдығы) 0,1 м. Тас мүсіннің шығысқа қараған бетінде әлсін адамның көз және ауыз суреттері байқалады (7 сурет).

Тас шарбак № 3. Тас шарбак төрт бұрыш сипаттас. Ұзындығы 2,9 м, ені 2,7 м. Тастарының жерден биіктігі 0,2 м. Шығыс қабырғасының басына тас мүсін орнатылған. Тас мүсін оңтүстікке қарай 400-қа еңкіш тұр. Тас мүсіннің биіктігі 0,4 м, бетінің ұзындығы 0,2 м, ені (қалыңдығы) 0,14 м (8 сурет).

Аксай шатқалының тас мүсіндері жазық алаңда немесе тау жақ етекте кездесіп отырады. Мұндай жерлер кезінде мал өсіруге шабындық алаңдары болған. Сондықтан халық көп шоғырланған жерлерде тас мүсін, тас шарбактардың тұрғызылып отырғанын байқаймыз.

Қарын тұсында екі қолы косылған адам бейнесіндегі тас мүсін. Басының төбесі биік және доға тәрізді иілген. Қабақтары мұрынымен бірлескен күйі бейнеленген. Қабақтарының соңғы шеттері құлақ тұсынан өтетін, содан кейін жоғарыға қарай кететін, ойып істелген сызықпен жалғасады. Ауызы және көздері кішкене сопақ білік етіп жасалған. Қолдарының білезік сүйегі бөлшекпен көрсетіліп бейнеленген.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, $100 \times 15 - 26 \times 17$ см. Қарағанды облысы, Жанаарқа ауданы, Жезді ауылындағы, тау-кен ісінің тарихы мұражайынан табылды.

Басы кесілген ер бейнесіндегі тас мүсін. Басының қарақұсы жағы қашалып сындырылып кеткен, ал беткі жағы қатты зақымдалған. Шашы тік айырылымға түсіп, құлақ артына қарай таралған. Қабақ үсті мұрынмен сәйкестендіріліп, ал астыңғы бөлік қажалып кеткен. Көздері үлкен, бадам көрінісінде. Моңғолоидтық жағы бөлініп көрсетілген. Оң құлағында тамшы немесе шар көрінісінде сырға ілінген.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, $35 \times 29 \times 18$ см. Қарағанды облысы, Жанаарқа ауданы. Мыржық моласының оңтүстігіне қарай,

кейінгі казак бейіттерінің үйіндісі арасынан А.С. Загородныймен табылды.

Кеуде тұсынан бейнеленген тас мүсіннің, жоғарғы жағы суреттелген ер бейнесіндегі тас мүсін. Басының төбесі дөңгеленген, дәл төбесінде шұңқыр байқалады. Қабақтары мұрынмен бір бүтін барельефті құрайды. Барельефпен тағы екі жағы, ілінген мұрты мен соған қосылған ауызы да бейнеленеді. Көздері қабақтарының астында тереңдетілген белгілерімен айқындалады.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 41×13×19 см. Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы. Атасу моласының солтүстік – батыс бөлігінде, мұртты қорғанның үйіндісі арасынан М.С. Нұрқабаевпен табылды.

Беті бұзылған тас мүсін. Сопақ кішкене білік көрінісіндегі ауызы мен мұрынының үзінді бөлігі ғана сақталған.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 31×9×10 см. Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы, Мыржық шатқалы. Бұрыштары төрт әлемнің бастауына қараған, төрт бұрышты шарбақтың ішінен үзінді бөлігі табылды. Тас шарбақтың өлшемі, сыртқы периметрден 5 x 5 м, қабырғаларының қалыңдығы 0,8–1,20 м, биіктігі 0,5–0,6 м. Тас шарбақтың ортасында беті шығыс – солтүстік-шығысқа қараған тағы бір тас мүсін табылды (Ермоленко, 2004. 83 б., 9 сурет).

Қарын тұсында екі қолымен ыдыс ұстаған адам бейнесіндегі тас мүсін. Басы сынған. Қолдарының білезік сүйегі бөлшектеніп көрсетілмеген. Ыдыстың биік, кеңейетін мойыны бар; денесінің және табанының формасы белгісіз күйде бейнеленген.

Мүсін сол жерден табылды, гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 109×18–25×15 см.

Қарын тұсында екі қолымен ыдыс ұстап отырған адам бейнесіндегі тас мүсін. Басы төбесінде дөңгелете істеліп, төбесі көлденең қиылып қашалған. Қабақтары мұрынымен сәйкестендірілген. Көздері ұзынша, кішкентай шығыңқылармен көрсетілген, ауызы – сопақ тереңдетілген шығыңқы шеттерімен бейнеленген. Қолдарының білезік сүйегі бөлшектенбеген. Ыдыс тұзу табанды, биік емес, әлсін кеңейген мойыны бар; денесінің формасы белгісіз. Аяқтары біріне – бірі жакын орналасқан, тізе тұсы және ұштары алшак орналасқан.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 130×21–26×9–14 см. Қарағанды облысы,

Жаңаарқа ауданы, Мыржық шатқалы. Төрт бұрышты тас шарбақтың ішінде тағы бір тас мүсін қалдығымен бірге көмілген; ал сыртында сондай тас мүсіннің жатқаны байқалды.

Екі жағы бұзылған, кеуде тұсынан бейнеленген тас мүсін қалдығы. Мүсіннің жоғарғы сақталған бөлігі жағында иек сызығы байқалады, оң жак сынған бөлігінде екі параллель орналасқан, қиғаш сызықтар бейнеленген.

Мүсін сол жерден табылды, гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 113×25×14–17 см.

Кеуде тұсынан бейнеленген адам кескініндегі тас мүсін. Басының төбесі тік бұрышты болып келген. Қабақтары мұрынымен сәйкестендірілген. Көздері сопақ шығыңқы көрінісінде бейнеленген. Ауызы ұзартыла тереңдетілген қалпында шығыңқы шеттерімен суреттелген.

Мүсін сол жерден табылды, гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 115×11–17×4–8 см.

Кеуде тұсынан бейнеленген ер бейнесіндегі тас мүсін. Басының төбесі тік бұрышты. Қабақ үсті бейнесі мұрынымен сәйкестендірілген. Үлкен бадам көрінісіндегі көздері, көлденең жатқан мұрты, кен жайылған сакалы және тұтқа көрінісіндегі құлақтары барельефпен бейнеленген.

Мүсін гранит тастан жасалған. Өлшемдері, 162×22–42×55–27 см. Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы, Атасуытқан III моласы. Мүсіндер тас шарбақтың (өлшемдері, 2,80 2,95×2,95 м) шығыс жағында тұр. Тас шарбақ төрт дүниенің бастауына қарап бағытталған. Шығыс жак қабырғасы бір плитадан құралған, ал қалғандары екі плитадан құралған (Ермоленко, 2004. 83 б., 10 сурет).

Айдарлы 4 тас шарбақтардан құралған моласы (ерте темір дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы. Айшырақ бөлімшесінен 3 км қашықтықта, солтүстік-батысқа қарай орналасқан. Мола жеті тік бұрышты формасындағы және алты дөңгеленген формасындағы шарбақтардан құралған. Тік бұрышты формасындағы тас шарбақтардың өлшемдері, ұзындығы 2,5–6,5 м, ені 2–5 м. Дөңгеленген формадағы тас шарбақтардың өлшемдері, диаметрі 2–13 м (11 сурет).

Айдарлы 6 тас шарбақтар мен бір қорғанның құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Айшырақ

бөлімшесінен 2,6 км қашықтықта, солтүстік-батысқа қарай орналасқан. Мола тік бұрышты формадағы тас шарбақтан, ұзындығы 1,5–6 м, ені 1–6,3 м, дөңгеленген формадағы үш тас шарбақтан, диаметрі 4–7 м және бір қорғаннан құралған. Қорғанның тас үйіндісінің диаметрі 8 м, биіктігі 0,3 м, мұрттарының ұзындығы 90 м, мұрттарындағы аяқтарының арасындағы қашықтық 70 м, мұртының басы мен аяғында орналасқан үйіндінің диаметрі 3–4 м (12 сурет).

Телжанқажы 2 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау ауылынан 5 км қашықтықта, солтүстікке қарай орналасқан. Мола 23 үлкенді – кішілі тас шарбақтардан құралған. Үлкен тас шарбақтар биіктігі және ұзындығымен ерекшеленеді – 10–14,5 м, ені 8–14 м, биіктігі 0,8 м. Кіші тас шарбақтардың ұзындығы 5,5–8 м, ені 4–6 м (13 сурет).

Сангру 1 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау ауылынан 42 км қашықтықта, солтүстік – шығыс – шығысқа қарай орналасқан. Мола тік бұрышты және дөңгеленген формадағы 14 тас шарбақтан құралған. Дөңгеленген тас шарбақтардың диаметрі 4,1–4,7 м, Тік бұрышты формадағы тас шарбақтардың ұзындығы 3–11 м, ені 2–9,4 м, биіктігі 1,2 м (14 сурет).

Сангру 2 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау ауылынан 42,3 км қашықтықта, солтүстік – шығыс – шығысқа қарай орналасқан. Мола 5 тік бұрышты формадағы тас шарбақтардан құралған. Тас шарбақтардың ұзындығы 5,8–23 м, ені 5–8 м, биіктігі 1,3 м (15 сурет).

Сангру 3 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау ауылынан 43 км қашықтықта, солтүстік – шығыс – шығысқа қарай орналасқан. Мола тік бұрышты және дөңгеленген формадағы 5 тас шарбақтардан құралған. 1 тас шарбақ – ұзындығы 11 м, ені 10 м; 2 тас шарбақ – ұзындығы 5 м, ені 4,6 м; 3 тас шарбақ – диаметрі 3,5 м; 4 тас шарбақ – ұзындығы 9,6 м, ені 8,4 м; 5 тас шарбақ – ұзындығы 6 м, ені 4 м (16 сурет).

Сангру 4 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау 44 км қашықтықта, солтүстік – шығыс – шығысқа қарай орналасқан. Мола 9

тік бұрышты және дөңгеленген формадағы тас шарбақтардан құралған. Ұзындықтары 6,8–18 м, ені 5–9 м, диаметрлері 6–8 м, биіктіктері 1,3 м (17 сурет).

Сангру 5 тас шарбақтардан құралған моласы (кола дәуірі). Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданындағы, Ақтау ауылынан 44,3 км қашықтықта, солтүстік – шығыс – шығысқа қарай орналасқан. Мола 5 тік бұрышты және дөңгеленген тас шарбақтардан құралған. 1 тас шарбақ – ұзындығы 9,2 м, ені 7,8 м; 2 тас шарбақ – ұзындығы 7,5 м, ені 6,5 м; 3 тас шарбақ – ұзындығы 4 м, ені 3 м; 4 тас шарбақ – диаметрі 5,3 м; 5 тас шарбақ – ұзындығы 5,5 м, ені 5,3 м (18 сурет).

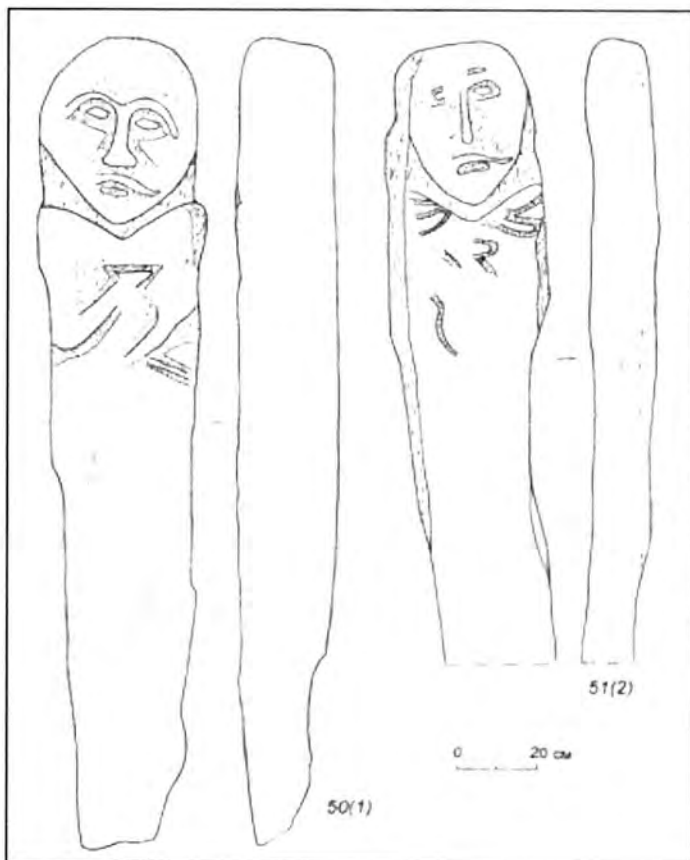
Мақала барысында келтірілген ақпарат тас мүсіндерге қызығушылық білдірген ғалымдарымызбен қатар Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті тарих факультетінің т.ғ.к., профессоры С.У. Жауымбаев басшылығымен құрылған экспедициялық топпен зерттелді. Зерттеу барысында бұрын қаралмаған тас мүсіндер мен тас шарбақтар айқындалды. Осының негізінде мынадай тұжырым шығаруға болады: «Орталық Қазақстан тас мүсіндерге бай аймақ, бірақ қазіргі таңда олар антропологиялық әсерлерден жойылып бара жатыр. Белгілі бір тар аумақта оларды зерттемес бұрын, оларды жинақтап, бір жүйеге келтіріп алған жөн».

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния Казахских степей. – Новосибирск, 2004.

Марғұлан Ә.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндер // Ежелгі мәдениет куәлары. – Алматы, 1966.

Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Свод памятников Жанааркинского района» / Тарихи-мәдени мұраны қорғау жөніндегі Қарағанды облыстық инспекциясының мұрағаты. – Қарағанды, 2007, 2008.

Токбергенов Д.Т., Шохатаев О.С. Археологические памятники Карагайского микрорайона (Карагандинская область, Жанааркинский район) // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): Мат. XLIX региональной археолог.-этнограф. конференции студентов и мол. ученых. – Кемерово, 2009.

1 – сурет. Тас мүсіндер және олардың табылған тас шарбақтарының кескіні (Қарағанды облысы, Ұлытау ауданы)

3 – сурет. Ақсай. Екі тас мүсін (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

4 – сурет. Ақсай. Құлаған үш тас мүсін (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

2 – сурет. Ақсай. Үш тас мүсін (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

5 – сурет. «Ақтау аруы» немесе жалғыз тұрған тас мүсін (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

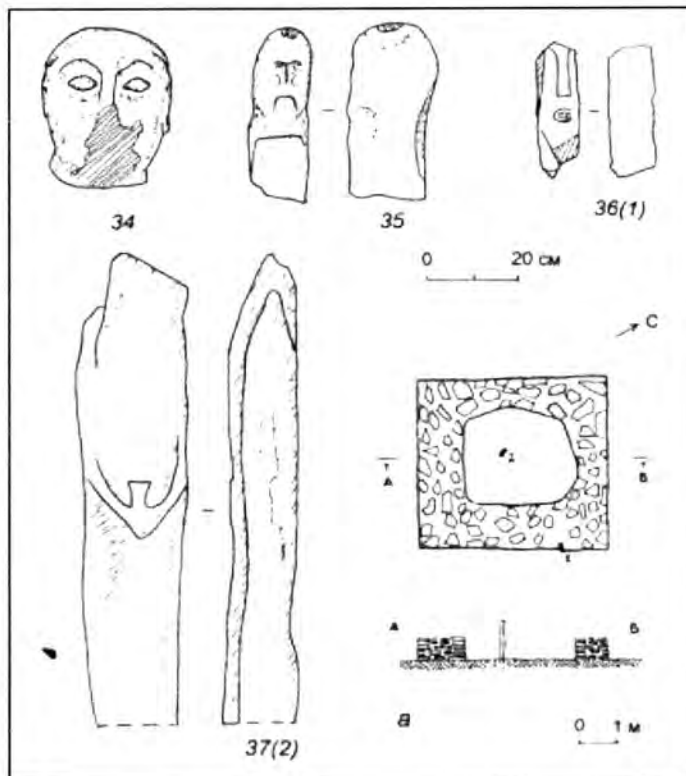
6 – сурет. Ақсай. Түркі тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

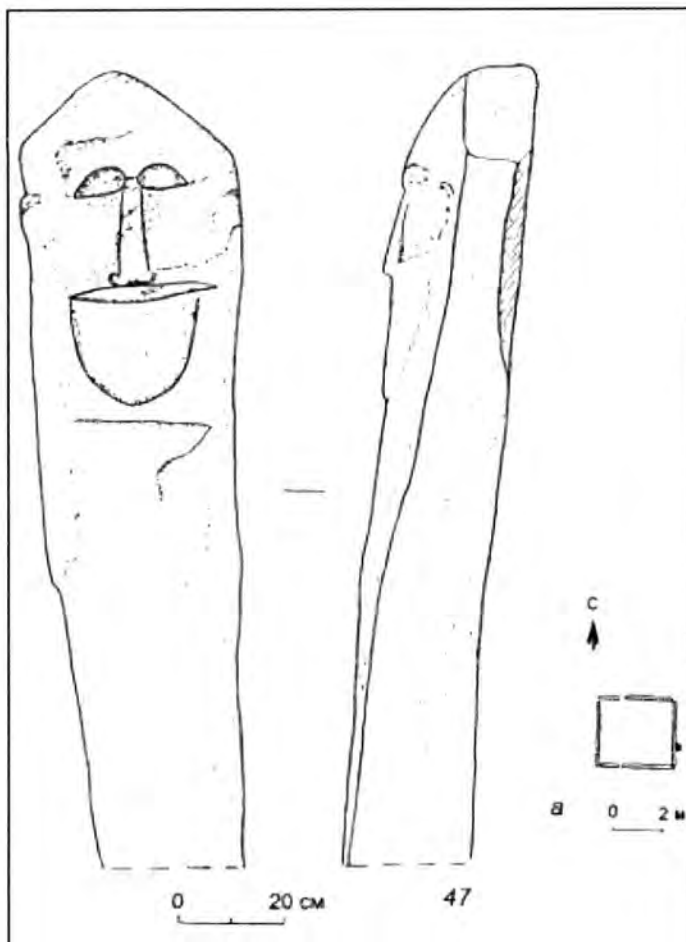
7 – сурет. Ақсай. Түркі тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

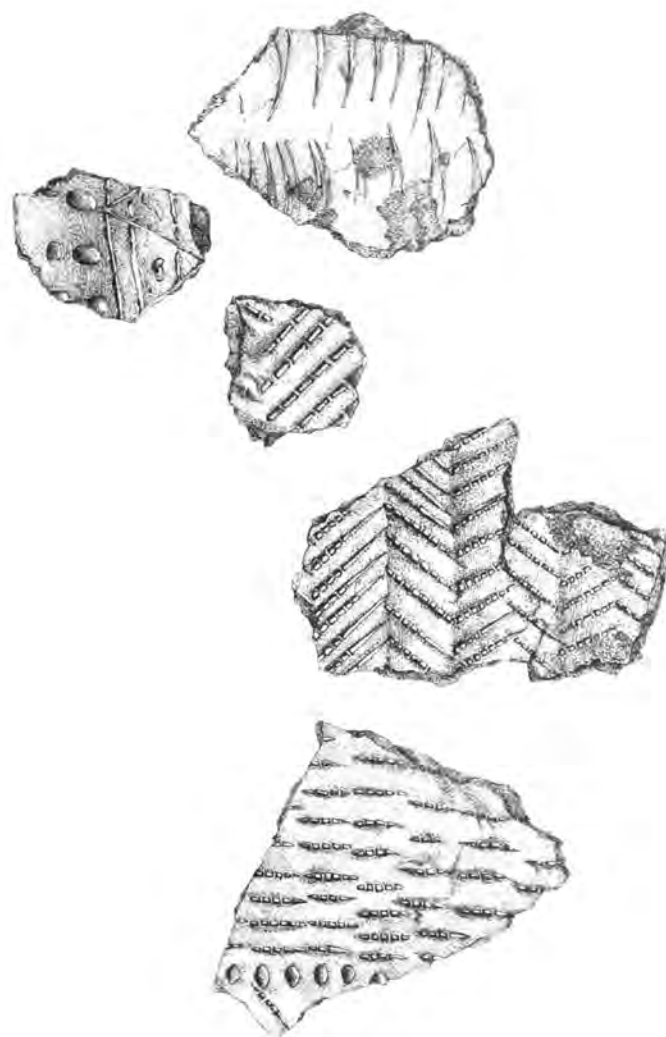
8 – сурет. Ақсай. Түркі тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

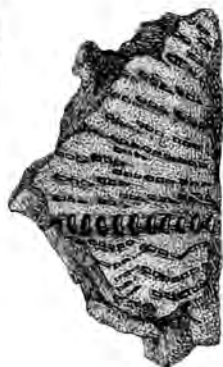
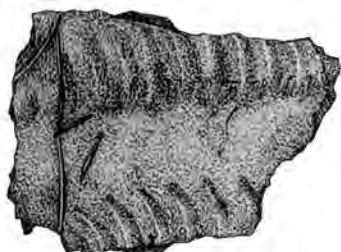

9 – сурет. Тас мүсін және тас мүсіндер орналасқан құрылыс кескіндемесі (Қарағанды облысы, Шет ауданы)

10 – сурет. Тас мүсін және оның табылған ежелгі түрік тас шарбағының кескіні

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРОТА СЕМЕТЕЙ В 2011 Г. (НАРЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, КЫРГЫЗСТАН)

В июне 2007 г. на территории Ат-Башинского района Нарынской области было проведено археологическое исследование, направленное на поиски и сбор археологического материала памятников каменного века. В работе принимали участие сотрудники и студенты Кыргызско-Турецкого университета «Манас», Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына и Американского университета Центральной Азии (Абдыканова и др., 2008, с. 3–10).

Первые сведения о находках древних каменных орудий в Нарынской области относятся к исследованиям Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР и Кир. ФАН СССР в 1953 г., в результате которых профессором А.П. Окладниковым на р. Он-Арча были обнаружены каменные орудия нижнепалеолитического облика (Окладников, 1954, с. 54–55). Район, охваченный исследованиями 2007 г., был уже известен находками каменных изделий древнего облика: а именно – долина р. Арпы (местность Бурана-Чап, Кочкорок-Жар), окрестности восточного побережья озера Чатыркель (Кёк-Айгыр, пункты 1, 2) и западная часть долины Ак-Сая (Терек I), открытых и исследовавшихся в 1963 г. Нарынским отрядом института геологии АН Киргизской ССР во главе с Ш.А. Кадыровым и в 1967–1968 гг. палеолитическим отрядом Киргизской археологической экспедиции под руководством В.А. Ранова (Ранов, Кадыров, 1969, с. 32–35; Ранов, Юнусалиев, 1969, с. 99–101).

В ходе предварительного обследования данной территории наряду с другими новыми памятниками был выявлен грот Семетей (координаты: 40 36'19,7 с. ш., 075 03'69,5 в. д.). Грот расположен на пути из долины р. Арпы к перевалу Тюз-Бель, с левой стороны автодорожной трассы, на высоте 3 400 метров над уровнем моря. Были найдены два артефакта: фрагмент пластинки и обломок с негативами сколов. Обломок – внизу в русле временного водотока, фрагмент – непосредственно на предвходовой площадке. Объект был отмечен как перспективный в плане дальнейших стационарных археологических исследований и предварительно датирован

эпохами мезолита и неолита (Абдыканова и др., 2008, с. 3–10).

Летом 2011 г. на памятнике Семетей были проведены стационарные археологические работы сотрудниками и студентами департамента антропологии Американского университета Центральной Азии под руководством автора настоящей статьи.

Раскоп был заложен непосредственно на площадке перед входом в грот и ориентирован по сторонам света. Площадь раскопа составила 10 кв. метров, из которых один квадрат был заложен за капельной линией, внутри грота, который выявил скальное дно в 30 см от дневной поверхности.

В ходе исследований была выявлена следующая стратиграфическая колонка, состоящая из пяти литологических слоев, два из которых были определены как археологические, как уровни обитания (описание дается сверху вниз):

1 слой – дерновый рыхлый суглинок коричневого цвета, содержащий корни растений, древесу, обломки пород, много угля и размытых очажных пятен. Мощность 10–20 см.

2 слой – рыхлый суглинок, серого местами черного цвета от углей. В слое фиксируются каменные артефакты, фрагменты керамики и костей животных и очажные пятна. Мощность 10–30 см.

3 слой – дресва. Мощность – 5 см.

4 слой – плотный суглинок серого оттенка, содержащий большое количество обломочного материала и гальки. Слой стерильный. Мощность 10–25 см.

5 слой – дресва. Мощность – 4–15 см.

6 слой – плотный суглинок насыщенного коричневого цвета с красноватым оттенком, стерильный. Мощность 20–30 см.

7 слой – плотный суглинок с двумя четко фиксирующимися угольными прослойками. В слое обнаружены каменные артефакты и фрагменты костей животных. Мощность 20–50 см.

Границы последнего слоя еще не выявлены, необходимы дальнейшие раскопочные работы.

Археологические материалы

В ходе раскопок были получены такие органические материалы, как кости животных и уголь. Образца угля со второго уровня обитания высланы коллегам в Токийском университете на радиоуглеродный анализ.

Кости

В археологических слоях зафиксировано большое количество фрагментов костей животных. Некоторые обожжены. Предварительный анализ фрагментированного костного материала дает основания предположить, что в основе рациона питания древнего человека были овца, коза, корова (скорее всего як), лошадь. На данном этапе исследования сложно определить были ли вышеперечисленные животные одомашнены или же представлены дикими особями.

Фрагменты керамики

Фрагменты керамики выявлены в первом археологическом слое наряду с фрагментами костей, угольками очажных пятен и изделиями из гальки. Всего зафиксировано 12 фрагментов керамики. Состав керамики относится к типу с примесью минералов, в основном крупнозернистого песка и дробленого камня, возможно слюды. Цвет варьируется от темно-коричневого до светло-коричневого. Толщина фрагментов различная, от 5 мм до 1 см. Поверхность неровная, шершавая, не наблюдается никаких следов лощения, полировки или краски. Два фрагмента обожжены и с внутренней и с внешней стороны, еще два только с внешней стороны. Один фрагмент представлен соединением донца и тулова, что позволяет сделать предположение, что в целом виде посуда была плоскодонная.

В целом артефакты производят достаточно архаичное впечатление, учитывая тот факт, что облик керамики неолитической эпохи для Кыргызстана еще неизвестен.

Технологический анализ каменных артефактов

В качестве основного сырья были использованы галька, кремнистая порода темно-синего цвета и халцедон светлого цвета (преобладают серые и голубые тона). Галечные и кремневые орудия встречаются в первом слое обитания. Второй слой обитания представлен изделиями из халцедона.

Первый уровень обитания

Каменные артефакты первого слоя обитания представлены колотой галькой (10 экз.),

отщепами (2 экз.), техническим сколом (1 экз.), нуклевидными обломками (3 экз.). Технический скол краевой, с естественной ударной площадкой, имеет размеры 4,8×1,4×0,7 см. Отщепы крупных и малых размеров, удлинённых пропорций, ударные площадки естественные и неопределимые. Нуклевидные обломки средних (1 экз.) и маленьких размеров (2 экз.).

В качестве исходного сырья была использована галька голубого, серого и светло-коричневого цвета.

Орудия

Обломок гальки с ретушью – 1 экз. Обломок подпрямоугольной удлинённой формы, подтреугольный в сечении. Рабочий край орудия был оформлен на плоском и приостренном конце заготовки при помощи крупных фасеток ретуши.

Второй уровень обитания

Общее количество каменных артефактов из второго археологического слоя составляет 88 предметов.

В качестве метрических параметров разграничения пластинчатых сколов приняты следующие: пластины – ширина более 1,2 см, пластинки – ширина от 1 до 1,2 см, микропластинки – ширина до 1 см. В качестве медиальных, проксимальных и дистальных фрагментов учтены сколы, длина которых превышает ширину не более чем вдвое, в противном случае, сколы с утраченными частями. В отношении микропластин в данной работе в качестве основного критерия использовались метрические данные толщины, примерно укладывающиеся в рамки от 2 до 4 мм.

Первичное расщепление – 2 экз.

Нуклевидные изделия представлены одноплощадочным призматическим нуклеусом, единственным в коллекции и нуклевидным обломком мелкого размера. Изделие имеет следующие размеры: 3,6×2,4×1,9 (длина, ширина, толщина). Нуклеус в истощенном состоянии. Ударная площадка оформлена поперечными сколами. Длина ударной площадки составляет 1,5 см, ширина 1 см. Дуга скалывания тянется на $\frac{3}{4}$ периметра заготовки, заготовки в виде микропластин скалывались приблизительно под углом в 80°. Фронтальная плоскость представлена негативами микропластинчатых снятий, ближе к ударной площадке фиксируются неудачные заломанные снятия по всему периметру. Основание гладкое, оформлено одним–двумя сколами, частично не-

сет следы желвачной корки. Контрфронт также гладкий, оформлен двумя-тремя, уплощающими, поперечно-косыми снятиями.

Индустрия сколов – 86 экз.

Технические сколы – 2 экз. Технические сколы угловые, трехгранные, мелких размеров, ударные площадки в одном случае гладкая, во втором неопределимая. Имеют следующие размеры: $2,7 \times 1,2 \times 0,4$; $1,5 \times 0,7 \times 0,3$ см.

Отщепы – 39 экз. Из них 11 экземпляров средних размеров (от 3 до 5 см), укороченных (3), коротких (3) и удлиненных (5) пропорций, 28 экземпляров мелких размеров (от 3 см и меньше), укороченных (4), коротких (16) и удлиненных (8) пропорций. Ударные площадки: гладкие (16), фасетированные (1), двухгранные (3), линейные (1), неопределимые (17):

- у отщепов средних размеров – гладкие (6), фасетированные (1), двухгранные (1), неопределимые (3);

- у отщепов мелких размеров – гладкие (6), линейные (1), двухгранные (2), неопределимые (15).

Пластинки и микропластинки – 31 экз.

Заготовки в целом носят микролитический характер, почти трехгранные, симметричные и ассиметричные в поперечном сечении, с параллельной и субпараллельной огранкой дорсала. Размеры сильно варьируют от $6,7 \times 1,1 \times 0,3$ см до $1,2 \times 0,4 \times 0,07$ см, в среднем от $5 \times 1,5 \times 0,4$ см (таб. 1–2). Большинство имеют правильную параллельную продольную огранку дорсала.

Пластинки с обушком – 2 экз., ударные площадки гладкие. В одном случае обушок естественный, во втором оформлен в виде грани негативами двух сколов.

Пластика с перпендикулярной огранкой дорсала – 1 экз., широкая, ударная площадка линейная, имеет размеры $3,6 \times 1,9 \times 0,5$ см.

Микропластинки с продольной огранкой дорсала – 28 экз. Площадки: фасетированные (9), гладкие (7), двухгранные (2), линейные (2), неопределимые (8). Толщина варьируется в пределах 0,07–0,4 см.

Фрагменты пластинок и микропластинок выделены в отдельную категорию и составляют 13 предметов. Артефакты подразделяются на дистальные (3), медиальные (7) и проксимальные (2) фрагменты. Ударные площадки проксимальных фрагментов фасетированные. Толщина

фрагментов варьируется в пределах от 0,4–0,1 см. Ширина от 0,6 до 1,2 см.

На основании выраженности ударных бугорков можно заключить, что большая часть сколов была получены при помощи мягкого отбойника. Некоторые экземпляры были получены отжимным методом.

В коллекции также имеется в наличии один обломок мелкого размера

Орудия на отщепах – 4 экз.

Скребки концевые – 4 экз. В качестве основы использованы отщепы мелких размеров. Характерная скребковая ретушь в двух случаях образует притупливающий рабочий край по всему периметру, предопределяя своеобразную удлиненно-трапецевидную форму изделия. Еще у двух изделий фиксируется овальный рабочий край, один подготовлен на уплощенном отщепе, второй имеет массивную спинку. Все орудия миниатюрные.

Орудия на основе фрагментов пластинок и микропластинок – 2 экз.

Скребок концевой – 1 экз. Изделие изготовлено на дистальном фрагменте микропластинки, трехгранной в поперечном сечении и продольной огранкой дорсала. Дистальная часть в хорошей сохранности и представляет собой выпуклый рабочий край, оформленный при помощи притупливающей скребковой ретуши.

Пластика с ретушью – 1 экз. Пластика тронкированная, представляет собой медиальный фрагмент с правильной продольной огранкой дорсала. Левый край ретуширован. Ретушь вентральная, глубокая, модифицирующая, мелкофасеточная, параллельная, образует слегка вогнутый рабочий край. Судя по форме ретушированного лезвия, ретуширование было нанесено на уже фрагментированный артефакт, а не целую заготовку.

Необходимо отметить достаточно примечательную особенность следов на краях большинства пластинок и микропластинок. Края неровные, волнообразные за счет микро-зубчиков (приложение 5). Скорее всего, изделия использовались для обработки более мягкого материала, чем дерево или кость, например, шерсти или кожи. Но для более точного определения характера изношенности рабочих краев необходим трасологический анализ.

Настоящее исследование представляет собой начальный этап изучения археологического

памятника грот Семетей, расположенного в высокогорном районе. Анализ стратиграфической ситуации пока выявил два уровня обитания, которые разделены стерильными слоями, и представлены различной каменной индустрией, что свидетельствует в пользу их различной хронологической и культурной принадлежности.

Каменная индустрия первого слоя обитания невыразительна. Во втором слое обитания одной из основных категорий артефактов является пластинки и микропластинки, полученные при помощи мягкого отбойника и отжимным методом. Индустрию можно охарактеризовать как пластинчатую, в качестве основных заготовок использовались, пластинки, микропластинки и отщепы. Характерные орудия представлены миниатюрными скребками.

Памятник был предварительно датирован в рамках эпох мезолита и неолита. Первый слой обитания, возможно, был смешан с более

поздними культурными пластами. Тем не менее, обнаруженные фрагменты керамики могут быть отнесены к неолитической эпохе.

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Мураталиев Э.А., Акматов К.Т. Поиски памятников каменного века на территории Атбашинского района в 2007 г. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2008. – Вып. 3. – С. 3–10.

Окладников А.П. Работы Киргизской комплексной археологической экспедиции в 1953 г. // СЭ. – 1954. – № 2. – С. 54–55.

Ранов В.А., Кадыров Ш.А. Находки каменного века у озера Чатыр-Куль // Изв. АН ТаджССР. – 1969. – № 1 (55). – С. 99–101.

Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. Итоги разведочных работ палеолитического отряда // Изв. АН КиргССР. – 1969. – № 3. – С. 32–35.

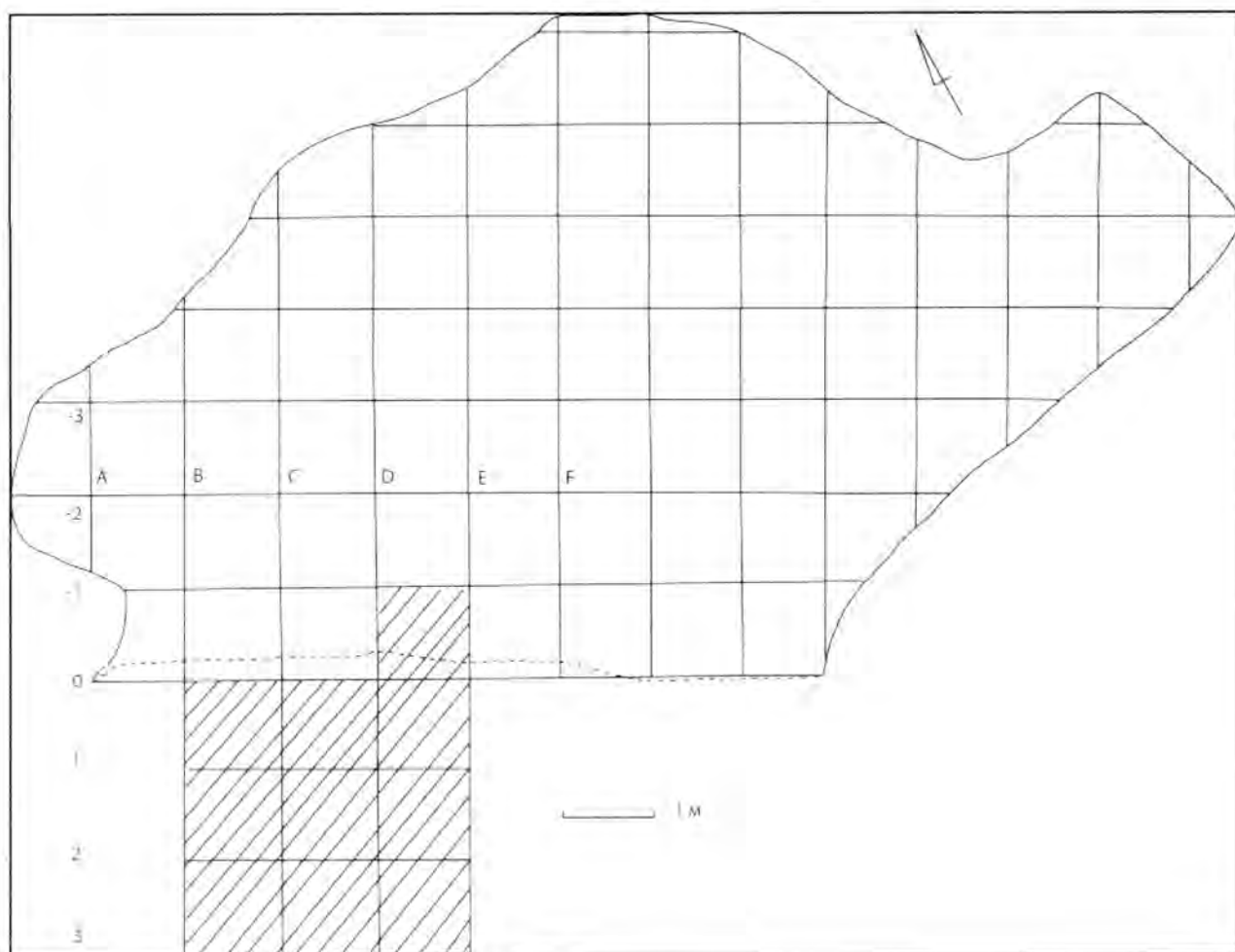

Рис. 1. Общий план грота Семетей

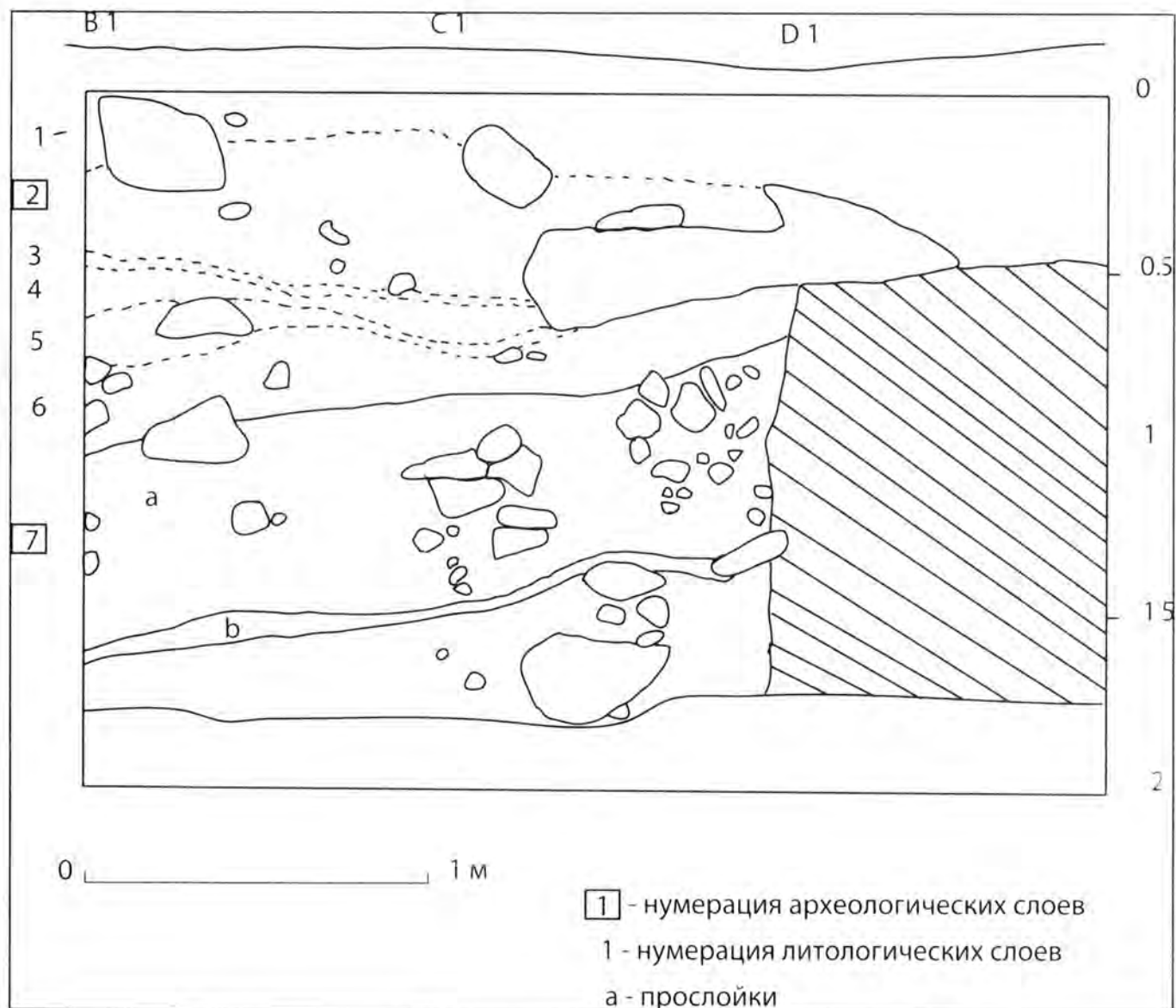

Рис. 2. Профиль северной стенки раскопа

2011 ЖЫЛЫ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫНДА АТҚАРЫЛҒАН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ

2011 жылы «Ортағасырлық Сығанақ қаласы» атты ғылыми жобасына ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің 2009–2011 жылдарға жариялаған Республикалық «Мәдени мұра» гранты бойынша бөлінген қаржыға жүргізілді.

Осы жылы атқарылған далалық жұмыстарының нәтижесінде Сығанақ қаласының негізгі мәселелерін ашуға мүмкіндік туды. Оларды бірнешеге бөліп қарастыруға болады.

1. Қаланың топографиясы;

2. Қаланың стратиграфиясы;

3. Қаланың мәдени даму кезеңдері. Сығанақ қаласының археологиялық мәдениетінің ерекшеліктері мен жергілікті мәдениетпен сабақтастығын қарастырады.

Қазба № 6 қалашықтың солтүстік-батыс бөлігінде (камал бекінісінің орнында) 2009 салынған болатын (Жолдасбаев, 2009). Қазба 2010 жылы жалғастырылып 2011 жылы материк қабатына жетті. Қазба аумағы 56 м² (14×4 м). 2009 жылы қазба барысында 2 м тереңдікке жеткізген болатынбыз, яғни 4 ярус ашылды (ярустың қалыңдығы 0,5 м.), ал 2010 жылы қазбаның тереңдігі 10–11 ярусқа жеткізілді. Қазба барысында 3 және 4 құрылыс горизонттары ашылды, шахристанның 4 құрылыс горизонтына дейінгі сыртқы камалының жобасы анықталды (Жолдасбаев, 2010).

2011 жылы мамыр айында қазба барысында сыртқы камалдың астына биіктігі 0,5, - 1 м келетін топырақтан үйілген үйінді ашылды. Үйіндінің үстіне қамыс төселген. Үйіндінің үстіне саман кірпіштерден шахристанның сыртқы камалын қалаған. Қамалы бірнеше рет жөндеу жұмыстарынан өткені байқалады. Өйткені жоғарғы қабаты ішіне қарай жылжытылған.

Қазба нәтижесінде керамикалық ыдыстарының көптеген бөліктері және сол заманғы тиындар табылды. Қазба жұмыстарының нәтижесінде 5–6 құрылыс горизонттарының тіршілік жасаған уақытын анықтауға мүмкіндік туды.

2011 жылы қазбаның стратиграфиялық сызбасы толығымен түсірілді (1–3 суреттер). Материкке жету үшін 8,5 м тереңдікке түсуге тура келді. Құрылыс горизонтының деңгейінде құрылыс қалдықтарының орнын анықтауға мүмкіндік тумады. Себебі кезінде жер асты сулары көтеріліп жерді сор басып кеткен. Дуалдарын тұз ерітіп жіберген деп айтуға болады. 8,5 м тереңдікке түсу үшін қазбаның шығыс бөлігінде шурф қазылды. Түбінде нәм топырақ шыға бастағасын қазбаны тоқтаттық.

Стратиграфиясы өте күрделі болып келеді. Құрылыс қабаттары бір-бірімен тығыз байланыста болып келеді. Табылған керамикалық ыдыстарының бөліктері де ұксас. 5–6 құрылыс горизонтының керамикалық кешені жоғарғы қабаттағы керамикалық ыдыстарынан өзгеше болып келгенімен, арасында ұқсастық байқалады. Сонымен бірге көптеген тиындар (жобамен саны 20 дан астам) табылды. Осы материалдар төменгі қабаттардың өмір сүрген кезеңін анықтауға мүмкіндік туғызды.

5 құрылыс горизонты 12–15 ярустарды қамтыйды. Еденін тазалау барасында күл-қокыс тастайтын шұңқырлардың орны белгілі болды. Оларды тазалау барысында керамикалық ыдыстардың сынық бөліктері табылды. Олардың құрамында көбінесе кеселер, құмыралар және құтылардың бөліктері кездеседі.

Құрылыс горизонтының деңгейінде құрылыс қалдықтарының орнын анықтауға мүмкіндік тумады. Себебі кезінде жер асты сулары көтеріліп жерді сор басып кеткен. Дуалдарын тұз ерітіп жіберген деп айтуға болады. Тек ошақтың орны сақталған.

Ошақ қазбаның оңтүстік батыс бөлігінен табылды. Жанында ешқандай құрылыстар байқалмайды. Ошақтың диаметрі 65 см. Саз балшықтан шеңбер тәрізді жасалған. Сақталу дәрежесі төмен. Мүмкін тандырдың қызметін атқарған. Тазалау барысында ішінен еш зат шықпады.

5 құрылыс горизонтынан көптеген керамикалық ыдыстардың сынық бөліктері

шықты. Шамамен 200 ден астам. Оның басым бөлігін боялмаған керамикалық ыдыстардың сынықтары. Олар сапалы иленген, түсі қызыл-сұр балшыктан жасалған. Бірақ ыдыстың пішінін анықтауға мүмкіндік беретін қыш бөліктер өте аз.

6 құрылыс горизонтынан да құрылыс қалдықтары өте нашар сақталған (4 сурет). Қазба барысында табылған керамикалық бұйымдардың кешенін көбінесе боялмаған қыш бұйымдар құрайды. Оның ішінде орта кеселер, құмыралар, құмдардың сынық бөліктері және т.б. Керамикалық бұйымдары мен қатар малдың сүйек қалдықтары мен шыныдан жасалған бұйымдардың сынықтары табылды.

14 ярустың деңгейінде қазбаның оңтүстік жағында адамның толық емес қанқасы тазаланды. Сүйектері анатомиялық жағынан дұрыс болғанымен кейбір сүйектері шашылып кеткен. Алғашқыда бас сүйегі мен қалған сүйектерінің беті ашылды. Үстінен күл шыққан. Жерлеу шұңқыры анықталмады. Кезінде оны бұзып кетуі мүмкін еді. Жанында еш зат табылмады.

Қаланың батыс жағына жүргізілген № 6 қазба кесінді қазіргі таңда 8,5 м. яғни 17-ярус, алты құрылыс кезеңін анықтады. Қала шахристан бөлігінде өткізілген стратиграфиялық № 6 қазба 2011 жылы көптеген материалдар берді десек қателеспейміз.

№ 9 қазба қаланың негізгі ірі қақпасы болып саналатын шығыс қақпа орнына салынды. Бұл қақпаның екі қабырғасының қазіргі таңдағы сақталу биіктігі екі түрлі- солтүстік бөлігі оңтүстігіне қарағанда 2м шамасында биік. Қазба салынбас бұрын қақпа құрылысының негізгі бөлігі өте қалың өскен сексеуіл мен жыңғыл, жантак т.б. өсімдік қабатынан тазартылды. Бұл қақпаның топографиялық жобасында құрылыс ерекшелігі анық байқалады. Ол қаланы қоршаған негізгі қамалға жапсарлана салынып, шығыс бағытта шамамен 35–40 м созылып жатыр. Бұл шығысқа бағытталған қақпа құрылысының өзі шыға беріс аузына қарай оңтүстік-шығысқа бұрылыс. Бұл жердегі қазбаның жалпы көлемі батыстан шығысқа ұзындығы 35 м, ал ені 14,5 м кейде 8 м қамтиды.

1-құрылыс кезеңі. Алғашқы қазба Сығанақ қаласының негізгі қамалына жапсарлана салынған қақпа құрылысының ішкі бөлігінен, яғни негізгі көшемен жалғасып жатқан бөлігіне

дейінгі дәлізден басталды. Салынған қазба көлемі 15×3×0,5 м.

Маусым айында № 9-қазбада жұмыстар жалғасын тауып, 15×3 м болып салынған қазба 30–40 см тереңдетілді. Қазба барысында қақпа құрылысының батыс бөлігінен қақпа тұғырының орындары ашылды. Оның негізі күйдірілген қышпен қаланған, сыртқы диаметрі 55 см, ішкі диаметрі 20 см. Сақталған биіктігі екі қатар қыш. Олардың ара қашықтығы 5,2 м. Осы деңгейде еден ашылды және оның кей бөліктерінде күйдірілген қыш сынықтары төселгені анықталды. Дегенмен ол барлық бөлікте бірдей сақталмаған. Оған біріншіден, мәдени қабаттың сақталуына кері әсерін тигізетін қалың өсімдік қабаты, екіншіден, бұл қақпа арқылы биылғы қазба басталғанға дейін қала орталығына ауыл тұрғындарының үлкен жүк машиналарымен кіруі себеп болған. Сондай-ақ, қақпаның ішкі батыс жағында екі қыш қаландының сақталған бөлігі байқалады. Олардың бірі оңтүстіктегі тұғырға жалғастырыла, негізгі қақпа қамалына қатарласа салынған, көлемі 0,5×1м, қыш сынықтарынан қаланған. Екінші қаланды да осы бөлікте және қамал қабырғасына перпендикулярды орналаcқан, күйдірілген қышпен өрілген. Қыш көлемдері 2,5×1,3 м, екі қатар қаланды ғана сақталған. Әйтсе де құрылыстың толық дерлік бұзылып кетуіне байланысты жобасында оның басқадай жалғасы табылмады. Осы деңгейде пахсадан қаланған қақпа қабырғасының да ізі байқала бастады. Бұл құрылыс қала қақпасының алғашқыдағы бөлігі құлағаннан соңғы, кейінгі кезеңдерде салынған болса керек.

2-құрылыс кезеңі. Қазба жұмыстары барысында оның көлемі ұзына бойы кеңейтіліп (батыс және шығыс жағына қарай), ұзындығы 35 м жеткізілді. Көшені еден деңгейінде тазалай отырып, көшенің екі жағында сақталған пахса құрылысының қабырғасы анықталды. Сонымен қатар пахсадан жасалынған оңтүстік қабырғаның сыртқы бөлігін қаптама ретінде күйдірілген қыштан қаланған мұнара (?) орны ашылды. Оның қазіргі кездегі сақталған биіктігі шамамен 1,2 м. Осы қаландының ішкі көше бет жағын тереңдете қазба салғанымызда 50–70 см тереңдікте қазбаның оңтүстік-шығыс бөлігінде көлемі 80 x 30x 15 см болып келген құмтас ашылып, осы тастан бастап батысқа қарай күйдірілген

қыштан қаланған бордюр қаландысы ашылды. Қаланды пахсадан жасалған қабырғаға жапсырылып қаланған екі қатардан тұрады. Қазіргі таңда оның 4 м ұзындығы ашылды. Биіктігі 4–5 қатар. Көп жағдайда жоғарыдағыдай көлемді құмтастарды қақпаны ұстап тұруға арналған арнайы тұғыр ретінде пайдаланады.

Жоғарыда айтқанымыздай қазбаны шығыс бағытта 30 м кеңейтіп, қаланың сыртқы орынан бастап солтүстік және оңтүстік жағына кеңейтіліп ені 14,5 м қазба салған кезімізде, қақпаның кіре беріс аузынан қаланды ізі ашылды. Қазба барысында жобасында тік төртбұрышты болып келген күйдірілген қыштан қаланған қаланды ашылды. Оның ұзындығы 11,5 м, ал ені оңтүстік жағында 2,6 м, солтүстік бөлігінде ені 5 м. Бұл қаланды барып пахсадан жасалған негізгі камалға тіреледі. Қыш қаландының биіктігі әрқелкі 1,5–1,7 м. Оңтүстігіне қараған солтүстік бөлігінің биіктігі жақсы сақталған (5-сурет). Алдыңға қатар (оңтүстік бөлігінде), оның сол жағындағы қаландыда 5 қатар, орта бөлігінде 14 қатар – 10 қатар қыш қаландысы бар. Солтүстік жағында 18 – 13 қатар сақталған. Осы бұрыштағы қаланды арасында арнайы тігінен қойылған қыш құмыраның төменгі жағы табылды. Оның қандай мақсатта қойылғанын айту қиын. Әйтсе де солтүстік бөлігіндегі құрылыстың алдыңғы бөлігінің 2–3 қатары құлаған.

Қаланған қыш көлемдері де әр келкі: $27 \times 27 \times 5$, $26 \times 26 \times 5$, $23 \times 23 \times 5$ см. Осы соңғы құрылысты **3-құрылыс** кезені ретінде қарастыру қажет сияқты, дегенмен қазба жұмыстарының аяқталуына байланысты оны шешіп айту қиын. Өйткені әзірше тек бұл құрылыстың (платформаның) алдыңғы-шығыс бөлігі ғана ашылды. Келешекте қазба қақпа дәлізімен жалғасқан уақытта оның құрылыс кезендері әрқелкі болуы да ықтимал.

Қақпаны қазу барысында 3 мыс теңге табылды, оның екеуі тазаланып, оқылды.

1. Жазуы сақталмаған. Кейінгі фельс. XV–XVI ғғ.

2. Жазуы нашар сақталған, оқуға келмейді.

3. Гүл іспеттес таңба. Жошы пулы. Жазу: Сарай әл Джадид (Сығанақта басылып шығуы мүмкін). Шығарылған мерзімі XIV ғ. ортасы.

Қазба барысында қақпаның кіре берістегі күйген кірпіштен қаланған платформаның

құландысы арасынан сапалы күйген кірпіштен жасалған, әртүрлі көлемдегі және әрқелкі ою-өрнекпен кескінделген қақтама плиталар анықталды:

– Құрама қақтама плиталар. Ені 24 см, қалыңдығы 9 см, әр бөліктің биіктігі 17 см. Жиналатын әрбір плитаның формасы – жебе ұшы тәріздес және бір-біріне шырша жапырағы тәріздес қиылысады. Бетіндегі ою кірпіш күйдірілмес бұрын арнайы кесіп жасалынған, сапалы күйдірілген. Өрнекте ромб, бесбұрыш, үшбұрышты болып келген бөліктерінің ішіне өсімдік орнаменті (гүл, жапырақ, өсімдік сабағы) салынған. Плиталар қиюласқан кезде, бір бөлік бетіндегі өрнекті келесі бөліктегі өрнек толықтырып отыратындай етіп жасалынған. Бұған ұқсас қақтама плиталар осы қақпаға жақын жердегі сағанадан да табылған болатын. Әйтсе де олар бұндай күрделі құрама емес кәдімгі шаршы немесе төртбұрышты қақтамаларға салынған. Дегенмен бетіндегі өрнек түрлеріне қарағанда олардың жасалу мерзімі шамалас болса керек.

– Қақтама плита. Сақталған бөлігінің көлемдері: ені 12,3 см, биіктігі 4,5 см, ұзындығы белгісіз. Кірпіш қиыршық құм аралас саздан құйылған, сапалы күйдірілген. Бұл қақтама плитаның бір бөлігіне ғана салынған шексіздік белгісі іспеттес ою алғашқысы сияқты кесу әдісі арқылы емес, арнайы құйма қалыпта жасалған. Бұл плитадағы орнамент алғашқы Қазақ хандығы туындағы өрнекке белгілі бір ұқсастықтары бар сияқты. Сондықтан бұл қақтаманы XIV–XV ғғ. деп тұспаладауға болады.

– Қақтама плита. Сақталған бөлігі плитаның бір бөлігі ғана. Қалыңдығы 5,5 см. Бетіне жүзім сабағы тәріздес өсімдік өрнегі салынған. Өрнек беті көгілдір түсті шытырлы бояумен қапталған. Осындай көгілдір шытырлы бояумен боялған керамиканың да кенінен таралған уақыты XIV–XV ғғ. Дегенмен осындай бояумен, осы орнаментпен оюланған қақтама терракота Сығанақ қаласындағы бірінші стратиграфиялық кесіктің XII–XIII ғғ. қамтитын 14 ярусынан, ташнау жанына төселген болатын. Сондықтан осы көгілдір шытырлы бояумен боялған керамиканың мерзімдеу мәселесіне толықтырулар енгізу қажет сияқты.

Ортағасырлық Сығанақ қаласының қақпасы өзіндік архитектуралық ерекшелігі бар

құрылыс болып табылады. Бұл қакпа осы өңірдегі анықталған Сауран, Отырар қалаларының қакпа құрылысынан өзгешелесу. Өкінішке орай көптеген баска да ортағасырлық қалалардың қакпасына арнайы қазба жұмыстары жүргізілмеген. Мысалы, Отырар қаласының қакпасың мұнара құрылысы негізгі платформасынан сыртқа шығыңқы етіп салынған, осы ерекшелікті белгілі бір дәрежеде Сауранның қакпа құрылысынан да байқаймыз. Сондай-ақ бұл екі қакпаның да алдында аспалы көпірге арналған тіреу бар. Сығанақ қаласының негізгі платформасы ғана күйдірілген кірпіштен қаланған, ал екі қапталдағы мұнарасы пахсадан жасалған және негізгі платформа алға 4,5 м шығыңқы болып орналасқан. Платформаның қазіргі анықталған ең биік жері 1,7 м және одан төмен қарай жалғасып жатыр, дегенмен қазба барысында жер асты суының шығып кетуіне байланысты тоқтатылды. Бұл жерде айтпағымыз Сығанақтың қакпасында да аспалы көпірге арналған тіреу болуы қажет. Қазіргі жер бедерінен ондай ерекшелік байқалмайды. Оны анықтау үшін келесі жылы қазба аумағын кеңейту жоспарланып отыр.

Қазба № 10 (6-сурет). Ортағасырлық Сығанақ қаласының шығыс қакпасынан 10 м солтүстікте № 10 қазба салынды. Қазба қаланың негізгі қамалы мен қакпа құрылысының қосылған жерінен бұрыштан салынды. Қазба барысында қамалдың ішкі бөлігінен шағын бөлме ашылды. Ашылған бөлменің жалпы көлемі 3,9x2 м болып келеді. Бөлменің оңтүстік қабырғасы бұзылып кеткен. Оңтүстік қабырғасының ұзындығы 2 м, ал ені 0,9 м. Қабырға өте нашар сақталған. Бөлменің батыс, шығыс және солтүстік қабырғалары жақсы сақталған. Бөлменің шығыс қабырғасы кесектен және ки (малдың тезегі) аралас топырақтан жасылған кесектерден қаланған. Қабырғаның кесектері тігінен және қиғаш қаланған. Кесектердің көлемдері 15x30x10 см. Шығыс қабырғаның сақталған ұзындығы 7–8 м, ал ені 0,8–1 м, биіктігі ішкі жағы 1,2 м, сыртқы жағының биіктігі 0,5 м. Солтүстік және батыс қабырғалары кесектен өрілген. Солтүстік қабырғасының ұзындығы 1 м, ені 0,9 м, биіктігі 1,1 м. Бөлме еден деңгейіне дейін жеткізіліп, тазаланды және орталық бөлігінен ташнау табылды. Сонымен қатар ташнаудан 1 м солтүстікте ернеуінің диаметрі 0,3 м келетін хум табылды. Хум орта беліне дейін еденнен төмен көмілген.

Қазба № 11 қазба Ортағасырлық Сығанақ қаласының солтүстік бөлігінде, № 9 қазбадан (Қакпаға салынған қазбадан) солтүстік – батысқа қарай 150 м жерде орналасқан шағын төбеге салынды. Қашықтықта жатыр. Қазбаның жалпы көлемі 22x16 м, солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай созылып жатыр.

Төбешіктің батысынан 8x6 м етіліп алғашқы қазба салынды. Оған қосымша оңтүстік-батыстан 4x6 м ұзартылды. Бұл қазылған квадраттан алғашқы бөлменің нышаны байқалмады. Бірінші қабаты толығымен бұзылып кеткен. Кейіннен солтүстіктен оңтүстікке қарай созылып келе жатқан қабырғаның шеті шықты. Оны тазалаған кезде бұл қабырғаның ұзындығы 10 м дейін жеткіздік. Бұл не қабырға екенін анықтай алмадық.

Осы қабырғадан батысқа қарай және бір қабырғаның ізі байқалды. Оны тазалаған кезде бөлмелердің нышаны байқала бастады (7-сурет). Сонымен екі бөлменің орындары жартылай тазаланды. Бірінші бөлмеден ташнау, суфа және ошақтың орны анықталды. Өкінішке орай бөлме толық тазаланған жоқ, оны келесі жылға қалдыруға ұйғардық.

Екінші бөлме де толық тазаланған жоқ. Оның тек солтүстік шығыс бұрышы ғана ашылды.

Қорыта келгенде, 2011 жылғы археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелерін айтып өтетін болсақ оған, біріншіден, Стратиграфиялық қазбаны материк деңгейіне жеткізгенімізді және қаланың шығыс қакпасын ашуға бағытталған қазба жұмысын бастағанымызды айтуға болады.

Қаланың батыс жағына жүргізілген № 6 қазба кесінді қазіргі таңда 8,5 м, яғни 17-ярус, алты құрылыс кезеңін анықтады. Қала шахристан бөлігінде өткізілген стратиграфиялық № 6 қазба 2011 жылы көптеген материалдар берді десек қателеспейміз. Соның ішінде қаланың мәдениетін анықтауға мүмкіндік туғызатын керамикалық бұйымдарының кешенін арнайы атау қажет. Алынған керамикалық т.б. материалдар қала XIII–XVIII ғғ. үздіксіз тіршілік жасағанын дәлелдейді. 6 құрылыс қабатында табылған олжалар осы құрылыс қабаты XIII–XIV ғғ. сәйкес келетінін көрсетеді (Жолдасбаев, 2011). Оған негіз болатыны осы қабатта

табылған керамикалық бұйымдар Отырар қаласының VII құрылыс қабатынан шыққан бұйымдарға сәйкес келуі. Сонымен бірге бұл құрылыс қабатында өтпелі кезеннің керамикалық бұйымдары табылғаны қала негізінде одан да бұрын тіршілігін бастағанын көрсетеді. Дегенмен, қазіргі уақытта біз тек қана қаланың XIII ғасырда өмір сүргені туралы айта аламыз.

Сонымен бірге X–XII ғғ. жататаны керамикалық бұйымның бөлігі табылғаны қала сол кезде де өмір сүргенін дәлелдеуге болатынын көрсетіп отыр.

Яғни жазба деректерде X ғ. бастап кездесетін Сығанақ қаласының орын анықтау (локализациясы) әлде де ашық мәселе болып қалып отыр. VI құрылыс горизонты Жошы дәуірінің, яғни XIII–XIV ғғ. материалын беріп отыр. Бұл кезеңде де қала өте белсенді өмір сүргені көрініп тұр.

Сонымен, стратиграфиялық қазба көптеген тарихи ақпарат беріп, қаланың мәдени өмірін зерттеуге мүмкіндік туғызып отыр.

2011 жылы негізгі қамалға жапсарлана орналасқан, жобасында өте күрделі қақпа құрылысының бір бөлігі ашылды. Ортағасырлық Сығанақ қаласының қақпасы өзіндік архитектуралық ерекшелігі бар құрылыс болып табылады. Өкінішке орай көптеген басқадай ортағасырлық қалалардың қақпасына арнайы қазба жұмыстары жүргізілмеген. Бұл қақпа осы өңірдегі анықталған Сауран, Отырар қалаларының қақпа құрылысынан өзгешелеу. Бұл екі қаланың қақпаларында аспалы көпірге арналған тіреу бар. Сығанақ қаласының негізгі платформасы ғана күйдірілген кірпіштен қаланған, ал екі қапталдағы мұнарасы пахсадан жасалған және негізгі платформа алға 4,5 м шығыңқы болып орналасқан. Платформаның қазіргі анықталған ең биік жері 1,7 м және одан төмен қарай жалғасып жатыр, дегенмен қазба барысында жер асты суының шығып кетуіне байланысты токтатылды. Бұл жерде айтпағымыз Сығанақтың қақпасында да аспалы көпірге арналған тіреу болуы қажет. Қазіргі жер бедерінен ондай ерекшелік байқалмайды. Оны анықтау үшін келесі жылы қазба аумағын кеңейту жоспарланып отыр. Шығыс қақпасындағы осы жалы басталған қазбаның нәтижесі бойынша 3 құрылыс кезеңі анықталып отыр. Ең жоғарғы

құрылыс кезеңі XVI–XVII ғғ. қамтиды. Ал қақпаның ең алғашқы құрылыс кезеңін алдағы жылдардағы қазба жұмыстарының нәтижесінде ғана анықтауға болады.

№ 10 қазба қаланың қорғанының үстінен салынған бөлмелерлі ашты. Бұл қазба қала тұрғындарының мәдениет-тұрмыстық өмірін көрсетуге материалдар береді.

№ 11 қазба толық аяқталған жоқ. Негізгі мақсаты қаланың тіршілік жасаған соңғы кезеңнің мәдениетін көрсетуге бағытталған. Әсіресе Тұрмыстық бөлмелер, бөлмелердегі ошақтары мен шаруашылық құрылыстар өте қызықты болып келеді.

Бұзылып жатқан қаламыздың тарихи беттерін қайта ашып, ашық аспан астындағы музейге айналдырасақ өткен тарихымыздың беті қайта ашылып, жаңа өмірмен жалғасын қайта табар еді. Сонда біздің мәдени мұраларымыз өз елінің игілігіне жараған болып табылады.

Жолдасбаев С., Мургабаев С., Бахтыбаев М., Нурханов Б. ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің 2009–2011 жылдарға жариялаған мемлекеттік «Мәдени мұра» гранты бойынша Мәдениет және ақпарат саласындағы қолданбалы ғылыми зерттеулер бағдарламасы аясында орындалған Ортағасырлық Сығанақ қаласы ғылыми жобаның 2009 жылғы (аралық) есебі. – Түркістан, 2009. – 61 б. / ХКТУ АҒЗО архиві, кітап №7а.

Жолдасбаев С., Мургабаев С., Бахтыбаев М., Нурханов Б., Арынов Қ. 2010 жылы Ортағасырлық Сығанақ қаласында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі (аралық есеп) –Түркістан, 2010. – 107 б. / ХКТУ АҒЗО архиві, кітап №8а.

Жолдасбаев С., Мургабаев С., Бахтыбаев М., Нурханов Б., Арынов Қ. 2010 жылы Ортағасырлық Сығанақ қаласында жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстарының есебі (аралық есеп) –Түркістан, 2011. – 133 б. / ХКТУ АҒЗО архиві, кітап №9а.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НУРИНСКОГО РАЙОНА КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Нуринский район с центром в поселке Кивекка занимает северо-западную часть Карагандинской области, граничащую с Акмолинской и Костанайской областями. В географическом отношении он представлен в основном степными равнинными ландшафтами, которые чередуются с древними горными массивами, сохранившимися в виде невысоких сопок. Поиском и исследованием археологических памятников на этой территории в 70–80-х гг. XX в. занимались В.С. Волошин, А.А. Ткачев, А.Ю. Чиндин, В.В. Варфоломеев. Ими было выявлено более 40 объектов, относящихся преимущественно к эпохам камня и бронзы.

Впервые стационарные работы в этом регионе предпринял В.С. Волошин, исследовав стоянку каменного века Жанбобек-4, содержащую культурный слой. Были найдены кремневые орудия труда в виде ножевидных пластин, скребков, отщепов, скребел, наконечников стрел, что позволило отнести памятник к эпохе мезолита и неолита (Волошин, Мазниченко, 1978, с. 511).

Группа памятников эпохи бронзы была открыта и исследована А.А. Ткачевым на р. Нуре. Это поселения Икпень I-II, Майоровка, Энтузиаст I-II, могильник Икпень I, где зафиксированы в основном детские погребения. Раскопки дали материал, относящийся к различным этапам бронзового века Сарыарки (Ткачев, 2002, с. 8–186).

В 2009 г. в рамках выполнения региональной программы по составлению «Свода памятников Карагандинской области»¹ поисковым отрядом экспедиции Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова была проведена сверка имеющихся в наличии паспортов памятников с объектами, зафиксированными на местности. Отсутствие прежде на вооружении у исследователей приборов глобального позиционирования (GPS), воздействие антропогенных факторов и зачастую четких привязок на плане местности позволили достоверно установить только 36 объектов списочного учета.

В связи с малоизученностью района были предприняты дополнительные поисково-разведочные мероприятия по выявлению и фиксации новых объектов истории и культуры. В 2009–2011 гг. разведочными маршрутами были частично охвачены бассейны таких рек, как Нура, Куланотпес, Жаман-Кон, Жаксы-Кон, Керей, а также исторически известная местность Ак-Кошкар. Общее количество ранее зафиксированных и вновь выявленных объектов составило 225 памятников.

По эпохам и количеству отмеченные объекты распределились следующим образом: к каменному веку отнесено 27 стоянок и мастерских, к эпохе бронзы – 24 могильника и поселения, к раннему железному веку – 104 памятника, к средневековому периоду – 79 отдельно стоящих курганов и могильников.

Стоянки каменного века обычно представлены подъемным материалом и группируются, в основном, у родников, небольших ручьев, по берегам рек, а также в районе древних мастерских, где зафиксированы естественные выходы кремневых пород, буквально усеянные отходами каменной палеоиндустрии (фото 1).

Перспективными в плане исследований, с нашей точки зрения, являются местонахождения Жанбобек 1-2, расположенные на выходе из небольшого ущелья и, возможно, содержащие культурный слой. Наряду с орудиями каменного производства здесь были найдены и многочисленные фрагменты керамики. Причем один из фрагментов шейки сосуда был орнаментирован наклонными отпечатками короткого мелкозубчатого штампа. Любопытна также находка кремневого черешкового наконечника стрелы подтреугольной формы с оттянутыми жальцами (фото 2).

В целом, ограниченный подъемным сборами, материал может соответствовать периоду энеолита или ранней бронзы.

Эпоха бронзы представлена в основном поселениями и полуразрушенными детскими погребениями, расположенными на р. Нуре. Ярко

выраженные андроновские ограды, сооруженные из вертикально установленных каменных плит, зафиксированы лишь на могильнике Щербаковский (рис. 1), расположенном на р. Куланотпес, а также в небольшой группе некрополей в низовьях р. Керей. Единичные объекты отмечены и по р. Жаксы-Кон (фото 3). К этому же периоду, вероятно, можно отнести так называемую пещеру Айдагарлы, которая на самом деле является древним рудником, где осуществлялась добыча медьсодержащего сырья (фото 4).

Подобная картина характерна для большей части территории Нуринского района, где памятники эпохи бронзы крайне невыразительны или просто отсутствуют. Видимо, данная экологическая ниша не отвечала требованиям культурно-хозяйственной деятельности населения степной бронзы этого периода.

К раннему железному веку отнесены 104 кургана, в том числе 14 имеющих статус «царских», диаметр которых превышает 25 м, высота – 2 м, а также 8 комплексов с так называемыми «усами». «Царские» курганы, за редким исключением, во всех случаях имеют визуально фиксируемую земляную или каменно-земляную насыпь и кольцевые рвы.

Как правило, все «царские» курганы одиночные, находятся в долинах рек и расположены на относительно ровной местности. Удаление от русла составляет от 0,5 км до 3,5 км. Только в одном случае курган был сооружен в сопках из чистого камня без включения грунта. Наиболее крупный из них – Кызылжудыз – расположен в непосредственной близости от автотрассы «Караганда–Киевка–Астана» и может представлять интерес в качестве объекта экскурсионно-туристической деятельности (фото 5). Диаметр кургана составляет 50 м, высота 4 м, ширина кольцевого рва до 5 м, глубина до 1 м (рис. 2).

Интересно, что на вершине одного из «царских» курганов – Керей 2, расположенного в долине р. Керей, отмечена верхняя часть каменного изваяния, видимо, принесенная и установленная местными жителями (фото 6).

Курганы «с усами» зафиксированы в семи случаях – по одному на р. Жаксы-Кон и в долине Ак-Кошкар и пять по р. Керей. Диаметр курга-

нов может достигать 20 м, высота – 1 м, длина «усов» – до 80 м. В одном случае отмечено совместное расположение двух курганов: «с усами» и «царского» (могильник Тур-3) (рис. 3).

Основная часть рядовых курганов этого периода сооружена из камня. Они расположены на вершине и у подножия невысоких сопкок. Представлены как одиночными, так и группами до пяти объектов. Максимальный диаметр составляет до 20 м, высота до 2 м (фото 7).

Средневековые курганы обычно тяготеют к естественным возвышениям и высоким сопкам, сооружены из щебнистого материкового грунта или необработанного камня (рис. 4). Всего насчитывается 79 объектов. Диаметр колеблется от 3 до 20 м, высота до 1 м, нередко на вершине кургана выложено «обо» (фото 8). Наибольшее количество памятников этого периода отмечается в местности Ак-Кошкар, где наблюдается и значительная концентрация казахских родовых кладбищ с крупными каменными и саманными мазарами.

Таким образом, в Нуринском районе представлен весь спектр археологических памятников от эпохи камня до средневековья. Дальнейшие исследования позволят значительно дополнить археологическую карту региона новыми данными, но основные характеристики, видимо, останутся без существенных изменений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Программа финансируется Карагандинским областным Управлением культуры.

Волошин В.С., Мазниченко А.П. Работы в Целиноградской области // Археологические открытия. – М.: Наука, 1978. – С. 511.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 1. – 289 с.

РАСКОПКИ 2011 Г. НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА ЧИРИК-РАБАТ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕЙ ПЛАНИРОВКЕ

В 2011 г. Чирик-Рабатская экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Ж.К. Курманкулова продолжала раскопки на территории средневековой цитадели городища Чирик-Рабат. Как в предыдущие сезоны, основной задачей было исследование раннего слоя, участок которого был открыт в юго-западной части цитадели в 2008 г. (Курманкулов и др., 2009, с. 146–148; Курманкулов и др., 2009, с. 198). Далее выяснилось, что сохранность строительных остатков в верхней части раннего слоя очень плохая, поскольку этот слой находился в открытом состоянии и был подвержен воздействию природных факторов в условиях пустыни в течение тысячи лет, отделяющей древний и средневековый периоды жизни на городище (Курманкулов и др., 2011, с. 283).

Несмотря на слабую сохранность строительных остатков, мы уже располагаем некоторыми данными о смене планировки в конце древнего (чирик-рабатского) периода жизни городища. Об этом говорит находка основания колонны в форме прямоугольника, ориентированного по сторонам света, под сложной конструкцией, названной нами печью (Курманкулов и др., 2011, с. 283–284). В этом сезоне мы получили новые подтверждения этого тезиса.

На новом участке, примыкающем с юга к основной площади раскопа 4, работы начались со снятия слоев пахсовой платформы. Слой пахсовых блоков общей толщиной 50–80 см снимался постепенно; в нем, как и прежде наблюдалось в подобной ситуации, чередовались прослойки твердой и более мягкой разрушенной пахсы. Под нижним мягким слоем пахсы по всей раскопанной площади приблизительно на одном уровне залегали валикообразные уплотнения. Мягкий слой размытой пахсы низа платформы на этом участке содержал значительную примесь песка, этот супесчаный слой заполнял промежутки между уплотнениями. В результате расчистки была открыта полоса плотного глинистого материала шириной 25–30 см, проходящая вдоль

всего раскопа в направлении ЗЮЗ–ВЗВ (рис. 1). В середине ее на расстоянии 30–40 см друг от друга расположены прямоугольные углубления стандартного размера 10–12 см, заполненные натеками. Местами натеки имеют розовато-коричневатый оттенок. Эта полоса, скорее всего, представляет собой остатки каркасной стены, при том, что ямки остались от столбов квадратного сечения.

С севера к стене примыкают крупные конструкции, округлые в плане, размерами 80×130–140 см, составленные из валиков шириной 2–30 см. Одна из них представляет собой остатки печи (рис. 2), внутри которой лежал слой мелких угольков. Следов прокала, обычного для печи, обнаружено не было, что может объясняться плохой сохранностью слоя. В другом случае удалось расчистить упавшие на валики кирпичи (следует заметить, что здесь, как и почти всюду при раскопках верха раннего слоя на раскопе, мы практически не имеем дела с исходным материалом, поэтому, говоря о кирпичах, мы имеем в виду лишь их замещенную форму).

Подобные конструкции находятся и к югу от стены. На обеих этих территориях в валиках обнаружены следы столбом большого диаметра — около 15 см — и маленького (7–8 см). Оба эти диаметра стандартные. Таким образом, включая столбы стены, мы можем говорить о трех стандартах прямоугольных столбов на этом участке раскопа. Местами маленькие столбы группируются по три или более. Для того чтобы понять эти закономерности, необходимо исследовать этот участок.

На расстоянии 3 м к северу от этой стены при снятии бровки обнаружены остатки такой же стены, идущей параллельно ей (рис. 3). Сохранность этой стены значительно хуже, но в ней тоже присутствуют квадратные ямки таких же размеров, заполненные натеками, также местами розовато-коричневатого оттенка. В теле стены прослеживается два слоя глины. Было сделано несколько разрезов стены по ямкам. Разрезы по-

казали, что ямки двух слоев стены не совпадают, местами частично перекрывая друг друга (рис. 4), что свидетельствует о постройке стены заново на том же месте.

Худшая сохранность этой стены понятна, поскольку в этом месте сохранность слоя была особенно плохой. На этом участке раскопа проходила промоина, уничтожившая значительную часть строительных остатков. Уцелела только конструкция, названная нами печью. Теперь мы видим, что симметрично ей у лица южной стены расположена похожая фигура. И судя по конфигурации того, что сохранилось на сильно смытых участках, там тоже, похоже, были какие-то конструкции округлых форм и похожих размеров.

Таким образом, от планировки этого строительного горизонта мы имеем две каркасные стены, прослеженные на протяжении более 9 м, и ничего, что давало бы возможность предположить какие-либо поперечные стены на раскопанном участке. Расположенные между стенами крупные конструкции из валиков, среди которых есть и печи, и некие каркасные конструкции, позволяет предполагать, что перед нами пространство большого двора.

К северу от северной стены на восточном участке раскопа прослежены остатки пола с очагом (рис. 5), сохранившегося на расстоянии 60–80 см от стены. Далее пол отсутствует, и на 20–30 см глубже его уровня были обнаружены беспорядочно расположенные прямоугольные углубления, ориентированные в той же системе, что и открытое в 2010 г. основание колонны. Вполне возможно, что эти углубления тоже представляют собой следы колонн, однако их сохранность значительно хуже. Среди них привлекает внимание углубление прямоугольной формы со следами небольших ямок на углах, что заставляет вспомнить реконструированную А.Н. Гертманом жердевую колонну (сделанную из небольших по диаметру деревянных жердей на глиняном каркасе) на поселении Дингильдже (Гертман, 1989, рис. 25, 4–7). Правда, та колонна имела круглую в плане форму, а наша – квадратную, но в принципе возможность такой конструкции исключать не следует.

Таким образом, раскопки 2012 г. подтвердили наблюдения прошлого года о смене плани-

ровочных концепций в конце чирик-рабатского периода существования памятника. Пока не удалось проследить ни стены, ни полы более ранней планировки (открытая в прошлом году ранняя поверхность с колонной представляет собой не пол, а строительную поверхность, образовавшуюся в результате снятия пола последующими строителями, судя по глубине, на которой открыто основание колонны) – это дело будущих раскопок. Однако ориентировка основания колонны позволяет говорить о том, что более ранняя планировка была ориентирована по-другому. Колонна была ориентирована по сторонам света, а открытые в этом году стены имеют от них значительное отклонение. Ориентированы они на большие курганы, расположенные в северной части памятника. Такую же ориентировку приняли и строители средневековой цитадели. Похоже, им была известна последняя планировочная концепция древнего периода. Удивительную сохранность каркасной стены, открытой нами в слое, содержащем значительное количество песка, можно объяснить следующим образом. Этот участок, в силу каких-то причин мало пострадавший от природных факторов, был найден средневековыми строителями, которые, рассчитывая площадь под платформу, просто срубили верх стены, а то, что не поддавалось, засыпали песком и потом заложили слоями платформы. О таком ходе вещей заставляет думать одинаковая высота сохранившейся части стены. Возможно, так же поступили и с северной стеной, которая сохранилась на ту же высоту, но состояние слоя вокруг стены не позволяет утверждать это с уверенностью.

Ранний слой был обнаружен также в траншее, разрезавшей стену средневековой цитадели. За стеной цитадели на глубине 1,8 м от ее верха был обнаружен участок, замощенный кирпичами размерами 40×40 см, шириной в четыре ряда кирпичей, уходящий в борта траншеи. Толщина его – три кирпича. На его поверхности обнаружена серия ямок, давших образцы ранней керамики.

В ходе раскопок получен немногочисленный, но достаточно выразительный керамический комплекс. Большая часть сосудов изготовлена вручную из плохо промешанной глины

с примесями шамота, небольшого количества дресвы и органики. Вся керамика представлена во фрагментах. Однако по тем профильным частям, которые были найдены, вполне можно составить представление о форме сосудов. В подавляющем большинстве это небольшие лепные горшки с достаточно четко выделенной горловиной и в большей или в меньшей степени отогнутым наружу верхним краем. Лишь в единственном экземпляре представлен сосуд открытой формы. Это фрагмент небольшой лепной глубокой, по всей видимости, полусферической чаши (рис. 6, 8).

В отдельных случаях на шейке или под венчиком горшков видны неглубокие пальцевые вдавления (рис. 6, 2, 6). Как можно предполагать, у всех сосудов было плоское дно. У некоторых из них в придонной части также фиксируются слабо выраженные пальцевые вдавления (рис. 6, 3). Вряд ли их можно расценивать как декоративный элемент. По всей видимости, это следы пальцев мастера, оставшиеся на поверхности в процессе формовки. Все эти сосуды находят себе многочисленные аналогии в керамических комплексах памятников чирикрабатской культуры (Баланды, Бабиш-Мулла) и являются одной из ведущих форм в группе лепной посуды.

Вместе с тем обращает на себя внимание небольшой горшок (рис. 6, 1) – диаметр устья 12–13 см со слабо отогнутым наружу, немного утолщенным верхним краем и покатыми плечиками, которые были украшены процарапанным орнаментом в виде неровного зигзага или ломаной линии. Орнамент нанесен небрежно. В керамическом комплексе чирикрабатской культуры орнаментированные лепные сосуды практически неизвестны. В то же время лепные горшки со схожей орнаментацией представлены в погребальных комплексах из подкурганных захоронений раннесарматской культуры на территории Южного Приуралья, особенно в курганах Илекской группы – могильник Мачетсай (Смирнов, 1975, рис. 39: 7; рис. 30: 6).

Помимо лепной посуды в комплексе в небольшом количестве представлена керамика, изготовленная на гончарном круге. В первую очередь следует отметить фрагмент верхней части небольшой фляги (диаметр устья – 8 см) с невы-

сокой горловиной и слабо выделенным немного отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 9). Эта фляга находит себе ближайшие аналогии в древнехорезмийском керамическом комплексе (конец IV–II вв. до н.э.). Кроме того, следует отметить небольшой фрагмент венчика, по всей видимости, кувшина или кувшиновидного сосуда без ручки, изготовленного на гончарном круге из хорошо промешанной глины без видимых примесей, покрытого снаружи светло-коричневым ангобом (рис. 6, 10). По технологическим и морфологическим признакам этот сосуд также находит себе ближайшие аналогии на территории Хорезма среди хозяйственной керамики конца IV–II вв. до н.э.

Таким образом, полученный керамический материал подтверждает, что раскапываемые слои относятся к чирикрабатскому периоду существования городища. При этом стоящий несколько особняком комплекс из траншеи содержит не только традиционную чирикрабатскую керамику, но и некоторые формы посуды, свидетельствующие о связях местного населения с Южным Приуральем.

Гертман А.Н. Строительная техника древнего Хорезма: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989.

Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Болелов С.Б. Новые данные о раннем слое на городище Чирик-Рабат // Маргулановские чтения-2009: Материалы Международной археологической конференции. – Петропавловск, 2009.

Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Болелов С.Б. Работы на цитадели городища Чирик-Рабат в 2009–2010 гг. // Маргулановские чтения-2011: Материалы Международной археологической конференции (Астана, 20–22 апреля 2011 г.). – Астана, 2011.

Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Тажекеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-рабат в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. – Алматы, 2009.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., 1975.

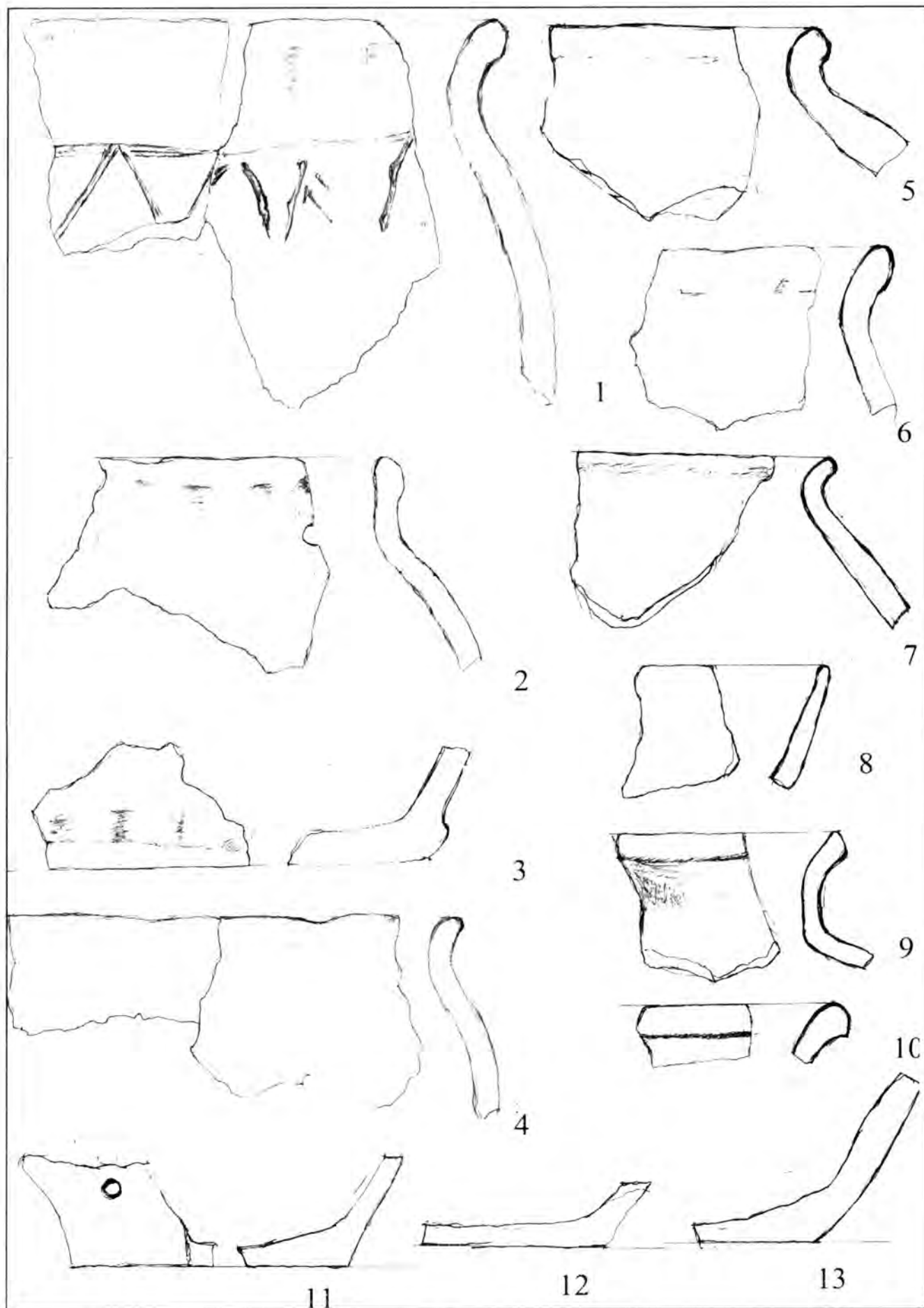

Рис. 6. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории цитадели. Керамика из ранних слоев

ИССЛЕДОВАНИЯ УКРЕПЛЕННОЙ УСАДЬБЫ ИНКАР-КАЛА ЧИРИКРАБАТСКОГО КОМПЛЕКСА

Укрепленная усадьба Инкар-кала (N44°03'27,1» E062°58'24,1») является центром небольшого земледельческого оазиса, который базировался на магистральном канале, ответвлявшемся от древнего русла Жанадарьи в окрестностях возвышенности Ак-кыр. Поселение составляют несколько больших домов; из них лучше всего сохранилось прямоугольное сооружение на левом берегу канала. Останцы его стен имеют высоту 2,2 м, площадь развалин равна 50×30 м. Вход в крепость визуально прослеживается в двух местах: в северо-западной стене памятника в виде промоины, и в юго-восточной стене, где вход перекрывала выступающая в южную сторону фланкирующая стена, длиной и шириной в основании 9 и 6 м соответственно. На поверхности городища зафиксированы обильные россыпи керамики в переотложенном виде, причем керамический комплекс Инкар-калы идентичен чирикрабатскому.

Поселение было открыто маршрутным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1959 г. (Толстов, 1962, с. 170). Повторно поселение было обследовано в 2006 г. маршрутной группой Чирикрабатской археологической экспедиции (Курманкулов и др., 2007, с. 216–217). В сентябре 2011 г. было решено провести стационарные археологические исследования на поселении. С целью выяснения стратиграфической ситуации и выявления планировок в пределах оборонительных стен был заложен раскоп в северо-западном углу памятника.

Раскоп площадью 121 м² (11×11 м) заложен в северо-западном углу памятника. В ходе работ была вскрыта часть оборонительной стены по внутреннему фасу и участок площади здания, примыкающий к стенам запада и северо-запада. Причем удалось частично реконструировать довольно сложную историю строительства оборонительных и жилых сооружений Инкар-калы в этой части памятника. Выявлено, что жилая постройка примыкала внешними стенами к внутреннему фасу оборонительной стены, создавая композицию единой оборонительной стены. Можно выделить, по крайней мере, два основ-

ных периода строительства оборонительной стены и жилой постройки, которые в свою очередь подразделяются на этапы.

Наиболее ранней (1-й этап 1-го периода) является стена шириной около 1 м, построенная из плотного хорошо отмученного глиняного блока пахсы. Пахсовый блок положен на нивелирующий глиняный цоколь серого цвета, толщиной – 55 см.

С внутренней стороны северо-западной и северной оборонительной стены ко 2-му этапу 1-го периода пристраивается кладка из сырцовых кирпичей (размерами 60×30×12 см). Кладка кирпичей на уровне – 129 см от реперной точки положена на фундамент-стилобат из пахсовых блоков (толщиной 60 см). Стратиграфический разрез показывает, что фундамент – стилобат внутри дома играл роль раннего (древнего) строительного пола. В северо-западной стене крепости выявлен проход шириной 0,8–2 м, выводящий за пределы усадьбы. Можно предполагать, что это была так называемая «калитка»; конструктивный элемент, который довольно часто встречается в фортификационных системах раннеантичного Хорезма (Кургашин-кала, Кырк-Молла в Куны-Ургенче). Считается что такие «калитки» использовались для вылазок десанта обороняющихся или для незаметного отхода населения из крепости.

В процессе разбора стен, завала, кирпичной забутовки площади жилого помещения выявилось, что хронологически толща культурных напластований здесь также может быть разделена на два горизонта: нижний – пол с ташнау и верхний – пол с колоннами.

Ко 2-му этапу 1-го строительного периода относится нижний горизонт – пол с ташнау, мощность этого яруса равна 50 см. Жилое помещение на уровне пола с ташнау занимало площадь 10,8×11,2 м. В этот период у основания внутренней северо-западной стены устроен ташнау. Ташнау был устроен на верхней поверхности раннего горизонта в виде квадратной ямы (70×60 см), заполненной фрагментами битой керамики – в основном черепками от больших сосудов (слой играл, по всей видимости, роль

фильтра) и сверху выложено гранитным камнем (31×40×10 см).

От ташнау под наклоном отходят канавки (шириной 30 см) по всей площади помещения. Канавки уходят (упираются) под внешние оборонительные стены. Один рукав уходит под северную стену, другой упирается в северо-западную стену, а третий – в юго-восточную часть помещения в сторону внутренней части городища. На уровне пола с ташнау каких-либо архитектурных планировок или убранств на площади раскопа не выявлено.

Как можно судить исходя из анализа стратиграфической ситуации, жилище являлось большим укрепленным домом и существовало довольно длительный период времени. Уже на 2-м этапе своего существования ранние культурные слои перекрываются вторым уровнем пола.

На 1-м этапе 2-го строительного периода происходит перестройка северо-западной оборонительной стены и примыкающей внутренней стены жилого помещения. На уровне 160 см от реперной точки к сырцовой стенке жилого сооружения пристраивается пахсовый блок. В это время, по всей видимости, застраивается проход в северо-западной стенке (калитка). В этом этапе толщина северо-западной оборонительной стены и стены жилого помещения не превышала 4 м. Изменяется и внутренняя планировка жилого помещения.

Верх раннего строительного горизонта – пола с ташнау во втором периоде происходит забутовка пола – 10 см утрамбованным слоем растительного происхождения (навоз, камыш?), поверх которого шла глиняная обмазка. Ташнау как конструктивный элемент жилого помещения исчезает. Было совершенно очевидно, что здесь мы встретились с явлением, весьма распространенным в строительстве Средней Азии и Казахстана, когда обветшавшую постройку заполняли глиной и строительным мусором, чтобы создать повышенную платформу для нового здания.

На этом строительном уровне, во время раскопок в жилом помещении удалось установить сырцовые колонны, которые, по всей видимости, поддерживали перекрытия, базы некоторых из них сохранились. В помещение были обнаружены остатки трех колонн, стоявших в два ряда. Следует отметить, что основание баз сохранились не полностью: база № 1 – 50×60 см, № 2 – 60×60 см и № 3 – 30×40 см.

Вопрос о перекрытии пока остается не решенным. Вероятно, всего это были плоские глинобитные крыши, которые держались жердями. Сводчатое перекрытие вряд ли могло быть применимо, ибо ширина помещения достигает 11 м, к тому же остатков кирпичей свода в завалах помещениях не обнаружено. Можно лишь отметить максимальную длину пролетов, едва ли превышала 3 м, о чем свидетельствует приближающиеся к квадрату по форме жилое помещение и кирпичные основания, которые в виде квадратных выкладок прослежены в помещении.

По непонятным причинам на 2-м этапе 2-го периода происходит ремонт и увеличение толщины северо-западной оборонительной стены. На уровне «пола с колоннами» параллельно северо-западной стенке на расстояние 3,5 м уложены пахсовые блоки, пространство же между стенками забутовано глиной, сырцовыми кирпичами, остеологическим и керамическим материалом. Площадь жилого помещения в это время сужается до 61 м². Не удалось полностью проследить верхний (поздний) строительный горизонт в связи с обвалом стен и, по всей видимости, крыши.

Раскопки на поселении Инкар-кала только начались, однако уже после первого непродолжительного полевого сезона можно сделать некоторые предварительные выводы. Полученные в результате раскопок материалы дают основание датировать нижний строительный горизонт поселения не позднее середины – конца IV в. до н.э. Наличие прямоугольного сырцового кирпича, относящегося ко 2-му этапу 1-го периода жизни памятника, и хума из ташнау со сферической формой тулова, диаметр которого расположен вблизи середины его высоты, горловина с округлой в сечение венчиком датируется концом первого этапа чирикратской культуры (хумы такого типа изредка встречаются в памятниках Южной Туркмении доахеменидской и ахеменидской эпохи (Массон, 1959, таб. XXXIX, 4). Помимо этого, о ранней дате возникновения поселения свидетельствует и длительная история сложения оборонительных сооружений.

В процессе исследования интерьера раскопанного жилого помещения отмечено отсутствие очагов для отопления на разных уровнях строительных полов. Мы можем предполагать, что обогрев помещений зимой, как это было еще до недавнего времени в Средней Азии, осущест-

влялся с помощью переносных сандалов, наполненных горячими угольками. Аналогии этому мы находим в позднеантичной бактрийской (кушанской) жилой архитектуре: Ай-Ханум, Халча-ян, Саксанохура, Дальверзинтепе (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978, с. 193).

Что касается архитектурного элемента жилого помещения ташнау, то следует отметить, что эта система отвода бытовых и сбросовых вод – известна в среднеазиатском бытовом благоустройстве. Водоотводная система, подобная проложенной под полом усадьбы Инкар-калы, известна во многих памятниках. Близкие дренажные системы выявлены еще при раскопках ассирийского дворца середины VIII в. до н.э. (Северная Месопотамия) в Тель-Барсипе (Всеобщая история архитектуры, 1970, с. 211). Однако нужно отметить примитивность ташнау из Инкар-калы; так, в ходе раскопок помещение 28 и 46 на городище Елхарас под 10 см слоем обмазки, имевшей бело-розовый цвет, находились керамические водосливные трубы (кобуры), лежащие в углублениях на материке или в специальных каменных ложах (Древности Южного Хорезма, 1991, с. 86). Традиция эта сохраняется и в более поздний период; так, зачищенное помещение 14, на городище Дальверзинтепе показало, что отвод вод происходил через керамические кобуры цилиндрической формы с некоторым сужением одного конца для плотного введения друг в друга отдельных секций (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1978, с. 36).

Планировка здания также видоизменялась. Первоначально это была традиционносреднеазиатская схема: большое квадратное помещение с сырцовыми колоннами в виде айвана (?) и обширным двором. В следующий период центральное пространство здания, примыкающая к северо-западной стене, застраивают – обрывается мощная оборонительная стена. Что интересно, данный процесс укрепления оборонительных стен стратиграфически выявляется и на других памятниках чирикратской культуры (Баланды I, Чирик-рабат, Бабиш-мулла I) (Курманкулов и др., 2008, с. 205–211; с. 230–235).

Можно заметить, что жизнь на данном участке памятника характеризуется частым обновлением полов, весьма бедным культурным слоем на них. Все это производит впечатление временного использования здания в неблаго-

приятных условиях и позволяет предполагать (в качестве одного из возможных объяснений), что перед нами дом-убежище с обширным двором. Следует заметить, что подобная структура поселения находит себе прямые параллели в раннеантичном Хорезме (Неразик, 1976) где небольшие неукрепленные усадьбы группировались вокруг крепости, служившей одновременно и общественным хранилищем и крепостью-убежищем (Кургашиновское поселение, Аязкалиновское поселение).

Всеобщая история архитектуры. – М., 1970. – Т. 1 – 512 с.

Древности Южного Хорезма. – М.: Наука, 1991. – 287 с.

Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // ТХАЭЭ. – Т. 9. – М.: Наука, 1976. – 250 с.

Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т., Абдикаликов Ш.М. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. – Алматы, 2007. – С. 216–217.

Курманкулов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж., Дарменов Р., Торежанова Н. Исследования укрепленной усадьбы Баланды I в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. – Алматы, 2008. – С. 205–211.

Курмакулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утебаев Ж., Искаков А., Тажекеев А., Дарменов Р. Отчет об археологических исследованиях на городище Чирик-рабат и в его окрестностях в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. – Алматы, 2008. – С. 230–235.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.М. Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. – 240 с.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. – 1959. – № 73.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. – 324 с.

САРМАТСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С КУРГАНА ХАЛВАЙ 3

В данной статье вводятся в научный оборот материалы эпохи раннего железного века, полученные в ходе раскопок кургана эпохи бронзы Халвай 3.

Курган Халвай 3 находится на левом берегу Тобольского рукава Каратамарского водохранилища, в 7 км к северо-востоку от одноименного поселка, в Тарановском районе Костанайской области. Раскопки проводились Торгайской археологической экспедицией в 2009–2010 гг. Памятник обнаружен осенью 2008 г. местными жителями. Диаметр кургана – 32 м со рвом, высота 1 м. Ров глубиной до 0,7 м, шириной до 3 м. Почти половина кургана оказалась размыта Каратамарским водохранилищем. Летом 2009 г. Торгайской археологической экспедицией были организованы спасательные раскопки. Всего на кургане Халвай 3 было зафиксировано 11 могильных ям.

Ямы № 1, 3, 6, 8, 9 расположены под насыпью, относятся к периоду развитой бронзы и находят широкие аналогии среди памятников синташтинно-петровского, времени Южного Урала и Северного Казахстана, остальные погребения (№ 2, 3 А, 4, 5, 7, 8 А) являются впускными и были совершены в разные археологические периоды.

Поскольку цель данной статьи – ввод в научный оборот материалов по эпохе раннего железного века, то остановимся на анализе двух погребений: № 7 и № 8 А и артефактах, найденных в разрушенной части кургана, датируемых сарматским временем.

Необходимо сразу сказать, что обе ямы, № 7 и 8 А, расположены друг под другом и вложены в яму эпохи развитой бронзы № 8, зафиксированную в центральной части кургана, которая имеет прямоугольную форму размером 2,7×1,7 м, глубину 2,95 м.

Яма № 7 начала фиксироваться в насыпи кургана, углублена на 0,1 м ниже материка, часть ее обрушена вследствие размыва водой (рис. 1, 2). Сохранилась лишь нижняя часть скелета мужчины 40–50 лет (определение А.В. Колбиной). Мужчина был погребен в вытянутом положении на спине, ориентирован головой на юго-запад. У левой ноги найдены сосуд, ребра и позвоночник

крупного животного, рядом с которым вплотную к кости находился обломок железного ножа.

Сосуд неорнаментированный, высотой 126 мм, диаметром по горловине 106 мм, диаметр по тулову 131 мм, диаметр по дну 8,8 мм. Шейка сосуда слегка отогнута наружу сосуда. Срез венчика округлоуплощенный. Толщина стенок 7–8 мм, днища – 20 мм. Тесто с примесью песка и органики (рис. 2, 2).

Железный однолезвийный нож с обломанным кончиком лезвия. Длина сохранившейся части лезвия 35 мм, черешка – 15 мм. Ширина лезвия в срединной части 12 мм. Толщина лезвия в основании 4 мм, в срединной части – 3 мм. На черешке фиксируются остатки дерева. Лезвие в сечении в форме сильно вытянутого треугольника. Нож имеет «горбатую» спинку (рис. 2, 5).

Рядом с ямой № 7 со стороны обрыва был найден обломок железного *колчанного крючка*. Изделие сильно корродировано, длиной 37 мм, шириной – от 9 до 17 мм, толщиной – от 6,5 до 8 мм. Сечение прямоугольное. У основания изделие приплюснуто и имеет округлое отверстие диаметром 7 мм (рис. 2, 3).

Сосуд близок сосудам III отдела (по К.Ф. Смирнову) с плоским дном и шаровидным туловом савромато-сарматского времени из Южного Приуралья, Нижнего Поволжья (Смирнов, 1964, с. 111–114). Аналогичные сосуды конца V–IV вв. до н.э. происходят из погребения № 2, кургана 9 могильника Покровка I и погребения № 1, кургана 10 могильника Целинный I в Южном Приуралье (Гуцалов, 2004, табл. 19, 9, 19).

По форме *нож*, по-видимому, относится к типу ножей с прямым лезвием и горбатой спинкой. Подобные ножи широко применялись в скифо-сарматское время. В могилы их часто клали вместе с мясной заупокойной пищей (Смирнов, 1964, с. 105–106, рис. 59, 8–12).

Крючок типологически близок крючкам с отверстием в штыре. Подобные крючки были найдены в памятниках Южного Приуралья конца VI – начала IV вв. до н.э. Особенно широко такие крючки были распространены в раннесарматских комплексах конца V – начала IV в. до н.э. (Смирнов, 1964, рис. 23, 2в; 1975, рис. 38, 5; 39, 4; 41, 3; 42, 8; 56, 3; Кадырбаев, Курманку-

лов, 1976, с. 137–156; Гуцалов, 2004, с. 31–32, табл. 17, 1–2, 8). Положение погребенного в вытянутой позе головой на юго-запад, заупокойная пища в виде небольших частей животного характерны для раннесарматского погребального обряда (Мошкова, 1963, с. 19–24; Мошкова, 1974, с. 11; Смирнов, 1989, с. 169–172; Кушаев, 1993, с. 73–76).

Таким образом, по погребальному обряду и инвентарю, погребение № 7 было отнесено к концу V–IV вв. до н.э., т.е. ко времени бытования так называемой раннесарматской культуры.

Яма № 8 А. Погребение в яме № 8 А находится под ямой № 7 (рис. 1, 1, 3), зафиксировано на глубине 0,5 м от материка. Женщина в возрасте 40–50 лет (определение А.В. Колбиной) была погребена в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль тела. В ногах найдена лопатка животного. Других находок нет.

Яма № 8 А не содержит какого-либо погребального инвентаря, но по положению и фиксации ямы (яма находится под раннесарматским погребением) можно предположить, что время сооружения ямы также – ранний железный век. Более того, нахождение умерших в погребениях № 7 и 8 друг под другом, в одной позе, в пределах одной могильной ямы, по-видимому, свидетельствует, что это один комплекс, который в науке получил название «ярусное захоронение». Подобный погребальный обряд зафиксирован в памятниках савроматского и раннесарматского времени в Южном Приуралье со второй половины VI–V вв. до н.э. до конца V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2004, с. 95, 103).

Кроме этого, в разрушенной части кургана, у подножия (на берегу) были найдены следующие артефакты: керамический сосуд, каменная плитка и бронзовый наконечник стрелы.

Сосуд неорнаментированный, высотой 104 мм, диаметр по горловине 65 мм, диаметр по тулову 89 мм, по дну 65 мм. Шейка сосуда слегка отогнута наружу, срез венчика округлый (рис. 2, 1). Тесто с примесью шамота. Толщина стенок сосуда 5–8 мм, днища – 16 мм. По морфологическим признакам близок плоскодонным сосудам V отдела с грушевидным туловом (по К.Ф. Смирнову). Подобная посуда характерна для савроматского времени VI–IV вв. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 112–114, рис. 65, 11).

Каменная плитка изготовлена из крупнозернистого песчаника серого цвета, овальной

формы с приостренными концами. Один конец плитки оформлен в виде стилизованной головы животного (барана?). Углублением подчеркнута шея животного, «морда» подтреугольной формы. Длина плитки 33 см, ширина в срединной части 14,4 см, толщина – 4,5 см. Голова шириной 6,4 см, толщиной 6,2 см. Противоположный голове конец плитки приострен и подработан. Верхняя часть плитки заглажена и находится чуть ниже головы и «конца». Нижняя сторона плитки не обработана.

Каменная плитка, по-видимому, культового назначения. Выделенная передняя часть, возможно, условная и схематизированная скульптурка головы барана. Основной ареал плиток с головой барана – это Зауральская лесостепь, где они встречаются достаточно часто. По мнению В.А. Могильникова, алтари с «рыльцем» барана связаны с гороховской культурой и на основании одной находки в саргатском комплексе могут быть датированы IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1992, с. 290). На данный момент вопрос о хронологии плиток с изображением головы барана остается открытым. В.И. Мошинская относит их к бронзовому веку, П.А. Дмитриев, К.Ф. Смирнов, В.Н. Васильев и В.К. Федоров – к раннему железному веку. О.П. Ченченкова считает, что традиция изготовления этих изделий была актуальной на протяжении нескольких тысячелетий – от неолита до раннего железного века (Мошинская, 1976, с. 84–88; Дмитриев, 1948, с. 12–21; Смирнов, 1964, с. 162–170; Васильев, 1998, с. 25–43; Федоров, 2000, с. 49–69; Ченченкова, 2004, с. 332). Проанализированный жертвенник ориентировочно можно отнести к IV–III вв. до н.э., т.е. ко времени бытования гороховской культуры.

Бронзовый наконечник стрелы, трехлопастной, со сводчатой головкой и внутренней втулкой (рис. 2, 4). Края лопастей опускаются ниже основания втулки в виде шипов. Длина наконечника 34 мм, ширина у основания – 13 мм. Внутренний диаметр втулки 4 мм. Наконечник стрелы относится к типу трехлопастных стрел с внутренней втулкой со сводчатой головкой и опущенными вниз шипами. Такие наконечники получили широкое распространение в скифо-сарматское время с VI до II в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 50; Гуцалов, 2004, с. 21).

Таким образом, исследуемые материалы кургана Халвай 3 бытовали в савроматское и раннесарматское время в рамках VI–II вв. до н.э.

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. – Уфа: НМ РБ, 1998. – Вып. 1. – С. 25–43.

Дмитриев П.А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. – М.–Л., 1948. – Вып. 19. – С. 12–21.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. – Уральск, 2004. – 136 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье Илека // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 137–156.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. – Уральск: Диалог, 1993. – 175 с.

Могильников В.А. Гороховская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 283–290.

Мошинская В.И. К вопросу о каменных плитках с рельефными головами баранов // Ар-

хеология Средней Азии и Сибири. – М., 1976. – С. 84–88.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. – М.: АН СССР, 1963. – 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: АН СССР, 1961. – 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 380 с.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. – Уфа: НМ РБ, 2000. – Вып. 2. – С. 49–69.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург, 2004. – 336 с.

Рис. 1. Курган Халвай 3. План ям №№ 7 и 8 А. 2 – яма № 7. 3 – Яма № 8 А. 4 – условные обозначения: I – супесь темно-серого цвета; II – супесь коричневого цвета; III – суглинок пестроцвет; IV – супесь серого цвета

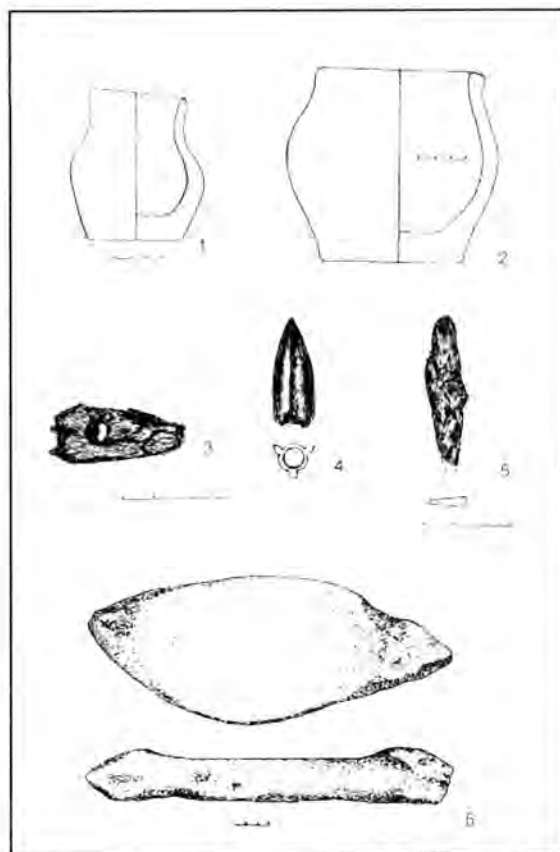

Рис. 2. Курган Халвай 3. Инвентарь. 2, 5 – яма № 7; 1, 3, 4, 6 – артефакты, найденные у подножия кургана (на берегу). 1, 2 – керамика; 3, 5 – железо; 4 – бронза; 6 – камень

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ОРЬ-ИРГИЗСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Монументальные памятники – произведения древнего искусства, – всегда волновали умы специалистов и привлекали к себе особенное внимание. Традиция использования надгробных монументов, фиксируемая и в этнографическом прошлом, и сейчас, безусловно берет начало с глубокой древности.

Одним из регионов, где по новым исследованиям прослеживается концентрация каменных изваяний, является Орь-Иргизское междуречье. В административном отношении территория входит в Хромтауский и Айтекийский районы Актюбинской области Западного Казахстана, в географическом отношении – в восточное крыло Северных Мугоджар и представляет собой сухую степь междуречья крупных рек области – Орь и Иргиз, протекающих на данном участке в меридиональном направлении. Рельеф местности в основном представлен однообразной равниной со слабовсхолмленными возвышенностями высотой до 340–370 м.

В полевом сезоне 2011 г. археологическим отрядом Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии на территории шести местонахождений изучено 12 изваяний. Все они были обнаружены в междуречье рек Орь и Иргиз и занимают различные топографические ниши. Значительная их часть (Дружба I, Карабаза I, Белькопа I, Карабутак I и Каракудук III) занимает господствующие высоты с хорошим обзором местности. Только в одном случае (Сынтас I) две стелы находились на первой надпойменной террасе. Изучая все перечисленные памятники, можно отметить следующую закономерность: большинство их привязано к истокам водных артерий и расположено на господствующих высотах.

В двух случаях стелы находились непосредственно на территории могильника, при этом все были установлены к югу. В расположении стел выявляется определенная закономер-

ность: большинство стоят парами (Карабаза I, Сынтас I) или группами (Карабутак I). Также в трех случаях стелы устанавливались по одному (Дружба I, Белькопа I и Каракудук III).

При изготовлении стел материал специально отбирался и скорее всего транспортировался из других мест, так как отличался от окружающих их каменных пород. В единичном случае (Белькопа I) в качестве основы применена местная порода. А в остальных случаях стелы изготавливались из кристаллической породы – крупнозернистого гранита, только в могильнике Карабутак III был использован плитняк. Стелы представляли собой грубо изготовленные изваяния, обработанные путем скалывания, подтески и, возможно, шлифовки. В одном случае (Карабаза I), вероятно, была применена гравировка для нанесения линии.

Морфологически все стелы монолитны, ни разу не встретились стелы, сделанные из 2-3 составных частей. Для большинства характерна ярко выраженная удлиненность. Стелы по размерам условно можно разделить на две группы (см. табл.). К первой группе отнесены стелы длиной до 1,8 м (Карабаза I, Сынтас I, Белькопа I), отличалась только белькопинская, достигавшая 1,3 м. Стелы второй группы в длину превышали 2 м. Судя по размерам и местоположению, стелы обеих групп были рассчитаны на круговое обозрение. В абсолютном большинстве стелы представляют собой плиты с присущим им геометризмом. Для них характерны трапецевидные, треугольные и прямоугольные формы. В подавляющем большинстве абрис стел со стороны узкой грани имеет прямоугольные очертания. Геометризм выражается и в равномерном сужении стел от основания к вершине. В некоторых случаях наблюдается изогнутая форма, зауживание макушки путем округления и скоса.

Памятник	Высота (от соврем. дневн. поверх.)	Ширина	Толщина	Форма		Структура
				Анфас	Профиль	
Дружба I	254	37-48				столб
Карабаза I, 1	180	25-100	33-43	трапец.	неправил.	плита
Карабаза I, 2	174	32-78	22-37	трапец.	неправил.	плита
Сынтас I, 1	180	7-80	26	треуг.	прямоуг.	плита
Сынтас I, 2	156	74	26	треуг.	прямоуг.	плита
Белькопа I	130	12-53		трапец.	неправил.	столб
Карабутак I, 1	235	60	23	прямоуг.	прямоуг.	плита
Карабутак I, 2	215	25-70	13	трапец.	прямоуг.	плита
Карабутак I, 3	210	25-40	25	неправ.	прямоуг.	плита
Каракудук III	288	43-50	20-25	неправ.	прямоуг.	плита

На наш взгляд, лицевой стороной является широкая часть изваяний. Это объясняется не только наибольшей уплощенностью этой стороны, но и их расположением. Во всех случаях фиксации парных и более стел они были обращены друг к другу узкой стороной. Примечательно, что фронтальной стороной они были направлены к югу, юго-западу и западу.

Все стелы мало напоминают человеческую фигуру, что не позволяет нам с уверенностью говорить о них как об антропоморфных изваяниях. Хотя на верхних частях отдельных стел ваятелями, возможно, специально закруглением путем скоса придавались антропоморфные черты. Лишь единожды на Каракудуке III монумент напоминал туловище человека.

Определение хронологии описываемых монументов – достаточно сложная задача. Это объясняется в первую очередь отсутствием различных изображений на камнях, так и особенностями их местоположения. Большинство стел морфологически похожи на одиночные менгиры, аллеи и комплексы менгиров эпохи бронзы Центрального Казахстана и Южного Зауралья. Для одиночных менгиров и их комплексов характерно расположение у тылового шва или же в нижней части возвышенности коренного берега, для аллеи менгиров – на склоне холмов. В их размещении также заметна определенная закономерность. В подавляющем большинстве одиночные менгиры и комплексы менгиров были приурочены к поселениям и находились в непосредственной близости от них. При этом максимальная

высота одиночных менгиров составляла 1,9 м. Аллеи менгиров располагались в непосредственной близости от поселений, вблизи могильника, а также могли быть не связаны ни с какими другими памятниками. Высота достигает до 1,5 м (Маргулан, 2008, с. 430–442; Петров, 2003, с. 75). Рядом с этими памятниками обнаружены единичные находки, редко погребения (Полякова, 2003, с. 77).

Рассматриваемые монументы имеют сходство и с каменными изваяниями, исследованными на территории Башкирского Заруалья. Так, у д. Валиватово были обследованы расположенные на вершине бугров два изваяния высотой 1,23 и 1,75 м. Оба изваяния были соотнесены с псевдооленными камнями раннего железного века (Исмагил, Султанова, Сунгатов, 2006, с. 105–113; Исмагил, Сунгатов, 2011, с. 72).

К раннему железному веку относятся стелы двух местонахождений (Карабутак I, Каракудук III). Об этом свидетельствует прежде всего их размещение на территории погребальных комплексов. Могильник Карабутак I представлен двумя курганами и несколькими изваяниями, расположенными на водораздельной возвышенности (с абсолютной высотой 365 м) междуречья рек Орь и Иргиз. Оба кургана находились севернее. По размерам выделялся курган 1 с диаметром 28 м и высотой около 2 м. Насыпь кургана сложена из земли с включением камня, при этом более крупные плиты располагались ближе к основанию и, возможно, образовывали кольцо. С восточной и южной стороны насыпь кургана

была окружена различными по форме и размерам западинами. На вершине кургана наблюдалась округлая воронка диаметром около 7 м, это вероятно, следы от грабительской деятельности. Размеры второго кургана 1,7х20 м. Стелы располагались южнее первого кургана и концентрировались в трех местах. Ближе всех находились три стелы. Расстояние до кургана 1 составляло 24 м. К югу от курганов на расстоянии примерно 200–300 м были обнаружены сохранившиеся фрагментарно еще две стелы.

К югу от стел прослеживались округлые западины. Нами была раскопана одна из них (диаметр 4 м, глубина 0,1–0,15 м). После расчистки была обнаружена могильная яма, совершенная в толще выхода каменной породы. Контуры ямы имели неправильную форму. Ближе к центру, на глубине 0,38 м от уровня современной дневной поверхности размеры ямы уменьшались. На этом уровне она приобрела неправильную прямоугольную форму, ориентированную длинной осью с запада на восток. По дну ее размеры составляли: длина 1,47 м, ширина в средней части 0,45 м, глубина 0,66 м. На дне были расчищены кости ребенка 4–5 лет (определение Е.П. Китова), разбросанные по всей площади ямы. Среди костей были найдены мелкие угольки.

Еще одна стела была выявлена на территории могильника Каракудук III. Комплекс состоит из двух курганов и одной стелы, размещенных на водораздельной возвышенности левобережья пересыхающей речки Коржынсай – притока р. Тамды (бассейн Ори). Оба кургана земляные, расположены по оси северо-запад – юго-восток на расстоянии 600 м друг от друга. Размеры: курган 1 – 1,5х32 м; курган 2 – 1,4х31 м. Курганы по периметру окружены рвом.

В 35 м к юго-западу от кургана 1 находилась стела, к моменту фиксации лежала на земле. Судя по задрюченности, она была сломана недавно, со стороны основания прослеживалась западина. Камень представляет собой удлиненный, плохо обработанный, в плане неправильной формы блок из гранита с красноватыми оттенками. Нижнее основание его обломано, несколько шире и массивнее по сравнению с верхней частью. Монумент в средней и верхней частях тоньше, вероятно, ваятель таким образом обо-

значил антропоморфный образ. Верхняя часть также имеет следы недавней порчи. Его длина 2,88 м при ширине 0,43 м в средней и 0,5 м в нижней частях, толщина 0,2–0,2 см.

Карабутакские и каракудукские комплексы по особенностям расположения, а также по морфологическим признакам перекликаются прежде всего с памятниками плато Мангышлак Восточного Прикаспия. В последней четверти прошлого столетия здесь в результате исследования культового комплекса Дыкылтас были изучены десятки каменных изваяний. Для них также характерно размещение с южной или юго-восточной стороны от главного погребального комплекса (восемь из десяти) (Самашев, Ольховский, 1996).

Подводя итог, стоит отметить, что исследования последних лет показали, насколько богато Орь-Иргизское междуречье археологическими древностями, особенно памятниками камнерезного искусства. К сожалению, эта территория и сегодня остается мало изученной археологами. Как нам стало известно, на этой территории есть и другие местонахождения, где имеются одиночные или парные менгиры. Рассмотренные в данной работе стелы позволяют нам говорить о тесных связях населения древности с носителями археологических культур не только сопредельных территорий, но и отдаленных регионов.

Исмагил Р., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Оленные камни Валитовского (Кизяташского) святилища Башкирского Зауралья // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа, 2006. – С. 105–113.

Исмагил Р., Сунгатов Ф.А. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV вв. до н.э. Южного Урала // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – С. 65–79.

Маргулан А.Х. Сочинения. – Т. 6. – Алматы: Алатау, 2008. – 496 с.

Ольховский В.С. Идея антропоморфности в монументальной скульптуре кочевников Евразии I тыс. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). – М., 1999. – С. 103–106.

Петров Ф.Н. Ритуальное взаимодействие человека и мира: на материале археологических памятников степного Зауралья // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 2003. – С. 73–77.

Полякова Е.Л. Космос древних (по материалам мегалитических памятников Южного Зауралья) // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 2003. – С. 77–78.

Самашев З.С., Ольховский В.С. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара

Фото 1. Стела Дружба I. Вид с запада

Фото 2. Стелы Карабаза I. Вид с юга

Фото 3. Стелы Сынтас I. Общий вид с востока после расчистки

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ БОРЛЫ 4

В процессе исследований Борлинского археологического комплекса, расположенного в Лебяжинском районе Павлодарской области, экспедицией Павлодарского госуниверситета им. С. Торайгырова проводились разведочные работы по выявлению новых памятников, включавшие шурфовку наиболее перспективных участков. Одним из них была площадка второй озерной террасы западного берега оз. Борлы, выступающая длинным языком между двух родников, густо поросших лиственным лесом, удаленная от берега на расстоянии около 170 м.

Обследование площадки, где ранее фиксировались две небольших курганных насыпи со следами проникновений и остатки каких-то поздних сооружений, поросших густой травой, показало наличие на поверхности единичных артефактов. С целью выявления археологических объектов возле остатков одного из поздних сооружений, по линии север-юг была заложена траншея размером 5×1,5 м, при ее вскрытии стали попадаться кости животных, каменные орудия и керамика, количество которых увеличивалось по мере углубления. В южной части траншеи, на глубине около 59 см, обнажилась поверхность большого котлована, заполненного темным грунтом и большим количеством костей животных. По его контуру стало производиться углубление, в результате чего вскрылось скопление остатков частей туш и черепов лошадей, лежавших несколькими слоями вперемешку с артефактами. Среди костей отмечено также присутствие останков КРС, представленных, в том числе, и роговыми стержнями.

По определению Л.Л. Гайдученко, все кости принадлежат домашним особям. Крупнорогатый скот поселения относится к «терсекской» скотине, характеризующейся крупными размерами. Высота в холке коров (n = 27) – от 137 до 149 см, средняя – 142 см; быков-производителей (n = 6) – 155–162 и 158 см соответственно; волов (n = 11) – от 150 до 159 см, при средней – 155 см. Быки этой формы скота были исключительно рогаты. Среди коров преобладали рогатые особи, но изредка встречались комолые. По характеру изогнутости и способу отхождения от черепа рога терсекских быков и волов напоминали рога первобытного тура. В эпоху энеолита

«терсекский» скот был широко распространен по югу лесостепной, по всей степной и по северной половине полупустынной зоны Казахстана. Рассматривается в этих пределах от Прииртышья на востоке до Южного Зауралья на западе. Это часть более обширного ареала, уходящего на восток до области обитания окуневских племен включительно (Гайдученко, 2012). Необходимо отметить, что среди костных остатков было много сочлененных костей, в том числе обрубленных метоподий с фалангами, отражающих характер утилизации конских конечностей, на многих костях фиксируются следы порезов.

Частично вскрытый траншеей котлован, представляет остатки энеолитического жилища, использовавшегося в более позднее время для утилизации хозяйственных отходов. Найденные в нем сочлененные кости животных, находившиеся в анатомическом порядке являются кухонными остатками. Необходимо отметить, что котлован углублен в материк на 34 см, имеет отвесные края, от краев плавно понижается к южной бровке т.е. к центру жилища. На дне котлована глубиной 120 см от дневной поверхности зафиксирован прокол грунта, свидетельствующий о наличии в сооружении очага. В раскопе была зафиксирована следующая стратиграфия:

1. Дерн – 5 см.
2. Коричневая супесь – до 10–20 см.
3. Серая супесь – от 16 до 38 см.
4. Темно-коричневая супесь – от 14 до 40 см.
5. Светло-коричневая супесь – до 12 см.
6. Желтый песок – «материк».

Археологические материалы представлены остатками пластинчатой и отщепной индустрий (всего в раскопе обнаружено 2789 каменных предмета, большинство из которых составляет дебитаж) и керамикой эпохи неолита, энеолита, раннего бронзового, позднего бронзового и раннего железного веков (548 фрагментов керамики). Значительная часть коллекции – 254 шт. представлена маленькими сколами и недиагностируемыми фрагментами.

При анализе каменной индустрии памятника основной проблемой является разделение комплексов энеолита и раннего бронзового века, поскольку для них использовалось однородное сырье – низкокачественный, грубозернистый

серый и светло-коричневый кварцит, а подавляющее большинство артефактов составляют отходы производства (до 96 %). Однако энеолитический комплекс, представленный изделиями на отщепях, включающих скребла, ножи, бифасы, скребки, наконечники стрел с выемкой в основании, выделяется достаточно четко (рис. 1, 19–25; 2). Найдены также макролиты, представленные обломками мотыги и утюжка. Остается вопросом, какая часть отщепного комплекса будет относиться к эпохе ранней бронзы? Маркерами в данном случае могут являться наконечники стрел, характерные для эпохи раннего бронзового века – массивные черешковые изделия со струйчато-диагональной ретушью или прямым поперечным основанием, которые в раскопе пока не выявлены.

Каменная индустрия эпохи развитого неолита представлена пластинчатой индустрией из светло-серой яшмовидной породы – небольшим коническим нуклеусом для пластин, сечениями пластинок и изделиями из них, включая вкладыши с ретушированными краями, среди которых имеется одна симметричная трапеция из пластины средних размеров (рис. 1, 1–8). Кроме того, в коллекции выделяется немногочисленный пластинчатый комплекс, выполненный на цветных кремнях, алевролитах и патинированном кварците, в котором, кроме ножевидных пластин, присутствуют скребки на отщепях и пластинах, обломки вкладышей с дорсальной ретушью (рис. 1, 9–18). К сожалению, из-за нерепрезентативности выборки определить культурно-хронологическую принадлежность комплекса на данном этапе исследования не представляется возможным. Однако аналогичные материалы присутствуют в слоях 2б и 3 многослойной стоянки Шидерты 3, датированных ранним – средним неолитом (Мерц, 2008, с. 11–12).

В керамическом комплексе, полученном из траншей, выделяется четыре культурно-хронологические группы. Первая группа – раннего железного века – насчитывает 34 фрагмента от 4 сосудов. По сохранившимся венчикам и придонным частям, можно предположить, что посуда была горшечной формы с плоским дном. Орнаментальную композицию реконструировать сложно, поскольку керамика сильно фрагментирована, однако необходимо отметить, что орнамент, в виде наколов плоской палочки, наносился в зоне венчика. Данный комплекс стратиграфически связан со слоем коричневой супеси.

Вторая группа – раннего бронзового века – насчитывает 132 фрагмента керамики от 12 сосудов. Анализ придонных частей и стенок позволяет констатировать, что посуда была плоскодонной и имела баночную форму. Орнаментальные композиции представлены косыми и горизонтальными лентами, «лесенкой». Для нанесения орнамента использовалась отступающе-накольная (отступающая палочка), шагающая техника («шагание» с протаскиванием). Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, часто обратная сторона была заглажена зубчатыми инструментами. Аналогии подобной керамике известны в материалах елунинской культуры Лесостепного Алтая, для которой характерны две орнаментальные традиции украшения посуды: «кротовская» (шагающая гребенка) и «логиновская» (отступающая палочка) (Кирюшин, 2002, с. 48; Грушин, 2003, с. 51). Данный комплекс стратиграфически также связан со слоем коричневой супеси. Совместное залегание и отсутствие внутренней стратиграфии в этом слое материалов раннего бронзового и раннего железного веков говорит о непродолжительности пребывания древнего населения на территории памятника.

Третья группа – эпохи энеолита (?) – состоит из 92 фрагментов керамики от 6 сосудов. Форму посуды по имеющимся материалам восстановить достаточно сложно. Отдельно необходимо отметить, что среди фрагментов имеется стенка и придонная часть от «четырёхугольных» сосудов (рис. 3, 7). Керамика украшена техникой накалывания, для этого использовалась палочка, край лопаточки, гребенчатый и гладкий штампы. Орнаментальная композиция представлена рядами наколов, вертикальными и горизонтальными зигзагами, по срезу венчика также нанесены наколы, а так же прямоугольниками, расположенными в «шахматном» порядке (рис. 3, 4–6, 8). Отдельно необходимо выделить сосуд горшечной формы, украшенный по венчику равнобедренными треугольниками, вершинами вниз. Орнамент нанесен техникой «накалывания» палочкой с округлым рабочим краем, тулово имеет следы дополнительной обработки поверхности, возможно текстилем (?). Стратиграфически данный материал приурочен к темно-коричневому слою супеси, именно с этим комплексом связано скопление костей лошади и заполнение котлована жилища.

Керамика, украшенная «наколами» мелкозубого гребенчатого штампа, с характерным нажимом инструмента при нанесении оттиска (рис. 3, 7, 8), а также «шахматная» композиция и в виде вертикальных зигзагов, близка материалам стоянки Ирбино (Комарова, 1956, с. 98) и поселению Комарово I, относимым исследователями к ирбинскому типу (Абдулганеев и др., 2011, с. 28, фото 4). Остальная керамика достаточно сильно фрагментирована, что не позволяет точно определить ее культурную принадлежность. Однако необходимо отметить, что некоторые аналогии можно увидеть в материалах поселения Кротово I в Верхнем Приобье, которые В.И. Молодин относит также к ирбинскому типу (Молодин, 1977, с. 41, таб. XXVII).

Четвертая группа – эпохи неолита – представлена всего 56 фрагментами не менее чем от 5 разных сосудов, один из которых реконструируется почти полностью. Сосуд представлял собой круглодонный горшок с отогнутым венчиком, толщина стенок – 0,8 см. Черепок светло-коричневого цвета, в изломе – черный, в тесте имеет полости по всей поверхности от выгоревшей органики. В изломе венчика фиксируются остатки «шнура» технологического приема, применяемого при конструировании сосуда. Орнаментальная композиция представлена круглыми вдавлениями в два ряда по венчику, под которыми расположены три прочерченные линии. От верхней линии до нижней, косыми линиями образован равнобедренный треугольник, под которыми идут ряды вертикальной гладкой качалки, опускающиеся до самого дна. Орнамент нанесен техникой «штампования», «прочерчивания», «прокатывания» (рис. 3, 1–3). Остальная керамика представлена небольшими фрагментами, орнаментированными способом «накалывания» (палочка) и «прокатывания» (гребенчатая качалка) (рис. 3, 9). В тесте наблюдается примесь органики. Подобный технологический прием в конструировании посуды широко известен в памятниках неолита и энеолита лесостепной полосы Западной Сибири, на стоянке Киприно в Верхнем Приобье, на кошкинских памятниках Тоболо-Ишимья, в артыньских комплексах Прииртышья и Барабы (Юракова, 2010, с. 145), а также на параллельно изучавшемся нами поселении Борлы. На Борлы 4 эта керамика залегала совместно с пластинчатой индустрией развитого неолита.

Таким образом, материалы поселения Борлы 4 последовательно отражают сменяемость культуры древнего населения правобережного Павлодарского Прииртышья и Западной Кулунды с эпохи раннего неолита до раннего железного века, и впервые позволяют создать хроностратиграфическую схему древних культур региона. Наибольший интерес вызывают материалы, полученные из котлована и связанного с ним слоя, содержащего кости лошади и КРС. На основании того, что среди костей была обнаружена керамика третьей культурно-хронологической группы и отщепная индустрия на сером кварците, представленная скреблами и наконечниками стрел с вогнутой базой, а также обломком утюжка, характерных для энеолитических комплексов, мы предварительно относим данный культурный слой к эпохе энеолита. Отсутствие единообразия в представлениях и крайняя неопределенность того, что понимать под материалами ирбинского типа, не позволяют на данном этапе исследования отнести к этому культурному образованию энеолитический комплекс Борлы 4. Данное явление требует дальнейшего изучения и ставит вопрос о том, что понимать под ирбинскими памятниками. Ближайшими поселениями, содержащими аналогичное количество остеологических остатков лошади, являются Новоильинка III в соседнем районе Алтайского края и Ботай в Северном Казахстане, однако в этих памятниках отмечается незначительное присутствие костных остатков КРС (Кирюшин и др., 2010; Зайберг, 1993), в то же время необходимо подчеркнуть, что эти памятники относятся совершенно к иным культурным типам. Дальнейшее изучение поселения Борлы 4 позволит пересмотреть некоторые установившиеся положения в науке о времени появления производящего хозяйства к востоку от Тургая и установить особенности перехода от энеолита к раннему бронзовому веку на территории Прииртышья и Западной Кулунды.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-I в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2011. – 142 с.

Гайдученко Л.Л. Древнейшие формы крупного рогатого скота Урало-Казахстанских степей // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы конференции. – 2012 (в печ.).

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по ма-

териалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Кн. I. – С. 49–56.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993. – 246 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Исследование поселения Новоильинка III в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Т. 16. Новосибирск, 2010. – С. 211–216.

Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Централь-

ного Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ксмерово, 2008. – 26 с.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – М., 1956. – № 64.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Юракова А.Ю. Технологический прием использования шнура в гончарстве населения лесостепной полосы Западной Сибири // Евразийское культурное пространство. Археология, этнография, антропология: Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолог.-этнограф. конференции студентов и молодых ученых (Иркутск, 4–9 апреля 2010 г.). – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 145–146.

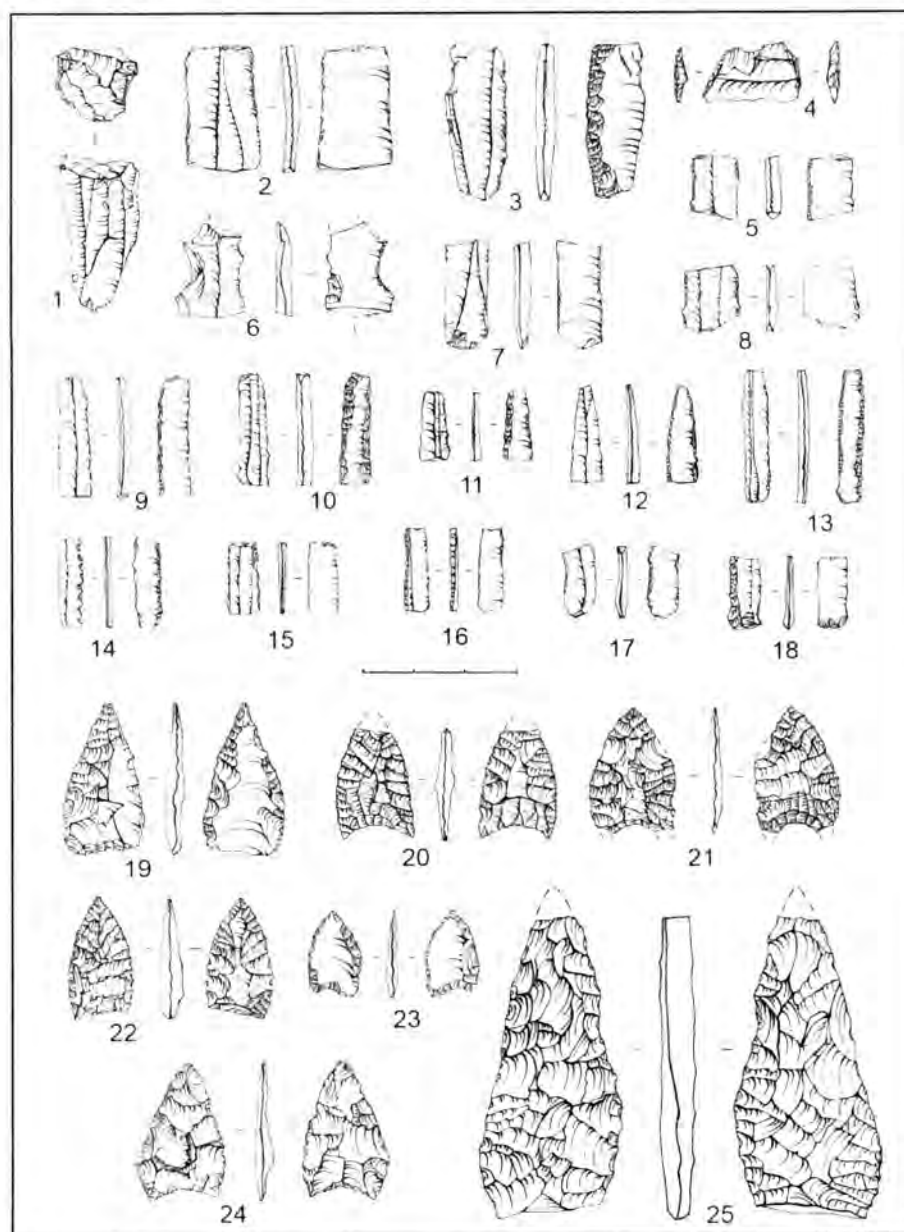

Рис. 1. Поселение Борлы 4, неолитический комплекс каменных орудий

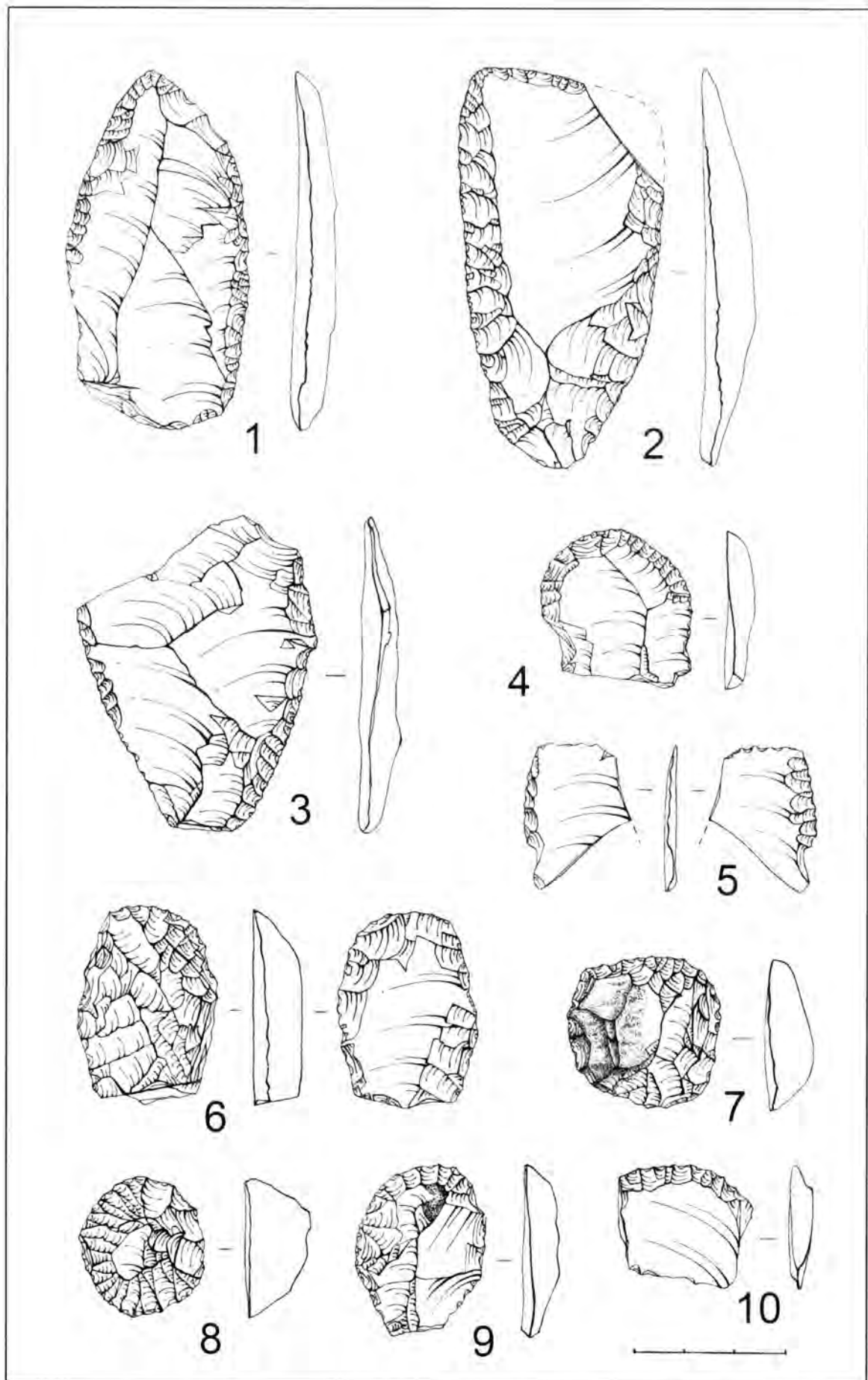

Рис. 2. Поселение Борлы 4, комплекс каменных орудий эпохи неолита

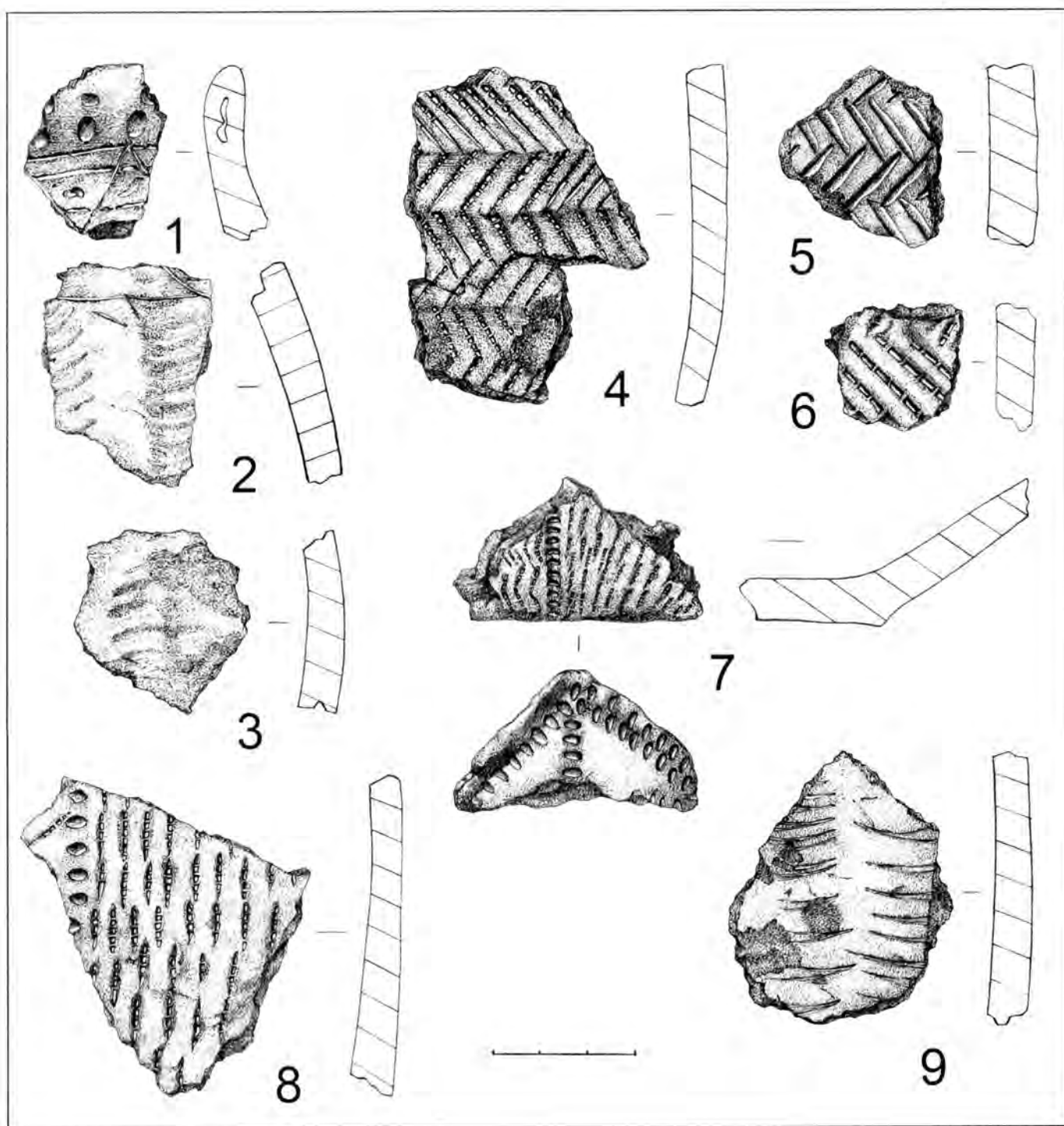

Рис. 3. Поселение Борлы 4. 1-3, 8-9 – керамика эпохи неолита; 4-7 – неолитическая керамика

РАБОТЫ НА ПОСЕЛЕНИИ БОРЛЫ

Среди новых неолитических памятников Северо-Восточного Казахстана, особый интерес вызывают стоянки и поселения Борлинского археологического комплекса, открытого в процессе работ по проекту «Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область», проводившегося в рамках республиканской программы «Культурное наследие» (Мерц, 2009), изданного в 2010 г. (Свод..., 2010, с. 474–476) Комплекс расположен на оз. Борлы в Лебяжинском районе Павлодарской области, в 100 км к юго-востоку от областного центра. Он включает ряд многослойных стоянок, поселений и могильников эпохи камня и бронзы, а также более поздних периодов, многие из которых разрушаются волновым прибоем.

Наиболее интересным памятником комплекса является многослойное поселение Борлы. Оно приурочено к ровной площадке западного берега озера, расположенной между двух родников, заросших лиственным лесом. Наиболее мощный культурный слой с большим количеством фаунистических остатков и археологического материала обнаружен в северной части берега, на протяжении 150 м, значительная часть которого уже разрушена. В разрезе озерной террасы фиксируются очажные пятна, две погребенные почвы и костеносный горизонт. Учитывая это обстоятельство, археологическая экспедиция ПГУ им. С. Торайгырова в 2011 г. начала охранные работы на памятнике. Вдоль данного участка обрыва был заложен раскоп, разбитый по сторонам света на квадраты 3×3 м, общей площадью около 180 кв. м и проведены первые раскопки памятника¹.

Вскрытие культурного слоя проводилось путем зачистки поверхности квадратов лопатой с широким поперечным лезвием, срезающей грунт толщиной по 1–2 см. На участках наиболее плотного скопления находок культурный слой разбирался с помощью шпателей и кистей с последующим просеиванием грунта через сито с ячейкой до 4 мм. Все артефакты и крупные определяемые кости фиксировались на плане квадратов по слоям с присвоением им индивидуально-го номера, всего зафиксировано, таким образом,

около 3500 единиц, а общее число артефактов, куда входят предметы, найденные в сите, которые складывались в отдельные пакеты с указанием общей глубины и подъемный материал, пока не установлено.

В результате проведенных работ был получен богатый вещевой инвентарь, фаунистические и палеоантропологические материалы, проведены стратиграфические наблюдения, которые позволили выяснить, что жилая площадка в древности представляла собой неровную поверхность. Это хорошо заметно по рельефности профиля верхней погребенной почвы, глубина залегания которой варьирует от 20 до 60 см, поэтому культурный слой, связанный с мощным костеносным горизонтом, также залегает на различной глубине, что создает определенные сложности в его изучении. Однако в целом мы можем констатировать наличие на памятнике шесть литологических слоев, вмещающих культурные остатки:

слой 1 приурочен к дерновому горизонту и залегающей под ним современной почве, мощность которой варьирует от 0,5 до 20 см. К нему приурочена керамика раннего железного века, переотложенные фрагменты керамики эпохи бронзы и редкие кости мелких животных;

слой 2 – светло-серая супесь мощностью от 5 до 40 см содержит керамику эпохи бронзы и переотложенные каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита, местами этот слой полностью отсутствует;

слой 3 – темно-серая с коричневатым оттенком супесь – погребенная почва мощностью от 10 до 25 см, которая местами включает костеносный горизонт и содержит тонкостенную керамику с волнистым и геометрическим орнаментом, без орнамента с налепными и формованными валиками, костяные и каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита;

слой 4 – светло-серая, местами светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 25 см. Содержит ямочно-гребенчатую и лощеную с гладкой качалкой керамику, каменные орудия микропластинчатой индустрии из серой яшмо-

видной породы и кремня, приуроченные к нижней части костеносного горизонта;

слой 5 – темно-серая супесь – погребенная почва мощностью от 5 до 15 см с разрушенной поверхностью. Местами фиксируется лишь по остаточному горизонту трещин усыхания и корней, спускающихся косыми языками клиньев, пробивающих нижележащий слой светло-желтой карбонатной супеси. Содержит редкие артефакты.

слой 6 – светло-желтая карбонатная супесь рыхлой структуры подстилает почвенные слои. В верхней части содержит неорнаментированную керамику, каменные орудия пластинчатой индустрии из патинированного микрокварцита и единичные кости животных, залегающих на глубине до 75 см;

Как мы видим, присутствует довольно сложная стратиграфическая картина, в которой еще предстоит разбираться. Она не позволяет однозначно определить связь некоторых предметов, которые, к тому же, могут быть переотложенными, с тем или иным культурным слоем. За счет неровной поверхности террасы, фиксируемой по рельефности погребенной почвы, местами отсутствуют некоторые слои и под современной почвой в некоторых квадратах, сразу идет погребенная почва – слой 3, а под ней – светло-серая супесь, представляющая остатки второй погребенной почвы слоя 5 или заполнение какого-то углубления. Разобраться в этом позволят лишь дальнейшие исследования участка и стратиграфические наблюдения на нем.

На памятнике получено множество различных типов неолитической керамики, из которых пока можно выделить несколько основных:

I тип тонкостенной керамики с большим содержанием в тесте мелкого песка и слюды или талька, делится на два подтипа: 1) с наlepным и формованным валиком представлен: небольшим круглодонным сосудом без орнамента с ровной шейкой и отогнутым венчиком, по которому с внутренней стороны сделаны косые насечки, в качестве внешнего декора на шейке сосуда имеется небольшой наlepный валик, рассеченный вертикальными полосками (рис. 1, 5); крупным тонкостенным сосудом шаровидной формы без орнамента, с короткой шейкой и прямым венчиком с формованным валиком на его верхней части, рассеченным редкими косыми штрихами

и аналогичными элементами по верхнему срезу венчика (рис. 1, 1); фрагментом небольшого тонкостенного сосуда с формованным валиком, декорированным по верхней, средней и нижней части рядами округлых вдавлений (рис. 1, 2).

Ближайшие аналогии неолитической керамики с наlepными и формованными валиками широко представлены в материалах боборыкин-ской культуры лесостепного Зауралья (Ковалева, Зырянова, 2010), в рамках которой может быть определена культурная принадлежность посуды данного типа.

2) крупным тонкостенным сосудом с ровной, слегка отогнутой шейкой и мелкими перпендикулярными насечками по ровному срезу венчика, верхняя часть сосуда покрыта горизонтально-линейно-волнистым орнаментом, занимающим одну треть его поверхности, средняя часть не орнаментирована, нижняя – отсутствует (рис. 1, 9); аналогичным по форме сосудом меньшего размера и более массивными стенками с закругленным, слегка отогнутым венчиком, покрытым косыми насечками с наружной стороны и похожим, но более тонким и ровным линейным орнаментом в верхней части (рис. 1, 8); этот тип керамики представлен еще несколькими фрагментами от других сосудов (рис. 1, 3).

Некоторые аналогии данному типу керамики мы видим в материалах поселения Иня 11 в лесостепном Присалаирье (Зах, 2003, с. 36, 149), в новых, еще неопубликованных материалах с Семипалатинских Дюн, и кельтеминарских материалах Лявлякана 120 (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 68, 70) и Космола 5 (Виноградов, 1981, с. 92). В целом же данная керамика имеет определенное сходство с раннеэнеолитическими комплексами Торгая (Логвин, 2003 с. 99) и некоторыми материалами со стоянки Шидерты 3 (Мерц, 2002, с. 96).

II тип керамики представлен фрагментами сосудов средних размеров с более толстыми стенками, плотным, но слоющимся черепком, округлым туловом и сильно отогнутым венчиком с косыми насечками по его верхней части, по шейке – декорированных округлыми вдавлениями и геометрическим орнаментом в виде горизонтального зигзага, нанесенного жирной линией и рядами более крупных зигзагов, нанесенных тонкими линиями по верхней части тулова, по средней части сосуда проходит гори-

горизонтальный пояс, заштрихованный косыми линиями, параллельно ему проходит зигзаг, вдоль которого нанесен ряд мелких вдавлений (рис. 1, 4). Аналогии данному типу керамики мы видим только среди боборыкинских комплексов (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 144) и некоторое сходство по принципу геометрического орнамента и форме сосуда – с кельтеминарскими материалами Лявлякана 120, 121 (Виноградов, Мамедов, 1975, с. 68, 70, 89). К этому типу керамики, видимо, относятся и некоторые фрагменты с сильно отогнутым венчиком, округлыми вдавлениями и рядами гладкой вертикальной качалки (рис. 1, 6).

III тип керамики представлен ямочно-гребенчатыми образцами с толстыми расслаивающимися стенками от сосуда с прямыми стенками, по верхней части шейки которого нанесены частые глубокие вдавления, а вся поверхность покрыта вертикальными рядами оттисков крупнозубой гребенки, заходящей на поверхность венчика и внутреннюю сторону сосуда, где она носит технологическую функцию по заглаживанию поверхности.

IV тип керамики также представлен сосудами с прямыми стенками, полностью покрытыми горизонтальными рядами оттисков уголка мелкой лопаточки (рис. 1, 7), который, видимо, не связан с основным комплексом и является инородным. Аналогии подобного типа орнамента есть на керамике с поселения Венгерова 3 в Барабинской лесостепи (Молодин, 1977, с. 45, таб. XXXIV, 4, 6; XXXV, 1, 5; XXXVI, 4).

V тип керамики с плотным слоистым черепком и большим содержанием органики представлен тонкостенными и толстостенными сосудами с прямым и слегка отогнутым венчиком, с продольными вдавлениями по его верхней части и декорированными горизонтальными и вертикальными рядами гладкой качалки (рис. 2, 1–9). Один фрагмент (рис. 2, 2) совершенно идентичен сосуду со стоянки Мичурино 2 (Мерц, Ткачев, 1998, с. 38, рис. 1, 1), где керамика также декорирована в основном гладкой качалкой, что позволяет считать ее аналогичной данному комплексу поселения Борлы. Среди алтайских памятников подобная посуда встречается в 10-й группе керамики с поселения Комарово 1, которую авторы исследования относят к большемысской энеолитической культуре (Абдулганеев и др., 2011, с. 30, 103). Здесь же она связана с более ранними комплексами.

В комплексе есть также керамика с гребенчатой качалкой и мелкими вдавлениями по шейке сосуда и жемчужинами, но она не многочисленна и еще слабо изучена. Керамика, полученная из нижнего слоя с остатками раннеэнеолитической индустрии, без орнамента, имеет черный цвет и содержит в тесте большое количество песка. Она также представлена немногочисленными образцами и требует дальнейшего изучения. Сделать определение культурной принадлежности всех образцов керамики, полученных на памятнике, пока затруднительно, однако по некоторым признакам, таким как разряженный орнамент в верхней части сосудов, геометризм, нарезной способ его нанесения с помощью гладкого штампа, налепные и формованные валики на шейке, часть фрагментов, можно соотнести с посудой боборыкинского типа, среди которой преобладает плоскодонная керамика. У нас пока нет плоских донцев, но памятник только начал изучаться, поэтому их обнаружение в дальнейшем не исключено. Ближайший памятник, содержащий плоскодонную керамику, соотносимую авторами с боборыкинской культурой, поселение Автодром 2 в Новосибирской области (Бобров и др., 2010) находится на расстоянии более 400 км к северу от оз. Борлы.

Каменные орудия, найденные на стоянке, также представляют остатки нескольких индустрий, использовавших разнообразное природное сырье. Позднеэнеолитический комплекс представлен крупными призматическими и плоскостными, двухплощадочными нуклеусами боченовидной формы для получения широких пластин и орудиями из них: вкладышами с двусторонней обработкой по краю, ножами, скреблами, концевыми скребками, скреблами и скребками из отщепов, небольшими овальными бифасами, мелкими наконечниками стрел на пластинах и отщепах с выемкой в основании, плиточными ножами и скреблами, шлифованными теслами, утюжком, абразивами из песчаника, отбойниками и наковальнями. Хотя связь некоторых макролитов с данным комплексом окончательно не установлена, но весьма вероятна. В качестве основного сырья для индустрии использовался микрокварцит светло-зеленоватого цвета в изломе, покрытого белой патиной. С этим комплексом, вероятно, связаны также небольшая лопаточка – орнаментир из шлифован-

ного сланца, каменная подвеска с изображением змеи, выполненная из аналогичного материала, утюжок и просверленные раковины.

Данный тип индустрии близок поздне-неолитическим комплексам региона с крупными пластинами и изделиями из них, типа стоянки Шарбакты 1 и шидертинского слоя 2 (Мерц, 2004, 2006). Нуклеусы этой индустрии по своему типу также напоминают архаичные ядрища с боборыкинского поселения ЮАО XII на Андреевском озере (Ковалева, Зырянова, 2010, с. 78).

Среди каменных изделий отчетливо выделяется комплекс из светло-серой яшмовидной породы, широко применявшейся в памятниках атбасарской культуры (Зайберт, 1992, с. 99) и аналогичных индустриях типа слоя 2а стоянки Шидерты 3 и других памятников региона, датируемых нами средним неолитом (Мерц, 2004, с. 25–27; 2008, с. 12). Он представлен коническими нуклеусами для микропластин и орудиями из них: прямоугольными вкладышами, трапециями, угловыми и боковыми резцами на пластинах с фасетированными торцами, проколками, развертками, симметричными наконечниками стрел на пластинах, скребками из отщепов, скребками и скобелями из пластин.

Менее представительна ранне-неолитическая индустрия, выполненная из серого микрокварцита, покрытого молочной патиной. Она сопоставима с ранне-неолитическим комплексом третьего слоя стоянки Шидерты 3. Комплекс представлен плоскостными нуклеусами конической формы, коническими и подклиновидными нуклеусами, ровными призматическими пластинами с вентральной и дорзальной ретушью по одному или двум краям, иногда очень глубокой двухрядной ретушью, пластинками с притупленным краем и скошенным торцом, скребками на отщепах. Это предварительное определение типологического набора комплексов каменных индустрий, которые будут уточняться в ходе дальнейших исследований, но сам облик индустрий хорошо сопоставляется с аналогичными индустриями региона и, прежде всего, многослойной стоянки Шидерты 3, в разрезе которой они занимают конкретное хроностратиграфическое положение.

На памятнике также впервые найдены костяные предметы, связанные с неолитическим

слоем. Они представлены рядом проникающих орудий: проколом, шильев (рис. 3, 2–6), некоторые из них могли использоваться в качестве орнаментов для керамики, которыми наносились округлые вдавления. Особый интерес среди них представляет тонкий длинный предмет в виде шила или крупной иглы длиной 17 см (рис. 3, 5). Найден также обломок костяного стержня с насечками в нижней и средней части, обломок небольшой лопаточки для обработки керамики и обломки двух вкладышевых ножей (рис. 3, 7–8). Несколько крупных предметов из сточенных с двух сторон или по бокам метоподий лошади и крупного парнокопытного представляют, по-видимому, заготовки каких-то изделий. Все они происходят из костеносного горизонта, который, скорее всего, нужно связывать с комплексами позднего – среднего неолита.

Вся крупная фауна, собранная на стоянке, среди которой в основном кости лошади и небольшое количество КРС, принадлежит домашним особям (определение Л.Л. Гайдученко²). Данный факт позволяет говорить о производящем хозяйстве у неолитических племен Прииртышья на рубеже V–IV тысячелетий до н.э. Важно отметить, что кости лошади из нижних неолитических слоев практически ничем не отличаются от основной массы костей домашних животных, происходящих из костеносного горизонта позднего неолита.

Важной находкой являются палеоантропологические материалы, представленные коронкой коренного зуба, резцом и фалангой пальца, найденные в том же костеносном горизонте. Происхождение этих находок может быть связано с разрушением, в результате хозяйственной деятельности какой-то группы поселенцев, более древнего могильника, существовавшего на этом месте, что позволяет надеяться на открытие в дальнейшем какой-либо его части.

Необходимо отметить, что из всех стоянок каменного века, обнаруженных на территории Северного и Центрального Казахстана за последние десятилетия, это поселение и другие памятники Борлинского археологического комплекса являются наиболее значительными и перспективными для изучения неолита и энеолита Казахстана. Они содержат информацию совершенно нового типа, которая позволит определить связи древнего населения Правобережного

Прииртышья, представляющего западную часть Кулундинской равнины, с племенами юга Западной Сибири, Алтая и Сарыарки и разобраться в неолите Прииртышья, где пока много непонятного. Здесь наблюдается смешение культурных традиций неолита Северного и Центрального Казахстана с кельтеминарским влиянием.

Очень важно выяснение пути этого влияния, видимо, проникавшего в Прииртышье и далее на восток, на территорию Алтая, Монголии и Синьцзяна через Юго-Восточный Казахстан. Но представление о неолитических памятниках этого региона, к сожалению, отсутствует в современной науке из-за неизученности его территории, через которую, по всей вероятности, проходили важнейшие миграционные пути.

Таким образом, открытие и начало изучения нового многослойного поселения эпохи неолита на оз. Борлы имеет большое научное значение, так как оно относится к типу памятников, которые содержат богатый кремневый и костяной инвентарь, остатки керамической посуды, предметы искусства из камня и кости, остатки жилищ, хозяйственных ям и захоронений. Это такие, уже хорошо изученные в других регионах по всей периферии Казахстана, памятники, как, например, Варфоломеевская стоянка в Поволжье (Юдин, 2004). Первые раскопки поселения Борлы также дали новые уникальные материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана, которые дополняют информацию о материальной культуре и хозяйственной деятельности неолитических племен региона и подтверждают результаты исследований, проведенных на многослойной стоянке Шидерты 3 относительно последовательности развития аналогичных комплексов каменных индустрий. Дальнейшие результаты его исследований могут иметь ключевое значение для реконструкции древнейших периодов истории страны и культурно-исторических процессов, приведших к сложению неолитических культур Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работы проводились за счет специальных средств, выделенных на эти цели бывшим ректором ПГУ Е.М. Арыном.

² См. статью в данном сборнике.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселения Автодром-2 в Барабинской лесостепи в 2010 г. (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010. – Т. 16. – С. 9–14.

Виноградов А. В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М., 1975. – 278 с.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М., 1981. – 174 с.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992. – 222 с.

Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень, 2003. – 168 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010. – 308 с.

Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. – № 1 (13). – С. 98–105.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск, 1977. – 175 с.

Мерц В.К., Ткачев А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино 2 // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 34–38.

Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2002. – С. 75–102.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук. – 2004. – № 1. – С. 23–33.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Сер. истор. – 2006. – №2 (41). – С. 147–153.

Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: Автореф. дис.... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.

Мерц В.К. Некоторые результаты исследований по Своду памятников Павлодарской обла-

сти // Маргулановские чтения-2009. – Петропавловск, 2009. – С. 167–171.

Мерц В.К. Некоторые вопросы изучения неолита Казахстана // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы, 2011. – С. 217–231.

Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. – Алматы, 2010. – 600 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов, 2004. – 200 с.

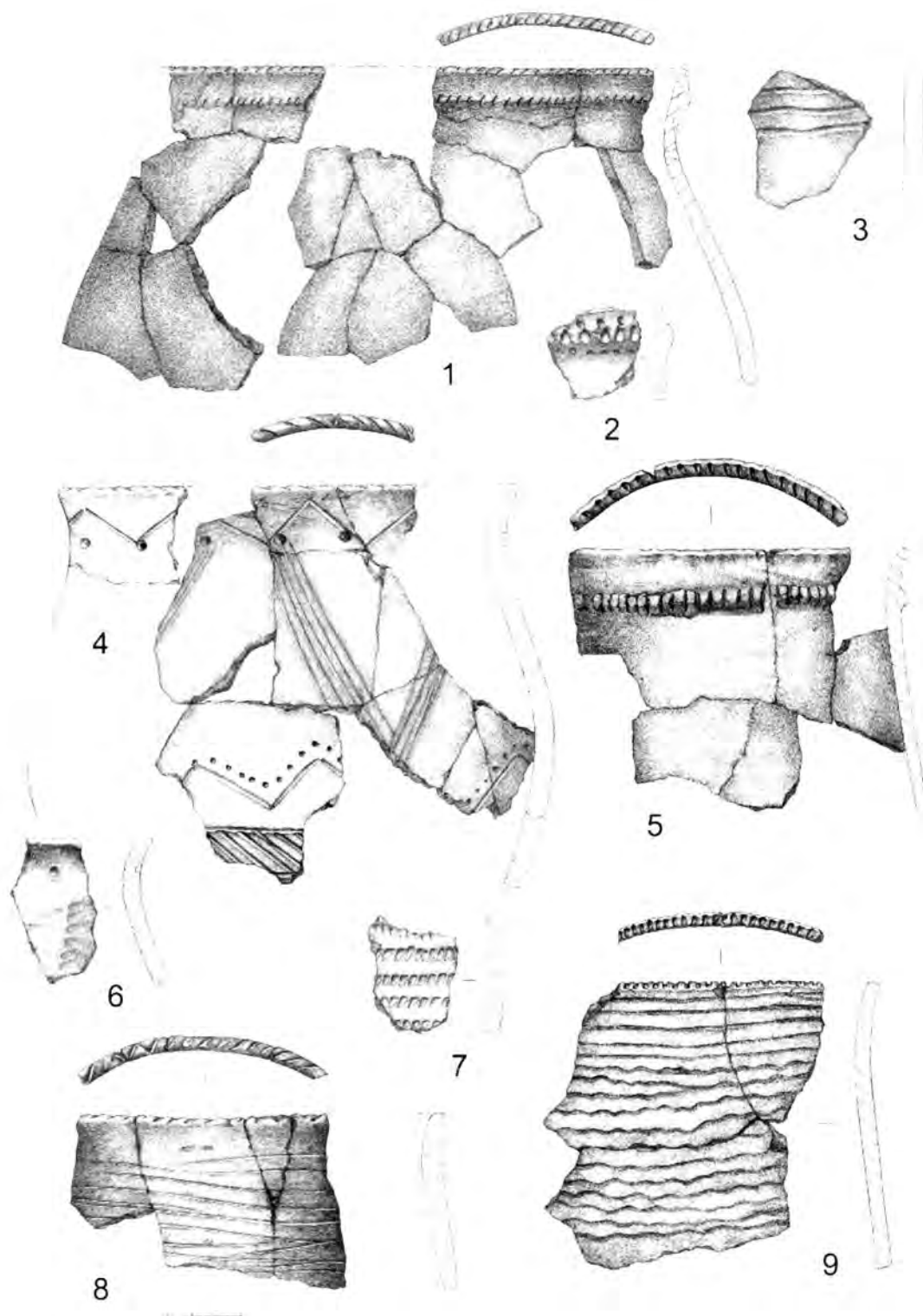

Рис. 1. Поселение Борлы, поздненеолитическая керамика боборыкшинского типа

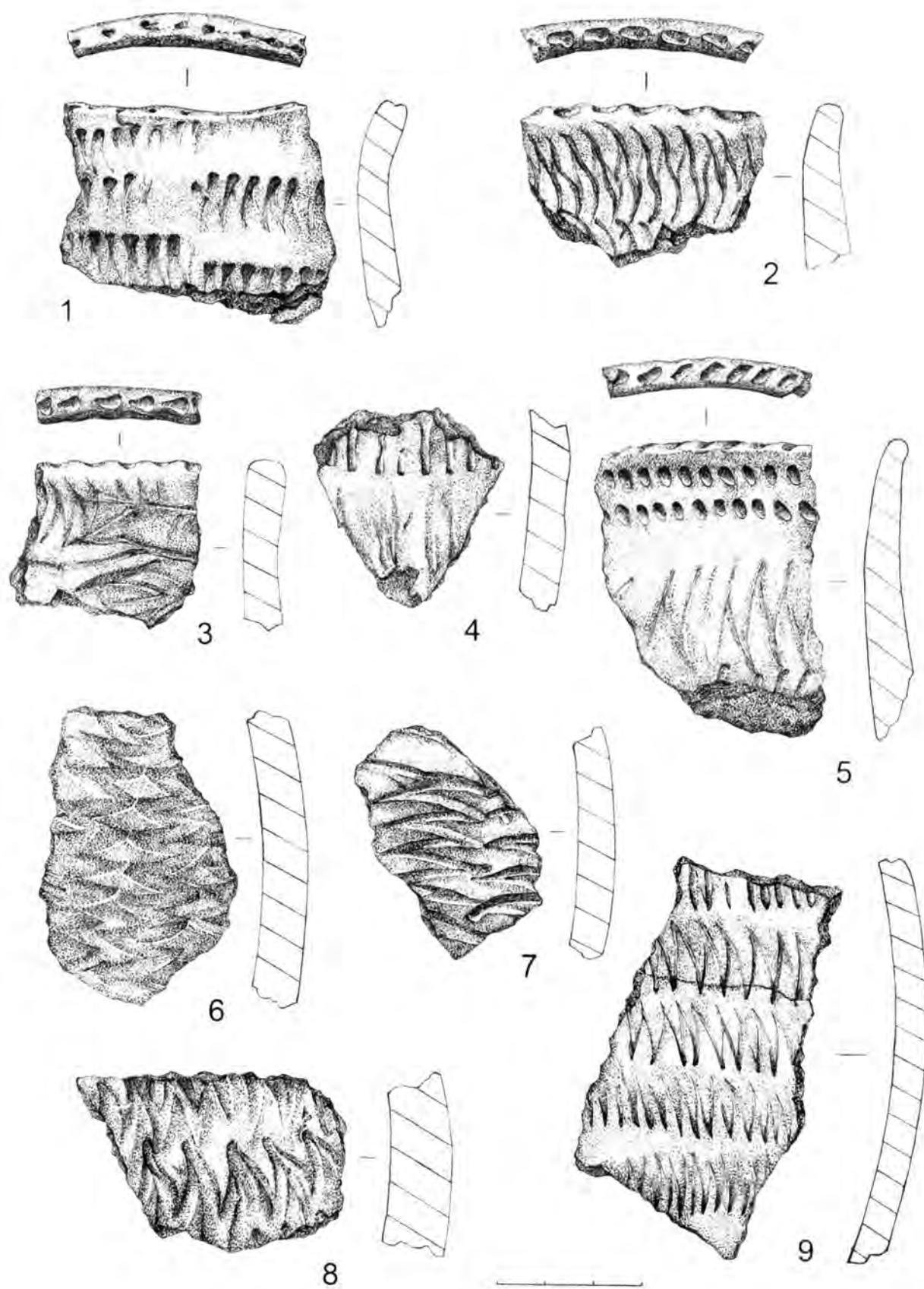

Рис. 2. Поселение Борлы, керамика среднего неолита

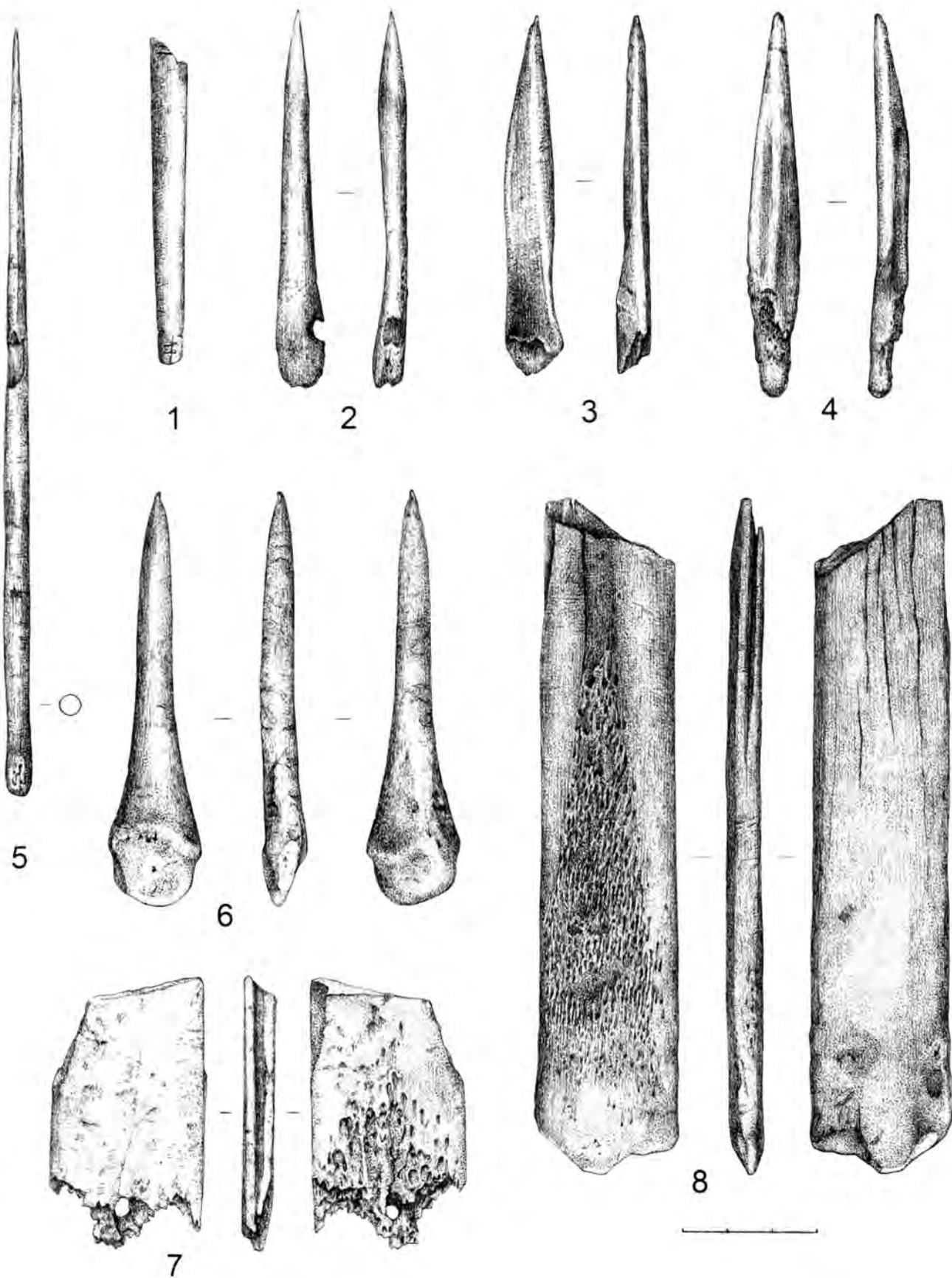

Рис. 3. Поселение Борлы, костяные орудия

АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПОВЕДНИКА-МУЗЕЯ «ИССЫК» (ИТОГИ СЕЗОНА 2011 Г.)

В полевом сезоне 2011 г. «Иссыкским государственным историко-культурным заповедником-музеем» по проекту «Могильник Иссык и культура саков Жетысу» проводились дополнительные аварийно-спасательные работы на двух объектах у с. Жанатурмыс и Алмалы, Енбекшиказахского района Алматинской области. По сообщению местного жителя с. Жанатурмыс А.Мансурова, на местном кладбище при рытье могилы было обнаружено древнее захоронение человека. При опросе могильщика, участвовавшего в сооружении могилы, выяснилось, что погребение находилось на глубине 1,5 м, костяк лежал на спине в вытянутом положении, лицом вверх. В ходе работ были задеты область груди и кости рук. Все кости были сброшены в могилу, а часть накладок поясного набора, собранного могильщиком передано в заповедник-музей «Иссык». Внешних признаков объекта на кладбище не обнаружено, на данном объекте произведены охранные раскопки.

Объект 1 (погребение с конем) расположен на юго-западной окраине (около 500 м) села Жанатурмыс в 30 метрах по направлению к усохшему озеру Коктума (река текла с запада на восток) на современном мусульманском кладбище.

На поверхности не было замечено насыпи. Заложен раскоп размером 3×2 м, ориентированный по направлениям СЮ–ЗВ, почва глинистая. При раскопках на глубине 138 см зафиксировано конское погребение. Узкая овальная могильная яма, ориентированная с СЗ на ЮВ имела в длину 180 см, в ширину 80 см. Лошадь положена с подогнутыми ногами, а череп головы повернут на восток. Передние и задние ноги лошади подогнуты под грудь (рис. 1–2).

Погребение человека наполовину было разобрано могильщиком, а часть накладок поясного набора собрана в выкидах земли. Бронзовые бляшки сильно корродированы из-за этого орнаментированные узоры едва заметны. Они имели прямоугольную, сердцевидную и цветковидную форму со слегка закругленными углами и с шпеньками на обороте (рис. 3.). Поясной набор,

выполненный в высоком художественном стиле, не выходит за рамки IX–X вв.

После контрольной зачистки на глубине 2,1 м в западной стенке, в ее северо-западной части, около 20 см, обнаружена часть костяка воина. Воинское погребение оказалось ограбленным. Кости лежали беспорядочно. Наиболее вероятное первоначальное положение погребенного с ориентацией на ССЗ. Из инвентаря, кроме бронзовых изделий в могильной яме, ничего не было найдено. Около пояса погребенного находилась бронзовая пряжка с железным язычком и продолговатое железное изделие. На оборотной стороне имеются два и четыре шпенька для крепления к ремню.

Датировка рассматриваемого комплекса не вызывает особых затруднений, так как описанные вещи достаточно широко известны в памятниках Верхнего Приобья, Горного Алтая, Тувы, Западной Сибири и Восточного Казахстана. Мы считаем, что в данном случае нет необходимости перечислять подробные аналогии с указанием конкретных памятников и их датировкой. Большинство из них опубликовано и хорошо известно по археологической литературе (Максимова, 1961, с. 146–153, табл. I; Арсланова, 1969, с. 43–57; Абетеков, Кожомбердиев, Мокрынин, 1977; Ковалевская, 1979; Могильников, 1990; Акишев, 1996).

Из эпоса тюрко-монгольских народов известно, что «убиваемый» «смертный» конь не является жертвой богам, предкам или покойному хозяину, а имеет «утилитарную» основу. Это, прежде всего, «транспортное» животное, назначение которого – «доставить» хозяина в иной мир и «служить» ему там в таких же походах, перекочевках, как и в земной жизни.

Наиболее полная сводка аналогичных, самостоятельных погребений коней под курганными насыпями или в насыпях более древних курганов на территориях Центральной Азии и Алтая в древнетюркское и монгольское время приведена в работе С.П. Нестерова, посвященной исследованию роли коня в культах средневековых тюр-

кочевых племен Центральной Азии. Исследователь отмечает факт отсутствия в этих могилах вещей принадлежавших человеку, что, по его мнению, не позволяет относить эти ритуальные захоронения коней к категории кенотафов. Более того, автор также считает, что эти погребения не являются следами жертвоприношений, а выполняют функцию сопровождения хозяина в ином мире. При этом называются, по сути, две причины появления подобных захоронений. Одна из них могла быть связана с преждевременной гибелью, по разным причинам, боевых верховых коней, и их индивидуальное захоронение гарантировало их хозяевам будущую встречу с ними в загробном мире. Другая причина – невозможность захоронения его одновременно с человеком, что предполагало убийство и захоронение коня в последующем, как гарант его встречи с хозяином (Нестеров, 1990).

Захоронение с конем на территории собственно Семиречья было обнаружено только в одном, разрушенном во время земельных работ погребении в окрестности Алматы, датированном по комплексу инвентаря VI–VII вв. (Курманкулов, 1980, с. 191–197). Погребения древнетюркского времени выявлены также в оградах 56 и 58 могильника I (Кушаев, 1956).

Вторым объектом исследования (по вызову местных жителей) стало погребение поздне-тюркского времени. Захоронение было вскрыто случайно также на мусульманском кладбище с. Алмалы (GPS координаты – N43°23.087, E077°32.446'). В яме на глубине 0,05 м от дневной поверхности были найдены бронзовые предметы: серебряная чаша, сломанное бронзовое изделие в виде трубчатой формы и фрагменты тонкой бронзовой пластины, орнаментированной мифологическим существом (рис. 4). Месторасположение находок в могильной яме неизвестно. Раскопочные работы на погребении были приостановлены из-за зимних холодов. Данный объект оставлен для следующего сезона.

Среди находок наиболее значительной является бронзовая пластина, орнаментированная изображением мифологического существа – одноголовый дракон с одной лапой и хвостом.

Образ дракона распространен в большинстве культур мира. Подобное фантастическое су-

щество является одним из наиболее распространенных мифологических существ – оно состоит из туловища пресмыкающегося, иногда в сочетании с частями тела других животных, птиц, рыб.

Приступая к дешифровке зооморфного орнамента на предмете, найденном в с. Алмалы, и связывая его с культом дракона, мы опираемся на факт достоверности культурных параллелей между соседними странами, нашедших отражение в близких по содержанию атрибутах культа. Сюжеты сходного по содержанию мифа, выраженные как в образах мифологического животного – присутствующих на Каргалинской диадеме и Кобяковской гривне, так и в образе центрального персонажа гривны, показанного сидящим с сосудами в обеих руках, и др., были понятны и имели хождение в кочевой среде степей Евразии (Досымбаева, 2007, с. 168).

Подводя итоги по изучению двух объектов, мы считаем, что интерпретация археологических материалов тюркских памятников Жетысу более перспективна в контексте темы, связанной с мировоззренческими представлениями. Это подтверждают и этнографические материалы с многочисленными этническими сказаниями, в которых воин и боевой конь неотъемлемы друг от друга. При этом надо заметить, что этот феномен среди сопроводительного инвентаря в тюркских захоронениях на территории Жетысу является одним из ведущих типов погребального инвентаря.

Анализ предметов воинского и конского погребения локального района Жетысу наглядно продемонстрировал существование подобной погребальной обрядности и сопроводительных предметов в комплексе развитой тюркской культуры IX–X вв. н.э. Полученный результат является дополнительным аргументом для продолжения изучения данного района Жетысу.

Наши работы, помимо сугубо научного содержания имеют еще научно-практическое значение. Иначе говоря, они показали важность оперативного проведения многоступенчатой охранной археологической работы, наличие своеобразной скорой археологической службы на местах.

Курманкулов Ж. Погребение воина ранне-тюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.

Алексин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – М., 1981. – Вып. 167.

Липец Р.С. Погребения с конем в эпосе тюрко-монгольских народов и в исторической действительности // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1979.

Тюркологический сборник-1970. – М.: Наука 1970.

Досымбаева А. Западный тюркский каганат. Культурное наследие степей Казахстана. – Алматы: Комплекс, 2000.

Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969.

Максимова А.Г. Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968.

Арғынбаев Х.А. Қазақтың ер-тұрман жабдыктары. Қазақстан в XV–XVIII вв. – Алма-Ата, 1969.

Рис.1. Объект 1. Внешний вид конского погребения

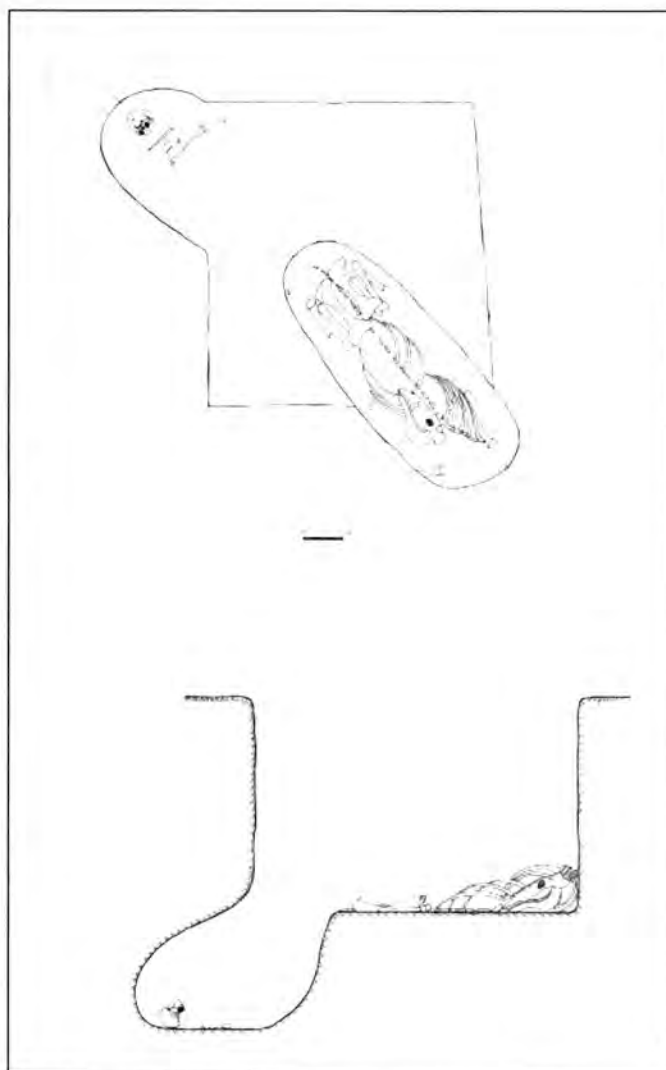

Рис.2.Объект 1. План и разрез погребения с конем.

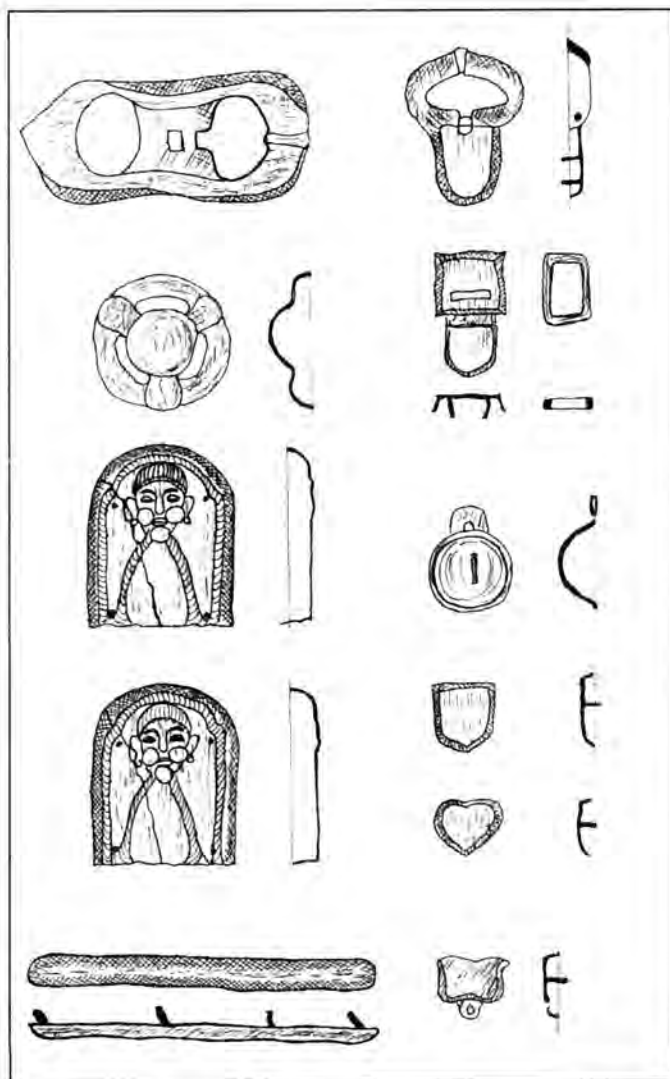

Рис.3. Объект 1. Погребальный инвентарь

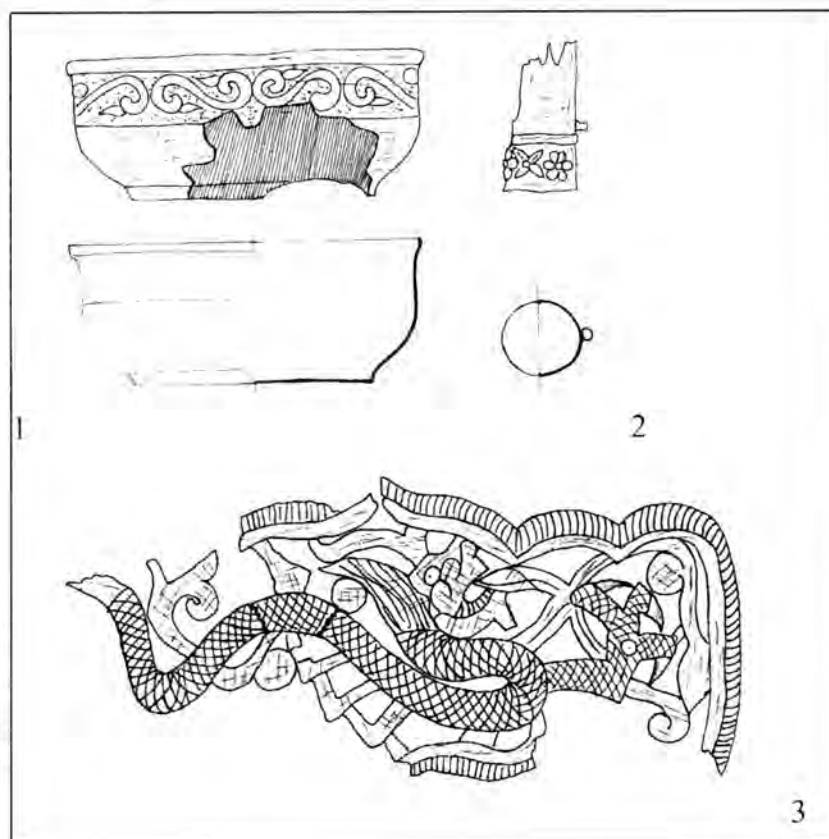

Рис.4. Объект 2.

1 - серебряная чаша;

2 - бронзовая изделия в виде трубчатой формы;

3 - бронзовая пластина с мифологическим
существом

2011 ЖЫЛЫ ЖАМБЫЛ АУЫЛЫ МАҢЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ НӘТИЖЕСІ

2011 жылғы жаздық маусымда жүргізілген кешенді археологиялық барлау жұмыстары нәтижесінде Акмола облысы, Астрахан ауданы, Жамбыл ауылы маңынан әртүрлі тарихи кезеңдерді қамтитын бірнеше жерлеу ескерткіштері анықталды және олардың құжаттары жасалынды.

Жанадан табылып белгілі болған ескерткіштер Жамбыл ауылының шығыс, оңтүстік-шығыс, солтүстік-батыс жақтарындағы террасаларда орналасуы ескерткіштердің географиялық және топографиялық таралу ерекшелігін көрсетеді. Ескерткіштер орналасқан аймақ жерді территориялық-әкімшілік аудандастыру жағынан Жамбыл ауылына қарасты жерде орналасқан.

Жерлеу ескерткіштерінің хронологиялық шеңберін нақтылау мақсатында Жамбыл ауылынан солтүстік-батысқа қарай 3 шақырым жерде жеке орналасқан №1-қорғанға археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Қорған егістік алқабында орналасқандықтан қорған үйіндісі қатты бүлініп жоғалуға айналып, апатты жағдайда тұрған ескерткіш болып табылады. Ескерткішке жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесі қорғанның тоналғандығын дәлелдеді.

Жамбыл №1-қорған Акмола облысы, Астрахан ауданы, Жамбыл ауылынан солтүстік-батысқа қарай 3 шақырым жерде орналасқан. Қорғанның географиялық координаты: N 51° 17. 958, E 070° 17. 324. Ауыл маңындағы террасада жеке орналасқан қорғанның үйіндісі топырақтан үйілген. Қорған үйіндісінің диаметрі 32,4 м, биіктігі 1 м. Қабір үсті құрылысы тек топырақтан үйілгендіктен, шығыс-батыс ось бойымен жал қалдырылып, қалған бөлігі техника көмегімен алынды. Қазба барысында ежелгі жер қабаты деңгейінен қабір шұңқырының орны анықталды. Қабір шұңқырының жоғарғы бөлігіндегі көлемі: ұзындығы 3,65 м, ені 3 м, тереңдігі 6 м. Қабір шұңқыры төмендеген сайын көлемі кішірейтіліп қазылған.

Қорғандардың қандай тарихи кезеңге тән ескерткіш екендігін нақтылау мақсатында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізу қолға алынды. Жамбыл ауылынан солтүстік-батысқа қарай 3 шақырым жерде орналасқан қорған үйіндісі топырақтан үйіліп жасалған. Үйіндінің диаметрі 32,4 м, биіктігі 1 м. Уақытында биік күмбез тәрізді болып үйілген қорған үйіндісі бірнеше ғасырлар бойы табиғи жағдайлардың және шаруашылық жұмыстарының әсерінен жермен-жексен болуға айналған. Қазба барысында үйінді астынан, ежелгі жер бетінен ұзындығы 3,65 м, ені 3 м қабір шұңқырының орны анықталды. Солтүстіктен оңтүстікке созыла орналасқан қабір шұңқыры 3 м тереңдікке жеткенде солтүстік-батыс бұрышта ретсіз жатқан мал сүйектері анықталды. Қабір шұңқырынан 3,4 м тереңдікке түскенде шұңқырдың батыс және шығыс қабырғаларында жалпақтығы 15 см ағаш тактайлардың іздері сақталып қалған. Тереңдігі 6 м қабір шұңқырының еденінде ретсіз жатқан екі мәйіттің сүйектері және тонаушылардан қалып қойған алтын моншақтардың қалдықтары, алтын жапсырмалар, темір қанжар және сынған қалпында жатқан қыш ыдыс табылды.

Қабір шұңқырының төртбұрышында сақталып қалған бөрене қадалардың орындары және қабырғаларда сақталып қалған тактайлардың орындарының болуы қабір шұңқыры 3,4 м тереңдіктен төмен қарай төбесі жабық бөлме болып жасалғандығын көз алдына елестеді. Мәйіттер сүйектерінің жүйесіз жатуына және бас сүйектің солтүстік-шығыс бұрышта бөлек жатқанына қарағанда, тонаушылар тонаған уақытта қабір шұңқырында кеңістік болған болуы мүмкін деген ойға жетелейді.

Тонаушылардан қалып қойған алтын бұйымдар тазартылды, темір қанжарға және қыш ыдысқа қалпына келтіру жұмыстары жүргізілді (1-фото). Табылған заттай деректердің ұқсас аналогтары б.з.д. II – б.з. II ғғ. аралығымен кезеңделеді. Қорғаннан табылған жәдігерлердің барлығы Президенттік мәдениет

орталығының музей қорына өткізілді. Алынған антропологиялық материалдар антропологиялық зерттеу зертханасына тапсырылды.

Қорғандар ежелгі дәуірлерде казак даласын мекен еткен және казак халқы этногенезінің қалыптасуында маңызды орны бар ру-тайпалардың рухани және материалдық мәдениетінен хабар беретін тың деректерге қол жеткізуге мүмкіндік береді. Көне заманда діни дүниетаным және жерлеу дәстүрі қандай болды деген сұрақтарға нақты жауаптар табылады. Алынған материалдармен зертханалық жұмыстар жасалуда. Қабір шұңқыры 6 м тереңдікке жететін қорғандар өте сирек кездесетін ескерткіш болып табылады. Қорғанның терраса жазығында жеке орналасуы да ескерткіштің семантикалық мән мағынасын зерттеуді қажет етеді. Қорғанға әлеуметтік дәреже деңгейі жоғары кісінің жерленген болуы мүмкін деген болжамды, ескерткіштің құрылымын және табылған алтын бұйымдарды негізге ала отырып айтуға болады.

Жамбыл, №2 қорған Астрахан ауданы, Жамбыл аулынан шығысқа қарай 0,7 шақырым, Есіл өзенінің оң жағалауынан солтүстік-шығысқа қарай 0,8 шақырым жерде орналасқан. Географиялық координаты: С 51°16'343", Ш 070°20'221".

Қорған диаметрі 24 м, биіктігі 2 м болып келген дөңгелек жоспардағы тасты-топырақты үйіндіні құрайды. Қорғанның айналасы ені 3 м, тереңдігі 2 м ормен қоршалған.

Жамбыл, №3 қорған Астрахан ауданы, Жамбыл аулынан шығысқа қарай 0,8 шақырым, Есіл өзенінің оң жағалауынан солтүстікке қарай 0,3 шақырым жерде орналасқан. Географиялық координаты: С 51°16'126", Ш 070°20'819".

Қорған диаметрі 22 м, биіктігі 1,5 м болып келген тасты-топырақты үйіндіні құрайды. Қорғанның айналасы ені 4 м, тереңдігі 1 м ормен қоршалған.

Жамбыл, №4 қорғандар тобы Астрахан ауданы, Жамбыл аулынан оңтүстік-шығысқа қарай 3,7 шақырым жерде орналасқан. Географиялық координаты: С 51°17'182", Ш 070°21'921".

Ескерткіш 7 үйіндіден құралған қорғандар тобымен белгілі. Диаметрі 8 метрден 20 метрге дейін, биіктігі 0,5 метрден 1,4 метрге дейін

жететін бес қорған кешенінің солтүстік-шығыс бөлігінде жинақы орналасқан. Негізгі топтан оңтүстікке қарай 70 м жерде диаметрі 8 м-ден 16 м-ге, биіктіктері 0,5 м-ден 1,2 м-ге дейін жететін екі қорған орналасқан. 1-топтағы 1-қорғанның бұзылған орнында күйдірілген кірпіштен қаланған қаландының орны көрініп жатыр.

Мазар Астрахан ауданы, Жамбыл аулынан оңтүстік-шығысқа қарай 3,8 шақырым жерде орналасқан. Географиялық координаты: С 51°17'117", Ш 070°21'983".

Мазар күйдірілмеген кірпіштен күмбез күйінде қаланған құрылысты көрсетеді. Құрылыстың биіктігі 5 м, диаметрі 10 м. Кірпіш көлемдері – 50 см х 30 см х 10 см. Кірпіш қаландыларының арасында диаметрі 0,5 см-ден 0,8 см-ге дейін жететін, горизонтальды түрде қойылған ағаштың жалпақ кесінділері бар. Мазардың есігі оңтүстік-шығысқа қаратылған.

Ескерткішке жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында табылған жәдігерлерге қайта қалпына келтіру жұмыстары жүргізілді және ҚР Президенттік мәдениет орталығының музей қорына тапсырылды.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАХСТАНСКО-ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 2009 Г.

В июне–июле 2009 г. в Райымбекском районе Алматинской области, в окрестностях села Кеген совместно с Германским археологическим институтом проведен комплекс научно-исследовательских работ на ряде археологических памятников, а именно: геомагнитные исследования (с контрольными вскрытиями небольших площадей) на большом пирамидальном строении (святилище или элитарный курган гунно-сарматского времени (?) – Кеген-I) (рис. 1) и на большом сакском кургане (Кеген-II), на котором к тому же были произведены раскопки у западного подножия насыпи для изучения структуры платформы (рис. 2). Также были осуществлены раскопки на четырех памятниках: один курган на территории села Кеген (Кеген-III), два кургана – в могильнике гуннского времени (Кеген-IV) и один памятник в могильнике тюркского времени (Кеген-V) в окрестностях села Актасты.

Памятник Кеген-I. Расположен в 7–8 км от села Кеген, в 4–5 км к югу от трассы Кеген – Нарынкол. Все материалы исследования данного памятника все еще находятся в процессе обработки и анализа.

Исследования на кургане № 2 (Кеген-II). Курган расположен в 8–9 км к востоку от села Кеген, в 200–300 м к северу от трассы Кеген – Нарынкол, на расстоянии 200–300 м к западу от поворота в п. Актасты. Курган единственный, большого размера, в непосредственной близости каких-либо курганов не наблюдается (рис. 3). Диаметр около 100 м, высота 15–17 м. Форма кургана куполовидная, верхушка уплощенная, на вершине имеются две воронки: одна крупная в центральной части насыпи и поменьше – в западной части насыпи. Вокруг насыпи кургана фиксируется платформа. За платформой имеется ров, окружающий всю насыпь. На северо-западной части четко прослеживаются дорожки, расположенные во рву. Дорожки начинаются от платформы и доходят до конца рва.

Данные дорожки расположены поперек рва и тем самым создают во рву несколько ограниченных секторов. Если смотреть с верхней площадки, то видно, что эти дорожки расположены как лучи (рис. 4).

Все материалы исследования данного памятника все еще находятся в процессе обработки и анализа.

На сегодняшний день получена калиброванная дата указанного кургана (вернее будет – время проведения поминальных действий при погребении или, возможно, поздней тризны, так как образцы для анализа были собраны не в захоронении). По результатам радиоуглеродных анализов по C14 выходит, что или курган № 2 был возведен в период ... III в. до н.э., или отмеченные ритуальные действия совершались в вышеозначенное время (рис. 5).

Исследования на кургане № 3 (Кеген-III). Курган находится на северо-восточной окраине села Кеген. К ЮВ и к СЗ от него фиксируются два кургана. На северо-западном кургане имеется современное, функционирующее казахское кладбище (рис. 6). Курган среднего диаметра. На поверхности прослеживались многочисленные воронки небольшого диаметра. На кургане была размечена бровка по линии В-3. Южная часть насыпи была снесена спецтехникой (рис. 6). В ходе расчистных и нивелировочных работ выяснилось, что насыпь данного кургана использовалась как кладбище – выявлено три христианских (в том числе одно детское) захоронения и одно мусульманское погребение грудного ребенка. Захоронения никаких внешних признаков, кроме вышеотмеченных небольших западин, не имели. Работы были остановлены. Потревоженные останки людей перезахоронены в отвал к востоку от кургана.

Исследования на могильнике Кеген-IV (GPS N 42° 58' 36,2" E 079° 19'32,3"). Могильник расположен в 9–10 км к СВ от села Кеген, в 1–2 км к СЗ от сакского кургана № 2. Могильник

находится на краю плато, состоит из нескольких десятков объектов, из которых 30 визуально прослеживаются. В расположении объектов четкой системы нет, но можно проследить, что основное число курганов расположено отдельными цепочками по линии С-Ю (рис. 7). Размеры наибольшего кургана: высота 2–2,5 м, диаметр 25–30 м. Наземные конструкции, по всей видимости, возведены из глины и грунта. Здесь было исследовано два кургана – № 17 и 27.

Курган № 17. Диаметр 21 м, высота 64 см. Памятник до раскопа представлял собой небольшую, уплощенную, округлой формы насыпь (рис. 7, 8). Растительность с проплешинами, что объясняется глинистой поверхностью. На насыпи впадин и воронок не было. Ров визуально не прослеживался. Скатывали были пологие.

На кургане была размечена бровка по линии С-Ю. В северо-восточной части кургана на глубине 50 см, на расстоянии 4 м от центрального кола найден обломок ручки керамического сосуда. В юго-восточной части кургана, на глубине 30 см, на расстоянии 6 м от центрального кола обнаружены фрагменты разбитого черепа лошади. На расстоянии 35 см к югу от них обнаружена лежащая по линии С-Ю относительно целая челюсть лошади, в 3 см к югу от челюсти расчищены фрагменты зубов (рис. 9).

В процессе уборки насыпи выявлена надмогильная конструкция в виде клетки из бревен среднего диаметра (рис. 10, 11, 12, 13), по всей видимости, в три ряда, и если судить по сохранившимся участкам, данная конструкция имела в плане пятиугольную форму.

После фиксации наземной конструкции центральная часть бровки была убрана, и в результате нивелирования дневной поверхности выявлено могильное пятно. Подовальной формы пятно могиленной ямы было ориентировано длинной осью по линии ЮВ – СЗ. Пятно четко выделялось на окружающей желтой глине своим белесым цветом.

На глубине 1,94 м от поверхности, на расстоянии 1,73 м от северной стены раскопа к югу обнаружена лопатка человека, в центральной части могиленной ямы на глубине 2 м расчистили тазовую кость человека.

В процессе углубления в западной части раскопа на глубине 3 м обнаружено скопление разновеликих камней – от 6×10 до 25×30 см. На этой глубине яма расширяется по всему периметру на 50–60 см. Камни расположены на этом расширении. Среди камней зафиксирован один позвонок МРС.

На глубине 3 м в западной части могиленной ямы зафиксированы фрагменты лезвия железного кинжала (рис. 14, 1). Ниже данных фрагментов расчистили трубчатые кости нижних конечностей человека. Конечности расположены вразброс. Рядом с одной из них обнаружен фрагмент тонкой древесины.

На глубине 3,1 м расчистили потревоженные кости погребенного. Кости позвонков, ребра, таз, нижние трубчатые кости разбросаны по всей северо-западной части дна могиленной ямы, здесь же выявлен небольшой фрагмент бронзы (рис. 14, 4). В северо-западном углу могилы расчищена небольшая ниша, содержащая в основном кости МРС, это, возможно, специально выполненный отсек для сопроводительной пищи (рис. 15). В юго-западной части дна могиленной ямы *in situ* сохранилась ступня погребенного, судя по которой, погребенный был положен головой на северо-запад (рис. 15). Здесь, под костями, зафиксированы остатки древесной подстилки (рис. 15, 7). Возле лучевой кости правой ноги расчистили три сильно коррозированных железных наконечника стрел – трехперые, черешковые, на одном наконечнике фиксируется остаток древка с элементами перевязи, кроме этого, в данном районе выявлена бронзовая бляшка с заклепкой, вероятно, элемент колчана (?) (рис. 14, 2, 3; 15, 5, 6). К востоку от ступни выявлены фрагменты углей (рис. 15, 8). Рядом с разбросанными костями погребенного выявлено шесть костяных накладок на лук, еще две были выявлены ранее. Пять из этих накладок подтреугольной формы, сделаны, видимо, из ребер. Две накладки уплощенные – боковые, одна узкая – центральная (рис. 14, 5; 15, 2). На накладках имелись фрагменты древесины и древесного тлена. Здесь же, на СЗ части ямы, среди костей разбросаны фрагменты железа, вероятно, это фрагменты кинжала или ножа (рис. 15, 3).

Судя по контуру могильной ямы, здесь имело место подбойное захоронение. Очевидно, что подбой находился в западной (юго-западной) стороне (рис. 15). Вышеописанные камни, скорее всего, являлись забутовкой данного подбоя.

Согласно результатам радиоуглеродных анализов по C14 данный памятник сооружен в период между 250 и 330 гг. н.э. – в промежутке между концом первой половины III в. н.э. и первой половины IV в. н.э. (рис. 16).

Исследования на кургане № 27. Диаметр 22 м, высота 90 см. Курган расположен в 60 м к СВ от кургана №17, на востоке могильника. Представлял собой уплощенную, округлой формы насыпь с довольно густой растительностью, ров визуально не прослеживался (рис. 7, 17). Скаты: с востока пологий, с запада – крутой. На поверхности насыпи, ближе к центральной части, фиксировалась едва заметная впадина.

По линии В-3 была размечена бровка шириной в 1 м. При сносе насыпи на глубине 50–70 см оконтурился глиняный слой. По окончании предматерикового слоя фиксируется слой песка, вероятно, слой глины обсыпали песком. За песчаным слоем фиксируется понижение – по краям расчищенной поверхности ясно виден круг из чернозема, опоясывающий глиняную поверхность, это, скорее всего, заполнение рва (рис. 18). Таким образом, ров, по всей видимости, в наличии. В южной и юго-восточной части кургана выявлены небольшие зольные пятна, их размеры: южное пятно – 40×25 см, находилось на расстоянии 5 м к югу от бровки, юго-восточное пятно – 42×30 см, на расстоянии 5 м от бровки (рис. 18). В восточной части имеется пятно запекшейся земли, возможно, прокалина от огня. После сноса насыпи на площади кургана выявлено три погребения – центральное (№ 2) и два впускных (№ 1 и 3) (рис. 18).

Погребение № 1. Для раскопа данного погребения пятно могильной ямы было размечено по линии ЮВ – СЗ и к северу был разбит квадрат с размерами 2,55×1,25 м. В юго-восточной части раскопа на глубине 12 см выявлен мощный слой пепла светло-кофейного цвета с прослойками черно-бурого, протяженность слоя В-3 – 110 см, ширина С-Ю – 40 см.

Верхний пласт заполнения погребения состоит из слоя относительно чистого песка, далее зола и смесь золы с песком и грунтом. В заполнении встречаются разрозненные кости животного происхождения. В юго-восточной части раскопа, на глубине 40 см обнаружен небольшой плоскодонный керамический сосуд (рис. 19). Сосуд низкий, шарообразный, черного цвета, по всей видимости, кострового обжига. Размеры: 10×10 см, по бокам имеются трещины, венчик небольшой, отогнутый, часть отломана. Сосуд располагался рядом с кострищем.

К западу от сосуда выявлены кости МРС и человеческая фаланга. Кости животного представляют собой лопаточную кость и разрозненные обломки, находились под мощным слоем золы (ритуальный огонь?). Ширина слоя золы на этой глубине достигала 50–60 см, общая мощность до 40 см.

В 30 см к юго-западу от керамического сосуда, на глубине 45 см от поверхности выявлен костяк человека (рис. 20). Костяк имеет восточную ориентацию с малым уклоном к северу, положен вытянуто, на спину. Череп расположен с небольшим наклоном к правому плечу (возможно, смещен под давлением грунта). Череп имеет прижизненную искусственную деформацию, вытянута теменная часть черепной коробки (рис. 21). Челюсть цела. Сохранность черепа относительно хорошая, учитывая небольшое отверстие на левом виске (возможно, прижизненная травма и причина смерти?) и отсутствие трех передних зубов в верхней челюсти. Руки вытянуты вдоль тела. Плечевые суставы, ребра, позвоночник в анатомическом порядке, таз цел, но имеются обломанные участки. Правая нога лежит ровно, по ориентации костяка, левая нога немного смещена к правой. Фаланги кистей рук погребенного расположены в анатомическом порядке, если не считать небольшие смещения, а вот фаланги стоп разрознены: часть на положенном месте, другая часть – в районе колен, и располагаются выше, чем кости ног, очевидно, перемещены грызунами (рис. 20).

Длина могильной ямы по продольной оси 2,15 м, ширина 1 м, глубина 60 см.

Кроме керамического сосуда другого инвентаря не было.

По результатам радиоуглеродного анализа по С14 погребение №1 датируется периодом между 320 и 400 гг. н.э. По всей видимости, впускное захоронение совершено в промежутке между первой половиной IV в. и рубежом IV–V вв. н.э. (рис. 22).

Погребение № 3. Первоначально предполагалось, что погребение № 3 является грабительским лазом или дромосом в центральное захоронение. В процессе углубления в северо-восточной части раскопа на глубине 1,85 м расчищена ниша (рис. 23) размером 1×1 м, очевидно, что это подбой (точнее, нечто среднее между подбоем и катакомбой). В северной части подбоя обнаружен человеческий череп, ориентированный головой на ССЗ, лицом обращен на запад (ЮЗ) (рис. 24).

После сноса в целях безопасности свода над подбоем погребение было расчищено. В процессе этого в северо-западном углу подбоя, над полом камеры обнаружены бронзовые скобы небольшого размера (рис. 25, 4), найдены вместе с древесиной, дерево распалось в труху.

В результате полной расчистки выяснилось, что костяк ориентирован на ССЗ, лицом обращен, как описывалось выше, на ЮЗ. Нижняя челюсть: левая сторона отошла от естественного паза, лежит неправильно – ниже и к югу. На черепе следов деформации нет. В районе макушки черепа покойного вместе с фрагментами органики (текстиль?) выявлена жестяная трубочка из бронзы – пронизь (рис. 24, 3; 25, 7). В районе левого уха погребенного вместе с фрагментом органики выявлена маленькая круглая серебряная поделка с выпуклостью в центре, это, вероятно, серьга или украшение головного убора (?) (рис. 24, 4; 25, 6). К западу от головы, плеч и предплечий костяка человека находятся кости МРС (сопроводительная пища): позвонки, ребро, трубчатая кость, лопатка. Кости МРС расположены на расстоянии 18–30 см к западу от головы погребенного (рис. 24). На расстоянии 12 см к западу от лопатки животного, в 42 см от черепа костяка выявлен сильно заржавленный нож вместе с остатками деревянных ножен (рис. 24, 1; 25, 2).

Все кости скелета человека в анатомическом порядке, лежат на должных местах. Руки

вытянуты вдоль тела. Правая нога лежит прямо, левая нога немного смещена к правой. Фаланги пальцев ног и рук в анатомическом порядке. В районе левого бока покойного выявлен сильно коррозированный железный нож, вероятно, подвешенный в свое время на левой стороне пояса, на ноже фиксируются остатки деревянных ножен (рис. 24, 5; 25, 1).

Выше щиколоток, в промежье голенных костей обнаружено два небольших фрагмента железа неправильной подчетыреугольной формы с элементами органики, возможно, кожи. Размеры 4×2 см, это, вероятно, застёжки от обуви (?) (рис. 24, 6; 25, 3).

Вдоль скелета, с западной и с восточной стороны тянутся отчетливые белые полосы, возможно, меловая или известковая присыпка, либо, перегнившие остатки подстилки (рис. 24, 7), но скорее всего это меловая присыпка, так как на самом костяке зафиксировано аналогичное порошкообразное вещество белесого цвета.

При уборке костяка человека под черепом обнаружен небольшой гвоздеобразный штырь, вероятно, элемент головного убора или заколка для волос (?) (рис. 25, 5).

По результатам радиоуглеродного анализа по С14 погребение № 3 датируется периодом между 340 и 420 гг. н.э. По всей видимости, впускное захоронение совершено в промежутке между первой половиной IV в. и первыми десятилетиями V в. н.э. (рис. 26).

Погребение № 2. В центральной части кургана бровка была убрана на 5 м. После зачистки определились контуры погребения. Пятно центрального захоронения было поделено по линии восток-запад, раскоп начат с южной стороны. В центральной части раскопа на глубине 1,10 м выявлены разрозненные фрагменты древесины – небольшие куски жердей: длина 10–15 см, ширина 5–7 см. Также на глубине 50 см от поверхности, в северной стенке раскопа, в центре желтого заполнения выявлен костный фрагмент – по всей видимости, часть черепной коробки человека.

На северном профиле четко очерчивалась могильная яма. Здесь же фиксировался грабительский лаз, который до глубины 50 см охваты-

вал всю яму. Ниже грабительский лаз сужался к западу и включал в себя всю западную часть могильной ямы, ширина лаза составляла 1 м. В юго-западной части могилы №2 на глубине от 1,85 м до 2 м, в пределах вышеотмеченного грабительского лаза обнаружены разрозненные кости скелета человека: ребро, берцовая кость, шейные позвонки, фаланги пальцев. Возле берцовой кости зафиксирован мелкий фрагмент железа.

На глубине 1,45 м, на расстоянии 3 м от северной стены раскопа, в западной части могилы № 2 выявлена трубчатая кость руки человека. По всей территории могилы № 2 встречаются разрозненные фрагменты древесины – 5–7 см длиной, 4–5 см шириной.

Был произведен раскоп северной части и нивелирование пола.

В юго-западной половине могилы № 2 выявлен фрагмент сильно коррозированного железа с элементами органики, возможно, кожи. Судя по всему, это остаток ременной пряжки (рис. 27, 2; 28, 6).

В северной части могилы № 2, у северной границы восточной стороны, на глубине 2,20 м от поверхности, на расстоянии 98 см от западной границы могилы к востоку обнаружен плоскодонный керамический сосуд, сохранность относительно хорошая, лишь с южной стороны отломаны венчик и ручка. Высота 13 см, диаметр горловины 11 см, сосуд банковидной формы, темного цвета, кострового обжига (рис. 29)

В 7 см к западу и в 8 см к северу от данного сосуда расчищены разрозненные кости МРС. Кроме этого, в 5 см к западу от сосуда выявлен фрагмент сильно коррозированного железа с элементами древесины. Это, скорее всего, остатки железного ножа в деревянных ножнах (рис. 27, 1; 28, 2).

К западу от сосуда, на площади от 45 см до 1 м зачищены разрозненные кости скелета человека: ребра, половина таза, фаланги пальцев, в 85 см к северо-западу от сосуда расчищена нижняя челюсть человека, остальные части черепа не обнаружены (рис. 28). Возможно, вышеописанный костный фрагмент, обнаруженный на глубине 50 см в северном профиле могилы № 2, – это часть черепной коробки человека

Однозначно, что в погребении № 2 восточная сторона – это входная яма, а западная – подбой (рис. 28)

На полу подбоя также имеется белесый след возможной подстилки или присыпки, на основании этого можно сделать вывод, что покойник лежал у западной стены подбоя по линии север-юг. Судя по обнаруженной на севере челюсти и по костям ног на юге, покойный был ориентирован головой на север (рис. 28).

По результатам радиоуглеродного анализа по С14 погребение № 2 и курган № 27 датируются периодом между 240 и 320 гг. н.э. По всей видимости, памятник возведен в промежутке между последними десятилетиями первой половины III в. н.э. и первыми десятилетиями IV в. н.э. (рис. 30).

Исследования на могильнике Кеген-V (GPS N 43° 00' 68,1" E 078° 25'09,5"). Могильник находится в 1–1,5 км к востоку от поселка Актасты, в образованной предгорными сопками чашеобразной маленькой долине. Бессистемный, компактный могильник, состоящий из небольшого числа уплощенных всхолмлений с выкладками из камней.

В данном могильнике исследован один объект (№ 4). Размеры: В–З – 4 м, С–Ю – 2 м, высота – 30 см. Памятник небольшого размера, представляет собой уплощенное, продолговатое сооружение из камня и грунта, имеющее окольцовку из разновеликих камней (рис. 31).

Исследование данного памятника показало отсутствие погребения как такового, и на основании этого был сделан вывод, что это кенотаф (рис. 31).

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-18.8; lab. mult=1)

Laboratory number: **Beta-270147**

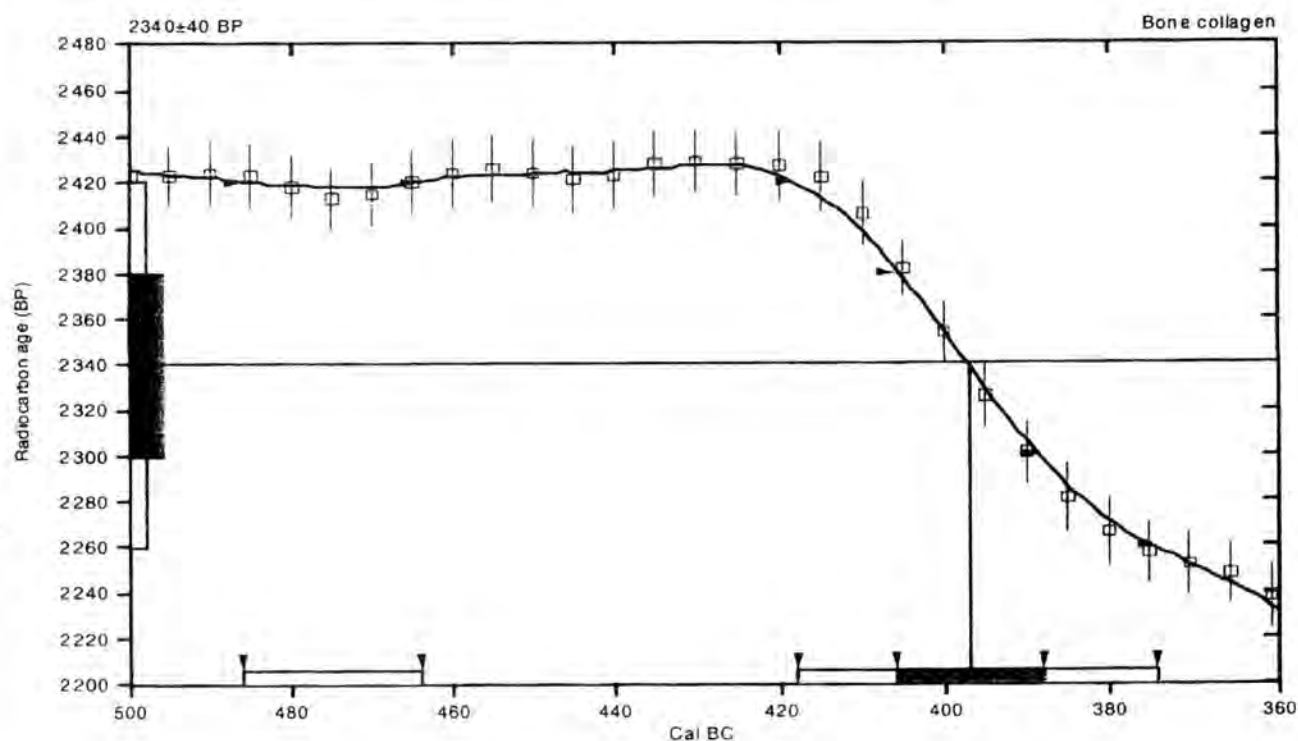
Conventional radiocarbon age: **2340±40 BP**

2 Sigma calibrated results: **Cal BC 490 to 460 (Cal BP 2440 to 2410) and**
(95 % probability) Cal BC 420 to 370 (Cal BP 2370 to 2320)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
 with calibration curve: **Cal BC 400 (Cal BP 2350)**

1 Sigma calibrated result: **Cal BC 410 to 390 (Cal BP 2360 to 2340)**
 (68% probability)

References:

Database used

INTCAL04

Calibration Database

INTCAL04 Radiocarbon Age Calibration

IntCal04: Calibration Issue of Radiocarbon (Volume 46, nr 3, 2004).

Mathematics

A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates

Talma, A. S., Vogel, J. C., 1993, Radiocarbon 35(2), p317-322

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory

4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • E-Mail: beta@radiocarbon.com

Рис. 5. Результаты радиоуглеродного анализа по кургану № 2

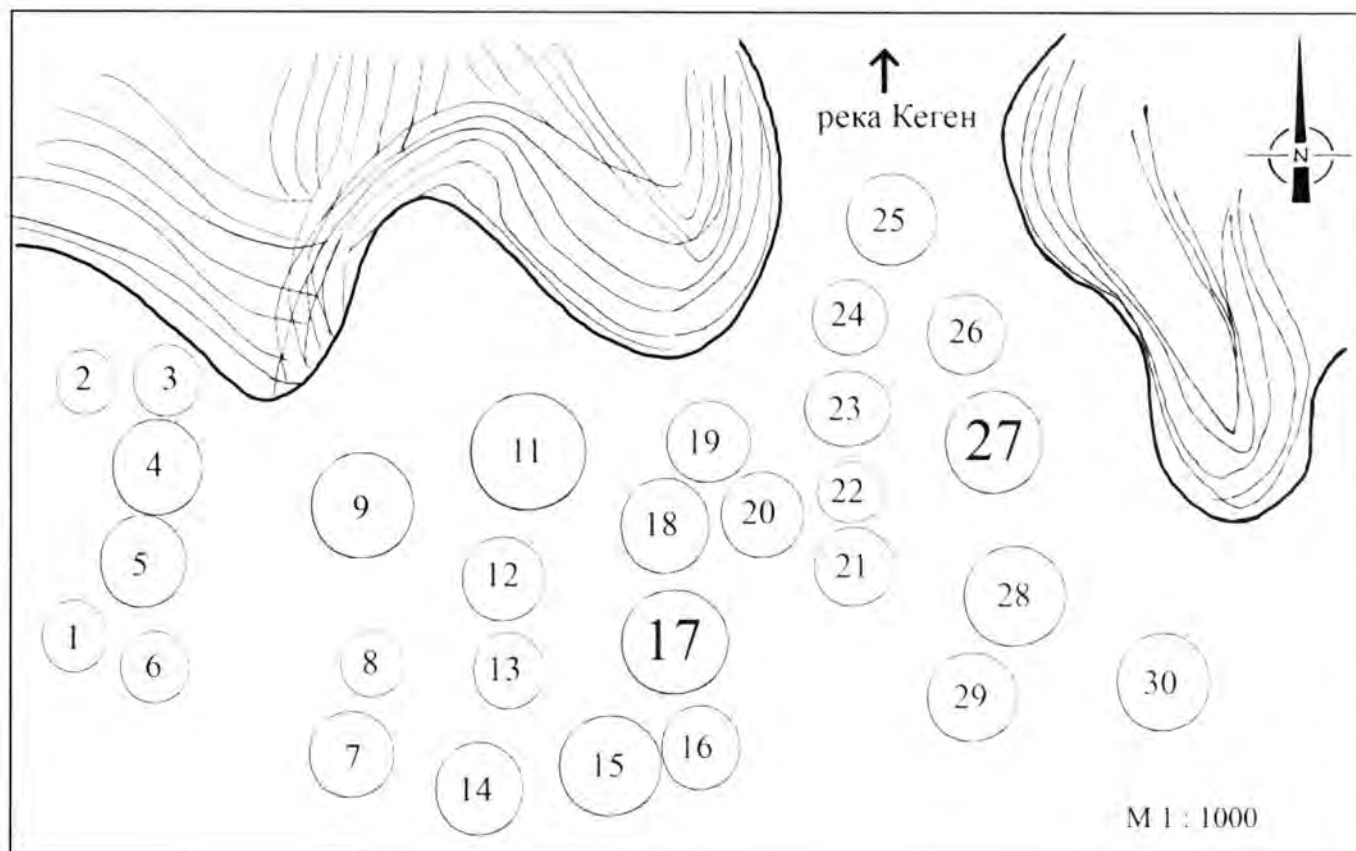

Рис. 7. Общий план могильника Кеген-IV

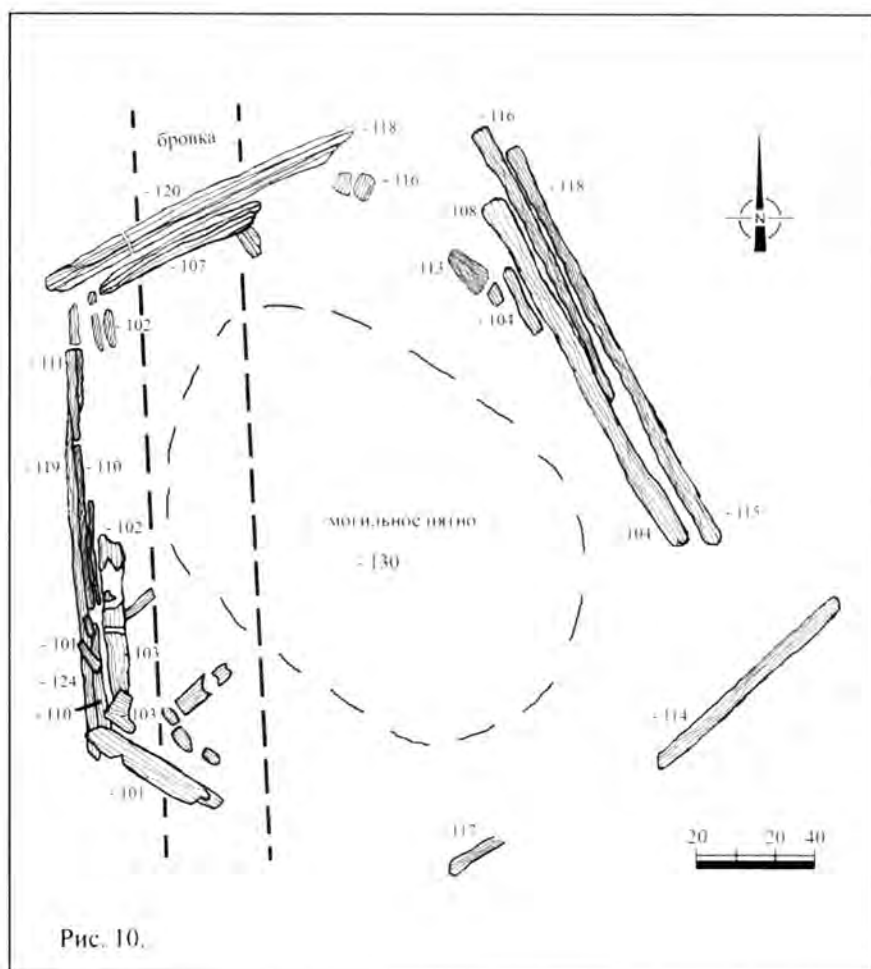

Рис. 10.

Рис. 10. Курган № 17. Общий план наземной деревянной конструкции

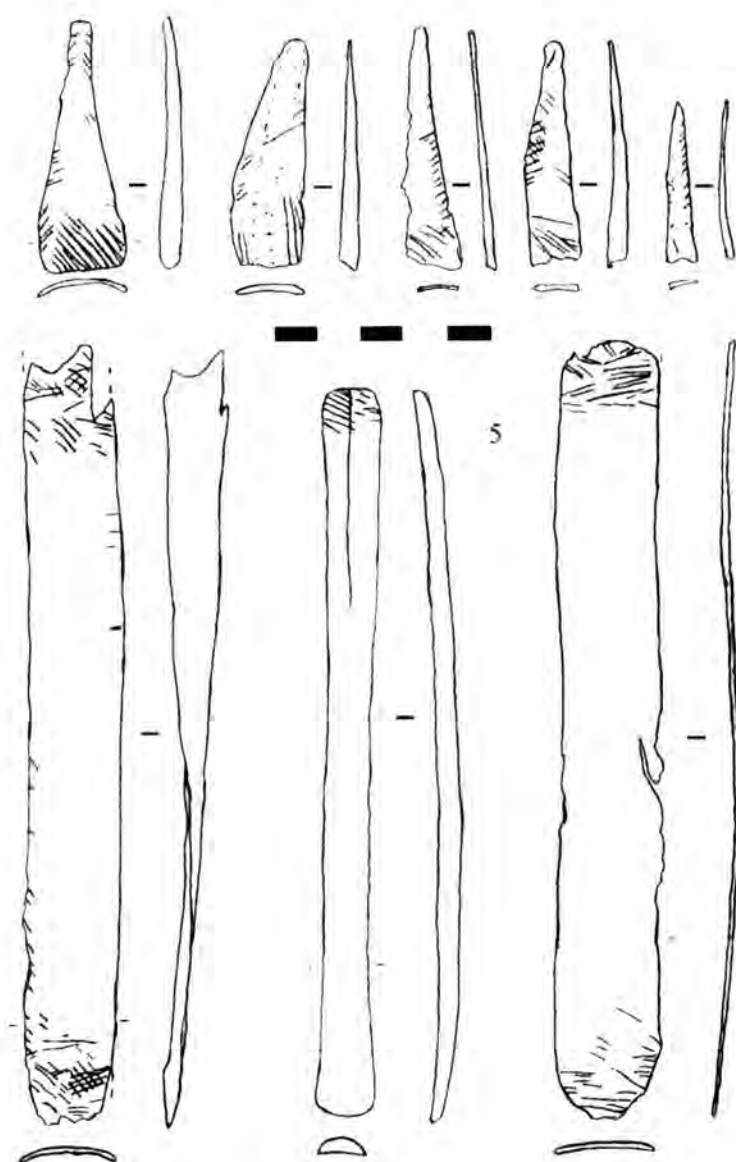
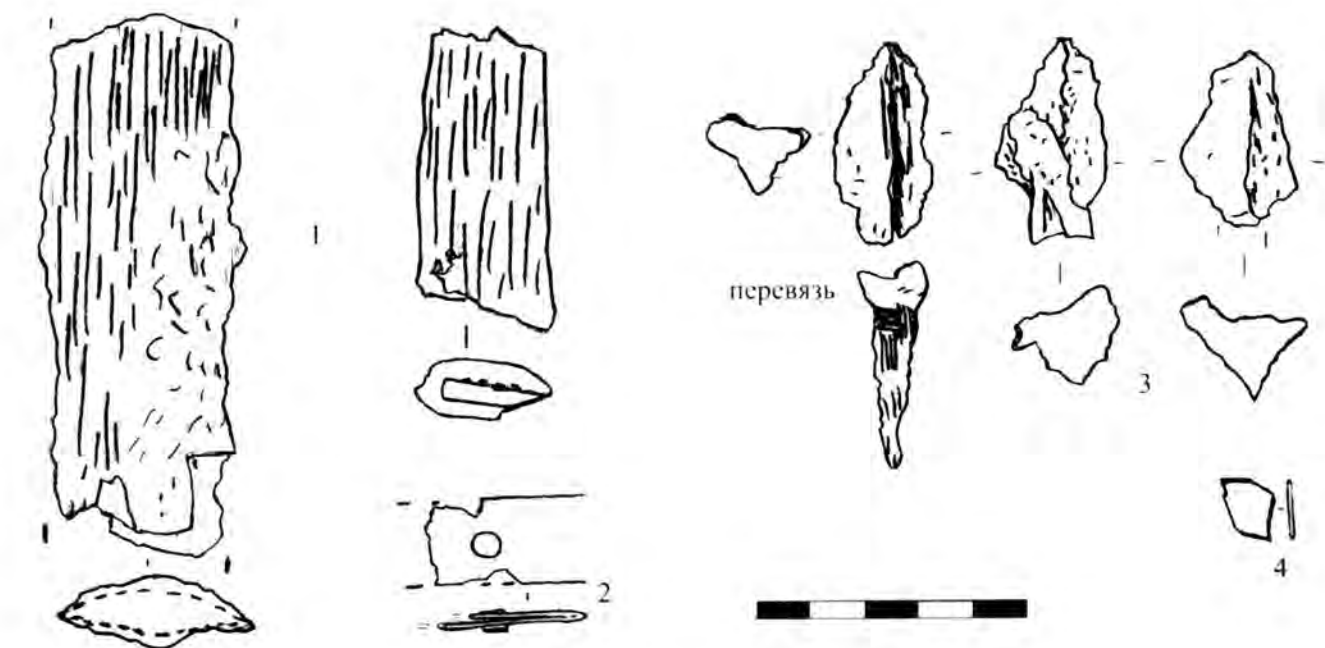

Рис. 14. Курган № 17. Находки

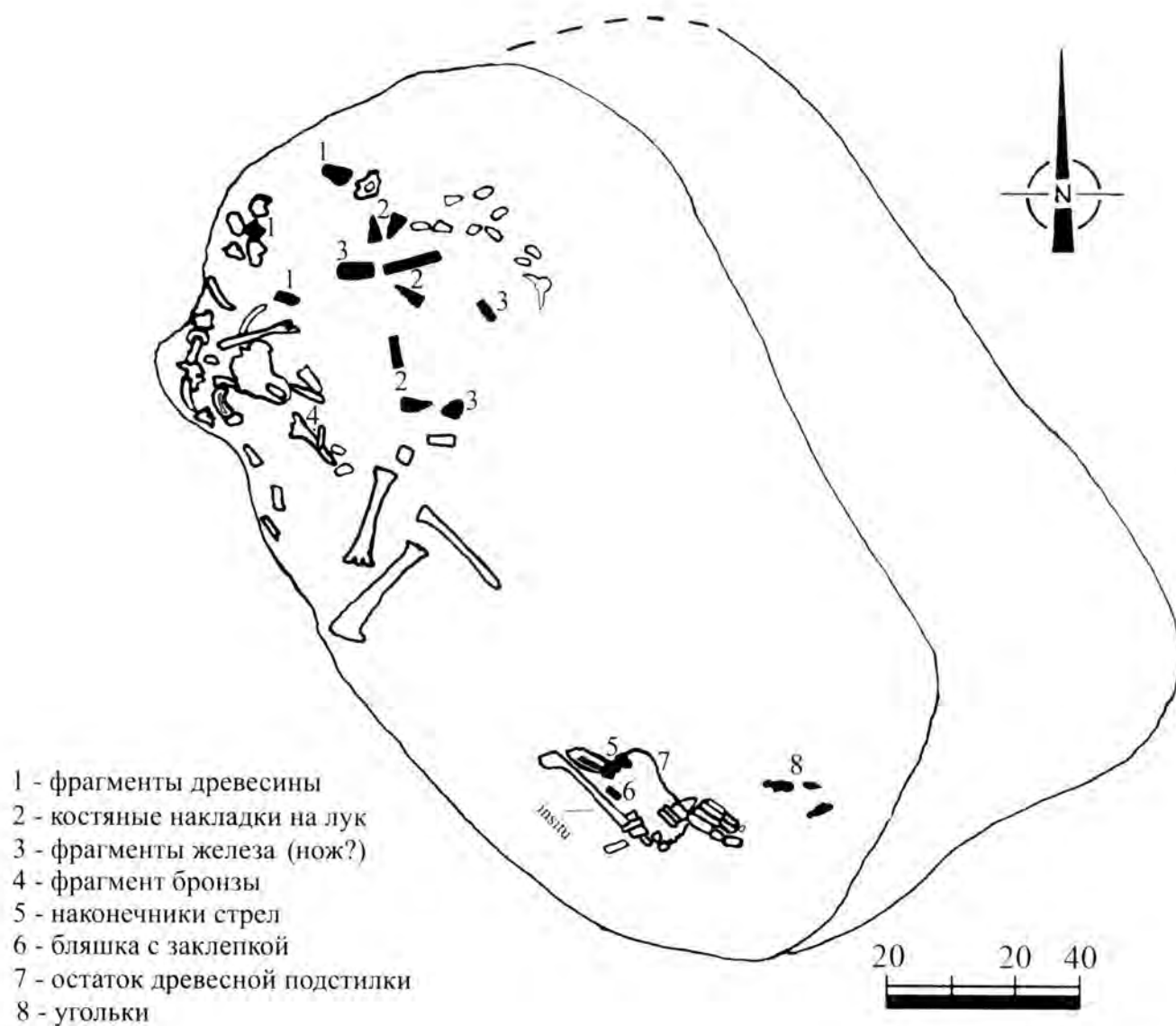

Рис. 15. Курган № 17. Общий план погребения

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-19.4;lab, mult=1)

Laboratory number: Beta-270148

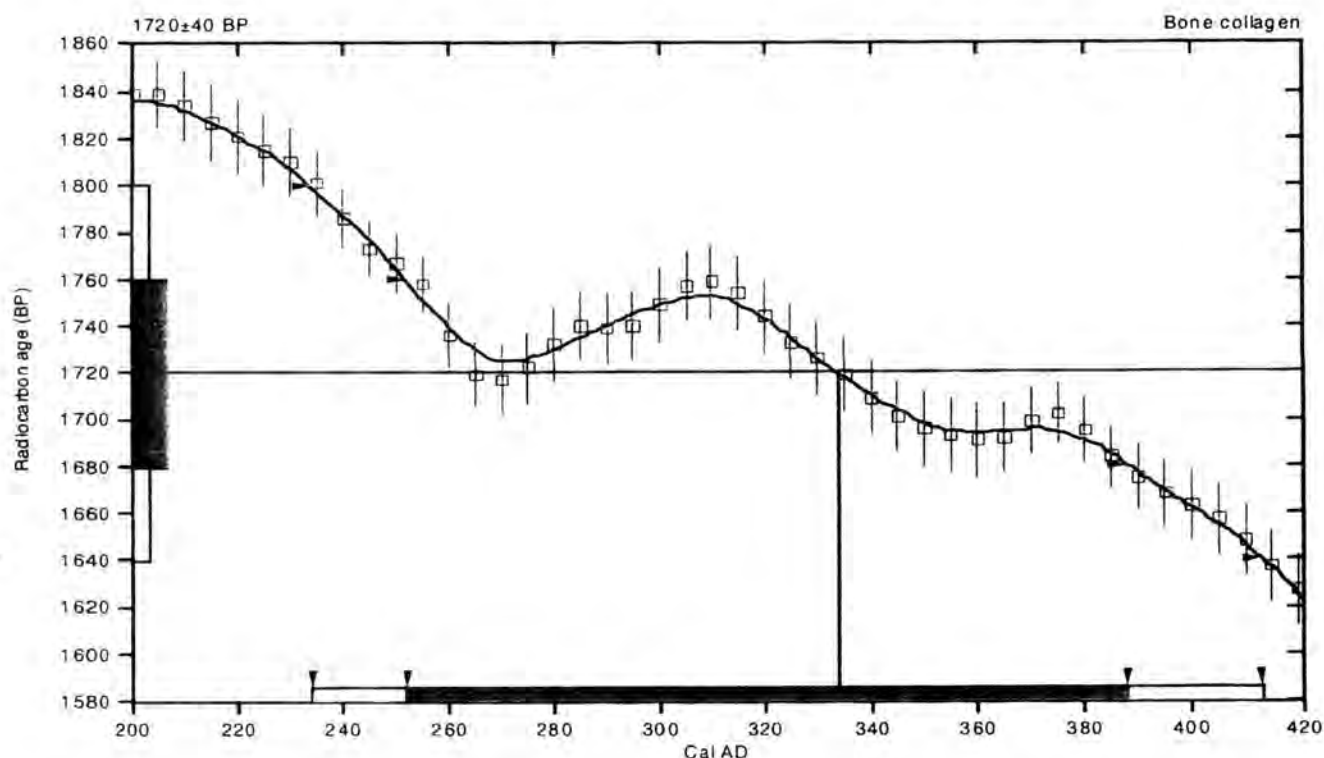
Conventional radiocarbon age: 1720±40 BP

2 Sigma calibrated result: Cal AD 230 to 410 (Cal BP 1720 to 1540)
(95 % probability)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
with calibration curve: Cal AD 330 (Cal BP 1620)

1 Sigma calibrated result: Cal AD 250 to 390 (Cal BP 1700 to 1560)
(68 % probability)

References:

Database used

INTCAL04

Calibration Database

INTCAL04 Radiocarbon Age Calibration

IntCal04: Calibration Issue of Radiocarbon (Volume 46, nr 3, 2004).

Mathematics

A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates

Talma, A. S., Vogel, J. C., 1993, Radiocarbon 35(2), p317-322

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory

4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • E-Mail: beta@radiocarbon.com

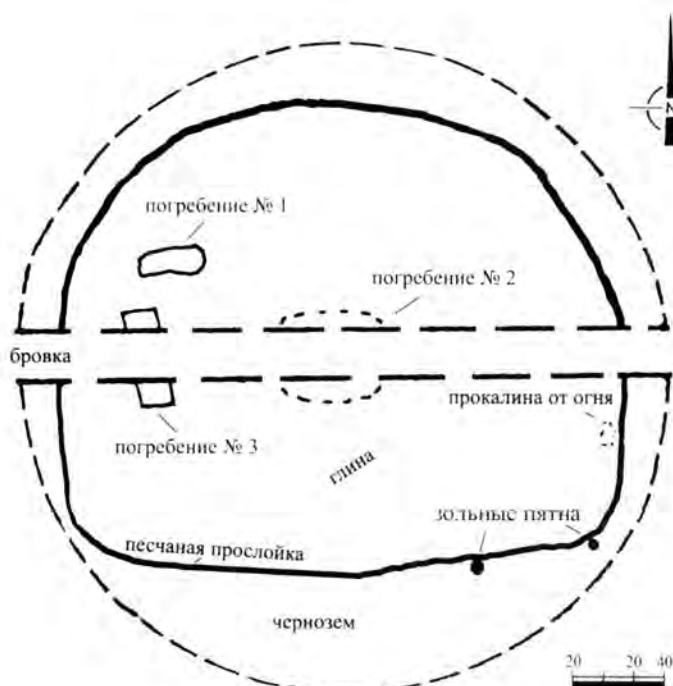

Рис. 18. Курган № 27. Общий план

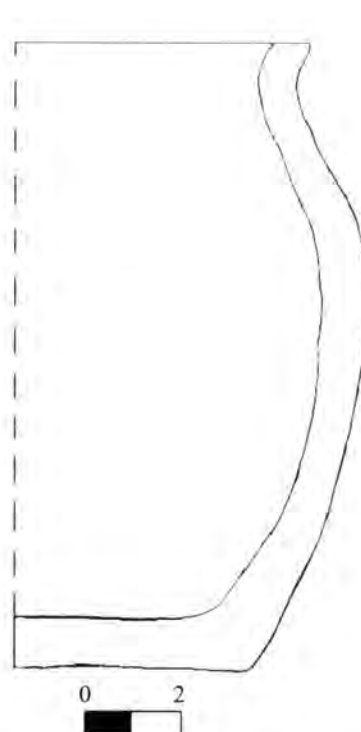

Рис. 19. Курган № 27, погребение № 1. Керамический сосуд

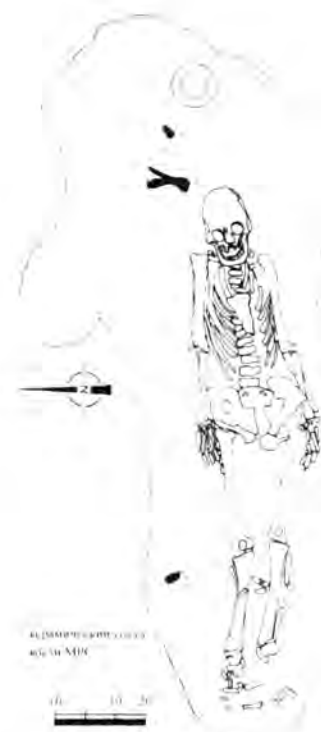

Рис. 20. Курган № 27, погребение № 1. Общий план

Kurgan 27 Grab 1

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-15 lab. multi=1)

Laboratory number: Beta-270151

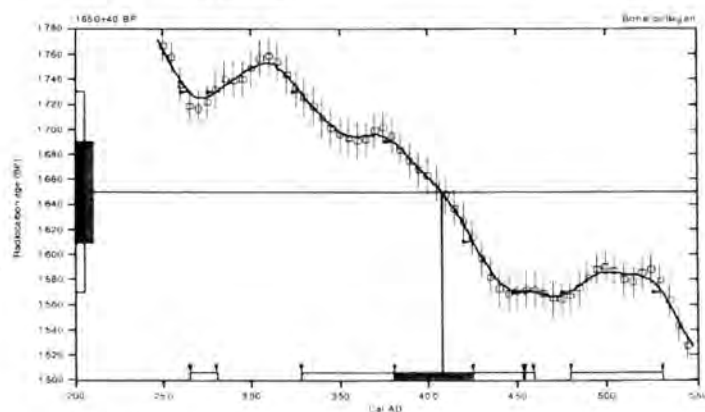
Conventional radiocarbon age: 1650±40 BP

2 Sigma calibrated results:
(95% probability)
Cal AD 260 to 280 (Cal BP 1680 to 1670) and
Cal AD 330 to 450 (Cal BP 1620 to 1500) and
Cal AD 450 to 460 (Cal BP 1500 to 1490) and
Cal AD 480 to 530 (Cal BP 1470 to 1420)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
with calibration curve: Cal AD 410 (Cal BP 1540)

1 Sigma calibrated result:
(68% probability)
Cal AD 380 to 420 (Cal BP 1570 to 1520)

References

Database used:
INTCAL04
Calibration Database
INTCAL04 Radiocarbon Age Calibration
IntCal04 Calibration Issue of Radiocarbon (Volume 46, no. 1, 2004)
Mathematics
A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates
Taylor, A. S., Vogel, J. C., 1998, Radiocarbon 40(2), p.117-122

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory

14001 S.W. Tech Center Avenue, Portland, OR 97219 • Tel: (503) 687-1747 • Fax: (503) 687-0996 • E-Mail: beta@betaanalytic.com

Рис. 22. Результаты радиоуглеродного анализа погребения № 1 кургана № 27

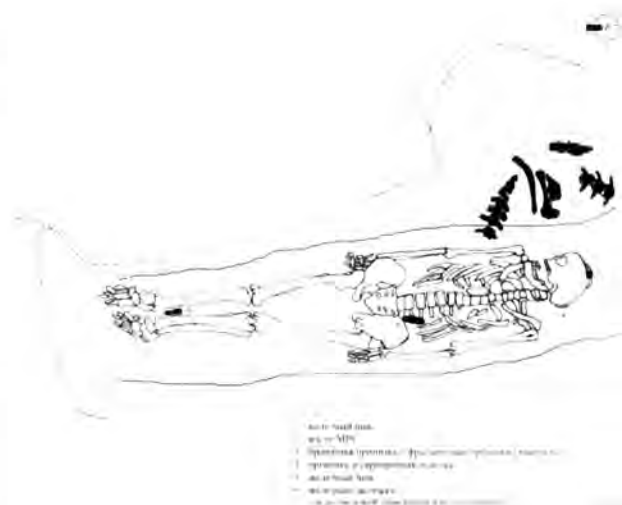

Рис. 24. Курган № 27, погребение № 3. Общий план

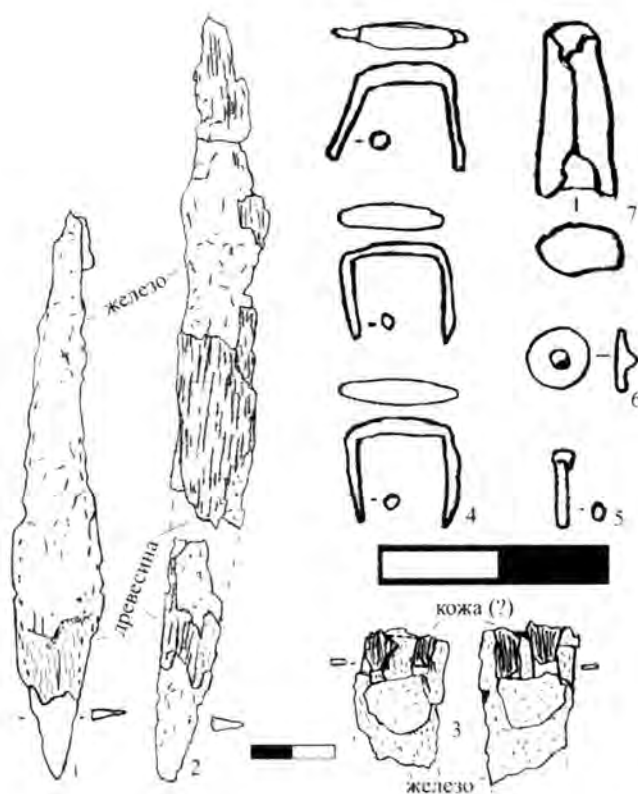

Рис. 25. Курган № 27, погребение № 3. Находки

Kurgan 27 Grab 3

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-19.1; lab. mult=1)

Laboratory number: Beta-270150

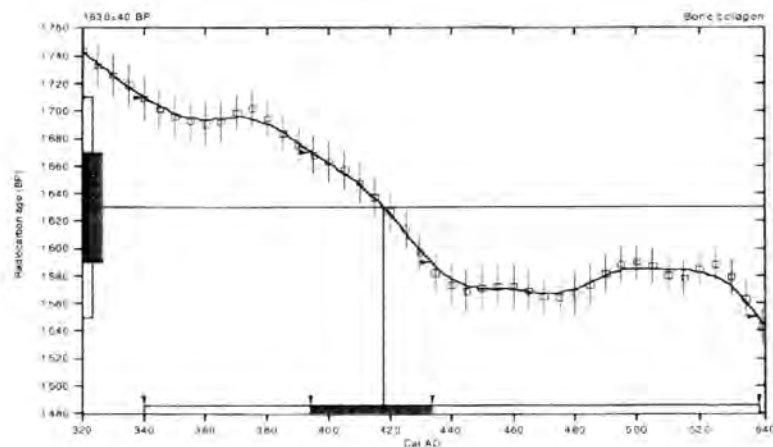
Conventional radiocarbon age: 1630±40 BP

2 Sigma calibrated result: Cal AD 340 to 540 (Cal BP 1610 to 1410)
(95% probability)

Intercept data

Intercept of radiocarbon age
with calibration curve: Cal AD 420 (Cal BP 1530)

1 Sigma calibrated result: Cal AD 390 to 430 (Cal BP 1560 to 1500)
(68% probability)

References

- Database used
- INTCAL04
- Calibration Database
- INTCAL04 Radiocarbon Age Calibration
- IntCal04 Calibration Curve of Radiocarbon: Volume 40, no. 3, 1004
- Mathematics
- A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates
- Talma A. S., Vogel J. C., 1993, Radiocarbon 35(2), p173-172

Рис. 26. Результаты радиоуглеродного анализа погребения № 3 кургана № 27

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory

6815 W. 19th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305) 887-3147 • Fax: (305) 887-0944 • E-Mail: beta@radiocarbon.com

Рис. 27. Курган № 27, погребение № 2. Находки

Рис. 28. Курган № 27, погребение № 2. Общий план

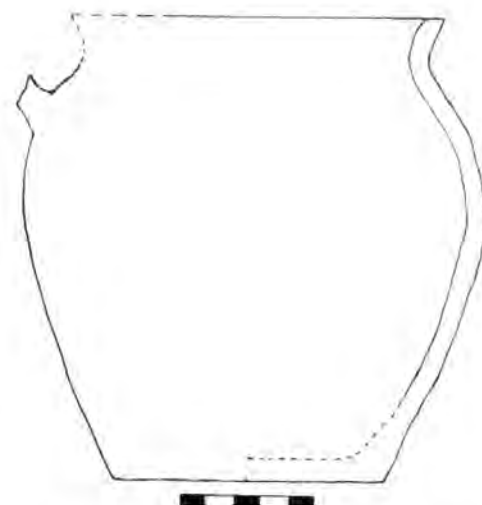

Рис. 29. Курган № 27, погребение № 2. Керамический сосуд

CALIBRATION OF RADIOCARBON AGE TO CALENDAR YEARS

(Variables: C13/C12=-18.1;lab. mult=1)

Laboratory number: **Beta-270149**

Conventional radiocarbon age: **1730±40 BP**

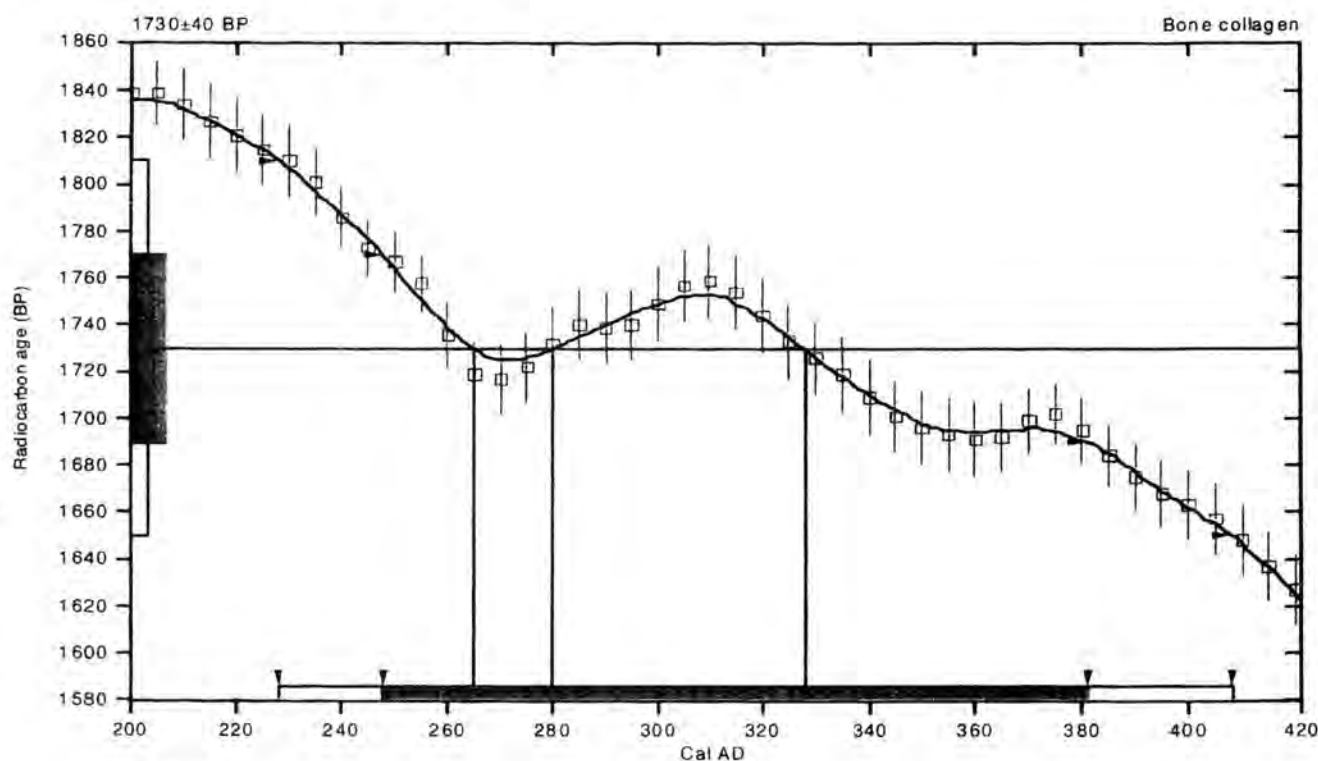
2 Sigma calibrated result: **Cal AD 230 to 410 (Cal BP 1720 to 1540)**
(95 % probability)

Intercept data

Intercepts of radiocarbon age

with calibration curve: Cal AD 260 (Cal BP 1680) and
Cal AD 280 (Cal BP 1670) and
Cal AD 330 (Cal BP 1620)

1 Sigma calibrated result: **Cal AD 250 to 380 (Cal BP 1700 to 1570)**
(68 % probability)

References:

Database used

INTCAL04

Calibration Database

INTCAL04 Radiocarbon Age Calibration

IntCal04: Calibration Issue of Radiocarbon (Volume 46, nr 3, 2004).

Mathematics

A Simplified Approach to Calibrating C14 Dates

Talma, A. S., Vogel, J. C., 1993, Radiocarbon 35(2), p317-322

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory

4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • E-Mail: beta@radiocarbon.com

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О РАБОТЕ НА МОГИЛЬНИКЕ СЕНГИР-ТАМ В 2012 Г.¹

В ходе широкомасштабных работ инкардарьинского маршрутного отряда Хорезмской экспедиции АН СССР под общим руководством С.П. Толстова в древних дельтах Жанадарьи и Инкардарьи (древняя дельта Сырдарьи) в 1957–1963 гг. был открыт новый тип памятника – «шлаковые курганы» (Толстов, Жданко, Итина, 1963, с. 47–50; Толстов, 1962, с. 181–184). Свое название они получили по кольцу из крупных глыб гончарного шлака, опоясывающего основание кургана. Рекогносцировочные раскопки единичных курганов позволили отнести их к сакскому культурному кругу и датировать серединой I тыс. до н.э. (Толстов, 1961, с. 138–142).

По мнению С.П. Толстова, на данной территории в этот период располагалось племя *сак-караваков*, сыгравшее значительную роль в завоевании Бактрии и Индии. Это самое южное из сакских племен, упоминаемое многими древними авторами. Так, в ахеменидских надписях они фигурируют как *саки-хаумаварга*, а в раннеантичных источниках – как *саки-амюрги* (Толстов, 1962, с. 182–184).

Детальный анализ погребального обряда и инвентаря шлаковых курганов позволил С.П. Толстову предположить, что этот погребальный обряд генетически восходит к обряду тагискенских мавзолеев эпохи поздней бронзы. Рассматривая схему развития погребальных сооружений племен древней дельты Сырдарьи, С.П. Толстов предположил, что под влиянием *сак-каравакских* погребальных сооружений в IV–III вв. до н.э. (мавзолеев Сенгир-там) на территории *апасаи* (носителей более поздней чирикратской культуры) начинают воздвигаться сырцовые сооружения – мавзолей и возобладать погребальный обряд – «кремация» (Толстов, 1962, с. 201–204, рис. 117).

В ходе последующих археологических работ эта точка зрения не получила подтверждения (Вайнберг, Левина, 1993, с. 55, рис. 70).

Судя по результатам камеральной обработки археологических находок маршрутного инкардарьинского отряда 1959 г., проведенного Л.М. Левиной, отдельные поселения и погребальные сооружения («шлаковые курганы») этой

культуры встречаются на значительной территории – от Сенгир-тама (самого крупного «шлакового кургана») на западе до окрестностей средневекового городища Кум-калы. Расстояние между этими пунктами около 80 км (Левина, 1959).

В 2012 г. во время повторного обследования культуры «шлаковых курганов» было установлено, что самая восточная граница территории «шлаковых курганов» находится выше городища Кум-кала, на правом берегу Жанадарьи (курган Тас-тобе) (рис. 1).

На правом берегу русла во время маршрута 1959 г. впервые были обнаружены небольшие оросительные системы протяженностью в 0,5–1 км и поселения, топографически связанные с этой системой, которую Л.М. Левина отнесла к культуре «шлаковых курганов». В настоящее время в ходе археолого-разведочных работ по руслам Инкардарьи и Жанадарьи не нашло подтверждения то, что эти поселения были оставлены населением культуры «шлаковых курганов». В основном по подъемному материалу эти поселения датируются IV–II вв. до н.э. Здесь в это время на руслах древней дельты Сырдарьи интенсивно развивалась чирикратская культура.

В 2012 г. был обследован самый крупный «шлаковый» курган Сенгир-там (VII–V вв. до н.э.) и могильники в его окрестности.

Погребальный комплекс Сенгир-там находится в 16 км к востоку от городища Чирик-рабат, на возвышенности близ колодца Баян (координаты N 44°05'10,0"; E 063°07'56,0").

На возвышенности Сенгир-там зафиксирован археологический комплекс, состоящий из погребального сооружения – мавзолея, шести прямоугольных площадок – оградок и более двадцати курганов (рис. 2).

Центральным памятником этого комплекса является круглое в плане архитектурное сооружение, которое было возведено из сырцового кирпича. Диаметр внутреннего пространства около 34 м, а внешняя сторона – около 45 м. Ширина стен у основания памятника около 4–5 м, а высота сохранившихся стен – около 5,7 м. Памятник в плохой сохранности, стены в северо-северо-западной и юго-юго-восточной частях

памятника разрушены. Вход в мавзолей, скорее всего, был с восточной стороны (рис. 3).

Особый интерес представляют выявленные здесь прямоугольные и квадратные в плане обвалованные площадки (*огradки*). Валы сохранились на 50–100 см в высоту от уровня современной дневной поверхности. Уровень поверхности внутри обвалованной площадки совпадал с уровнем современной дневной поверхности за пределами сооружения. Внутри нет следов построек, а также находок. По мнению Ж. Курманкулова, возможно, это была летняя резиденция вождей сакских племен (Курманкулов, 2007, рис. 221).

Оградка № 1 находится в 140 м к западу от Сенгир-тама (координаты N 44°05'09,49", E 063°07'44,34"). Размер оградки 45х45 м, сохранившаяся высота вала – 0,5–1 м. В окрестностях оградки зафиксирована цепочка курганов (7) с земляной насыпью, диаметром около 10–15 м и высотой 0,5–1,5 м.

Оградка № 2, ориентированная по линии север-юг, по форме в плане представляет собой прямоугольник со сторонами 80х65 м, находится в 100 м к северо-востоку от Сенгир-тама (координаты N 44°05'16,92", E 063°07'54,01"). Валы сохранились в высоту около 0,5–1 м и толщиной 1,5 м. Возле юго-восточного угла оградки, на склоне возвышенности зафиксирована цепь курганов (5) с земляной насыпью.

Оградка № 3 по форме в плане приближена к квадрату со стороной 20 м, находится в 860 м к западу от Сенгир-тама (координаты N 44°05'22,08", E 063°07'14,82").

Оградка № 4 по форме в плане приближена к квадрату со стороной 50 м, находится в 1,05 км к западу от Сенгир-тама (координаты N 44°05'23,22", E 063°07'05,12"). Возле оградки, на склоне возвышенности зафиксирован курган с земляной насыпью. Курган имеет диаметр около 20 м.

Оградка № 5 – самая крупная, находится в 600 м к северо-востоку от Сенгир-тама (координаты N 44°05'30,21", E 063°08'06,43"). Оградка по форме в плане приближена к квадрату со стороной 90 м. Валы сохранились в высоту около 0,5–1 м и толщиной 1,5–2 м.

Оградка № 6, ориентированная по линии север-юг, по форме в плане прямоугольник со сторонами 35х25 м, находится в 950 м к северо-вос-

току от Сенгир-тама (координаты N 44°05'34,43", E 063°08'22,69"). Недалеко от юго-восточного угла оградки на склоне возвышенности зафиксирована самая восточная часть курганов (4) с земляной насыпью, некоторые диаметром 8–14 м, высотой 0,3–1,2 м. У основания курганов фиксируются кольца из шлаков.

Единственные и ближайшие аналогии мы находим на территории некрополя Северный Тагискен (огradки № 1, 2), расположенного в 50 км к востоку от Сенгир-тама.

Оградка № 1, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток, по форме в плане приближена к квадрату со стороной 60 м. Валы, замыкавшие это пространство, сохранились на 50–100 см в высоту от уровня современной дневной поверхности. По внутреннему периметру вала проходил ров шириной в верхней части 1,75 м, в нижней – 4 м. Глубина рва достигала 2,5 м. Ширина вала в основании достигала 6,5–7 м. Внутри площади, образованной валом, культурные наслоения отсутствовали.

Оградка № 2 по форме в плане приближена к прямоугольнику, который длинной осью был ориентирован в меридиональном направлении с очень небольшим отклонением. Валообразные стены ограничивали площадку размерами 50х45 м. По внутреннему периметру вала на расстоянии 11 м от его внутренней поверхности, как и в предыдущем случае, проходил ров глубиной 80–100 м, шириной в придонной части 3,6 м, а в верхней – 65–70 см. Вал в основании имел 5,2 м и сохранился в высоту на 40 см от уровня современной дневной поверхности. Никаких культурных отложений в ее пределах не зафиксировано (Итина, Яблонский, 2001, с. 47, рис. 2).

Аналогичные оградки находим в курганной группе Шиханы у с. Липовка, К.Ф. Смирновым выявлены валообразные сооружения кольцевой и прямоугольной формы (Смирнов, Попов, 1972, с. 3–4, рис. 1, в). Эти сооружения были интерпретированы как «святилище огня» (Смирнов, Попов, 1969, с. 210).

Рассмотренные выше материалы, полученные в ходе археологических работ, позволяют уяснить способы и порядок их построения, реконструировать их первоначальный вид или объяснить такую, например, без сомнения немаловажную особенность могильника Сенгир-там, как наличие в составе одного погребального поля

надмогильных сооружений разных видов при как будто одинаковой материальной культуре.

Курган расположен на одноименной возвышенности Сенгир-там (палеогеновый останец), расположенный на границе дельтовой области Сырдарьи и пустыни Кызылкум. Высота его не превышает 50 м, южный склон обрывистый, северный, западный и восточный плавно переходят в окружающую равнину. Могильный комплекс, протяженностью около 3 км занимает южный край возвышенности, обращенный к одному из древних русел Сырдарьи – Инкардарье. Географические координаты кургана – N 44°05'22,7"; E 063°07'08,0". Курган до раскопа визуально прослеживался в виде оплывшего бугра, форма насыпи полусферическая, несколько уплощенная, высотой около 1 м над современной поверхностью, диаметр – 20 м.

Поверхность насыпи усеяна красноватыми карбонатными стяжениями, местами поросла мелкой растительностью. В центре довольно четко прослеживалась заполненная навесным песком и поросшая травой грабительская воронка. Насыпь песчаная, сложенная из крупнозернистого песка, полученного при рытье могильной ямы (в насыпи он образует вал могильного выброса).

Для выяснения характера погребения и возможности его вскрытия площадь кургана была разбита на четыре сектора двумя бровками по сторонам света. После снятия курганной насыпи выявлено, что погребение в грунтовой яме, могильный выброс лежал на древней дневной поверхности. Могила квадратная, почти круглая, возможно, за счет осыпания мягкого грунта материка, утратившая четкость формы, размер ее на поверхности 3,50x3,30 м (направление продольной оси СЮ), на дне – 180x180 см (рис. 4). Заполнена она плотным слоем серого песка с глиняными натеками (рис. 5).

Погребение полностью разграблено. В могильной яме костей погребенного не зафиксировано. Из сопроводительного инвентаря выявлены лишь фрагменты битой керамики.

Керамический материал из кургана №1 могильника Сенгир-там представлен мелкими фрагментами и насчитывает 24 образца. Керамика тонкостенная (толщина стенок от 0,5 до 0,8 см) и типична изящной керамике эпохи

бронзы. Она изготовлена ручной лепкой. Цвет керамических черепков – от светло-коричневого до красного (кирпичного). В изломе черепки от серого до темно-серого цвета. Поверхность керамических обломков залощена, некоторые фрагменты посуды имеют механические повреждения на поверхности, а некоторые покрыты патиной (известковые вкрапления).

Керамика изготовлена из глины с примесью известняка, в качестве отошителя использована дрсва, о чем свидетельствуют мелкие фрагменты камня в изломе черепков. Кроме того, в составе теста использовалась органика, что подтверждает значительное количество мелких пустот на черепках. Обжиг сильный, неравномерный, о чем свидетельствует разность цветов в изломе черепков.

Поверхность керамики орнаментирована. Декор представлен мелкозубчатой гребенкой, резными линиями, полосами ямочных вдавлений. Основные орнаментальные зоны – венчик, плечико, верхняя часть тулова.

Типы орнамента

Неглубокие резные параллельные, горизонтально и косо расположенные линии украшают всю поверхность венчика, а между линиями нанесены косые насечки (рис. 6 – 1).

Имеется и популярная для керамики эпохи бронзы полоса меандрового пояса, нанесенная на венчик сосуда (рис. 6).

Косые параллельные линии также нанесены гребенкой, пространство которых заполнено сплошным рядом гребенчатых линий (рис. 6 – 3, 4, 5).

Гребенчатым штампом образован также узор ромбовидной сетки, декорирующий плечико баночного сосуда (рис. 6 – 6; 7 – 1).

Еще один вид орнамента – ямочные вдавления, нанесены горизонтальной линией на плечико сосудов (рис. 6 – 8, 9).

На один из найденных обломков венчика нанесено сквозное ямочное вдавление. Этот элемент декора (по-видимому, технического) наиболее характерен для керамики поздней бронзы, ранней железной (рис. 6 – 1).

Венчики сосудов прямые, слегка согнутые к внутренней части сосуда, с округлым бортиком (рис. 6 – 1, 2; 7 – 1).

По линии изгиба сохранившихся фрагментов керамики форма сосудов преимущественно баночная (рис. 7 – 1).

Таким образом, незначительное количество обнаруженного на данном памятнике керамического материала характеризуется следующими общими данными: керамика ручной лепки, по линиям изгибов фрагментов керамики формы сосудов не отмечаются особым разнообразием, преимущественно это баночный тип, орнамент не столь многообразен и пышен, но имеет особую зону нанесения – венчик, плечико, верхняя часть тулова.

В числе погребального инвентаря обнаружены также два фрагмента коррозированных железных изделия, которые по слабо сохранным формам больше напоминают ножи (рис. 7 – 2, 3).

Надо полагать, что полученный керамический комплекс местный, и он, как мы видим по орнаментации, лежит в основе андроновской культуры, аналог находок могильников Северного Тагискена. Керамика Тагискена представлена сосудами типа открытых горшков или мисок, стенки которых сплошь покрыты резным, реже – гребенчатым штампованным орнаментом, спускающимся на тулово в виде фестонов, и при этом чаще всего отдельный орнаментальный пояс идет по горлу сосуда. Ближайшие аналоги по декору данная керамика находит в памятниках Северного Тагискена, где основные орнаментальные мотивы – равнобедренные заштрихованные треугольники, ромбы, меандр, «зеты» (Итина, Яблонский, 2001). Также керамика аналогична дандыбаевско-бегазинским комплексам Центрального Казахстана, тазабагъябских поселений Южного Приаралья (Маргулан..., 1966, Итина, 1977).

В связи с разграбленностью предварительную датировку данного памятника мы можем определить, опираясь на фрагменты железа и орнаментацию посуды, и указать период не позже начала I тыс. до н.э.

Из приведенного выше описания погребального поля Сенгир-тама и результатов раскопок видно, что надмогильные сооружения могильника имеют довольно однообразный характер – это валообразные прямоугольные оградки и курганы со следами горения.

В настоящее время мы затрудняемся объяснить причину возведения валообразных оградок и проследить, с какими из погребальных ритуалов они связаны. При этом сейчас можно подтвердить гипотезу, высказанную многими исследова-

телями (М.А. Итина, Ю.А. Рапопорт, С.А. Трудновская, К.Ф. Смирнов), что распространение валообразных оградок на огромном пространстве степей Евразии совпадает с ареалами культурных контактов эпохи поздней бронзы, дающие, в сущности, довольно однообразную картину культур с некоторыми местными особенностями.

Как заметила М.А. Итина, эти сходства свидетельствуют не только об идеологических представлениях, связанных с единой индоиранской (андроновской) основой происхождения, но и о непосредственных контактах между савроматами Южного Приаралья и саками Приаралья (Итина, 1984, с. 78–84). Например, непосредственно более близкие аналогии наши оградки находят в погребальном комплексе Чаш-тепе (первая половина I тыс. н.э.). Чаштепинские оградки похожи на сенгир-тамские по конструкции и способу возведения. Ориентированы они также по оси северо-запад – юго-восток, но отличаются тем, что имеют входы внутрь ограды с двух сторон (Рапопорт, Трудновская, 1979, с. 151–166).

Причем надо отметить, что во время устройства оградки и при последующем ее функционировании расположенные в окрестности практически вплотную курганы ни разу не прорезали и не перекрывали ее.

Курганы в основном находились ближе к южной, восточной и западной стенам оградок. При этом надо учитывать, что оградки квадратной в плане формы могли символизировать четыре стороны света, т.е. представлять собой образ земного дольного мира. Уместно вспомнить также, что квадрат выступал как один из вариантов древнеиндийского священного очага, тем самым показана его причастность к культу огня (Лелеков, 1972, с. 128–131).

Согласно древнеиранским традициям, зафиксированным М. Бойсом, священное место, на котором совершались религиозные ритуалы (позднее называвшееся зороастрийцами «пави», то есть «чистое место»), устраивалось довольно просто, что было важно для полукочевого народа, не имевшего возможности устанавливать постоянные места богослужений. Оно представляло собой ровный участок земли, у иранцев – прямоугольник, который отмечался проведенными с молитвой бороздами (во избежание воздействий

всяких злых сил). Чтобы отметить священное место, очерченную территорию опрыскивали чистой водой и еще раз освящали молитвами. Жрец сидел перед огнем, помещавшемся в небольшом сосуде, скрестив ноги, на земле. Все сосуды, использовавшиеся при богослужении, сначала очищали, а затем освящали. Но они не считались священными по своей природе. После совершения обряда любой человек мог свободно их трогать – сосуды необходимо было быстро собрать, уложить и перевезти в другое место. Все эти черты остаются характерными и для современного зороастрийского ритуала, а параллели им есть в обиходе брахманизма (Бойс, 1989).

Могильник на возвышенности Сенгир-там, вероятно, принадлежал потомкам населения, жившего в эпоху позднее бронзового века на древних дельтах Сырдарьи, о чем свидетельствуют пережитки в погребальном обряде (конструкция могилы, применение огня). Часть сакского населения сжигала покойников в «шлаковых» курганах, часть – в курганах со следами кремации на уровне древнего горизонта, часть же хоронила их в могильных ямах различного типа (Левина, 1979, с. 178–190). При этом нельзя исключать предположение, что различные погребальные обряды могли отражать не столько этнические, сколько социальные моменты жизни саков этих районов.

Очевидно, это была часть древнего аборигенного населения, в процессе исторического развития изменившего облик материальной культуры, но сохранившего в погребальном обряде древние черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта МОН РК, Комитет науки, проект № 1983 от 27.02.2012 г.

Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. – М., 1989.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. – Низовья Сырдарьи в древности. – М., 1993. – Вып. 1.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. ТХЭ. – 1977. – Т. 10.

Итина М.А. Загадочное ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного При-

уралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – 1984.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолей Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М., 2001.

Курманкулов Ж. Поминально-погребальный комплекс Сенгир-там // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. – Алматы, 2007.

Левина Л.М. Отчет о раскопках кургана со шлаковым кольцом. № 4. – М., 1959. – Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 42.

Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н. э. и «шлаковых» курганы Южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭ. – М., 1979. Т. 11.

Лелеков Л.А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене // СЭ. – 1972. – № 1.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. – 1969.

Смирнов К.Ф., Потапов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – 1972.

Толстов С.П. Древняя ирригационная сеть и перспективы современного орошения // ВАН СССР. – М., 1961. – № 11.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. – М., 1963. Вып. 6.

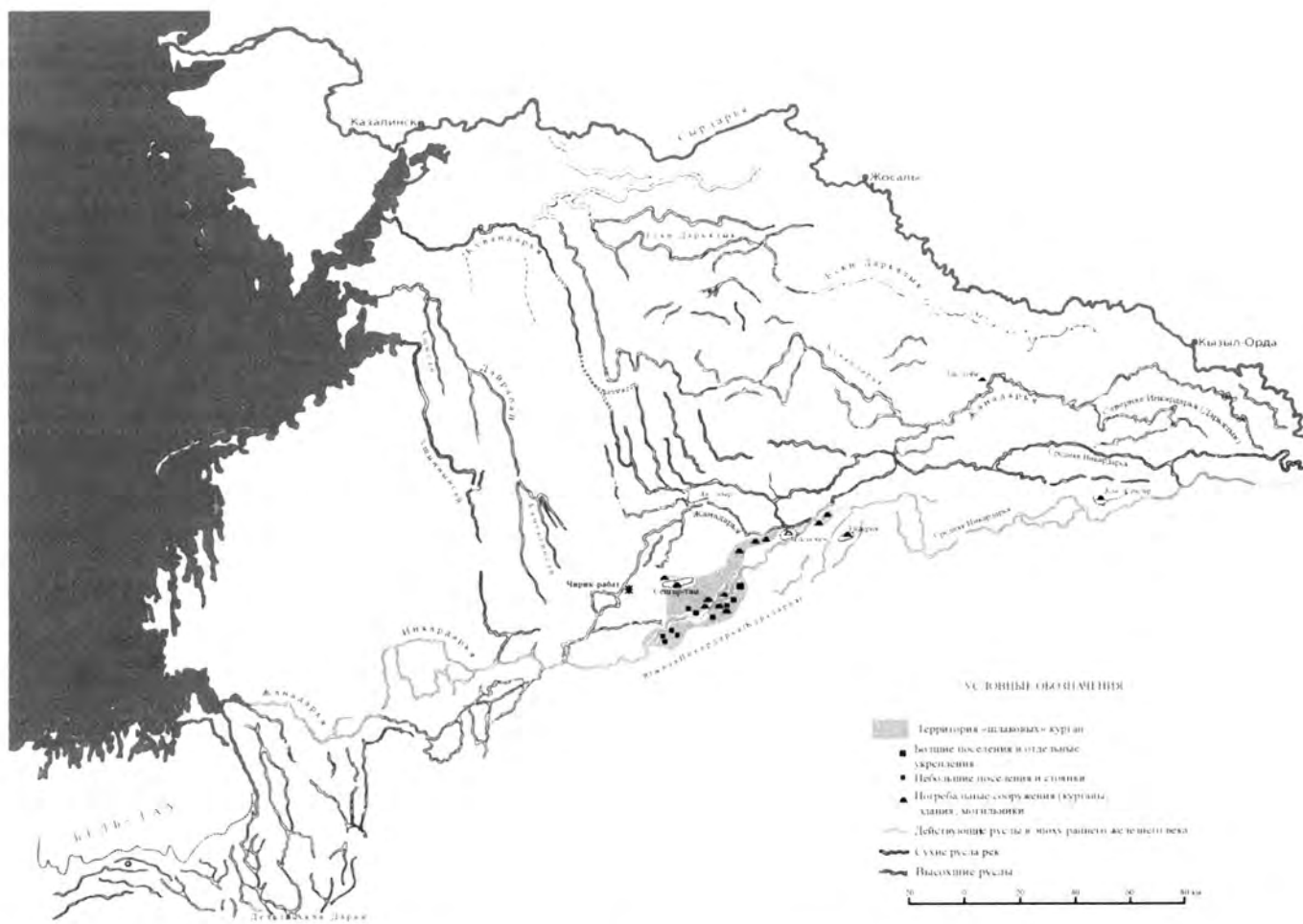

Рис. 1. Карта скотоводческих культур на территории Сырдарьинской дельты в эпоху раннего железного века (составитель А.А. Тажеев)

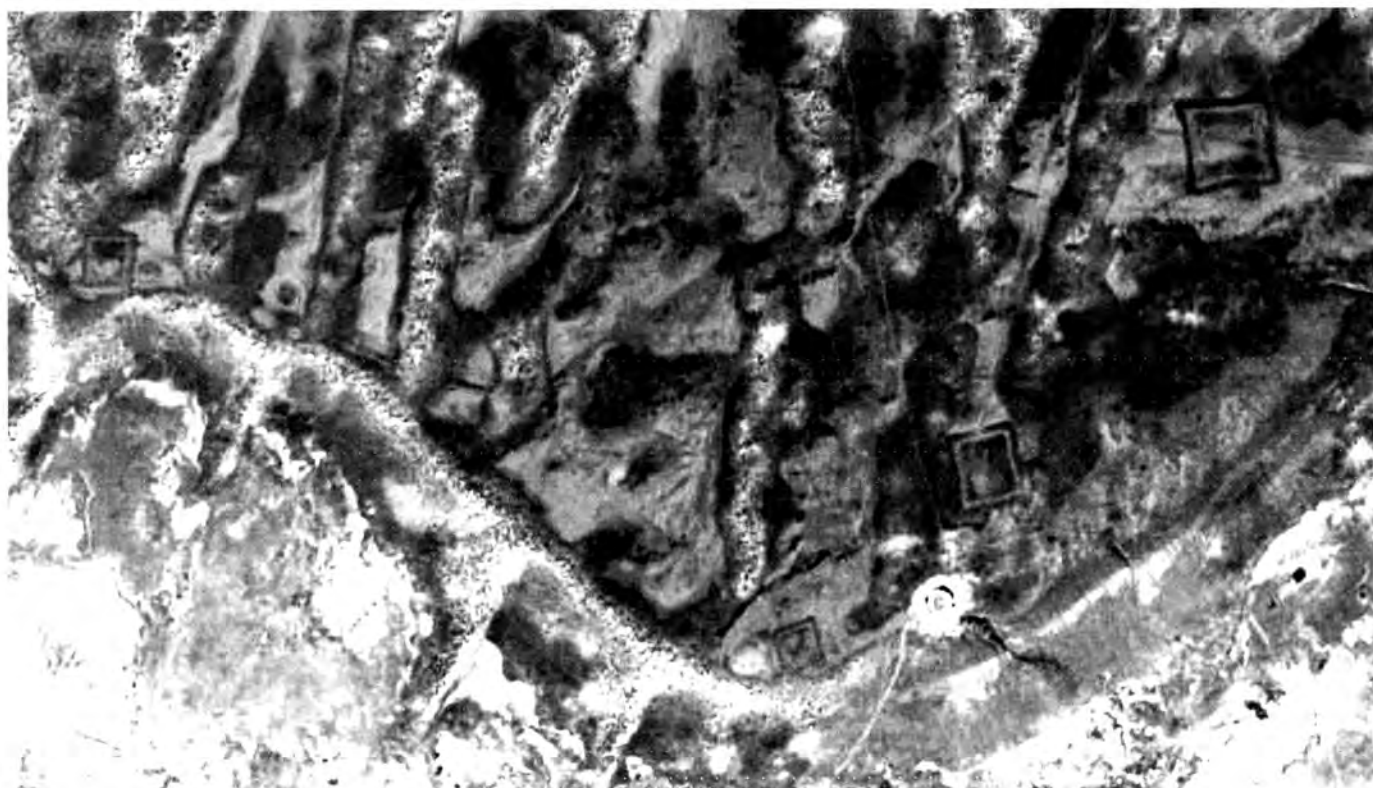

Рис. 2. Аэрофотосъемка могильника Сенгир-там

Рис. 3. Мавзолей Сенгир-там

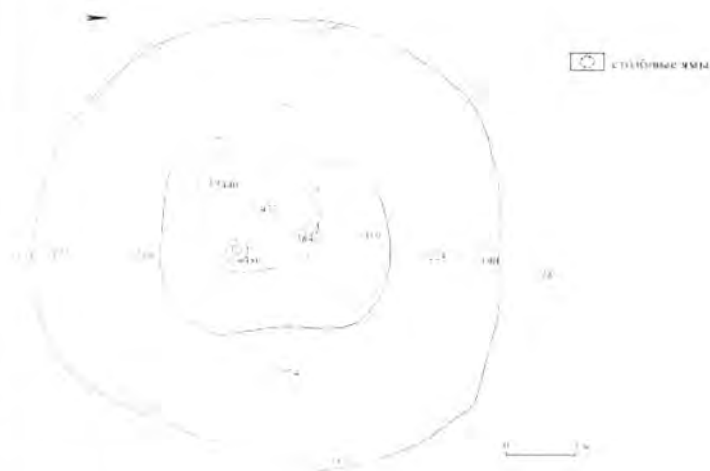

Рис. 4. Могильник Сенгир-там. План кургана № 1

Разрез бровки С - Ю

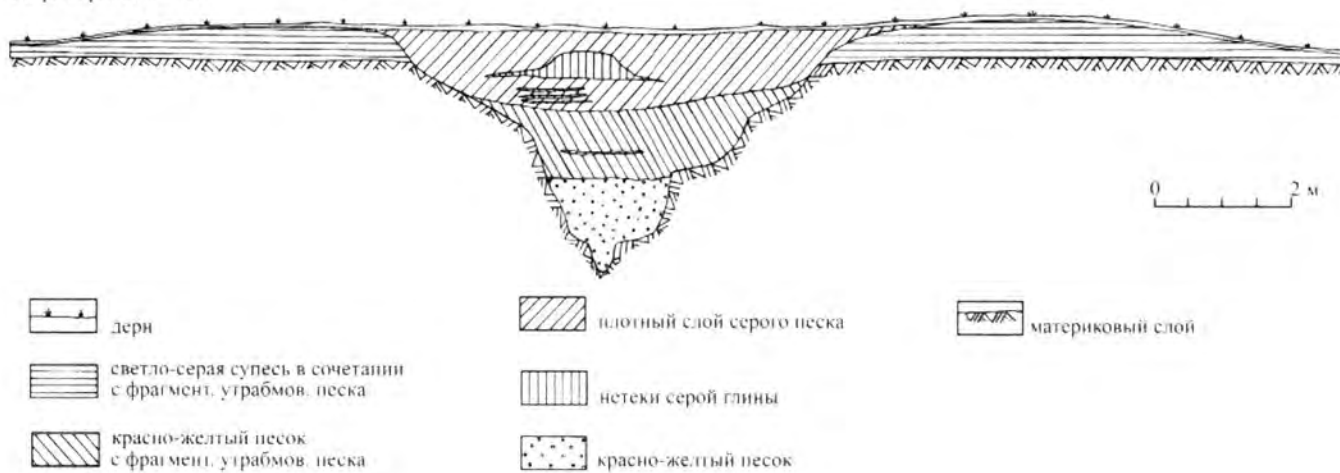

Рис. 5. Могильник Сенгир-там. Разрез кургана № 1

Рис. 6. Могильник Сенгир-там. Курган № 1. Фрагменты керамики – 1 и железных изделий – 2, 3

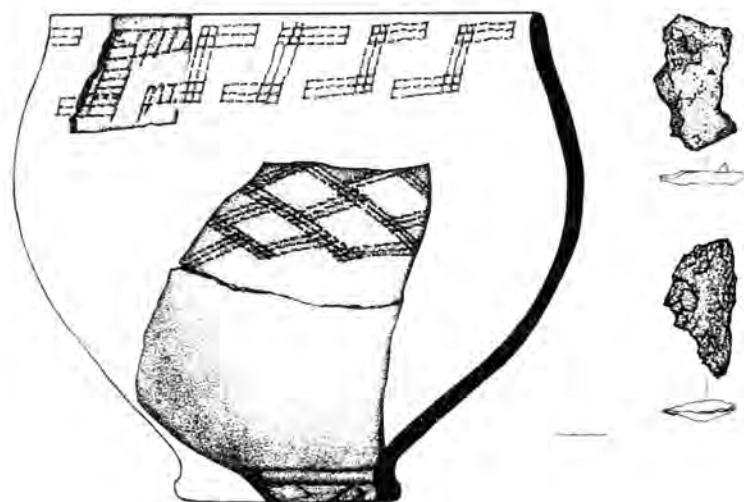

Рис. 7. Могильник Сенгир-там. Курган № 1. Фрагменты керамики

САРГАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ИНЕКАЙ

Разновременный поселенческо-погребальный комплекс открыт в 2010 г. в результате проверки сообщения местных жителей о находках в урочище Инекай на противопожарной полосе обломков древней посуды. В процессе обследования территории урочища выявлен многослойный объект, содержащий разновременные и разнотипные материалы от неолита до раннего железного века (Макеев, 2011).

Памятник находится в 4 км к востоку от пос. Яр, Ялуторовского района Тюменской области (рис. 1, 1), занимая ровную площадку, приуроченную к излучине древнего русла реки, расположенную на первой надпойменной террасе левого берега р. Исеть. Площадь поселенческо-погребальной площадки не менее 10000 м². Современная дневная поверхность памятника на протяжении длительного времени распаивалась, и антропогенное воздействие привело к разрушению верхней части культурного слоя (рис. 1, 2).

В 2011 г. Ялуторовским отрядом Тоболо-Ишимской археологической экспедиции Института проблем освоения Севера СО РАН, в северной части памятника, был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 64 м² для определения перспектив исследования данного комплекса (рис. 1, 3). В пределах изученного участка, по конструктивным особенностям исследованных жилых и погребальных сооружений, выделено два культурно-хронологических горизонта:

– нижний горизонт соотносится с функционированием поселенческих комплексов эпохи неолита, энеолита и бронзы (долговременное поселение Инекай);

– верхний горизонт, связанный с функционированием кладбища эпохи раннего железного века, рассматривается как отдельный погребальный памятник, оставленный носителями саргатских культурных традиций (могильник Инекай).

В статье рассматривается погребальный комплекс раннего железного века. На современной дневной поверхности, в связи с расправкой береговой террасы, внешних признаков погреб-

альных конструкций не прослеживалось. В процессе полевых работ, в пределах раскопа изучен участок ограничительного рва, жертвенная яма и три грунтовых могилы (рис. 1, 3).

Ров ограничивал северный сектор кладбища и представлял собой канавообразную конструкцию шириной около 1 м. Заполнение и стратиграфические наблюдения свидетельствуют о достаточно длительном временном интервале эксплуатации погребальной площадки, в течение которого ограничительная конструкция рва подчищалась не менее трех раз. Следы зачисток и особенности заполнения позволяют определить следующую последовательность в использовании ограничительного сооружения:

– первоначально вырыли узкую канаву шириной до 0,4 м и глубиной не менее 0,8 м, постепенно, в процессе эксплуатации погребального поля, канавка заполнилась серо-коричневой супесью, сохранившейся на дне углубления в виде прослойки толщиной 10–12 см;

– на втором этапе, в результате подчистки, ширина рва увеличилась до 0,5–0,6 м, глубина уменьшилась до 0,7 м; новая более широкая канавка постепенно заполнилась желто-коричневым суглинком, сохранившимся в средней части заполнения в виде прослойки толщиной 0,15–0,2 м;

– на заключительной фазе, в результате подчистки, ширина рва увеличилась до 1 м, глубина уменьшилась до 0,6 м; углубление заполнилось черной супесью мощностью до 0,35 м. После того как кладбище перестало функционировать, ров и могилы были перекрыты черным суглинком (рис. 1, 3. проф.).

Несмотря на неоднократные подчистки, прослеживается определенная тенденция в оформлении стенок рва: во всех случаях стенки напольной стороны более крутые и отвесные, стенки внутренней стороны чуть более пологие. В верхней части заполнения обнаружен обломок каменного тесла энеолитического времени и несколько фрагментов ранней керамики, оказавшихся во рву в процессе оползания раннего культурного слоя.

Яма 1 расположена в северной части раскопа с напольной стороны рва (рис. 1, 3). Грунтовая яма имела прямоугольную форму с закругленными углами. В восточной половине просматривалось небольшое расширение, образовавшееся в результате обвала края стенок (рис. 2, 1).

На уровне материка яма имела размеры 2,4 x 1,17 м, реконструируемые размеры 2,3 x 0,9 м, ориентирована по линии ЗСЗ–ЮЮВ, глубина от уровня материка 0,5 м. Первоначально имела вертикальные стенки, ставшие более пологими в результате обвала стенок. В верхней части заполнения, близ южной стенки в западной половине ямы, обнаружен неорнаментированный фрагмент керамики. Обвалившаяся верхняя часть ямы оказалась заполнена темно-серым суглинком на глубину 0,27 м, перекрывавшим запавшее вовнутрь деревянное перекрытие, сохранившееся в виде тлена от досок. Расположение следов деревянного перекрытия свидетельствует о том, что оно состояло из 6–7 досок шириной 12–15 см и толщиной 3–4 см, уложенных вдоль длинной оси. Длина досок, опиравшихся на края ямы, достигала 2,4–2,5 м. Придонная часть ямы под деревянным перекрытием заполнена светло-серым суглинком.

На дне ямы находился костяк лошади, уложенный на живот с подогнутыми под круп передними и задними ногами. Шея изогнута и приподнята вверх так, что череп расположен под углом примерно 45° ко дну ямы; костяк лошади ориентирован головой на ЗСЗ (рис. 2, 1). Сопровождающего инвентаря с костяком лошади не обнаружено.

С южной внутренней стороны погребальной площадки, огражденной рвом, исследовано три могилы (рис. 1, 3).

Могилы 1 – грунтовая яма, заполненная черным суглинком, прямоугольной формы размером 2,4 x 0,65 x 0,25 м, ориентирована по линии СЗ–ЮЮВ (рис. 2, 3). На краю, у юго-восточного угла ямы, стоял поминальный сосуд (рис. 4, 1). На дне обнаружен плохо сохранившийся костяк мужчины в возрасте 35–40 лет (половозрастное определение проведено А.Н. Багашевым), лежавший на спине в вытянутом положении головой на СЗ. Череп слегка повернут влево и направлен лицом на СВ. В ногах погребенного, в северо-восточном углу ямы, стоял сосуд (рис. 4, 3). В головах, у

теменной части черепа, лежало железное тесло (рис. 3, 11). Между черепом и северо-западной стенкой ямы расчищено скопление ребер барана, между которыми обнаружен обломок сильно коррозированного железного ножа (рис. 3, 2).

Могилы 2 – грунтовая яма прямоугольной формы с закругленными углами, заполненная черным суглинком, размером 1,25 x 0,9 x 0,3 м, ориентирована по линии СЗ–ЮЮВ (рис. 1, 3). На дне обнаружен частично сохранившийся костяк ребенка в возрасте 6–8 лет (рис. 2, 2). От костяка, лежавшего на спине в вытянутом положении головой на СЗ, не потревоженными сохранились кости черепа и часть грудной клетки. В головах погребенного, у северо-западной стенки ямы, близ северо-западного угла, находился частично сохранившийся сосуд (рис. 4, 2). С правой стороны, у основания черепа, найдена бронзовая проволочная серьга (рис. 3, 4). Между черепом и юго-западной стенкой ямы обнаружена одна часть бронзовых кольчатых удиц, располагавшихся на 10 см выше дна ямы (рис. 3, 7).

Могилы 3 – грунтовая яма неправильно-прямоугольной формы с закругленными углами, заполненная черным суглинком, размером 1,6 x 0,8–0,89 x 0,4 м, ориентирована по линии СЗ–ЮЮВ (рис. 1, 3). В заполнении встречена коленная чашечка левой ноги и левый мыщелок нижней челюсти взрослого мужчины в возрасте 25–50 лет (рис. 2, 4). В придонной части ямы, вдоль западной стенки, обнаружен кусок древесного угля и коррозированный железный нож (рис. 3, 1). В северо-восточном углу найден обломок глиняного жертвенника (рис. 3, 10), рядом с которым, на уровне дна ямы, обнаружено два бронзовых наконечника стрел (рис. 3, 8, 9). В южной половине ямы, у северо-западной стенки, зафиксирован обломок железного сильно коррозированного железного ножа (рис. 3, 3).

Со временем функционирования саргатского кладбища, вероятно, связаны и находки двух стеклянных бусин, обнаруженных в нижней части культурного слоя между исследованными могилами. Можно предположить, что данные изделия выброшены или потеряны при ограблении могил (рис. 3, 5, 6).

Вещевой комплекс саргатского времени представлен изделиями из бронзы, железа и стекла. Сохранилась одна часть кольчатых удиц,

изготовленных из толстой бронзовой проволоки четырехгранного сечения размером 7 x 6 мм. Концы загнуты в кольца, расположенные взаимно перпендикулярно друг другу, диаметр одного кольца около 2 см, второго около 2,5 см. Общая длина изделия 10,5 см (рис. 3, 7). Серьга-подвеска изготовлена из бронзовой проволоки диаметр до 1,5 мм восьмеркообразной формы, диаметр нижнего кольца 1,7 см, верхнего составляет 0,6 см (рис. 3, 4).

Бронзовые наконечники стрел типологически различны. Один черешковый с трехгранной удлинненной головкой и тонким черешком неправильно овального сечения, длина изделия 4,8 см, длина черешка 2,1 см, грани пера слегка вогнуты вовнутрь, максимальная ширина граней, имеющих на концах слабо выделенные шипы, около 7 мм, максимальный диаметр черешка около 2,5 мм (рис. 3, 9). Второй – втульчатый трехгранный с выделенными шипами, длина изделия 4,5 см, длина двух шипов около 1 см, третий – длиной 3 мм, сточен и приострен. Боковые грани имеют вогнутую орнаментированную поверхность в виде выпукло-вогнутых наклонных линий. Глубина втулки около 2 см, максимальный диаметр около 4 мм, ширина граней до 8 мм, на двух гранях в средней части расположены овальные отверстия размером 4 x 2 мм, служившие для закрепления черешка во втулке (рис. 3, 8).

Тесло отковано из железной пластины толщиной 3–4 мм, общая длина изделия 7,2 см. Несомкнутая овальная втулка размером 3,3 x 2,5 см плавно переходит в уплощенную выпукло-овальную рабочую часть шириной до 3 см. Внутри втулки сохранились остатки деревянной рукояти. На внутренней и внешней сторонах втулки обнаружены прикипевшие железные пластинки размером 1,5 x 1,5 см, назначение которых не определено (рис. 3, 11).

Ножи, откованные из железных пластинок, сильно корродированы. Нож из могилы 1 – черешковый, однолезвийный, с уплощенной спинкой и выпуклым лезвием, реконструируемая длина изделия 10–11 см, максимальная ширина клинка около 2 см, длина овального в сечении черешка около 3,5 см; на рукояти прослеживаются древесные волокна от ручки (рис. 3, 2). Ножи, обнаруженные в заполнении могилы 3, также являются черешковыми и однолезвийными из-

делиями. Один, сохранившийся частично, длиной 4,1 см, длина сохранившейся части лезвия 1,8 см, длина черешка, на котором сохранились древесные следы от рукояти 2,3 см (рис. 3, 3). Второй – миниатюрный ножичек длиной 5,5 см – имел ровную спинку и выпуклое лезвие длиной 3,5 см, шириной 0,9 см, толщина до 2 мм, длина овального в сечении выделенного черешка около 2 см (рис. 3, 1).

Одна бусина изготовлена из голубого стекла диаметром 0,7 см, толщиной 9,5 см, диаметр отверстия около 2 мм (рис. 3, 6); вторая, гиреобразной формы, изготовлена из серо-желтого мутного стекла. Размеры нижней округлой части 0,8 x 0,6 x 0,5 см, верхней уплощенной 0,6 x 0,4 x 0,3 см, в верхней части расположено отверстие для подвешивания диаметром около 1,5 мм (рис. 3, 5).

Посуда представлена тремя сосудами горшечной формы с невысокими отогнутыми наружу венчиками и округлыми, слегка приостренными днищами. Высота изделий составляет 12,4–18,2 см, диаметр 9–13 см. Узор, выполненный резной техникой, нанесен узким пояском при переходе шейки в тулово: наклонные линии (рис. 4, 1), зигзаг (рис. 4, 2), «елочка» (рис. 4, 3). Косой срез венчика одного сосуда украшен отрисками гребенчатого штампа (рис. 4, 3), у другого внутренняя часть венчика орнаментирована резными наклонными линиями (рис. 4, 1). Керамический комплекс по основным параметрам и орнаментации имеет сходство с посудой саргатского типа Тоболо-Иртышского междуречья (Могильников, 1992, с. 301–302, табл. 127, 8, 13, 15; 128, 18, 26, 36).

Блюдце-жертвенник изготовлено из хорошо промешанной глины с добавлением песка и шамота, диаметр изделия 7,4 см, высота бортика около 1,5 см, украшено по дну и срезу венчика резными насечками (рис. 3, 10). Близкое по размерам и орнаментации изделие обнаружено в Притоболье в Савиновском могильнике (Матвеева, 1993, с. 11, рис. 4, 16). Можно допустить, что отсутствие камня в регионе заставляло носителей саргатских традиций использовать глину для изготовления жертвенников, в отличие от сопредельных регионов Северного Казахстана, где отмечены только изделия из камня (Хабдулина, 1994, с. 60, табл. 58).

Обнаруженный в захоронениях могильника вещевой инвентарь имеет широкий хронологический диапазон. Бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел достаточно полно представлены в саргатских и сарматских комплексах V–II вв. до н.э. (Могильников, 1992, с. 302, табл. 122, 32, 74, 75; Смирнов, 1961, рис. 33, 28–39; Матвеева, 1993, рис. 19). Железные тесла клиновидной формы с разомкнутой втулкой характерны для саргатских памятников Прииртышья, Пришимья и Притоболья во II–I вв. до н.э. – II–III вв. н.э. (Могильников, 1992, с. 302, табл. 123, 14, 15; Матвеева, 1994, рис. 10, 5). Небольшие однолезвийные железные ножи встречаются на всем протяжении развития саргатских древностей (Могильников, 1992, с. 302). Шаровидные синие бусы датируются в пределах от VI в. до н.э. до IV в. н.э. (Алексеева, 1978, с. 65).

Необходимо остановиться на детали конской узды – частично сохранившихся бронзовых удилах. В памятниках саргатского типа встречаются только железные удила, представленные однотипными коваными однокольчатыми двусоставными изделиями (Могильников, 1992, с. 303; Матвеева, 1993, с. 107). С одной стороны, бронзовые удила не характерны для саргатских древностей, хотя литые кольчатые удила соотносятся с ранним периодом развития комплексов раннего железного века степной Евразии (Смирнов, 1961, с. 78–79, рис. 43, 6); с другой, по технологическим особенностям изготовления, найденные удила близки предметам из железа. Аналогий кованным бронзовым удилам не известно, но можно допустить, что они могли попасть в Притоболье к носителям саргатских традиций или в процессе торговых контактов, или были сделаны специально для ребенка, подражая удилам, изготовленным для взрослых, но из другого материала.

По основным показателям погребального обряда и вещевого инвентаря исследованный памятник соотносится с саргатской культурной традицией. Единственным исключением является ритуальное захоронение коня, не известное и не характерное для погребального обряда саргатского населения Тоболо-Иртышья. Особенности размещения конской туши в пределах погребального пространства могильной ямы более характерны для памятников раннетюрского вре-

мени (Могильников, 1981, с. 34), а о вторичном характере данного ритуала свидетельствует его размещение за пределами ограниченной рвом погребальной площадки.

Можно допустить, что могильник Инекай являлся грунтовым кладбищем, функционировавшим длительный период времени – от начала сложения саргатских древностей и до появления на данной территории носителей раннетюрских традиций. Об этом свидетельствует не только сохранность и планиграфия исследованных могил, но и реконструируемый диаметр ограничительного рва – не менее 90 м. Наличие двух культурных традиций позволяет предполагать мирное сосуществование на позднем этапе функционирования памятника разнотрапного и разнотрапного населения. Дальнейшие исследования памятника позволят наметить решение проблем, связанных с переходом от раннего железного века к эпохе средневековья.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1978. – Ч. 2. – 120 с.

Макеев А.Ю. Культурные комплексы поселения Инекай // XLIII Международная Урало-Поволжская студенческая конференция. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 41–42.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43.

Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–318.

Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железного века. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КУЛЬЧУКАЙ 2

В статье вводятся в научный оборот и анализируются материалы, полученные на археологическом комплексе Кульчукай 2. Археологический комплекс Кульчукай 2 находится на правом берегу реки Тобол, на северо-восточной окраине поселка Кульчукай (Мендыкаринский р-н, Костанайская обл.). Значительная часть могильника подверглась интенсивному разрушению в результате воздействия природных факторов и человека (рис. 1).

Впервые информация о памятнике поступила от местного жителя указанного поселка С.Г. Молдогалиева. Им было передано в лабораторию археологических исследований КГУ им. А. Байтурсынова три сосуда эпохи бронзы.

Один остросереберный сосуд (рис. 2, 25) высотой 158 мм имеет шейку, верхняя часть которой отогнута наружу. Высота шейки (до ребра) 53 мм. Диаметр по горловине 187 мм, диаметр по тулову 190 мм, по дну – 86 мм. Срез венчика округлоуплощенный. На днище сосуда (с внутренней стороны) сохранились отпечатки тканевой прокладки. Сосуд в древности ремонтировался, растрескавшиеся части были скреплены тремя бронзовыми скрепками. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда в технике прочерчивания. Шейка (до ребра) украшена горизонтальными линиями и двурядовым зигзагом. Ребро подчеркнуто пятью горизонтальными линиями. Тулово сосуда орнаментировано многорядовым зигзагом и наклонными линиями. Придонная часть украшена тремя горизонтальными линиями. Тесто плотное, с примесью органики. Толщина стенок 7–10 мм.

Второй сосуд (рис. 2, 26) имеет уступчик в месте перехода шейки в тулово. Высота сосуда 109 мм, высота шейки (до уступа) 20 мм. Диаметр по горловине 137 мм, по тулову – 143 мм, по днищу – 88 мм. Верхняя часть шейки слегка отогнута наружу. Срез венчика округлоуплощенный. Верхняя часть тулова сосуда (под уступом) орнаментирована горизонтальной линией и рядом контурных треугольников, перевернутых вершинами вниз. Контур у треугольников двойной. Все выполнено прочерчиванием. Тесто плотное, с примесью органики, талька и шамота. Толщина стенок 6–8 мм, толщина дна 10 мм.

Третий неорнаментированный сосуд также имеет уступчик в месте перехода шейки в тулово (рис. 2, 24). Высота сосуда 123 мм, высота шейки (до уступа) 43 мм. Срез венчика плоский. Диаметр по горловине 140 мм, по тулову – 150 мм, по дну – 75 мм. Шейка сосуда прямая, в верхней части имеется небольшой «воротничок». Тесто плотное, с примесью органики, талька и шамота. Толщина стенок 6–9 мм, толщина дна 14 мм.

Весной 2004 г. при первичном обследовании памятника было выяснено, что памятник представляет собой комплекс из могильника эпохи бронзы и разновременного поселения.

В ходе разведочных работ был произведен сбор подъемного материала. В коллекции каменного инвентаря¹ (111 экз.) имеются нуклеусы и сколы с нуклеусов (5 экз.), орудия на пластинах (21 экз.), пластины без ретуши (50 экз.), орудия на отщепах (18 экз.), отщепы без ретуши (11 экз.), обломки и сколы со шлифованных орудий (5 экз.), обломок кремня. В качестве сырья использовались преимущественно яшмовкварциты (65 %), в меньшей степени использовались кварцитопесчанники, яшмы, алевролиты, халцедоны, кварциты. Отщепы без обработки размером от 10 до 40 мм. Пластины без ретуши шириной от 5 до 20 мм, преобладают шириной от 7 до 12 мм. Одна пластина целая, остальные сеченные.

Один нуклеус целый (рис. 2, 20) подпризматической формы, площадка скалывания сильно скошена, высота – 24, ширина – 12 мм, негативы от снятия пластин шириной 2 – 5 мм. Обломок нуклеуса и продольные сколы так же имеют негативы снятия пластин.

Среди орудий на пластинах преобладают пластины с ретушированным боковым краем (11 экз.). Среди них пластины с ретушью со спинки по одному боковому краю (8 экз.) (рис. 2, 1, 4), с ретушью с брюшка по одному боковому краю (1 экз.) (рис. 2, 2), с брюшка по двум боковым краям (1 экз.) (рис. 2, 7), одна пластина оформлена противлежащей ретушью (рис. 2, 8). Резец изготовлен на углу сломанной пластины (рис. 2, 9). Два орудия отнесены к группе острий, одно острие – плечиковое (рис. 2, 3), рабочая часть и плечико оформлено притупляющей ретушью, второе орудие – проколка, изготовлено приту-

пливающей ретушью, нанесенной со спинки по двум боковым краям пластины, по всей длине (рис. 2, 6). Среди скребков на пластинах (4 экз.) два орудия имеют выпуклое ровное лезвие (рис. 3, 10), один скребок с прямым ровным лезвием (рис. 2, 11), один с прямым, скошенным вправо лезвием (рис. 2, 5).

Орудия на отщепе. Среди скребков (7 экз.) три округлых, у двух из них полностью обработанная спинка, лезвие занимает весь периметр отщепа (рис. 2, 14), у одного лезвие на $\frac{1}{4}$ периметра отщепа (рис. 2, 19). Остальные (4 экз.) скребки концевые. Один изготовлен на пластинчатом отщепе, лезвие выпуклое, скошенное вправо, дополнительная ретушь имеется по обоим боковым краям, брюшко подтесано (рис. 2, 12), два скребка с одним лезвием изготовлены на целых отщепах (рис. 2, 21), скребок с двумя лезвиями изготовлен на сеченом отщепе (рис. 2, 15). Среди двусторонне обработанных наконечников (8 экз.) четыре целых, три с прямым основанием длина – 26, 32 и 33 мм, ширина – 13, 17 и 15 мм, толщина – 3, 4 мм (рис. 2, 16, 17, 22), один с вогнутым основанием, его длина – 36 мм, ширина – 12 мм, толщина – 4 мм, основание вогнуто на 2 мм (рис. 2, 18). Два обломка тыльной части от наконечников с вогнутым основанием, один – с округлым. Имеется один обломок срединной части наконечника. Ножи (3 экз.) представлены обломками, один от двусторонне обработанного ножа, два от ножей, изготовленных краевой ретушью. Двусторонне обработанный клинышек имеет треугольное сечение (рис. 2, 13). Шлифованные орудия представлены обломками (3 экз.) и сколами (2 экз.). Один обломок орудия дисковидной формы, в центре имелось отверстие. На поверхности, с боковой стороны имеется канавка шириной 15 мм, глубиной 4 мм. Орудие изготовлено в технике пикетажа с последующей пришлифовкой (рис. 2, 23). Обломок формочки для литья из талькита (рис. 3, 17) подпрямоугольной формы, с сильно закругленными углами, ширина – 30 мм, толщина 11 мм, с целой стороны по бокам изделия нанесено по одной зарубке.

Керамическая коллекция насчитывает 47 экз. Из них орнаментировано: верхних частей сосудов – 22 экз., стенок – 20 экз., донных частей – 3 экз. Неорнаментированных фрагментов шеек в коллекции – 1 экз., стенок – 15 экз., доннышек – 1 экз. Срез венчиков шеек имеет пло-

скую, округлую и приостренную форму. В профилировке шеек фрагментов можно отметить фрагменты с четко выраженным «ребром» (рис. 3, 9), «уступом» (рис. 3, 7), «воротничком» (рис. 3, 5) и валиком (рис. 3, 2, 3). Донные части происходят от плоскодонных сосудов (3 экз.) и округлодонных (1 экз.). Среди узоров зафиксированы ряды «косых» (рис. 3, 3) и равнобедренных треугольников (рис. 3, 9, 10), косо поставленные отгиски (рис. 3, 7), горизонтальные линии (рис. 3, 7, 9, 10), многорядовый зигзаг, ромбическая сетка (рис. 3, 4), «качалка». Орнамент нанесен зубчатым (рис. 3, 3, 5, 9) и гладким штампом (рис. 3, 2, 7, 10), «веревочкой» (рис. 3, 8), прочерчиванием и различными по форме вдавлениями (овальные, округлые, сегментовидные, угловые) (рис. 3, 1, 6, 10). Тесто плотное с примесью песка; органики, песка и шамота; песка и талька; органики; органики и шамота; ракушки и песка; органики и талька. Толщина фрагментов от 4 до 14 мм.

Коллекция изделий из бронзы. Втульчатый, двухлопастной наконечник стрелы. Длина 40 мм, ширина у основания и серединой части 13 мм, у острия 4 мм. Диаметр втулки 6 мм. Края лопастей в виде «шипов», опускаются ниже среза втулки на 3 мм. Внешняя поверхность втулки рифленая (рис. 3, 15). Проколка четырехгранная, длиной 101 мм, толщиной – 4 мм. Один конец расплюсчен, второй заострен (рис. 3, 18). Проколка с прямоугольным сечением, длиной 106 мм, толщиной 4 мм. Один конец расплюсчен, второй приострен (рис. 3, 19). Маленькая четырехгранная проколка, длиной 22 мм, толщиной 3 мм. Один конец приплюснут, второй заострен (рис. 3, 14). Два обломка плоской проволоки (?) (рис. 3, 11, 13). Скрепка, изготовленная из проволоки с прямоугольным сечением (рис. 3, 16). Рыболовный крючок, изготовлен из бронзового расплюсченного прутка. Сечение прямоугольное. Один конец крючка загнут и приострен, на другом конце имеется напайка (рис. 3, 12). Кроме этого в коллекции имеется выплеск бронзы и обломок бронзовой пластинки.

Летом 2004 г. Торгайская археологическая экспедиция под руководством А.В. Логвина продолжила исследования комплекса. Прежде чем начать раскопочные работы с поверхности памятника были произведены сборы с поверхности по пунктам, обозначенным на плане как пункт А и пункт В (рис. 1).

отмечены фрагменты теменных и затылочных костей, нижних, верхних коренных и предкоренных зубов ребенка в возрасте 11–12 лет. А также второй верхний молочный моляр, принадлежащий ребенку 6–7 лет.

Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел и одной бусиной. Из четырех двустороннеобработанных наконечников стрел, один с черешком, длиной 44 мм, длина черешка 8 мм, ширина у основания 15 мм, толщина 6 мм (рис. 5, 16), три наконечника подтреугольной формы с прямым основанием, длина 31, 23 и 20 мм, ширина у основания 17, 12 и 14 мм, соответственно, толщина 4, 3 и 2 мм (рис. 5, 13–15). Бусина изготовлена из камня зеленого цвета, покрытого патиной, бочонкообразной формы имеет три отростка. Отростки округлой формы, диаметр 2–3 мм. Длина 6 мм, диаметр 4 мм, диаметр отверстия 3 мм (рис. 5, 5).

Керамическая коллекция представлена семью реконструированными сосудами.

Один остросереберный сосуд высотой 210 мм, имеет шейку высотой (до ребра) 65 мм, диаметр по горловине 219 мм, по тулову 235 мм, по днищу 120 мм (рис. 5, 12). Верхняя часть шейки отогнута наружу. Срез венчика округлый. Внешняя поверхность сосуда местами залощена. Шейка (до ребра) украшена двурядным зигзагом, выполненным крупнозубым штампом, оконтуренным сверху широким каннелюром, а снизу горизонтальной прочерченной линией. Тесто плотное, с примесью органики, талька и крупного песка. Толщина стенок 7–8 мм, толщина дна – 19 мм.

Второй остросереберный сосуд (рис. 5, 7) имеет плоский срез венчика. Высота сосуда 160 мм, высота шейки (до ребра) 45 мм, диаметр по горловине 178 мм, по тулову 190 мм, по днищу 85 мм. Верхняя часть шейки резко отогнута наружу. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда. Шейка украшена шестью глубокими каннелюрами. Тулово и придонная часть – многорядным зигзагом, выполненным крупным зубчатым штампом с треугольными зубцами. Толщина стенок 9–10 мм, днища 14 мм. Тесто плотное, с примесью органики, талька и крупнозернистого песка.

Третий, остросереберный сосуд имеет округлый срез венчика (рис. 5, 6). Высота сосуда 170 мм, высота шейки (до ребра) 46 мм, диаметр по

горловине 175 мм, по тулову 120 мм, по днищу 85 мм. Верхняя часть сосуда резко отогнута наружу. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда. Шейка украшена одним широким каннелюром и рядом подтреугольных вдавлений. Над ребром нанесен ряд равнобедренных заштрихованных треугольников, без основания, выполненных гладким штампом. Тулово и придонная часть орнаментированы многорядным зигзагом, нанесенным гладким штампом. Тесто плотное, с примесью органики, талька и крупного песка. Толщина стенок 6–9 мм, днища 6 мм.

Четвертый остросереберный (рис. 5, 8), высотой 160 мм, диаметром по горловине 180 мм, по тулову 193 мм, по днищу 90 мм. Срез венчика округлый. Высота шейки (до ребра) 45 мм. Верхний край шейки резко отогнут наружу сосуда. Внешняя поверхность сосуда залощена и орнаментирована. Шейка (до ребра) украшена рядом равнобедренных заштрихованных треугольников, без основания, выполненных мелким зубчатым штампом. Треугольники заштрихованы в трех вариантах: «косыми» отрезками штампа, горизонтальными отрезками штампа и зигзагом. Ребро подчеркнуто тремя каннелюрами. Тулово и придонная часть орнаментированы многорядным зигзагом, нанесенным тем же штампом. Толщина стенок 8–10 мм, днища – 10–15 мм. Тесто плотное, с примесью органики и талька.

Пятый частично реконструированный остросереберный сосуд (рис. 5, 9) имеет шейку высотой (до ребра) 57 мм, диаметр по горловине 235 мм, по тулову 240 мм, по днищу 100 мм. Срез венчика уплощен. Верхняя часть сосуда резко отогнута наружу. Сосуд в древности подвергался ремонту бронзовой скрепкой. Орнаментирована только шейка семью глубокими каннелюрами. Толщина стенок 8–9 мм. Тесто плотное, с примесью органики и талька.

Шестой, частично реконструированный сосуд имеет четко выраженное ребро (рис. 5, 11). Высота шейки (до ребра) 62 мм, диаметр по горловине 225 мм, по тулову 245 мм. Верхняя часть сосуда резко отогнута наружу. Срез венчика округлый. Внешняя поверхность сосуда залощена. Шейка орнаментирована тремя широкими каннелюрами и одним рядом заштрихованных равнобедренных треугольников, без основания, нанесенных гладким штампом. Тулово украшено многорядным зигзагом, нанесенным гладким

штампом. Толщина стенок 6–7 мм. Тесто плотное, с примесью органики и талька.

Седьмой, частично реконструированный сосуд (рис. 5, 9) имеет диаметр по горловине 198 мм, по тулову 218 мм. Высота шейки (до ребра) 50 мм. Срез венчика имеет округлоуплощенную форму. Верхняя часть сосуда резко отогнута наружу. Орнаментирована вся внешняя поверхность сосуда. Шейка (до ребра) орнаментирована двумя широкими каннелюрами, ниже которых находится один ряд подтреугольных вдавлений и один ряд равнобедренных заштрихованных треугольников, выполненных гладким штампом. По ребру сосуда расположены три пары налепных «шишечек». Тулово украшено многорядным зигзагом, нанесенным гладким штампом. Толщина стенок 7–10 мм. Тесто плотное, с примесью органики и талька.

Кроме этого, с поверхности ямы было собрано 121 фр. керамики. Из них три фрагмента от верхней части сосуда, один фрагмент дна, остальные стенки сосудов. Орнаментирован лишь фрагмент шейки и стенки сосуда. Срез венчика у шеек округлый и волнистый. Фрагмент дна происходит от плоскодонного сосуда. Орнамент представлен рядами наклонных оттисков зубчатого штампа и прочерченными линиями. Тесто плотное, с примесью: органики и талька; органики, талька и песка; органики; органики талька и шамота. Толщина 5–12 мм.

В коллекции бронзовых изделий имеется одна бронзовая проковка с деревянной рукоятью. Длина рукояти 43 мм, длина металлической части 41 мм, сечение ромбовидное (рис. 5, 4).

В восточной части раскопа сохранился почвенный слой. На этом участке на глубине – 0,3–0,4 м зафиксировано скопление каменных находок, преимущественно пластин.

На не разрушенной части раскопа зафиксирована следующая стратиграфия:

сверху слой светло-серой супеси, мощностью до 0,5 м;

под ним слой серовато-желтой супеси, мощностью до 0,15 м;

подстиляет его желтый материковый песок.

Коллекция каменных находок насчитывает 722 экз., среди них: нуклеусы, нуклевидные обломки и сколы с нуклеусов (39 экз.); обломки камня (42 экз.); отщепы без ретуши (279 экз.); пластины без ретуши (273 экз.); орудия на от-

щепах (29 экз.); орудия на пластинах (50 экз.); сколы со шлифованных орудий (10 экз.). В качестве сырья использовались: яшмокарциты (48 %), яшма (14 %), халцедон (15 %), кварцитопесчанник (13 %), углистый микрокварцит (3 %), алевролит (3 %), кварцит (1 %) и другие породы. Обломки камня размером от 10 до 60 мм, отщепы без ретуши от 10 до 50. Пластины без ретуши шириной от 3 до 25 мм, преобладают пластины шириной от 4 до 10 мм (87 %). Целых пластин – 11 экз., остальные сеченые.

Нуклеусы (39). Целых нуклеусов – 5 экз., три из них конусовидные (рис. 6, 21), высота 45, 21 и 12 мм, диаметр рабочей площадки 17, 13 и 16 мм соответственно, негативы от снятия пластин от 3 до 7 мм. Один нуклеус клиновидный, высота 20 мм, ширина рабочей площадки 10 мм, негативы от снятия пластин шириной 2–5 мм (рис. 6, 22). Пятый нуклеус подпризматический с двумя площадками для скалывания, высота 15 мм, диаметр 7 мм, ширина негативов 2–5 мм (рис. 6, 20). Сколы с нуклеусов (рис. 6, 9, 15, 24) представлены продольными (16 экз.) и поперечными (4 экз.). Кроме того, имеется четырнадцать нуклевидных обломков.

Орудия на пластинах. Преобладают пластины с ретушью по боковым краям (32 экз.). Среди них пластины с ретушью со спинки по одному боковому краю (12 экз.) (рис. 6, 3), со спинки по двум боковым краям (2 экз.), с бруска по одному боковому краю (10 экз.) (рис. 6, 1), с бруска по двум боковым краям (3 экз.), с противоположной ретушью (3 экз.) (рис. 6, 4), с чередующейся ретушью (1 экз.) (рис. 6, 18). У одной пластины, по двум боковым краям, ретушью оформлены небольшие выемки (рис. 6, 19), две пластины с притупленной спинкой (рис. 6, 2). Среди скребков на пластинах (9 экз.), два орудия с прямым, ровным лезвием (рис. 6, 10), шесть скребков с выпуклым, ровным лезвием (рис. 6, 8), один скребок с выпуклым, скошенным влево лезвием (рис. 6, 11). К группе острий отнесено пять орудий, микроострие оформлено на торце медиальной части пластины притупляющей ретушью (рис. 6, 17), одно острие оформлено на торце пластины, притупляющей ретушью по одному боковому краю со спинки (рис. 6, 5), рабочая часть еще двух орудий оформлена притупляющей ретушью по двум боковым краям пластины, нанесенной со спинки (рис. 6, 6), одно

орудие изготовлено из предельно сработанного нуклеуса (рис. 6, 7). Оба резца угловые, у одного из них по боковому краю имеется дополнительная ретушь (рис. 6, 16).

Орудия на отщепах. Все скребки (13 экз.) концевые. На пластинчатых отщепах изготовлено два скребка, оба имеют выпуклое ровное лезвие (рис. 6, 23). Из скребков с одним лезвием (5 экз.) (рис. 6, 13), два изготовлены на сеченых отщепах, из трех с двумя лезвиями (рис. 6, 12) один на сеченом отщепе, три орудия представлены обломками. Из двустороннеобработанных наконечников (9 экз.), два целых, один листовидной формы, длина 33 мм, ширина 12 мм, толщина 5 мм, второй миниатюрный, треугольной формы, длина 14 мм, ширина 10 мм, толщина 2 мм (рис. 6, 14), кроме этого имеются два обломка тыльной части наконечника с округлым основанием, три – с вогнутым, два обломка срединных частей наконечника. Один отщеп с подтесанным брюшком имеет следы сработанности характерные для ретушера. Кроме этого в коллекции имеется шесть отщепов с небольшими участками ретуши. Шлифованные орудия представлены сколами – 10 экз.

Коллекция керамики насчитывает 3558 фрагментов и один сосуд.

Сосуд (208 фр.) имеет плоский срез венчика. Верхняя часть сосуда слегка отогнута наружу. Под венчиком, с внутренней стороны нанесены короткие наклонные оттиски гладкого штампа. Внешняя поверхность сосуда украшена одним рядом коротких наклонных оттисков гладкого штампа, подчеркнутых двумя прочерченными линиями. Ниже располагается горизонтальная «елочка», выполненная тем же штампом. Тулово сосуда украшено рядами вертикальной «качалки», выполненной мелкозубым штампом. Тесто плотное, с примесью органики и талька. Толщина фрагментов 9-10 мм (рис. 6, 30).

Верхних частей сосудов 370 экз. Из них украшено 274 экз. Неорнаментированных верхних частей сосудов в коллекции 96 экз. Фрагментов стенок сосудов насчитывается 3184 экз. Из них украшенных стенок сосудов 313 фр. Из четырех фрагментов придонных частей от плоскодонных сосудов, один орнаментирован. Срезы венчиков имеют плоскую, волнистую, округлую и приостренную форму. Среди элементов орнамента отмечены двурядный зиг-

заг (рис. 6, 29), однорядный зигзаг, «качалка», каннелюр, «гусенички» (рис. 6, 32), волнистые и горизонтальные линии (рис. 6, 27), ленты чередующихся горизонтальных и вертикальных оттисков штампа, которые образуют заштрихованные квадраты (рис. 6, 34), перекрещивающиеся и наклонные оттиски штампа. В технике нанесения орнамента отмечены зубчатый (рис. 6, 32, 33), «веревочный» и гладкий штампы (рис. 6, 30, 34, 35), прочерчивание (рис. 6, 21, 28, 29), техника «отступающей палочки» (рис. 6, 36) и вдавления разной формы (рис. 6, 25, 26, 27, 31, 32, 33) (овальные, подквадратные, подтреугольные, округлые, подпрямоугольные, напоминающие букву «С», перевернутую в обратную сторону). Тесто плотное, с примесью органики и талька; песка и органики; органики, шамота и талька; органики и шамота. Толщина фрагментов 4-15 мм.

В коллекции бронзовых изделий имеется обломок бронзовой проволоки.

В целом, материалы разведочных сборов с территории описанного комплекса, пунктов сборов находок, и переданных сосудов в лабораторию КГУ содержат артефакты, датирующиеся широко – от эпохи мезолита до эпохи раннего железного века. Каменные изделия относятся к эпохам мезо-неолита и энеолита. Среди керамики присутствует посуда энеолитического облика и фрагменты сосудов эпохи развитой и поздней бронзы. Отдельно хотелось бы остановиться на сосуде с довольно редким орнаментом – «уточками» (рис. 4, 9, *фото 1*). Аналогии орнамента водоплавающей птицы имеют обширный ареал – это территории Южного Урала, Зауралья и Торгайского прогиба. Сосуды с подобным орнаментом встречены на таких памятниках как Чебаркуль 1, Абселямовская (Кипарисова, 1960, с. 7-21), Суртанды VIII (Матюшин, 1982, с. 21), Путиловская Заимка, Латочка (Крижевская, 1977), Кумкешу 1 (Калиева, Логвин, 1997, с. 91, табл. IV, 51), Палатки I (Викторова, Колмакова, 2001, с. 66, рис. 2, 1), Аятское Правобережное (Ковалева, 2002, с. 19, рис. 6, 5), Ишкиновка I (Ткачев, 2005, с. 183, рис. 3, 3).

Коллекция находок, полученная в ходе раскопок, относится также к разным археологическим эпохам.

Поселение содержит материалы разных археологических периодов. При этом хотелось

бы отметить, что каменный инвентарь носит преимущественно мезо-неолитический облик, и происходит с восточной не разрушенной части раскопа, где было зафиксировано скопление каменных орудий, преимущественно пластин. Керамическая коллекция включает в себя в основном сосуда эпохи энеолита. Также отмечены фрагменты керамики синташтинского времени.

Северная и центральная часть раскопа являются, по всей видимости, могильником эпохи бронзы. На могильнике были исследованы погребения эпохи развитой бронзы, относящиеся к синташтинско-аркаимской культуре, аналогии которым достаточно широки и связаны, прежде всего, с такими могильниками как Синташта (Генинг и др., 1992), Кривое озеро (Виноградов, 2003), Танаберген II (Ткачев, 2007), Каменный Амбар-5 (Епимахов, 2005), курган 25 Большекараганского могильника (Зданович, 2002).

Сосуды, переданные в лабораторию, по всей видимости, происходят так же с могильника. Два сосуда отнесены к алакульской культуре (рис. 2, 24, 25), один синташтинского облика (рис. 2, 25).

Необходимо также отметить, что артефакты эпохи бронзы, найденные при первичном сборе находок, происходят, скорее всего, с разрушенной части могильника.

Кроме этого, на территории комплекса были найдены бронзовые наконечники стрел эпохи раннего железного века. Двухлопастной раннесакский наконечник стрелы (рис. 3, 15) относится к VI в. до н.э. (Сеитов, 2011, с. 155), трехлопастные втульчатые наконечники к савромато-сарматскому времени (рис. 4, 17, 18).

Таким образом, исследованный археологический комплекс Кульчукай 2 представляет собой могильник эпохи бронзы и разновременное поселение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коллекция каменных орудий комплекса Кульчукай 2 обработана А.В. Логвиным.

² Все антропологические определения выполнены А.В. Колбиной.

совещание: Материалы научной конференции (19–22 ноября). – Екатеринбург–Сургут, 2007. – С. 64–71.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 356 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. – Челябинск, 1992. – 408 с.

Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск, 2002. – Кн. 1. – С. 17–105.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). – Челябинск: ЮУрГУ, 2005. – Кн. 1. – 190 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до н.э. – Кустанай, 1997. – 177 с.

Кипарисова Н.П. О культурах лесного Зауралья // СА. – 1960. – № 2. – С. 7–24.

Ковалева В.Т. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // ВАУ. – Екатеринбург: Уральский ун-т, 2002. – Вып. 24. – С. 4–24.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: ЛГУ, 1977. – 128 с.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. – М.: Наука, 1982. – 326 с.

Сеитов А.М. Степи Торгая в раннесакское время: к постановке проблемы // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциальных процессов степной Евразии. – Караганды, 2011. – С. 149–158.

Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы ишкенинчинского археологического микрорайона в восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2005. – Вып. 4. – С. 182–198.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе, 2007. – 384 с.

Викторова В.Д., Колмакова В.В. Энеолитический культовый комплекс на памятнике Палатки I // XVII Уральское археологическое

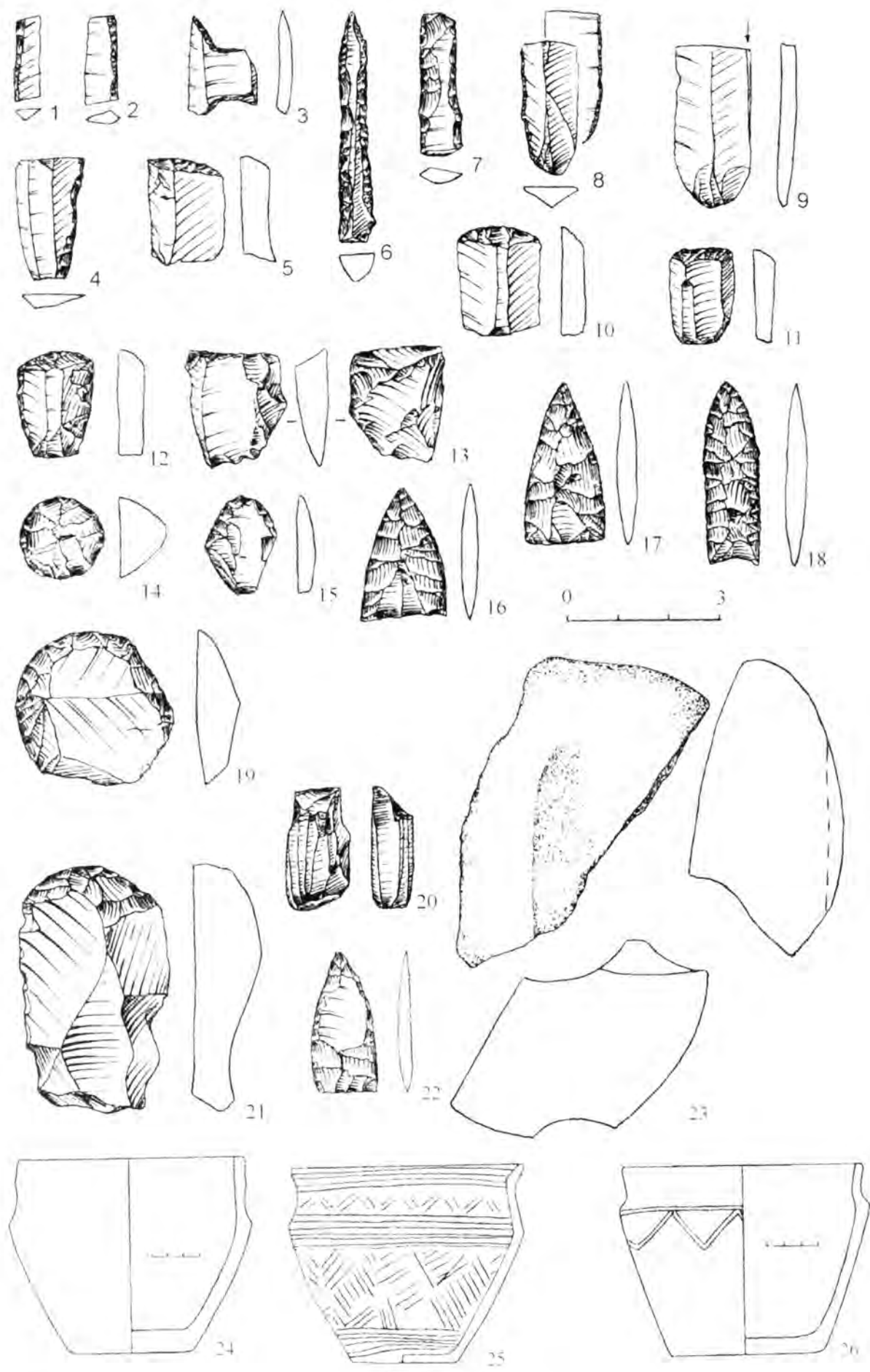

Рис. 2. Археологический комплекс Кульчукай 2. Разведочные сборы. 1–23 – камень; 24–26 – керамика

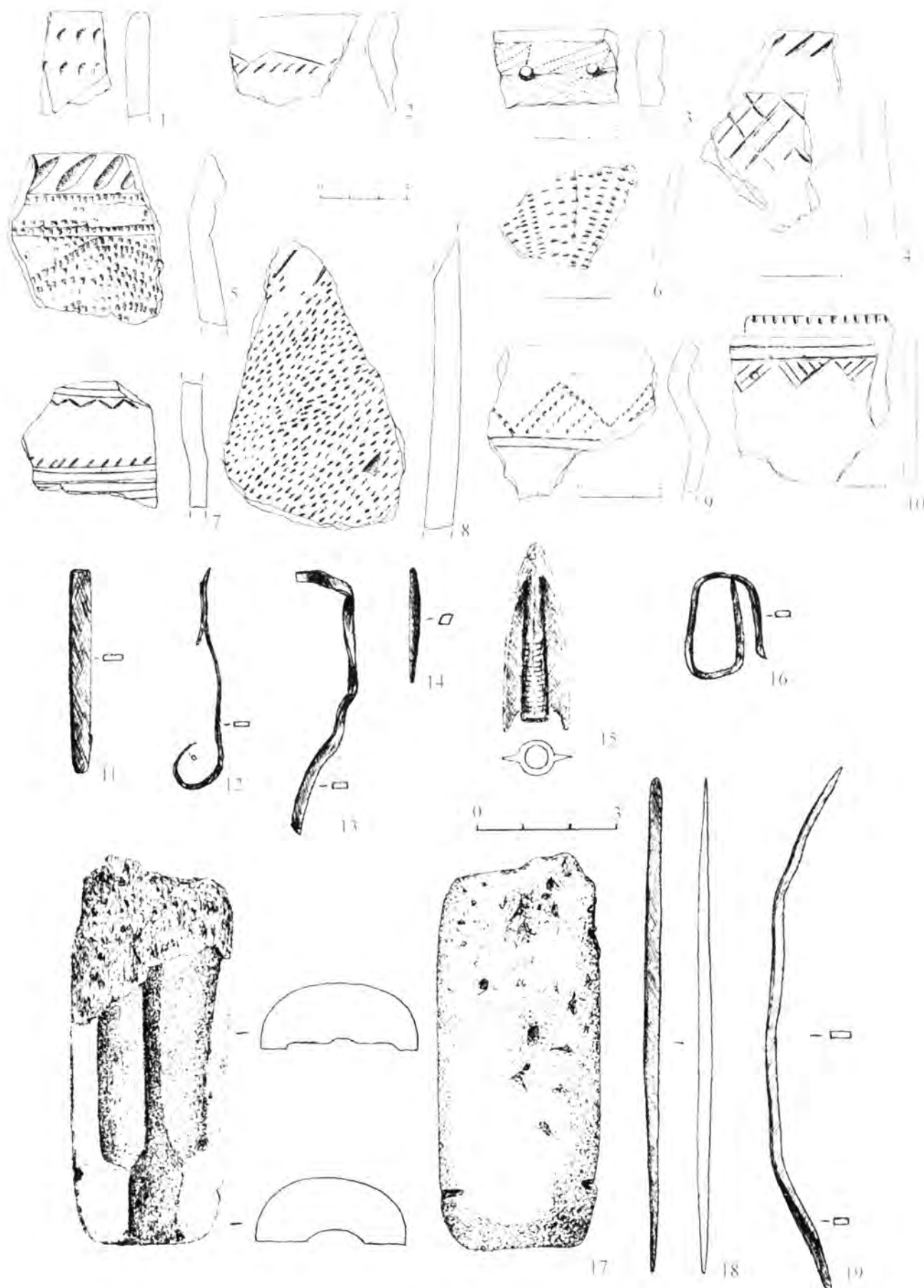

Рис. 3. Археологический комплекс Кульчукай 2.
Разведочные сборы. 1-10 – керамика; 11-16, 18, 19 – бронза; 17 – камень

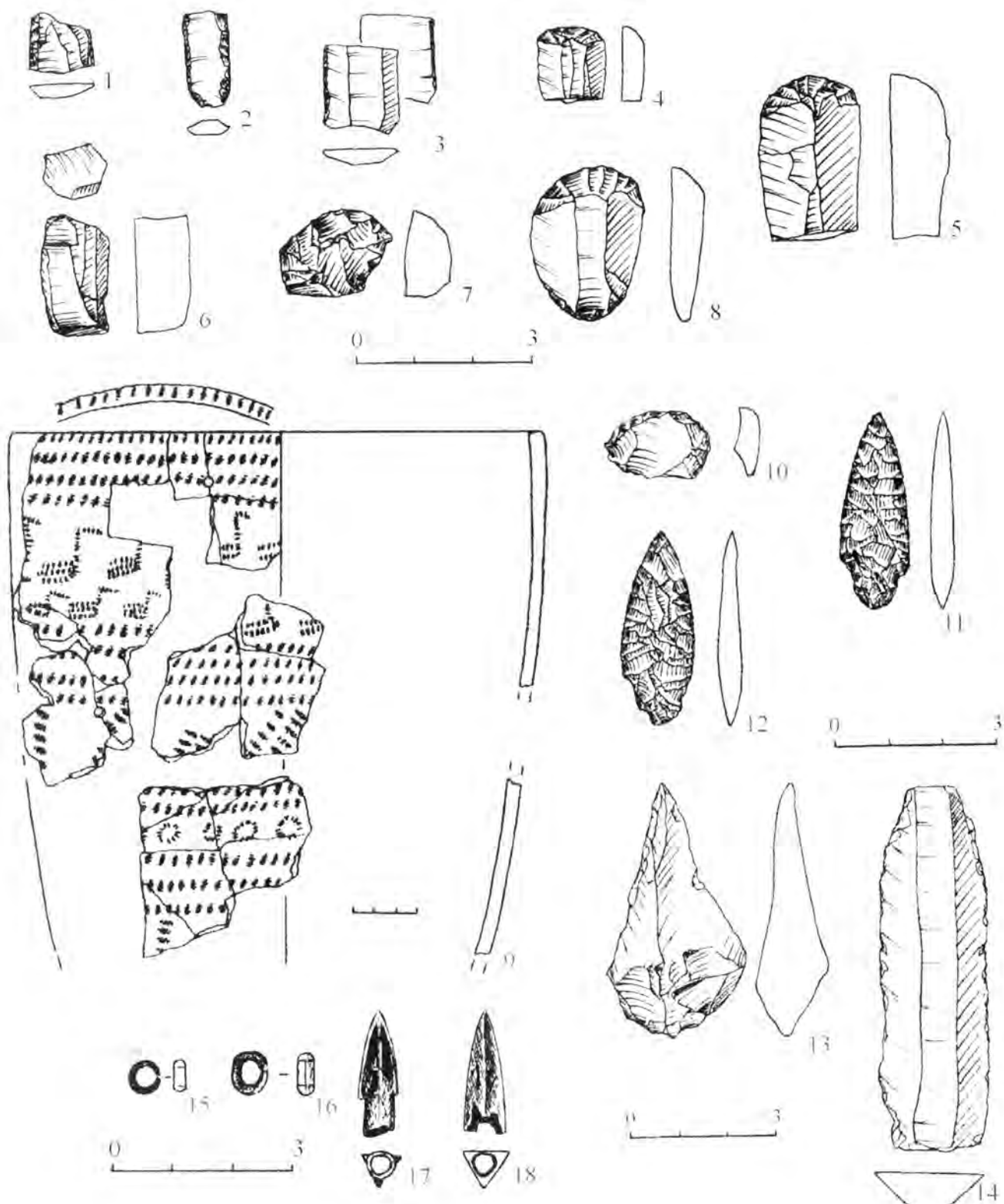

Рис. 4. Археологический комплекс Кульчукай 2. Пункты сбора находок А и В. 1-8 - пункт А; 9-14 - пункт В. 1-8, 10-14 - камень; 9 - керамика; 15-18 - бронза

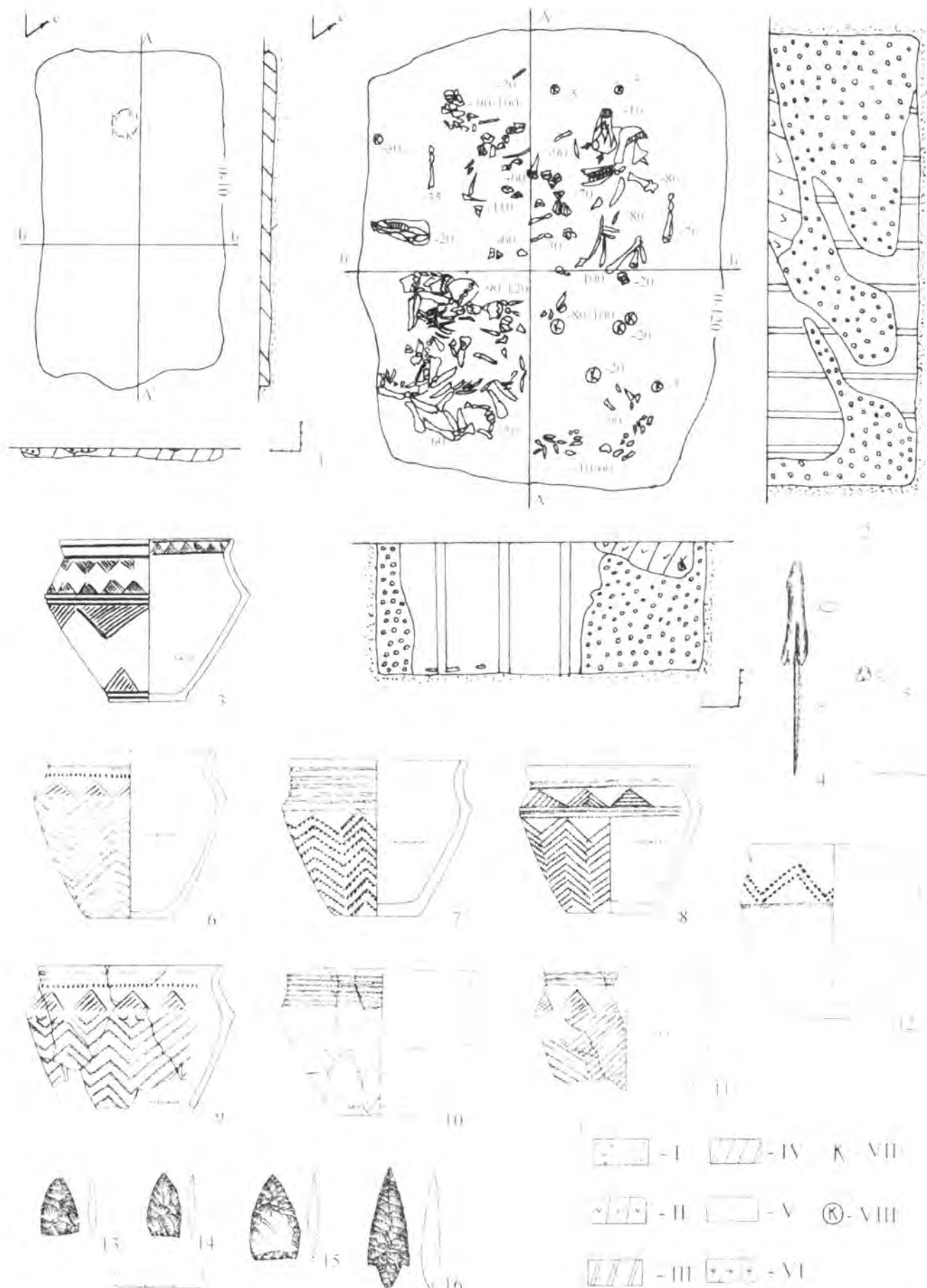

Рис. 5. Археологический комплекс Кульчукай 2. Раскоп. Могильник. 1 – план ямы № 1; 2 – план ямы № 2; 3, 6–12 – керамика; 4 – бронза; 5, 13–16 – камень; 17 – условные обозначения: I – супесь серовато-желтого цвета, II – супесь серого цвета, III – супесь темно-серого цвета, IV – супесь светло-серого цвета, V – песок желтого цвета (материк), VI – супесь черного цвета, VII – фрагмент керамики, VIII – кость животного

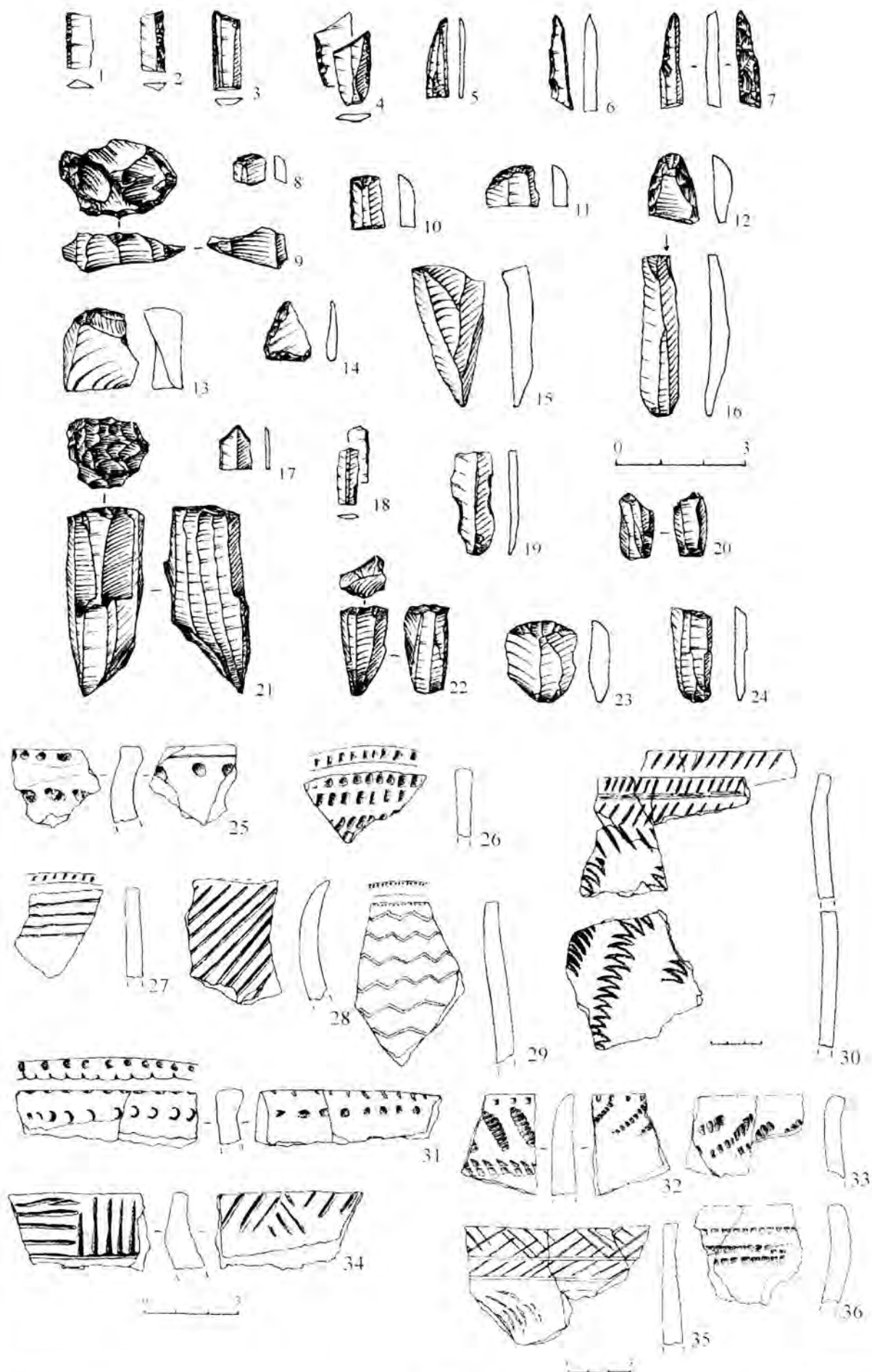

Рис. 6. Археологический комплекс Кульчукай 2. Раскоп. Поселение. 1-24 – камень; 25-36 – керамика

Фото к статье: Зайберт В.Ф., Тюлебаев А.Ж.,
Ильдеряков Н.Н., Магзумов А.М. «Основные
итоги археологических исследований по теме
«Ботай – историческая подоснова конных но-
мадов Евразии».

Фото 1. Общий вид котлована жилища на глубине 20 см

Фото 2. Общий вид котлована жилища с северной стороны на глубине 40 см

Фото 3. Общий вид котлована жилища

Фото 4. Общий вид квадрата Б-І на глубине 90 см

Фото 5. Скопление костей в юго-западном углу квадрата В-2

*Фото к статье: Зайков В.В., Бейсенов А.З., Таиров А.Д., Юминов А.М., Ткачев В.В., Коробкова В.Ф., Анкушева М.Н.
«Российско-Казахстанское сотрудничество при изучении рудников и древних золотых изделий».*

Современный вид древних рудников Куркудукской группы. Западные Мугоджары, 2007 г. В верхней части показано фото Южного карьера, со всех сторон окруженного заросшими отвалами; внизу – фото Северного карьера, в центре которого заложена современная геолого-разведочная выработка

Иллюстрация к статье: Новожинов В.А. «Древнеямные памятники Сарыарки в контексте синхронных памятников степной Евразии и наскальная изобразительная традиция».

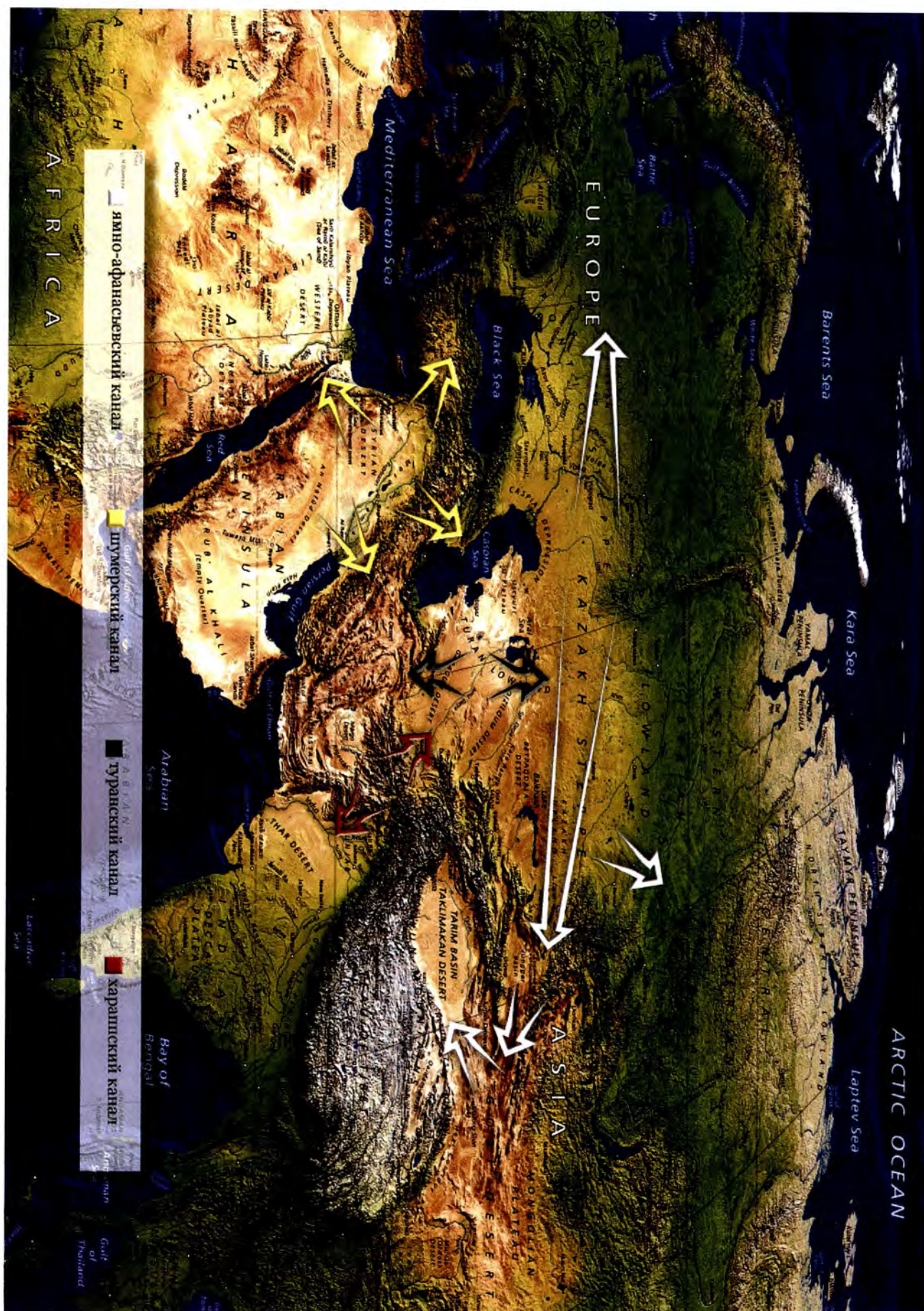

Рис. 5. Каналы коммуникации в Евразии конца IV–III тыс. до н.э.

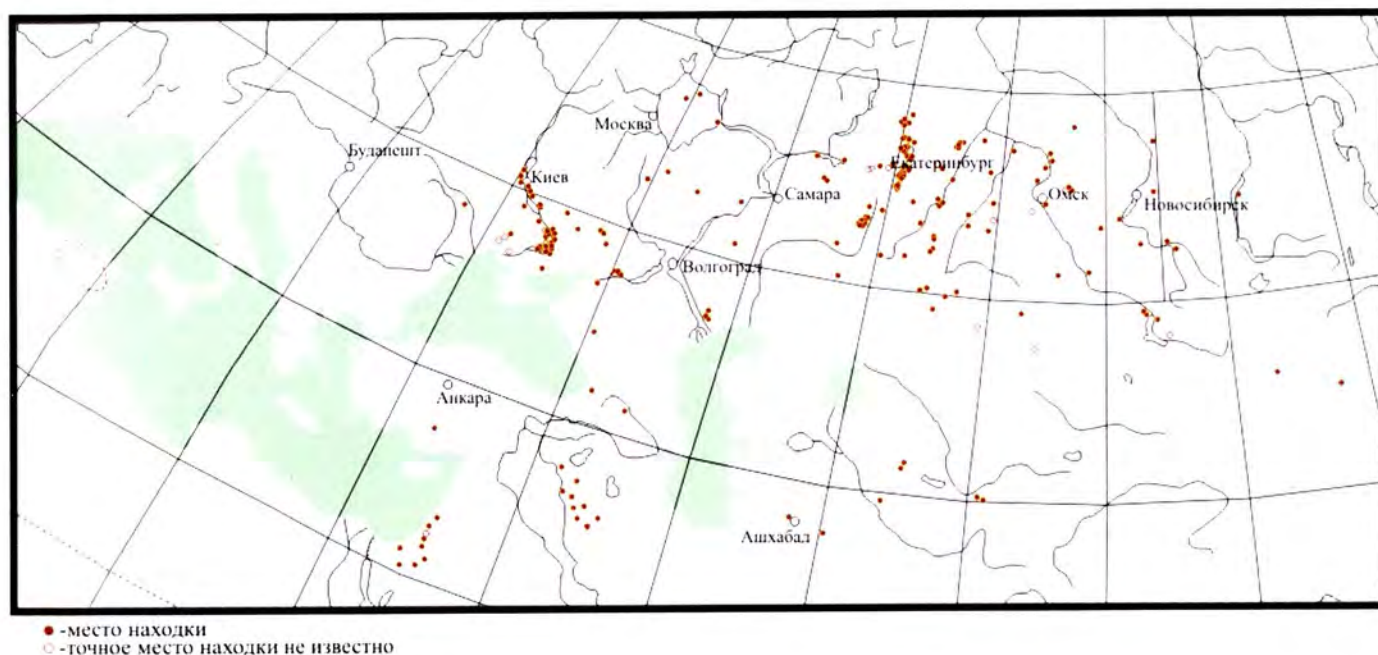

Рис. 2. Карта-схема распространения памятников с «утюжками»

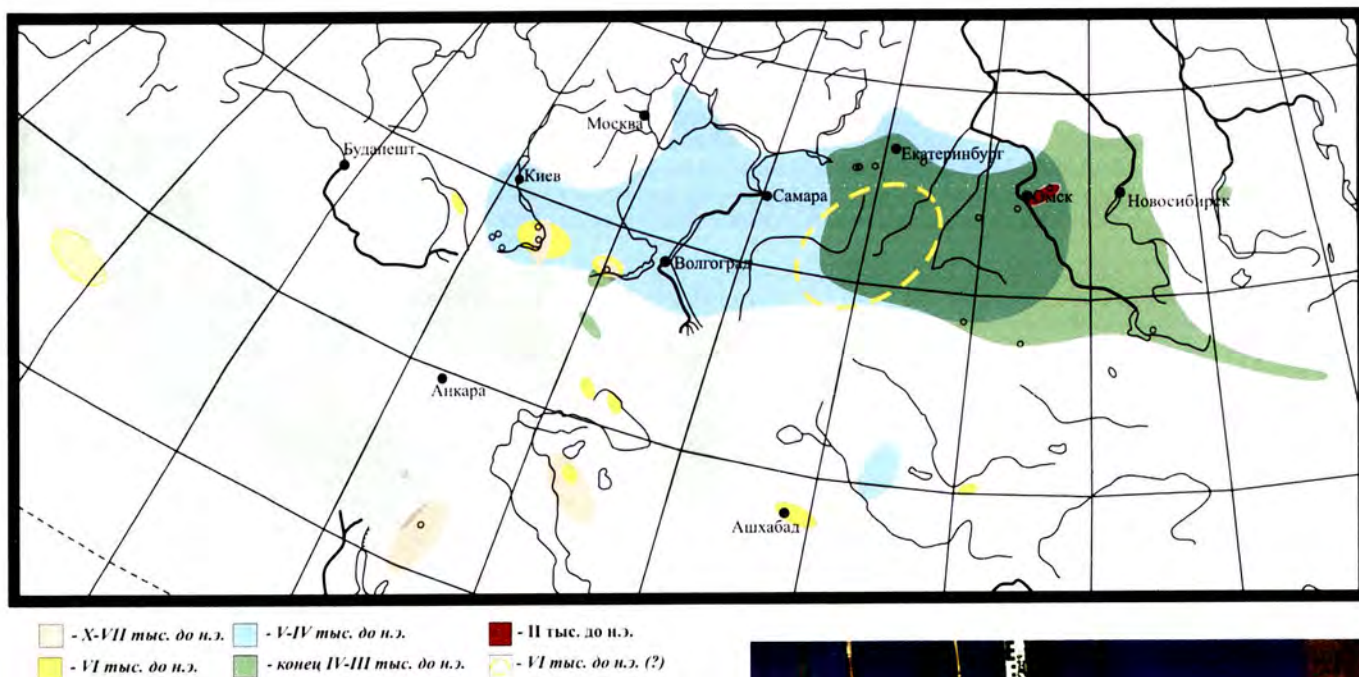

Рис. 3. Распространение «утюжков» в Евразии в X-II тыс. до н.э.

Рис. 4. Заготовки и готовые изделия

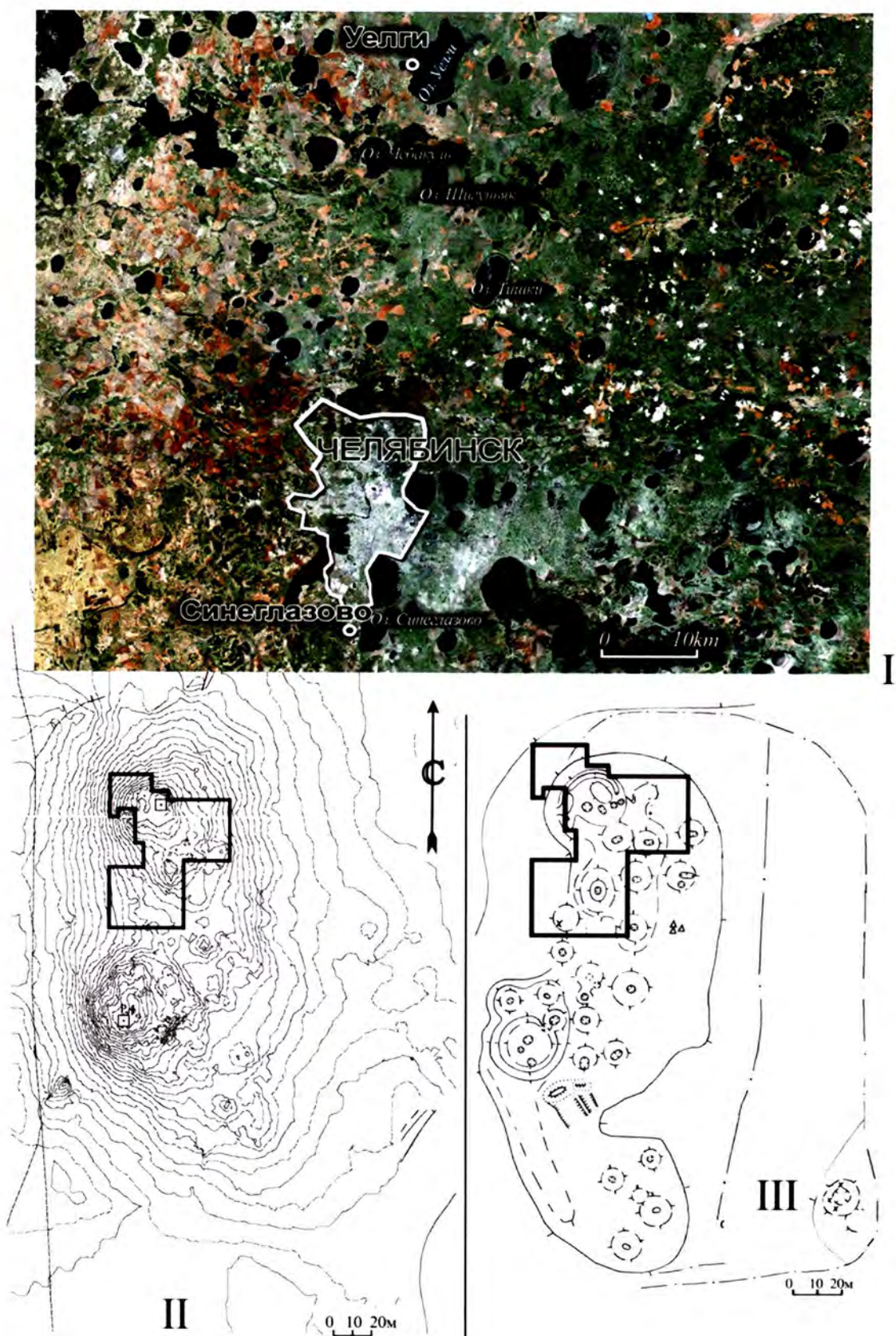

Рис. 1. Погребальный комплекс Уелги.

I – Ситуационный космоснимок. II – Топографический план с указанием границ раскопов 2010–2011 гг.

III – Глазомерный план

Рис. 2. Погребальный комплекс Уелги.
 Стилистическая группа 1. 1–47, 49–84 – серебро; 48, 85–104 – бронза

Рис. 3. Погребальный комплекс Уелги.
Стилистическая группа 2. Серебро, серебро с золотой амальгамой

Рис. 4. Погребальный комплекс Уелги.
 Стилистическая группа 3. 1, 2, 5–18, 20–23, 27–32, 34–37 – серебро с золотой амальгамой

Рис. 5. Погребальный комплекс Уелги.
 Стилистическая группа 4. 1–34 – серебро, бронза с золотой амальгамой, 35–39 – железо

Фото к статье: Кожжа М.Б. «Могила Абылая в Ханаке Ходжа Ахмеда Ясави: опыт археолого-антропологического изучения погребения казахского хана».

Рис. 5. Скульптурно-пластическая реконструкция Абылай хана, выполненная по черепу антропологом Е.Веселовской

К статье: Шохатаев О.С. «Орталық Қазақстан Ұлытау және Жаңаарқа аудандарының тас мүсіндері».

11-сурет. Айдарлы 4 тас шарбақтары (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

12-сурет. Айдарлы 6 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

13-сурет. Телжанқажы тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

14-сурет. Санғру 1 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

15-сурет. Санғру 2 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

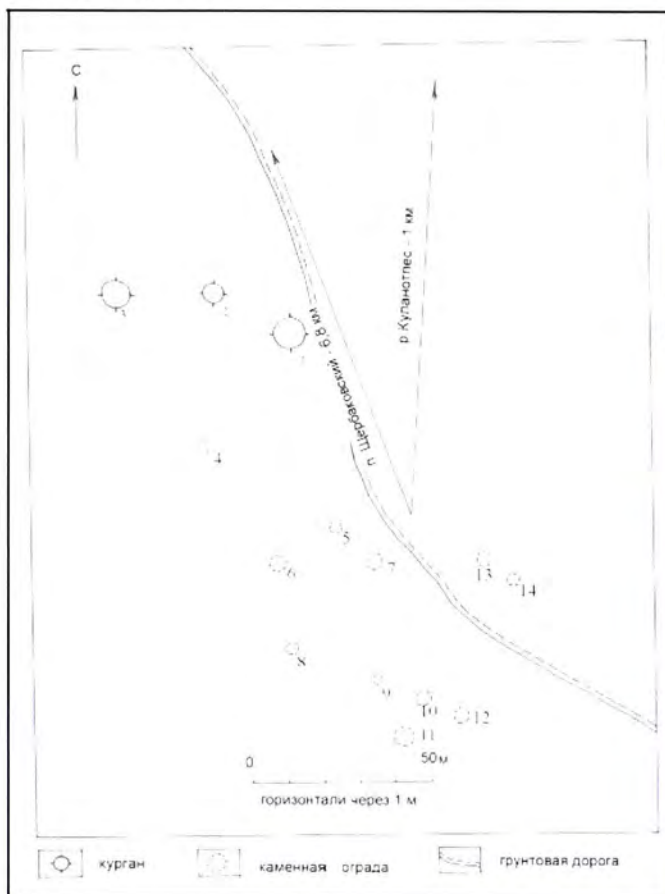
16-сурет. Сангру 3 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

18-сурет. Сангру 5 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

17-сурет. Сангру 4 тас шарбағы (Қарағанды облысы, Жаңаарқа ауданы)

К статье: Кукушкин А.И.
«Основные характеристики
археологических памятников
Нуринского района
Карагандинской области».

Фото 1. Стоянка-мастерская Жанбобек-5

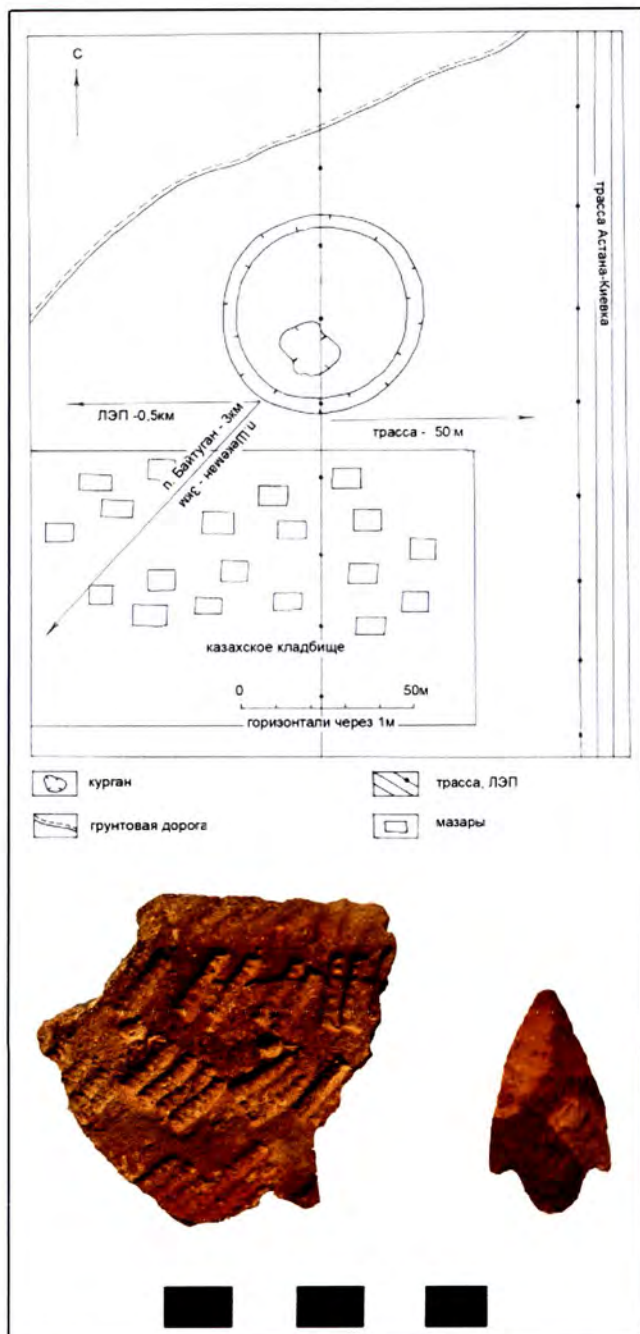

Фото 2. Стоянка Жанбобек-1. Фрагмент керамики и кремневый наконечник стрелы

Фото 4. «Пещера» Айдагарлы

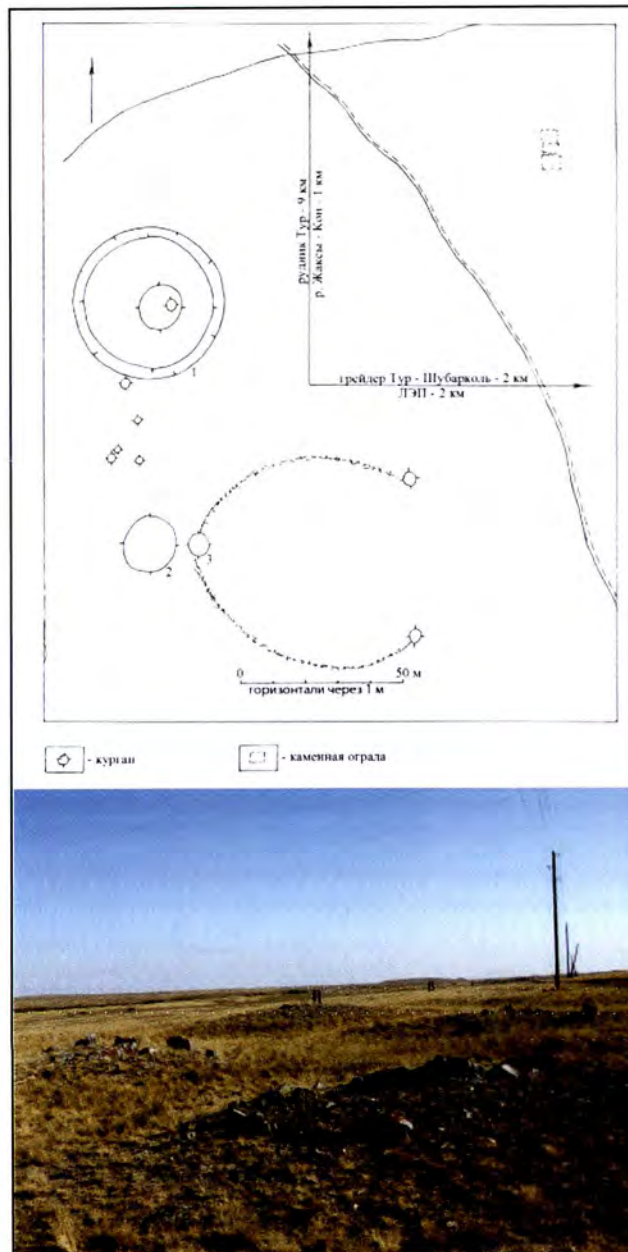

Фото 3. Могильник Талдысай 2. Эпоха бронзы

Фото 5. «Царский» курган Кызылжұлдыз

Фото 6. Курган Керей-2. Верхняя часть антропоморфного изваяния

Фото 7. Курган Аубакир 2. Ранний железный век

Фото 8. Могильник Ак-Кошкар. Эпоха средневековья

К статье: Курманкулов Ж.К., Переводчикова Е.В., Боле-
лов С.Б. «Раскопки 2011 г. на территории средневековой
цитадели городища Чирик-Рабат: новые данные о ранней
планировке».

Рис. 1. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории
цитадели. Южная часть. Вид с северо-востока

Рис. 2. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории
цитадели. Южная часть. Остатки печи. Вид с севера

Рис. 3. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории цитадели. Остатки каркасной стены в северной части. Вид с севера

Рис. 4. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории цитадели. Остатки каркасной стены в северной части. Разрез ямок. Вид с северо-запада

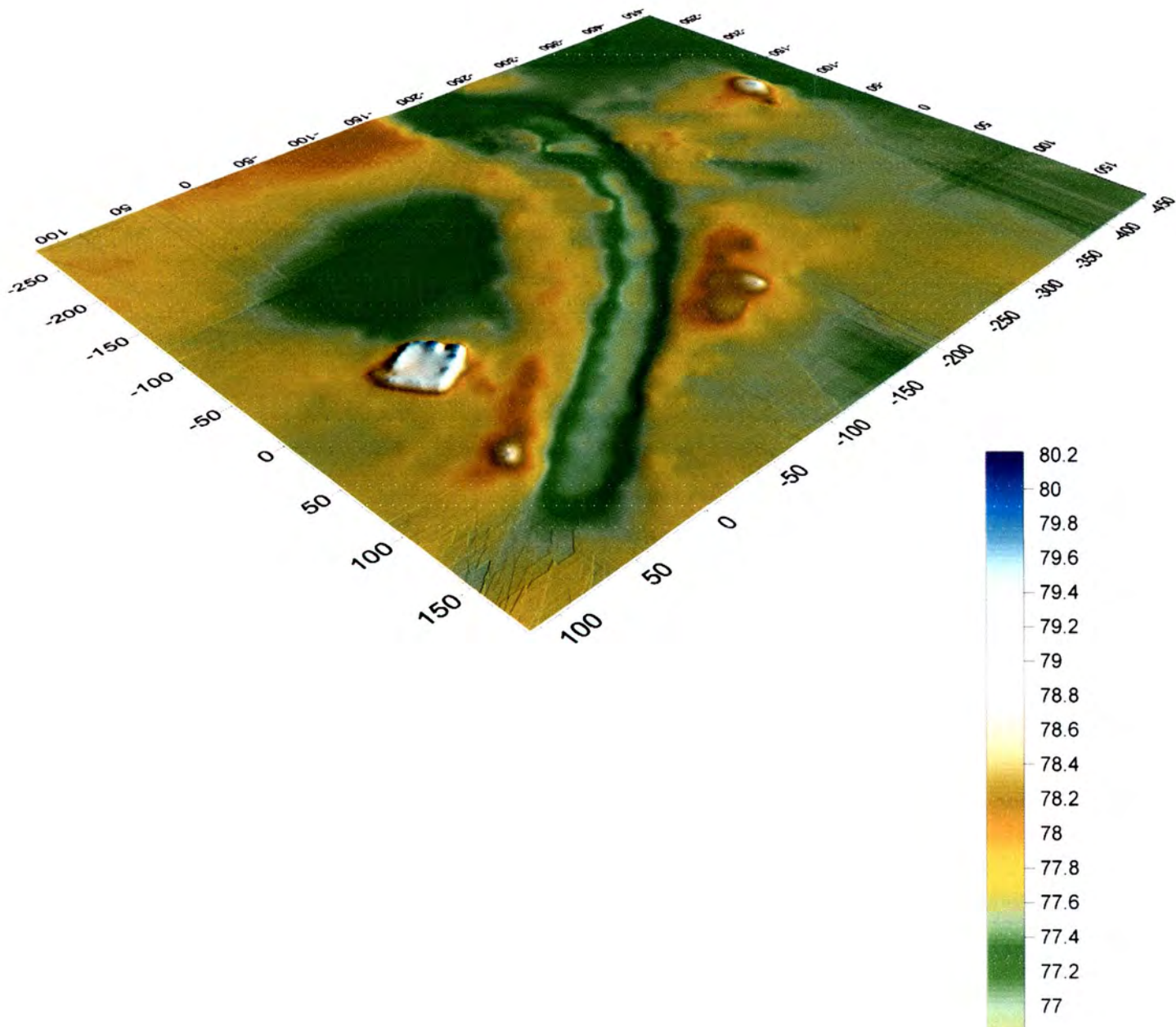
Рис. 5. Городище Чирик-Рабат. Раскоп на территории цитадели. Северная часть. Вид с ВСВ

Общий вид раскопа

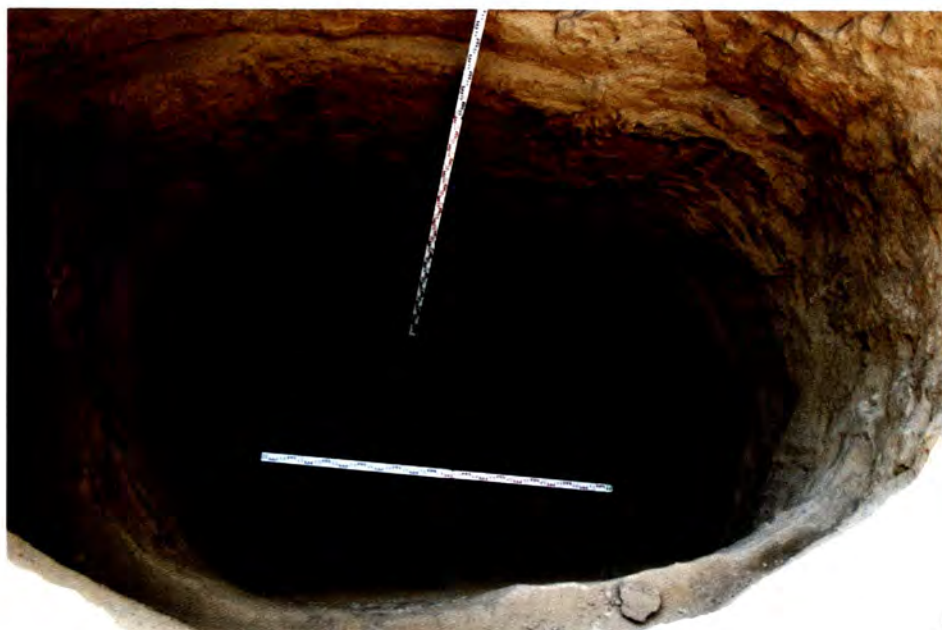

Ташнау

Трёхмерное изображение

К статье: Нұсқабай Ә. А. «2011 жылы Жамбыл ауылы маңында жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесі».

1

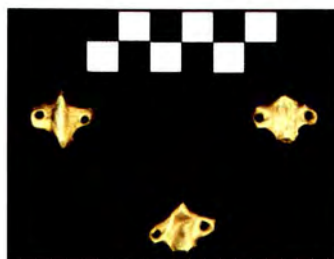

2

3

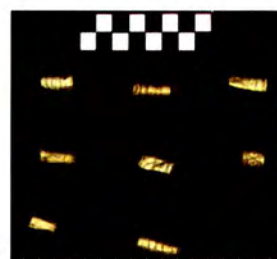
1-фото. 1 – Жамбыл №1 қорғанның қабір шұңқыры; 2 – қорғанның табылған қанжар; 3 – қыш ыдыс; 4 – алтын жапсырмалар; 5 – па-стадан жасалған моншақтар; 6 – алтыннан жасалған моншақтар

4

5

6

2-фото. Жамбыл ауылы маңындағы қорғандар тобының жалпы көрінісі

Рис. 1. Памятник Кеген-1. Вид с запада

Рис. 2. Курган № 2. Раскопы у подножия

Рис. 3. Курган № 2. Вид с запада

Рис. 4. Курган № 2. Космоснимок кургана и «лучей»

Рис. 6. Курган № 3. Вид с юго-востока

Рис. 8. Курган № 17. Вид до раскопа

*Рис. 9.
Курган № 17.
Обнаруженные в
восточной части
насыпи кости
лошади*

Рис. 12. Курган № 17. Фрагменты деревянной конструкции к западу от насыпи

Рис. 11. Курган № 17. Фрагменты деревянной конструкции к востоку от насыпи

Рис. 13. Курган № 17. Фрагменты деревянной конструкции, расчищенные после сноса бровки

Рис. 17. Курган № 27. Вид до раскопа

Рис. 21. Курган № 27, погребение № 1. Деформация черепа у погребенного

Рис. 23. Курган № 27, погребение № 3. Вид с юга

Рис. 31. Памятник, исследованный в могильнике Кеген-V. Вид после раскопа

К статье: Шевнина И.В. «Археологический комплекс Кульчукай 2».

Фото 1. Археологический комплекс Кульчукай 2. Пункт сбора находок В. Фрагмент керамики с изображением водоплавающей птицы

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР – Академия наук СССР	МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (Москва, Ленинград)
БФ АН СССР – Башкирский филиал АН СССР (Уфа)	НАВ – Нижневолжский археологический вестник (Волгоград)
ВАУ – Вопросы археологии Урала	НГУ – Новосибирский государственный университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет	НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ИА – Институт археологии	ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР	РА – Российская археология
ИА АН УССР – Институт археологии Академии наук Украинской ССР	РАН – Российская академия наук
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии	СА – Советская археология
ИАиЭ – Институт археологии и этнографии	СМ – Синташта, большой грунтовый могильник
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук	С I – Синташта, комплекс грунтовых и курганных захоронений
ИИМК – Институт истории материальной культуры	СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук (Новосибирск)
Каз. ФАН ССР – Казахский филиал АН СССР	УАВ – Уфимский археологический вестник (Уфа)
КарГУ – Карагандинский государственный университет	ФГБОУ ВПО – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт	ФИА – филиал Института археологии
КГУ – Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова	ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
КИО – культурно-историческая общность	ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН	ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры	
ЛГУ – Ленинградский государственный университет	
МГУ – Московский государственный университет	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдыканова Аида Калыдаевна – Американский университет Центральной Азии, департамент антропологии, кандидат исторических наук.

Айткали Азат Калыулы – филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, младший научный сотрудник.

Алаева Ирина Павловна – Челябинский государственный педагогический университет.

Амиргалина Гульмира Темирболатовна – научно-исследовательский археолого-этнографический центр при Кызылординском государственном университете им. Коркыт Ата, научный сотрудник.

Анкушев Максим Николаевич – Институт минералогии УрО РАН.

Арынов Куаныш Суяндыкович – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи, научно-исследовательский центр археологии.

Бахтыбаев Мэлс Маратович – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи, научно-исследовательский центр археологии.

Бейсенов Арман Зияденович – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Берсенева Наталья Александровна – Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский филиал, научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Бесетаев Бауыржан Берканович – филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, младший научный сотрудник.

Билалов Сейдали Умиртаевич – Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата.

Болелов Сергей Борисович – Государственный музей искусства народов Востока, кандидат исторических наук.

Бороффка Р. – Евразийский отдел Германского Археологического института, ГНС, Федеративная Республика Германия, г. Берлин.

Боталов Сергей Геннадьевич – Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук.

Гайдученко Леонид Леонидович – филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, главный научный сотрудник, кандидат геолого-минералогических наук.

Григорьев Станислав Аркадиевич – Института истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Дарменов Рустем Турарбекович – Научно-исследовательский центр «Археология и этнография Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата», научный сотрудник.

Епимахов Андрей Владимирович – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Южно-Уральский филиал), доктор исторических наук.

Жолдасбаев Сайден – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи, научно-исследовательский центр археологии, доктор исторических наук.

Зайберт Виктор Федорович – Научный центр археологии и культурогенеза при академии «Кокше», доктор исторических наук.

Зайков Виктор Владимирович – Институт минералогии УрО РАН, доктор геолого-минералогических наук.

Захаров Сергей Владимирович – Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, кандидат исторических наук.

Иванов Сергей Сергеевич – Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына, старший преподаватель факультета истории и регионоведения, магистр истории.

Ильдеряков Николай Николаевич – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, кафедра археологии и этнологии, магистрант.

Кариев Елдос Максатович – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, научный сотрудник

Касым Жанат Жакыпсеитұлы – академия «Кокше», ректор, кандидат физико-математических наук.

Качановская Мария Геннадьевна – Научный центр археологии и культурогенеза при академии «Кокше», магистр.

Кожа Мухтар Бахадырулы – Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясауи, доктор исторических наук, профессор.

Коробков Владимир Федорович – Актюбинский научно-исследовательский геологоразведочный институт.

Кукушкин Алексей Игоревич – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова.

Курманкулов Жолдасбек Курманкулович – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, кандидат исторических наук.

Логвин Андрей Викторович – Костанайский государственный университет им. А. Байтұрсынова, заведующий лабораторией археологических исследований.

Магзумов Арман Маратович – Научный центр археологии и культурогенеза при Академии «Кокше», научный сотрудник.

Мамедов Аслан Маликович – Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, старший научный сотрудник

Матвеев Алексей Викторович – Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля, кандидат исторических наук.

Мерц Виктор Карлович – Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, кандидат исторических наук.

Мерц Илья Викторович – Алтайский государственный университет, магистр, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии.

Мургабаев Сагынбай Серикбаевич – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи, научно-исследовательский центр археологии, научный сотрудник.

Наврот М. – Евразийский отдел Германского Археологического института, ГНС, Федеративная Республика Германия, г. Берлин.

Наглер Анатолий – Евразийский отдел Германского Археологического института, ГНС, доктор наук, Федеративная Республика Германия, г. Берлин.

Новоженков Виктор Александрович – Сарыаркинский институт археологии при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, кандидат исторических наук.

Нурмуханбетов Бекмуханбет Нурмуханбетович – Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», старший научный сотрудник.

Нурханов Бахытжан Омирханович – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясауи, научно-исследовательский центр археологии.

Нускабай Абдинур Аргынбайұлы – «Назарбаев центр», ведущий научный сотрудник, магистр.

Парцингер Герман – Фонд «Прусское культурное наследие», директор, доктор наук, Федеративная Республика Германия, г. Берлин.

Переводчикова Елена Владимировна – Государственный исторический музей, кандидат исторических наук.

Петрова Лариса Юрьевна – Центр археологических исследований, Челябинск.

Рамазанкызы Ардак – Научно-исследовательский археолого-этнографический центр при Кызылординском государственном университете им. Коркыт Ата, научный сотрудник.

- Рахимжанова Сауле Жангельдиновна – Научный центр археологии и культурогенеза при академии «Кокше», магистр.
- Самашев Зайнолла – филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, доктор исторических наук.
- Сеитов Абай Мейрамович – Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова.
- Серегин Николай Николаевич – ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и музеологии, кандидат исторических наук.
- Тажекеев Азилхан Ауезханулы – Научно-исследовательский центр «Археология и этнография Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата», кандидат исторических наук.
- Таиров Александр Дмитриевич – Южно-Уральский государственный университет, доктор исторических наук.
- Татауров Сергей Филиппович – Омский филиал ИАЭТ СО РАН, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук.
- Тихонов Сергей Семенович – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук, доцент.
- Ткачев Александр Александрович – Институт проблем освоения Севера СО РАН, доктор исторических наук, профессор.
- Ткачев Виталий Васильевич – Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ГОУВПО «Оренбургский государственный университет», кандидат исторических наук.
- Толегенов Ерлик – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, научный сотрудник.
- Тулегенов Туралы Жаксылыкович – Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», научный сотрудник.
- Тушева Елена Константиновна – Научный центр археологии и культурогенеза при академии «Кокше», магистр.
- Тюлебаев Аскербек Жамантаевич – Научный центр археологии и культурогенеза при академии «Кокше», заведующий лабораторией археологии и культурогенеза.
- Усачева Ирина Витальевна – Учреждение Российской академии наук, Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (ИПОС СО РАН), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.
- Утубаев Жанболат Раимкулович – Институт археологии им. А.Х. Маргулана, научный сотрудник.
- Ушаков Александр Матвеевич – Южно-Уральский государственный университет, аспирант кафедры древней истории и этнологии Евразии.
- Хойсснер А. – отдел антропологии Германского Археологического института, НС, Федеративная Республика Германия, г. Берлин.
- Ченченкова Ольга Петровна – Свердловский областной краеведческий музей, кандидат искусствоведения.
- Чотбаев Айдос Ербулатович – филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астана, научный сотрудник.
- Шакшаков Куаныш Гибадатович – Центр по охране и использованию историко-культурного наследия Акмолинской области.
- Шевнина Ирина Викторовна – Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, научный сотрудник.
- Шохатаев Олжас – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, магистр археологии и этнологии.
- Юминов Анатолий Михайлович – Институт минералогии УрО РАН, кандидат геолого-минералогических наук.

